

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ**

**Материалы Всероссийской научной конференции
«I Старостинские чтения: Опорные памятники
Среднего Поволжья и Прикамья
первой половины – середины I тыс. н. э.»**

**№ 1
2018**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 1 2018

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Ответственные редакторы:

докт. ист. наук **Т.Б. Никитина**

канд.ист.наук **Д.Г. Бугров**

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Боталов С.Г., д.и.н. (Челябинск); **Бугров Д.Г.**, к.и.н. (Казань); **Голдина Р.Д.**, д.и.н. (Ижевск); **Грибов Н.Н.**, к.и.н. (Нижний Новгород); **Зубов С.Э.**, к.и.н. (Самара); **Матвеева Н.П.**, д.и.н. (Тюмень); **Никитина Т.Б.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Обломский А.М.**, д.и.н. (Москва); **Ставицкий В.В.**, д.и.н. (Пенза); **Сташенков Д.А.**, к.и.н. (Самара); **Чемякин Ю.П.**, к.и.н. (Екатеринбург); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Тишкин А.А.**, д.и.н. (Барнаул); **А. Тюрк**, PhD (Будапешт, Венгрия).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive editors:

Doctor of Historical Sciences **Tatyana B. Nikitina**
Candidate of Historical Sciences **Dmitry G. Bugrov**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Victoria**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Botalov Sergey G., Doctor of Historical Sciences, (Chelyabinsk); **Bugrov Dmitry G.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Chemyakin Yuriy P.**, Candidate of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Goldina Rimma D.**, Doctor of Historical Sciences (Izhevsk); **Gribov Nikolay N.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Matveeva Natal'ya P.**, Doctor of Historical Sciences (Tyumen); **Nikitina Tatyana B.**, Doctor of Historical Sciences (Yoshar–Ola); **Oblomskiy Andrei M.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Stavitsky Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences (Penza); **Stashenkov Dmitry A.**, Candidate of Historical Sciences, (Samara); **Tishkin Aleksey A.**, Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **A. Türk** PhD (Budapest, Hungary); **Zubov Sergey E.**, Candidate of Historical Sciences (Samara).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Зубов С.Э. (Самара, Россия) История изучения памятников писеральско-андреевского типа	9
Голдина Р.Д., Лещинская Н.А. (Ижевск, Россия) О пьяноборской культурно-исторической общности	17
Красноперов А.А. (Ижевск, Россия) Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье	56
Черных Е.М., Хайруллина О.Ф. (Ижевск, Россия) Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье	87
Бернц В.А. (Ижевск, Россия) Использование блях-раковин населением Удмуртского Прикамья в III–V вв. н.э. (по материалам могильников)	108
Красноперов А.А. (Ижевск, Россия) Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала	130
Ширин Ю.В. (Новокузнецк, Россия) Хронология выявляемых культурных связей Приуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железа	178
Грибов Н.Н. (Москва, Россия) Подвязьевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.)	191
Казаков Е.П. (Казань, Россия) Щербетьский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв. н.э.	200
Валиев Р.Р. (Казань, Россия) Новый памятник «коминтерновского типа» имениковской культуры	211
Дроздова Г.И. (Казань, Россия) Описание архива П.Н. Старостина	227
Останина Т.И. (Ижевск, Россия) Удмуртский вариант имениковской культуры: итоги изучения и особенности	257
Список сокращений	293

CONTENTS

Foreword	6
Zubov S.E. (<i>Samara, Russian Federation</i>) The Research History of the Piseraly-Andreevka Type of Sites.....	9
Goldina R.D., Leshchinskaya N.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) About the Pyany Bor Culture-Historical Community	17
Krasnopeorov A.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Anachronisms in Grave Goods. Artefacts of the Pyany Bor Culture in the Mazunino Culture Burials: the changing of the times in the Kama Region	56
Chernykh E. M., Khairullina O. F. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) Boyarka (Aray) Burial Ground – a New Site of the Migrations Period in the Middle Kama Region.....	87
Bernts V.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) The Use of Shell Plates by the Population of the Udmurtia in the 3 rd – 5 th Centuries A.D. (Case Study of the Burial Grounds Data).....	108
Krasnopeorov A.A. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) The Azelino: the movement to the East. The Azelino Artefacts Eastward of their Home Area.	130
Shirin Yu.V. (<i>Novokuznetsk, Russian Federation</i>) The Chronology of the Cultural Relations between the CisUrals and the Western Siberia in the end of the Early Iron Age.....	178
Gribov N.N. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Podvyaz'ye Burial Ground in the Lower Oka Region: cultural features and chronology (the preliminary results of the excavations in 2010 and 2012–2015)	191
Kazakov E.P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Scherbet' Group of the Turbasly Imen'kovo Sites of 6 th – 7 th Centuries. A.D.	200
Valiev R.R. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) A New Site of the "Komintern Type" of Imen'kovo Culture	211
Drozdova G.I. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) The Description of P.N. Starostin's Archive.....	227
Ostanina T.I. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>) The Udmurt Variant of the Imen'kovo Culture: the results of the study and the features	257
List of abbreviations	293

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал «Археология Евразийских степей» в соответствии с политикой издания посвящает один из номеров публикации материалов по проблемам изучения археологических культур степной Евразии и сопредельных территорий первой половины – середины I тыс. н.э. Основой представляемого номера стали статьи, подготовленные по итогам Всероссийской научной конференции «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.», проводившейся по инициативе Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ 3–7 октября 2016 г. в г. Болгаре (Республика Татарстан) и приуроченную к 80-летию со дня рождения П.Н. Старостина (1936–2012), одного из крупнейших специалистов по археологии Волго-Камья I тыс. н.э.¹

На конференции обсуждались проблемы выделения и изучения памятников первой половины – середины I тыс. н.э., выполняющих функции опорных для хронологического позиционирования групп (горизонтов) древностей и их историко-культурной интерпретации, маркирующих смену традиций или населения, либо, напротив, отражающих преемственность в развитии культур. В чтениях приняли участие 24 исследователя из 15 академических и научно-исследовательских институтов, университетов и музеев 12 городов России, представившие 26 докладов. В данный номер «Археологии евразийских степей», помимо материалов выступлений, прозвучавших на I Старостинских чтениях, включены публикации исследователей, не участвовавших в конференции, представляющие интерес для развития дискуссии по важным для археологии региона проблемам.

Номер открывает работа **С.Э. Зубова** «Проблемы изучения памятников писеральско-андреевского типа: историографический очерк». Это единственный публикуемый здесь доклад из заслушанной на конференции серии, посвященной андреевско-писеральскому культурному феномену. Материалы выступлений С.Э. Зубова и О.А. Радюша «Воинская элита в погребальных комплексах I–II вв. н.э. в Западном Поволжье», попытавшихся вписать воинские погребения андреевско-писеральского типа в общую картину развития военного дела Восточной Европы в первые века н.э., и Д.Г. Бугрова и Н.С. Мясникова «Некоторые проблемы выделения «этнокультурных компонентов» памятников андреевско-писеральского типа», подвергших критике концепцию зауральских (саргатских) истоков формирования андреевско-писеральских древностей, к сожалению, в номер не были представлены².

Блок публикаций по пьяноборской и постпьяноборской тематике открывает статья **Р.Д. Голдиной** и **Н.А. Лещинской**, в которой ижевские исследователи на основании подсчета и сопоставления обширного керамического и вещевого материала, накопленного в результате многолетнего изучения памятников Волго-Камья первой половины I тыс. н.э., очередной раз доказывают единство постананьинских культур региона (кроме гляденовской) в рамках пьяноборской культурно-исторической общности, а также предлагают для пьяноборских и мазунинских памятников, ранее объединявшихся ими в чегандинскую культуру, новое наименование – «тарасовская культура»³. Несколько более сложную картину перехода от пьяноборского к мазунинскому времени представил **А.А. Красноперов** в публикуемой статье «Анахронизмы среди погребального инвентаря...». Развивают мазунинскую тему в номере публикации **Е.М. Черных** и **О.Ф. Хайруллиной** «Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи Великого переселения народов в Прикамье» и **В.А. Бернц** «Использование блях-раковин населением Удмуртского Прикамья».

Проблемы изучения постпьяноборских древностей бассейна р. Белой на I Старостинских чтениях представляли доклады С.Л. Воробьевой «Погребальные памятники II–IV вв. н.э. носителей кара-абызской археологической культуры» и А.Г. Колонских «Поселенческие памятники Уфимско-Бельского междуречья первой половины – середины I тыс. н.э.».

¹ Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдинов А.Г. Всероссийская научная конференция «I Старостинские чтения» // Поволжская археология. 2017. № 3. С.351–355.

² На конференции был заслушан также доклад В.В. и А.В. Ставицких «Андреевский курган в системе древностей начала I тысячелетия н.э.», опубликованный в виде статьи в журнале «Поволжская археология»: Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 244–258.

³ Материалы открывавшего этот блок на конференции доклада В.В. Ставицкого «Горизонтальная стратиграфия (хронопланиграфия) ранней части Тарасовского могильника», к сожалению, в номер не вошли.

Первая, добавив к известным поздним материалам Шиповского грунтового и Охлебининского некрополей результаты исследований недавно обнаруженных Юрмашского 1 и Юлуковского 1 могильников, предприняла попытку уточнить хронологию и проследить тенденции развития материальной культуры на поздних этапах (II – начало IV в. н.э.) существования кара-абызских древностей. Второй представил результаты пространственного анализа сети бахмутинских поселений в правобережье Нижней Белой, изучаемых им уже в течение ряда лет с применением различных исследовательских процедур⁴.

Различные аспекты изучения постпьяноборских памятников азелинского круга были затронуты в выступлениях Т.Б. Никитиной «Особенности азелинских памятников левобережья Волги» и А.А. Красноперова «Азелино: движение на восток»⁵. Т.Б. Никитина, привлекая материалы вятских и нижекамских могильников, опубликованные за последние 10 лет П.Н. Старостиным и Н.А. Лещинской, развивала связанные с азелинской проблематикой положения своей монографии 2002 г.⁶: вполне справедливое наблюдение о появлении азелинских памятников в междуречье Илети и Ветлуги относительно поздно и уже в сложившемся виде и мнение об отсутствии позднеазелинского компонента в Младшем Ахмыловском могильнике, нуждающееся, на наш взгляд, в серьезной верификации. Публикуемый здесь доклад **А.А. Красноперова** продолжает поднятую им в предыдущей статье (см. выше) тему контактов различных групп населения Прикамья – на этот раз на азелинском и мазунинском материале и не столько в «вертикальном» (хронологическом, этапном), сколько в «горизонтальном», географическом плане.

Аналогичные проблемы, но, с одной стороны, на более широком фоне трансуральских контактов, а с другой – на более узкой категории находок (предметах художественного литья), рассматривает **Ю.В. Ширин** в представленных в номере материалах доклада «Хронология выявляемых культурных связей Предуралья и Западной Сибири в конце эпохи раннего железного века».

Из трех выступлений, посвященных истории исследования и проблемам культурно-хронологической интерпретации ключевых для эпохи Великого переселения народов в Волго-Уральском регионе памятников, публикуется только работа **Н.Н. Грибова** об исследованиях Подвязьевского могильника, материалы которого позволяют наглядно проследить развитие погребального обряда и материальной культуры населения Нижней Оки от «кошибеевского» (раннего рязано-окского?) до безводнинско-ахмыловского времени. Доклады М.Л. Перескокова и В.В. Мингалева «Мокинский могильник – опорный памятник эпохи Великого переселения народов Пермского Прикамья» и И.О. Гавритухина и А.А. Красноперова «К интерпретации Тураевских курганов» являются частью продолжающихся исследовательских проектов, и авторы, по-видимому, рассчитывают на последующую более фундаментальную публикацию их результатов.

Кочевническим (или причисляемым к ним) древностям Поволжья постгуннского времени были посвящены сообщение Н.А. Лифанова «Алексеевское погребение и проблема памятников «авиловского» типа», смело объединившего в сквозную линию развития, обусловленную, по его мнению, неким культурным единством, 11 весьма разнородных по погребальному обряду и инвентарю комплексов, разбросанных географически по всему Среднему и Нижнему Поволжью, а хронологически – в диапазоне от конца IV до середины VII вв., а также доклад И.Л. Измайлова (в соавторстве с А.С. Мухаметшиной) «Бураковское погребение: к проблеме датировки и историко-культурной интерпретации», в котором очередной раз предпринята попытка придать набору недокументированных находок статус закрытого комплекса и некое

⁴ Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 59–82.

⁵ Представленный в этом же блоке стендовый доклад Н.А. Лещинской «Новый археологический источник по «постазелинскому» горизонту древностей в бассейне р. Вятки» опубликован в материалах XX УАС: Лещинская Н.А., Сенникова Л.А. Археологический штрих к раннесредневековой карте памятников бассейна р. Вятки // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. С. 235–240.

⁶ Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

этнополитическое наполнение, сближающее его, по мнению докладчика, с комплексами уровня Малой Перещепины и Вознесенки.

Отдельный блок выступлений был посвящен проблемам изучения именьковской и связанных с ней культур. В издании эта серия представлена статьей **Е.П. Казакова** «Щербетский комплекс турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв. н.э.», в которой «племенным центром всего турбаслинско-именьковского населения Нижнего Прикамья» несколько априорно, на наш взгляд, объявляется двуслойное (именьковское и болгарское) городище, культурно–хронологическая привязка укреплений которого крайне проблематична, а также публикацией **Р.Р. Валиева** «Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры». К сожалению, не попали в номер материалы Ю.А. Семькина, А.Г. Борисова и Н.А. Горбунова «Новые памятники черной металлургии раннего средневековья в Ульяновском Поволжье», в которых сопоставлялось распространение источников сырья и памятников со следами производства железа именьковского времени в Волго-Свияжском междуречье, и Д.А. Сташенкова «Культурные группы оседлого населения Среднего Поволжья III–IX вв.», содержащие обзор изменений этнокультурной ситуации от позднесарматского до хазарского времени на территории Самарской Луки и в Волжском левобережье. Отложена до завершения проекта и подготовки итоговой монографии публикация результатов междисциплинарных исследований уникального комплекса памятников в Ульяновском Предволжье, представленных в докладах Д.А. Петровой «Комаровский грунтовый могильник: итоги исследований 2013–2016 гг.» и Н.П. Салугиной «Технология изготовления керамики Комаровского могильника (предварительные результаты)» и в обобщающем сообщении Л.А. Вязова «Памятники позднего этапа именьковской культуры». В номере именьковский блок завершается статьей **Т.И. Останиной** «Удмуртский вариант именьковской культуры: итоги изучения и особенности».

Материалы доклада **Г.И. Дроздовой** «П.Н. Старостин: к 80-летию со дня рождения (по материалам Научного фонда Музея археологии РТ)», в свое время открывавшего конференцию, представлены в номере в формате описания личного архива П.Н. Старостина. Публикация маркирует этап продолжающейся важной работы по систематизации научного наследия Петра Николаевича и, хотя содержит подробное описание только научно-исследовательских материалов архива, несомненно, будет полезна для работы не только специалистам по археологии I тыс. н.э.

Бугров Д.Г., Вязов Л.А., Ситдигов А.Г.

УДК 902/904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПИСЕРАЛЬСКО-АНДРЕЕВСКОГО ТИПА

© 2018 г. С.Э. Зубов

Статья посвящена истории изучения памятников писеральско-андреевского типа, рассмотрению особенностей погребального обряда и точек зрения авторов раскопок, касающихся хронологизации погребальных комплексов указанного типа памятников и проблем этнокультурной интерпретации.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, Среднее Поволжье, писеральско-андреевский тип памятников, Писеральские курганы, Андреевский курган, Староардатовский курган, Климкинские курганы, Сергачский могильник, Пильнинские могильники, погребальный обряд, хронология.

В истории большинства регионов Восточной Европы бывали такие факты, явления и события, без анализа сущности которых просто невозможно понимание дальнейшего событийного ряда.

Для районов Средней Волги таким событием стало появление памятников писеральско-андреевского типа на заключительном этапе раннего железного века. Это время характеризуется значительными этнокультурными подвижками и, как следствие, формированием новой исторической картины Восточной Европы. Первые века нашей эры явились преддверием формирования средневековых этносов Поволжья.

То, что для региона Среднего Поволжья население, оставившее памятники писеральско-андреевского типа, было пришлым – факт общепризнанный большинством специалистов. Но существуют другие, обсуждаемые и донныне проблемы: откуда (из какого района) оно мигрировало, в каком регионе происходило сложение его культурной основы, какие элементы культуры других народов оно в себя впитало?

Памятники первых веков нашей эры в Нижнем Посурье Волго-Окского междуречья были открыты в 1958 г. А.Х. Халиковым в результате исследования небольшой курганной группы у д. Писералы Горномарийского района Марийской АССР (ныне Республика Марий Эл) (Халиков, 1962, с.116–138). В ходе раскопок было изучено 5 курганов, содержащих 21 погребение. Исследователь сразу же отметил необычность этого некрополя среди памятников железного века Поволжья и Прикамья и датировал его II–III вв. н.э. Появление Писеральских курганов А.Х. Халиков связывал с инфильтрацией в правобережные районы Среднего Поволжья пьяноборского населения, что подтвержда-

лось им также рядом находок этого типа от р. Суры до Казанского поворота Волги (Халиков, 1962, с. 133–138). Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили автору раскопок сделать предположение о совершении части захоронений (10 из 20) на уровне древней поверхности, а другие захоронения располагались в неглубоких (20–70 см) могилах. Исследователь указывает, что над каждым из погребений сооружалась небольшая насыпь, над которыми впоследствии возводилась общая курганная насыпь (Халиков, 1962, с. 134).

Следует отметить, что в научных кругах того времени добротная публикация этого уникального во всех отношениях памятника не вызвала особого отклика до нового открытия – Андреевского кургана.

В 1958 г. в Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР учителем школы с. Андреевка М.Н. Крючковым были переданы археологические находки из кургана, собранные в результате разрушения могил при рытье картофельной ямы. В числе этих находок были пряжки, скулгамы, палаш и фибула «Aucissa» (Степанов, 1980, табл. 37). Последняя являлась достаточно надежным хроноиндикатором и соотносила находки из разрушенных могил с I в. н.э.

Лишь в 1963 г. П.Д. Степанов приступил к раскопкам Андреевского I кургана, расположенного вблизи с. Андреевка в Большеигнатовском районе Мордовии, которые были завершены в 1964 г. (Степанов, 1964, с. 206–267; Степанов, 1980). К началу исследования насыпь кургана была потревожена многолетними распашками, ее диаметр составлял около 30 м при высоте 0,6 м. Она состояла из чернозема, уровень днев-

ной поверхности которого составлял около 0,2 м от материка. При раскопках 1963 г. для снятия насыпи использовался бульдозер, «работа которого была прекращена при появлении первых захоронений как в южной, так и в северной части кургана». Использование землеройной техники автором раскопок было признано неудовлетворительной, поэтому в 1964 г. доисследование кургана проводилось вручную, методом кольцевого перекидывания грунта. Однако и этот метод не оправдал себя, в результате чего определенные площади кургана были раскопаны не полностью. Конечно же, подобная методика не могла не сказаться на качестве раскопок, что вполне осознавал сам исследователь. В частности, он отмечал, что «небольшие площади кургана не были обследованы до грунтовой глины» (так исследователь называл материковый слой – С.3.) в связи с чем «можно предполагать, что могил было больше» (Степанов, 1964, с. 206; Степанов, 1980, с. 5). Думаю, что и планиграфическая фиксация могильных ям при использовании методики кольцевого перекидывания грунта далека от совершенства. Необходимо также отметить приблизительность или отсутствие в описании погребений отметок глубин залегания находок и костяков погребенных. У значительного числа погребений, впущенных в насыпь кургана, не выявлены контуры могильных ям. Поэтому размеры таких могил были даны приблизительно, по расположению находок. К тому же насыпь кургана была значительно потревожена норами землероев, в результате деятельности которых некоторые находки и кости скелетов могли быть существенно смещены. К этому следует добавить разрушения, произведенные в 1958 г. при рытье картофельной ямы. По рассказу очевидцев было разрушено около четырех погребений.

В результате этого процесс возведения насыпи Андреевского 1 кургана достаточно определенно П.Д. Степановым не был выявлен. Стратиграфической фиксации насыпи кургана не проводилось или, по крайней мере, до нас не дошли какие-либо свидетельства проведения этой работы. Бесспорно, первой была сооружена центральная могила 25, но была ли над ней возведена первоначальная насыпь или нет – точно не прослежено (Степанов, 1980, с. 13). Сам автор раскопок не последователен в этом вопросе. В одном случае он считает, что сначала был возведен курган над основной центральной могилой, в

полы которого по кругу были введены остальные грунтовые погребения (Степанов, 1980, с. 5), в другом – допускает покрытие единой насыпью всех грунтовых могил в один прием (Степанов, 1964, с. 220; Степанов, 1980, с. 13). А уже после сооружения кургана в насыпь были совершены впускные погребения более позднего времени.

В процессе работы над материалами и дневниками раскопок Андреевского кургана стали видны определенные несоответствия в критериях выделения П.Д. Степановым погребений как объекта погребально-ритуальных действий. Наиболее наглядно это прослеживается при оценке исследователем количества выявленных могил и содержащихся в них захоронений: в предварительной публикации 1964 г. – «вскрыто 50 могил», «расчищено 56 захоронений» (Степанов, 1964, с. 207), в монографическом исследовании, опубликованном в 1980 г. уже после смерти П.Д. Степанова (1898–1974 гг.) – «вскрыты 52 могилы», в которых было «обнаружено 59 захоронений» (Степанов, 1980, с. 3, 5).

Научно-исследовательская работа над памятником требует пересмотра опубликованных данных, которые нередко базируются на недоразумениях. Это тем более актуально, поскольку многие исследователи, обращаясь к материалам Андреевского кургана, принимают как аксиоматическую данность положения монографической работы 1980 г. В то же время уже отмечалось сомнение в точности планиграфической фиксации могильных ям Андреевского 1 кургана при использовании метода «перекидушек» при полном отсутствии стратиграфических наблюдений. Именно поэтому следует с большой осторожностью относиться к плану внутрикурганного пространства при реконструкциях очередности совершения погребений на памятнике (Ставицкий, 2017, с. 245).

Скруплезный анализ погребальных комплексов Андреевского кургана, проведенный В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым, позволил нам рассмотреть те случаи, когда выделение погребений носит проблематичный характер (Гришаков, Зубов, 2009, с. 11–16). По нашему мнению П.Д. Степановым в Андреевском кургане было изучено достоверных 45 могил, содержащих 51 захоронение, в том числе одно погребение – коллективное с останками 4 захоронений, три погребения – с парными захоронениями. Из этого числа как минимум четверо погребенных (23, 25–4, 39, 51) имеют подчиненное значение (Гриша-

ков, Зубов, 2009, с. 16). Из 51 захоронения 30 относятся к мужским, 15 – к женским и 6 захоронений неопределенного пола. Обращает на себя внимание значительное преобладание мужских захоронений над женскими. Следует отметить, что данное количество погребений не носит абсолютный характер, поскольку, как уже указывалось выше, примерно четыре могилы были разрушены при рытье картофельной ямы в 1958 г., да и самим П.Д. Степановым отмечалась возможность большего количества могил из-за недоисследованности небольших площадей кургана до материка.

Практически сразу после окончания археологических полевых работ исследователь опубликовал материалы Андреевского кургана в виде предварительного сообщения, которое, несмотря на небольшую вводную часть, содержало подробный дневник раскопок, наиболее близкий к оригиналу отчета (Степанов, 1964, с. 206–267). Уже тогда П.Д. Степанов отметил чрезвычайную близость «андреевских вещей к писеральским находкам», что «заставляет считать оба памятника, входящими в круг одной культуры, однако при племенном различии...» (Степанов, 1964, с. 220). Вместе с тем, в отличие от датирования Писеральских курганов А.Х. Халиковым II–III вв. н.э., он датировал материалы впускных погребений I–II вв. н.э., а грунтовых – ранее рубежа нашей эры (Степанов, 1964, с. 219–221). В декабре этого же года свою точку зрения на этнокультурный характер памятника, содержащего четыре компонента – позднегородецкий, пьяноборский, сарматский и древнемордовский, – исследователь подтвердил на научной сессии по этногенезу мордовского народа, состоявшейся в Саранске (Степанов, 1965, с. 47–52). Именно здесь постулируется древнемордовская принадлежность населения, оставившего этот интересный во всех отношениях памятник.

Не вдаваясь в оценочные характеристики этнокультурных построений автора раскопок – это работа ближайшего будущего – хочу отметить весьма противоречивое разделение выявленных могил П.Д. Степановым на «грунтовые» и «впускные». Под грунтовыми подразумевались погребения, впущенные в материковую глину, а впускные относились к тем захоронениям, которые находились в насыпи кургана. Не вдаваясь в подробности авторской терминологии и последовавшей за ней путаницы, хочу отметить, что подобное разделение явилось крайне неудачным, а некоторые исследователи на основании этого

деления даже предположили существование двух самостоятельных могильников в одном кургане, «оставленных разными группами населения и относящихся к разному времени» (Смирнов, 1992, с. 3)

В 1965 г. П.Д. Степанов раскопал курган № 2, который располагался в 0,3–0,4 км к юго-востоку от кургана № 1; в нем исследователем не было обнаружено следов захоронений. П.Д. Степанов, несмотря на обнаруженный под насыпью развал сосуда с псевдорогожными отпечатками, ссылаясь на письменные источники XVII в., предпочел трактовать курган как ритуальный памятник позднесредневековой мордвы. Соответственно, материалы не были опубликованы и интерпретированы на фоне памятников писеральско-андреевского круга.

В 1967 г. П.Д. Степановым был исследован еще один памятник круга писеральско-андреевских древностей – курган около с. Старое Ардатово Ардатовского района Мордовии, единственное погребение которого он соотнес с грунтовыми погребениями Андреевского кургана (Степанов, 1974, с. 70–72). Диаметр насыпи Староардатовского I кургана к моменту исследования его П.Д. Степановым составлял 20 м при высоте 0,5 м. Учитывая неудачный сценарий археологического изучения Андреевского кургана, раскопки Староардатовского кургана велись вручную траншеями, которые были разделены на квадраты.

Судя по приведенному в отчете стратиграфическому разрезу, мощность насыпи составляла 0,5 м, погребенной почвы – около 0,6 м. На уровне дневной поверхности были зафиксированы два мощных материковых выкида из могилы, обнаруженной в центре кургана. В плане могила имела подквадратную форму, вытянутую по линии СЗ-ЮВ, длиной 2,6 м при ширине 1,9–2,0 м. На глубине 1,2 м от верха кургана (0,7 м от уровня погребенной почвы) были обнаружены отпечатки поперечных плашек и следов древесного перекрытия, опирающегося на широкие (около 0,60–0,65 м) продольные материковые плечики. Погребальная камера имела в длину 2,6 м при ширине 0,7 м и глубине дна 2,3 м от верха кургана.

В могиле был захоронен мужчина-воин. Погребенный был положен на спине головой к юго-востоку с вытянутыми вдоль туловища руками. Под костяком прослежена подстилка из продольно расположенных деревянных плашек. Сверху он был покрыт лубом. При

погребенном находился вещевой материал, позволяющий связать его с древностями писеральско-андреевского типа и датировать его примерно серединой I в. н.э. (Гришаков, 2000, с. 52–53; Гришаков, Зубов, 2009, с. 65).

Интересно, что это погребение являлось впускным в древний курган эпохи бронзы. В этой связи закономерно возникает вопрос. Не могли ли «андреевцы» также использовать древнюю насыпь для захоронения своих сородичей? Ведь огромная центральная могила 25 Андреевского кургана могла полностью разрушить более древнее захоронение. Такое соображение возникло в связи с топографической схожестью расположения курганов – на господствующей высоте водоразделов.

На следующий год П.Д. Степанов предпринимает раскопки селища, расположенного близ Андреевского кургана. Памятник располагается в 0,6–0,7 км к востоку-юго-востоку от кургана № 1 и в 0,5 км к востоку-северо-востоку от кургана № 2. Культурный слой мощностью до 0,3 м был сильно потревожен ежегодной распахкой. Концентрация подъемного материала фиксировалась на площади около 6000 кв. м (Степанов, 1974, с. 76), хотя, безусловно, первоначальная территория памятника была существенно меньше. Поселение исследовалось 7 траншеями общей площадью 164 кв. м. Следов каких-либо сооружений на памятнике не выявлено (Гришаков, Зубов, 2009, с. 57).

Археологические исследования показали, что селище использовалось населением, оставившим одноименный некрополь (Степанов, 1964, с. 246; Степанов, 1974). К сожалению, никаких отчетных материалов и публикаций по этому поводу нет, кроме выжимки из шести строк по отчету аспиранта Ю.Б. Степашкина (Степанов, 1964), который найти не удалось. В.В. Гришаковым и С.Э. Зубовым Андреевскому селищу была посвящена небольшая глава монографии (Гришаков, Зубов, 2009, с. 57–61), где его материалы были отнесены к середине – третьей четверти I в. н.э. и указывалась несомненная связь этого археологического объекта с Андреевским I курганом (Гришаков, Зубов, 2009, с. 61).

Здесь следует отметить, что С.Э. Зубовым в 2015 г. был произведен визуальный осмотр местности и на поверхности пашни были тщательнейшим образом зафиксированы все обнаруженные фрагменты керамики. Их нанесение на картографический материал дало локализацию находок на площади

20x50 метров. При этом распространение находок в длину соотносилось с направлением распахки. Таким образом, до запланированных новых археологических раскопок можно предварительно определить это местонахождение как ритуальную площадку, расположенную в непосредственной близости от курганных насыпей. Небольшие размеры площадки с находками и само ее расположение на водоразделе вдали от водотоков позволяют усомниться в справедливости отнесения данного участка к селищу и требует дополнительной проверки археологическими методами. Учитывая большое количество траншей, которыми исследовалась территория с распространением подъемного археологического материала, можно предположить, что траншеи закладывались в местах наибольшего скопления керамики, которые маркировали одну или несколько ритуальных площадок.

Параллельно с полевыми исследованиями П.Д. Степанов вел большую работу по интерпретации полученных артефактов. В последующие годы П.Д. Степанов выпустил ряд небольших заметок по отдельным артефактам памятника (Степанов, 1969; Степанов, 1973). Тогда же римские импорты из Андреевского кургана привлекли внимание исследователей (Кропоткин, 1969; Кропоткин, 1970; Генинг, 1970; Шилов, 1972; Шилов, 1975). И, наконец, в 1980 г., уже после кончины П.Д. Степанова, вышла в свет обстоятельная монография автора с расширенной интерпретационной частью андреевских материалов, в которой была представлена его откорректированная концепция. В частности, автор соотносит сооружение кургана и его грунтовые погребения с вторжением в местную среду «конников-завоевателей савромато-сарматского происхождения». Во впускных же погребениях были похоронены «...люди времен городищной культуры, но воспринявшие и переработавшие элементы культуры ананьинских и пьяноборских племен, то есть создатели древнемордовского культурного комплекса» (Степанов 1980, с. 46–47). В дальнейшем именно андреевские погребальные комплексы, достаточно хорошо документированные, стали эталонными для разработок периодизации и хронологии писеральско-андреевских древностей, а также для их интерпретации в контексте этнокультурной истории Поволжья в финале раннего железного века.

Только лишь спустя четверть века после раскопок Староардатовского кургана список памятников писеральско-андреевского типа

пополнился раскопками Климкинской курганной группы, расположенной в 4,5 км от Писеральских курганов, на коренном берегу р. Мал. Юнга. Курганы № 1 и № 2 были расположены параллельно реке в непосредственной близости друг от друга, расстояние между насыпями не превышало 2–3 метров. Третий курган климкинской группы, осмотренный еще до Первой мировой войны профессором Казанского университета А.А. Штукенбергом, был сnivelирован в конце 1920–х гг. хозяевами приусадебного участка (Михеев, 2009, с. 81).

Отмеченный полевыми работами 1958 г. могильник (Халиков, 1958) впервые подвергся раскопкам в 1991 и 1993 гг. Г.А. Архиповым и А.И. Шадриним. В течение двух полевых сезонов был исследован курган № 1, под насыпью которого было изучено 19 захоронений. Материалы раскопанного кургана исследователи без всяких сомнений соотнесли с писеральско-андреевским кругом памятников (Архипов, Шадрин, 1995, с. 119). По совокупности всех наблюдений исследователями была предложена реконструкция оформления курганной насыпи, которая заключается в заполнении «центральных рядов грунтового могильника, где ориентирами погребений, видимо, являлись столбы или вешки, оставившие следы в контурах могил, площадка была сnivelирована и сделана ритуальная насыпь... Затем последовательно были насыпаны два слоя, перекрывшие все центральные погребения» (Архипов, Шадрин, 1995, с. 111). Исследователи этого кургана зафиксировали новый признак погребальной обрядности памятников писеральско-андреевского типа, заключающийся в рядном расположении погребений под насыпью кургана с устойчивой ориентировкой – хорошо читаются два ряда погребений в центральной части кургана.

Датировка материалов погребальных комплексов была дана без аргументации и необоснованно омоложена его исследователями до III–IV вв. (Архипов, Шадрин, 1995, с. 119).

В 2003–2004 гг. А.В. Михеев исследовал курган № 2, находящийся в непосредственной близости от юго-западной полы кургана №1 (Михеев, 2004; Михеев, 2005). В течение двух полевых сезонов раскопками было выявлено 9 погребений. Интересно отметить, что расположение погребений, выявленных под насыпью кургана №2, заметно отличается от предыдущего. Под насыпью кургана было выявлено три погребения, одно из которых было совершено на «древнем дневном гори-

зонте» (Михеев, 2009, с. 83). Остальные захоронения находились на границе или за пределами насыпи. Причем, эти могилы формируют два ряда по три могилы с западной и восточной стороны насыпи.

Всего под насыпями двух курганов Климкинского могильника было исследовано 28 захоронений. Расположение рядных грунтовых погребений вне курганных насыпей позволило А.В. Михееву отнести могильник к типу курганно-грунтовых и датировать его по аналогиям вещевому инвентарю исследованных захоронений первыми веками нашей эры (Михеев, 2009, с. 85–86). Возможно, с излишней оглядкой на А.Х.Халикова и Г.А. Архипова с А.И. Шадриним для писеральско-климкинской группы была определена хронологическая позиция, несколько омолаживающая верхнюю границу «в пределах III в. н.э. (может быть до середины III века)» (Зубов, Михеев, 2006, с. 216).

Еще почти двадцать лет после раскопок Климкинского кургана потребовалось на то, чтобы найти новые памятники подобного рода. В 2010 г. С.Э. Зубовым, Н.А. Лифановым и О.А. Радюшем были найдены два могильника первых веков нашей эры на территории Пильнинского района Нижегородской области (Зубов и др., 2011).

Пильнинский I грунтовый могильник расположен на мысу коренной террасы реки Анда, левого притока р. Пьяны. На слабо выраженном склоне мыса было зафиксировано около 50 грабительских вкопов. Часть материалов, изъятых мародерами, была получена Государственным Историческим музеем. Коллекция была представлена предметами вооружения и конского снаряжения, поясной гарнитуры, украшениями одежды и пр. Все вещи из грабительских раскопок датируются в пределах I–II вв. н.э. (Зубов, 2011). Интересно, что с севера и с юга площадка могильника ограничена двумя валами длиной 35 и 25 м, пересекающими гребень мыса. Ширина валов – 2–2,5 м, высота 0,15–0,20 м. За внешними пределами валов грабительских вкопов не зафиксировано.

В 130 м от южного вала на склоне мыса коренной надпойменной террасы расположена эскарпированная площадка. С напольной (северной) стороны проходящий через нее гребень мыса эскарпирован с двух сторон, в результате чего попасть на площадку можно только по узкому (не более 4–5 м) проходу длиной около 30 м. Размеры основной части площадки – 25×60 м. В северной части

площадки от нее в северо–западном направлении отходит эскарпированный участок мыса длиной около 35 м, заканчивающийся округлой площадкой диаметром около 10 м.

На площадке был заложен рекогносцировочный шурф размерами 1×2 м. Находок в шурфе не было обнаружено, однако искусственное происхождение данного объекта не вызывает сомнений. Близость могильника вполне позволяет предположить ритуальное использование площадки как святилище или место совершения обрядов, предшествующих захоронению.

На низком мысообразном отроге второй надлуговой террасы, в 200 м от мыса, на котором расположен Пильнинский I могильник, разведочным шурфом было выявлено мужское захоронение (35–40 лет), погребальный инвентарь которого можно соотнести с материалами писеральско-андреевского типа памятников и датировать I–III вв. н.э. Это костяные и железные наконечники стрел, бронзовая пряжка с железным язычком, округло-вытянутая бусина глухого серебристого цвета. Вдоль правого бедра лежал железный меч плохой сохранности (Зубов и др. 2011; Зубов, 2011, рис. 42, 43).

В 2010 г. В.В. Гришаковым были введены в научный оборот материалы Сергачского могильника «Кожина слобода» (Гришаков, 2010). Эти материалы объединяют три разрушенных в 1891 г. погребения, которые были обнаружены при проведении общественных земляных работ на северо-западной окраине г. Сергач в местности «Кожина слобода», и пять захоронений, которые доисследовал в следующем, 1892 г. В.И. Снежневский (Снежневский, 1894, с. 10–16). По свидетельству

В.В. Гришакова коллекция хранится в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (инв. № 4014), отреставрирована Д.С. Таловиным и находится в хорошем состоянии. Материалы этого могильника В.В. Гришаков соотнес с древностями писеральско-андреевского круга и датировал сергачские комплексы в рамках II в. н.э. (Гришаков, 2010, с. 113).

Таким образом, на сегодняшний день насчитывается семь погребальных памятников, относящихся к писеральско-андреевскому типу, три из которых курганные, один – курганно-грунтовой и два – грунтовые. Сергачские комплексы соотнести с курганным или грунтовым обрядом захоронения не представляется возможным.

Хронологическая позиция этих памятников преимущественно соотносится с I–II вв. н.э., а в историко-культурном плане все исследователи отмечают пришлый характер населения, оставившего эти могильники. Археологические объекты данного культурного типа отражают миграционные процессы милитаризованного населения (Зубов; 2007; Гришаков, Зубов, 2009; Зубов, 2011) на территории Восточной Европы в начале эпохи Великого переселения народов, что определяет их сугубую важность для исторической науки.

Историографическому анализу различных взглядов специалистов на датировку и этнокультурную атрибуцию погребальных комплексов этих интересных памятников будет посвящена специальная работа, позволяющая увидеть широкий спектр мнений, гипотез и отдельных наблюдений.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А., Шадрин А.И. Исследование раннесредневековых курганов у с. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / АЭМК. Вып. 24. / Науч. ред. В. В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1995. С. 110–129.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Ижевск: УРКМ, УГУ, 1970. 260 с.

Гришаков В.В. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000. С. 44–54.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур Восточной Европы / Отв.ред. Иванов В.А./ Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт Истории АН РТ. 2009. –173 с., ил. 21,7 усл. печ. л.

Зубов С.Э. Миграционные процессы в формировании новой этнокультурной среды // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1990–1966). Материалы Международной конференции (20–22 апреля 2007 г.) Уфа: Китап, 2007. С. 239–246.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек (теоретический и научно-методический журнал). 2011. № 1. С. 13–30.

Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничного. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.

Кропоткин В.В. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. 1969. № 119. С. 32–36.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. 280 с.

Михеев А.В. Отчет о работах, проведенных на Климкинском курганном могильнике (Горномарийский район Республики Марий Эл). Йошкар-Ола, 2004 // Архив ИА РАН, Р-1. НРФ МарНИИ, Оп. 1, д. 1079. 12 с. с прил.

Михеев А.В. Отчет о работах, проведенных на Климкинском курганном могильнике (Горномарийский район Республики Марий Эл). Йошкар-Ола, 2005 // Архив ИА РАН, Р-1. НРФ МарНИИ, Оп. 1, д. 1091. – 17 с. с прил.

Михеев А.В. Климкинский могильник (по материалам исследований 2003–2004 гг.) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина. / Отв. ред. Д.Г. Бугров. / Археология евразийских степей. Вып. 10. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 81–91.

Смирнов К.А. О времени Андреевского кургана // Вопросы этнической истории Волго-Донья: материалы научной конференции. (Пенза, 23–27 января 1992 г.) Пенза: ПГОКМ, 1992. С. 3–6.

Снежневский В.И. Отчет о раскопках могильника в Кожинной слободе близ г. Сергач, произведенных им при участии члена комиссии А.И. Мельникова 4–7 мая 1892 года // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 12 – 14 / Под ред. А.С. Гациского. Н. Новгород: Типография нижегородского губернского правления, 1894. С. 10–15.

Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 244–258.

Степанов П.Д. Андреевский курган (предварительное сообщение) // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 27. Саранск: Мордовское кн. изд.-во, 1964. С. 206–267.

Степанов П.Д. Андреевский курган // Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии. 8–10 декабря 1964 года). Саранск: Мордов. кн. Изд.-во, 1965. С. 47–52.

Степанов П.Д. Южные связи Среднего Поволжья в I тыс. н. э. // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 221–227.

Степанов П.Д. Военские трофеи в погребениях Андреевского кургана Мордовской АССР // КСИА. 1973. № 136. С. 86–91.

Степанов П.Д. Археологическая работа в восточной части Мордовской АССР в 1967–1968 гг. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 45. Саранск: Мордовское кн. изд.-во, 1974. С. 76, 78–81.

Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры). Саранск: Мордов. кн. Изд.-во, 1980. 108 с.

Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год / НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 84. Казань, Йошкар-Ола, 1958.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. ТМАЭ. Йошкар-Ола, 1962. Т. II. С. 7–187.

Шилов В.П. Бронзовая чаша Андреевского кургана // СА. 1972. № 2. С. 192–194.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.

Информация об авторе:

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, заведующий Научно-исследовательской лабораторией археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru.

THE RESEARCH HISTORY OF THE PISERALY-ANDREEVKA SITES**S.E. Zubov**

The article considers the research history of the Piseraly-Andreevka cultural type. The author also describes different points of view concerning funeral rites and chronology of the burials of this type and the issues of their ethnocultural interpretation.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Middle Volga Region, Piseraly-Andreevo culture type, Piseraly burial mounds, ndreevka mound, Staroye Ardatovo mound, Klimkino mounds, Sergach burial ground, Pil'na burial grounds, funeral rites, chronology.

About the Author:

Zubov Sergey E., Candidate of Historical Sciences. Samara National Research University named after S.P. Korolev. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru.

УДК 903'1(470.5)"638"(045)

О ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

©2018 г. Р.Д. Голдина, Н.А. Лещинская

Термин «пьяноборская культура» известен в отечественной археологии с 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере современного Татарстана был обнаружен могильник рубежа эр. В разные годы ученые подразумевали под этим понятием разные памятники, даты, ареалы. К настоящему времени можно говорить о существовании во II в. до н.э. – V в. н.э. в Нижнем и Среднем Прикамье, а также прилегающем Поволжье пьяноборской культурно-исторической общности финноязычного этноса, включающей худяковскую, тарасовскую (чегандинскую), кара-абызскую культуры.

Ключевые слова: археология, пьяноборская культурно-историческая общность, Нижнее и Среднее Прикамье, древности рубежа эр и I-ой половины I тыс. н.э., худяковская, тарасовская, кара-абызская археологические культуры.

Впервые термин «пьяноборская культура» стал известен в 1880 г., когда возле с. Пьяный Бор на севере Татарстана была собрана коллекция уникальных древних вещей, поступившая в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Коллекция заинтересовала ученых, и уже в 1881 г. здесь провел небольшие раскопки П.А. Пономарев (Спицын, 1901, с. 1). Выяснилось, что предметы происходят из могильника, располагающегося на высоком мысу над селом. В 1870-х гг. лес, росший на могильнике, был вырублен. Сильные ветры выдували песок, обнажая костяки и вещи. В 1880-х гг. на могильнике побывали А.А. Спицын, И.Н. Смирнов, Ф.Д. Нефедов. По заключению А.А. Спицына «богатый Пьяноборский могильник до сих пор является главным представителем особого типа древностей, которому по всей справедливости и должно быть усвоено его имя. ... Совершенно ясно, что культура пьяноборского типа составляет непосредственное продолжение культуры Ананьинского могильника» (Спицын, 1901, с. 1, 7). В 1881 г. был открыт и исследован С.К. Кузнецовым могильник Атамановы Кости в низовьях Вятки, давший типологически близкие предметы (Спицын, 1901, с. 8–9).

В 1892 г. возле д. Ныргында были найдены человеческий череп, кость руки и огромная эполетообразная застежка, которую местные власти переслали в ИАК. В 1898 г. А.А. Спицын открыл здесь два могильника пьяноборского типа – Ныргында I и II. Профессор Казанского университета И.Н. Смирнов обследовал в 1894 г. могильник Каменки у с. Мазунино (ОАК за 1894 г., 1896, с. 26–27).

В 1920-х гг. памятники железного века Прикамья изучал А.В. Шмидт, обративший

внимание на неоднородность пьяноборских материалов и предложивший их разделить: памятники Верхнего Прикамья отнести к гляденовской культуре, а Среднего Прикамья – к пьяноборской (Шмидт, 1925, с. 413–414).

В 1933 г. М.Г. Худяков, публикуя материалы могильников Ныргында I и II из раскопок А.А. Спицына, датировал пьяноборскую культуру II в. до н.э. – V в. н.э. и включил в нее все памятники Прикамья указанного периода, включая Верхнее Прикамье (Худяков, 1933, с. 16). Все известные материалы по пьяноборской культуре были обобщены А.П. Смирновым, который определил время ее существования III в. до н.э. – V в. н.э., так же отнес к ней все древности Прикамья этого периода (Смирнов, 1952, с. 68–82).

Начиная с 1950-х гг. в Прикамье проводили раскопки экспедиции многих научных центров: Башкирского, Удмуртского, Казанского и др. Были открыты и исследованы многие памятники пьяноборского времени. Особенно велик вклад в разработку этой проблематики В.Ф. Генинга, под руководством которого были раскопаны поселения (Чеганда I, Барановское) и могильники (Чеганда II, Ныргында II, Азелино, Суворово, Мазунино). Это дало возможность В.Ф. Генингу создать собственную концепцию развития пьяноборской общности.

В своих первых работах В.Ф. Генинг, увлекшись яркостью памятников удмуртского Прикамья, счел пьяноборскими только памятники этого региона и левобережные в низовьях Белой (Генинг, 1962). К 1970 г. он признал, что удмуртское Прикамье лишь часть пьяноборского «айсберга», и выдвинул новое положение, согласно которому пьяноборской называлась вся послепьяноборская

эпоха, по сути, вернувшись к концепции А.П. Смирнова. В пределах пьяноборской эпохи (III в. до н.э. – II в. н.э.) он предложил выделить четыре культуры: *гляденовскую* (Верхнее Прикамье), *осинскую* (Средняя Кама), *чегандинскую* (удмуртское Прикамье и низовья Белой) и *кара-абызскую* (Средняя Белая) (Генинг, 1970, с. 8; 1988, с. 29). От явно пьяноборского массива В.Ф. Генинг отделил памятники удмуртского Прикамья в особую мазунинскую культуру, датировав ее III–IX вв. (Генинг, 1967, с. 35), а также памятники III–V вв. бассейна р. Вятки, выделив их в азелинскую культуру (Генинг, 1963). Однако эти предложения вызвали справедливую критику со стороны некоторых ученых (Смирнов, 1964). Учитывая, что в последней обобщающей работе (1988, с. 201–277) В.Ф. Генинг писал уже о пьяноборской культурно-исторической и этнокультурной области III в. до н.э. – II в. н.э., можно сказать, что со временем его взгляды существенно приблизились к оценкам А.П. Смирнова.

В 1970–80-е гг. в связи с подготовкой ложа Нижнекамской ГЭС шло интенсивное накопление материалов пьяноборского времени казанскими (П.Н. Старостин, Е.П. Казаков, А.Х. Халиков, Р.С. Габяшев, Р.Г. Фаттахов), уфимскими (С.М. Васюткин, Н.М. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Ю.А. Морозов, В.А. Иванов, Г.И. Матвеева, Б.Б. Агеев, В.К. Калинин и др.), свердловскими (В.Ф. Генинг, В.В. Одинцов, Л.И. Ашихмина) и ижевскими (Т.И. Останина, Р.Д. Голдина, Г.Н. Клюева, Т.К. Ютина) археологами.

Новые материалы позволили Б.Б. Агееву в монографическом исследовании (Агеев, 1992) охарактеризовать могильники этого времени и уточнить некоторые положения, выдвинутые В.Ф. Генингом. Б.Б. Агеев датировал культуру II в. до н.э. – III в. н.э., вернув ей прежнее название – пьяноборская.

Широкие исследования, проведенные Камско-Вятской археологической экспедицией на могильниках удмуртского Прикамья (Тарасово, Афоново, Ныргында II, Усть-Сарапулка и др.), северо-восточной Татарии (Икский) и особенно Кировской области (Ошки, Первомай, Худяки, Кордон и др.) позволили выдвинуть новую концепцию развития прикамских культур в послеананьинское время (Голдина, 1987, с. 10–15). Согласно ей в конце своего существования *ананьинская* общность разделилась на две – *гляденовскую*, занимавшую территорию преимущественно Верхнего Прикамья, Сред-

ней и Верхней Вычегды и верховий Печоры, и *пьяноборскую* в Среднем и Нижнем Прикамье, низовьях Белой и на Вятке. Это разделение свидетельствовало о распаде общепермской основы на две части: коми и удмуртов. Принципиально новым было несколько положений. Гляденовская культурная общность уже не входила в состав пьяноборской, как считали М.Г. Худяков, А.П. Смирнов и В.Ф. Генинг, а занимала вполне самостоятельное положение. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую культуру (удмуртское Прикамье, прилегающую к нему часть Татарии и низовья Белой), кара-абызскую (среднее течение р. Белой) и худяковскую (бассейн р. Вятки). Дата пьяноборской общности III в. до н.э. – V в. н.э. Работы последних лет в целом отражают правильность этой гипотезы. Ранняя дата общности спорна.

Стремление выделить на прикамских материалах более дробные, в два-три столетия археологические культуры (Генинг, 1958; 1959; 1967; 1988, рис. 1), представляется неоправданным. Отделение этих культур от предшествующих связано с тогдашними представлениями В.Ф. Генинга о резкой смене культур Прикамья в III в. н.э. в результате притока сюда нового населения западносибирского происхождения (Генинг, 1959, с. 182–184; 1967, с. 48–51). «Мазунинские племена, вторгшись в III в. на правобережье Камы в районы пьяноборского расселения, вытеснили последних на запад в низовья Камы, где мы находим их в азелинской культуре» (Генинг, 1959, с. 201). Однако в 1972 г. он писал: «... может быть, мазунинские племена также пришли в Прикамье из каких-либо других областей? Думаю, что нет. Это прикамское население, о чем свидетельствует целый ряд традиций в погребальном обряде... керамика... и антропологический тип населения, чрезвычайно близкий пьяноборскому...» (Генинг, 1972, с. 240). Таким образом, оснований для разграничения прикамских культур в III в. нет – мощный приток нового населения в это время не зафиксирован. Более того, Тарасовский могильник I–V вв. убедительно демонстрирует плавное развитие населения Среднего Прикамья. Следовательно, поздний рубеж пьяноборской эпохи в Прикамье нужно проводить по концу V столетия. Культуры же III–V вв., выделенные В.Ф. Генингом, продолжали линию развития культур пьяноборского типа, представляя поздний этап их развития. На территории северо-западной Башкирии пьяноборская общность существовала до VIII вв.

Сегодня археология Прикамья располагает совсем другими источниками, по сравнению с временами А.П. Смирнова и В.Ф. Генинга. В некоторых вопросах концепции сблизилась, в других – стали более обоснованными и четкими. Пьяноборско-гляденовская эпоха (II в. до н.э. – IV/V вв. н.э.) – это археологическая реальность. В ней четко обозначились две общности: пьяноборская (южная) и гляденовская (северная). Первая представлена кара-абызской, чегандинской, худяковской культурами (рис. 1) (Голдина, 1999, с. 206–277), вторая – гляденовской (пермское Прикамье), пиджской и джудждыгьягской (Северное Приуралье) (Васкул, 1997). Красноярский вариант (культура) – образование переходное между пьяноборской и гляденовской территориями.

Поскольку у некоторых исследователей до сих пор нет четкого понимания использования дефиниций общностей и культур южного Прикамья рубежа эр и первой половины I тыс. и терминологическая путаница продолжается, мы решили предпринять попытку обоснования существования пьяноборской культурно-исторической общности и входящих в нее культур. Речь пойдет о развитом и позднем пьяноборье, поскольку ранняя его стадия II–I вв. до н.э., вследствие скудости источников, требует отдельного анализа.

Сейчас появилась реальная необходимость замены термина «чегандинская культура». После открытия и изучения уникального Тарасовского могильника, содержащего 1880 могил и функционировавшего на протяжении всей первой половины I тыс. н.э., стало очевидным, что могильник Чеганда II не соответствует роли опорного памятника этой культуры. Более целесообразно называть этот вариант пьяноборской общности не чегандинским, а тарасовским.

Тарасовская культура занимала территорию Среднего Прикамья и прилегающего устья р. Белой. Южная граница проходила южнее устья р. Быстрый Танып, юго-западная включала бассейн р. Ик, северная шла по широте г. Сарапула. В III–V вв. ее границы значительно расширились: на северо-восток – до г. Чайковского, на северо-запад – включая бассейн р. Иж и на юго-восток – до устья р. Бирь. Юго-восточная граница требует уточнения. По последним данным в развитии тарасовской (чегандинской) культуры выделяются 3 этапа: ранний, икский (II–I вв. до н.э.), средний, ныргындинский (I–II вв. н.э.) и поздний, мазунинский

(III–V вв. н.э.) (Голдина, 1999, с. 225–226; Голдина и др., 2015, с. 5).

Одним из главных оснований определения своеобразия археологических общностей являются особенности глиняной посуды. Начало профессионального изучения керамики пьяноборского времени связано с именем В.Ф. Генинга. Им в 1959 г. была защищена кандидатская диссертация «История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху (чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.))», в которой он впервые собрал все доступные ему коллекции глиняной посуды из городищ Чеганда I, Ныргында II, селищ Уяндык и Барановского (1759 сосудов) (Генинг, 1970, с. 84–88). Им была выполнена подробная характеристика этого комплекса: выделены девять вариаций круглодонных форм посуды, объединенных в три типа (Генинг, 1970, рис. 18), обозначены наиболее популярные размеры сосудов, особенности их примесей, обработки поверхности, орнаментальных узоров. Для своего времени это была добротная выполненная работа. Посуда из могильников тогда не была известна (кроме одного сосуда из Ныргынды II, рис. 2: 8).

Небольшие серии глиняной посуды были получены Р.Д. Голдиной с Быргындинского V (22 сосуда) (Голдина, 1976, с. 78–80), Г.Н. Ключевой с Быргындинского IV поселений (7036 фрагментов) (Ключева, 1984, с. 24–28), а также Д.Г. Бугровым с Тойгузинского II городища (6633 фрагмента, в том числе 752 от верхних частей) (Бугров, 2006, с. 91).

Поселения пьяноборского времени Башкортостана исследованы значительно лучше, чем правобережные. По этой проблеме многое сделано В.А. Ивановым. В 1978–1979, а также в 1983 и 1989 гг. В.А. Ивановым, Б.Б. Агеевым, В.Н. Васильевым и Г.Т. Обыденновой было исследовано Серенькино городище у д. Трикол. Материалы опубликованы В.А. Ивановым (2003, с. 199–203). На памятнике собраны 7000 фрагментов от 555 сосудов: позднеананьинского (8,1%), пьяноборского (87,2%) и бахмутинского (4,7%) времени. Пьяноборская посуда – круглодонные сосуды, диаметром 10–26 см, с примесью толченой раковины в тесте, низкогорлые слабопрофилированные с отогнутой или прямой шейкой или открытые чаши, украшенные рядами редких круглых ямок. Посуда имеет сходство с керамикой городища Петер-Тау (Юлдашевско-

го) по метрическим параметрам 60,8% и по формам – 73,8%. По материалам сопутствующего Трикольского могильника (35 захоронений) комплекс памятников датирован III–II вв. до н.э. (Иванов, 2003, с. 206).

Значительная выборка керамики пьяноборского времени была получена при раскопках Юлдашевского (Петер-Тау) городища в низовьях р. Белой Ф.Д. Нефедовым, В.Ф. Генингом, С.М. Васюткиным, В.С. Горбуновым, Б.Б. Агеевым, А.Х. Пшеничнюком, В.А. Ивановым. Материалы обобщены В.А. Ивановым (1982). Коллекция глиняной посуды насчитывает более 4500 фрагментов, из которых выделено 700 сосудов: 46 позднеананьинских, украшенных ямками и оттисками шнура, 336 пьяноборского времени и 318 бахмутинских. Наиболее крупные фрагменты (102 пьяноборских и 90 бахмутинских) были проанализированы В.А. Ивановым по методике В.Ф. Генинга (Генинг, 1973).

Пьяноборский комплекс охарактеризован как круглодонные горшки с диаметром устья преимущественно 20–25 см, с отогнутыми наружу, прямыми или наклоненными внутрь шейками, колоколовидные чаши, миски и непрофилированные чаши, с примесью раковины в тесте. Большинство сосудов украшены горизонтальным пояском круглых ямок по шейке (77,5%), а также насечками и защипами по венчику. В.А. Иванов отмечает значительное сходство (52,1%) пьяноборской посуды с бахмутинской и предполагает существование между ними генетической связи (Иванов, 1982, с. 206–207, табл. 2).

Небольшие раскопки в 1968 г. были проведены А.Х. Пшеничнюком на Уяндыкском городище (Пшеничнюк, 1986, с. 31). Были обнаружены 200 фрагментов от 32 круглодонных горшков с примесью раковины в тесте, с прямой шейкой и слабо раздутым туловом, а также 3 закрытых чаши. Орнамент состоял из одного или двух рядов ямок по шейке, в одном случае дополненных двумя рядами оттисков шнура. По материалам близлежащих могильников памятник датируется III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1986, с. 42, 43).

Больше «повезло» глиняной посуде памятников мазунинского времени (III–V вв.). Т.И. Останина исследовала 735 крупных обломков от графически реставрируемых сосудов по методике, предложенной В.Ф. Генингом (Генинг, 1973). Посуда происходит из Сосновского, Постольского, Чужьяловского (удмуртское Прикамье, раскопки Т.И. Останиной) и Казакларовского I

(раскопки В.А. Иванова, Т.И. Останиной), Юмакаевского (раскопки Н.А. Мажитова и Г.И. Матвеевой), а также Барязского (раскопки В.А. Иванова) (северо-западная Башкирия) городищ. Ею отмечена круглодонность посуды, выделены по форме 4 типа: I – горшки с отогнутой шейкой; II – горшки с вертикальной шейкой; III – горшки с закрытым устьем и IV – непрофилированные чаши. При этом дана характеристика основных показателей глиняной посуды, отмечено сходство с посудой из синхронных могильников и обоснована принадлежность их к одному культурному массиву (Останина, 1997, с. 98–101).

Небольшая коллекция керамики мазунинского времени происходит с Яромасского городища возле г. Сарапула (25 крупных фрагментов) (Казанцева, 1987, с. 138–142). В.Ф. Генинг оставил также небольшое сообщение о 152 фрагментах шеек и 35 днищ от сосудов мазунинского времени с городища Чеганда I (Генинг, 1967а, с. 146–151).

Таким образом, всесторонний анализ глиняной посуды поселений тарасовской (чегандинской) культуры представляет собой одну из актуальных задач приуральской археологии. К сожалению, до сих пор такой работы нет. Характеристика керамики отдельных памятников выполнена качественно, на современном научном уровне, общие признаки просматриваются довольно четко, но для выяснения локальных особенностей необходимо детальное сопоставление всех признаков этих материалов. В целом, поселенческая посуда этой культуры лепная, круглодонная, представлена различными вариациями горшков, мисок и чаш. Особенно популярны горшки и миски с блоковидной или прямой горловиной и непрофилированные чаши. Размеры сосудов по горловине от 10 см и более, наиболее популярны диаметры 16–25 см. В качестве примесей использовались толченая раковина, растительные остатки, режее – песок и шамот. Орнамент скуден – ряд круглых ямок по шейке, насечки и защипы по венчику. Наблюдаются локальные различия в примесях к глиняному тесту. В целом, посуда достаточно единообразна.

Изучение керамических комплексов могильников этого времени началось работой Б.Б. Агеева «Пьяноборская культура», в которой этому источнику посвящены полстраницы текста. Автор разделил известные ему 44 сосуда из могильников Афонино, Нырғынды I, Деуково II, Кушулево III, Ново-Сасыкуль, Юлдашево, Меллятамак I на 4 типа: 1 – чаши с уплощенным или окру-

глым туловом; 2 – плоскодонные горшки; 3 – кувшины с ручками; 4 – круглодонные горшки. При этом он указал, что типы 1 и 4 являются местной прикамской посудой, имеющей аналогии в гляденовской и карабызской культурах, а плоскодонные горшки и кувшины происходят из самого южного памятника – Ново-Сасыкульского могильника и свидетельствуют о контактах прикамских племен с южными районами (Агеев, 1992, с. 50). Выборка Б.Б. Агеева представляет преимущественно башкирские материалы.

Т.И. Останина проанализировала известные ей 39 целых, преимущественно круглодонных, сосудов как из право - (Ижевск, Нива и Усть-Сарапулка могильников), так и левобережных (Ангаряк, Бахмутино, Бирск, Старо-Кабаново, Югомашево и др.) некрополей, разделив их на 3 типа (Останина, 1997, с. 80): 1 – круглодонные горшки со слабопрофилированной шейкой; 2 – подобные с цилиндрической (прямой) шейкой; 3 – чаши с открытым или закрытым устьем.

Заслуживает всяческого одобрения работа А.А. Красноперова (2010), в которой он собрал сведения о 277 сосудах (из них 150 целых форм) из 250 погребений и внемогильного пространства около 80 могильников пьяноборского и мазунинского времени. Автор интуитивно правильно объединил их вместе, что подтверждает нашу мысль об однокультурности пьяноборской (по А.А. Красноперову) и мазунинской керамики. Им проделана огромная работа по классификации их по форме: рисунки скомпонованы именно по этому принципу и прекрасно иллюстрируют сходство форм из разных памятников, но в тексте это не отражено. А.А. Красноперов обещал опубликовать выводы по собранному им массиву источников (Красноперов, 2010, с. 83, прим. 6), но пока этого не последовало. Однако несколько важных заключений им были сделаны. А.А. Красноперов утверждал, что посуда обеих хронологических групп: пьяноборье и мазунино имеет однотипные формы, а в орнаментации наблюдается некоторое отличие поздних (мазунино) от ранних (пьяноборье), что позволяет проследить хронологию керамики (Красноперов, 2010, с. 83). Но далее следуют противоречащие вышеизложенным выводы (Красноперов, 2010, с. 107): «пьяноборская и мазунинская керамика не может являться дифференцирующим признаком» и «в настоящий момент мы не можем определить характерные особенности пьяноборской и мазунинской керамики».

Автор выстроил динамику изменения состава теста: «раковина → шамот → органика → песок → галька (наиболее поздняя примесь)». Судя по обозначенным стрелкам, именно в такой последовательности по нарастающей использовались примеси к тесту.

Глиняная посуда правобережья р. Камы из Тарасовского, Тураевского I, Покровского, Усть-Сарапульского, Ижевского, Икского могильников проанализирована О.А. Казанцевой (1996).

В итоге, следует констатировать, что керамика тарасовской (чегандинской) культуры, включая мазунинскую, еще ждет своих исследователей. Комплексы изучены разными учеными по различным методикам, даже погребальная и поселенческая посуда мазунинского времени оценивалась Т.И. Останиной по-разному и они плохо сопоставимы, в целом нет четкого деления на типы и соответственно существует значительная терминологическая путаница (разные авторы по-своему понимают и используют понятия – «горшок, миска, чаша и др.», хотя существует множество работ, где эти термины четко определены (Генинг, 1973; Хлебникова, 1984; Голдина и др., 2011 и др.). Но, несмотря на эти субъективные недостатки, бесспорно, что эта глиняная посуда имеет ряд особенностей, позволяющих четко отделять ее от керамики синхронных близлежащих культур.

Посуда могильников тарасовской (чегандинской) культуры выполнена без гончарного круга и отличается круглодонностью (рис. 3: 2, 3, 10, 12; 4: 1–14, 16–22 и др.), хотя имеются и экземпляры с уплощенным дном (рис. 3: 2, 7, 15, 16 и др.). В большей степени последнее характерно для бельского варианта (рис. 3: 1, 5–7, 15 и др.). Существует несколько типологий (Т.И. Останина, О.А. Казанцева), из которых можно выделить три типа посуды: горшки (рис. 3: 1–3, 5, 11, 12, 14 и др.), миски (рис. 3: 6, 8, 9; 4: 3, 4, 7, 9 и др.) и чаши (рис. 3: 4, 15, 16, 19, 21 и др.). О.А. Казанцева выделяет еще переходные формы и отмечает, что четких стандартов форм посуды не было, мастера действовали преимущественно интуитивно (Казанцева, 1996, с. 15).

По профилированности верхней части у горшков и мисок возможно обособление вариантов: с блоковидной горловиной (рис. 3: 1, 7; 4: 1–5 и др.) или прямой (рис. 3: 12; 4: 13, 14, 16) и без выраженной шейки с прямым или закрытым устьем (рис. 3: 9, 11, 14; 4: 15, 18, 19 и др.). Чаши могут быть с

открытым (рис. 3: 4, 15, 16, 19, 21 и др.) или закрытым устьем (рис. 4: 17; 5: 8 и др.).

В редких случаях наблюдается заметное ребро-уступ в средней части сосуда (рис. 3: 1; 4: 20; 5: 4; 6: 10, 13, 14), встречающееся как на посуде I–II вв. (рис. 4: 20), так и IV–V вв. (рис. 5: 4). В единственном экземпляре в Тураевском бескурганном могильнике обнаружен сосуд с двумя ручками и отверстиями в них для подвешивания (рис. 5: 5).

Уникален именьковский плоскодонный горшок с примесью шамота в тесте, с блоковидной горловиной и максимальным расширением в его средней части (рис. 5: 1).

Исследователи фиксируют миниатюрность посуды. О.А. Казанцева приводит сведения о высоте большинства сосудов: 1,5–15 см и единичных случаях высотой 16–23 см (Казанцева, 1996, с. 19). Т.И. Останина сообщает, что большая часть изученной ею посуды имела диаметр до 10 см – 28 экз., 82,4%; 11–15 см – 4 экз., 11,8% и 16–25 см – 2 экз., 5,8% (Останина, 1997, с. 80).

Исследование способов изготовления сосудов, проведенное О.А. Казанцевой, выявило четыре основных технологии: 1 – изготовление днища и тела сосуда лоскутным налепом; 2 – изготовление днища лоскутным, а тела сосуда лоскутно-комковатым способом; 3 – изготовление донно-емкостного начина, а конструирование полого тела лоскутным налепом; 4 – создание донного монолитного начина при лоскутном налепе полого тела. Возможны и некоторые другие варианты технологических приемов. Поверхность сосудов подвергалась механической обработке: заглаживанию, лощению, выбиванию, обвариванию для придания сосудам особой прочности.

О.А. Казанцевой (1996, с. 10–11) выяснено, что для изготовления посуды использовалась местная природная ожелезненная глина высокой пластичности. В нее добавляли измельченные обломки раковин пресноводных моллюсков, шамот, сухую глину, кальцинированные кости. Чаще всего использовался в качестве примеси птичий помет. Этот рецепт существовал как на протяжении всей первой половины I тыс. н.э., так и, по-видимому, до и после этого времени. Зафиксированы и другие рецепты: «глина+птичий помет+сухая глина», «глина+раковина», «глина+птичий помет+шамот».

По поводу примесей к глиняному тесту керамики мазунинского времени Т.И. Останина (1997, с. 99–100) считает, что для каждого памятника их состав был индивидуален.

В частности, для Чужьяловского городища характерна примесь толченых раковин, для Постольского – добавки растительности и песка или раковины, редко – растительности, для Казакларовского I – примеси песка и мелкой гальки, для Барьязинского – песка, гальки, реже – раковины и шамота.

Обжиг посуды – костровой, что проявилось в различной прокаленности стенок сосудов, а также пятнах разного цвета на их поверхности. По данным О.А. Казанцевой, посуда обожжена при температурах менее 470°C (1996, с. 19).

Орнаментирована посуда скудно. Процент орнаментации по данным Т.И. Останиной составил 33,6% (1997, с. 80), О.А. Казанцевой – 38,5% (1996, с. 13). В основном украшена шейка сосудов одним (рис. 2: 1–6; 3: 13, 14, 25 и др.) или двумя (рис. 6: 4, 11, 18, 19) горизонтальными рядами редких круглых, треугольных или ромбических ямок, реже оттисками ногтей, гребенчатого (рис. 3: 12) или гладкого (рис. 4: 13, 19; 5: 3) штампов. Выделяются несколько сосудов оригинальной формы – с прямой шейкой (рис. 3: 12; 4: 13) или кувшинообразной (рис. 5: 5), украшенные по верхней части тулова фестонами, нанесенными гребенчатым штампом или псевдогребенкой – отдельными, близко поставленными наколами. В целом орнамент керамики тарасовской культуры отражает фазу ремиссии после нарядной ананьинской. Можно отметить, что в процессе развития культуры от ее среднего этапа к позднему орнамент сосудов несколько усложнился: один ряд ямок сменился несколькими и появились оттиски специального гладкого штампа, гребенки. О.А. Казанцева на материалах Тарасовского могильника также отметила большее разнообразие орнамента IV–V вв. по сравнению с предшествующим временем (Казанцева, 2011, с. 55–62).

Худяковская культура занимала нижнее и среднее течение р. Вятки от г. Слободского на севере, г. Кирово-Чепецка – на северо-востоке, на западе достигала среднего течения р. Пижмы, правого притока р. Вятки, на востоке включала низовья р. Кильмезь, Нижнее Прикамье, захватывая марийское левобережье р. Волги и приустьевую часть р. Камы на правом берегу р. Волги.

Культура выделена Р.Д. Голдиной в 1987 г., более обстоятельно описана ею в 1999 г., всесторонний анализ ее памятников был выполнен Н.А. Лещинской (2014). Название культура получила по Худяковскому могильнику III–IV вв., расположенному

на правобережном притоке р. Вятки – Пижме. Это один из самых крупных исследованных могильников этого времени на Вятке (120 могил) и по характеру материальной культуры более всего соответствует особенностям местного финского населения. Широко используемый ранее термин – азелинская культура – отражает преимущественно культуру пришлых военизированных групп (III–IV вв.). В худяковской культуре Н.А. Лещинской выделены 2 этапа: ошкинский (I – начало III в. н.э.) и азелинский (III–V вв. н.э.) (Лещинская, 1995, с. 17; 2014, с. 175–176).

Глиняная посуда худяковской культуры близка среднекамской. Н.А. Лещинская отмечает ее отсутствие в могилах I–II вв. и редкость – в III–V вв. (Лещинская, 2014, с. 76–77). На Вятке сосуды обнаружены в захоронениях могильников: Худяки и Тюм-Тюм – по 3 экз.; Кордон – 1; Первомай – 5, а также фрагменты из засыпи захоронений и межмогильного пространства этих памятников. Основные формы те же, что в тарасовской культуре: горшки (рис. 7: 3–7, 9, 13, 15), миски (рис. 7: 2, 8, 10), открытые (рис. 7: 1, 11, 12) или закрытые (рис. 7: 14) чаши. По профилированности верхней части горшки и миски делятся на варианты: с блоковидной горловиной (рис. 7: 5, 7), с прямой шейкой (рис. 7: 2, 4, 8, 9) и без выраженной шейки: с прямой горловиной (рис. 7: 3, 13, 15) или закрытым устьем (рис. 7: 6, 10). Зафиксирован и сосуд с заметным ребром в средней части (рис. 7: 8). Основная примесь к тесту – толченая раковина, органика и редко – мелкий шамот. Основная масса посуды имеет небрежно обработанную поверхность, но встречаются и экземпляры с тщательно заглаженной поверхностью. На посуде Первомайского могильника отмечен орнамент в виде оттисков многорядового шнура и «подковок» по шейке (рис. 7: 6, 8, 9), а также гребенчатого штампа и насечек по венчику (рис. 7: 5, 6, 8).

На Рождественском V могильнике в низовьях р. Камы в захоронениях обнаружены 3 целых сосуда и в трех – фрагменты. Большая часть их представляли собой низкие чаши со слегка уплощенным (рис. 7: 1) дном. Обращает на себя внимание горшок с плоским дном из погребения 271, орнаментированный двумя прочерченными линиями по плечу. Примеси в тесте – песок и растительные остатки. (Старостин, 2009, с. 57, рис. 46: 8). Этот сосуд, скорее всего, свидетельство контактов с соседями – поволжскими финнами. В

других случаях примеси в тесте – ил и растительные остатки. В могильнике у с. Нармонка в устье р. Камы, на ее правом берегу в одной могиле найден сосуд и в двух – фрагменты. П.Н. Старостин отмечал, что по примесям в тесте, обработке поверхности, цвету и орнаменту посуда близка памятникам азелинского круга (Старостин, 2002, с. 34). Сосуд из могилы 3 абсолютно тождественен предметам из Худяков и Кордона (рис. 7: 12, 14).

Из памятников Марийского Поволжья происходят несколько лепных сосудов, из которых неплохую сохранность имеют 2: из могилы 38 Мари-Луговского некрополя (рис. 7: 4) и погр. 15 Арзобелякского (рис. 7: 6). Оба предмета – округлодонные сосуды без четко или со слабо выраженной шейкой, с примесью дресвы и шамота (Никитина, 1999, с. 30, 69). По мнению А.Х. Халикова горшок из Мари-Луговского могильника по форме и составу теста близок сосудам IV–V вв. из Буйского и Кубашевского городищ (Халиков, 1962, с. 178). Таким образом, посуда худяковской культуры обладает всеми признаками пьяноборской общности: круглодонные миски и чаши, чаще – без орнамента, примеси – в виде толченой раковины, растительных остатков, реже – шамота (Вятка), растительных остатков, песка, ила (Нижняя Кама), мелкого шамота, иногда дресвы (Марийское Поволжье). Но есть и особенности: большая доля непрофилированной посуды, отсутствие ямочных узоров, присутствие шнурового орнамента.

Кара-абызская культура располагалась на правобережье среднего течения р. Белой от устья р. Бирь до устья р. Усолки. Долгое время (60-е – 90-е гг.) ее исследованием занимался А.Х. Пшеничнюк (Пшеничнюк, 1964, 1973, 1982 и др.), который датировал ее IV в. до н.э. – III в. н.э. и делил на 4 этапа: I этап – IV–III вв. до н.э.; II этап – III–II вв. до н.э.; III этап – I в. до н.э. – II в. н.э.; IV этап – конец II–III в. н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 170–175). В.Ф. Генинг предлагал начало кара-абыза относить к III–II вв. до н.э. (Генинг, 1988, с. 62–63), поздняя дата сейчас определяется как середина IV в. н.э. (Овсянников и др., 2007, с. 83).

Наиболее выразительный комплекс керамики кара-абызской посуды был получен при раскопках Шиповского курганно-грунтового могильника (IV/III вв. до н.э. – конец III в. н.э.), проводившихся в конце 60-х–70-х гг. А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1976, с. 35–131), а в

1989–1994 гг. – И.М. Акбулатовым, В.Н. Васильевым, В.В. Овсянниковым (Овсянников и др., 2007). В результате на памятнике изучено около 30 курганов и 329 грунтовых захоронений.

Курганная часть датирована IV–I вв. до н.э., грунтовая – I–III вв. н.э., возможно, началом IV в. (Пшеничнюк, 1976, с. 74–75, 77; Овсянников и др., 2007, с. 81–82, 83). В курганной части собрано 59 сосудов: из них 56 лепных и 3 гончарных. Выделены 19 горшков гафурийского типа с примесью талька, 4 курильницы, 2 гончарных горшка и комплекс посуды финно-угорского типа (Овсянников и др., 2007, с. 75–78). Последний разделен Н.С. Савельевым на 2 группы: круглодонные горшки (23 экз.; рис. 8: 1–3, 5, 7, 8) и чаши (8 экз.; рис. 8: 4, 6, 9). Этот комплекс выделяется среди других примесями к глиняному тесту: толченой раковинной, органикой, иногда – шамотом и песком. Основная масса посуды не украшена. Один горшок украшен пояском из насечек (рис. 8: 10), другой – прочерченным зигзагом. Два сосуда имеют налепные ручки (рис. 8: 7).

Глиняная посуда бескурганных могил (судя по рисункам, не менее 20 экз.), по мнению Н.С. Савельева, принадлежит к убаларскому типу, по форме напоминает вышеописанную, но отличается примесями – мелким песком и дресвой (Овсянников и др., 2007, с. 78–79). Формы ее: круглодонные горшки (рис. 8: 17), миски (рис. 8: 11, 13–16, 27 и др.) и чаши (рис. 8: 22–26 и др.). Орнамент более разнообразен: не только горизонтальные ряды треугольных, линзовидных или фигурных (рис. 8: 15, 19, 21, 26) вдавлений, а также прочерченные линии по шейке (рис. 8: 13, 17). А.Х. Пшеничнюк, проанализировав погребальный обряд и сопровождающий инвентарь, пришел к выводу о принадлежности как курганной, так и грунтовой части Шиповского могильника к кара-абызской культуре (Пшеничнюк, 1976, с. 120). Убаларский тип керамики он рассматривал как локальный и хронологический вариант кара-абыза (там же, с. 125). Глиняная посуда Шиповского могильника на протяжении нескольких столетий сохраняла определенные черты, присущие прикамским культурам пьяноборского облика: сделана без гончарного круга, круглодонная, наличие неизменных форм: горшков, мисок, чаш, скудость орнамента в виде вдавлений, насечек, ямок, на поселениях – редко гребенки и оттисков шнура. Обращает на себя внимание повторяемость форм посуды как курганной (рис. 8: 1–10), так и бескурганной

(рис. 8: 11–27) частей Шипово, изменился лишь состав примесей: у ранних толченая раковина, органика, иногда шамот и песок, у поздних – мелкий песок и дресва. Увеличение примесей песка и гальки также отмечено Т.И. Останиной для глиняной посуды могильников мазунинского типа (1997, с. 80).

Глиняная посуда кара-абызских поселений имеет те же формы, но более разнообразный орнамент: в большинстве это поясок крупных круглых ямок, или вдавлений и глубоких насечек. Известны также оттиски крупногребенчатого штампа и шнура (Пшеничнюк, 1973, с. 203). Исследования последних лет подтверждают эту характеристику. В частности, на Шиповском городище Н.С. Савельевым собрана небольшая (35 сосудов) выборка кара-абызской керамики: круглодонные горшки и чаши с примесью дробленой раковины, единично – песка, дресвы, шамота и органики, орнаментированные пояском вдавлений по шейке и насечками по венчику (Савельев, 2009, с. 135).

Таким образом, кара-абызский комплекс глиняной посуды обладает общими признаками с другими культурами пьяноборской общности: круглодонностью, тем же набором форм: горшки, миски, чаши; теми же примесями, скудностью орнамента в виде горизонтальных рядов ямок, различных вдавлений, насечек и редко – оттисков гребенки и шнура. Особенности же проявляются в присутствии плоскодонных форм сосудов, более разнообразном орнаменте, что объясняется воздействием гафурийской и сарматской культур.

Что касается анализа погребального обряда могильников пьяноборской общности, то дело обстоит совсем неплохо. Благодаря ученым многих научных центров исследованы в больших масштабах множество могильников, опубликованы их материалы и проведена серьезная аналитическая работа.

Первые для своего времени профессиональные характеристики погребального обряда пьяноборской (чегандинской – по В.Ф. Генингу, тарасовской – по Р.Д. Голдиной) были выполнены В.Ф. Генингом (1970) и Б.Б. Агеевым (1992). Они во многом тождественны, но поскольку работа Б.Б. Агеева подготовлена через 25 лет после монографии В.Ф. Генинга, в ней использован больший материал и содержатся некоторые коррективы деталей погребального обряда населения этого времени.

Важной вехой в изучении этой темы для памятников III–V вв. является исследование Т.И. Останиной, посвященное памятникам

мазунинского этапа тарасовской культуры (мазунинской культуры – по Т.И. Останиной). Ею был статистически изучен погребальный обряд 11 могильников этого типа и выяснена степень их сходства на уровне 0,83–1,0 (Останина, 1997, табл. 40). Подобным же образом ею был исследован сопровождающий погребальный инвентарь, и вновь была подтверждена высокая степень его сходства с другими могильниками этого типа (Останина, 1997, с. 172–173, табл. 39, рис. 81).

Наиболее полная информация о погребальном обряде тарасовской культуры содержится в материалах эпонимного Тарасовского могильника, содержащего 1880 захоронений I–V вв. н.э. (Голдина и др., 2015). Анализ погребальной обрядности этого памятника показал единство исследуемого массива и плавное эволюционное нарастание или угасание некоторых признаков обряда. Могилы располагались рядами и группами, преимущественно ориентированы в меридиональном направлении, но выделяются кусты с иной ориентировкой. Типичное погребение – одиночное грунтовое захоронение по способу труположения без сохранившихся надмогильных сооружений. Размер и форма ямы зависели от возраста захороненного. Умершие уложены в гробовища или колоды. Обычная поза – вытянуто на спине, руки – вдоль тела или согнуты в локтях. Антропологически определены 588 женских захоронений, 359 мужских и 171 детских (до 12 лет). Преобладающий возраст смерти людей – 17–29 лет (26,8%) и 30–45 лет (13,2%). Общая продолжительность жизни взрослых людей составила 29,8 года, мужчин – 31,3 года, женщин 28,2 года. Планиграфическое распределение мужчин и женщин подтверждает семейный принцип захоронения умерших.

74,4% всех могил содержит погребальный инвентарь. В его расположении главенствуют 3 тенденции: первая – часть вещей располагались на костюме так, как использовалась при жизни; вторая – пояса и гривны были развернуты и уложены вдоль тел погребенных; третья традиция – класть у головы или ног умерших подарочные наборы, включающие 2 и более предмета, чаще всего бусы и височные подвески. Количество видов инвентаря в могилах колеблется от 1 до 17. Для женских захоронений характерны височные подвески, бусы, бисер, фибулы, браслеты, гривны и т. п., для мужских – мечи, наконечники стрел и копий, боевые косы, колчаные крючки, ножны, застежки.

Сопоставление материалов погребальной обрядности ранней (I–II вв.) и поздней (III–V вв.) частей могильника в совокупности с анализом планиграфии размещения разных категорий инвентаря позволили выявить общие и особенные черты, присущие обеим стадиям. Очевидно, площадка памятника заполнялась захоронениями равномерно с юга на север. К ранним погребениям относятся около $\frac{1}{3}$ всего массива датированных могил, к поздним – $\frac{2}{3}$ от выборки. От ранних к поздним наблюдается рост числа погребений с подарочными наборами, уменьшение количества безынвентарных захоронений. Как в ранних, так и в поздних погребениях встречались: ножи, височные подвески, пронизки, перстни, удила, пряслица. Количественная и типологическая представленность этих находок в ранних и поздних погребениях различается, увеличиваясь, уменьшаясь или исчезая со временем. В I–II вв. преимущественно использовались застежки с неподвижным крючком, сьюльгамы, подвески. В III–V вв. появились поясные наборы с металлической гарнитурой, накладки-раковины, фибулы, боевые косы, пинцеты, точила, металлургические заготовки. Изменения в материальной культуре за время функционирования памятника отражают эволюцию экономики, общественного устройства, военного дела, торговли.

Для поздней, мазунинской стадии отмечен значительный прирост населения. В поздней группе могил появился новый тип захоронений – глубокие богатые погребения воинов-всадников с большим количеством разнообразного вооружения и другими статусными вещами. Эта тенденция присуща не только Тарасовскому могильнику, но и ряду других синхронных памятников, что указывает на полную включенность тарасовского населения в общеисторические процессы, затрагивающие весь Камский регион.

Для выяснения места Тарасовского могильника в пьяноборской культурно-исторической общности был предпринят статистический анализ признаков погребального обряда 17 синхронных могильников Среднего Прикамья. Критерием отбора была максимальная информативность материалов памятников. Хронологический диапазон привлекаемых для анализа могильников – от III в. до н.э. до V в. н.э. Датировки могильников используются в авторской редакции. Наиболее широкую датировку имеют могильники: Чеганда II и Нырғында II: III в. до н.э. – II в. н.э. (Генинг, 1970, с. 88–93),

а также Юлдашево (Пшеничнюк, 1986). К I–III вв. н.э. отнесены могильники Ныргында I (Голдина, Красноперов, 2012) и Новосасыкуль (Васюткин, Калинин, 1986), а к I в. до н.э. – III в. н.э. – Кушулево III (Агеев, Мажитов, 1986). Синхронен Тарасовскому Красноярский некрополь, датируемый I–V вв. (Казанцева, 2012). Время функционирования остальных памятников укладывается в разные периоды в пределах III–V вв.: Чепаниха – III в. (Останина, 1984), Ангасяк – II–IV вв. (Тагиров, 2007), Сайгатка – конец III – первая половина IV в. (Стоянов, 1962), Мазунино – III–IV вв. (Генинг, Мырсина, 1967), Боярка «Арай» – IV – начало V в. (Черных, 2008), Старо-Кабаново – IV–V вв. (Васюткин, Останина, 1986, с. 64), Ижевск – III–V вв. (Останина, 1984, с. 45), Тураево I (грунтовая часть) – вторая половина IV–V в. н.э. (Голдина, Бернц, 2010), Покровское – конец IV–V в. (Останина, 1997, с. 131).

Несмотря на то, что могильники имеют разную длительность использования, все они относятся к одному культурному кругу – пьяноборской общности в ее тарасовском варианте и сопоставление памятников представляется вполне оправданным и перспективным для выяснения общего и особенного.

Сравнению подверглись 16 могильников, синхронных в разной степени Тарасово и содержащих 3260 погребений, и 1880 могил Тарасово. Анализ проведен по 94 признакам. В результате выяснилось, что все могильники имеют высокую степень сходства в пределах 71,7–82,0% (Голдина и др., 2015, илл. 274, 280) и вполне обоснованно относятся к одной культуре.

Т.И. Останина предприняла статистическое сопоставление мазунинской, кара-абызской и пьяноборской (тарасовской – а) культур на основании изучения 24 признаков погребального обряда. Ею использованы материалы, собранные по чегандинской культуре В.Ф. Генингом (1970), по кара-абызу – А.Х. Пшеничнюком и по мазунино – собственные (1997). Выяснилось, что показатель сходства пьяноборья (чегандинская, тарасовская культура) и мазунино достаточно высок – 0,76 (рис. 9), что можно объяснить их преемственностью и принадлежностью к одному культурному блоку. Большой показатель сходства пьяноборья и кара-абыза (0,79) – следствие синхронности и общих истоков (ананьинская общность). Обращает на себя внимание более низкий показатель степени сходства кара-

абыза и мазунино, что определено хронологической разницей и различной локализацией.

Еще более выразительная картина выявилась благодаря исследованиям Ф.А. Сунгатова, который сопоставлял более обширные и современные материалы кара-абызской, пьяноборской (тарасовской), мазунинской культур, а также двух стадий Бирского могильника: I (III–V вв.) и II (V–VIII вв.) по 42 признакам (Сунгатов, 2017). Абсолютно совпали с данными Т.И. Останиной показатели сходства мазунино и кара-абыза (0,59) (рис. 10). Несколько возрос, скорее всего, вследствие масштабных работ на пьяноборских могильниках Башкортостана и более информативной базы по могильникам этого типа, показатель сходства пьяноборья – мазунино – до 0,83, а также снизился показатель сходства кара-абыз – чеганда (тарасово) – до 0,62, что вполне оправдано – разные культуры. Ф.А. Сунгатову удалось четко зафиксировать единство однокультурного синхронного блока: мазунино и Бирск I (III–V вв.) – показатель сходства 0,86 – и преемственного с последним Бирск II (V–VIII вв.) – показатель сходства 0,81. Нет сомнений в однокультурности пьяноборья (чегандинская культура) и мазунино III–V вв. Показатель их сходства – 0,83. Благодаря работе Ф.А. Сунгатова многие предположения обрели доказательную базу.

Принципиально важные результаты были получены В.В. Овсянниковым и А.Ф. Яминовым, которые при изучении Уфимского могильника IV–III вв. до н.э. провели сравнительный анализ его погребального обряда с позднеананьинским Зуевским могильником в удмуртском Прикамье и самыми ранними пьяноборским Уяндыкским I (III–II вв. до н.э.) и кара-абызским Биктимировским (III в. до н.э. – I в. н.э.) могильниками. Сравнение проведено по 36 признакам. Исследователи пришли к выводу, что изучаемые памятники близки по многим показателям (Овсянников, Яминов, 2003, с. 26–29). Многие признаки погребального обряда характерны для всех четырех могильников. Зуевский могильник отличается от последующих присутствием остатков поминальной пищи в могилах в виде остатков глиняной посуды и костей животных. На ранней стадии пьяноборской (чегандинской, тарасовской) и кара-абызской культур авторами отмечены общие тенденции для обеих образований, но появились и специфические черты: в пьяноборском (чегандинском, тарасовском) присутствуют коллективные и парные захоронения, в кара-абызских они редки.

Погребальный обряд кара-абызской культуры характеризуется следующими особенностями (Пшеничнюк, 1973, с. 175–178): как и в других культурах пьяноборского круга, преобладают бескуранные могильники без каких-либо отметок на поверхности. Могильные ямы простые прямоугольные, без особенностей. Размеры зависели от пола и возраста захороненных. Способ захоронения – труположение. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями. На дне зафиксированы следы деревянных настилов. Иногда стенки могил выложены большими камнями. В женских могилах раннего этапа на дне встречались кусочки мела, в поздних могилах зафиксированы остатки животных (задние конечности овцы или свиньи), глиняные сосуды с сопровождающей пищей. В женских могилах обнаружены украшения, в мужских – предметы вооружения и конское снаряжение. Особенностью женского костюма являются парные нагрудные ремни, украшенные бронзовыми накладками («портупей»), располагавшиеся на одежде. Как и в тарасовской (чегандинской) культуре, часть украшений расположена так, как использовалась при жизни, пояса часто развернуты и уложены вдоль или на тело, а часть украшений уложена у ног или у головы в емкости (туески, шкатулки), представляя собой подарочные наборы.

Могильники худяковской культуры имеют следующие признаки: грунтовые могилы расположены рядами, преимущественно простые ямы (редко с заплечиками и нишами) ориентированы в меридиональном направлении; с III в. фиксируются внутримогильные конструкции типа гробовищ, известны подстилки из луба, бересты, ткани, войлока и др.; преобладание ингумации, наличие жертвенных комплексов (0,8–6,5%), проявление культа огня (углистые пятна, угли, прокалы в засыпи и в межмогильном пространстве). На памятниках бассейна р. Вятки известны трупосожжения (полная или частичная кремация до 69,4% – Худяки). На других территориях трупосожжения единичны (Рождествено V). На Нижней Каме и в марийском левобережье Волги в могилах встречаются остатки коней (единично и до 47% – Нармонка). Кремация для лесного Поволжья – у разных групп населения – явление распространенное: в марийско-нижегородском Поволжье – Безводнинский могильник V – начала VIII в. (Краснов, 1980; Никитина, 1999), на памятниках Окско-Сурского междуречья второй половины

IV – начала V вв. (Букина, 1998; Ставицкий, 2013) и др., поэтому существование обряда трупосожжения у западных групп пьяноборской культурно-исторической общности не является чем-то экстраординарным. Очевидно, что на большой территории худяковской культуры вполне возможны локальные особенности: для вятского варианта – трупосожжение, а для нижекамского – остатки коней на дне могильных ям.

Итак, как показали предшествующие исследования, погребальный обряд пьяноборской культурно-исторической общности наиболее полно представлен в материалах Тарасовского могильника. Именно его черты представляют классический вариант этого объединения. Высокие показатели сходства различных могильников демонстрируют единство общности на протяжении первой половины I тыс. н.э. Кроме того, они же доказывают близость всех трех локальных образований: кара-абызской, тарасовской и худяковской культур.

Решение проблемы характера соотношения локальных групп памятников пьяноборского облика в бассейнах рр. Камы, Белой, Вятки невозможно без рассмотрения вещевых комплексов культур и, прежде всего, металлической пластики костюмных ансамблей, обладающей максимальной этнокультурной информативностью. Это огромный и разнообразный пласт материалов, анализ которого предполагает применение статистики, учета общих и особенных черт в каждой культуре. В рамках данной статьи предпринят первоначальный подход к теме с позиции выявления общих параллелей в эволюции преимущественно местных типов украшений тарасовской (чегандинской), кара-абызской и худяковской культур. О своеобразии тарасовского (чегандинского) комплекса можно судить по данным статистики и типологии Б.Б. Агеева (1992), о периоде I–V вв. – по результатам исследования Тарасовского могильника (Голдина, 2003; 2004; Голдина и др., 2015; Голдина, Бернц, 2016, 2016а, 2017, 2017а) с привлечением корпуса источников мазунинского времени, изученного Т.И. Останиной (1997). Характеристика вещевых комплексов бельского варианта позднего пьяноборья (Бирский могильник) представлена в диссертационном исследовании А.Н. Султановой (2000). В основе источниковой базы по вятскому варианту пьяноборья лежат данные по систематизации вещевых комплексов могильников худяковской культуры (Лещинская,

2014) с учетом опубликованных материалов памятников азелинского типа Нижней Камы (Старостин, 2002; 2009), а также марийского течения р. Волги (Халиков, 1962; Никитина, 1999). В качестве источников по кара-абызской культуре привлечены материалы многочисленных работ А.Х. Пшеничнюка (1973, 1976, 1982 и др.), коллективная монография уфимских исследователей (Овсянников и др., 2007), диссертационное исследование С.Л. Воробьевой (2012) и др.

Самым распространенным элементом костюмного комплекса всех локальных территорий пьяноборского мира можно считать височные подвески (рис. 11: 1–18). При всей специфике набора их в каждом ареале, объединяющим типом выступают подвески в виде знака вопроса. Среди них можно отметить подвески с цельнолитой конической трубицей (рис. 11: 1–5). Для кара-абызских памятников С.Л. Воробьева отмечает 13 экз. этого типа, датируя их II—I вв. до н.э. (Воробьева, 2012, Т. II. с. 65, рис. 19: 11, 12). Наибольшее распространение этот тип подвесок получил в камско-бельских раннечегандинских памятниках (593 экз. из 11 могильников) (Агеев, 1992, с. 31, 111–112, табл. 1: 12). В.Ф. Генинг их развитие относил к стадиям А–В (III в. до н.э. – I в. н.э.) эволюционной схемы украшений чегандинской (тарасовской) культуры (Генинг, 1970, рис. 20: 21, 58). В материалах Ныргындинского I могильника II–III вв. это также самый распространенный тип среди подвесок в виде знака вопроса (35 экз. из 71) (Голдина, Красноперов, 2012, с. 69, табл. 221). В могильниках худяковской культуры обнаружен 1 экз. (Голдина и др., 2014, табл. 171: 8), что вполне объяснимо небольшой выборкой ранних погребений на Вятке. Особо популярными во всех локальных ареалах были височные подвески с витой трубицей (рис. 11: 6–12). Ранние типы конической трубицей в кара-абызских памятниках встречаются в III в. до н.э. – II в. н.э. (47 экз.) (Воробьева, 2012, Т. II. с. 63–64, рис. 19: 1–6). В это же время, по мнению В.Ф. Генинга (1970, с. 51, рис. 20: 22, 87), они становятся популярными у населения Камско-Бельского региона (730 экз.) (Агеев, 1992, с. 31, табл. 1: 8, 9, 27). В материалах Тарасовского могильника подобные височные подвески часто встречаются в комплексах I–II вв. (Голдина, Бернц, 2016, с. 68, рис. 11: 29). Вариант подвесок с витой конической трубицей характерен для худяковских захоронений II–III вв. (не менее 60 экз. в Ошках и Худяках) (Лещинская, 2014, табл. 1:

17–26). В III–V вв. и на Каме, и на Белой ведущим типом височных подвесок стал так называемый «мазунинский» тип, с кольцом в нижней части прямого стержня, обмотанного бронзовой проволокой или стержня из перевитой проволоки (рис. 11: 13–18). Подобные височные подвески сотнями зафиксированы и на Тарасовском (Голдина и др., 2015, илл. 235), и Бирском (Султанова, 2000, с. 18, рис. 3: 14, 20, 21) могильниках. В худяковских некрополях такие височные подвески встречаются реже (7 экз.: Суворово и Рождественно V) (Генинг, 1963, табл. I: 1; Старостин, 2009, рис. 42: 8). Здесь продолжает эволюционировать тип подвесок со свисающим спирально-витым стержнем, в отличие от ранних вариантов с прямым длинным стержнем, часто дополненным привесками (Лещинская, 2014, табл. 1: 15, 27–30).

В большинстве пьяноборских памятников встречаются перстни, однако степень распространения их имеет индивидуальные характеристики как по локальным ареалам, так и по некролям. Значительно выше этот показатель для кара-абызских комплексов: 12,3% (Воробьева, 2012, Т. I. с. 48), чем для ранних камско-бельских тарасовских могильников: 4% (67 из 1685 погр. на 12 могильниках) (Агеев, 1992, с. 44, 45, 117, табл. 13); 1,2% – по материалам Тарасовского могильника, с практически равным распределением по хронологическим стадиям (Голдина и др., 2015, с. 31). В вятском ареале диапазон встречаемости перстней варьирует от 1,7% для Худяковского (2 погр. из 120), 15,6% – Ошкинского (5 погр. из 32) могильников до 23,7% (18 погр. из 76) для Первомайского некрополя с явным преобладанием числа погребений с перстнями в азелинское время (14 погр. из 18). Эта тенденция более высоких процентных показателей встречаемости перстней в могильниках III–V вв. прослеживается по Тюм-Тюмскому (26,9% – 21 погр. из 78), Уржумкинскому (28,6% – 10 погр. из 35) могильникам (Ошибкина, 2010; Никитина, 1999, с. 61–67, рис. 44–59). Чуть ниже эти показатели для Рождественского V (15,8% – 16 погр. из 101) и Мари-Луговского (11,1% – 5 погр. из 45) могильников (Старостин, 2009, с. 40; Халиков, 1962). Для Бирского некрополя коллекция перстней менее представительна (30 экз.), чем гривен (50 экз.) и браслетов (191 экз.) (Султанова, 2000, с. 43).

Наиболее популярным типом перстней во всех локальных группах, особенно на ранних этапах пьяноборья, были спираль-

новитые изделия (рис. 11: 27–32). Крупная коллекция таких перстней зафиксирована практически во всех хронологических этапах кара-абыза: 26 экз. пластинчатых колец и 64 экз. спиральновитых перстней из дрота различного сечения (Воробьева, 2012, Т. II. с. 53–55, рис. 17, 18). В раннегегандинских комплексах преобладают пластинчатые и дровые изделия с заходящими концами (18 экз.), и лишь 2 экземплярами представлены дровые многовитковые перстни (Агеев, 1992, с. 44, табл. 13: 1–3). В Тарасово встречено 3 экз. пластинчатых спиральновитых перстней в комплексах второй половины II в. и 2 дровых многовитковых перстня в погребениях первой половины III в. В вятских комплексах II–III вв. (Ошки; Первомай) найдено 2 пластинчатых двух-трехвитковых перстня; в III–V вв. встречаются только многовитковые перстни из проволоки (Рождествено V – 8 экз.; Тюм-Тюм – 1 экз.) (Старостин, 2009, с. 40; Ошибкина, 2010, табл. 7: 5). Сведений о спиральновитых перстнях в бирских погребениях нет.

Для ранних периодов пьяноборья всех локальных ареалов характерны перстни с крупным развернутым в вертикальной проекции орнаментированным щитком (рис. 11: 21, 24, 25): 2 экз. в кара-абызе (Воробьева, 2012, с. 52, 53, рис. 16: 18, 20), 4 – в раннегегандинских захоронениях (Агеев, 1992, с. 45, табл. 13: 17–19, 21); 2 – в тарасовских комплексах I в. н.э. (Голдина, Бернц, 2017а, рис. 9: 19); 3 – в вятских погребениях конца I–II в. (Ошки, Первомай) (Лещинская, 2014, табл. 2: 32, 33). Типологически и хронологически им близки перстни с массивным прямоугольным щитком в горизонтальной проекции (рис. 11: 22, 23, 26), которые обнаружены как на Вятке (3 экз.; Ошки, Худяки) (Лещинская, 2014, табл. 2: 30, 35, 36), так и в камско-бельских памятниках (4 экз.) (Агеев, 1992, табл. 13: 15), и в кара-абызских материалах (3 экз.) (Воробьева, 2012, с. 51, рис. 16: 14). В кара-абызских (Воробьева, 2012, с. 51, рис. 16: 7, 8) и вятских (Худяки) коллекциях перстней есть параллели по цельнолитым перстням с округлым щитком (соответственно 9 и 1 экз.; рис. 11: 19, 20).

В позднепьяноборское время объединяющим типом перстней для всех локальных территорий выступали пластинчатые кольца с незамкнутыми концами, имеющими вариации в оформлении для каждого ареала (рис. 11: 33–37). Наибольшее количество (не менее 36 экз.) таких перстней встречается в

памятниках азелинского типа. Для них характерны широкие, чаще орнаментированные пластины с заходящими концами. Их основной массив приходится на комплексы IV в. (Лещинская, 2014, табл. 2: 2–7, 10; 92: 1–3, 7). Для поздней части Тарасово (IV–V вв.) известно 7 экз. пластинчатых перстней, для Бирска – 18 экз. (Султанова, 2000, с. 43, рис. 18: 3) и чаще всего это изделия с узкими пластинами с незамкнутыми, иногда заходящими концами, редко – орнаментированные.

Из шейных украшений в некрополях всех локальных ареалов пьяноборской общности изредка встречаются гривны (рис. 12). С.Л. Воробьева для кара-абызской культуры IV в. до н.э. – IV в. н.э. зафиксировала находки гривен лишь в 5,15% погребений (Воробьева, 2012, с. 36). В монографии по Шиповскому могильнику авторы пишут, что «... со II в. до н.э. по II в. н.э. кара-абызское население за редкими исключениями не практиковало помещение гривен в могилу» (Овсянников и др., 2007, с. 69). В свое время Б.Б. Агеевым для пьяноборских (гегандинских) могильников II в. до н.э. – III в. н.э. было учтено 60 гривен с 5 некрополей. Их распределение по памятникам показывает, что процент погребений с гривнами от общего количества проанализированных захоронений колеблется от 0,3–2,3% до 5,3–7,1% (Агеев, 1992, с. 35–36, 79, 113). Близкие показатели характерны и для Тарасовского могильника I–V вв.: гривны обнаружены в 5,8% погребений могильника, при этом наименьшее их количество приходится на ныргындинскую стадию развития некрополя I–II вв. н.э. (Голдина и др., 2015, с. 30, илл. 220). Редко встречаются гривны в захоронениях конца I–III вв. и на вятских могильниках. Если обратиться к наиболее раскопанным некрополям, то в Худяковском могильнике III – начала IV в. только 2 захоронения из 120 (1,7%) содержали гривны; чуть чаще встречаются гривны в Ошкинском могильнике конца I–III вв. н.э. (4 погр. из 32: 12,5%) (Голдина и др., 2014, табл. 25, 26 и др.). К поздним этапам пьяноборья (III–V вв.) тенденция к использованию гривен в костюмном комплексе возрастает. Для Бирского могильника коллекция гривен насчитывает 50 экз. (включая небольшое количество раннесредневековых типов) для 692 погребений (Султанова, 2000, с. 24–25). В 1,5 раза чаще, чем ранее, встречаются гривны в погребениях мазунинской стадии Тарасовского могильника (Голдина и др., 2015, с. 44, илл. 220). Для могильников

азелинского типа картина распространения гривен более разнообразна. На самом северном Первомайском могильнике из 76 захоронений гривны обнаружены в 8 погребениях III–V вв. (10,5%) (Голдина и др., 2014, с. 372–445). На вятских Тюм-Тюмском, Суворовском, Азелинском могильниках процент встречаемости гривен в погребениях самый высокий: 24,4% (19 погр. из 78), 32,3% (10 погр. из 31) и 21,1% (4 погр. из 19) соответственно (Ошибкина, 2010, табл. 1–63; Генинг, 1963, табл. III, XXII). На нижнекамском Рождественском V могильнике гривны найдены в 9 погребениях из 101 (8,9%) (Старостин, 2009, с. 38). Близкие показатели характерны и для поволжского азелинского Мари-Луговского могильника: 3 погребения с гривнами из 45 захоронений (6,7%) (Халиков, 1962, табл. XXXIV: 15–17). Вместе с тем на поволжском Уржумкинском некрополе почти каждое четвертое захоронение (9 погр. из 35) содержало гривну (25,7%) (Никитина, 1999, рис. 44–59).

Сравнение ареальных групп памятников по морфологическим признакам гривен показывает, что на ранних этапах пьяноборья для кара-абызских памятников самым распространенным типом (20 экз.) выступали круглопроволочные гривны с заходящими друг за друга концами (рис. 12: 1) (Воробьева, 2012, с. 37–38). Единичные их варианты зафиксированы пока только на Вятке (рис. 12: 2): клад рубежа эр на Буйском городище – 5 экз. (Лещинская, 2009, с. 114, рис. 3: 13) и погр. 22 II в. н.э. Ошкинского могильника – 1 экз. (Голдина и др., 2014, табл. 25: 38). Нет в других ареалах, кроме кара-абызского, и сложносоставных гривен из нескольких дротов (Воробьева, 2012, с. 39–40). Близкие по морфологии гривны появляются во всех группах на рубеже эр и в первые века I тыс. н.э. Это круглопроволочные гривны с расплюснутыми концами (рис. 12: 3–5): кара-абызские могильники – 3 экз. (Воробьева, 2012, с. 38–39), вятский Ошкинский могильник – 1 экз. (Голдина и др., 2014, табл. 35: 11), среднекамский Тарасовский некрополь – 1 экз.¹ Для пьяноборских захоронений I–III вв. это,

¹ Здесь и далее при отсутствии ссылок на количественные показатели изделий Тарасовского могильника использованы данные из типологического анализа погребального инвентаря памятника, выполненного Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц для IV тома коллективной монографии «Материальная культура Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме» (готовится к изданию).

скорее всего, завершающий этап развития массового ананьинского прототипа подобных гривен (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 86: 2г; 92: 4а; 96: 9г и др.). Круглопроволочные гривны с замком в виде двух крючков (рис. 12: 10–13) появляются в кара-абызских (3 экз.) (Воробьева, 2012, с. 38) и раннечегандинских (6 экз.) (Агеев, 1992, с. 35–36, 113, табл. 4: 7) погребениях II–I вв. до н.э. – III в. н.э.; в захоронениях I–II вв. Тарасовского могильника (3 экз.). На вятских памятниках, при небольшом количестве раннепьяноборских погребений, пока можно зафиксировать только пик распространения таких гривен в III–V вв. (Лещинская, 2014, табл. 98: 18).

В I–III вв. н.э. памятники тарасовской (чегандинской) и худяковской культур сближают находки в захоронениях витых гривен (рис. 12: 6, 8): 10 экз. в Тарасово; 14 экз. по данным Б.Б. Агеева (1992, табл. 4: 4, 10, 12); 3 экз. и подъемный материал в Худяках, Ошках (Голдина и др., 2014, табл. 26: 27; 40; 42: 8; 64: 11; 74: 2). Как таковых витых гривен в кара-абызских материалах нет, но принцип украшения основного дрота гривны обмоткой из проволоки встречается (Воробьева, 2012, рис. 10; 11: 1). Стоит заметить, что все общие типы для локальных групп памятников, как правило, имеют ананьинские истоки. Кроме уже упомянутых гривен с расплюснутыми концами, это касается гривен с крючками на концах и витых изделий (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 90: 6; 107: 5б и др.; табл. 2: 3б; 28: 5а; 48: 3а и др.).

В III–V вв. часто встречаемым типом гривен во всех пьяноборских ареалах выступают круглопроволочные гривны с замком из двух крючков (рис. 12: 10, 11, 13): Бирск – 35 экз. (Султанова, 2000, с. 24, рис. 6: 6); Тарасово – не менее 21 экз.; в опубликованных материалах могильников азелинского типа – 21 экз.² Значительно реже, но также повсеместно зафиксированы гривны с ромбическим или восьмигранным сечением дрота (рис. 12: 14–16): Бирск – 6 экз. (Султанова, 2000, с. 24, рис. 6: 7), Тарасово – 5 экз., волговятские могильники – 3 экз.. Витые гривны встречаются во всех локальных группах памятников, но отличаются конструктивными особенностями. Для погребений мазунинского этапа Тарасовского могильника характерны гривны с железной основой и намотанной на

² Здесь и в дальнейшем приводятся суммарные количественные данные по отдельным категориям предметов из опубликованных памятников первой половины I тыс. н.э. Вятки, Нижней Камы, Волги.

нее бронзовой проволокой (24 экз.). Изредка (3 экз.) такие гривны дополнены бронзовыми бусинами (рис. 12: 17). Для азелинских памятников чаще встречаются бронзовые частично перевитые и ложновитые (тордированные) гривны – не менее 14 экз. (рис. 12: 9), при этом нижнекамские варианты в единичных случаях могут быть дополнены бусами (рис. 12: 19): (Рождественно V; Нармонка) (Старостин, 2009, рис. 11: 26; 2002, рис. 4: 4). В единичных случаях гривны тарасовского типа зафиксированы в худяковских погребениях марийского течения р. Волги (Уржумка) (Никитина, 1999, рис. 57: 7). Там же встречаются гривны с частичной обмоткой на концах (Арзебеля; Уржумка) (Никитина, 1999, рис. 57: 6; 63: 6). На Бирском могильнике единично обнаружены как частично перевитые гривны – 1 экз. (рис. 12: 7), так и с бронзовой намоткой на основной дрот и бусами – 5 экз. (рис. 12: 18) (Султанова, 2000, рис. 6: 2, 3).

Среди наручных украшений анализируемых культур встречаются браслеты. Степень распространенности их в погребальных комплексах близка показателям встречаемости гривен. Для кара-абызских могильников – 5,3% (Воробьева, 2012, с. 42), для раннечегандинских захоронений Камско-Бельского междуречья 3,4% – 61 из 1818 погр. из 12 могильников (Агеев, 1992, с. 10, 44, 117). Среди захоронений Тарасовского могильника 6,54% погребений (123 погр. из 1880) содержали браслеты, с преобладанием их на поздней мазунинской стадии. Для вятских могильников худяковской культуры диапазон показателей встречаемости браслетов в погребениях колеблется от 0,8% (Худяки: 1 погр. из 120) до 6,25% (Ошки: 2 погр. из 32) – 6,6% (Первомай: 5 погр. из 76). Наиболее высокий показатель (16,7%) дают материалы Тюм-Тюмского могильника IV–V вв. (13 погр. из 78) (Ошибкина, 2010). В нижнекамском Рождественском V некрополе 7 погребений из 101 содержали браслеты (6,9%) (Старостин, 2009, с. 39–40). Два поволжских могильника дают разброс показателей встречаемости браслетов от 5,7% (Уржумка: 2 погр. из 35) (Никитина, 1999, рис. 45) до 15,6% (Мари-Луговской: 7 погр. из 45) (Халиков, 1962, табл. XXXIV). В целом, наиболее часто браслеты в Волго-Камско-Вятском пьяноборском ареале обнаружены в захоронениях III–V вв., преимущественно в IV в. (Лещинская, 2014, табл. 3, 86, 92, 98). Значительная коллекция браслетов происходит из Бирского могильника – 191 экз. из 692 погребений (Султанова, 2000, с. 43, 44), одна-

ко комплекс включает и раннесредневековые типы, которые количественно не выделены. В целом можно констатировать, что по показателю степени встречаемости браслетов общей тенденцией для всех локальных территорий пьяноборской общности является невысокая доля их в ранних памятниках и рост встречаемости в позднепьяноборское время.

К объединяющим типам браслетов на ранних этапах пьяноборских культур можно отнести дровые браслеты с заходящими концами (рис. 13: 1, 3, 5). Наиболее характерны они для кара-абызских комплексов II в. до н.э. – III в. н.э.: С.Л. Воробьева отмечает 22 экз. подобных изделий (Воробьева, 2012, с. 43, рис. 14). В чегандинских погребениях этого времени их находят в значительно меньшем количестве (Агеев, 1992, табл. 13: 31). В Тарасовском могильнике зафиксировано 7 экз. в комплексах I–II вв. В ранних вятских погребениях известен лишь 1 экз. на Ошкинском могильнике (Голдина и др., 2014, табл. 23: 1). Среди этого типа браслетов и в камских, и в бельских комплексах II–III вв. встречается незначительное количество дровых браслетов с закрученными в спираль концами (рис. 13: 2, 4): Шипово – 1 экз. (Воробьева, 2012, с. 44, рис. 14: 10); Тарасово – 2 экз. Несколько иная картина складывается, если рассматривать такой общий тип как многовитковые браслеты (рис. 13: 6–10). В кара-абызе встречаются как дровые, так и пластинчатые браслеты, но в единичных экземплярах (Воробьева, 2012, т. 1, с. 45, 46; т. 2, рис. 14: 11, 12). В чегандинских материалах наоборот зафиксированы десятки многовитковых браслетов (Агеев, 1992, с. 44, табл. 13: 26, 27, 30; Генинг, 1970, с. 56, рис. 20: 23, 43, 59). Тарасовская коллекция насчитывает 15 экз. железных пластинчатых многовитковых браслетов из комплексов I – первой половины II вв. (Голдина, Бернц, 2016, с. 74, рис. 12: 31). В волго-вятских некрополях дровый многовитковый браслет известен только в позднем комплексе (IV в.) Мари-Луговского могильника (Халиков, 1962, табл. XXXIV: 23).

В позднепьяноборское время (III–V вв.) самым распространенным общим типом браслетов во всех локальных ареалах являются круглопроволочные браслеты с плоскими рублеными или закругленными, иногда утолщенными концами (рис. 13: 11–14). Более сотни их обнаружено в Бирском могильнике (Султанова, 2000, с. 43, рис. 18: 7–13), не менее 23 – в Тарасово и 20 – в

азелинских могильниках Вятки, Камы, Волги. Чуть чаще (24 экз.) в азелинских комплексах встречаются круглопроволочные браслеты с расплюснутыми концами (рис. 13: 18). На других территориях пьяноборской общности находки их редки (рис. 13: 15–17): Бирск – 2 экз. (Султанова, 2000, с. 44, рис. 18: 16, 20), Тарасово – 6 экз., Шипово – 1 экз. (Воробьева, 2012, с. 46, рис. 14: 7). Общим типом выступают и пластинчатые железные и бронзовые браслеты, которые больше зафиксированы на Тарасовском могильнике (18 экз.), чуть меньше встречаются в Бирске (9 экз.) (Султанова, 2000, с. 44, рис. 18: 15) и вятских (8 экз.) некрополях (рис. 13: 19–21).

Традиционно для костюмных комплексов культур пьяноборского круга использование различных вариантов бляшек: в качестве украшения ворота, рукавов, подола, пол одежды; элементов головных, нагрудных, поясных, обувных уборов. Как правило, это цельнолитые бляшки, которые исчисляются тысячами в кара-абызских памятниках (Воробьева, 2012, с. 136–140, рис. 47: 7–15; 56; 57). Более 2800 экземпляров найдено только в погребениях Тарасовского могильника. На порядок меньше их на памятниках худяковской культуры, что легко можно объяснить меньшим объемом источников (Лещинская, 2014, табл. 31–33). Наибольшее их разнообразие и количество зафиксировано для раннепьяноборских комплексов – бляшки с петельным креплением: круглые плоские, полусферические, умбоновидные, простые и орнаментированные, многосоставные; бляшки с отверстием в центре для крепления, как правило, плоские (рис. 14: 1–23). В III–V вв. бляшки встречаются повсеместно, но меньше, исчисляясь десятками и сотнями, использованы как в костюме, так и в конском убранстве. Как правило, это бляшки небольших размеров, встречается петельное крепление, но преобладают нашивные бляшки или изделия со штифтовым креплением (рис. 14: 24–29).

В значительно меньшем количестве, но на памятниках всех пьяноборских территорий, присутствуют и крупные бляхи, используемые как поясные или нагрудные украшения. Часть из них выполнена из высокооловянистых бронз, другая из бронзовых сплавов местной рецептуры. Наиболее активный период их использования – II–IV вв. (рис. 14: 30–32).

К популярным деталям пьяноборского костюма можно отнести и многочисленные пронизки (обоймы по С.Л. Воробьевой)

(рис. 15). К сожалению, в публикациях часто нет корректных количественных показателей, есть понятия «многочисленные», «распространенные типы» и др., что позволяет сделать только общие выводы о преобладании тех или иных изделий в ареальных группах памятников. В среднепьяноборское время наибольшие параллели по этой категории украшений проявляют кара-абызские и тарасовские (чегандинские) памятники. К общим типам можно отнести короткие широкие пронизки с вырезом на обороте (рис. 15: 2–4), более характерные для кара-абыза, и одинарные или двойные полуцилиндрические пронизки с поперечными насечками (рис. 15: 1, 7), чаще встречаемые в чегандинских комплексах. В каждом из этих ареалов, но значительно реже встречаются пронизки-лапки (рис. 15: 10, 11) и флаконовидные пронизки (рис. 15: 12, 13). Вятские материалы немногочисленны: с кара-абызом их сближают находки бус-пронизок (рис. 15: 5, 6, 8, 9), со всеми ареалами – флаконовидные пронизки (рис. 15: 14).

В III–V вв. во всех пьяноборских культурах зафиксированы зооморфные пронизки. Пронизки-медведи более характерны для Тарасовского 21 экз.; (рис. 15: 16) (Голдина, Бернц, 2017а, с. 63, рис. 9: 64) и Бирского – 24 экз. (рис. 15: 15) (Султанова, 2000, рис. 7: 1–5) могильников. В азелинских комплексах их встречено только 3 экз. (рис. 15: 17), количественно (не менее 41 экз.) здесь преобладают пронизки-уточки (рис. 15: 20, 21), не считая специфических типов с поперечной петлей в нижней части тулова (Лещинская, 2014, табл. 19), в то время как единичные их экземпляры найдены в Тарасово (5 экз.) (рис. 15: 18) (Голдина, Бернц, 2017а, с. 57, рис. 7: 48) и Бирске (5 экз.) (рис. 15: 19) (Султанова, 2000, с. 26, рис. 7: 6, 7).

Самая разнообразная по типам категория украшений пьяноборского костюма – подвески. Наиболее четкие параллели по этим изделиям между локальными группами памятников фиксируются в основном в раннепьяноборское время. Прежде всего, это круглые мелкие подвески со сплошным или прорезным щитком, часто дополненные округлыми выступами в нижней части основы, а также элементами спирали в качестве орнамента (рис. 16: 1–5). Они характерны для чегандинских, худяковских комплексов, где в зависимости от объема источников могут исчисляться сотнями (Тарасово: не менее 270 экз.) или десятками (вятские могильники – 21 экз.) (Лещинская, 2014, табл. 16: 1–8). В

бассейне р. Белой 5 подвесок зафиксировано в кара-абызских могильниках (Воробьева, 2012, с. 186, рис. 65: 13) и 29 – в ранних комплексах Бирского могильника (Султанова, 2000, с. 22, 23, рис. 5: 7–14). Популярны в этот период пьяноборья и подвески геометрических форм, преимущественно трапециевидных, подтреугольных, прямоугольных (рис. 16: 6–11). Значительная часть их выполнена из зеркал или крупных круглых блях. Самая представительная коллекция, более двух сотен, происходит из кара-абызских могильников (Воробьева, 2012, с. 175–178, рис. 62). Б.Б. Агеев для камско-бельских чегандинских некрополей привел данные о 78 изделиях (Агеев, 1992, с. 38, рис. 3: 9–12). Не менее 67 подвесок этого типа встречено в комплексах Тарасовского могильника, в т.ч. и в позднепьяноборских погребениях (Голдина, Бернц, 2016, рис. 15: 53; 2017а, рис. 10: 81). Находки трапециевидных подвесок (7 экз.) отмечает А.Н. Султанова для Бирского могильника (Султанова, 2000, с. 23, рис. 5: 19). 11 таких подвесок известно из худяковских могильников. В гораздо меньшем количестве, но во всех пьяноборских ареалах зафиксированы лапчатые подвески (рис. 16: 12–15), при этом основной их массив (не менее 26 экз.) происходит из чегандинских комплексов (Агеев, 1992, с. 39, рис. 3: 17, 19, 23–27; Голдина и др., 2015, илл. 238; Голдина, Бернц, 2016, с. 77, рис. 12: 34) и только единичные экземпляры изделий найдены в кара-абызской (Воробьева, 2012, с. 185, рис. 65: 12) и худяковской (2 экз.) культурах (Лещинская, 2014, табл. 18: 14, 15). Тарасовский (чегандинский) ареал был центром производства и крупных ажурных арочных подвесок (рис. 16: 16): 8 экз. зафиксировано Б.Б. Агеевым (1992, с. 38, рис. 3: 18, 21, 22) и 5 происходят из Тарасовских комплексов I в. (Голдина, Бернц, 2016, рис. 10: 22). Единственный экземпляр подобной подвески известен для кара-абыза (рис. 16: 17) (Воробьева, 2012, с. 185–186, рис. 65: 10). Возможно, был прав Б.Б. Агеев, говоря, что подобные подвески стали прототипом «прикамских арочных подвесок» (Агеев, 1992, с. 39), вероятно, подразумевая под ними крупные ажурные шумящие подвески азелинского типа (Лещинская, 2014, табл. 11: 13). В позднем пьяноборье в каждом ареале памятников развивается своя стилистика подвесок.

Среди общих типов металлической пластики пьяноборского костюмного комплекса следует отметить и ажурно-прорезные накладки, в большинстве своем нашив-

ные, реже с петельным креплением (рис. 16: 18–26). Судя по степени распространенности, центр их производства и более интенсивного использования находился на территории тарасовской (чегандинской) культуры. В комплексах преимущественно III–I вв. до н.э. (Генинг, 1970, рис. 20: 30–33, 48, 49, 100) Б.Б. Агеевым зафиксирована коллекция из 221 экз. (1992, с. 39, 40, табл. 9). В первые века I тыс. н.э., как демонстрируют материалы Тарасовского могильника (не менее 15 экз.), количество их сокращается (Голдина и др., 2015, илл. 230). На кара-абызских (6 экз.) (Воробьева, 2012, с. 158, рис. 54: 20–23) и камско-вятских памятниках (Рождествено V – 2 экз.; Первомай – 1 экз.; Буйское городище – 6 экз.) их найдены единицы (Старостин, 2009, рис. 25: 3, 8; Лещинская, 2009, рис. 3: 1, 2, 4; 4: 4, 9, 10).

Типологически разнообразны застежки в пьяноборских комплексах. В раннепьяноборское время самое широкое распространение получили застежки с неподвижным крючком (рис. 17), которые сотнями насчитываются в кара-абызских могильниках (Воробьева, 2012, с. 73–90, рис. 22, 27, 29–31), чегандинских комплексах (Агеев, 1992, с. 41–42, табл. 11; Голдина, Бернц, 2016, рис. 2, 3, 7–12) и значительно меньше (10 экз.) – в ранних погребениях худяковской культуры (Лещинская, 2014, табл. 26). В этот же период начинают функционировать эполетообразные застежки (рис. 18: 9–17), с явным доминированием в раннечегандинских памятниках (Агеев, 1992, с. 40, табл. 10), единичными находками в кара-абызских материалах II в. до н.э. – I в. н.э. (Воробьева, 2012, с. 84, рис. 28) и комплексах I–II вв. вятских могильников (Ошки, Первомай – 4 экз.) (Лещинская, 2014, табл. 20). Дальнейшая эволюция эполетообразных застежек связана только с памятниками азелинского этапа худяковской культуры (43 экз. по опубликованным источникам). В III–V вв. в могильниках всех локальных групп встречаются крупные бляхи-застежки «мордовского типа» (рис. 18: 5–8), с самой большой коллекцией на памятниках худяковского типа (не менее 57 экз.), единичными находками в Бирском могильнике (2 экз.) (Султанова, 2000, с. 42, рис. 15: 31) и в Тарасовском некрополе (5 экз.) (Голдина и др., 2015, илл. 227; Голдина, Бернц, 2016а, с. 29, рис. 4: 36). Более ранние экземпляры блях-застежек были популярны больше в чегандинской среде. В такой же пропорции, как и бляхи-застежки, встречаются в локальных ареалах и застежки-сюльгамы (рис. 18: 1–4). Наибольшее их

количество найдено в азелинских памятниках (не менее 51 экз.), Тарасовском могильнике (37 экз.) (Голдина и др., 2015, илл. 101; Голдина, Бернц, 2017а, с. 65, рис. 10: 76), здесь же им предшествует значительный пласт ранних типов сьюльгам. В Бирском могильнике обнаружено лишь 17 экз. поздних типов и 2 ранних изделия (Султанова, 2000, с. 28, рис. 10: 3, 4, 7, 8).

Суммируя полученные результаты сравнительного анализа металлической гарнитуры костюмных комплексов трех археологических образований, можно констатировать, что уже в первом приближении к теме четко просматриваются параллели по многим категориям украшений. Степень сходства больше проявляется для ранних этапов культур, что вполне объяснимо общей исходной ананьинской основой. При этом чуть менее выраженная связь худяковской культуры с остальными ареалами объясняется, прежде всего, небольшим объемом ранних источников. Фиксируемые параллели не исключают своеобразие культур, которое еще необходимо исследовать. Но это различие вызвано скорее

разнонаправленностью внешних импульсов и контактов, обусловленных территориальной локализацией культур. Материалы III–V вв. изучаемых культур демонстрируют однотипность многих элементов женского костюмного комплекса, но с большим, чем ранее, проявлением местных стилистик в оформлении таких категорий, как застежки, височные и нагрудные подвески и др. Объяснение этому следует искать в специфике внутренней эволюции культур. В целом же напрашивается вывод о генетическом родстве культур и их своеобразии на уровне локальных вариантов единой пьяноборской общности.

В заключение хотелось бы выразить уверенность, что, несмотря на множество лагун в археологии Волго-Камья этого времени, приведенные материалы, накопленные на протяжении почти 150 лет изучения этой проблемы, убедят специалистов в реальности существования на рубеже эр и в первой половине I тысячелетия н.э. в Прикамье и прилегающем Поволжье пьяноборской культурно-исторической общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 75–94.
- Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 345 с.
- Букина О.В. Датировка погребений рязано-окских могильников, содержащих остатки трупосожженных (по опубликованным материалам Борковского и Кузьминского могильников) // Культуры европейских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 277–287.
- Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.
- Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 72–91.
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.
- Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Т. 1, 2. Уфа, 2012. 291, 138 с.
- Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск: Удмуртское кн. Изд-во, 1958. 192 с.
- Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып.4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УРКМ; УГУ, 1962. С. 5–52.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1963. С. 5–144, 158–160, 24 табл.

Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1967. С. 141–163.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 7–84.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Ижевск: УРКМ, УГУ, 1970. 260 с.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.А. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. №1. С. 114–136.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э. М.: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 85–165.

Голдина Р.Д. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969–1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск, 1976. С. 75–92.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 6–36.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Иллюстрации / Отв. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. Каталог погребений / Отв. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2004. 319 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №1(15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2(20) С. 47–72.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИ КВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Макаров Л.Д. Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Приложение I / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: б/и, 2014. С. 212–445.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье / МИ КВАЭ. Т. 13 / Ред. О.А. Казанцева. Ижевск, Пермь: Удмуртский государственный университет, 2011. 340 с.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск: Удмуртский университет, 2015. 297 с.

Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА. 1982. № 3. С. 199–209.

Иванов В.А. Городище Серенькино – памятник пьяноборской культуры в низовьях р. Белой // УАВ. Вып. 4. Уфа: Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МКИНП РБ, 2003. С. 199–215.

Казанцева О.А. Исследования Яромасского городища в бассейне р. Камы // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский университет, 1987. С. 135–144.

Казанцева О.А. Гончарная технология населения Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1996. 21 с.

Казанцева О.А. Гончарство древнего населения Среднего Прикамья (по материалам Тарасовского могильника I–V вв. н.э.) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2011. Вып. 1. С. 55–62.

Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья / МИИКВАЭ. Т. 24 / Отв. ред. О.В. Арматынская. Ижевск: б/и, 2012. 180 с.

Клюева Г.Н. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.2. Ижевск, 1984. С. 20–35.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 223 с.

Красноперов А.А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 83–109.

Лецинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетий н.э. (по археологическим источникам). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.

Лецинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина / Отв. ред. Д.Г. Бугров / Археология евразийских степей. Вып.10. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.111–121.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. 472 с.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V / Ред. Т.Б. Никитина, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1999. 160 с.

ОАК за 1894 г. СПб.: Тип. Глав. управления уделов, 1896. 171 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 гг.) // УАВ. Вып. 4. / Ред. В.А. Иванов, Н.С. Савельев, В.К. Федоров, А.Ф. Яминов. Уфа: Главное управление государственной охраны и использования недвижимых объектов культурного наследия МК и НП РБ, 2003. С. 16–57.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.

Пшеничнюк А.Х. К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. Т.2 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1964. С. 93–100.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С.94–105.

Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 26–44.

Савельев Н.С. Первые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 9. Уфа: Гилем, 2009. С. 127–140.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. №28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Рец.: Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов. «Вопросы археологии Урала», Свердловск–Ижевск, 1963, вып.5. Труды Удмуртской археологической экспедиции, т. 2, стр. 5–160+72 рис., 24 табл. // СА. 1964. №4. С. 240–246.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы /МАР. №25. СПб.: б/и, 1901. 120 с., 30 л. илл.

Ставицкий В.В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. №2(4). С. 143–149.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Институт истории, РИЦ «Школа», 2002. 64 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 144 с.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 117–134.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 203 с.

Сунгатов Ф.А. Этнокультурные процессы в Приуралье в IV–VIII вв. н.э. 2017. Электронная рукопись в адрес Р.Д. Голдиной от 3 августа 2017 г.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.И., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо–Муштинский курганно-грунтовый могильник) / Отв. ред. Н.А. Мажитов, А.Ф. Яминов. Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского могильника // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 89–110.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское кн. Изд-во, 1962. С. 7–187.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Худяков М.Г. Нырғындынские I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Отв. ред. С.Н. Быковский (Материалы ГАИМК. Вып. 2). Л.: ОГИЗ, 1933. С. 15–19.

Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 г. / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Шмидт А.В. Туйский всадник. (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией.) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. Т. I. Л.: ГОСИЗДАТ, 1925. С. 410–434., 1 л. табл.

Информация об авторах:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Лещинская Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

ABOUT THE PYANY BOR CULTURE-HISTORICAL COMMUNITY

R.D. Goldina, N.A. Leshchinskaya

The term «Pyany Bor culture» is known in Russian archaeology since 1880, when in the village Pyany Bor in the northeast of modern Tatarstan was discovered burial ground of the turn of the eras. In different years scientists meant by this notion different monuments, dates, areas. Now we can talk about the existence of the Pyany Bor culture-historical community of the Finno-Ugric population, including Khudyaki, Tarasovo (Cheganda) and Kara–Abyz archaeological culture in the Lower and Middle Kama regions and adjacent territories of the Volga area in the 2nd century BC – 5th century AD.

Keywords: archaeology, Pyany Bor culture-historical community, Lower and Middle Kama region, antiquities of the turn of the eras and the 1st half of the I millennium AD, Khudyakovo, Tarasovo, Kara-Abyz archaeological cultures.

About the Authors:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Leshchinskaya Nadezhda A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

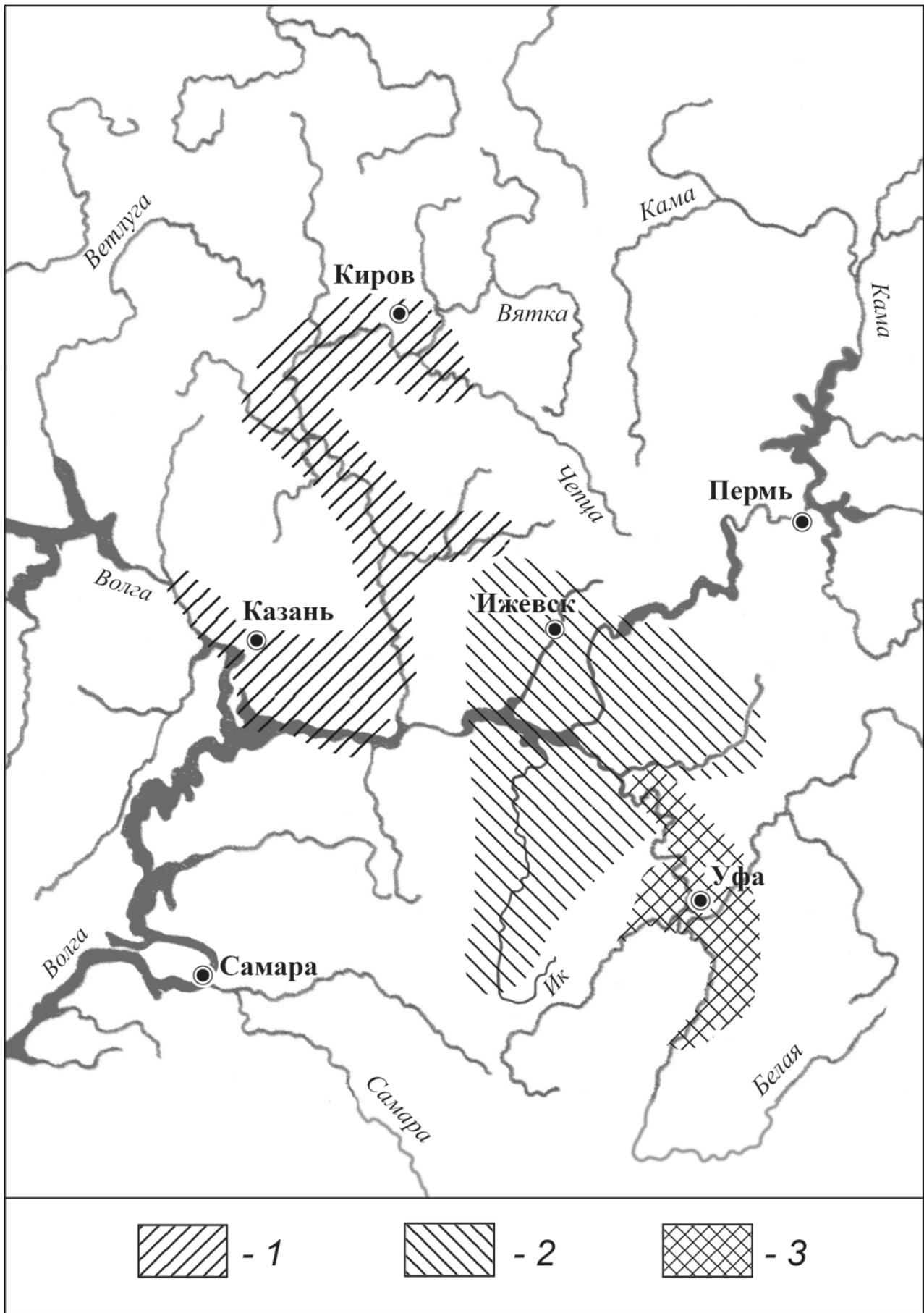

Рис. 1. Карта-схема культур пьяноборской культурно-исторической общности: 1 – худяковская; 2 – тарасовская (чегандинская); 3 – кара-абызская.

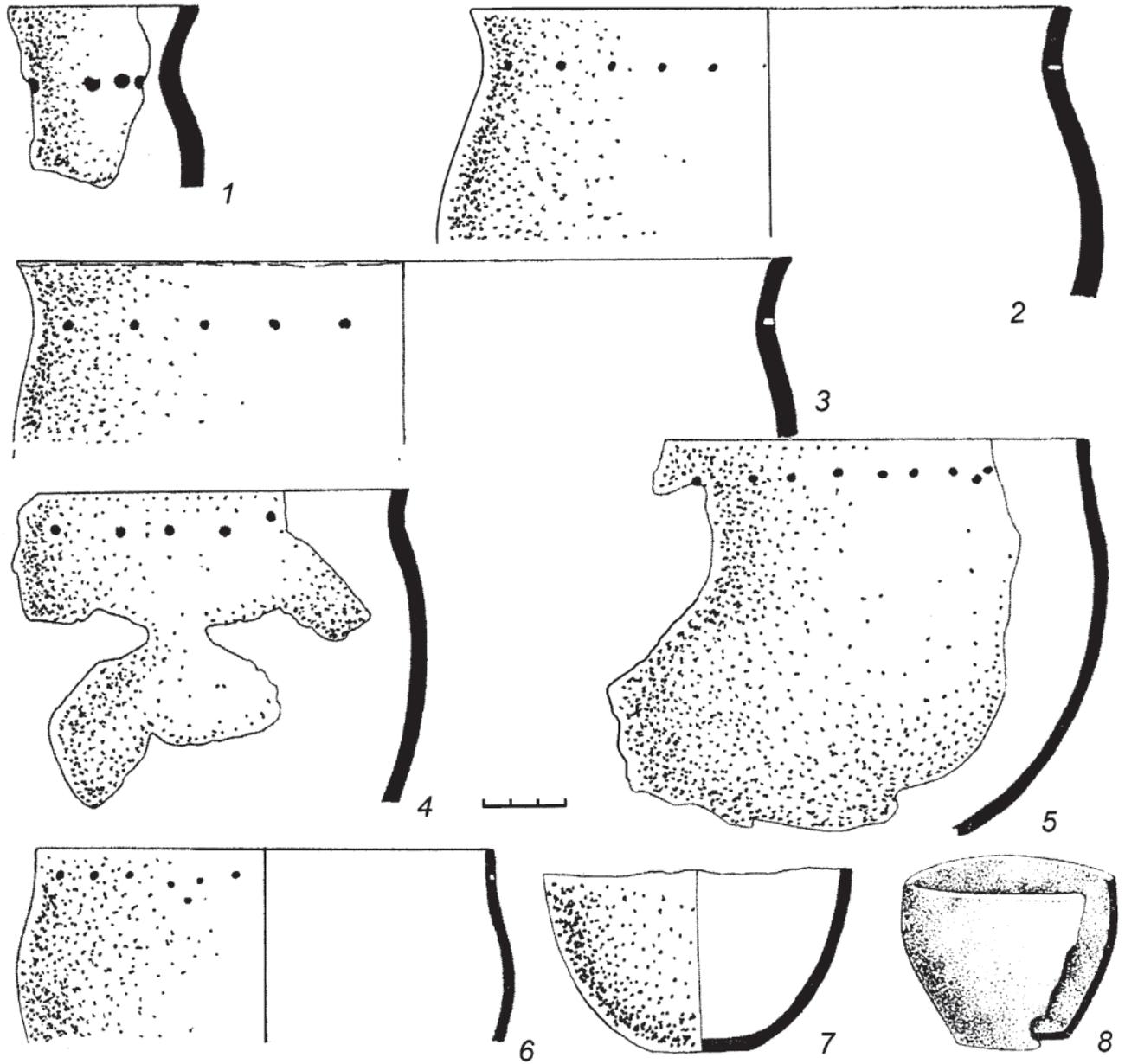

Рис. 2. Глиняная посуда удмуртского варианта тарасовской культуры: 1–7 – Ныргында I (II–III вв. н.э.) (по: Голдина, Красноперов, 2012); 8 – Ныргында II (по: Генинг, 1970, табл. XVII: 11).

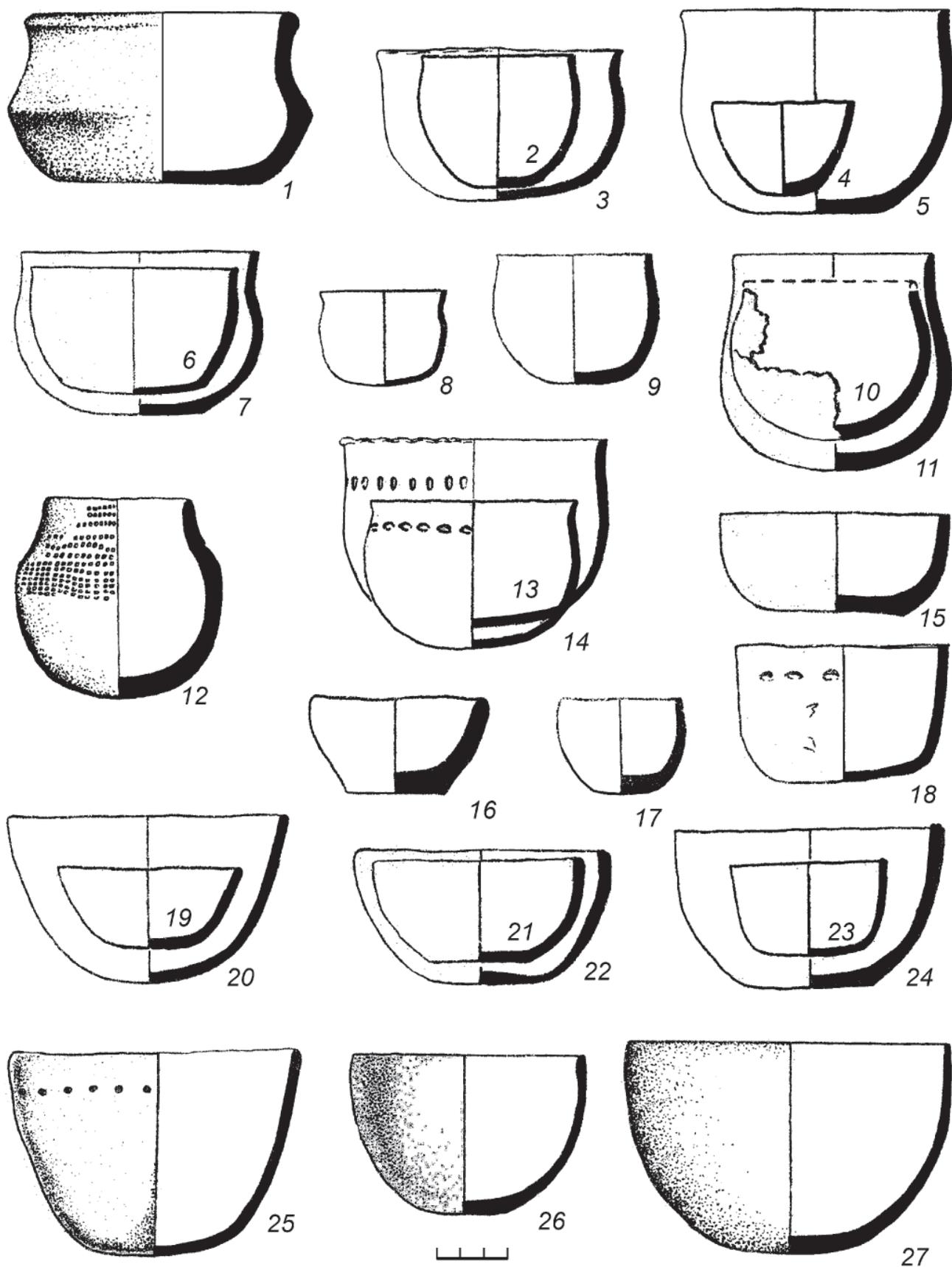

Рис. 3. Глиняная посуда бельского варианта тарасовской культуры (I–III вв. н.э.): 1, 25–27 – Кушулево III (по: Агеев, Мажитов, 1986); 2–24 – Ново-Сасыкуль (по: Васюткин, Калинин, 1986).

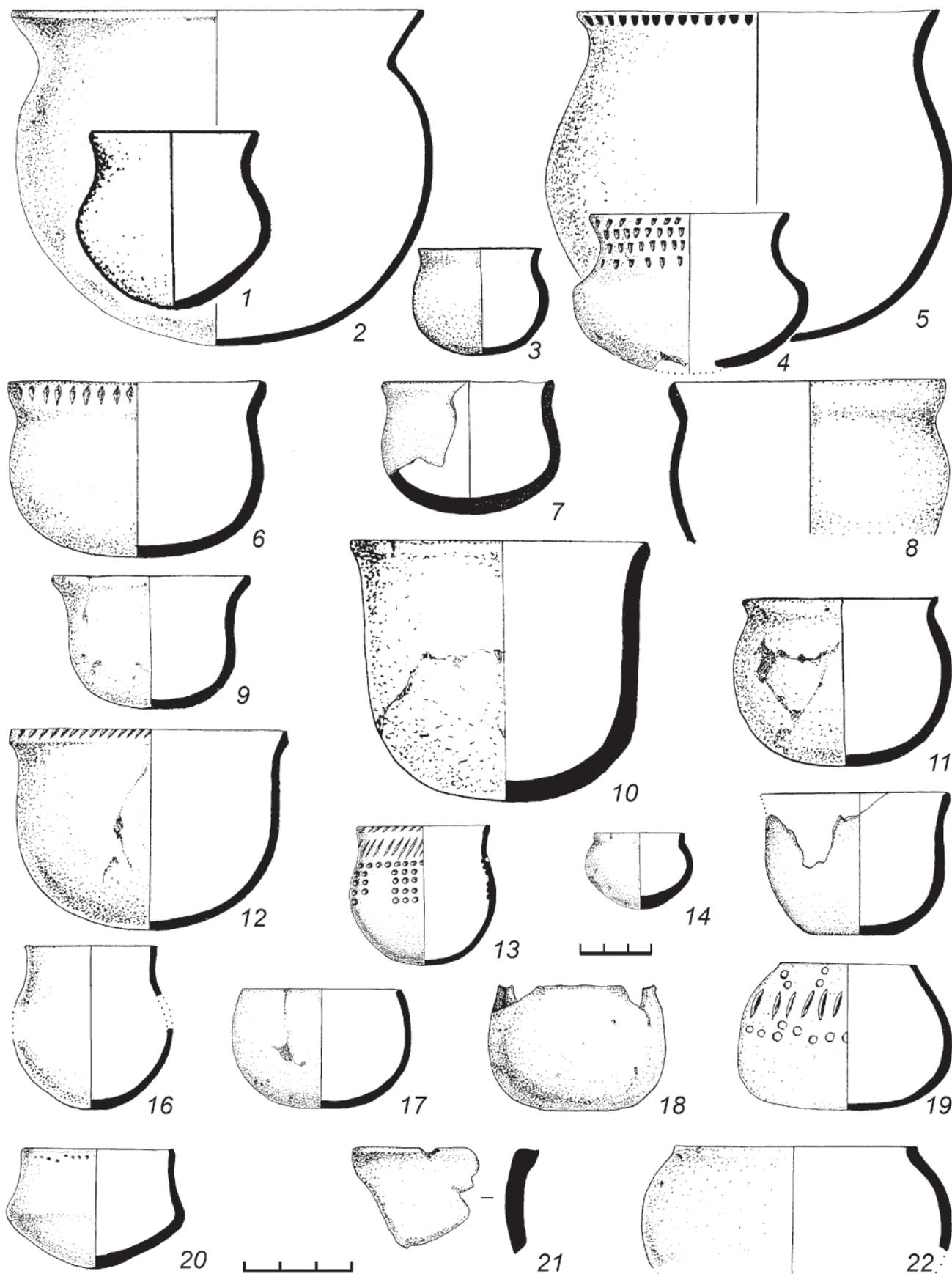

Рис. 4. Глиняная посуда Тарасовского могильника (I–V вв. н.э.) (Голдина, 2003, 2004).

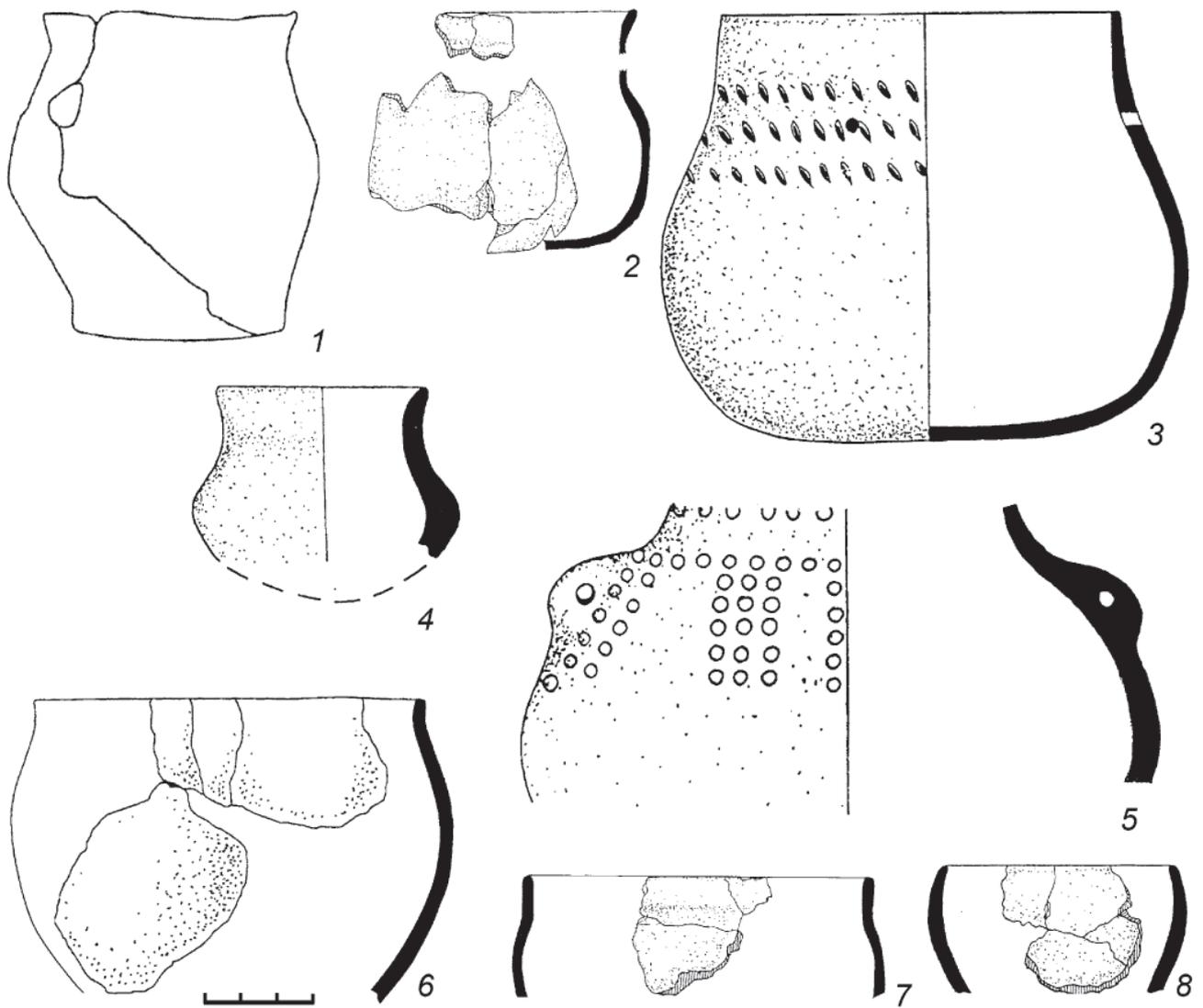

Рис. 5. Глиняная посуда Тураевского могильника (IV–V вв.): 1 – погр. 1 кургана 3 (по: Генинг, 1976, рис. 10); 2–8 – бескурганная часть (по: Голдина, Бернц, 2010)(1 – без масштаба).

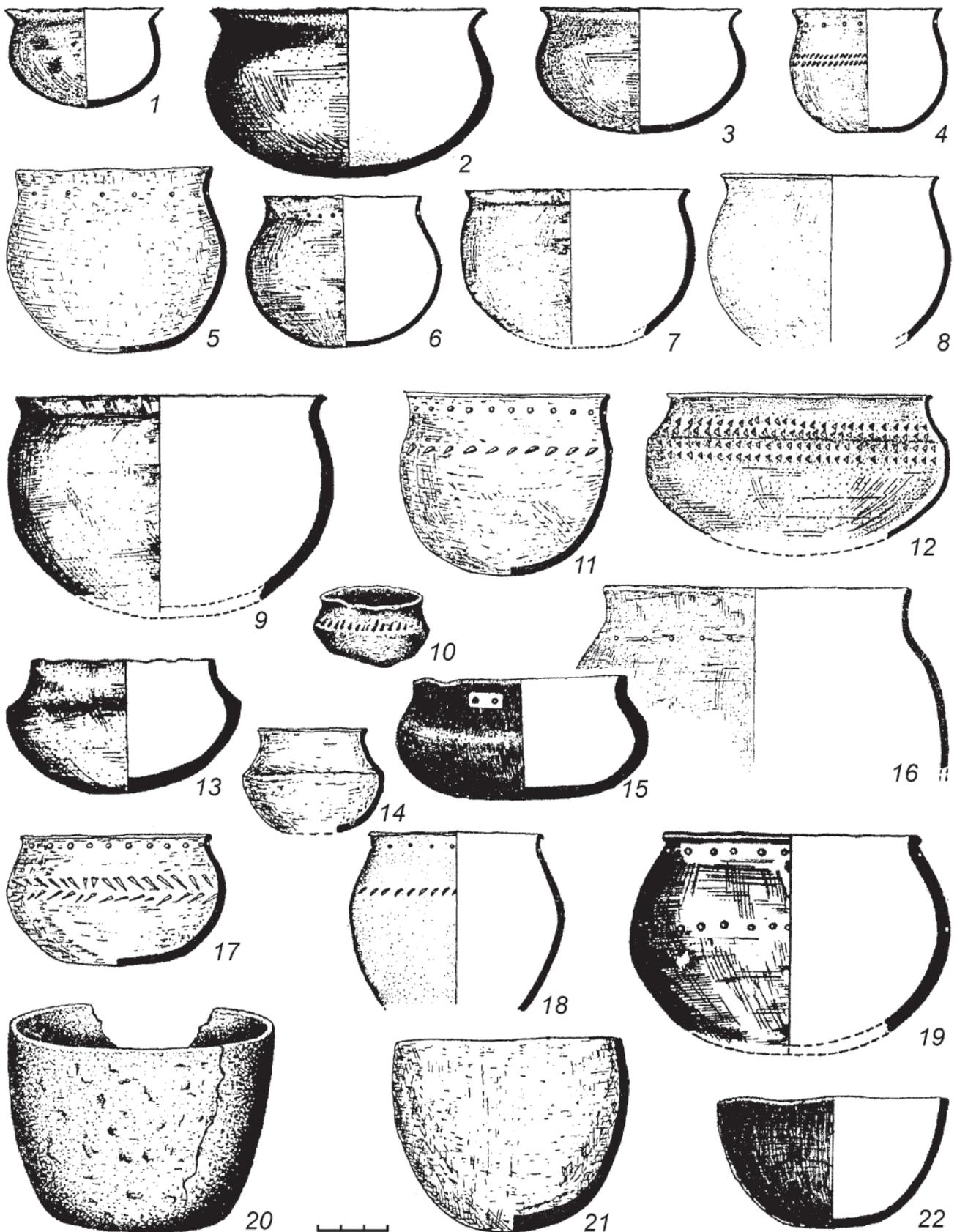

Рис. 6. Глиняная посуда бельского варианта тарасовской культуры (III–V вв.): 1–9, 11–14, 16–19, 21 – Старая Мушта (по: Сунгатов и др., 2004); 10, 15, 20, 22 – Ангасяк (по: Васюткин, 1980).

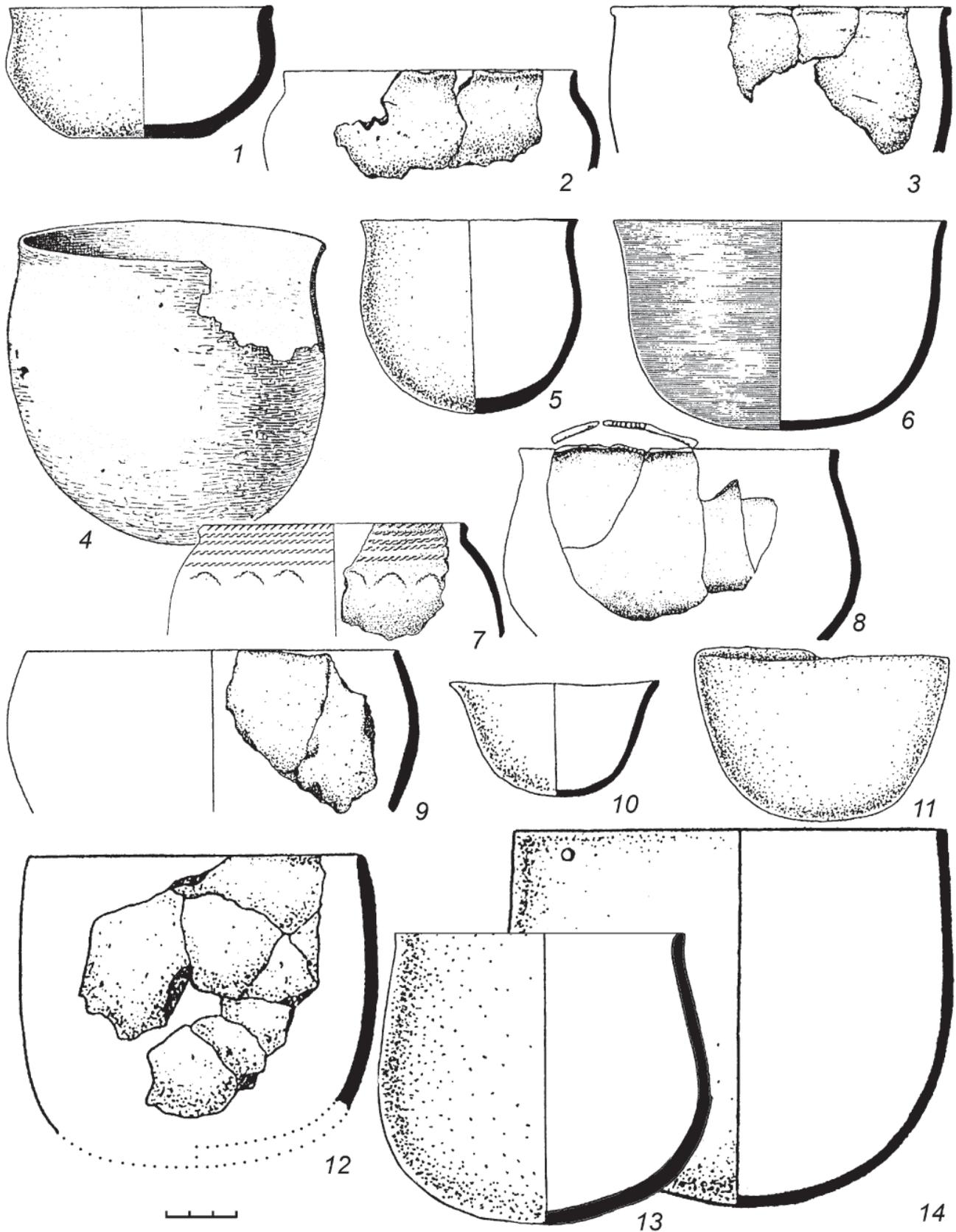

Рис. 7. Глиняная посуда худяковской культуры (III–V вв.): 1 – Рождествено V (по: Старостин, 2009); 2, 3, 7–9 – Первомай; 4 – Мари-Луговая (по: Халиков, 1962); 5, 10, 11 – Тюм-Тюм (по: Ошибкина, 2010); 6 – Арзбеляк (по: Никитина, 1999); 12 – Кордон; 13 – Нармонка (по: Старостин, 2002); 14 – Худяки (по: Лещинская, 2014).

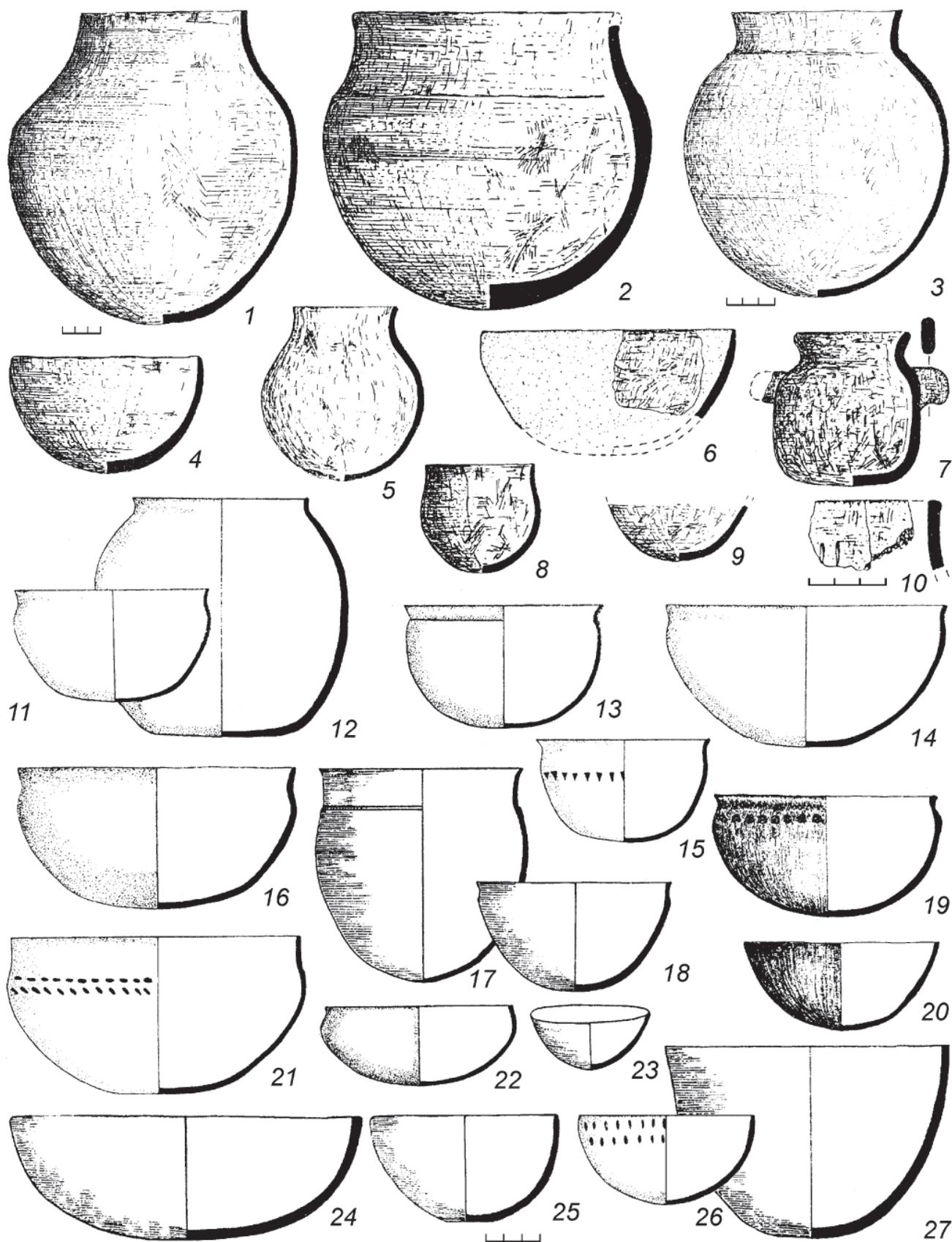

Рис. 8. Глиняная посуда кара-абызской культуры: Шипово: 1–10 – подкурганная часть (IV/III – I вв. до н.э.); 11–27 – грунтовая часть (I–III вв. н.э.) (по: Овсянников и др., 2007).

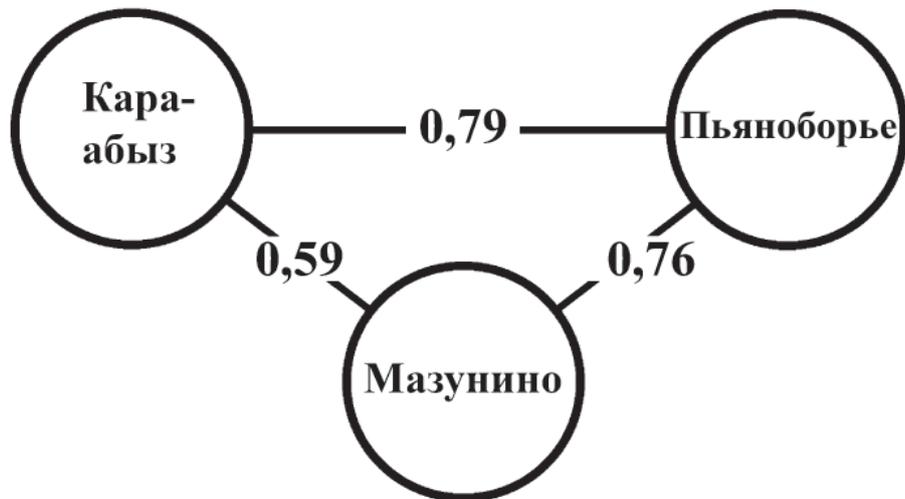

Рис. 9. Граф сходства погребального обряда археологических культур (по: Останина, 1997, рис. 82).

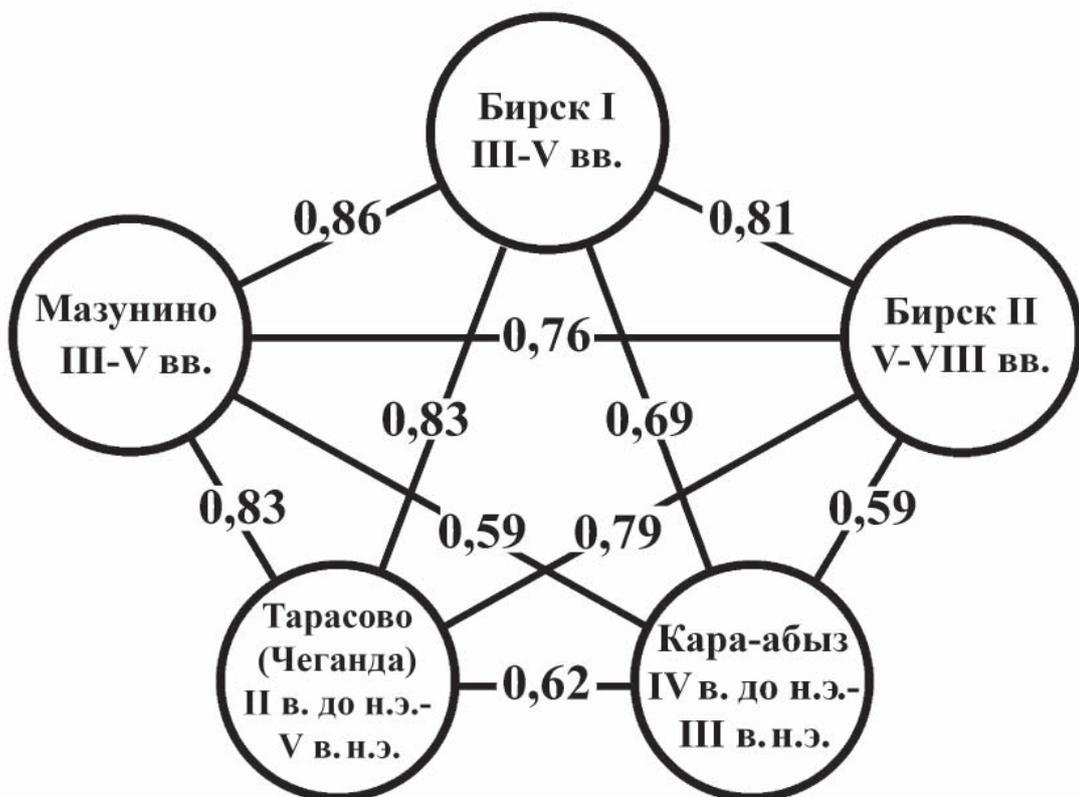

Рис. 10. Граф сходства погребального обряда культур Прикамья рубежа эр и I тыс. н.э. (по данным: Сунгатов, 2017).

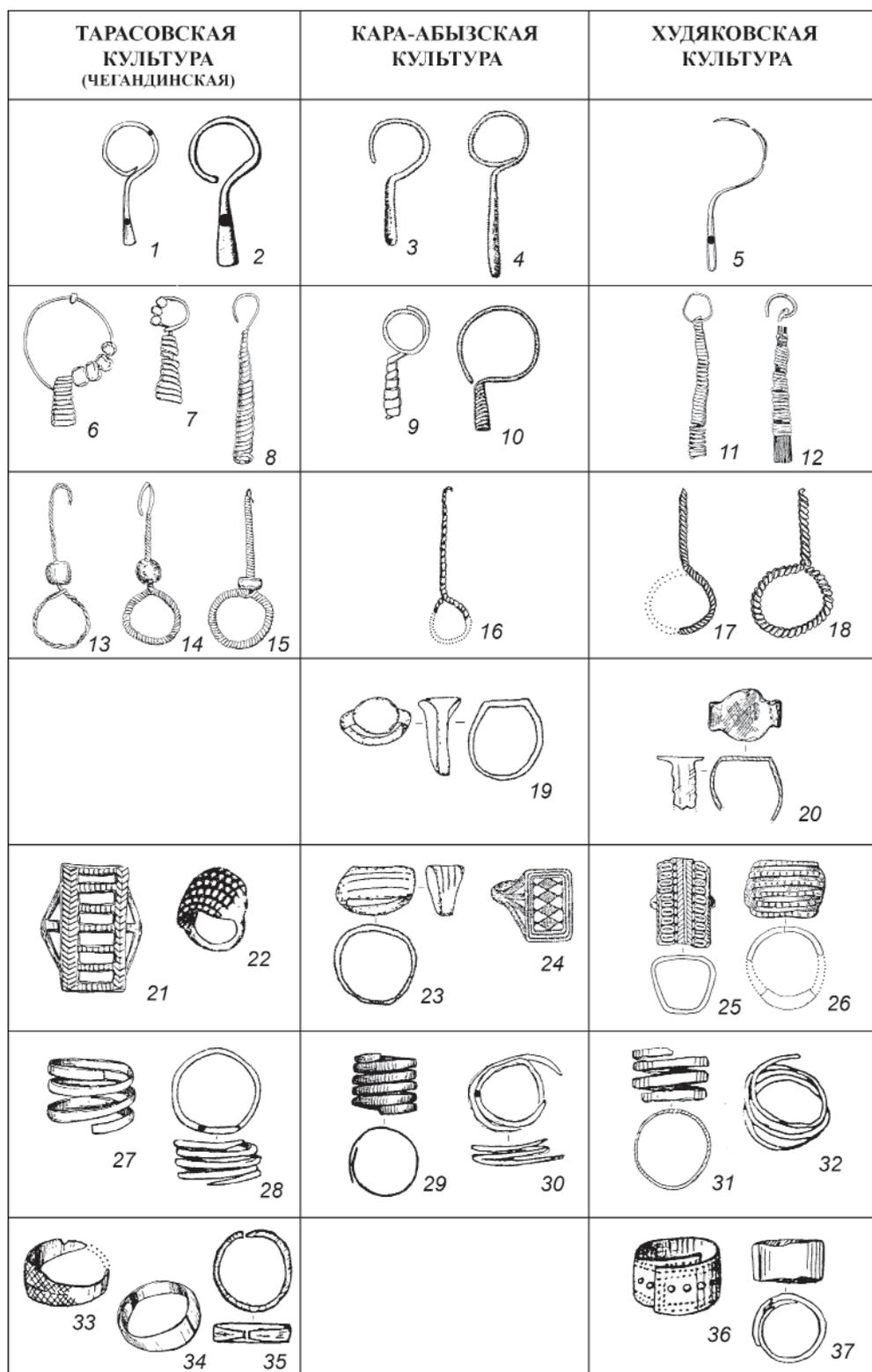

Рис. 11. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Височные подвески. Перстни. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1 (по: Голдина, Красноперов, 2012, табл. 221–5), 2, 22 (по: Агеев, 1992, табл. 1: 12, 13–15), 6–8, 21, 27 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 9: 19; 11: 29; 14: 45; 16: 58), 13, 14 (по: Голдина, Бернц, 2017а, рис. 6: 47; 10: 83), 28, 33, 34 (по: Голдина, 2003, табл. 75: 4; 102: 2; 706: 5), 15, 35 (по: Султанова, 2000, рис. 3: 20; 18: 3). Кара-абызская культура: 3, 4, 9, 10, 16, 19, 23, 24, 29, 30 (по: Воробьева, 2012, рис. 16: 7, 14, 18; 17: 5, 9; 19: 2, 3, 11–13). Худяковская культура: 5, 11, 12, 17, 18, 20, 25, 26, 31, 32, 36, 37 (по: Лещинская, 2014, табл. 1: 12–14, 23, 26; 2: 5, 6, 8, 9, 17, 33, 35).

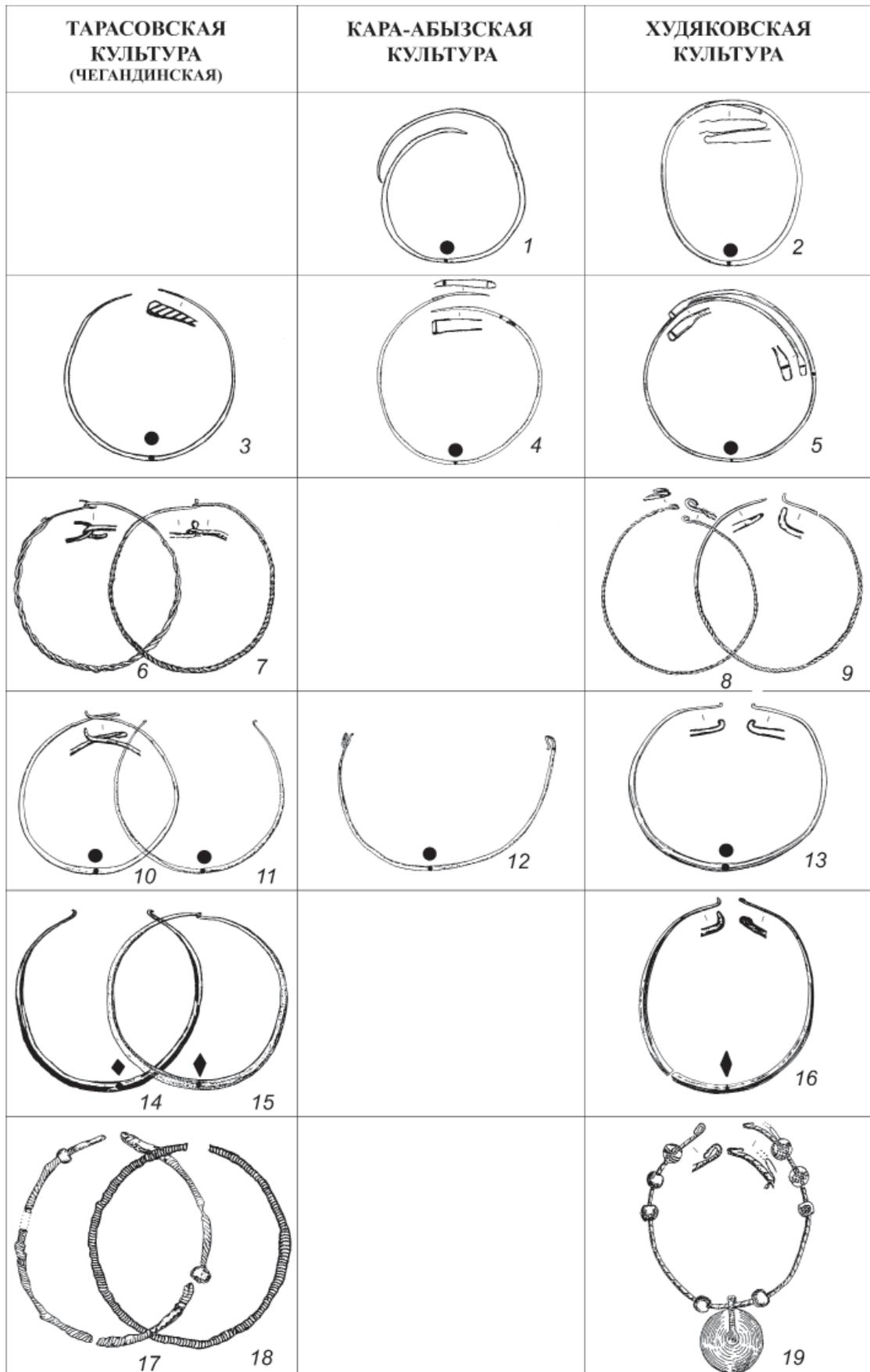

Рис. 12. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Гривны. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 3, 10, 14, 17 (по: Голдина, 2003, табл. 59: 1–3; 415: 8; 549: 19; 574: 5), 7, 11, 15, 18 (по: Султанова, 2000, рис. 6: 2, 4, 6, 7). Кара-абызская культура: 1, 4, 12 (по: Воробьева, 2012, рис. 9: 1; 11: 1, 3). Худяковская культура: 2 (по: Лещинская, 2009, рис. 3: 13), 5, 8, 9, 13, 16 (по: Лещинская, 2014, табл. 4: 2, 4; 5: 1; 6: 1, 3), 18 (по: Старостин, 2009, рис. 11: 26).

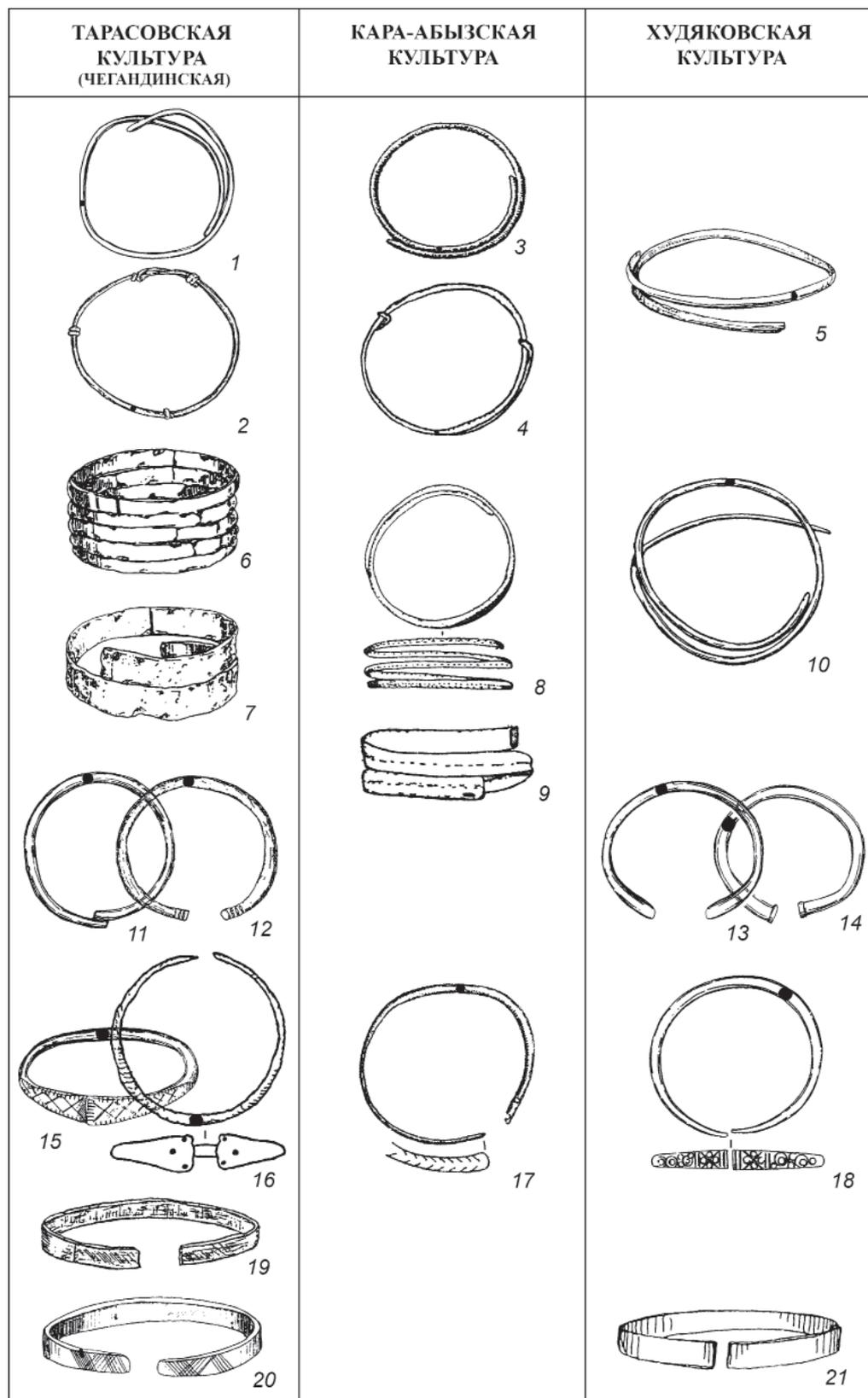

Рис. 13. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Браслеты. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1, 2, 7, 11, 15, 20 (по: Голдина, 2003, табл. 14: 6; 46: 12; 67: 7; 102: 11; 470: 10; 2; 496: 5), 6 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 12: 31), 12, 16, 19 (по: Султанова, 2000, рис. 18: 8, 15, 16). Кара-абызская культура: 3, 4, 8, 9, 17 (по: Воробьева, 2012, рис. 14: 3, 7, 8, 11, 12). Худяковская культура: 5 (по: Голдина и др., 2014, табл. 23: 1), 10, 13, 14, 18, 21 (по: Лещинская, 2014, табл. 3: 2, 3, 6, 13, 16).

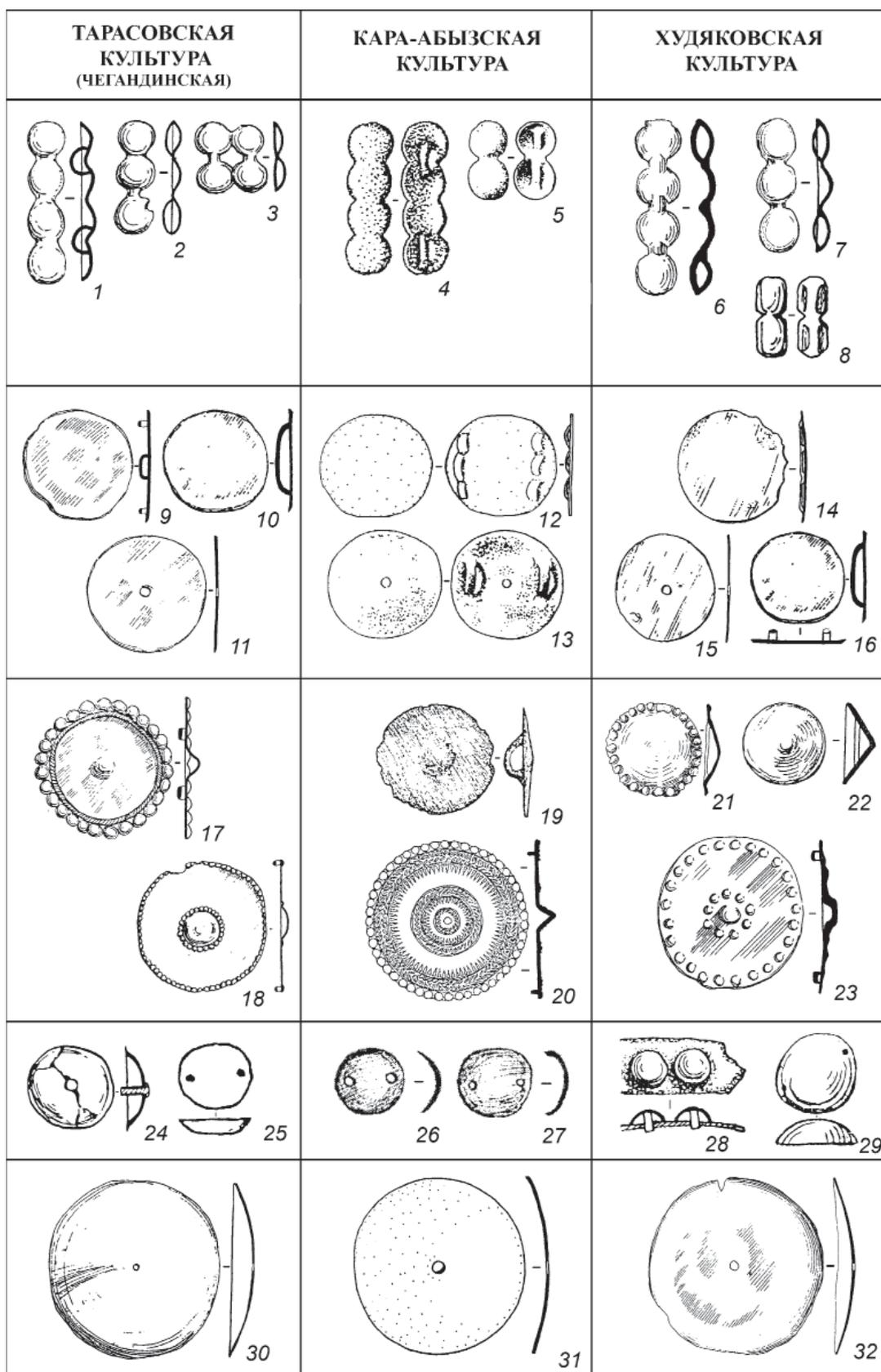

Рис. 14. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Бляшки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1–3, 17, 18, 24 (по: Голдина, 2003, табл. 171: 5; 259: 3; 423: 7–2; 465: 9; 603: 1; 605: 9), 9–11, 30 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 3: 16, 18; 16: 61), 25 (по: Султанова, 2000, рис. 17: 14). Кара-абызская культура: 4, 5, 12, 13, 19, 20, 26, 27, 31 (по: Воробьева, 2012, рис. 41: 3; 47: 10, 12; 54: 7, 8; 56: 7, 13, 15; 57: 2). Худяковская культура: 6–8, 14–16, 21–23, 28, 29, 32 (по: Лещинская, 2014, табл. 31: 1, 9; 32: 1, 2, 9, 17, 19; 33: 2, 15, 16; 45: 1, 4).

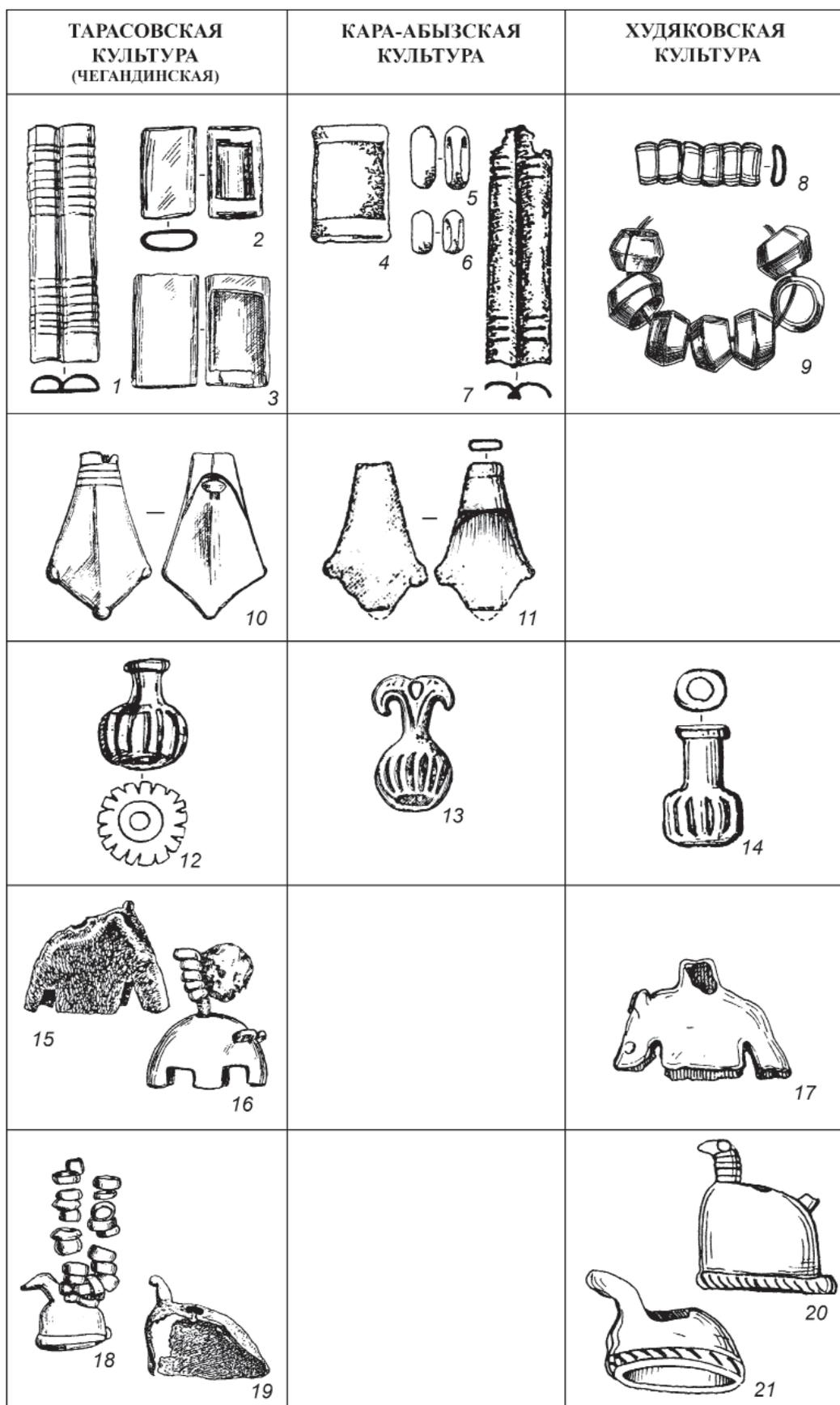

Рис. 15. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Пронизки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1–3, 10, 16, 18 (по: Голдина, 2003, табл. 221: 27; 317: 33; 424: 6; 472: 18; 602: 6; 605: 2), 12 (по: Голдина, Бернц, 2017а, рис. 4: 26), 15, 19 (по: Султанова, 2000, рис. 7: 4, 7). Кара-абызская культура: 4–7, 11, 13 (по: Воробьева, 2012, рис. 62: 15; 64: 5; 68: 2, 4, 5, 14). Худяковская культура: 8, 9, 14, 17, 20, 21 (по: Лещинская, 2014, табл. 19: 6, 11, 12, 13, 15; 82: 15).

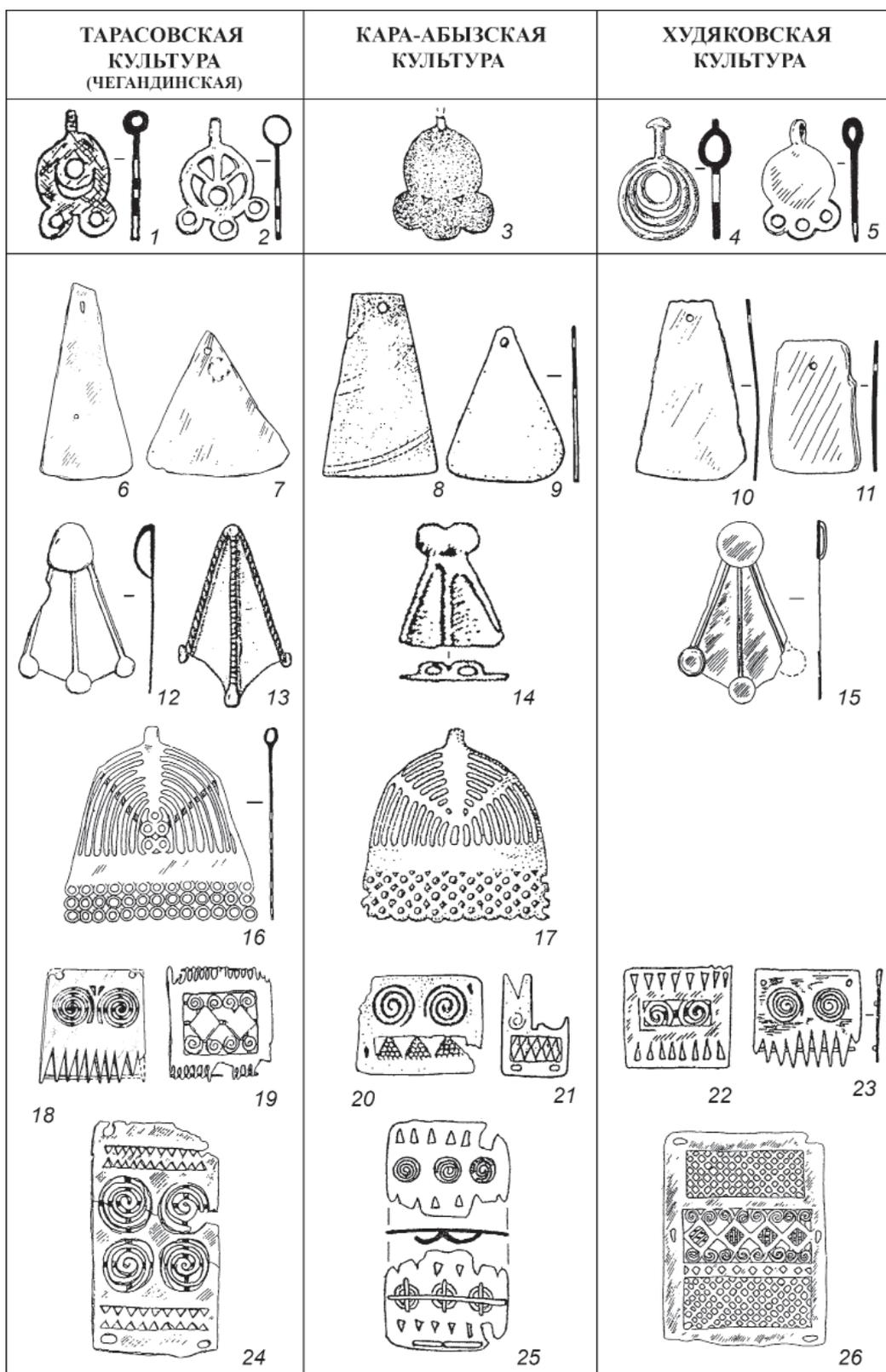

Рис. 16. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Подвески. Накладки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1 (по: Султанова, 2000, рис. 5: 11), 2, 6, 12, 16 (по: Голдина, 2003, табл. 292: 6; 572: 4; 589: 3; 707: 22), 7, 19, 24 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 8: 14; 2017а, рис. 10: 81), 13 (по: Агеев, 1992, табл. 3: 19), 18 (по: Генинг, 1970, табл. II: 10). Кара-абызская культура: 3, 8, 9, 14, 17, 20, 21, 25 (по: Воробьева, 2012, рис. 54: 20, 21, 23; 62: 8, 16; 65: 10, 12, 13). Худяковская культура: 4, 5, 10, 11, 15 (по: Лещинская, 2014, табл. 15: 5, 13; 16: 5, 8; 18: 14), 22, 26 (по: Лещинская, 2009, рис. 4: 4, 10), 23 (по: Старостин, 2009, рис. 25: 3).

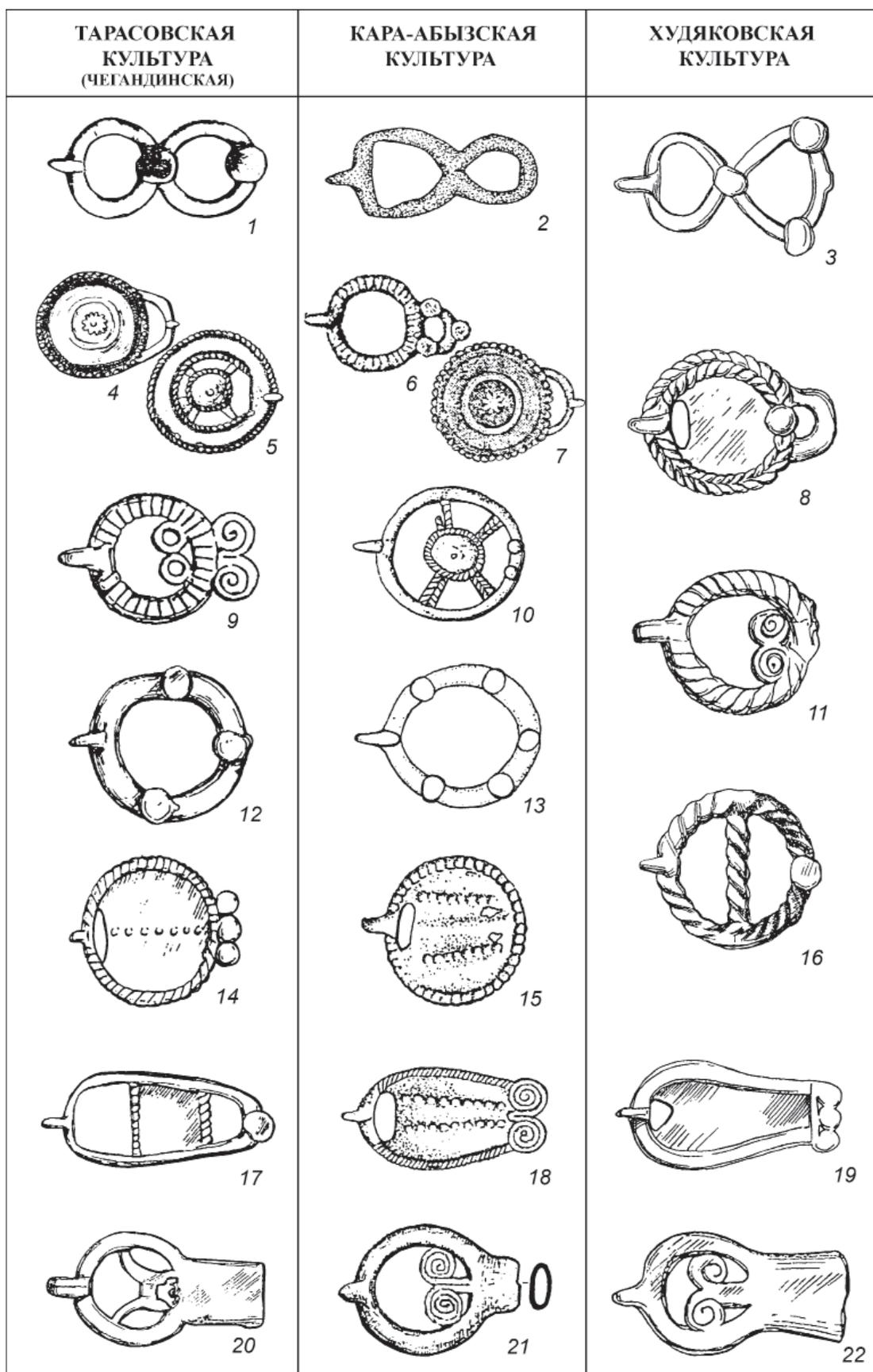

Рис. 17. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Застежки с неподвижным крючком. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1, 4, 5 (по: Агеев, 1992, табл. 11: 1, 20, 34), 9, 14 (по: Голдина, Бернц, 2016, рис. 2: 8; 12: 35), 12, 17, 20 (по: Голдина, 2003, табл. 503: 3; 547: 21; 695: 2). Кара-абызская культура: 2, 6, 7, 10, 13, 15, 18, 21 (по: Воробьева, 2012, рис. 22: 1; 27: 13; 29: 13, 16; 30: 3; 31: 1, 3). Худяковская культура: 3, 8, 11, 16, 19, 22 (по: Лещинская, 2014, табл. 26: 1, 2, 4, 5, 10, 11).

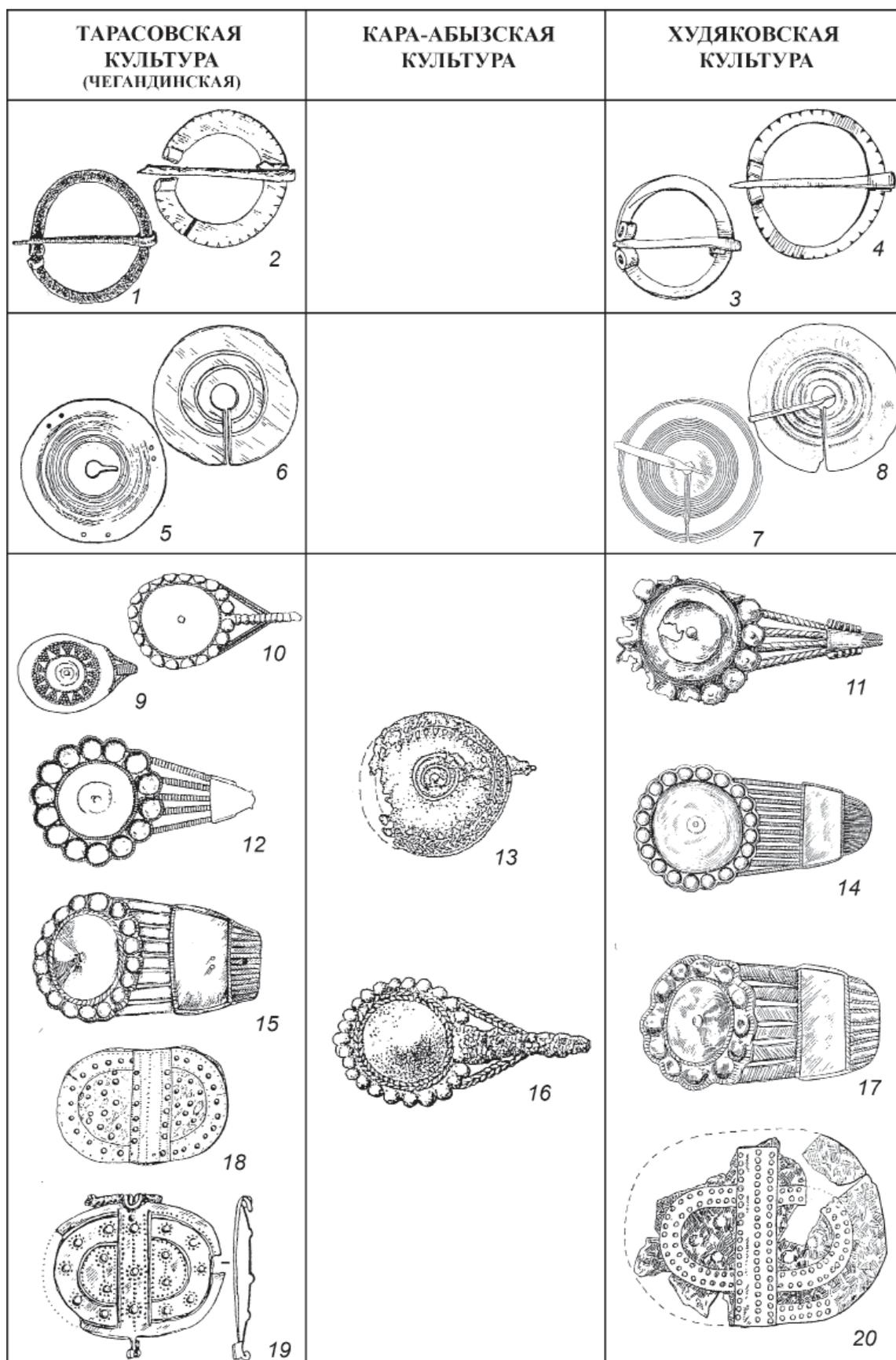

Рис. 18. Сравнительная характеристика материалов культур пьяноборской общности. Застежки. Масштаб различен. Тарасовская (чегандинская) культура: 1, 5, 18 (по: Султанова, 2000, рис. 10: 7; 11: 4; 15: 31), 2 (по: Голдина, Бернц, 2017а, рис. 10: 76), 6, 15, 19 (по: Голдина, 2003, табл. 268: 4; 387: 6; 437: 2), 9, 10, 12 (по: Агеев, 1992, табл. 10: 5, 6, 15). Кара-абызская культура: 13, 16 (по: Воробьева, 2012, рис. 28: 1, 2). Худяковская культура: 3, 4, 7, 8, 11, 14, 17 (по: Лещинская, 2014, табл. 20: 1, 3; 23: 4; 28: 2; 29: 3; 30: 4, 6), 20 (по: Черных и др., 2002, рис. 81: 6).

УДК 902.01

АНАХРОНИЗМЫ СРЕДИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ. ПЬЯНОБОРСКИЕ ВЕЩИ В МАЗУНИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ¹: ПРОЦЕСС СМЕНЫ ВРЕМЕН В ПРИКАМЬЕ

© 2018 г. А.А. Красноперов

В статье рассмотрены закрытые комплексы, сочетающие характерные типы материальной культуры пьяноборского и мазунинского населений. Находки пьяноборских предметов в мазунинских погребениях связываются с переходным периодом, когда традиции мазунинской и пьяноборской культур на протяжении первой половины III в. (возможно только первой трети) облика сосуществуют. Другим проявлением процесса перехода от пьяноборского к мазунинскому времени автор считает распространение пьяноборских типов вещей (как одиночных, так и в виде блоков культурного комплекса) далеко за пределы исходного пьяноборского ареала.

Ключевые слова: археология, Прикамье, среднесарматское время, позднесарматское время, пьяноборская культура, мазунинская культура, погребения, хронология

В большинстве работ по вопросам хронологии археологических памятников Прикамья подразумевается начало новой культуры одномоментно с прекращением прежней. В археологии других регионов процесс понимается *радикально иначе*² – как постепенная смена одних типов, характерных для предыдущего периода, другими, показательными для следующего. В этой связи интерес представляют закрытые комплексы, сочетающие типы инвентаря, являющиеся руководящими древностями сразу для двух культурных групп.

В настоящее время известно около 70 пьяноборских и мазунинских могильников, из них четыре (Ныргындинский I, Афонинский, Тарасовский, Бирский) содержат комплексы обоих культурных типов, а Бирский еще и более позднего времени. К пьяноборскому времени относится, примерно, 2500 погребений, к мазунинскому времени – примерно 2150 погребений (и обобщенно 3130 по смешанным). Эти числа иногда меняются (продолжаются раскопки на пьяноборских Кипчаковских I и II и Ст. Киргизовском, мазунинском Дубровском, Бирском могильниках), но будем считать их константой. А все устоявшиеся «классические», «общепризнанные» точки зрения, мнения, концепции – самое большое – переменными.

Каждая из культурных групп обладает специфическим для нее набором характер-

ных типов (рис. 1), позволяющих однозначно определять принадлежность конкретного комплекса. К *пьяноборским* типам (Генинг, 1970; Агеев, 1992) относятся (рис. 1А): конические височные подвески, застежки эполетообразные и с неподвижным крючком, большие бляхи из зеркал, прямоугольные накладки с рядами треугольников, шейные подвески («кошачьи лапки»), ажурные накладки, полупронизки, определенные типы гривен, ножен, костяных наконечников стрел, чуть менее однозначно – лапчатые подвески, и проч. К *мазунинским* типам (Генинг, 1967; Останина, 1997) относятся (рис. 1Б): височные подвески в виде стержня с кольцом, бабочковидные и «сайгатские» фибулы, поясные наборы с многочисленными накладками и бляхами-раковинами, пронизки-медведи и пронизки-уточки, головные уборы, определенные типы ожерелий, гривен, ножен. При работе с конкретным материалом выявились случаи сочетания пьяноборского и мазунинского инвентаря одном погребении, ранее не привлекавшие внимания исследователей. Эти ситуации могут отражать процесс смены одной культуры другой.

Комплексы переходного времени должны удовлетворять следующему *условию* – одновременно содержать вещи, достоверно соответствующие разным хронологическим периодам (культурным типам). Этому требо-

¹ Это первая часть работы, посвященной рассмотрению смены пьяноборской группы мазунинской.

² Наибольшее тактическое влияние в связи с постановкой вопросов о конце/начале культур на меня оказали работы К.В. Каспаровой по зарубинецкой, И.О. Гавритухина по пражской, Е.Р. Михайловой по культуре псковских длинных курганов.

ванию очевидно³ не отвечают всевозможные бляшки элементарных геометрических форм. В представленной работе собраны по возможности все выявленные закрытые комплексы (для рассматриваемых – только погребения), за некоторыми исключениями. Большие бляхи пьяноборского времени и зачастую связанные с ними бусины из раковины, рассматривались ранее (Красноперов, Бусы Нырғынды). И, хотя количество извест-

ных мне находок увеличилось, здесь о них не будет речи. Из каталога практически исключены находки пьяноборских височных подвесок, что связано со спецификой бытования самого позднего их типа, который нужно обсуждать отдельно. В минимальной степени учтены находки лапчатых подвесок – их хронология несколько двойственна.

По категориям находок распределение⁴ выглядит следующим образом:

застежки с неподвижным крючком (рис. 6: 1–6),	Ангасяк ^а , п. 4 (рис. 7В), Ангасяк, п. 5 (рис. 7Б), Покровское, п. 1096 (рис. 8: 15–29), Тарасово, п. 145 (рис. 7Г), Тарасово, п. 216 (рис. 7Д), Тарасово, п. 680 (рис. 7А)
шейные подвески (рис. 5),	Ангасяк, п. 49 (рис. 18А), Ангасяк, п. 82 (рис. 20А), Бирск, п. 314, Бирск, п. 495, Бирск, п. 565, Бирск, п. 646, Бирск, п. 672, Бирск, п. 711, Бирск, п. 712, Ст. Мушта, к. 10/п. 6 (рис. 18Г), Тарасово, п. 146 (рис. 18Б), Тураево, п. 178 (рис. 18В), Усть-Сарапулка, п. 45 (рис. 19)
ажурные накладки (рис. 4: 10, 11),	Ангасяк, п. 92 (рис. 20Б), Бирск, п. 672
височные подвески (рис. 4: 12–14),	Бирск, п. 263(?), Бирск, п. 296, Бирск, п. 398
прямоугольные накладки с рядами треугольников (рис. 4: 1–6),	Бирск, п. 682, Тарасово, п. 212 (рис. 11Б), Тарасово, п. 616 (рис. 11Г)
полупроизки (рис. 3: 1–13, 16, 17),	Заборье, п. 2 (рис. 13А), Ижевск, п. 139 (рис. 16А), Нива, п. 45 (рис. 14А), Покровское, п. 135 (рис. 15), Покровское, п. 258 (рис. 16Б), Покровское, п. 330 ^б (рис. 17А), Ст. Кабаново, п. 43 ^в (рис. 14Д), Тарасово, п. 25 (рис. 14Е), Тарасово, п. 127 (рис. 13Б), Тарасово, п. 532 (рис. 17Б), Тарасово, п. 7366 (рис. 14Ж), Тураево, п. 39 (рис. 12; 13В)
сапожковые пронизки (рис. 3: 14, 15),	Нива, п. 45 (рис. 14А), Ст. Мушта, к. 15/п. 2 ^г (рис. 14Б)
эполетообразные застежки (рис. 4: 8, 9),	Ижевск, п. 124а (фрагмент) (рис. 20В), Тураево, п. 157 (фрагмент) (рис. 20Г), Югомашево, п. II–15(?) ^д
лапчатые подвески (рис. 6: 7–15),	Бирск, п. 693(?), Мазунино, п. 37 (фрагмент) (рис. 14Г), Тарасово, п. 482(?) (рис. 11В), Тарасово, п. 532 (рис. 17Б), Тарасово, п. 555 (рис. 11Д), Тарасово, п. 616 (фрагмент) (рис. 11Г), Тураево, п. 66 (фрагмент) (рис. 10), Тураево, п. 137(?) (рис. 11А)
обувная застежка/накладка (рис. 4: 7),	Боярка, п. 42, Тураево, п. 190 (фрагмент) (рис. 14В)

^а Отчет (Васюткин, 1967) крайне недобросовестен. Указания на фотографии вещей не совпадают с предметами в коллекции, изображения некоторых вещей (в частности, шейные подвески) значительно различаются в отчете и публикации.

^б Пронизки не опубликованы, но отмечены в описании погребения (Останина, 1992, с. 36). Комплектность сверена с отчетом (Останина, 1984, табл. 22: 3, 4).

^в Масштаб в публикации не соответствует действительности. Пряжка, указанная в отчете как относящаяся к п. 43 (Васюткин, 1969, рис. 48: 6), разительно отличается от опубликованной (Васюткин, Останина, 1986, табл. 5: 27) (и в тексте неверно указан номер рисунка: табл. 5: 26 – это височное(?) колечко). Аккуратнее всего к материалу отнеслась Р.Р. Русланова, работавшая с коллекциями при подготовке диссертации и поделившаяся своими фотографиями.

^г Сапожковая пронизка приведена на иллюстрации к к. 15 (Сунгатов и др., 2004, рис. 30: 8), но в описании погребений никак не обозначена. На плане кургана показана в границах п. 2 (Там же, рис. 30: 1, №7). Единственное указание принадлежности – на с. 41, где она приписана к к. 15/п. 2.

^д В Югомашево, п. II–15 (Васюткин, Калинин, 1975, рис. 51: 10) есть круглая бляха от эполетообразной застежки. Памятник готовит к изданию О.С. Крапачева.

³ «Очевидно» далеко не всем. Есть примеры, и не единичные, когда на круглых бляшках строят хронологию (ссылка принципиально не будет).

⁴ Из подвергавшихся стационарным раскопкам могильников пьяноборские вещи не найдены на Мало-Качаковском, Кара-Тамакском, Дубровском, Сайгатском, Чепанихинском, Бирғындынском I; в

При взгляде на наборы сразу же бросается в глаза, что согласно существующим датировкам мазунинских материалов (Останина, 1997, рис. 51)⁵ погребения должны относиться не к ранним, а к поздним этапам культуры (3–5 группы по Т.И. Останиной). Так, в нескольких из рассматриваемых погребений найдены бабочковидные фибулы 4 варианта по Т.И. Останиной – еще бронзовые, но уже с очень сложным декором – датируемые ею V в. Это обстоятельство не позволяет ориентироваться на имеющуюся хронологию. Речь не может идти об абсолютных датах – для этого пока нет никаких оснований, кроме спекулятивных. Речь может идти только о соотношении комплексов между собой и их относительной последовательности.

Заметно, что более тесную связь между собой демонстрируют погребения в пределах одного могильника: Покровского (гривны, ножны покровского варианта), Тураевского (гривны, височные подвески, фибулы), Тарасовского (фибулы). Каких-либо зависимостей, связанных с функцией «долго живущего» предмета, не видно. Объединяющими большинство групп являются находки бабочковидных фибул примерно одинакового варианта: бронзовые, не составные, с небольшим количеством декоративных валиков. Соответственно на периферии оказываются составные экземпляры и фибулы на железной основе. Чуть плотнее выглядит группа с находками полупронизок и лапчатых подвесок, которые найдены вместе.

Самой «долгой» оказывается хронология Покровское, п. 109Б. С коллекцией работал И.О. Гавритухин, который и указал на пряжку (Покровское, п. 109В) (Останина, 1992, рис. 17:1) (рис. 9: 15), которая не может быть датирована ранее IV в., причем без его начала. Пряжка из Бирск, п. 398 (МА БГУ 323/125) может быть атрибутирована IV в. Труден вопрос с оценкой комплекса Бирск, п. 296. От скелета в яме простой формы сохранилось лишь две перемещенные кости. Вещи найдены в заполнении, в т.ч. пряжка V в. Но, поскольку височную подвеску отсюда найти в коллекции не удалось, сохраняются сомнения в ее атрибуции именно как «височной подвески».

Фибула с завитком из Тарасово, п. 25 (рис. 14Е: 11) достаточно близка к типу Чумойтло и на ул. Аксакова в Уфе (рис. 2).

⁵ Р.Д. Голдина активно публикует свое видение хронологии пьяноборской и мазунинской культуры на основе Тарасовского могильника. Здесь оно не учитывается, желающие могут ознакомиться сами (Голдина, Бернц, 2016а; 2016б; 2017а; 2017б).

Кропотов–8/2, хотя В.В. Кропотов к собственно сарматским ее не отнес; серия датирована II – первой половиной III в. (Кропотов, 2010, с. 204). Видимо, сюда же примыкают и фибулы из Мазунино, п. 37 (рис. 14Г: 1) и Тарасово, п. 736 (рис. 14Ж: 43).

Переходным от пьяноборской к мазунинской культурам может являться Тарасово, п. 616 (рис. 11Г), в инвентаре которого сочетаются пьяноборские вещи и самые ранние варианты мазунинских. Фибула (рис. 11Г: 16), уже имеющая «бабочковидный» щиток, еще не получила характерного декора. Фактически это то переходное звено, о котором говорил А.К. Амброз, реконструируя происхождение прикамских фибул из сарматских (Амброз, 1966, с. 46). В том же погребении найдены многочастные бусы с позолотой средних размеров (рис. 11Г: 14, 15) и одна крупная золотостеклянная бусина (рис. 11Г: 9).

Учитывая, что мазунинский компонент уже четко выражен основными формами, рассмотренные могилы (в последовательности: Мазунино, п. 37, Тарасово, п. 25, Тарасово, п. 736; → Ижевск, п. 124а, Ижевск, п. 139, Тарасово, п. 127, Тарасово, п. 146, Тарасово, п. 212, Тарасово, п. 532, Тарасово, п. 680, Тураево, п. 157, Усть-Сарапулка, п. 45; → Покровское, п. 135, Покровское, п. 258; → Бирск, п. 672) относятся уже к ранней фазе мазунинской культуры. А Ныргында I, п. 299, Тарасово, п. 616 – еще к поздней фазе пьяноборской культуры, потому что мазунинские элементы (Голдина, 2003, табл. 259: 1–1, 1–2, 1–5; Голдина, Красноперов, 2012, табл. 167: 5, 7) проявляются типологически ранними формами.

Планиграфический интерес представляет распределение захоронений на Тарасовском могильнике (рис. 21). Пьяноборская⁶ и мазунинская части памятника четко разделяются. Фактически это два самостоятельных могильника, волею случая оказавшихся на одном холме. Рассмотренные здесь переходные комплексы находятся приблизительно в центре мазунинской части, а вовсе не рядом с пьяноборской частью, как можно было бы предполагать, если считать, что могильник единый. В мазунинское время могильник был заложен заново. Погребения с ранними типами фибул оказываются окружены более развитыми фибульными формами.

⁶ Важную закономерность размещения погребений, совпадающую с Сасыкульским могильником, на что ранее никто не обращал внимания, подметил В.В. Ставицкий (доклад на I Старостинских чтениях).

О хронологических пределах переходного периода пока говорить преждевременно. Допустимо указание лишь максимально расширенных рамок: мазунинская культура, как указывалось и ранее⁷, начинается в III в., но пьяноборская не обрывается резко во II в. н.э., а продолжается некоторое время⁸, но не далее середины III в. На протяжении первой половины III в. (возможно, только первой трети) материальная культура пьяноборского и мазунинского облика сосуществуют⁹, о чем и свидетельствуют переходные комплексы¹⁰, сочетающие характерные признаки обеих групп.

⁷ «Процесс формирования новой культуры происходит на рубеже II и III вв. и в течение первой половины III в. н.э.» (Останина, 1997, с. 176).

⁸ «Пьяноборская культура датируется концом II в. до н.э. – III в. н.э.» (Агеев, 1992, с. 57, а также с. 64, 66, 67, 69, 73, 79).

⁹ «... В течение первой половины III в. н.э. ... продолжают сосуществовать памятники предшествующих культур, но с элементами новой эпохи» (Останина, 1997, с. 176). «Преемственность пьяноборских и мазунинских традиций свидетельствует о переселении только части населения» (Агеев, 1992, с. 108).

¹⁰ «Переходные комплексы» отражают лишь часть процесса смены культур. Теоретическая модель социальных процессов была предложена Эвереттом Роджерсом в 1962 г. (Диффузная теория, или Диффузия инноваций). Он анализировал распространение новых идей, товаров и т.д. и увидел разную предрасположенность к новому у разных сегментов общества: часть достаточно консервативна, а часть, наоборот, легко включается в новые процессы. Э. Роджерс также описал пять классов людей по степени принятия ими новых идей и товаров:

1. Инноваторы, составляющие 2,5%, более мобильны, имеют контакты за пределами своего круга, могут схватывать абстрактные идеи, согласны рисковать.

2. Ранние принимающие, уважаемые люди, составляющие 13,5% населения. Они более привязаны к местной структуре, среди них больше всего лидеров мнения. С ними советуются, прежде чем принять решение.

3. Раннее большинство, составляющее 34% населения. Они принимают новые идеи как раз перед тем, как они будут приняты среднестатистическим гражданином. Свою информацию они часто получают от предыдущей группы.

4. Позднее большинство. Это скептики по отношению к новому, число которых также достигает 34%. Они принимают новое после того, как средний гражданин признал его.

5. Поздние принимающие. Они традиционно ориентированы и составляют 16% населения. Очень подозрительны ко всему новому и придерживаются традиционных ценностей (Почепцов, 2001, с. 48–49; Rogers, 1983, p. 247–251, fig. 7: 2).

Смена пьяноборского культурного комплекса мазунинским на территории Среднего Прикамья, и изменения, произошедшие на других территориях, показывают, что далеко не все были согласны с изменившимися условиями. В конце пьяноборского времени ареал находок собственно-пьяноборских типов вещей резко расширяется: от Финляндии до Томского Приобья, от Коми до Ставропольского края¹¹. В большинстве своем это единичные находки вещей хронологически поздних типов. Картография создает впечатление бегства – пьяноборцы бросились враспылку. Но есть несколько направлений с более систематическим, массовым, воздействием, где фиксируются не отдельные вещи, а целые блоки культурного комплекса. Одно из них западное. В конце собственно-пьяноборской культуры появляются первые азелинские памятники с находками чисто-пьяноборских вещей. В рамках этой группы происходит дальнейшее типологическое развитие комплекса (Генинг, 1963, с. 18–19; Агеев, 1992, с. 107, 108), хорошо видимое на примере эполетообразных застежек. Их форма изменяется постепенно, но – характерная особенность этой группы переселенцев – утрачивается технология изготовления. Какой-то более самостоятельный коллектив ушел еще дальше на запад, и, оставив следы в Чувашии, влился в раннее рязанско-окское население (Ефименко, 1926, с. 83; Смирнов, 1952, с. 139; 1961, с. 100–103; Ахмедов, Белоцерковская, 1994, с. 103). Другая группа ушла на юг, в кара-абызский ареал (именно пьяноборцы на юг, а не наоборот, как часто сочиняют¹²). Заметная часть, неяс-

¹¹ Находок пьяноборских вещей к западу и к востоку от собственно-пьяноборской территории много. Их следовало бы обобщить, но не в рамках этой заметки, а как-нибудь позднее.

¹² Кара-абызских вещей за пределами территории культуры (без учета в смежной части пьяноборского ареала) считанные единицы (рис. 22): Барсов Городок I/9(?), «сборы» (накладка) (Ширин, Яковлев, 2010, ил. 75), Зуевы Ключи I гор. (накладка) (Черных, 2004, рис. 6: 11), Ныргында II, п. 202 (пряжка) (900/1055), Усть-Сарапулка, п. 72 (накладка) (Арматынская, 1986, рис. 4: 9), Тарасово, п. 852 (накладка) (Голдина, 2003, табл. 367: 3), Измери сел., сборы Е.П. Казакова (накладка) (КЕП–1/943, с коллекцией работал Д.Г. Бугров), Ражки, п. 49/2015 и п. 59/2015 (накладки) (сообщение В.В. Ставицкого), Шемышейка, п. 3 (накладка) (Гришаков, 2005, рис. 4: 2), Тезиково, п. 41 (накладка) (Полесских, 1966, рис. 4: 3). Из них находки с Барсова Городка и Измерского селища более тщательные в изготовлении.

но, каким маршрутом, двинулась на восток, в Зауралье. В этой группе находились ремесленники, которые принесли с собой технологию изготовления эполетообразных застежек (утраченную на Вятке), но изменили их внешний вид.

В этом смысле интересно, что возможно изменение взглядов отдельных носителей разных традиций – возвращение уже – азелинской женщины в еще – пьяноборскую среду: Урманяево, п. 17, Тарасово, п. 689, Афоново, п. 56, и несколько случаев азелинско-пьяноборско-мазунинского взаимодействия: Нырғында I, п. 299, Заборье, п. 2, возможно, Тураево, п. 66.

ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
- Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР / САИ. Вып. Д1–30. М.: Наука, 1966. 142 с.
- Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.
- Арматынская О.В.* Отчет об исследованиях Усть-Сарапульского могильника в Сарапульском р-не УАССР и разведочных работах в Кишертском р-не Пермской области в 1984 г. / Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 200 / Архив ИА РАН. Р–1. №10510
- Арматынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов, 1986. С. 26–46.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В.* К вопросу о начальной дате рязано-окских могильников // Историко-культурное наследие: Памятники археологии центральной России: охрана, изучение, музеефикация. / Науч. ред. В. П. Челябинцев. Рязань, 1994. С. 102–104.
- Белоцерковская И.В.* Инвентарь женских погребений / Гл.3. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / РСМ. Вып.9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–214, 5 вклад.
- Бернц В.А.* К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи Великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 351–389.
- Васюткин С.М.* Отчет об археологических исследованиях БАССР в 1966 г. М., 1967 / Архив ИА РАН. Р–1. №3242, 3242а.
- Васюткин С.М.* Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1969 г. / Архив КА БГУ. КАО–14 / Архив ИА РАН. Р–1. №4082, 4082а
- Васюткин С.М.* Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: УдГУ, 1980. С. 72–91, 187–196.
- Васюткин С.М., Калинин В.К.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции Башгосниверситета в 1975 г. / Архив КА БГУ. КАО–28 / Архив ИА РАН. Р–1. №5657, 5657а.
- Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.
- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1963. С. 5–144, 158–160, 24 табл.
- Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 7–84.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Ижевск: УРКМ, УГУ, 1970. 260 с.
- Генинг В.Ф., Мырсина Е.М.* Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. Вып.7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 85–165.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. (иллюстрации). Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
- Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1 (текст – каталог погребений). Ижевск: Удмуртия, 2004. 316 с., прил.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №1(15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2(20) С. 47–72.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИ КВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2005. 95 с.

Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // ПАС. Вып. 2 / Ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза: Пензенский институт развития образования, 2008. С. 82–137.

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Мат–лы по этнографии. Т. III. Вып. 1. Л., 1926. С. 59–84.

Красноперов А.А. Бусы Ныргынды. URL: <https://www.academia.edu/3156851/> (дата обращения: 04.03.2018.)

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ–Украина», 2010. 384 с., вкладыш.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. н.э. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1978. С. 92–117.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / Сост. и науч. ред. Т.И. Останина. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Отчет о раскопках Покровского могильника около д. Сизяшур Мало-Пургинского р-на УАССР летом 1984 г. / Архив НМУР. №732, 733 / Архив ИА РАН. Р–1. №10312, 10312а.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: УРИО «Алфавит», 1992. 96 с.

Полесских М.Р. Тезиковский могильник IV–V вв. // Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. XXX. Саранск: Мордовское кн. Изд-во, 1966. С. 268–296.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук»; Киев: «Ваклер», 2001. 656 с.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / МИА. №28. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья / МИА. №95. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 171 с.

Султанова А.Н. Подготовительные мат–лы к диссертации / Архив А.Н. Султановой.

Сунгатов Ф.А. Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Тагиров Ф.М. [Отчет за 1991 г.] [без титульного листа] / Архив НМРБ. б/н.

Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангазякского грунтового могильника // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 89–110.

Черных Е.М. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: Некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Мат–лы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Ижевск, 16–18 июня 2004 г.) / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 113–131.

Черных Е.М., Красноперов А.А., Лантева Т.А., Перевоицков С.Е. Исследования Боярского (Арай) могильника // АО 2003 / Сост. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 344.

Черных Е.М., Лаптева Т.А., Бернц В.А., Перевощиков С.Е., Карпушкина О.А., Красноперов А.А. Исследования Боярского («Арай») могильника в Среднем Прикамье // АО 2002 / Сост. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2003. С. 305–306.

Ширин Ю.В., Яковлев Я.А. Мартиролог Югорской археологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. ун-та, 2010. С.21–62.

Rogers E.M. Diffusion of innovations. 3rd ed. NY; L.: Free Press, 1983. 454 p.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук (г. Ижевск, Россия); khaa@udm.ru

ANACHRONISMS IN GRAVE GOODS. ARTEFACTS OF THE PYANY BOR CULTURE IN THE MAZUNINO CULTURE BURIALS: THE CHANGING OF THE TIMES IN THE KAMA REGION

A.A. Krasnopeorov

The author analyzed the primary contexts which comprise the artifacts of the Pyany Bor and the Mazunino cultural complexes. The small finds of the Pyany Bor complex in the Mazunino burials could be dated back to the transition period of the 200-250 CE (or maybe 200-230 CE) when both traditions coexisted. We also consider the spread of the artifacts and cultural traits characteristic for the Pyany Bor complex so far outside the original area as another trait of that transition period.

Keywords: archaeology, Kama Region, Middle Sarmatian period, Late Sarmatian period, Pyany Bor culture, Mazunino culture, burials, chronology.

About the Author:

Krasnopeorov Aleksander A. Candidate of Historical Sciences, Izhevsk, Russian Federation; khaa@udm.ru

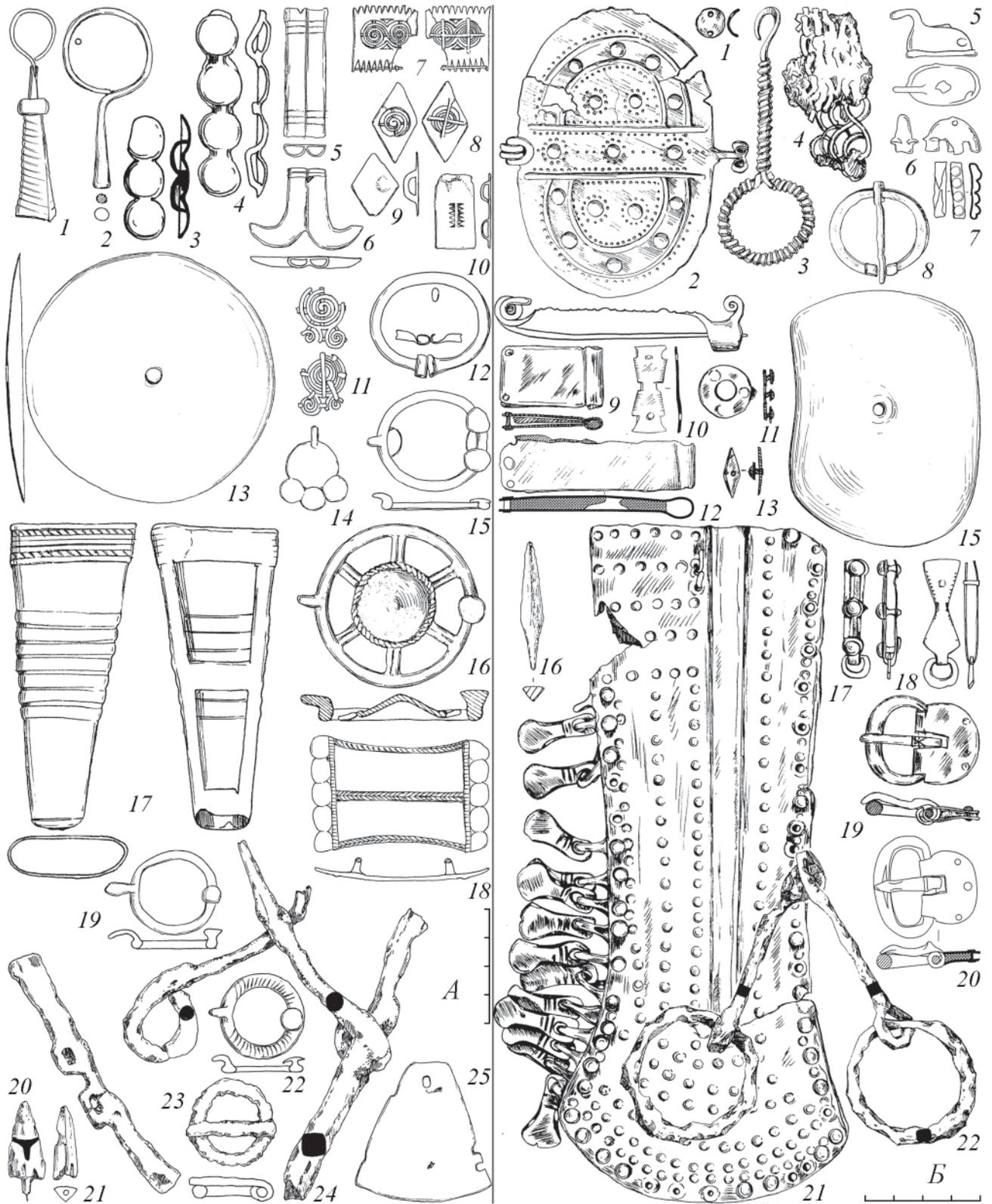

Рис. 1. Руководящие типы культур. А – для пьяноборской культуры (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 203: 2, 10; 205: 12; 208: 3, 5, 13; 209: 16, 18, 23; 210: 1, 2, 19; 211: 3; 213: 6; 214: 4; 218: 23, 26; 219: 4, 40; 221: 31; 222: 17; 224: 1; 227: 1, 25; 228: 4); Б – для мазунинской культуры (Останина, 1992, рис. 6: 1, 8; 15: 1, 2, 6; 16: 7, 8; 26: 11; Голдина, Бернц, 2010, табл. 219: 24, 26; 223: 14; 233: 6; 235: 15; 247: 3; Бернц, 2006, рис. 3: 2; 8: 6; 18: 39, 42; 20: 1–9; 22: 2).

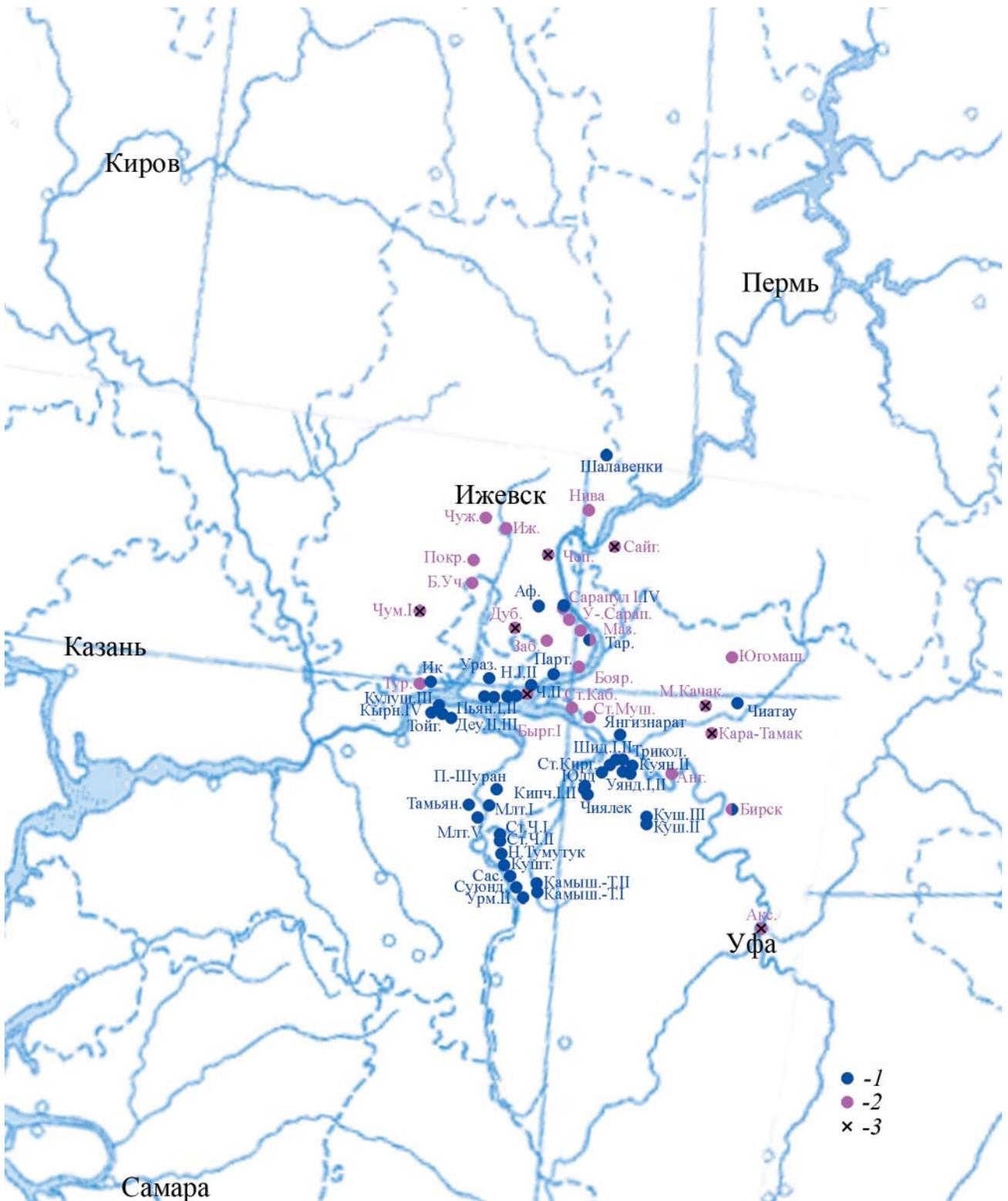

Рис. 2. Карта памятников. 1 – пьяноборские могильники, 2 – мазунинские могильники, 3 – мазунинские могильники, на которых не встречены пьяноборские находки.

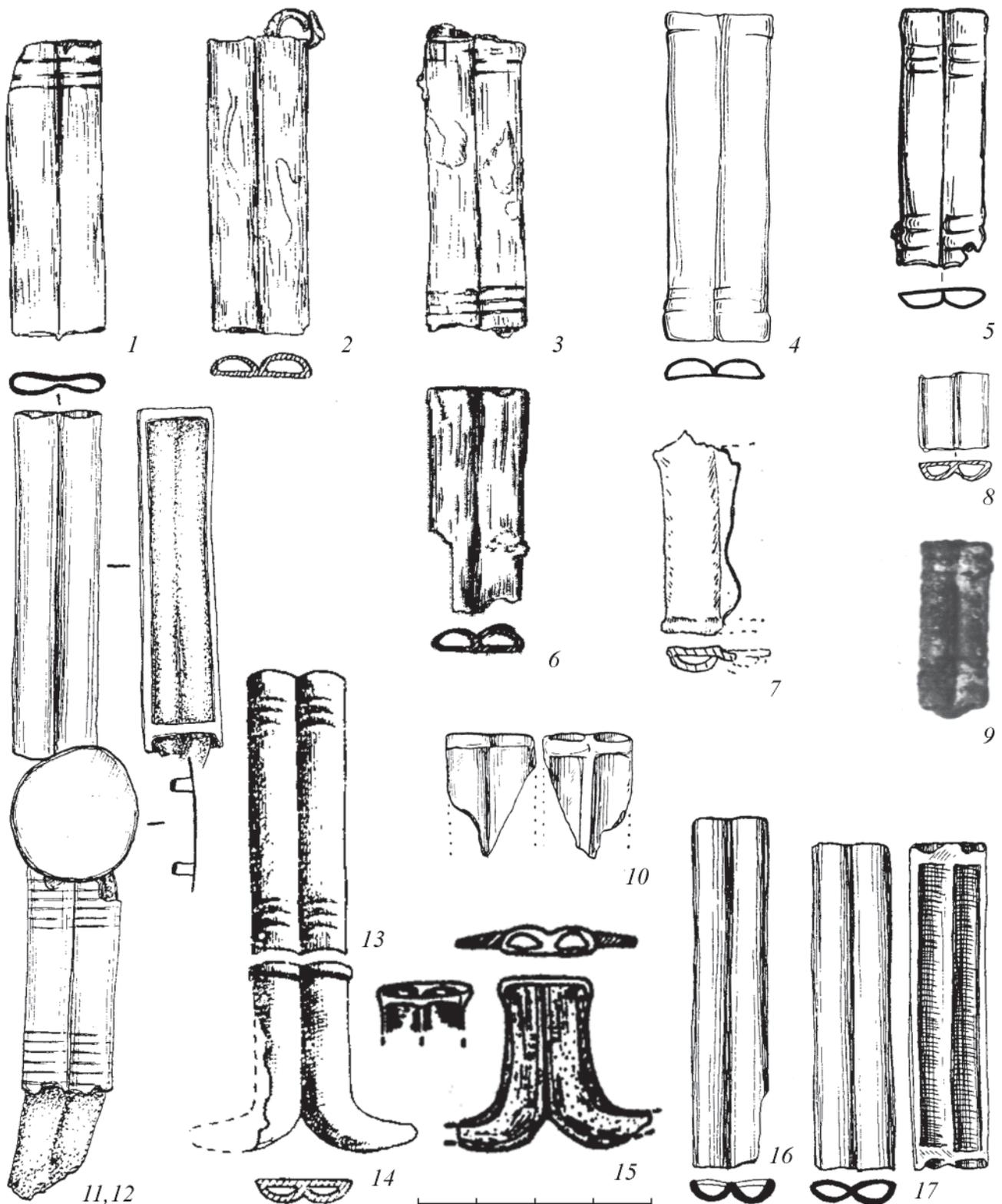

Рис. 3. Полупронизки. 1–3 – Покровское, п. 258 (Останина, 1992, рис. 29: 3–5), 4 – Заборье, п. 2 (Бернц, 2006, рис. 3: 1–7), 5 – Тураево, п. 39 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 31: 12), 6 – Покровское, п.135 (Останина, 1992, рис. 24: 8), 7 – Ижевск, п. 139 (Останина, 1984, табл. 16: 12), 8 – Тарасово, п. 7366 (Голдина, 2003, табл. 317: 31), 9 – Ст. Кабаново, п. 43 (Васюткин, 1969, рис. 48: 4), 10 – Тарасово, п. 256 (Голдина, 2003, табл. 10: 3), 11, 12 – Тарасово, п. 532 (Голдина, 2003, табл. 226: 14), 13, 14 – Нива, п. 45 (Останина, 1978, табл. I: 19), 15 – Ст. Мушта, к. 15/п. 2 (Сунгатов и др., 2004, рис. 30: 8), 16, 17 – Тарасово, п. 127 (Голдина, 2003, табл. 44: 10, 11).

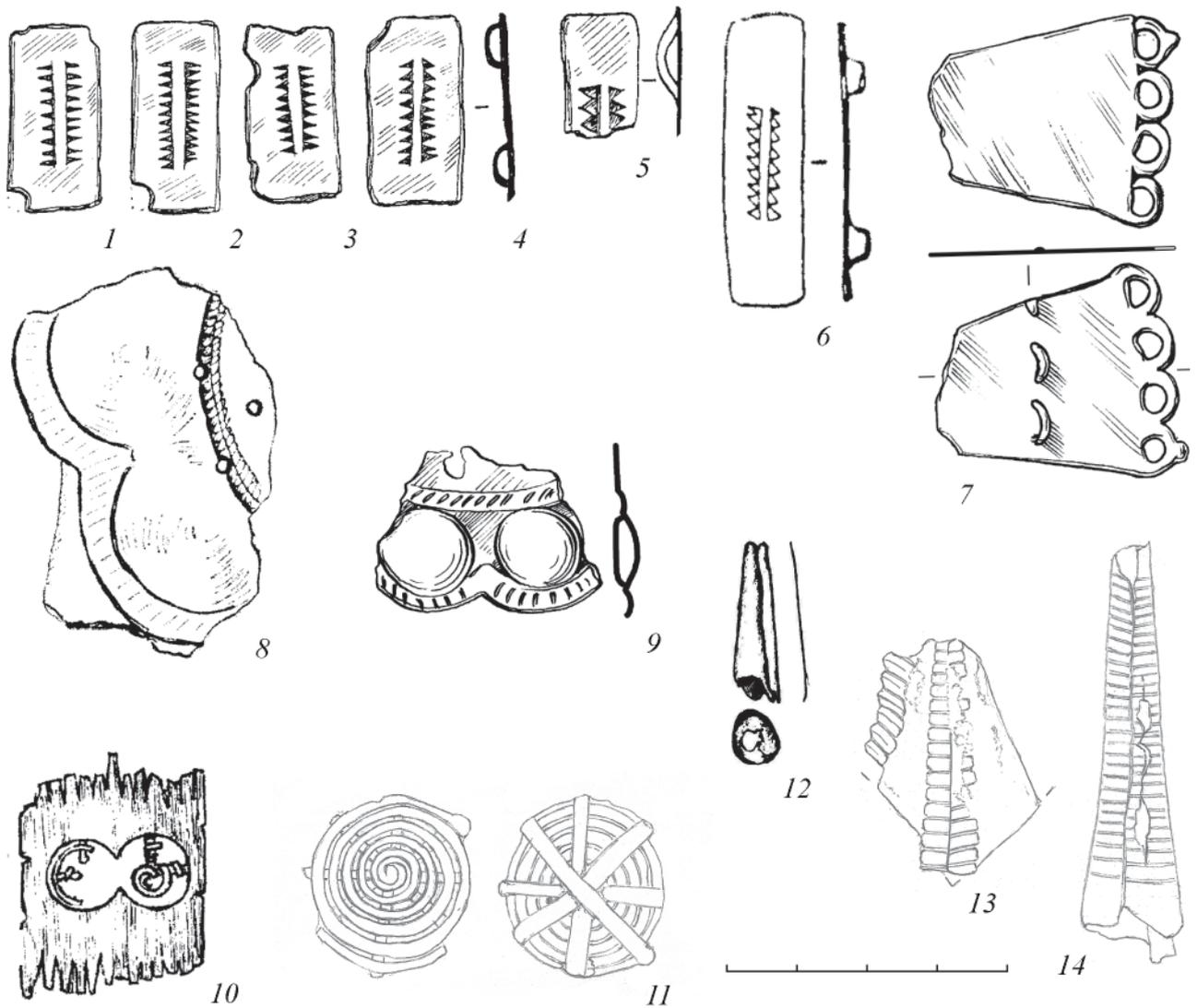

Рис. 4. Поясные (1–6) и ажурные (10, 11) накладки, эполетообразные (8, 9) и обувные (7) застёжки, височные подвески (12–14). 1–4 – Тарасово, п. 616 (Голдина, 2003, табл. 259: 1–6, 1–7, 1–10, 1–11), 5 – Тарасово, п. 212 (Голдина, 2003, табл. 86: 2), 6 – Бирск, п. 682 (Султанова, [Подготовительные мат–лы к диссертации]), 7 – Тураево, п. 190 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 139: 3), 8 – Ижевск, п. 124а (Останина, 1984, табл. 14: 19), 9 – Тураево, п. 157 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 108: 4), 10 – Ангасяк, п. 92 (Тагиров, 2007, рис. 9: 2), 11 – Бирск, п. 672 (МА БГУ, б/ш, рис. автора), 12 – Бирск, п. 296 (мат–лы к изданию), 13 – Бирск, п. 263 (МА БГУ 321/39=у36/297, рис. автора), 14 – Бирск, п. 398 (МА БГУ 323/122, рис. автора).

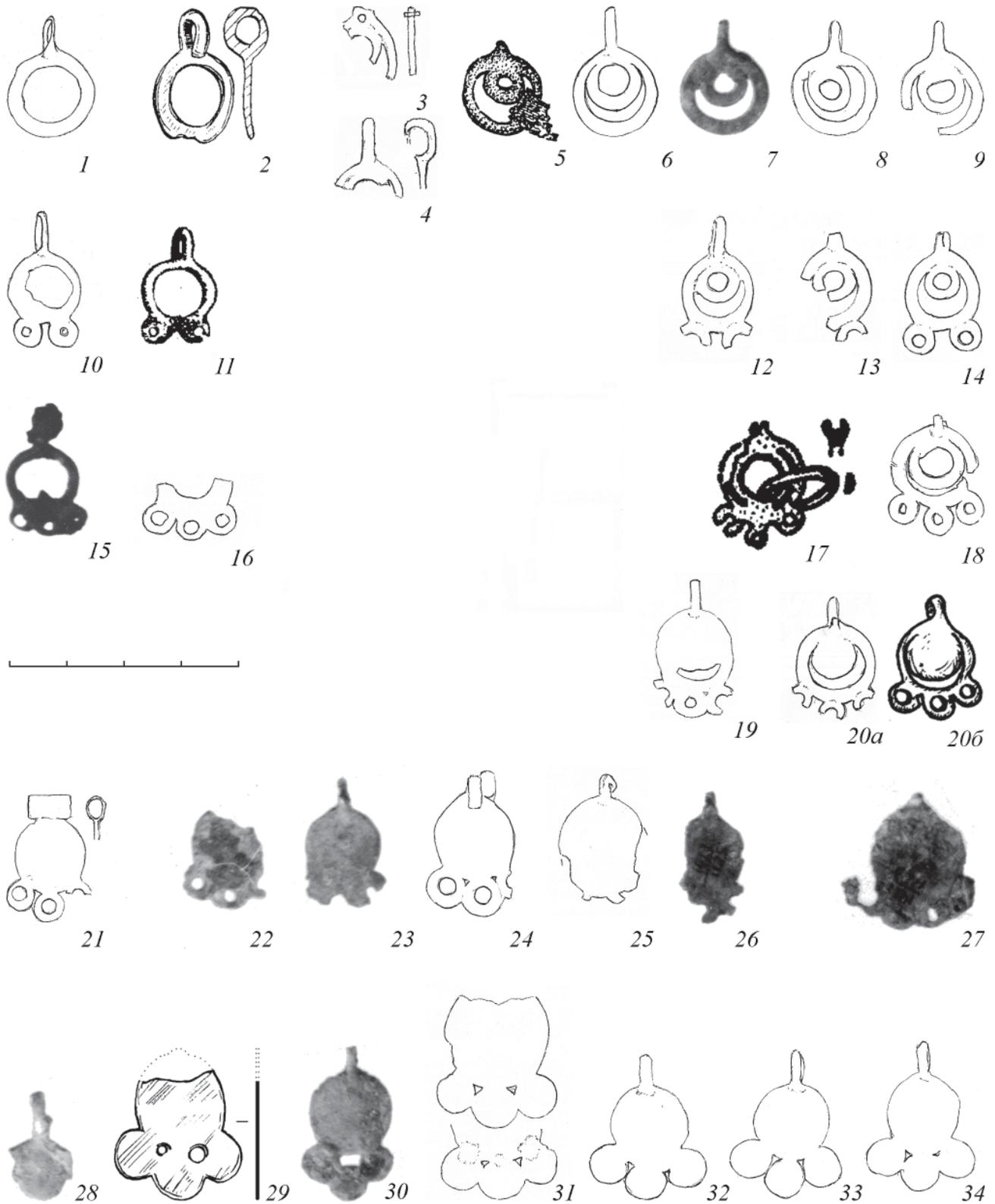

Рис. 5. Шейные подвески. 1, 6, 10, 20 – Бирск, п. 495 (МА БГУ 327/281, 282, 282, б/ш, рис. автора), 2 – Тарасово, п. 146 (Голдина, 2003, табл. 56: 1–7), 3, 4, 12–14, 16, 19, 25, 31 – Бирск, п. 672 (МА БГУ б/ш, рис. автора), 5 – Ангасяк, п. 82 (Тагиров, 2007, рис. 6: 7), 7, 22, 23, 26–28, 30 – Усть-Сарапулка, п. 45 (Арматынская, 1984о, рис. 24: 2), 8, 9, 21, 32–34 – Бирск, п. 565 (МА БГУ 991/85 (6 экз.), рис. автора), 11, 15 – Ангасяк, п. 49 (Васюткин, 1969о, рис. 31: 3; 1980, табл. 5: 2, 3), 17 – Ст. Мушта, к. 10/п. 6 (Сунгатов и др., 2004, рис. 24: 3), 18 – Бирск, п. 646 (МА БГУ 991/391, рис. автора), 24 – Бирск, п. 314 (МА БГУ у36/343, рис. автора), 29 – Тураево, п. 178 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 133: 5).

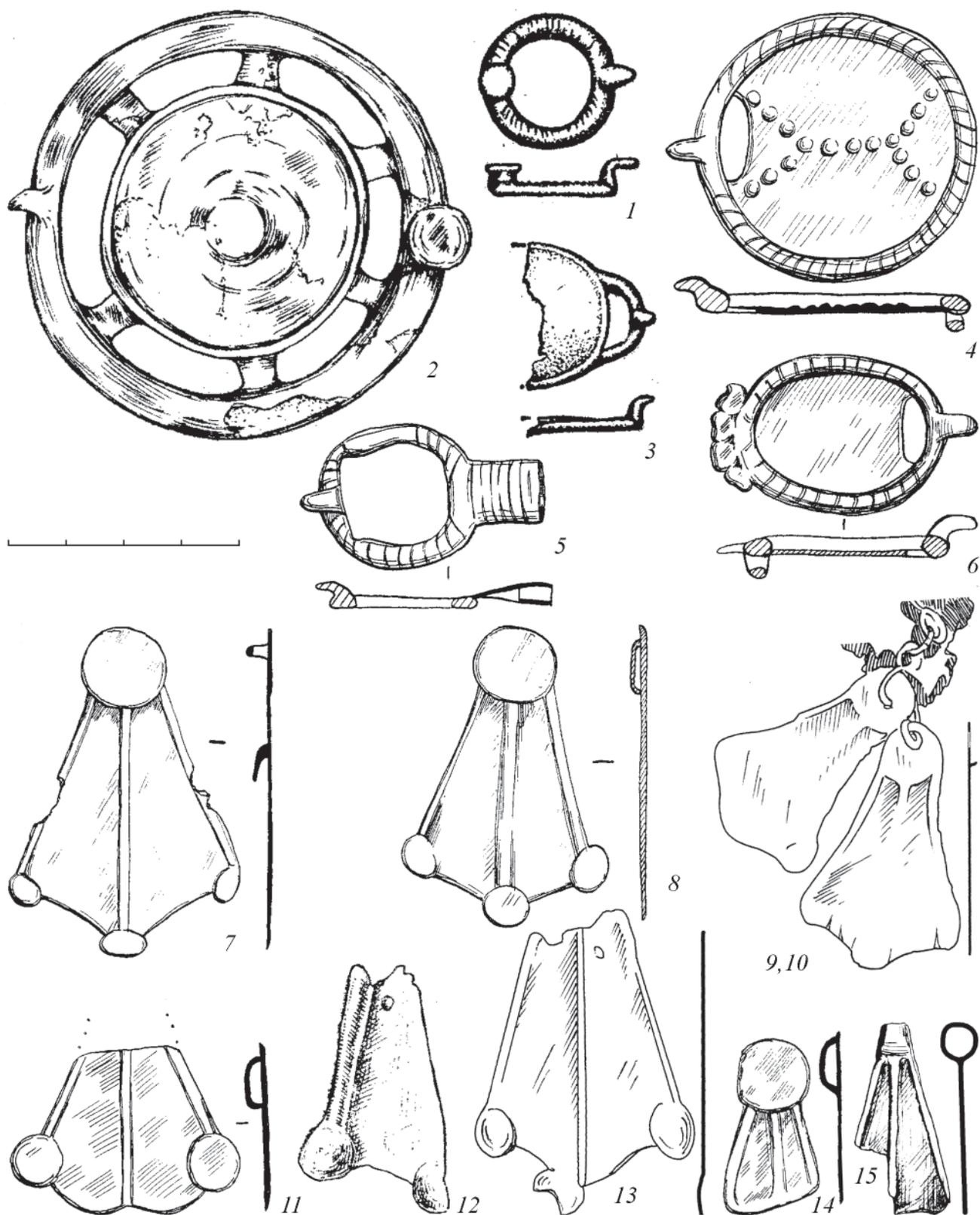

Рис. 6. Застежки с неподвижным крючком (1–6) и лапчатые подвески (7–15). 1 – Ангасяк, п. 5 (Васюткин, 1980, табл. 6: 7), 2 – Покровское, п. 1096 (Останина, 1992, рис. 15: 5), 3 – Ангасяк, п. 4 (Васюткин, 1980, табл. 6: 8), 4 – Тарасово, п. 216 (Голдина, 2003, табл. 87: 5), 5 – Тарасово, п. 6806 (Там же, табл. 286: 10), 6 – Тарасово, п. 145 (Там же, табл. 56: 1–2), 7 – Тарасово, п. 532 (Там же, табл. 226: 12), 8 – Тарасово, п. 555 (Там же, табл. 238: 8–6), 9, 10, 13 – Тураево, п. 66 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 51: 2–2, 2–8), 11 – Тарасово, п. 616 (Голдина, 2003, табл. 259: 1–12), 12 – Мазунино, п. 37 (Генинг, Мырсина, 1967, табл. III: 2), 14 – Тарасово, п. 482 (Голдина, 2003, табл. 208: 5), 15 – Тураево, п. 137 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 95: 3).

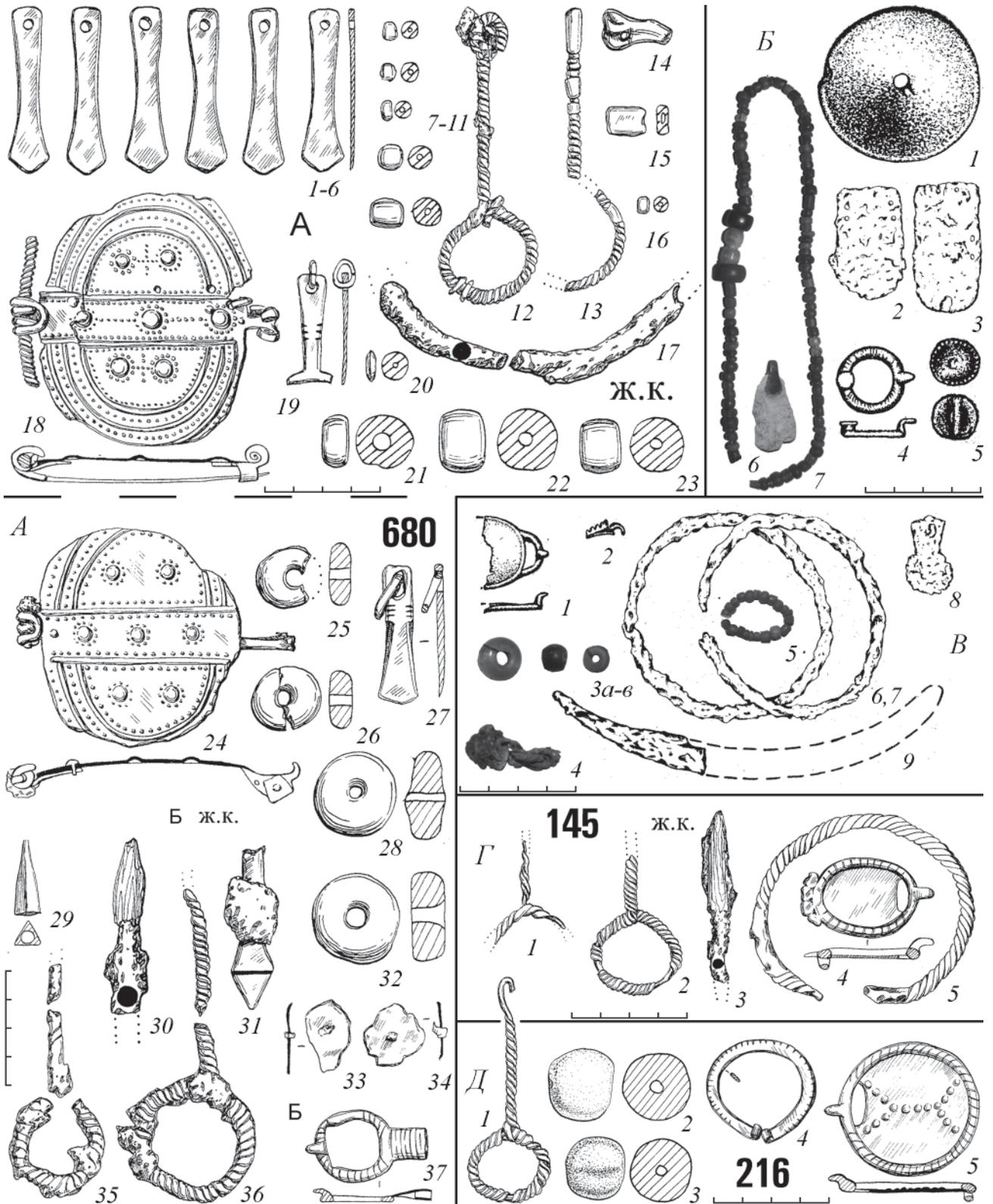

Рис. 7. А – Тарасово, п. 680 (Голдина, 2003, табл. 285/680; 286), Б – Ангасяк, п. 5 (Васюткин, 1980, табл. 4: 15,16; 6: 7; 7: 2, 10; МАЭ Анг.м.17, 20/5, фото Р.Р. Руслановой), В – Ангасяк, п. 4 (Васюткин, 1980, табл. 1: 1; 4: 23; 5: 5; 6: 8, 12; МАЭ Анг.м.10, 11, 12/4, фото Р.Р. Руслановой), Г – Тарасово, п. 145 (Голдина, 2003, табл. 56/145), Д – Тарасово, п. 216 (Там же, табл. 87/216).

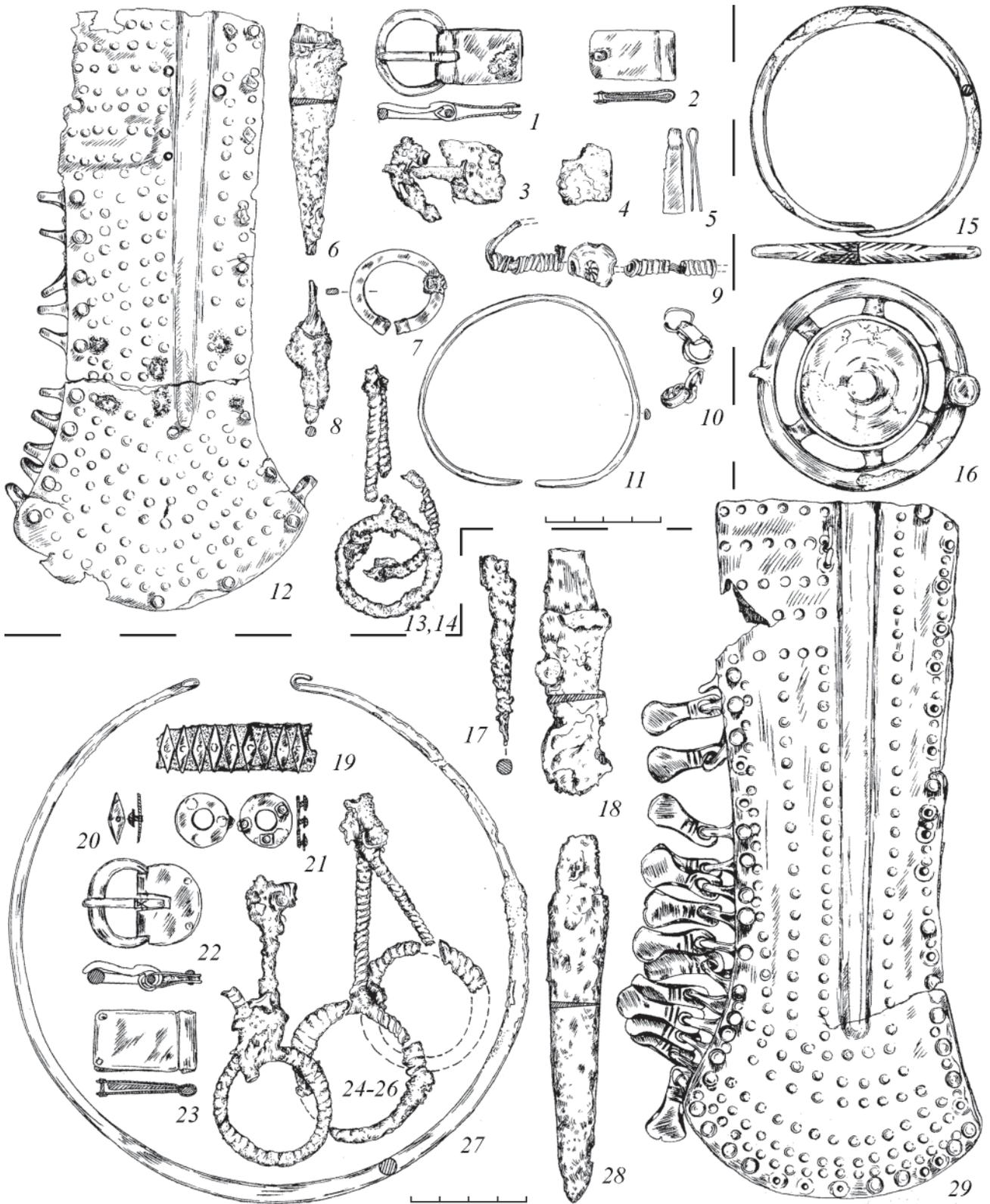

Рис. 8. Покровское, п. 109: 1-14 – 109г (Останина, 1992, рис. 19), 15-29 – 109б (Там же, рис. 15: 1, 2, 4-6; 16: 1-4, 6-8).

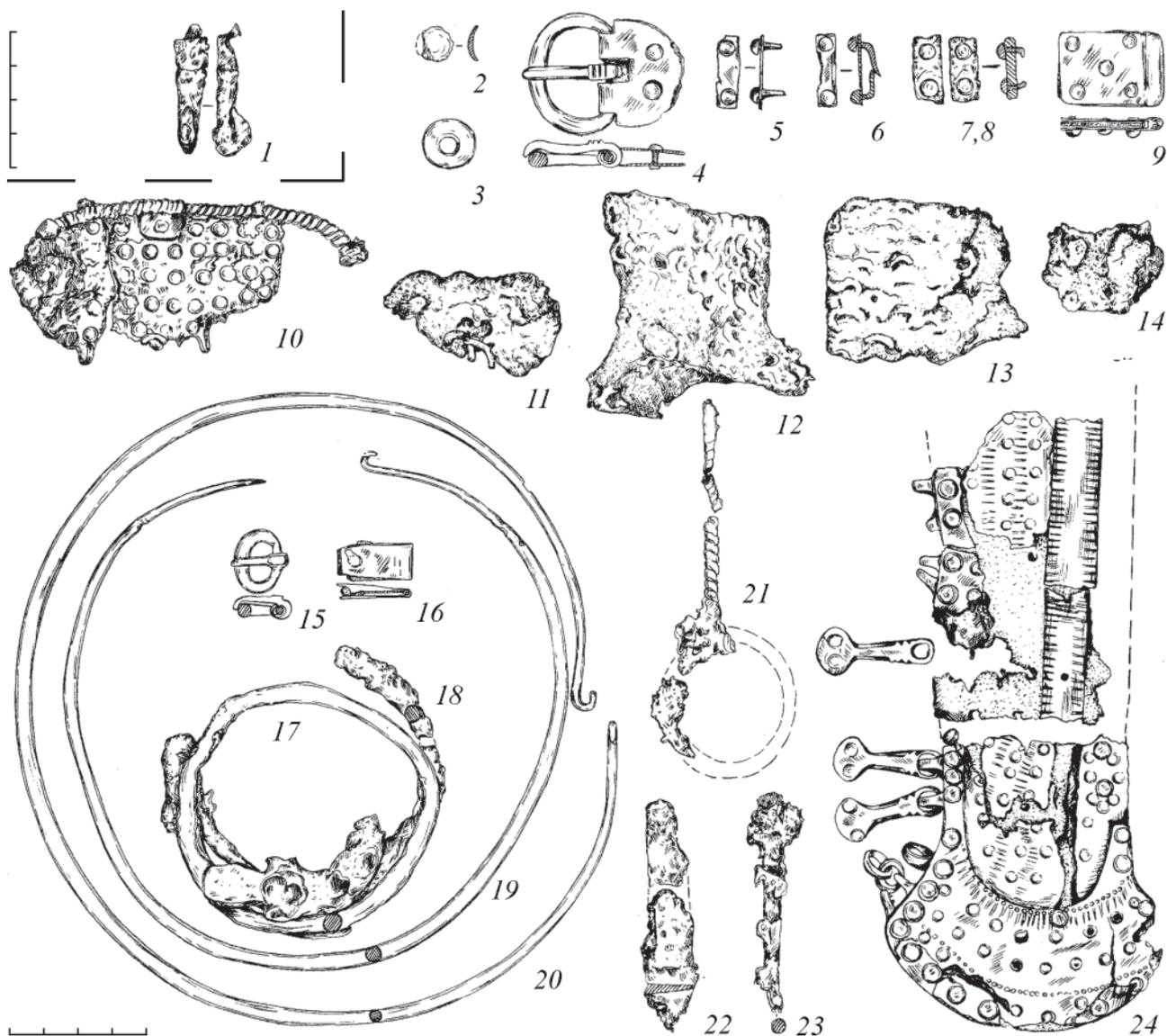

Рис. 9. Покровское, п. 109 (продолжение): 1 – 109а (Останина, 1992, рис. 15: 3), 2–24 – 109в (Там же, рис. 16: 5; 17; 18).

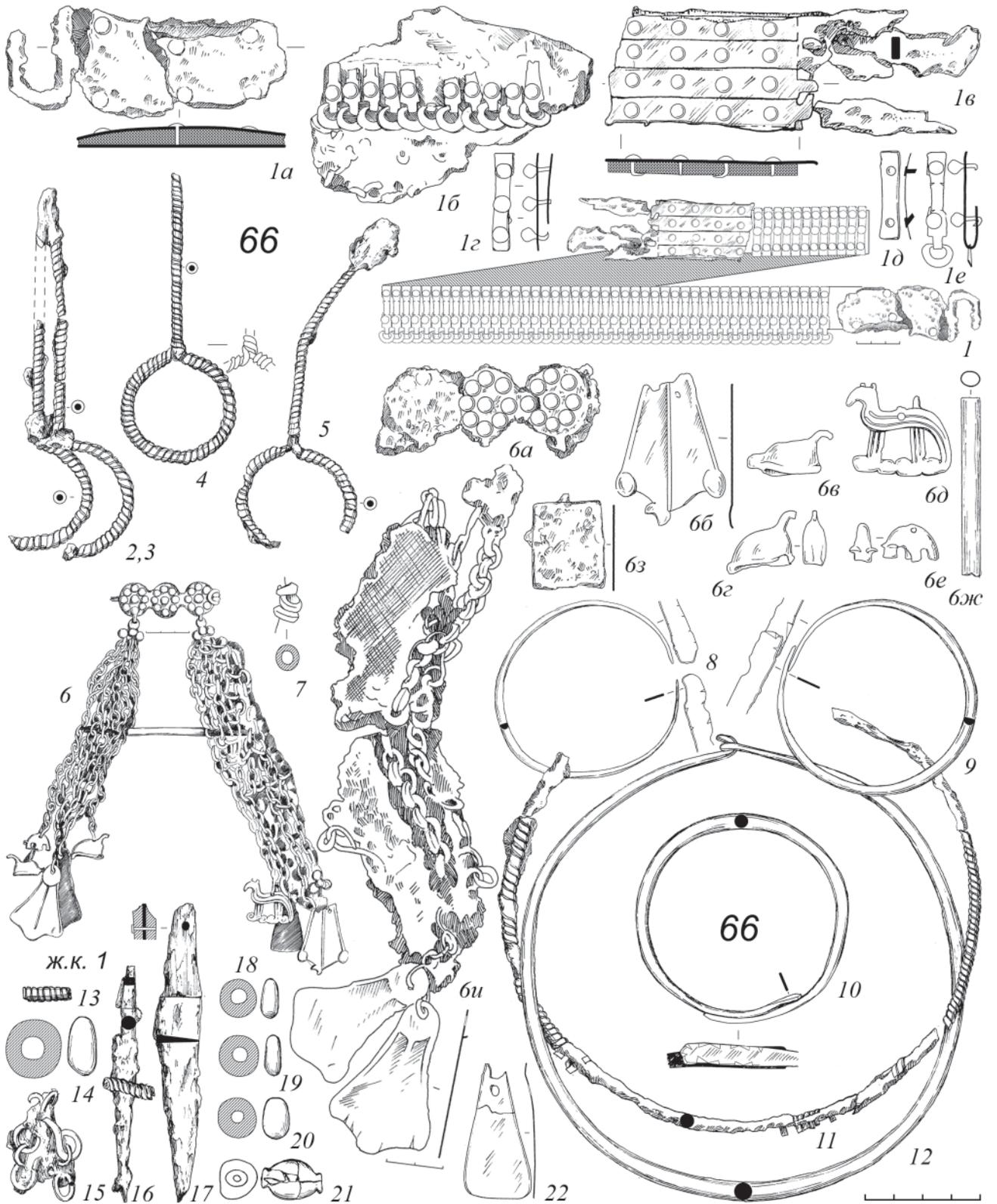

Рис. 10. Тураево, п. 66 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 49–52).

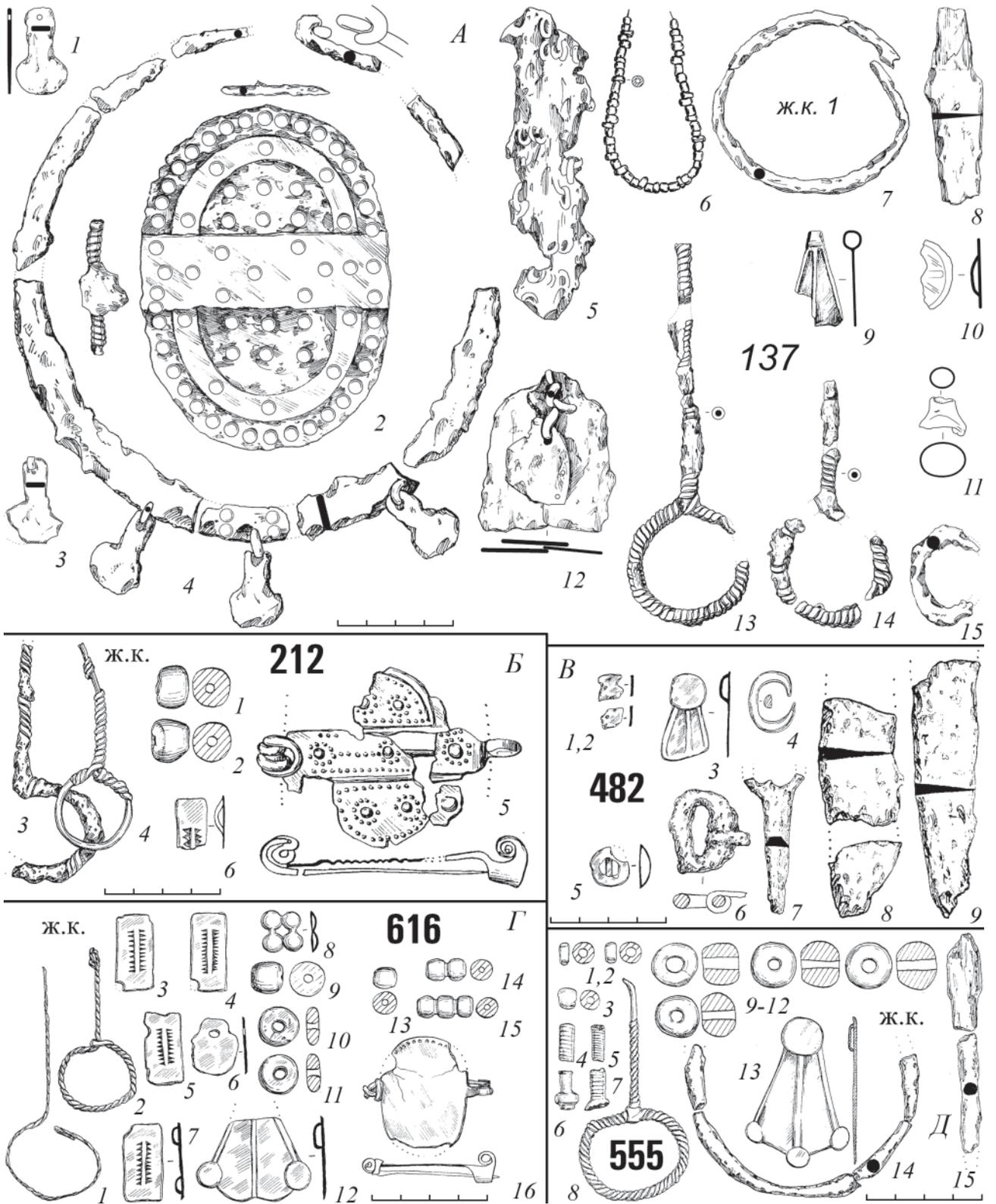

Рис. 11. А – Тураево, п. 137 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 94, 95), Б – Тарасово, п. 212 (Голдина, 2003, табл. 86/212), В – Тарасово, п. 482 (Там же, табл. 208/482), Г – Тарасово, п. 616 (Там же, табл. 259/616), Д – Тарасово, п. 555 (Там же, табл. 238).

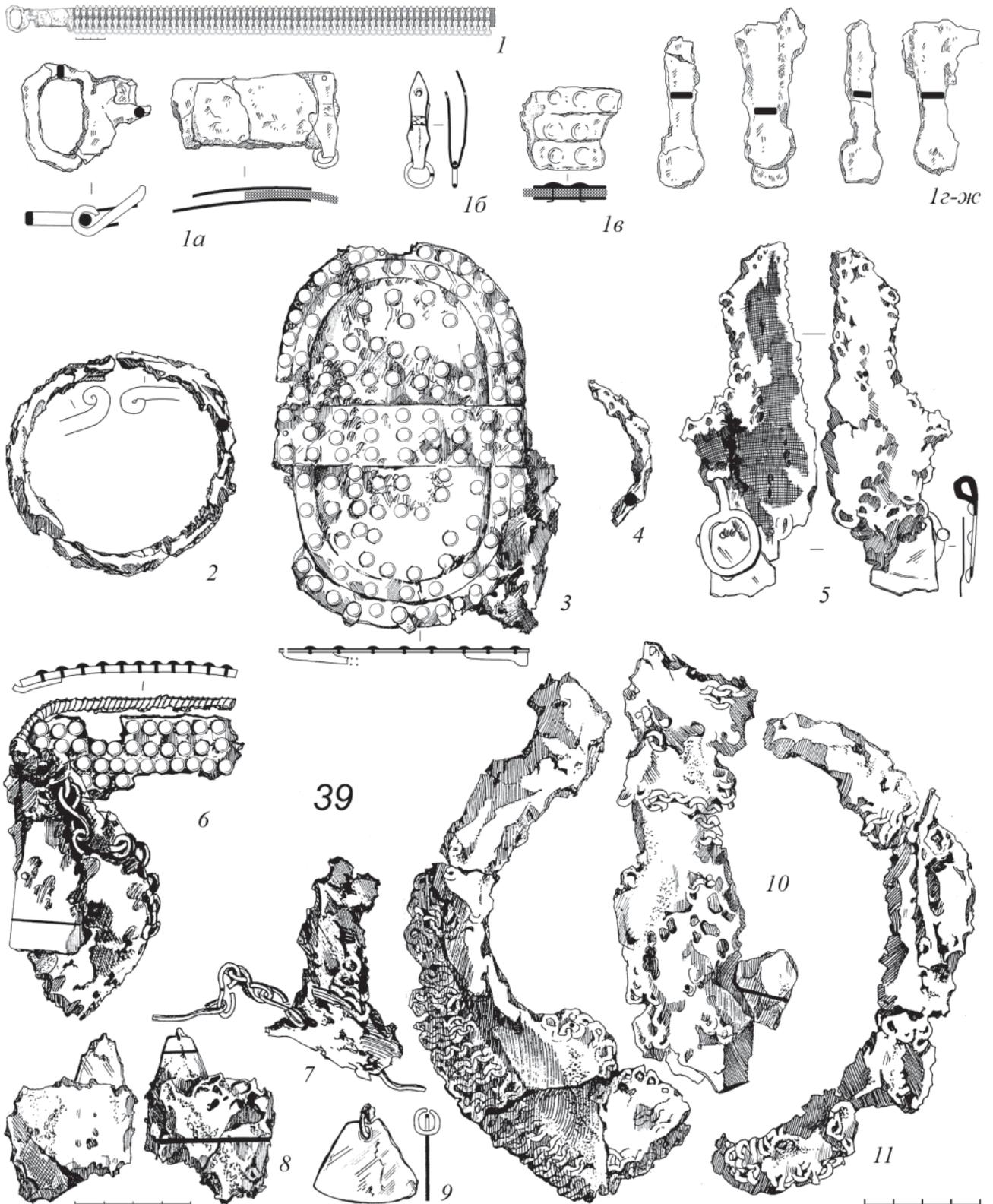

Рис. 12. Тураево, п. 39 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 32: 2–1–2–8; 34; 35).

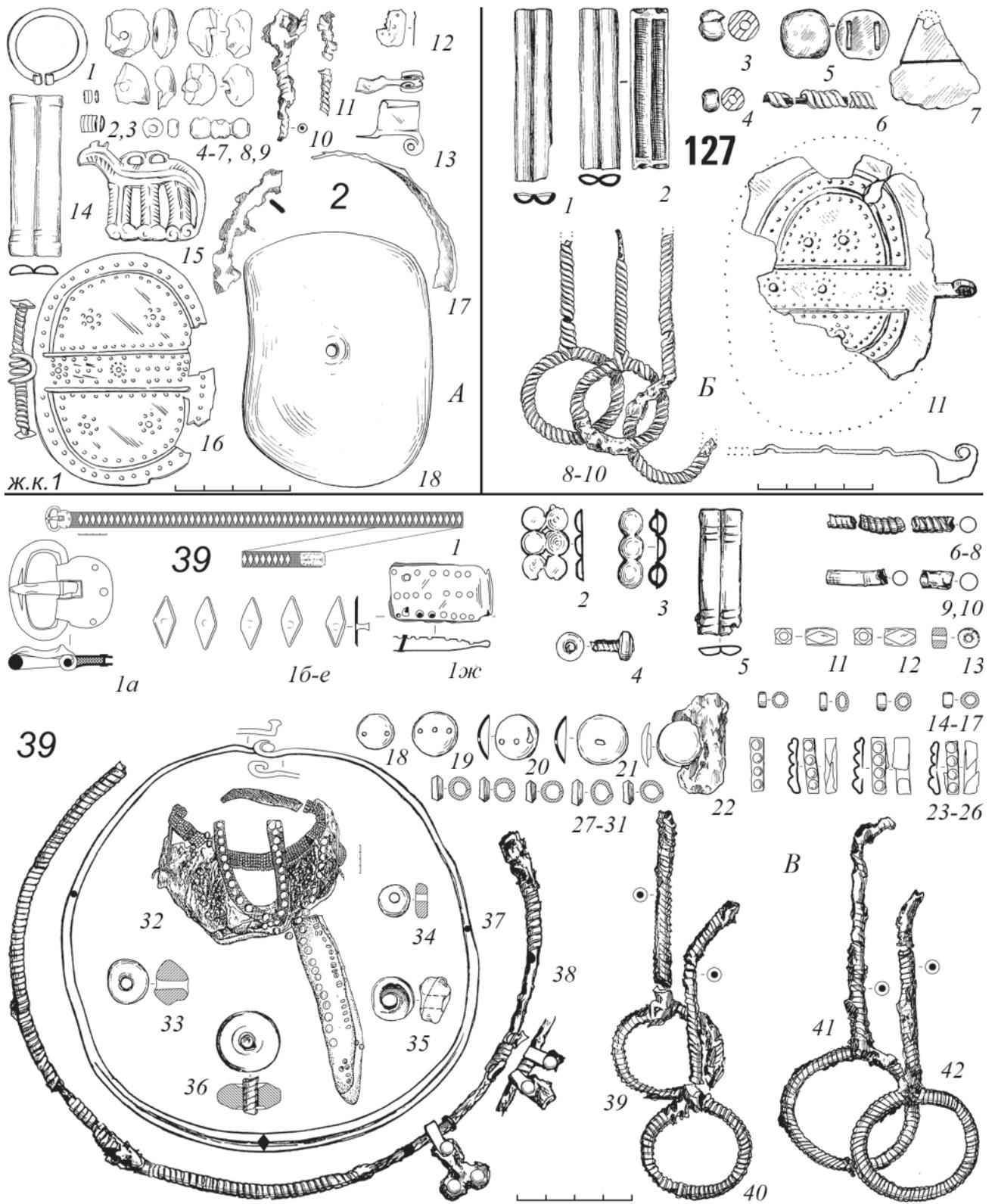

Рис. 13. А – Заборье, п. 2 (Бернц, 2006, рис. 3), Б – Тарасово, п. 127 (Голдина, 2003, табл. 44/127), В – Тураево, п. 39 (продолжение) (Голдина, Бернц, 2010, табл. 31, 32: 1–1–1–7; 33).

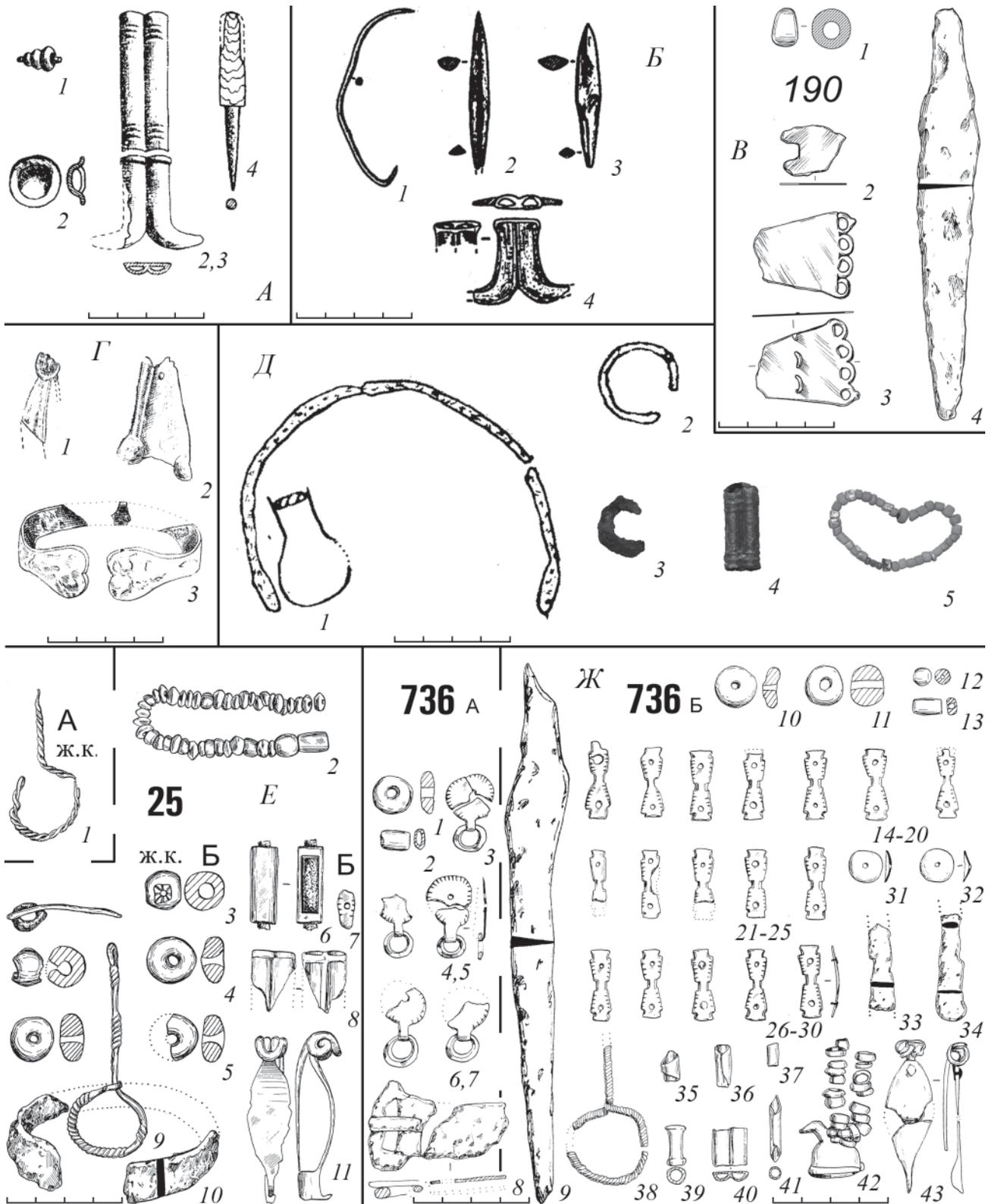

Рис. 14. А – Нива, п. 45 (Останина, 1978, табл. I: 11, 19; II: 17; IV: 6), Б – Ст. Мушта, к. 15/п. 2 (Сунгатов и др., 2004, рис. 30: 7, 8; 40: 2, 7), В – Тураево, п. 190 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 139/190), Г – Мазунино, п. 37 (Генинг, Мырсина, 1967, табл. II: 7; III: 2, 10), Д – Ст. Кабаново, п. 43/1 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 5: 26; 6: 5; МАЭ Ст.Каб.191–193/43, фото Р.Р. Руслановой), Е – Тарасово, п. 25 (Голдина, 2003, табл. 10/25), Ж – Тарасово, п. 736 (Там же, табл. 316/736а; 317).

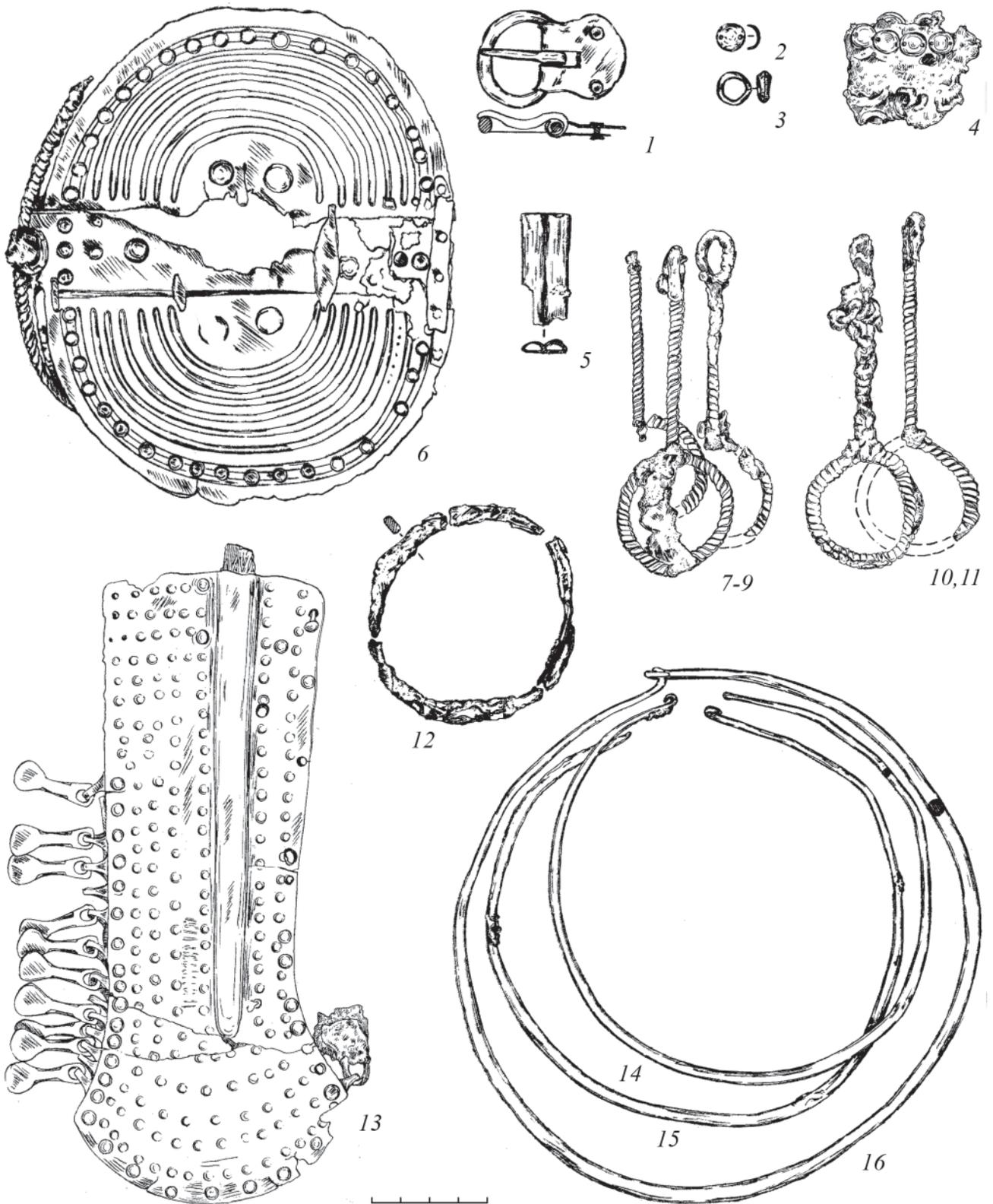

Рис. 15. Покровское, п. 135 (Останина, 1992, рис. 23; 24).

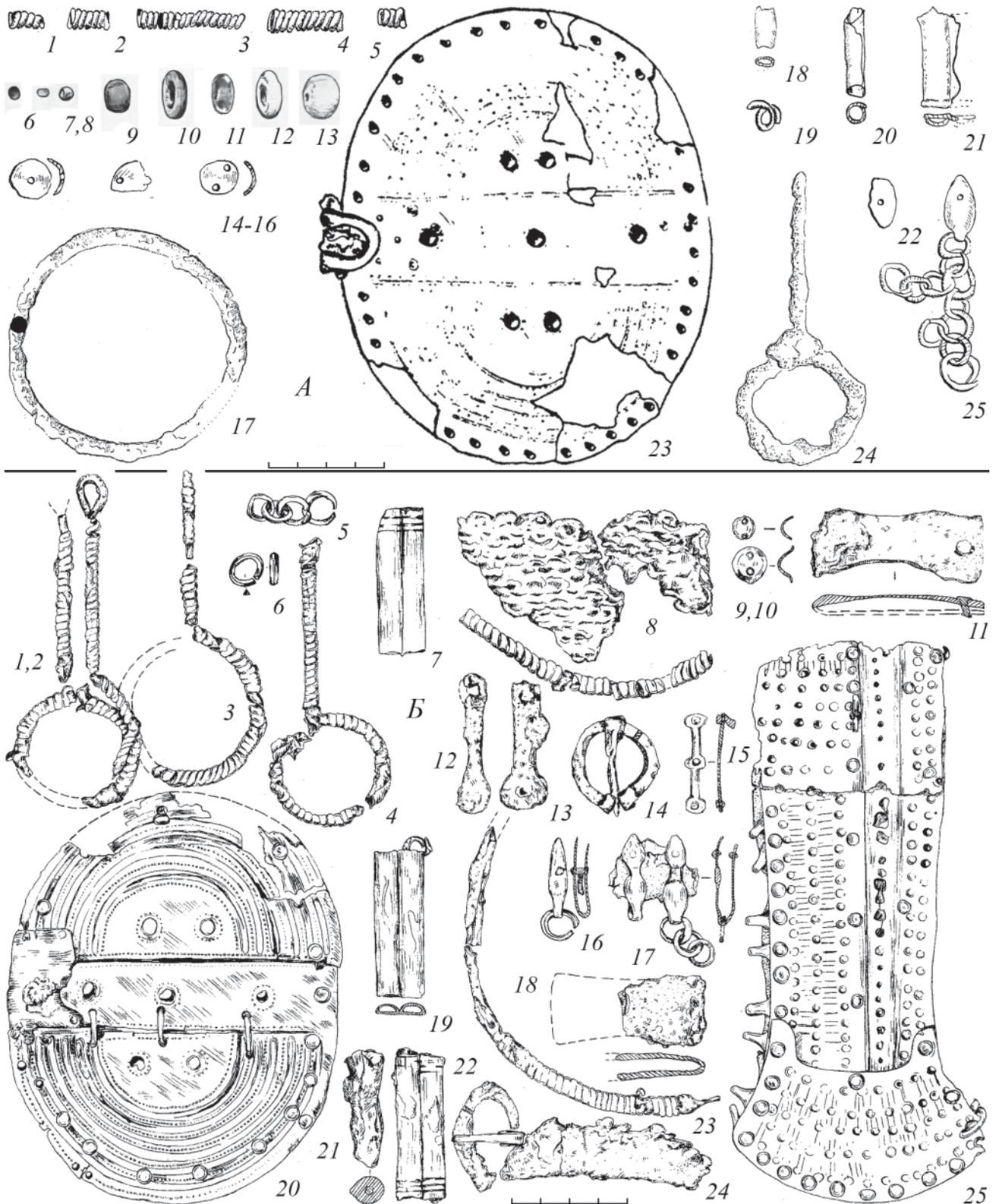

Рис. 16. А – Ижевск, п. 139 (Останина, 1984, табл. 16: 1–17; 24: 1, 6, 7, 30, 37, 39, 50, 51), Б – Покровское, п. 258 (Останина, 1992, рис. 28; 29).

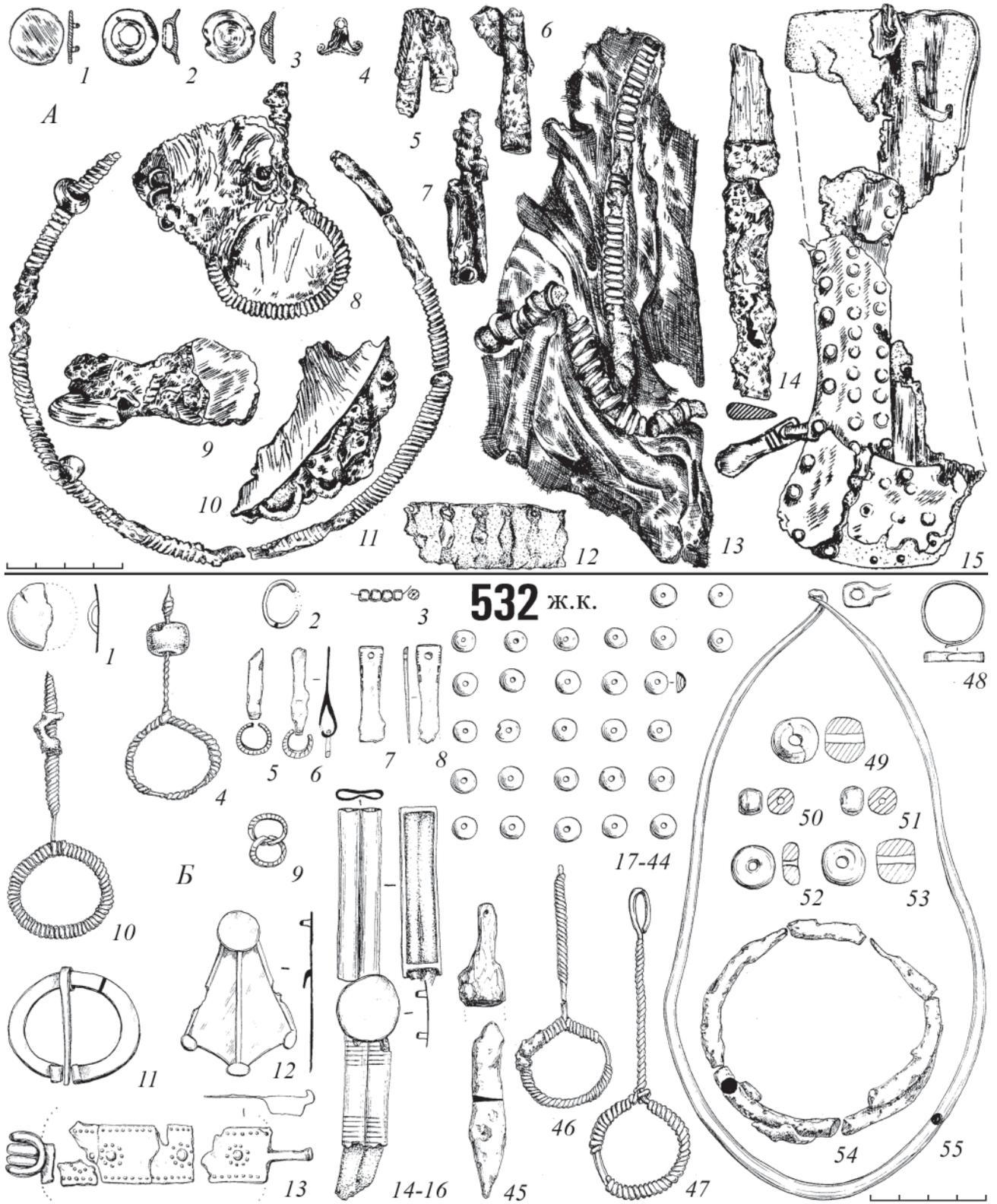

Рис. 17. А – Покровское, п. 330 (Останина, 1992, рис. 30; 31: 1–6), Б – Тарасово, п.532 (Голдина, 2003, табл. 226; 227).

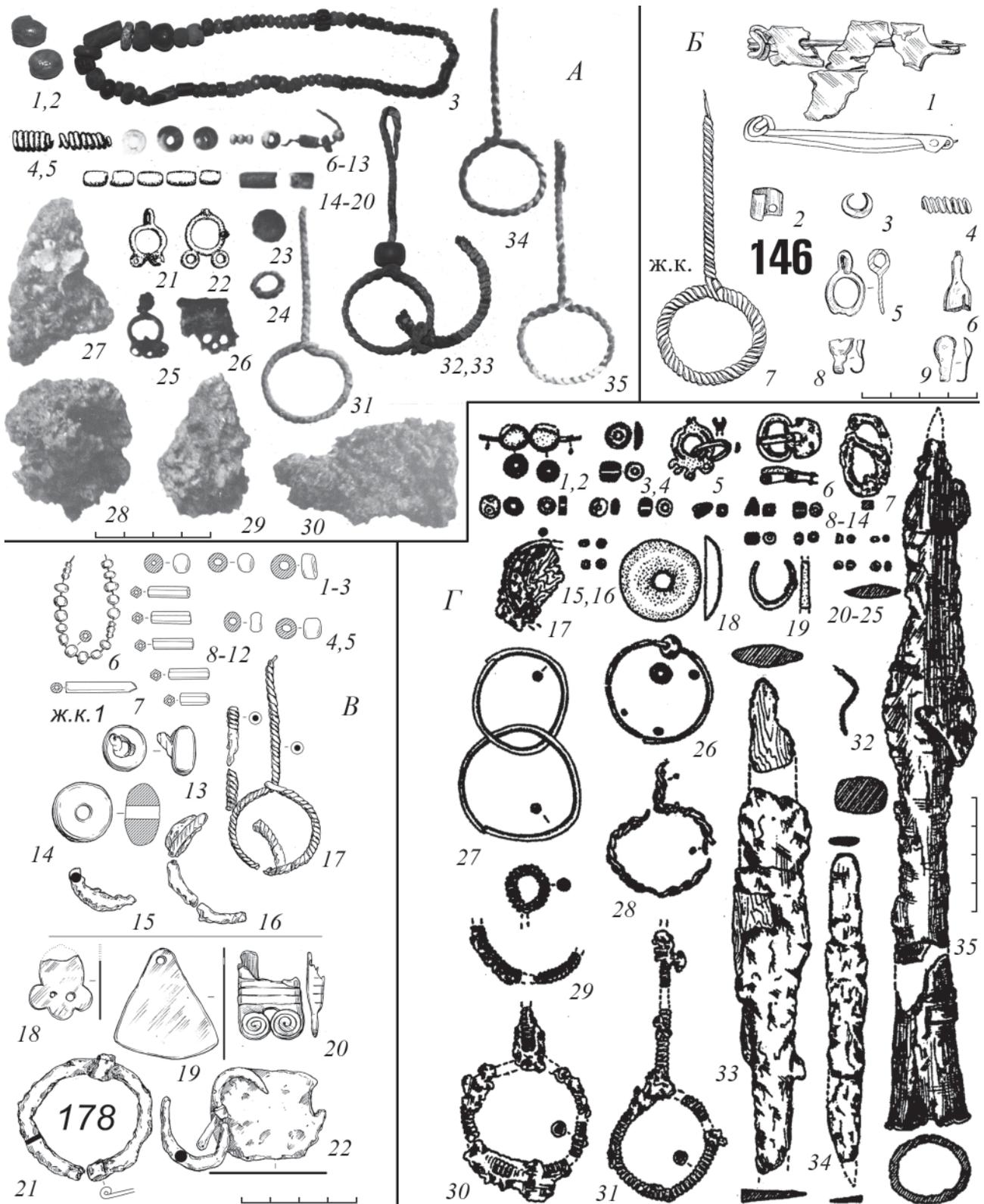

Рис.18. А – Ангасьяк, п. 49 (Васюткин, 1969о, рис. 30: 2, 3; 31: 1, 3–14; 32; 1980, табл. 5: 1–3, 7: 8; МАЭ Англ.м.212/49, фото Р.Р. Руслановой), Б – Тарасово, п. 146 (Голдина, 2003, табл. 56/146), В – Тураево, п. 178 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 133), Г – Ст. Мушта, к. 10/п. 6 (Сунгатов и др., рис. 16: 7, 8, 10–27; 24: 2–10).

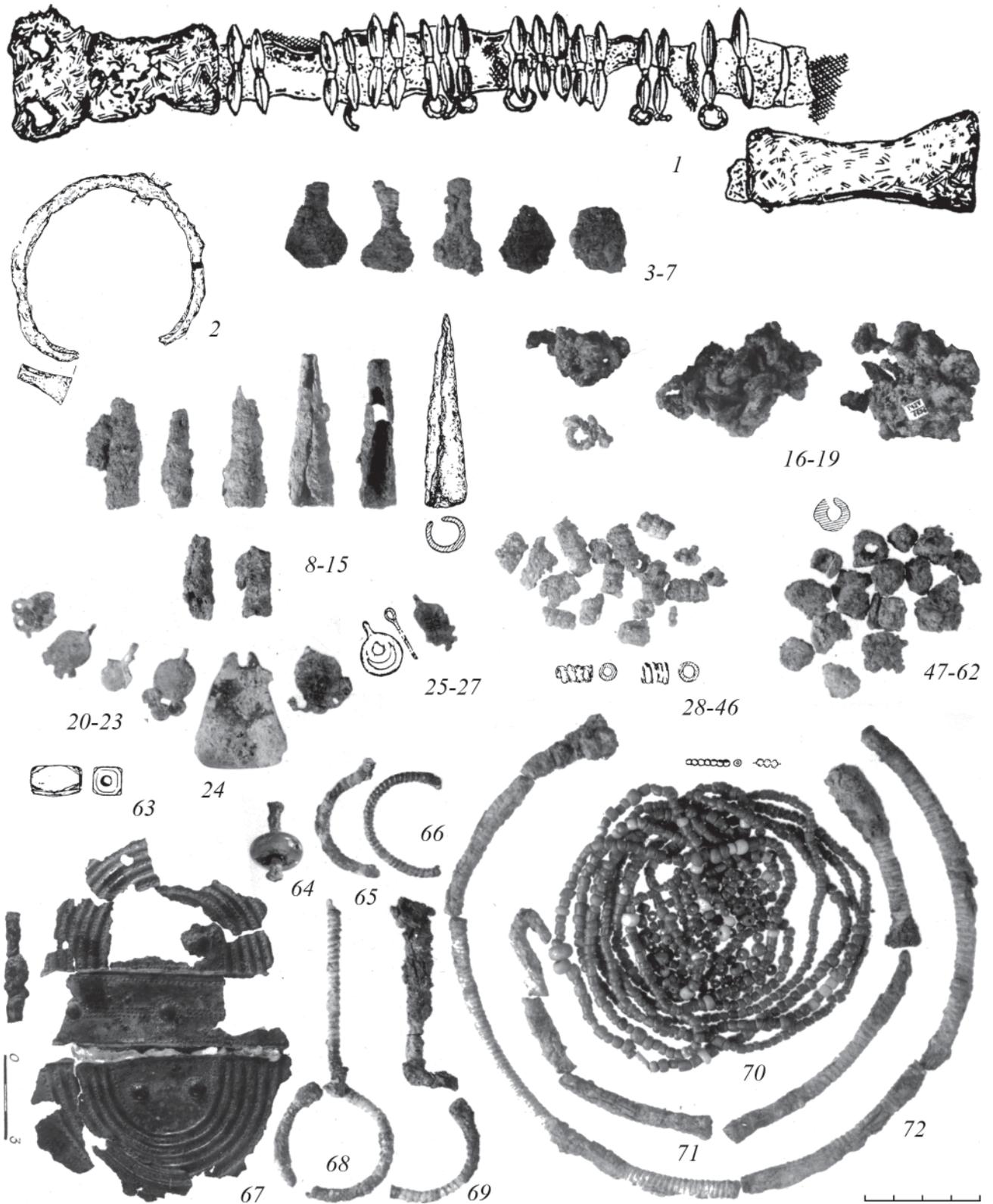

Рис. 19. Усть-Сарapulка, п. 45 (Арматынская, 1984о, рис. 22; 23; 24: 2-5; 25-27; 1986, рис. 3: 1; 4: 1, 6, 7, 16; 5: 3, 11, 17; 6: 8).

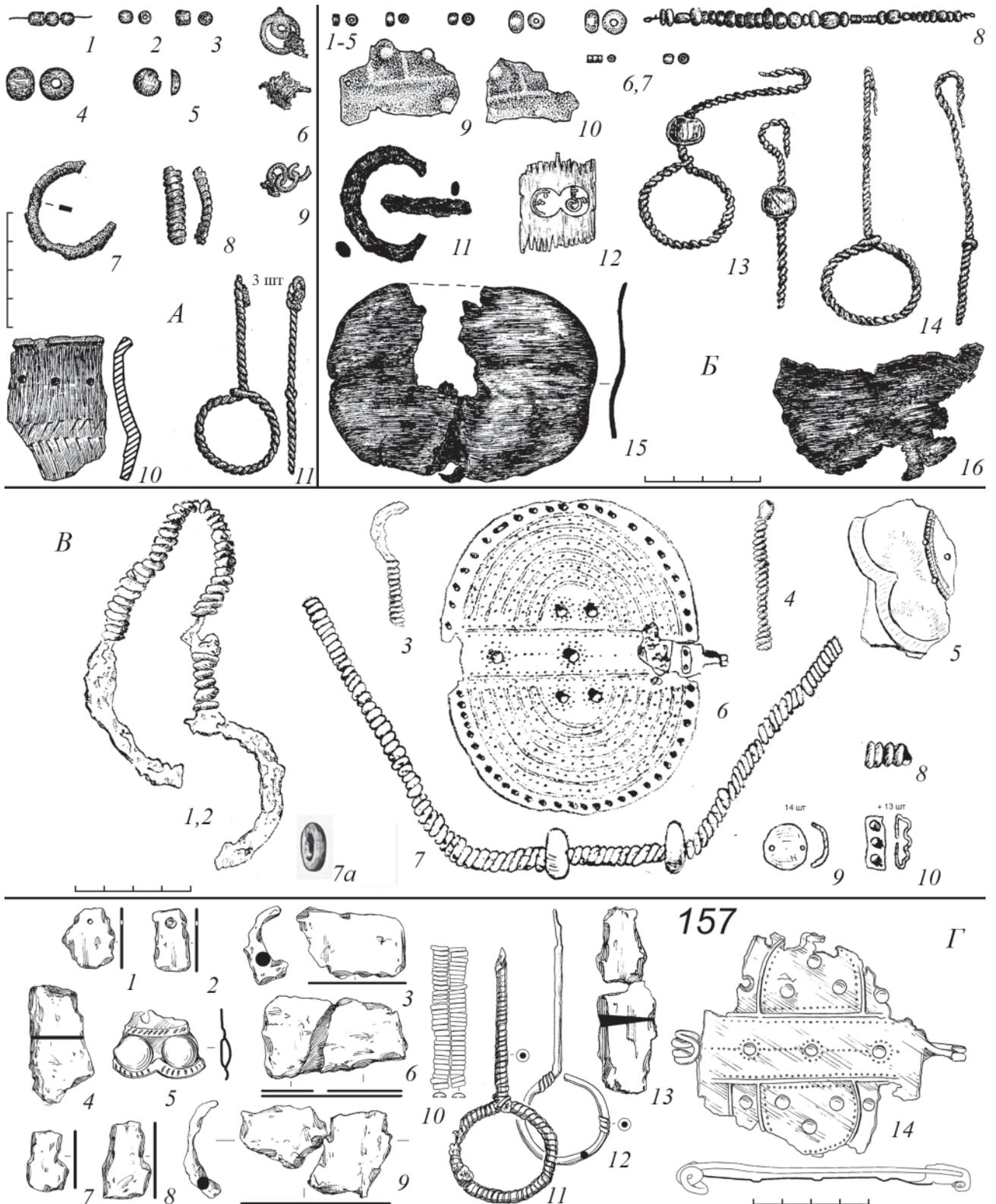

Рис. 20. А – Ангасяк, п. 82 (Тагиров, 2007, рис. 5: 2; 6: 5, 7; 8: 5; 13: 9; Тагиров, 1991о, рис. 63: 1–4, 7); Б – Ангасяк, п. 92 (Тагиров, 2007, рис. 4: 6–7а, 9–12; 5: 5, 8; 6: 10; 9: 4; 12: 2, 4), В – Ижевск, п. 124а (Останина, 1984, табл. 14: 11–19; 24: 37), Г – Тураево, п. 157 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 108).

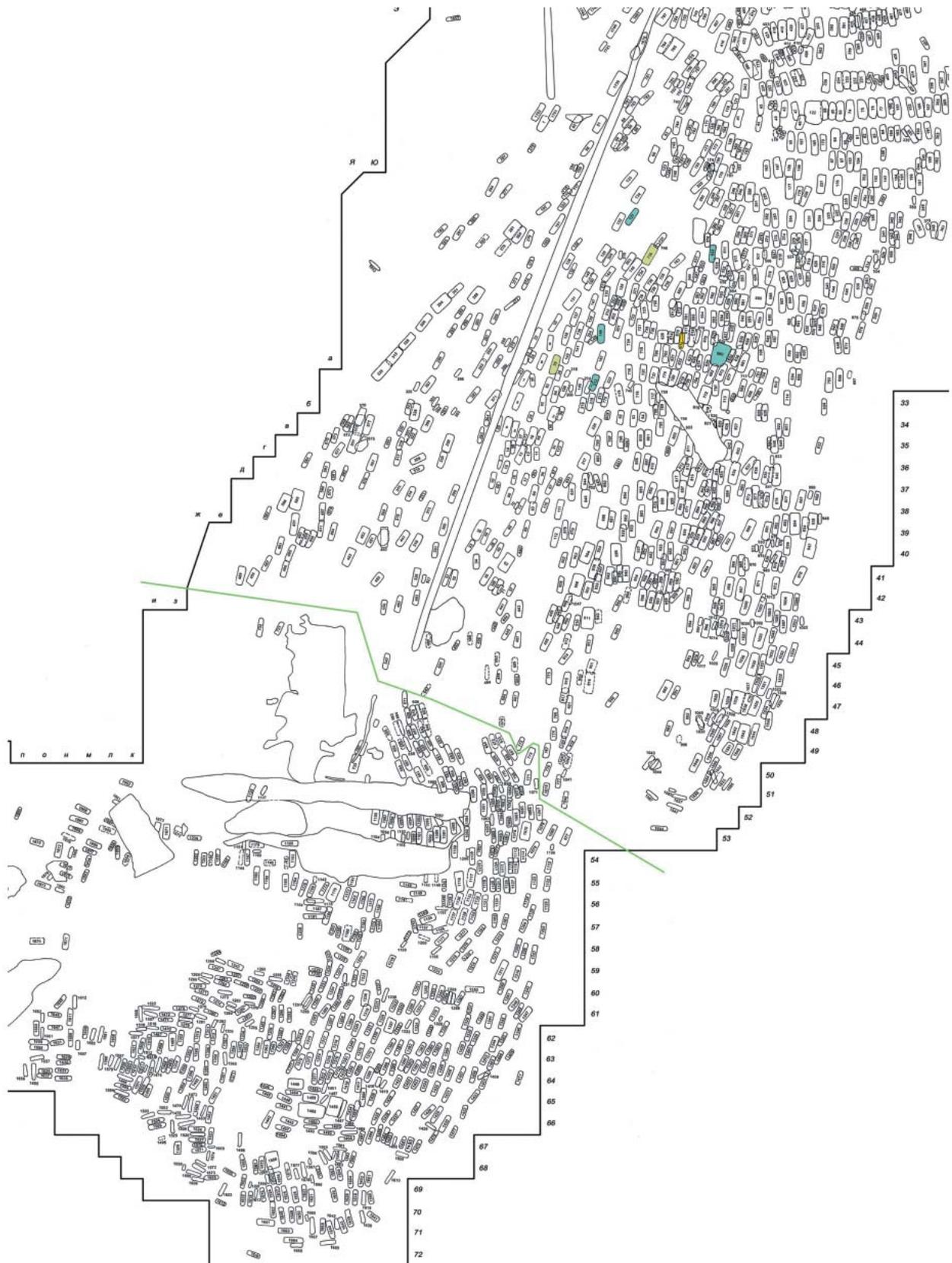

Рис. 21. План Тарасовского могильника, фрагмент (на основе: Голдина, 2004, прил.). Граница пьяноборской и мазунинской частей; цветом показаны погребения, обсуждаемые в работе.

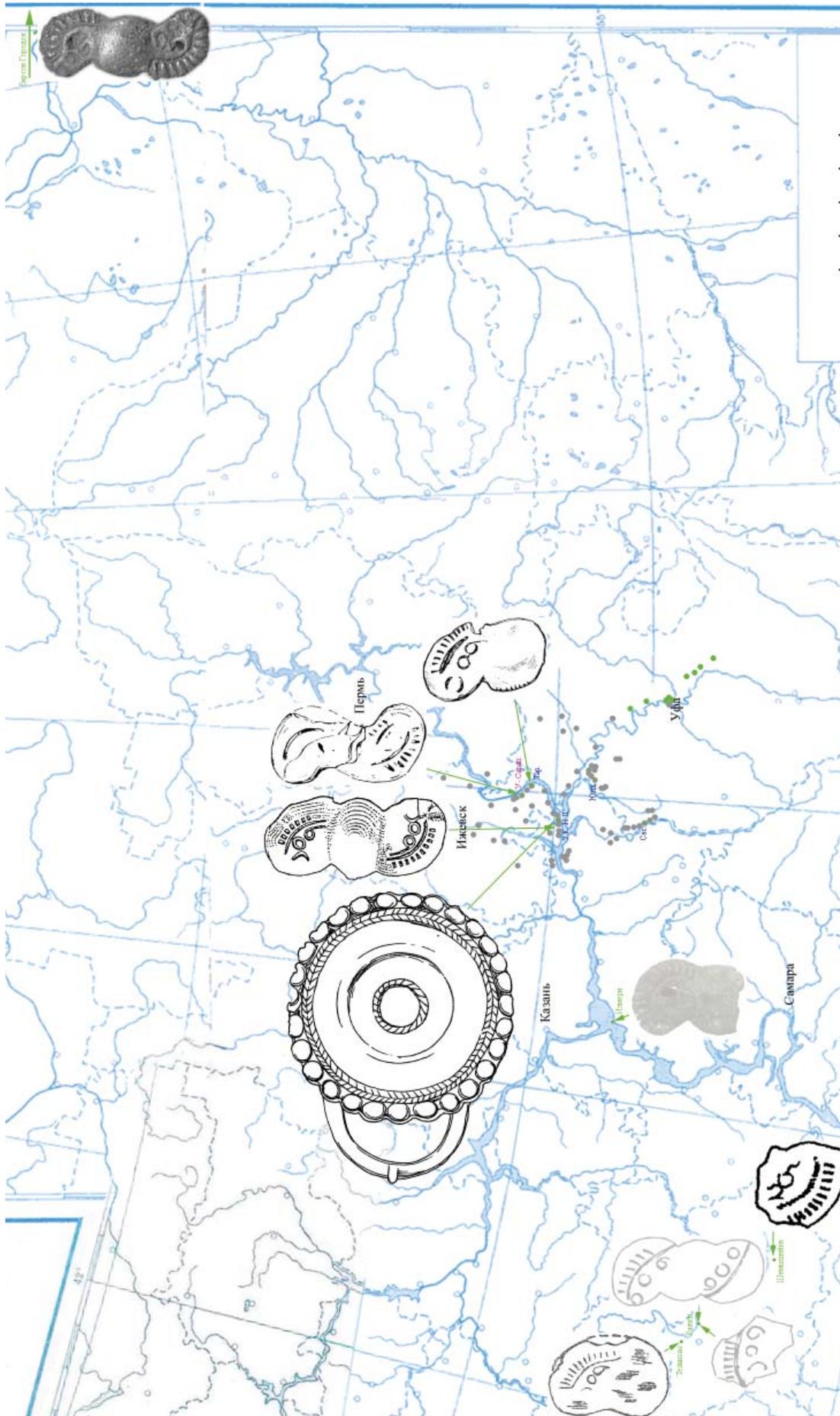

Рис. 22. Распространение кара-абсызских находок вне (и не вблизи) основного ареала (Ширин, Яковлев, 2010, ил. 75; Армагынская, 1986, рис. 4; 9; Голдина, 2003, табл. 367: 3; Черных, 2004, рис. 6: 11; Гришаков, 2005, рис. 4: 2; Полесских, 1966, рис. 4: 3; сообщение В.В. Ставицкого; МДСИКВМ 900/1055; МАРТ, КЕП-1/943, с коллекцией работал Д.Г. Бугров).

Дополнение к каталогу (в текстовой части каталога описаны только комплексы, материалы которых авторами раскопок не изданы¹; все опубликованные приведены в иллюстрациях):

Бирск², п. 263/1981. Спекшиеся в окислах вещи: железная пластина с кромками, сходящимися почти под прямым углом, бронзовая спиральновитая пронизка, височная подвеска(?) с гофрированной трубицей (МА БГУ у36/297³). Предмет очень похож на трубицу височной подвески и не похож на спиральные пронизки, но сомнения остаются. В простой яме, костяк в анатомическом порядке. Комплекс очень поздний⁴: наконечник копья, топор-кельт типа (Мажитов, 1968, табл. 3: 16; 29: 19), ложка типа (Мажитов, 1968, табл. 15: 12; 29: 15), скобель типа (Мажитов, 1968, табл. 15: 18), удила типа (Мажитов, 1968, табл. 28: 5; 29: 20), железные линзовидного и трехлопастного сечения и костяной, ромбического сечения наконечники стрел, пряжка⁵ шиповского / предгеральдического круга (МА БГУ 321/40 = у36/60).

Бирск, п. 296/1981. Трубица височной подвески. Известна мне только в прорисовке, найти не удалось. В простой яме, от костяка сохранились две перемещенные кости. В погребении фрагмент керамики чандарского типа, железная пряжка, бронзовая пряжка с хоботковидным язычком (рамка типа (Амброз, 1980, рис. 7: 27), щиток типа (Амброз, 1980, рис. 7: 17)).

Бирск, п. 314/1981. Шейная подвеска – цельный диск и три (один обломан) малых кольцевидных, к ушку прикипел голубой бисер (МА БГУ у36/343). В простой яме, костяк перемешан. В погребении бронзовая пряжка (рамка овальная, круглого сечения, с протертым ложем язычка, щиток почковидный, язычок не сохранился, МА БГУ 321/330 = у36/342, 339), малень-

¹ Исключая Боярский могильник, который сейчас готовится Е.М. Черных к изданию. Часть материалов памятника мне известна (Черных и др., 2003; 2004).

² Памятник готовится к публикации авторами раскопок и сотрудниками музея. Возможность работы с коллекцией предоставила А.Н. Султанова. За всестороннюю помощь я благодарен Р.Р. Руслановой, Е.В. Русланову, А.К. Бахшиевой.

³ Сейчас происходит объединение и прием на хранение коллекции памятника, поэтому некоторые предметы уже получили новые шифры.

⁴ По составу очень напоминает Бирск, п. 156 (Мажитов, 1968, табл. 29).

⁵ Должно быть две, удалось найти одну.

кий бронзовый наконечник из согнутой пластины (небольшое расширение, гравировка-гофрировка на месте сгиба, МА БГУ 321/330 = у36/338).

Бирск, п. 398/1984. Височная подвеска с гофрированной трубицей (МА БГУ 323/122). В простой яме (сохранилась головная часть), костяк в анатомическом порядке. В погребении височная подвеска мазунинского типа с бусиной, височное кольцо(?), кольцо с насечками типа (Останина, 1997, рис. 11: 8), бусы, поясная накладка типа (Останина, 1997, рис. 11: 33), но двухчастная, или типа (Голдина, Бернц, 2010, табл. 224: 6) (МА БГУ 323/132), бронзовая пряжка (рамка овальная, круглого сечения, язычок со сглаженным уступом у основания, загибается до середины диаметра рамки, щитка нет, типа (Амброз, 1980, рис. 7: 3), МА БГУ 323/125).

Бирск, п. 495/1990. Четыре шейные подвески: круглое кольцо без малых колечек (МА БГУ 327/282), кольцо в кольце, без малых колечек (МА БГУ 327/289), кольцо с двумя малыми колечками (МА БГУ 327/282), кольцо со щитком и тремя малыми колечками (б/шифра). В простой яме, только вещи в углу. В погребении височные подвески мазунинского типа, височное кольцо(?), бутыльчатые пронизки с выраженным ребром⁶ типа (Мажитов, 1968, табл. 2: 23) (МА БГУ 327/279), округло-коническая бляшка с петелькой (МА БГУ 327/288).

Бирск, п. 565/1991. Шесть шейных подвесок: цельный щиток и три малых щитка (3 экз.), кольцо в кольце, без малых колечек (2 экз.), цельный щиток с тремя малыми колечками (одно обломано), с трубочкой вместо петельки⁷ (все – МА БГУ 991/85). В простой яме, костяк в анатомическом порядке. В погребении височные подвески мазунинского типа с бусиной и без, височные кольца, в т.ч. с бисером, железный браслет, бронзовый браслет (круглого сечения, с плоскими раскованными в лопасть концами с тремя полугорошинами на каждом, МА БГУ 991/77), украшение из железных колец, бляшка с планкой, бляшка с петелькой, бляшки с парой отверстий типа (Останина, 1997, рис. 4: 22), пронизки-медведи, длинный наконечник ремня с цилиндриче-

⁶ См. привески к шумящим украшениям рязанских могильников (Белоцерковская, 2007, рис. 1: 18, 19; 2: 17, 38; 3: 1).

⁷ В опубликованную ранее типологическую схему (Голдина, Красноперов, 2012, с. 68, схема 11) в группе «способ крепления» нужно добавить горизонтальную трубицу.

ским расширением, железная пряжка (рамка овальная, круглого сечения, язычок прогнутый, чуть выступающий, щиток почковидный, МА БГУ 991/88).

Бирск, п.646/1991. Шейная подвеска – кольцо в кольце и три малых колечка (МА БГУ 991/391). В простой яме, костяк в анатомическом порядке. В погребении височная подвеска мазунинского типа, железный браслет, бляшка с петелькой, железная пряжка (рамка овальная, круглого сечения, язычок не сохранился, щитка не было, МА БГУ 991/396).

Бирск, п.672/1991. Фрагмент ажурной накладки (спираль с восемью крепежными «планками» на обороте), шесть шейных подвесок: цельный щиток с тремя малыми дисками, цельный щиток с двумя малыми дисками, кольцо со щитком и тремя малыми колечками, кольцо в кольце с двумя малыми колечками (2 экз.), фрагмент – кольцо в кольце, нижняя часть не сохранилась⁸. В простой яме, только вещи. В погребении височные подвески мазунинского типа, круглая подвеска типа (Останина, 1997, рис. 4: 17), бляшки

с петлями, свернутая в два оборота бронзовая гривна, железный браслет, пронизки-медведи, в том числе один с трубицей, железная бабочковидная фибула, полностью покрытая бронзовыми полугорошинами, но с сохранением рядности дугообразного декора, много маленьких накладок с тремя полугорошинами и с привесками-колечками.

Бирск, п.682/1991. Длинных пропорций накладка с двумя рядами треугольников и двумя петлями. Известна мне только по отчету. В простой яме, костяк в анатомическом порядке. В погребении височные подвески мазунинского типа, в т.ч. с бусинами, височное кольцо(?), бусы, бляшки с парой отверстий типа (Останина, 1997, рис. 4: 22), четырехлепестковая накладка(?).

Бирск, п. 693/2017⁹. «Лапчатая»(?) подвеска.

Бирск, п. 711/2017. Шейная подвеска – кольцо без дополнительных деталей.

Бирск, п.712/2017. Шейная подвеска – кольцо без дополнительных деталей.

⁸ Материал этого погребения не шифрован. Вещи идентифицированы по полевым рисункам и отчету. В коллекции вместе с перечисленными лежат обломки еще от четырех шейных подвесок.

⁹ Все три комплекса из новейших раскопок. Я благодарен Р.Р. Руслановой за оперативную информацию.

УДК 904:726.84(470.51)''653''(045)

**БОЯРСКИЙ («АРАЙ») МОГИЛЬНИК – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ
ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ПРИКАМЬЕ**

© 2018 г. Е.М. Черных, О.Ф. Хайруллина

Статья посвящена анализу результатов исследований одного из новых могильников мазунинского типа в Среднем Прикамье – Боярского, изученного в ходе археологических работ 2002–2009 гг. Общее количество исследованных погребений – 183, без учета разрушенных грабителями. Аналогии вещевому инвентарю и даты по ^{14}C дают широкие временные рамки использования некрополя – III–V вв. н.э. Обращается внимание на ряд специфических черт погребальной обрядности, среди которых: высокая доля детских захоронений, значительное количество нетипичных погребений (с нарушенными костяками). Своеобразие могильника обнаруживается в некоторых деталях размещения погребального инвентаря, определенной избирательности и скудости находок, отсутствии явных импортов, как это отмечается почти на каждом прикамском могильнике этого времени. Предпринято сопоставление археологических данных и результатов антропологического анализа.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, мазунинский тип памятников, погребальный обряд, инвентарь, физическая антропология

Боярский («Арай») могильник расположен на юго-востоке Удмуртии, в 4 км к западу от д. Боярка Каракулинского района. Площадка могильника занимала край коренного плато правого берега р. Камы, разрушающегося молодыми оврагами. Именно овраги сформировали узкий вытянутый в сторону русла Камы мыс высотой 13 м (рис. 1: 1), с которого открывается перспектива широкой камской поймы (по правому и левому берегам) с заливыми лугами, озерами и старичными протоками, а также самой главной реки, протекающей в настоящее время в 5 км к югу. Еще одно название данной местности – «Арай» – бытует среди жителей близлежащих с. Вятское и д. Боярка.

Могильник был открыт весной 2002 г., после проверки Н.Л. Решетниковым информации жителя д. Боярка С. Хвостовцева, передавшего в Сарапульский краеведческий музей ряд вещей из окрестностей деревни. Сотрудниками Удмуртского госуниверситета, выезжавшими на указанное место, был установлен факт варварского разрушения «черными копателями» прежде неизвестного науке могильника середины I тысячелетия н.э. (следы бульдозерных траншей и разбросанные на поверхности кости человека свидетельствовали о деятельности организованной группы (рис. 1: 2). Картину бедствия усугубила интенсивная овражная эрозия, о чем свидетельствовало обилие человеческих костей в осыпях. В ходе последующих ежегодных спасательных работ на сохранившейся части древнего некрополя были исследованы 183 погребения

(Черных и др., 2004; Черных и др., 2005; 2007; 2010; 2011; Черных, 2014).

Захоронения на могильнике совершенны в грунтовых ямах, без внешних признаков. В прошлом, вероятно, какие-то надмогильные сооружения все же существовали, о чем свидетельствует четкость рядов могил, с редкими случаями взаимонарушений, хотя сами ряды и могилы расположены достаточно близко друг к другу (рис. 1: 2). Сохранились 16 рядов, различающихся количеством могил (от 3 до 31). Сам некрополь, по-видимому, имел в прошлом искусственные ограждения, от которых сохранились (фрагментарно) ряды столбовых ям в северной напольной и южной мысовой частях погребального поля. Возможные следы ограждения были отмечены и для группы погребений 163–165.

Характеристика погребальных сооружений

Могильные ямы имели, в основном, прямоугольную или близкую к прямоугольной форму (164 могилы – 89,6%) (рис. 2: 1), вертикальные или слегка наклонные стенки (166 погребений – 90,7%) и плоское дно (168 погребений – 91,8%). В единичном числе встречены ямы нестандартных форм: – округлая/овальная, подтреугольная (рис. 2: 2), подтрапециевидная. Овальная форма ямы зарегистрирована у детских захоронений.

У 37 погребений целостность ям нарушена вследствие осыпания в формирующийся овраг склонов мысовой площадки, действий «черных копателей», в единичных

случаях – за счет древних перекопов (взаимонарушений). Размеры могильных ям следующие: преобладает длина до 150 см (48 погр. – 26,2%), ширина – 71–90 см (64 погр. – 35,0%), глубина – 61–80 см (60 погр. – 32,8%). Довольно значительно варьируется глубина могильных ям – от 0,20 до 1,45 м. Очевидно, что размеры ям определялись ростом умерших и количеством захороненных. Жесткой зависимости параметров ямы от количества умерших, возраста погребенных или других факторов замечено не было. При корреляции длины и ширины могильных ям выделяются 2 группы погребений: 1) длиной до 150 см и шириной 28–50 см (27 погр. – 14,8%) и 2) длиной 211–240 см и шириной 71–90 см (24 погр. – 13,1%). Корреляция признаков «длина и глубина могилы» показала, что разброс значений небольшой, однако выделяется группа погребений (21 случая, 11,5%) длиной до 150 и глубиной до 40 см. Таким образом, для Боярского могильника, как и для остальных мазунинских некрополей, характерны «узкие, длинные, неглубокие прямоугольной формы могильные ямы» (Останина, 1997, с. 22).

Ряды погребений вытянуты по линии ЮЮВ-ССЗ. Могильные ямы, в основном, ориентированы по линии СВ-ЮЗ (69 погр., 37,7%), с сезонными отклонениями к северу и востоку (74 погр., 40,4 %), что обусловлено, скорее всего, направлением на ближайший водоток – р. Кама.

Остатки деревянных погребальных конструкций обнаружены в 82 погребениях у 89 погребенных (46,3% от 192 индивидов, найденных *in situ* в погребениях). Тип внутримогильного сооружения определен в 53 случаях (59,6%): 1) ящик (гробовище) (пп. 16, 23) (рис. 2: 1, 5) или его разновидность, с «ручками» (25 случаев – 28,1%) (рис. 2: 6), 2) настил из досок (24 случая – 27%) (рис. 2: 2), 3) колода (2 случая – 2,2%), 4) носилки с ручками (2 случая – 2,2%) (рис. 2: 3). В 36 случаях (40,4%) определить тип конструкции не удалось; можно лишь констатировать наличие верхнего и (или) нижнего перекрытий (пп. 30, 37, 43, 63, 65, 115Б, 125, 146, 168), остатков в виде рамы (пп. 68, 69, 143, 152), тлена древесной коры (пп. 76, 161) или отдельных кусков полусгнившего дерева (21 случай). В 5 коллективных погребениях (пп. 23А, В, 115А, Б и Г, 136А, Б, 145А, Б, 176А, Б) обнаружено по несколько деревянных погребальных конструкций, отдельных для каждого умерше-

го (рис. 2: 5; 3: 1). Это также не противоречит наблюдениям Т.И. Останиной, что количество погребальных конструкций могло доходить до трех в одной могиле (Останина, 1997, с. 23).

Все обнаруженные внутри могил погребальные конструкции были изготовлены без металлических гвоздей (в одном случае (п. 81) определена порода дерева – хвойные). Следует также отметить, что в 7 могилах (пп. 8, 58, 68, 74, 86, 109, 158) зафиксированы следы температурного воздействия: это обугленные плахи, углистые пятна или отдельные угли в слое заполнения и рядом с костяками.

Останки погребенных

Антропологическая коллекция могильника насчитывает останки 217 индивидов, исследованных научным сотрудником МАЭ РАН (г. Санкт-Петербург) И.Г. Широковым. Останки различной степени сохранности были обнаружены в 172 из 183 погребений. С учетом костей, собранных после грабительских раскопок, число погребенных составило 217 человек. В общей генеральной совокупности удалось определить пол и возраст у 185 индивидов (85,3%) – 67 мужских (30,9%), 54 женских (24,9%) и 64 (29,5%) детских (Широков, Черных, 2016). В 11 погребениях костяки отсутствовали (пп. 99, 108, 113, 131, 149, 160, 161, 164, 165, 167, 181).

Все захоронения совершены по способу труположения. Поза погребенных определена в 135 случаях (70,3% – от количества костяков, найденных в погребениях). В основном, умершие лежали вытянуто на спине, кости верхних и нижних конечностей вытянуты вдоль тела, что признается типичным для мазунинских могильников (Останина, 1997, с. 24). Вариации в положении верхних и нижних конечностей редки, например: «верхние конечности согнуты в локтях, кисти уложены на таз», «одна верхняя конечность вытянута, другая уложена на таз». Есть и более интересные случаи: в коллективном п. 115 верхние конечности костяка Г (женщина, 20–30 лет) «обнимают» детский костяк В (рис. 3: 6); у некоторых костяков (пп. 30, 40, 52, 109А, 135, 138, 139, 152) кости верхних и (или) нижних конечностей расположены так близко друг к другу, что создается впечатление, будто они были связаны или чем-то плотно спеленаты (рис. 3: 2).

Зафиксирован один довольно интересный случай (п. 16), когда костяк был уложен на боку: умерший (мужчина, 25–35 лет) найден в «скорченном» положении, на левом боку, руки его согнуты в локтях и скрещены между

собой (связаны?), пальцы левой руки уложены под челюстью, нижние конечности согнуты в коленях (рис. 2: 1). «Скорченные» костяки на мазунинских памятниках – явление крайне редкое (Останина, 1997, с. 24, табл. 4). Кроме Боярского могильника, подобные случаи отмечены в Старо-Кабановском (п. 132, захоронение № 1), Сайгатском (п. 15) и в поздней части (III–V вв.) Тарасовского могильника (п. 1045) (Васюткин, Останина, 1986, с. 77; Стоянов, 1962, с. 125, рис. 18; Голдина Р.Д. и др., 2015, илл. 34: 9).

Умершие были уложены, в основном, головой в юго-западный сектор: ЮЗ (31,3%), ЗЮЗ (22,4%), ЮЮЗ (11,5%), З (10,4%), то есть в сторону реки. Речная ориентация погребенных, по мнению многих исследователей, была характерной для прикамских культур, начиная с эпохи финальной бронзы (маклашеевские, ананьинские, пьяноборские могильники (Збруева, 1952, с. 115; Халиков, 1969, с. 302; Чижевский, 2008, с. 80).

Захоронения, в основном, одиночные, но встречаются могильные ямы с несколькими костяками (15 случаев – 8,2% от общего количества зафиксированных на могильнике погребений): 12 парных погребений (п. 145; рис. 3: 1), два погребения с тремя костяками (п. 23, 81; рис. 2: 4, 5) и 1 погребение – с пятью костяками (п. 115; рис. 3: 6). В парных захоронениях на могильнике погребали вместе, главным образом, женщин и детей (5 случаев: пп. 10, 45, 109, 127, 132), вероятно, матерей 20–35 лет и их маленьких детей (новорожденных, или 2–3 лет). Исключением можно считать случай, когда в могиле была захоронена женщина 50 лет и новорожденный ребенок (п. 32). В парных могилах также были захоронены мужчины, как правило, одного возраста (п. 145) (рис. 3: 1), или с небольшой разницей в возрасте (10–15 лет; пп. 33, 136). В п. 176 были захоронены две женщины (пол определен по инвентарю); в п. 112 – мужчина и ребенок, причем, косточки последнего оказались сложенными под глиняным сосудом; в п. 66 находились женщина 30–40 лет и мужчина около 50 лет (муж и жена?); в п. 144 – двое детей 5–6 лет и 7–8 лет (рис. 3: 3). В тройном п. 23, возможно, захоронена семейная группа – мужчина и женщина 30–40 лет и маленький ребенок 5–6 лет (рис. 2: 5); в п. 81 захоронены женщина 40–50 лет и двое детей – 8–10 лет и более полугодом (рис. 2: 4). Очевидно, какой-то несчастный случай или болезнь унесли из жизни целую семью из пяти человек (п. 115) – двух мужчин 25–40 лет, двух

женщин 14–18 и 20–30 лет и одного ребенка (рис. 3: 6).

Ориентация захороненных в коллективных могилах ничем не отличается от одиночных, за исключением позиции «валетом». Такой способ размещения покойников был обнаружен в двух парных захоронениях 66 и 144 (рис. 3: 3). В погребении 115 с пятью костяками один из умерших (Д, женщина, 14–18 лет), уложенный с краю, был развернут в противоположную остальным четверым сторону (рис. 3: 6). Следует также заметить, что парные захоронения (мужчина и женщина; пп. 33, 136, 145, 176), независимо от количества и состава погребального инвентаря, имели довольно просторные могильные сооружения; в трех из них зафиксированы индивидуальные гробовища (пп. 136, 145, 176) (рис. 3: 1).

Выделяются захоронения с явными отклонениями от установленной нормы погребения, с нарушенной схемой скелета (40 погр. (21,86%) и 41 костяк)¹. Столь высокая доля нарушений останков погребенных побуждает рассмотреть их более пристально. Анализ погребений с нарушенными останками позволил выделить две группы отклонений:

1. Костяки, у которых отмечены «тотальные» нарушения анатомического порядка (10 случаев; пп. 24, 26, 27, 47, 55, 71, 109Б, 115А, 123, 132Б). Схема нарушений выглядит следующим образом:

1а) костяк полностью разрушен, кости приурочены к определенной части могилы (пп. 24, 26, 27, 55, 71, 109Б, 123, 132Б) (рис. 3: 4);

1б) кости разбросаны по всей площади дна могильной ямы (пп. 47, 115А) (рис. 3: 6).

В данной группе оказались костяки, принадлежавшие индивидам разного пола и возраста – от новорожденного до взрослого 40–50 лет. В четырех погребениях из 10 (пп. 26, 47, 115А, 123) имелся погребальный инвентарь, правда, весьма невыразительный: застежка с неподвижным крючком, накладная, остатки железных вещей. Лишь в п. 115А были обнаружены 13 костяных наконечников стрел, но они не были сложены компактно, как это отмечено в других мужских погребениях, а оказались разбросанными по могиле (рис. 3: 6). Симптоматично, что в коллективных погребениях 109, 115, 132 нарушенные костяки «сосуществовали» с сохранившимися

¹ В данную статистику были отобраны только те погребения, в которых отмечен антропологический беспорядок костей в ненарушенной части могилы

анатомический порядок (рис. 3: 6), что свидетельствует об избирательности такой ритуальной практики. Кроме того, в данной группе зафиксированы случаи отсутствия лишь некоторых элементов скелета (п. 27 – кости конечностей; п. 55 – череп, грудная клетка, таз, кисти, ступни; п. 71 – череп, грудная клетка, таз, длинные кости конечностей).

2. Костяки с сохранившимся анатомическим порядком; нарушения наблюдались лишь в отношении отдельных частей скелета (31 случай):

2а) нарушения, связанные с черепом; выявлены в 5 случаях (пп. 13, 18, 37, 78, 145А).

Череп отсутствовал в пп. 78 и 145А; был перемещен один (п. 37) или вместе с частями грудной клетки – лопатка, ребро (п. 13). Голова умершего в п. 18 была отсечена и уложена слева на плечо (рис. 4: 1). Помимо отчлененного черепа, у умершего также отсутствовали ступни ног. Смещение черепов от положения *in situ* отмечено в двух женских погребениях (пп. 13, 37) и в одном мужском (п. 18), не имевших инвентаря.

Показательным следует признать отсутствие черепов в захоронениях мужчин наиболее дееспособного возраста – 18–22 и 25–40 лет (пп. 78 и 145А) (рис. 3: 1, 5), сопроводительный инвентарь которых представлен ножами, стрелами, поясными пряжками и т.д. В пользу того, что это, скорее всего, жертвы военного столкновения, может свидетельствовать застрявший в костях одного из них наконечник стрелы (п. 78).

2б) нарушения связаны с грудной клеткой (14 костяков: пп. 23А, 23В, 25, 32, 46, 52, 89, 106, 135, 138, 146, 152, 159, 183).

Условно можно выделить костяки, у которых при относительно хорошей сохранности отсутствовала лишь часть грудной клетки (п. 32, 52, 106 (рис. 4: 2), либо кости грудной клетки были смещены/разбросаны по могиле (пп. 23А, 23В, 25, 46, 89, 135, 138, 146, 152, 159, 183). Ребра, позвонки ключицы, лопатки могли быть рассеяны по всей длине костяка (пп. 89, 146, 152, 183) (рис. 4: 3), либо сложены компактно в ногах или в верхней части костяка (пп. 25, 46, 135, 138, 159) (рис. 4: 4). Выделяются останки, у которых, в основном, разрушена одна сторона грудной клетки – левая (пп. 89, 146, 183) (рис. 4: 3) или правая (пп. 23А, 152) (рис. 2: 5). Данные разрушения зафиксированы как в мужских (8 случаев), так и в женских (5 случаев) захоронениях. В погребениях подгруппы 2б нередки случаи,

когда вместе с грудной клеткой были задеты кости верхних конечностей или черепа.

Инвентарь захоронений достаточно разнообразен и выразителен – ножи, стрелы, дарственные наборы, наборный пояс, бусины и т.д. Но есть и могилы без инвентаря; в данной группе их 5.

2в) нарушение верхних конечностей скелета – 4 случая: левой кисти (п. 11, 70, 73) (рис. 4: 5) или левой верхней конечности (п. 40). Такие нарушения представлены только в мужских захоронениях; погребальный инвентарь присутствовал во всех могилах.

2г) нарушение нижних конечностей – 4 случая: пп. 10А, 81А, 139, 155.

В этой группе отмечено смещение берцовых (вместе с правыми лучевой и локтевой костями; п. 10А), бедренных и берцовых костей (пп. 81А, 155)² (рис. 2: 4), вместе с тазовыми костями (п. 139). У женского костяка из п. 139 (рис. 4: 6) кости таза были смещены в ноги, бедренные и берцовые – чуть сдвинуты в области колен (связаны?), а лучевые и локтевые кости отсутствовали. Разрушение нижних конечностей представлено в захоронениях женщин 25–50 лет; лишь в одном случае костяк принадлежал мужчине (п. 155).

2д) нарушение большей части посткраниального скелета. Замечено, что кости черепа, берцовые кости, иногда плечевые, как правило, сохраняли свое изначальное положение – 3 случая (пп. 8, 19, 148).

В захоронениях подгруппы 2д, как правило, отсутствовали кости грудной клетки, тазовые, кости рук. В п. 8 были обнаружены только череп, бедренные и берцовые кости. В пп. 19 и 148 кости грудной клетки, верхних конечностей, таза, бедренные кости были разбросаны по всей длине костяка (рис. 4: 7). Разрушение большей части скелета отмечено в двух мужских и женском погребении (п. 148).

Особняком стоит погребение 86. При его расчистке были обнаружены остатки погребальной конструкции небольшого размера, частично обугленной, типа ящика с «ручка-

² В этих погребениях смещение костей могло быть вызвано подзахоронениями. Так, к костяку 81А (женщина, 40–50 лет) был подхоронен ребенок 8–10 лет (81Б), по-видимому, спустя некоторое время, когда мешавшие берцовые кости можно было спокойно передвинуть. Очевидно, то же самое произошло с погребением 155 (мужчина, старше 45 лет), в могилу которого оказался подзахороненным мужчина старше 40 лет (п. 156) (кости его голени отчленены и уложены на бедренных костях).

ми», внутри которого были аккуратно уложены кости ног – берцовые и стопы; вероятно, в могилу были уложены именно кости³ (рис. 2: 6).

Описанные выше варианты нарушений костяков Боярского могильника зафиксированы, как это следует из статистики, главным образом, у мужчин (21 случай), вдвое реже они встречались у женщин (12 случаев). Выявлены они и в детских погребениях (4 случая). Погребальный инвентарь имелся примерно у половины таких костяков (23 случая), как правило, невыразительный. Попутно заметим, что могилы с нарушенными костяками выявлены только в южной и центральной части некрополя.

На площадке некрополя изучено 48 отдельных детских могил (26,2% от общего количества погребений) с останками 49 умерших разного возраста в них (от 0 до 12–14 лет). Еще 10 детей были захоронены в 9 погребениях вместе со взрослыми (пп. 10Б, 23Б, 45Б, 81Б, 81В, 109Б, 112Б, 115В, 127Б, 132Б). Это были дети, в основном, грудного возраста (до года) или чуть старше (до 2–3 – 5–6 лет; исключение – п. 81Б, 8–10 лет). Показательно, что часть детских захоронений оказалась, наряду со взрослыми, подвергнута в древности разрушениям.

Погребальный инвентарь

Погребальный инвентарь в Боярском могильнике зафиксирован в 106 могилах (57,9% от всех изученных погребений). Доля безынвентарных погребений составила, таким образом, 42,1% (в мазунинских могильниках этот показатель варьируется от 12,2 до 36,6%). Близки к нему только Усть-Сарапульский (35,7%) и Быргындинский (36,6%) могильники (Останина, 1997, с. 30, рис. 2б), расположенные также в Удмуртском Прикамье.

Корреляция погребений без инвентаря с параметрами пола и возраста выявила следующие особенности: половина погребений без вещей принадлежала детям (39 случаев, 51,3% от количества костяков без инвентаря). Меньшая доля безынвентарных могил зарегистрирована для погребений взрослых (37 костяков, 48,7%) – мужских (13 случаев, 17,1%) и женских (16 случаев, 21,1%). У 8 костяков (10,5%) пол не определен.

³ Целенаправленное выборочное рассмотрение костей из погребений с нарушенным анатомическим порядком И.Г. Ширококовым не выявило никаких признаков преднамеренного расчленения – только следы археологических ножей и падения сухих костей с большой высоты.

Важно отметить, что в 11 безынвентарных погребениях не было зафиксировано и останков погребенных. Исключением является п. 167, в котором обнаружен невыразительный обломок железной вещи.

Состав находок в могильнике представлен 31 категорией. В числе самых популярных – поясные пряжки (у 62 умерших⁴), ножи (у 49 умерших), а также бусы. Эта важная категория артефактов зафиксирована в 42 могилах, у 44 умерших, главным образом, у женщин (23 случая). Но бусы встречались также в мужских и детских погребениях (12 и 8 случаев, соответственно)⁵.

Пряжки Боярского могильника (всего 84 экз.) (рис. 7:5, 7–9) входили, в основном, в состав мужских инвентарных наборов (39 погребений), реже – женских (16 случаев) и детских (6 случаев). В мужских погребениях они встречены в области таза (25 случаев), примерно столько же – 20 – в изголовье, у плеча или в области ног погребенного, что явно отражает две традиции расположения пояса в могиле – на месте ношения и (или) вдоль тела умершего. В женских и детских захоронениях пояса (пряжки) не имели четко определенного места.

Вторыми по частоте встречаемости являются украшения головного убора. Культурную принадлежность погребенных подчеркивают височные подвески мазунинского типа (рис. 5: 4, 5, 7). В могильнике они обнаружены в количестве 59 экземпляров (22 погребения, у 24 костяков), главным образом, в составе захоронений женщин от 14 лет и старше (21 случай). Это лишний раз подтверждает, что височные украшения мазунинцев можно рассматривать как маркер пола. В подавляющем числе случаев (20 погребений) височные подвески являлись частью жертвенных комплексов (дарственных наборов), где встречены в количестве от одной до пяти, но чаще все-таки попарно. Большая часть из них (46 из 59) представляет собой вариант 3 (по Т.И. Останиной) – железный стержень, обвитый медной проволокой (рис. 5: 7).

Собственно головной убор с тканевой основой и металлическим декором зафиксирован в погребении 168, принадлежав-

⁴ Пол определен у 61 костяка, за исключением п. 65.

⁵ Пол определен у 43 костяков, за исключением п. 158. Бусы Боярского могильника (всего их найдено 2048 экз.) проанализированы Е.В. Голдиной, включившей их в общую типологию, разработанную ею для камских могильников I тысячелетия н. э. (Голдина, Черных, 2015; 2015а).

шем молодой женщине 20–30 лет и явно выделяющем ее на фоне остальных могил. Вероятно, еще один головной убор (остатки кожаной ленты с металлическими украшениями) найден также в женском погребении 141 (25–30 лет), в составе дарственного набора. В 7 захоронениях в составе женского инвентаря встречены фрагменты накольников, сплетенных из железных колечек, с различными по форме подвесками. В 6 случаях они обнаружены в дарственных комплектах (4 – женских и 2 – детских). Только в п. 168 обнаружены два накольника: один – в составе собственно головного убора на черепе умершей, детали второго были уложены в дарственный набор.

Украшением костюма служили пронизки, накладки/бляшки и подвески (рис. 5: 1, 2) различных типов, чаще всего фиксировавшиеся опять же в составе дарственных комплектов в погребениях женщин и детей. В редких случаях устанавливается их место в костюме (головные уборы, пояса). Среди подвесок: плоская, с круглым расширением в нижней части «каплевидные» – п. 94 (рис. 5: 8), граненые прямоугольные, т.н. оселки (пп. 106, 115Б), плоская треугольная, с закругленной нижней частью (п. 145А), плоская круглая, с прямоугольным узким выступом (п. 168). Разнообразием отличаются пронизки: спиралевидные (пп. 10А, 168; рис. 6: 1) или выполненные из плоского листа металла, завернутого в трубочку (пп. 31, 89); накладки-обоймы (п. 168) с декором в виде ряда полугорошин, выполненных чеканом (рис. 6: 2); круглые плоские или сегментовидные в сечении бляшки-накладки с ушком для крепления: (п. 81Б, 94, 115Б)(рис. 8: 1–3), со штифтом (п. 109), или с тремя отверстиями (п. 168); ажурные накладки – п. 168 (рис. 8: 11).

Гривны (14 экз.) и браслеты (12 экз.) не являлись, по всей видимости, излюбленным аксессуаром в костюме «боярцев» (рис. 5: 6). И те и другие выполнены, главным образом, из железа, иногда дополнительно перевиты медной проволокой (гривны). Их размещение в могиле определяется, в основном, составом дарственных комплектов в женских погребениях.

Еще одна приметная категория мазунинского инвентаря – фибулы (15 экз.: 13 – в 11 захоронениях и 2 – из разрушенных могил). Все они, в основном, принадлежат к типу «бабочковидных», изготовленных из медных сплавов или биметаллические (рис. 5: 3; 6: 4, 5). Лишь две фибулы были обнаружены на груди умерших, демонстрируя тем самым их

место в костюме (пп. 42, 115Г; рис. 2: 2; 3: 6). Одна фибула (в разрушенном состоянии, тип не определен) найдена в дарственном комплекте мужского погребения (п. 115Б). Остальные являлись частью дарственных наборов женских погребений. Сьюльгамы (17 экз. в 15 погребениях; рис. 5: 9) – преимущественно «женская» категория; они не имели твердо установленного места в костюме. Встречены в области черепа, груди, или рук. В 5 случаях были обнаружены в составе дарственных наборов.

Глиняная посуда в Боярском могильнике найдена в небольшом количестве (10 погребений: 63, 81Б, 104, 105, 112А, 118, 136А, 148, 154, 180), что в целом характерно для мазунинских некрополей (Останина, 1997, с. 30). Представлена 15 целыми сосудами и их фрагментами, расчищенными рядом с умершими или в засыпи могил. Целые сосуды найдены в детских захоронениях – в области черепа (пп. 81Б, 104, 154) или в ногах (п. 118); у взрослых – справа у черепа / в изголовье (в женском п. 105 (30–40 лет) и в мужском п. 112А (40–50 лет)). Сосуд, найденный в детском погребении 154, служил емкостью для дарственного комплекта. Отдельные фрагменты керамики найдены в составе дарственного набора в п. 148 (женщина, 40–50 лет), в области ног (п. 63, мужчина, 40+ лет) или в засыпке могил (п. 136А, мужчины – 20–30 и 40–50 лет; п. 180, пол и возраст не определены)⁶.

Керамический комплекс характеризуется горшковидными и чашевидными формами сосудов, с профилированной шейкой и округлым туловом. Различия, в основном, касаются формы горловины и высоты шейки. Орнаментированы сосуды скупо: ногтевыми или пальцевыми вдавлениями по краю венчика и (или) плечу (пп. 81Б, 112А, 118, 154). Единственная явная композиция отмечена на миниатюрном сосуде из п. 104: это горизонтальные и вертикальные линии, нанесенные ямочными вдавлениями круглой формы.

Как следует из довольно беглого обзора погребального инвентаря, в Боярском могильнике отмечена общая для мазунинских некрополей черта – размещение вещей не на месте их ношения, а в дарственных комплектах (жертвенных комплексах, по Т.И. Останиной, подарочных наборах, по Р.Д. Голдиной). Абсолютное большинство охарактеризованных

⁶ Рассматривать их как часть погребального инвентаря можно с большими оговорками, поскольку на площади могильника выявлены остатки разрушенного культурного слоя более раннего селища

вещей (2016 экз. из 28 погребений, у 30 костяков) размещалось именно в них. Дарственные комплекты являлись частью, главным образом, женских захоронений (22 случая), всего в 7 случаях – детских, как исключение – одного мужского (п. 115Б). Помещались они, в основном, в «ногах» (17 случаев) умерших (п. 89; рис. 4: 3), что не совсем типично для мазунинцев, но является обычным, например, для кара-абызских могильников (Останина, 1997, с. 26). Обычай снимать с умершего вещи и укладывать их в могилу отдельно от костюма распространялся также на пояса (обычные и наборные) (пп. 23А, 109А, 115Д, 134, 141, 168) и гривны (пп. 58, 177).

В 27 могилах, у 29 погребенных (14,5%) были встречены предметы вооружения. Это, в основном, стрелы с костяными черешковыми наконечниками ромбического или треугольного сечения, которые, впрочем, могли использоваться как в бою, так и на охоте (рис. 9: 5–9). Собственно оружие представлено тремя железными дротиками (рис. 9: 10) и двумя железными двушипными наконечниками стрел (рис. 9: 3, 4). С этим же комплексом связаны находки железных колчанных крючков (рис. 9: 1) и пинцетов (рис. 9: 2).

Необходимо упомянуть находку обломка наконечника стрелы из яшмовидной гальки (п. 82). Эта «громовая стрела» была найдена в области пояса умершего и, возможно, служила охотничьим талисманом. В целом можно сказать, что мужчины, захороненные в Боярском могильнике, были больше охотниками, нежели воинами.

Подытоживая сказанное о погребальном инвентаре Боярского некрополя, можно выделить своеобразие «женских» и «мужских» наборов вещей. Вполне надежными индикаторами женских погребений являлись височные подвески (21 сл.), гривны (9 сл.), браслеты (5 сл.), сьюльгамы (12 сл.) и фибулы (11 сл.), бусы (23 сл.), подвески и привески (9 сл.), накладки (9 сл.), пронизки (14 сл.), шилья (9 сл.). Преимущественно женские погребения сопровождались дарственными комплектами, наборными поясами, уложенными в расправленном виде вдоль тела умершей (5 случаев из 6 установленных). Только в женских погребениях обнаружены сложные, декорированные металлическими деталями, головные уборы.

Для мужских погребений характерны: простые пояса с одной пряжкой (39 случаев), железные ножи в области таза (31 случай), бусина в области таза или бедер (9 случаев), пряслица (3 случая из 4), наконечники

стрел, дротики, колчанные крючки и пинцеты (п. 119) (рис. 4: 8). Вызывает вопрос отсутствие в изученной серии предметов конского снаряжения.

Анализ сопровождающего инвентаря в контексте антропологического материала обнаруживает существование определенных категорий (возрастных/социальных) в детской группе погребений. Почти треть детских могил имела инвентарь (20 из 59); можно предполагать существование определенной дифференциации среди них по составу (разнообразию категорий) вещей. Так, в 7 детских захоронениях (пп. 50, 74, 81Б, 104, 118, 154, 177) присутствовал дарственный набор, включавший от 2–3 до 6 и более категорий инвентаря, в основном, украшений. Эти же погребения сопровождались глиняными сосудами (4 случая). У остальных детей в захоронениях встречались по одной – две, редко – три (п. 21), категории находок – это пряжки, ножи, сьюльгама, пронизка.

Небезынтересным представляется местоположение некоторых вещей в детских могилах. Так, в трех случаях вместе с ребенком помещался железный нож (пп. 23Б, 93, 94; от 2–6 до 9–11 лет), занимавший такое же место, как и в захоронениях взрослых мужчин – слева на поясе. Тот же принцип характерен и для поясов (пряжек): они обнаружены на месте ношения (на тазу) или расправленными вдоль тела (пп. 29, 80, 84, 93, 94). Возможно, таким образом, «взрослая статусная мода» могла распространяться и на подрастающее поколение.

В целом, облик находок соответствует инвентарным наборам мазунинских погребений IV – рубежа IV/V вв. Но нельзя не заметить в составе погребального инвентаря несколько весьма выразительных вещей, время бытования которых в Прикамье ограничивается III в. н.э. (бронзовая бабочковидная фибула раннего типа из п. 132 (рис. 5: 3), фасетированные поясные накладки⁷ (рис. 7: 1), некрупные височные подвески мазунинского типа свитые из 2–х медных проволочек (рис. 5: 4, 5), отнесенные Т.И.Останиной к варианту 1 (Останина, 1997, рис. 51). Часть предметов и вовсе выбивается из данного культурно-хронологического контекста (прежде всего, это раннегандинские ажур-

⁷ Благодаря представительным материалам Тарасовского могильника, время бытования фасетированных гарнитур в Среднем Прикамье Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц ограничивается III в. н. э. (2016, с. 20–22, рис. 2; 2017, с. 55, рис. 4).

ные накладки, застежка с неподвижным крючком, полукруглые с перекладинами пронизки, крупные прямоугольные обувные накладки, некоторые типы бляшек-накладок) (рис. 8). Погребения с указанными находками сосредоточены в ранней (восточной) части могильника. В этих же рядах, находились могилы, для которых получены абсолютные радиоуглеродные даты II–III вв. (пп. 125, 158, 164). Калибровка дат с вероятностью 68,2% для двух образцов древесины из пп. 125 и 158 также показывает III век (рис. 1: 3).

Близки к ним на территории кладбища могилы, в сопроводительном инвентаре которых раннегандинские изделия обнаружены совместно с типично мазунинскими вещами (пп. 31, 40, 42, 81, 90, 94, 115, 123, 141, 154, 168, 176, 177). Но при этом заметим (и это хорошо видно из приводимой схемы (рис. 10), что раннегандинские хроноиндикаторы в целом ряде комплексов сопровождаются наиболее поздними мазунинскими (массивные височные подвески на железной основе, крупные биметаллические фибулы, железная пластинчатая гривна с секировидными привесками (п. 42). Эти сюжеты требуют более пристального анализа.

Антропологическая характеристика группы

Достаточно детальный антропологический анализ захороненных в Боярском могильнике, а также предварительные палеодемографические расчеты для него были выполнены И.Г. Ширококовым. Позволим себе лишь кратко повторить уже опубликованные выводы исследователя (Ширококов, Черных, 2016).

На долю мужчин в данной палеопопуляции приходится 56,2% (среди взрослых с установленным полом), на женщин – 43,8%. Средний возраст погребенных – 26 лет. Дети составляли треть от общего числа погребенных (33,4%), старшая возрастная когорта (индивиды старше 50 лет) – 12,1%. Примерно треть умерших с определенным возрастом относится к категории моложе 15 лет (больше половины из них вошли в первый пятилетний интервал), каждый восьмой умерший – к старшей группе (более 50 лет). Изучение антропологического материала позволило И.Г. Широкову высказать предположение, что популяция испытывала некоторое стрессовое воздействие, в большей степени отразившееся на женской части населения. Но, вместе с тем, как у мужчин, так и у женщин фиксируется постепенное увели-

чение вероятности смерти, достигающее локального максимума в возрастном интервале 30–35 лет.

В составе антропологической выборки исследователем выделены два краниологических комплекса. Первый – низкоголовый мезокранный тип с умеренно или слабо выступающими носовыми костями, обозначен как субуральский (истоки его И.Г. Ширококов склонен видеть в пьяноборских и карабызских группах населения Прикамья). Второй отличается широким лицом с низкими орбитами (это, главным образом, мужские индивиды) и обнаруживает сходство с серией из наиболее раннего из мазунинских Чепанихинского могильника и ананьинского Измерского VII могильника.

Неожиданную результативность в деле дополнительной верификации отмеченных антропологических различий дала разбивка погребенных по признаку наличия/отсутствия в составе инвентаря наконечников стрел, дротиков, колчаных крючков. Оказалось, что именно группа мужских костяков, сопровождаемых колчанными наборами, отличалась от остальных более крупным черепом, низкими орбитами и выраженным рельефом в области надбровья и надпереносья, большими величинами продольных и охватных размеров конечностей, более высокими показателями условного объема скелета, массы и длины тела. Предварительно можно заключить, что эти индивиды при жизни чаще проявляли себя как хорошие стрелки из лука и их блестящие профессиональные навыки нашли отражение в погребальном обряде.

Любопытен также факт, что как мужчины, так и женщины Боярки, анатомический порядок костяков которых был нарушен, отличались меньшей длиной тела по сравнению с индивидами, останки которых не были потревожены. У женщин из непотревоженных погребений средняя длина тела составляет 154 см, из погребений с нарушенным анатомическим порядком – 149 см. У мужчин соответствующие показатели составляют 166 и 163 см. При этом у мужских скелетов с ненарушенной анатомической целостностью больше относительная длина лучевой кости. Краниологические особенности женщин из нарушенных погребений в большей степени сближаются с другими мазунинскими и пьяноборскими сериями.

Выводы

Исследования нового памятника показали, что Боярский некрополь, по всей видимо-

сти, изучен полностью. В процессе раскопок выявлены границы памятника, к сожалению, существенно пострадавшего как от природных, так и от антропогенных разрушений. Погребальный обряд и инвентарь захоронений Боярского («Арай») могильника обнаруживает все черты, присущие местному населению на позднем (мазунинском) этапе пьяноборской культурно-исторической общности.

Топография могильника позволяет говорить о стремлении «скрыть» его местоположение от посторонних глаз. С площадки могильника открывается достаточно широкий обзор камского побережья, но сама она как бы «утоплена» среди подобных же склонов коренного плато.

Боярский могильник характеризуется рядом черт, выделяющих его среди близких мазунинских некрополей Среднего Прикамья. Отличия усматриваются в преимущественно юго-западном векторе ориентации умерших, в размещении жертвенных комплексов в ногах погребенных (тогда как для мазунинской культурной традиции господствующим признается размещение жертвенных комплексов в изголовье), в большой доле безынвентарных захоронений (более 40%).

Продуктивным для реконструкции исторических процессов в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов выглядит установленный факт антропологической неоднородности социума оставившего данный могильник. В его формировании принимали участие местные группы, но разного происхождения. Собственно пьяноборский компонент хорошо документируется не только антропологическими характеристиками, но и длительным «переживанием» в составе инвентаря женских могил типичных раннегандинских украшений. Особую группу составляли индивидуи, условно названные «воинами» – погребенные с наконечниками стрел. По-видимому, они выглядели довольно brutальными (более крупная голова и тяжелая масса тела) на фоне основной части палеопопуляции. Второй компонент (выделяемый по мужским костякам) менее ясен, но его параметры также не выходят за пределы Прикамья.

Характер мужских захоронений (впрочем, как и женских, но в меньшей степени) свидетельствует о наличии признаков некоторой конфронтации в прикамских обществах позднепьяноборского времени. Это и следы насильственной смерти у некоторых погребенных, и особенности обращения с ними («скорченные», «обезглавленные», «обез-

вреженные» костяки). Почти пятая часть всех захороненных носила следы нарушений анатомического порядка костей. Признаки стресса специалисты отмечают, прежде всего, для женской части группы, средний возраст смерти которой равнялся 36 годам, тогда как у мужчин он составлял 39 лет.

Анализ вещевого инвентаря погребенных дает основания для их датировки, главным образом, в границах IV в. н.э. (большая часть бабочковидных фибул типа 1.2 по Т.И. Останиной, поясная гарнитура, височные подвески мазунинского типа вариантов 1 и 2 по Т.И. Останиной, кольцеобразные подвески типа 5ж, по Н.А. Лещинской (2014, с. 64, табл. 16: 14, 16), с условным «выходом» в V в. (например, железные пластинчатые гривны с привесками, фибулы типа 1.5 по Т.И. Останиной, поясные накладки с железной основой и штифтом, декорированным бронзовой полусферической шляпкой, пронизки-уточки, крупные височные подвески мазунинского типа варианта 3 по Т.И. Останиной). В то же время, нельзя не заметить ряд выразительных комплексов, в составе которых встречены предметы как развитого мазунино, так и те, время бытования которых в Прикамье ограничено II – серединой III вв. (рис. 10). Середина – вторая половина III в. н.э. может рассматриваться как нижняя хронологическая граница существования Боярского некрополя. Вместе с тем, нам представляется, что нет оснований растягивать продолжительность использования данного, в общем-то, небольшого могильника на более чем полтора столетия.

Публикация значительных серий вещей из новых могильников мазунинского (Среднее Прикамье) и азелинского (Нижняя Кама и Вятка) типов, их хронологизация, выполненная Р.Д. Голдиной, В.А. Бернц, Н.А. Лещинской, позволяют более детально рассмотреть динамику культурных изменений, происшедших в регионе на протяжении III в. н.э. Являлись ли они следствием внешних вторжений (Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 149) или внутренних социальных потрясений периода «военной демократии» (Лещинская, 2014, с. 210) – вопросы эти будут решаться и корректироваться по мере осмысления уже накопленных фактов. Боярский («Арай») могильник предоставляет яркие свидетельства того, что трансформации прикамских культурных образований в эпоху Великого переселения народов проходили не без острых столкнове-

ний, вызывавших перемещение групп внутри региона, безусловно, не без ущерба для местных обществ.

ЛИТЕРАТУРА

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Бусы Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье: классификация и использование // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Том 17. № 3 (2). С. 567–575.

Голдина Е.В., Черных Е.М. Морфо-технологическая характеристика бус Боярского (Арай) могильника IV–V вв. в Среднем Прикамье // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 9 (40). Часть 1. С. 93–99.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурбанная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017 №2.С. 42–72.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / МИИКВАЭ. Т. 29. Казань, Ижевск.; 2015. 297 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. М–Л.: АН СССР, 1952. 319 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. 472 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 117–134.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Черных Е.М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 437–440.

Черных Е.М., Красноперов А.А., Лаптева Т.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2003 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2004. С. 344–345.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2004 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2005. С. 377–378.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е., Перевозчикова С.Е. Исследование памятников железного века в Удмуртском Прикамье // АО 2005 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2007. С. 365–366.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2010. С. 393–394.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перевоицков С.Е. Исследование Боярского «Арай» могильника // АО 2008 года / Отв. ред. С.Б. Григорян, Е.Е. Сырнева. М.: ИА РАН, 2011. С. 389–390.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

Ширококов И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

Информация об авторах:

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор. Удмуртский государственный университет. (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

Хайруллина Ольга Фаридовна, магистрант кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Институт истории и социологии, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); olenbka93@bk.ru

BOYARKA (ARAY) BURIAL GROUND – A NEW SITE OF THE MIGRATION PERIOD IN THE MIDDLE KAMA REGION

E. M. Chernykh, O. F. Khairullina

The article analyses the results of the study of the Boyarka burial ground which is a recently found necropolis of the Mazunino type in the Middle Kama region. The site was excavated from 2002 to 2009. There were excavated 183 burials (excluding the ones that had been destroyed by the looters). Analogies of grave goods as well as ¹⁴C dates prove wide chronological framework of the burial ground from the 3rd to the 5th centuries AD. Much attention is paid on the number of specific features of the burial rite, such as: a high proportion of children's graves, a significant number of atypical burials (with destroyed bones). The originality of the necropolis could be found out in the details of the localization of the grave goods, selectivity and scarceness of findings, lacking of the imports, as can be marked at almost all burial grounds of Kama region of that time. The authors compared the archaeological data and the results of the analysis of the physical anthropology.

Keywords: archaeology, Middle Kama, Mazunino type of sites, burial rite, grave goods, physical anthropology.

About the Authors:

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Khairullina Olga F., Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; olenbka93@bk.ru

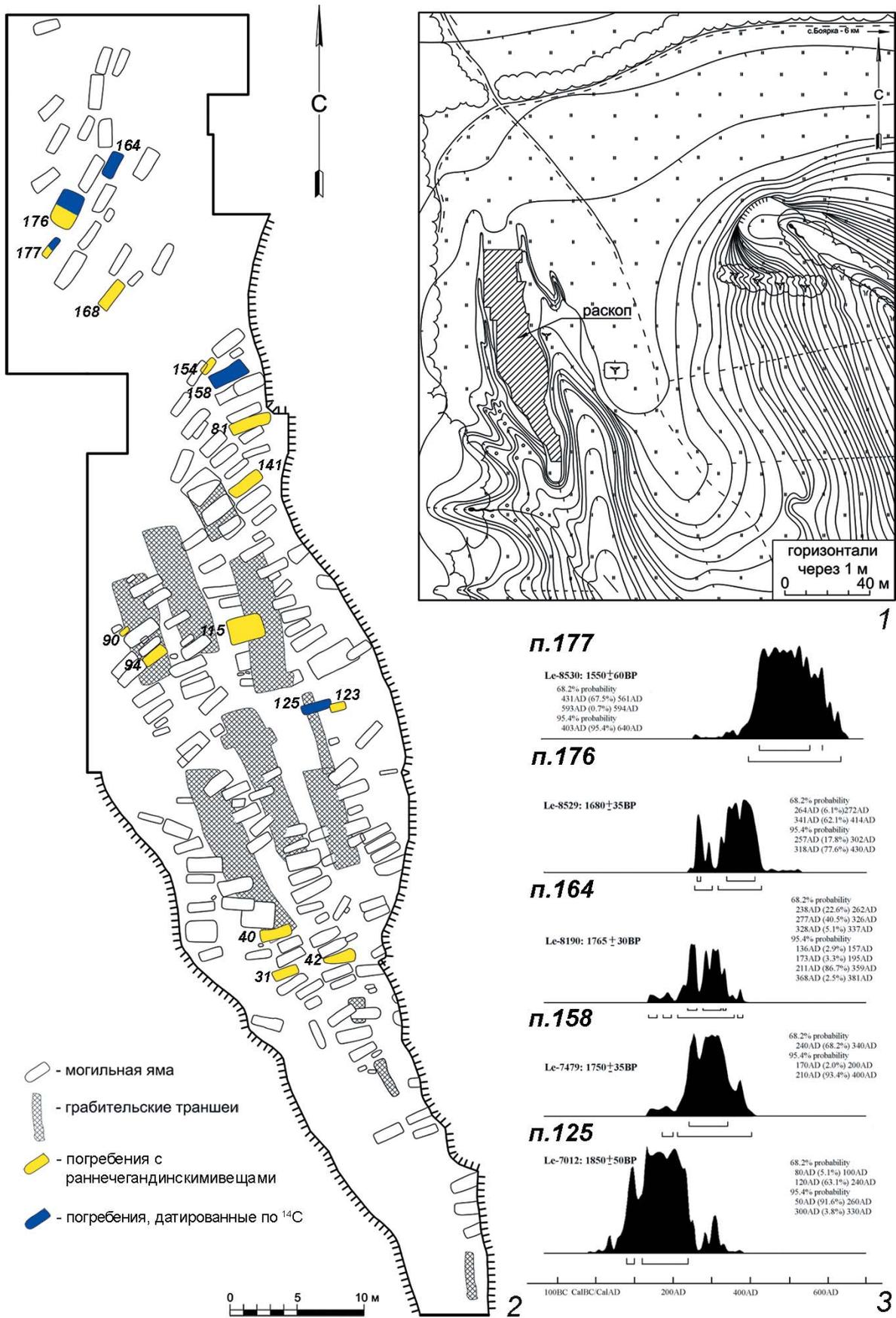

Рис. 1. 1 – топографический план Боярского «Арай» могильника; 2 – общий план раскопа Боярского «Арай» могильника; 3 – абсолютные датировки Боярского «Арай» могильника.

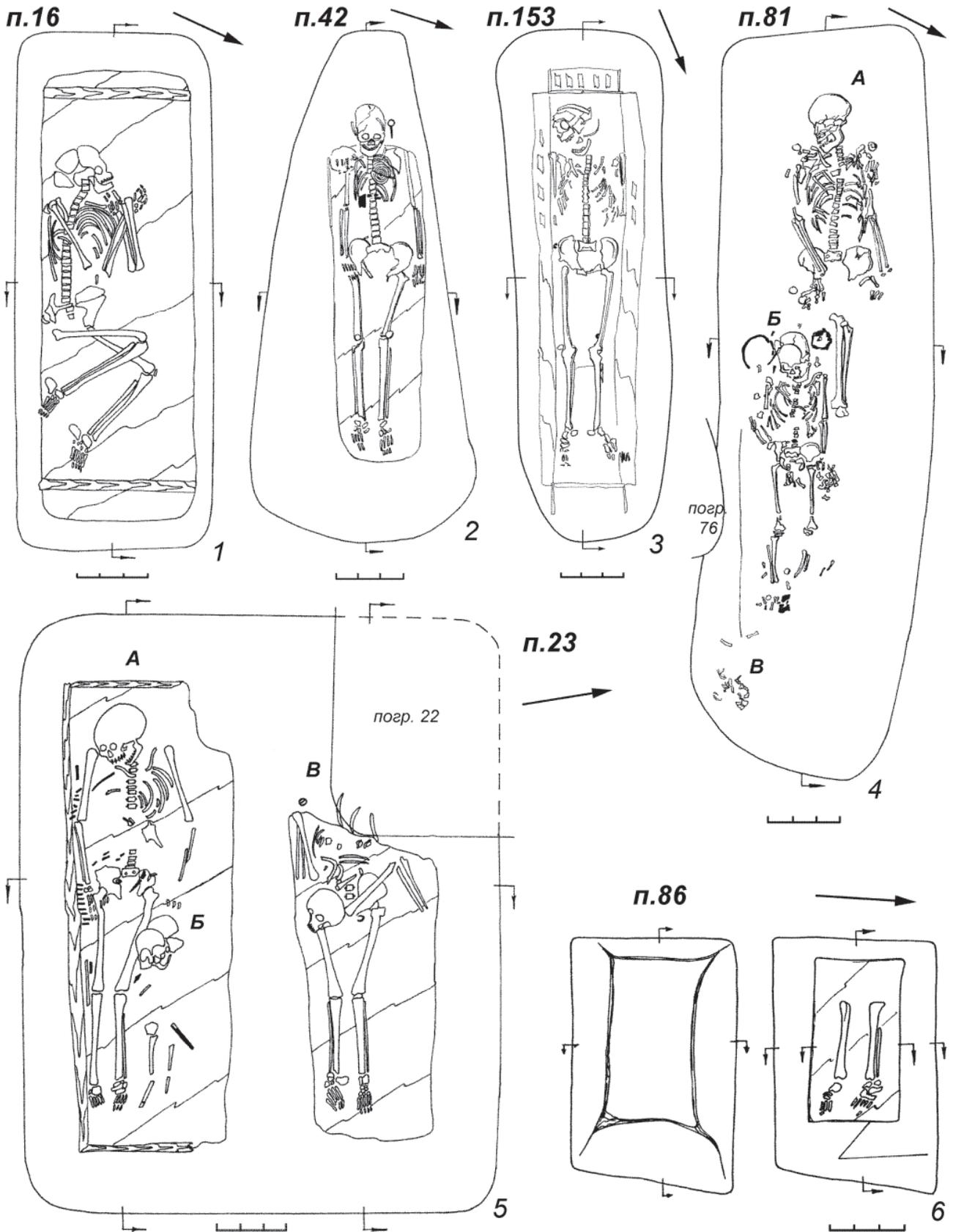

Рис. 2. Планы погребений Боярского «Арай» могильника.

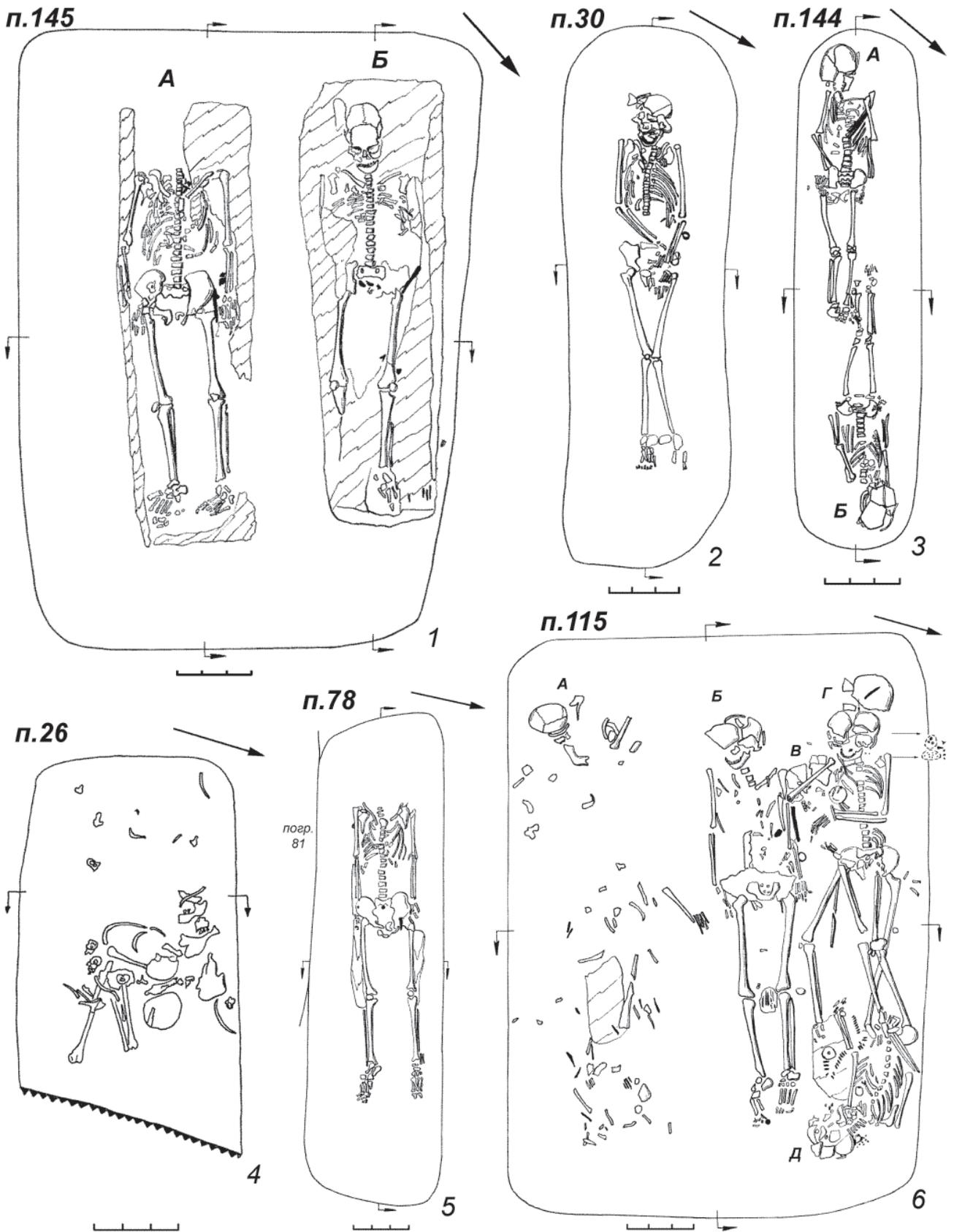

Рис. 3. Планы погребений Боярского «Арай» могильника

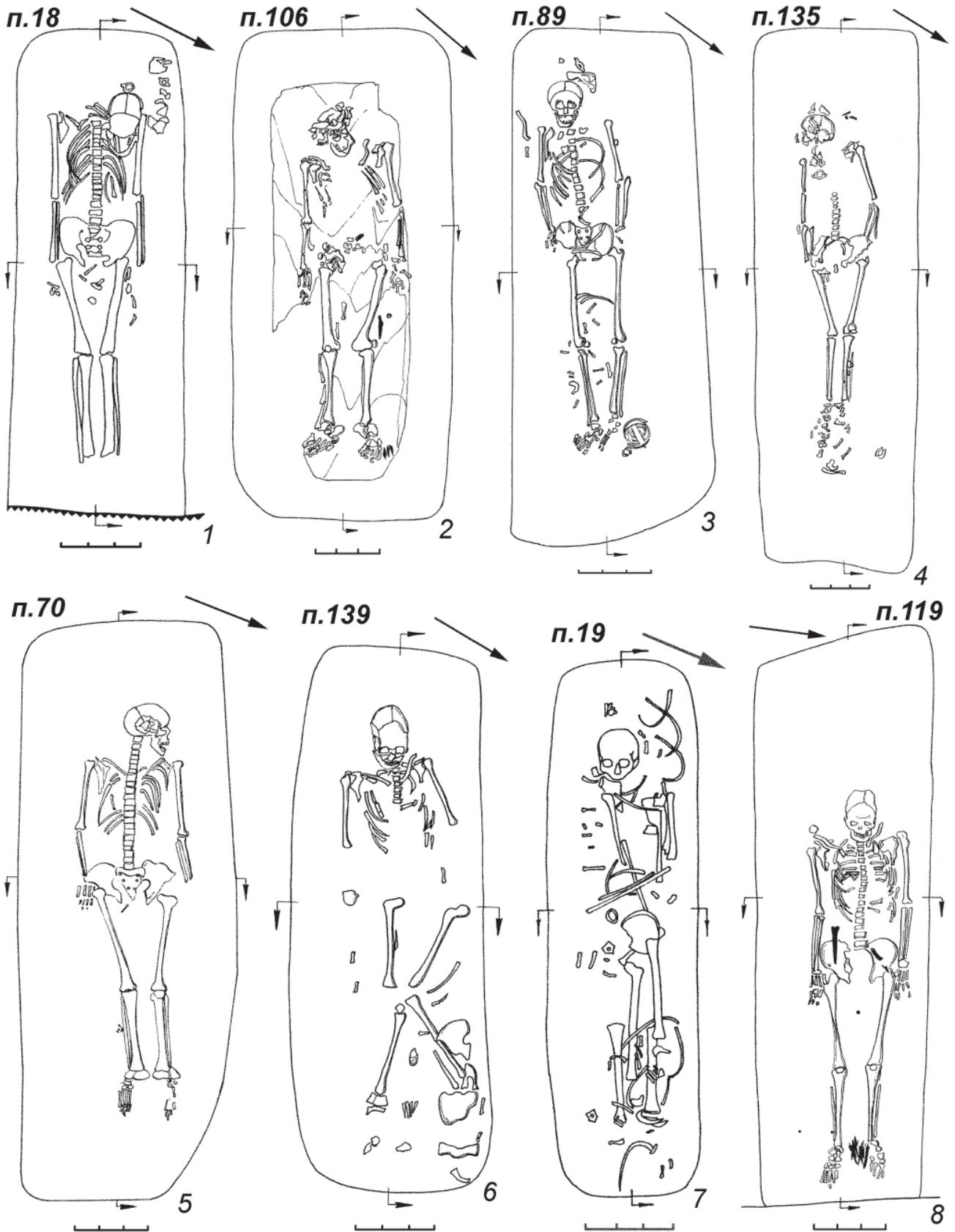

Рис. 4. Планы погребений Боярского «Арай» могильника

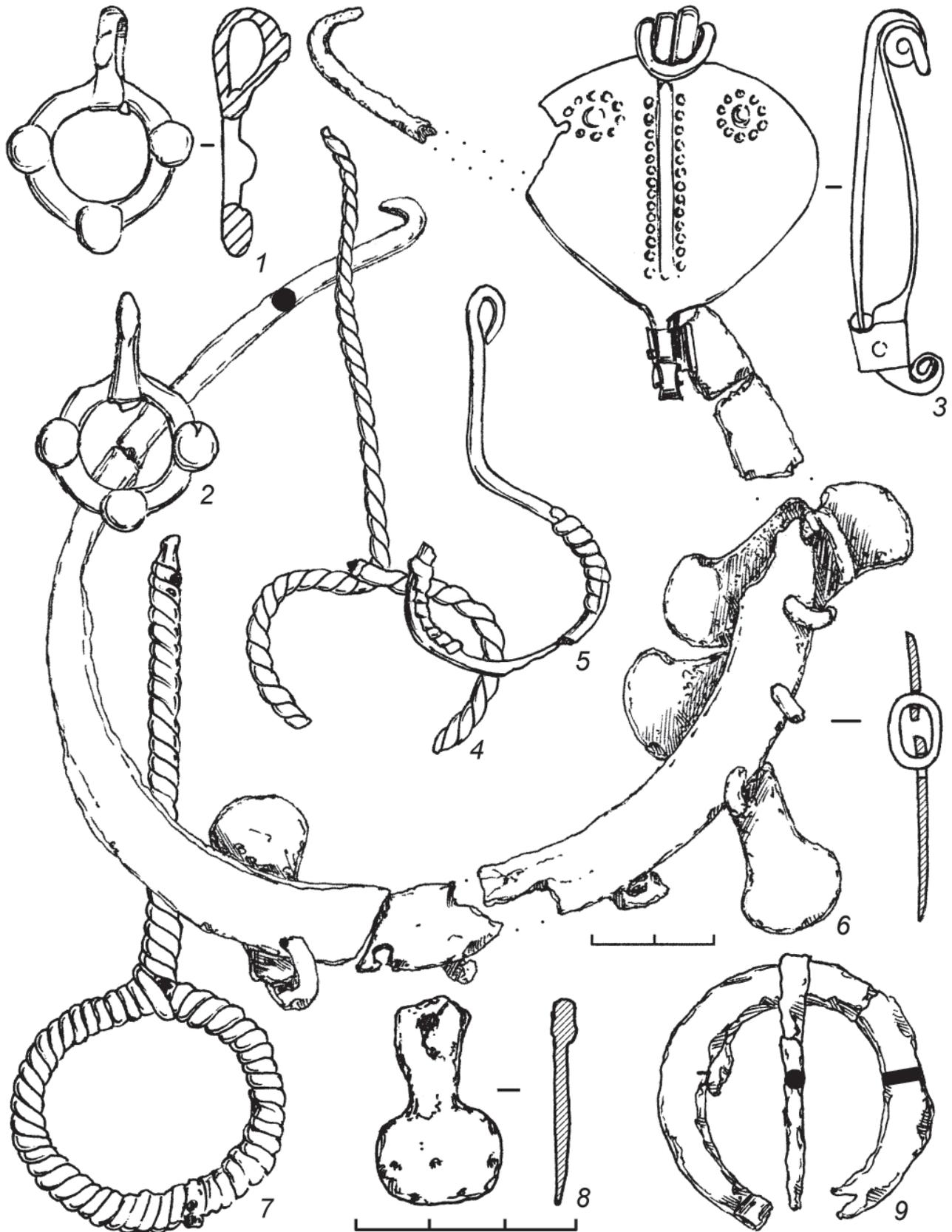

Рис. 5. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника: 1, 2 – подвески (п. 134); 3 – фибула (п. 132); 4, 5, 7 – височные подвески мазунинского типа (пп. 42, 115Д); 6 – гривна (п. 42); 8 – подвеска (п. 94); 9 – сьюльгама (п. 95). 1–5 – бронза; 6, 8, 9 – железо; 7 – бронза, железо.

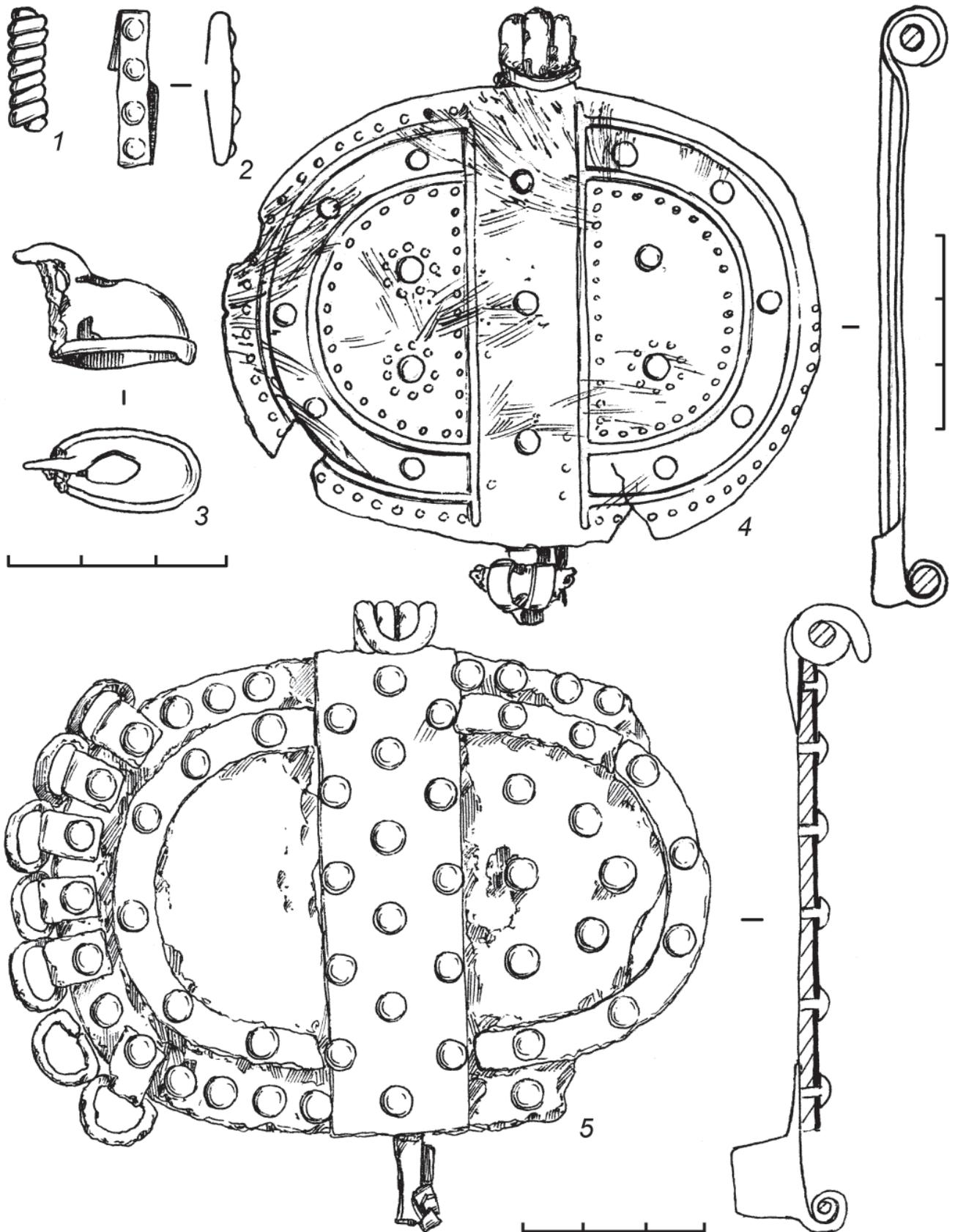

Рис. 6. Погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника: 1, 3 – пронизки (шп. 81Б, 141); 2 – накладка-обойма (п. 168); 4, 5 – фибулы (шп. 89, 102). 1–4 – бронза; 5 – бронза, железо.

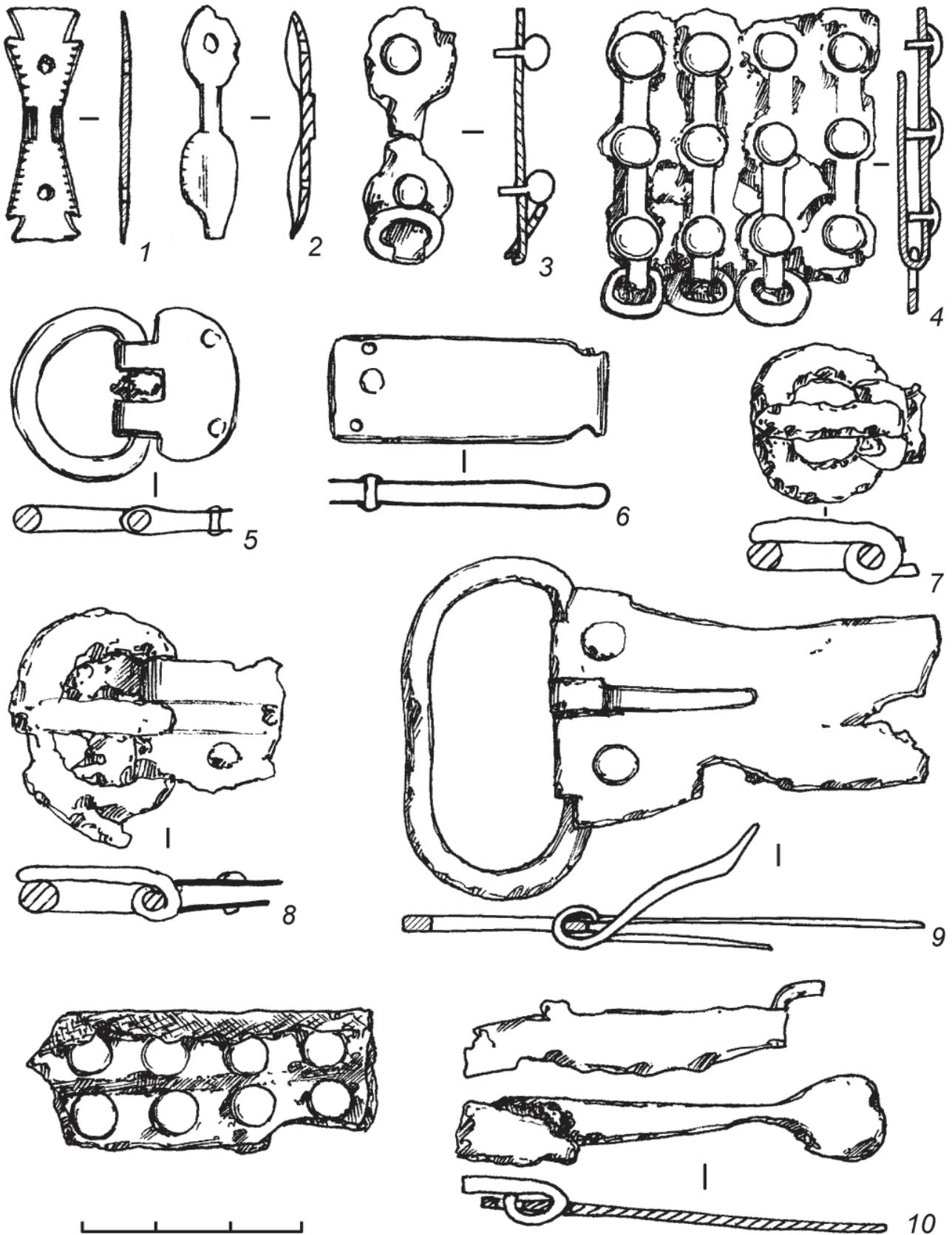

Рис. 7. Поясная гарнитура Боярского «Арай» могильника: 1–4 – накладки (пп. 23А, 115Д, 141, 168); 5, 7–9 – пряжки (пп. 31, 40, 136А, 168); 6, 10 – наконечники ремней (пп. 31, 168). 1, 2, 6 – бронза; 7 – железо; 3–5, 8–10 – бронза, железо.

Рис. 8. Раннегандинский комплекс вещей Боярского «Арай» могильника: 1–3 – бляшки-накладки (пп. 31, 115Б, 141); 4, 6 – подвески (пп. 31, 115Г); 5, 11 – накладки (пп. 31, 168); 7–10 – пронизки (п. 141). Все – бронза.

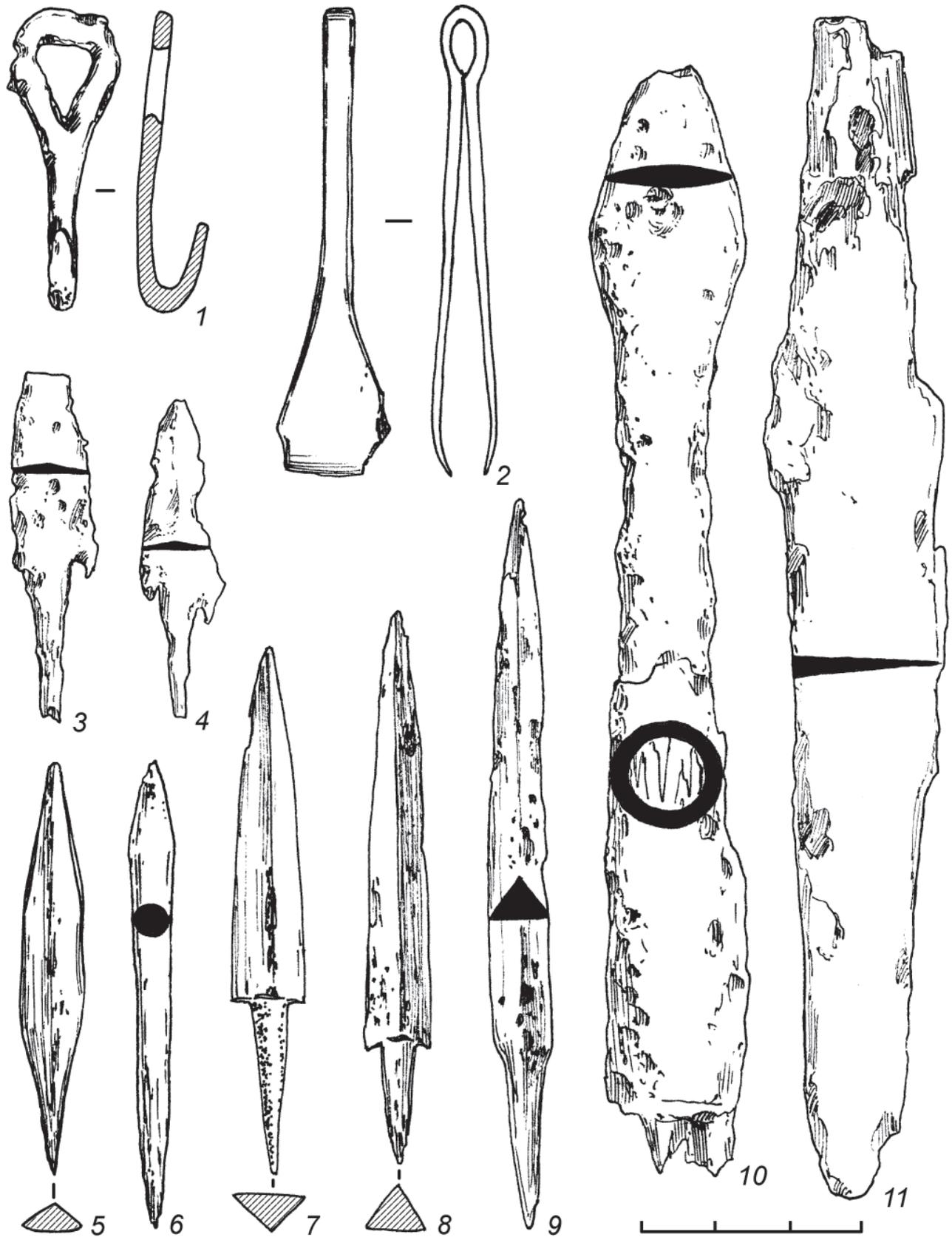
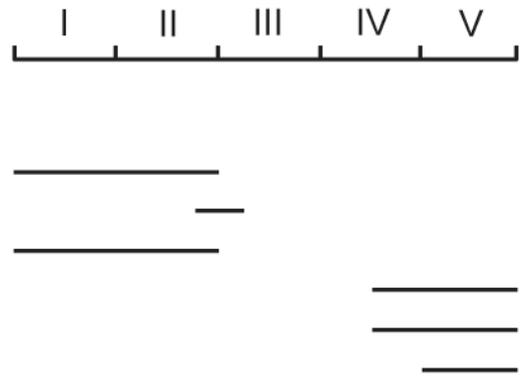

Рис. 9. «Мужской» погребальный инвентарь Боярского «Арай» могильника: 1 – колчанный крючок (п. 115Б); 2 – пинцет (п. 107); 3–9 – наконечники стрел (пп. 22, 107, 115А, 115Б, 153); 10 – наконечник дротика (п. 162); 11 – нож (п. 115Б). 1, 3, 4, 10, 11 – железо; 2 – бронза; 5–9 – кость.

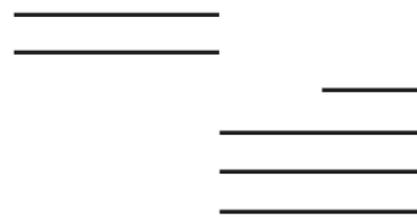
Погребение 31

1. «Ажурная» накладка (рис. 8: 5)
2. Подвеска (рис. 8: 4)
3. Бляшка-накладка (рис. 8:1)
4. Пряжка (рис. 7: 5)
5. Поясной наконечник ремня (рис. 7: 6)
6. Височные подвески (рис. 5: 7)

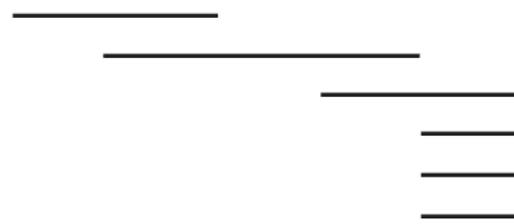
Погребение 115

1. Бляшка-накладка (рис. 8: 2)
2. Подвеска (рис. 8: 6)
3. Фибула (рис. 6: 4)
4. Поясные накладки (рис. 7: 1)
5. Височные подвески (рис. 5: 4, 5)
6. Бляхи-раковины

Погребение 141

1. Пронизки (рис. 8: 7-10)
2. Бляшка-накладка (рис. 8: 3)
3. Фибула (рис. 6: 5)
4. Гривна (рис. 5: 6)
5. Поясные накладки (рис. 7: 3)
6. Височные подвески (рис. 5: 7)

Погребение 168

1. «Ажурные» накладки (рис. 8: 11)
2. Фибула (рис. 6: 5)
3. Пряжка (рис. 7: 9)
4. Поясные накладки (рис. 7: 4)
5. Поясной наконечник ремня (рис. 7: 10)
6. Накладки-обоймы (рис. 6: 2)
7. Височные подвески (рис. 5: 7)

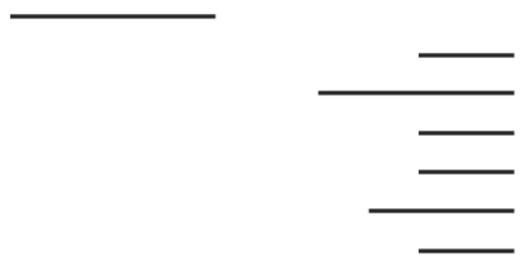

Рис. 10. Хронология погребальных комплексов с раннегандинскими вещами Боярского «Арай» могильника. В скобках даны ссылки на типы украшений.

УДК 902.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛЯХ-РАКОВИН НАСЕЛЕНИЕМ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ В III–V ВВ. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ)

© 2018 г. В.А. Бернц

В статье анализируется функциональное использование прикамским населением III–V вв. н.э. (мазунинская стадия чегандинской культуры пьяноборской культурно-исторической общности) блях, изготовленных из раковин. Исследованы материалы семи могильников Удмуртского Прикамья (Боярский («Арай»), Заборьинский, Ижевский, Мазунинский, Покровский, Тарасовский и Чепанихинский), в инвентаре которых обнаружены эти изделия. В результате выяснено, что раковины преобладали в составе ременных гарнитур (поясные накладки), входили в состав жертвенных комплексов, применялись как навершия мечей или (единично) служили держателем меча на портупейном ремне.

Ключевые слова: археология, Удмуртское Прикамье, могильник, бляхи-раковины, ременная гарнитура, пояс, мазунинская стадия, чегандинская культура, пьяноборская культурно-историческая общность

На правобережье р. Камы (Удмуртское Прикамье) известно 16 памятников мазунинского времени III–V вв. н.э. (Бернц, 2014, с. 93–100), в материалах семи из которых обнаружены крупные бляхи, выполненные из раковин – это Боярский («Арай»), Заборьинский, Ижевский, Мазунинский, Покровский, Тарасовский и Чепанихинский¹ некрополи (рис. 1: 1) (Бернц, 2006, с. 357–361, рис. 3: 2; 5: 1–5; 7: 2–6; 8: 7; 13: 1–3; 15: 1; 21: 1; 22: 8–10; Генинг, 1967, с. 132–135; рис. 2: 1; 4; 5; 7; табл. II: 14–16; Генинг, Мырзина, 1967, с. 94–95, 97, 99, 104, 107; рис. 2: 1, 2; 4–6; 8; табл. I, 1–4; Голдина, 2003, табл. 2: 24; 7: 2; 24: 19; 34: 8, 10; 44: 2 и др.; Останина, 1984, с. 45–48, 51, 54, 59–60; табл. 1: 3; 2: 10, 15; 4: 7, 10, 14; 5: 6, 12, 13; 7: 16; 7: 20–22, 28; 8: 18–20; 9: 1; 14: 8; 15: 2; 21: 6; 25: 23; 26: 12; Покровский могильник, 1992, с. 16, 17, 29, 34; рис. 25: 2; 31: 11; Черных², 2005, рис. 95; 96; 100; 101; 107; 110; 206–209; 210: 10).

По определению д.б.н. Я.И. Скоробогатова бляхи выполнены из раковин моллюсков *Turbo marmaratus* семейства *Turbinidae* (Останина, 1997, с. 62–63, 83), или, по определению к.г.-м.н. В.М. Реймана – *Pectunclicidae* (Литвинский, 1972, с. 141), обитающих в

¹ В дальнейшем приняты обозначения могильников: Боярский («Арай») – Б; Заборьинский – З; Ижевский – И; Мазунинский – М; Покровский – П; Тарасовский – Т; Чепанихинский – Ч; цифра через тире после заглавной буквы – номер могилы.

² Благодарю к.и.н., профессора кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета Е.М. Черных за возможность использовать в работе неопубликованные материалы.

тропических частях Тихого, Индийского океанов.

Обнаруженные в Прикамье предметы матово-белого цвета часто имеют лощеную поверхность, различную форму (округло-овальную, подпрямоугольную, подтреугольную), размеры – 3,5x11,0 см, в центре – отверстие для крепления (рис. 1: 3; 2; 3; 7: 5; 8: 1, 6, 7; 9: 2³; 10). Пять экземпляров украшены геометрическим орнаментом с помощью выемок различной формы (И-5, 77; П-220; Т-4, 450А; рис. 2: 1–5) (Генинг, 1967, с. 138, рис. 2: 1; табл. II: 15; Голдина, 2003, табл. 2: 26; 196: 28; Останина, 1997, рис. 13: 4; Покровский могильник, рис. 31: 11).

Девять раковин были отремонтированы в древности – зафиксированы сквозные отверстия для проволоки на краях фрагментов (Б-147; И-83; рис. 2: 12), тонкая бронзовая проволока (И-5; Т-171; рис. 2: 10, 11) или небольшие бронзовые накладки (Т-52, 69А, 296, 298, 306А; рис. 2: 6–9), скреплявшие куски блях (Генинг, 1967, табл. II, 14; Голдина, 2003, табл. 19: 2–3; табл. 26: 1–10; табл. 127: 2–1; табл. 128: 1–5; табл. 132: 1–2; Останина, 1997, рис. 13: 2; Черных, 2005, рис. 210: 10). Еще один предмет найден расколотым на части, но на краях фрагментов нет следов ремонта – вероятно, бляха сломалась уже после помещения в могилу (Т-682Б) (Голдина, 2003, с. 290, табл. 288: 1–24).

Часть крупных экземпляров сильно профилированы, имея, при этом, один утолщенный или загнутый внутрь край (например, рис. 2: 4, 6, 12; 3: 2–5, 7, 8, 11, 12; 9: 2; 10: 1,

³ Автор благодарит к.и.н. Т.Р. Сабирова за фотографии блях-раковин Заборьинского могильника.

Таблица 1

Распределение блях-раковин по могильникам

памятник	количество раковин (экз.)	количество погребений / костяков с бляхами-раковинами	общее количество изученных погребений памятника	% погребений с раковинами от общего количества погребений могильника
Боярка	3	2	183	1,09
Заборье	10	7	30	23,33
Ижевск	30	22	211	10,43
Мазунино	9–10	6	69	8,7
Покровка	9	5	364	1,37
Тарасово	71	47/50	870*	5,4
Чепаниха	2	2	41	4,88
всего	134–135	91/94	1768	

* Указано количество поздних (мазунинских) захоронений Тарасовского могильника

3–5), часть предметов – практически плоские (рис. 2: 1, 2, 10; 3: 9, 10; 10: 6) (Бернц, 2006, рис. 5: 1–5; 7: 2–6; 13: 1–3; 22: 9, 10; Генинг, 1967, табл. II, 15; Голдина, 2003, с. 4, табл. 2: 24; с. 21, табл. 19: 2–3; с. 36, табл. 34: 8; с. 196, табл. 194: 16; табл. 307: 1–1–1–3 и др.; Останина, 1984, табл. 4: 7, 8: 20 и др.).

При разработке хронологии Тарасовского могильника бляхи-раковины вошли в 1 (1 половина III в. н.э.) и 2 (2 половина III в. н.э.) группы мужских захоронений (Голдина, Бернц, 2016, с. 21, рис. 2: 13; с. 24; с. 26, рис. 3: 19) и в группу 5б (III–IV вв. н.э.) женских могил (Голдина, Бернц, 2017, с. 57–58, рис. 6: 46).

В семи могильниках, где найдены бляхи, в целом, изучено 1768 захоронений мазунинского времени, в 91 могиле (5,15% от 1768) в погребальном инвентаре 94 умерших обнаружено 134–135⁴ раковин (табл. 1).

Количество раковин в одной могиле различно: 1 экземпляр (Чепаниха), 1 или 2 (Боярка), 1–3 (Заборье, Ижевск, Тарасово), 1, 2 или 4 (Покровка), 1–3/4 (Мазунино).

Среди погребений с бляхами пол и возраст определен у 39 умерших (41,49% от 94 погребенных): мужчины (10 человек) – Заборье (пп. 15, 22), Тарасово (пп. 15, 36, 65, 101А, 128А, 137, 565), Чепаниха (п. 12); женщины (29 человек) – Боярка (п. 115Д), Заборье (пп. 13, 26, 30), Ижевск (пп. 2, 5, 8, 21, 48, 57, 61, 77, 83), Мазунино (п. 62), Покровка (пп. 220,

295), Тарасово (пп. 13, 52, 58, 61, 806, 101Б, 107, 132, 136, 717, 719, 1681, 1754) (табл. 2–4).

Раковины обнаружены, преимущественно, в индивидуальных захоронениях – их 78 (85,71% от 91): 8 – мужские, 27 – женские, 43 – «неопределенные». Коллективных погребений меньше – 13 (14,29% от 91), среди последних одно изучено на Боярском могильнике (115), 12 – на Тарасовском (пп. 69, 101, 128, 281, 294, 306, 328, 447, 450, 551, 682, 906).

Бляхи расчищены в групповых погребениях с двумя (6 могил: Т–69, 101, 306, 328, 450, 682), тремя – (3 погр.: Т–128, 447, 551), четырьмя (2 погр.: Т–281, 294) или пятью (2 погр.: Б–115; Т–906) умершими, пол и возраст которых установлен не во всех случаях. В целом, выявить какую-либо закономерность наличия/отсутствия раковин(-ы) в этих могилах не удалось, но, следует отметить, что в парном женском погребении раковина (в жертвенном комплексе) найдена у старшей из умерших (Т–682), в трех могилах взрослого с 1 или 2 детьми – у взрослого (Т–69А – Ж, 20–30 лет; Т–450А – пол?, возраст?; Т–128А – М, 50–55). В двух захоронениях пяти человек пояс с раковинами (Б–115) или раковина в ж/к (Т–906) найдены у молодых девушек 14–18 лет (Боярка) и 16–17 лет (Тарасово), несмотря на погребенных вместе с ними более старших взрослых (Б–115Д: А – М, 30–40 лет; Б – М, 25–35 лет; Г – Ж, 20–30 лет; В – ребенок, пол? возраст?; Т–906Б: В – Ж, 40–45 лет; Д – М, 50–60 лет; А – пол?, 8 лет; Г – Ж, около 10 лет).

В 10 коллективных захоронениях раковина(-ы) есть только у одного из умерших в 1 (Т–69А, 128А, 281А, 294В, 447В, 450А,

⁴ Количество раковин в Мазунинском могильнике не ясно – в публикации приводится разная информация о количестве блях на поясе из могилы 8 – 3 или 4 экземпляра (Генинг, Мырсина, 1967, с. 95; с. 99, табл. I, 1, 2, 9).

Таблица 2

Использование блях-раковин в могильниках

памятник	поясная(–ые) накладка(–и) (экз.)			жертвенный комплекс (экз.)		меч (экз.)		всего костяков
	М*	Ж	?	Ж	?	М	?	
Боярка		1			1			2
Заборье	2	3	2					7
Ижевск		9	13					22
Мазунино		1	5					6
Покровка		2	1			1	1	5
Тарасово	7	13	22	4	3	1		50
Чепаниха	1		1					2
всего костяков	10	29	44	4	4	2	1	94
всего		83		8		3		94

* – М – мужчины, Ж – женщины, ? – пол и/или возраст не установлены («неопределенные» могилы)

551Б, 682Б, 906Б; рис. 5: 4) или 2 (Б-115Д) экземплярах. В 3 захоронениях бляхи расчищены у обоих умерших, по одной (Т-101, А – М?, 15–17 лет, Б – Ж?, 15–17 лет; рис. 5: 3) или две (Т-306, Т-328, пол и возраст умерших не установлены).

В групповых могилах бляхи-раковины входили в поясные наборы (9 могил; например, рис. 5: 3, 4) или в состав жертвенных комплексов (4 погребения; например, рис. 5: 7).

Пояса⁵. Самая большая по численности группа – 83 умерших: 10 – мужчины, 29 – женщины, у 44 погребенных пол и/или возраст не установлен (табл. 3–5).

Положение ремней с раковинами-бляхами в могилах различно (табл. 3), но в ряде случаев их положение не всегда можно точно установить – в первую очередь, это касается поясов с одним основным элементом – бляхой. По аналогии с развернутыми вдоль тел ремнями с несколькими элементами, можно говорить о том, что при нахождении раковины выше области пояса – у правого плеча, справа в области груди и т.д. – пояса, вероятно, были уложены в вытянутом положении, вдоль тел. Расположение раковин в области пояса/таза, локтя и т.д. затрудняет определение места ремня – он мог быть помещен в могилу в вытянутом положении (локоть – голова/ноги), мог быть надет/положен на пояс/таз погребенного (в дальнейшем, положение таких ремней не оговаривается, указывается только положение раковины) (рис. 4: 3; 5: 4).

⁵ В погребении Т-4 раковина относится к портупейному ремню, который описан ниже (в таблицы по поясам не вошел).

В мужских могилах пояса были уложены справа – 5 случаев (3-15; Т-36, 101А, 565; Ч-12; рис. 4: 4; 5: 3) или слева – 3 (3-22; Т-15, 65; рис. 6: 1) вдоль тел умерших, один – несколько по диагонали (Т-137, левое плечо – колени; рис. 6: 5), в погребении Т-128А раковина расчищена у левого локтя (рис. 5: 4). Все ремни были уложены раковинами к голове погребенного мужчины.

В женских захоронениях ремни были уложены вытянуто вдоль тел захороненных, справа – 11 поясов (3-30; И-5, 48, 83; П-220; Т-61, 132, 136, 717, 719, 1681; рис. 4: 1) или слева – 7 (Б-115Д; 3-13; И-2, 8; П-295; Т-58, 107; рис. 4: 6; 5: 2), либо по телу умерших: диагонально – 2 (Т-52, 1754; рис. 5: 5; 6: 3), вдоль позвоночника – 2 (И-21; М-62), изогнуто⁶ – 2 (И-57, 61); в пяти случаях раковины расчищены справа (3-26; И-77; Т-13, 806; рис. 4: 3) или слева (Т-101Б; рис. 5: 3) в области пояса.

Вытянутые вдоль тел погребенных женщин пояса с одной бляхой были уложены раковинной к голове – 7 ремней (3-13; И-8, 21; П-295; Т-52, 61, 719; рис. 4: 6; 6: 3), как и два сложно изогнутых по телу пояса (И-57, 61). Две раковины закреплялись либо на одном конце пояса (ремни уложены раковинами к голове) – 3 пояса (И-2, 5, 48; рис. 7: 3), либо с двух сторон основы – 4 (Б-115Д; М-62; Т-58, 1754; рис. 5: 5). Три бляхи закреплялись на основе ремня с двух сторон – 1 и 2 экземпляра (рис. 8: 2–4), в погребения такие пояса помещались вдоль тел умерших, в большинстве случаев двумя раковинами к голове –

⁶ С чем связано такое положение расчищенных в погребениях ремней – не ясно.

6 ремней (З-30; И-83; Т-107, 132, 136, 717; рис. 4: 1; 5: 2; 9: 1), только один пояс лежал наоборот – двумя бляхами к ногам (Т-1681; Голдина, 2003, табл. 614). Максимальное количество раковин – 4 экземпляра – были закреплены на одном конце пояса, уложенно-го раковинами к голове (П-220; рис. 1: 2).

В захоронениях с неустановленным полом (трех детских и одном взрослом) 2 ремня были помещены справа вдоль тел ребенка (Т-1741) и взрослого (Т-51; рис. 5: 1), один пояс лежал на теле умершего ребенка по диагонали (Т-116; рис. 6: 2), раковина четвертого ремня расчищена справа в области пояса (Т-68). Пояс с одной бляхой был уложен раковиной к голове (Т-1741), положение второго не ясно (Т-68), две раковины были закреплены с двух сторон основы (Т-116; рис. 7: 1). Три бляхи были закреплены также с двух сторон ремня – 1 (у ноги) и 2 (у головы) (Т-51; рис. 5: 1) экземпляра (Голдина, 2003, табл. 18; 26; 41; 644). Какой-либо зависимости между положением ремня и полом/возрастом погребенных не выявлено.

В 40 «неопределенных» захоронениях положение поясов в могилах не отличается от их положения в вышеописанных группах – они помещались справа (1 или 2 бляхи) или

слева (1 или 3 раковины) вдоль тел погребенных – по 13 поясов, вдоль по телу – 2, поперек ног – 1, не определено – 4, надеты или вдоль тела – 5 (например, рис. 4: 2, 5, 7, 8; 6: 4, 6), изогнуто по телу (например, И-126). Ремни укладывались раковинами к голове, только в одном случае – к ногам (Т-308; рис. 6: 4). Бляхи, найденные по 2 или 3/4 экземпляра закреплялись на основе либо на одном (И-63, 75; П-3; Т-306А), либо на обоих концах поясов (З-24; М-8; Т-307, 312, 328А) (Бернц, 2006, с. 374, рис. 13; Генинг, 1967, с. 133–135; Генинг, Мырсина, 1967, с. 97–104; Голдина, 2003, табл. 113; 131; 134; 137; 139; 141–143; 243; 244; Останина, 1984, с. 45–55, 58–60; Покровский могильник, с. 16).

Состав поясов (поясных наборов) с бляхами достаточно постоянен (Тарасово; Бернц, 2016, с. 199–204), однако, встречаются и исключения. В целом, в состав ремней могло входить 1–3 (мужские ремни) или 1–4 (женские пояса) основных и 1–2 дополнительных элемента (рис. 7; 8; 9: 1)⁷.

⁷ К основным элементам поясов отнесены: застежка (крючок, пряжка), бляхи-раковины, накладки (металлическая бляшка, накладки), наконечник (1 экз. – простой, из согнутой пополам пластины с зауженной серединой, 3 заклепки со шляпками-полусферами

Таблица 3

Положение поясов с раковинами в погребениях

пол	возраст	положение пояса								всего
		справа	слева	надет ?*	по телу (центр)	по телу (диагональ)	по телу (согнут)	ноги	?	
М	15-17	1								1
	25-45	3	3			1				7
	> 50	1		1						2
всего		5	3	1		1				10
Ж	14-20	3	2	2						7
	20-45	6	3	1		1	1			12
	40-55	1		1		1	1			4
	50-60			1						1
	?	1	2		2					5
всего		11	7	5	2	2	2			29
?	новор.	1								1
	3-5					1				1
	6-7			1						1
	15-25	1								1
	?	13	13	5	2		2	1	4	40
всего		15	13	6	2	1	2	1	4	44
всего		31	23	12	4	4	4	1	4	83

* В этих случаях раковина расчищена в области пояса/таза, локтя; положение ремня не ясно

Количество элементов в составе мужских поясов различно, из 10 ремней пять имели дополнительные элементы – пронизка и бусы (Т-36), нож (Т-137; З-22), нож и шило (Т-65, 565). Одни ножны (нож, шило) не имели металлических деталей (Т-65), в трех случаях они были декорированы бронзовыми фигурными накладками (З-22; Т-137, 565) (Бернц, 2006, с. 369, рис. 8: 2–26; Голдина, 2003, табл. 25: 1–7; 53: 1–6; 242). В могиле Т-565 ножны, вероятно, закреплялись на поясе с помощью тонкого (кожаного?) ремешка, покрытого маленькими бронзовыми пронизками-обоймами (Голдина, 2003, табл. 242: 2). На мужских ремнях (независимо от наличия других деталей) всегда закреплялась 1 бляха (рис. 4: 4; 5: 3; 6: 1, 5), общее количество раковин в мужской группе – 10 экземпляров (табл. 5).

К женским поясам, так же как и к мужским, прикреплялись пронизки и бусы (И-48), нож (И-2; М-62; Т-61, 1754; П-220); остальные – наборные, из 2–4 пластин, с привесками или без них – ременная подвеска), к дополнительным – бусы и пронизки (Т-36, 551Б; И-48), нож и/или шило в декорированных или простых ножнах

рис. 5: 5) или нож и шило (И-8, 61; Т-132, 1681; рис. 4: 6), в 5 случаях – в декорированных накладками ножнах (Генинг, 1967, с. 132–133; Генинг, Мырсина, 1967, рис. 8; Голдина, 2003, табл. 24: 2–21; 48; 49; 614; 615; 649: 10–38; Останина, 1984, с. 46–47). Два женских ремня несколько отличаются от остальных: в один – входил крючок (И-2; Генинг, 1967, с. 132), в другой – пряжка (П-220) (рис. 1: 2, 4; Покровский могильник, с. 29). Количество раковин на женских поясах – 1–4 экземпляра (рис. 1: 2, 4; 7: 2, 3; 8: 2–4), общее количество блях – 53 экземпляра (табл. 5).

Пояса в 44 погребениях с неустановленным полом и/или возрастом представляли собой такие же наборы, как в мужских и женских могилах, часть из них имела в качестве дополнения ножи (И-26; Т-116, 317, 450А; рис. 6: 2; 7: 1), шило (И-122), нож и шило (Т-306А, 307, 308, 315, 316; рис. 6: 4, 6; 7: 4, 6; 8: 8), иногда – в декорированных накладками ножнах (И-74; Т-306А, 307, 308, 312). В двух ремнях среди основных элементов найдены халцедоновый диск (Т-312; Голдина, 2003, табл. 139: 2) и крючок (И-4; Генинг, 1967, с. 133). В целом, количество раковин на этих

Таблица 4

Состав поясных наборов (для раковин указано количество экземпляров на ремне)

пол	возраст (лет)	поясной набор (количество элементов)							всего поясов
		1	2	3			4		
		р*	р+н	р+н +н/к	р+н +кр	р+н+ диск	пр+р+ н+н/к	р+н+ н/к+кр**	
М	15-17	1							1
	25-45	1	2	4					7
	> 50	1		1					2
всего		3	2	5					10
Ж	14-20	3	1	2			1		7
	20-45	3	6	3					12
	40-55	1	1	2					4
	50-60	1							1
	?		3	1	1				5
всего		8	11	8	1		1		29
?	нов.	1							1
	3-5			1					1
	6-7	1							1
	15-25			1					1
	?	15	10	13		1		1	40
всего		17	10	15		1		1	44
всего поясов		28	23	28	1	1	1	1	83

* – р – раковина, н – накладки, н/к – наконечник, пр – пряжка (Покровка), кр – крючки (Ижевск)

** – выделено достаточно условно, так как погребение (И-4) разрушено, точно соотносить крючок с поясом вряд ли возможно

поясах – 1–3/4 экземпляров (рис. 7: 1, 4, 6; 8: 5, 8), общее количество блях в этой группе – 60/61 (табл. 5).

В одном мужском захоронении обнаружен только пояс с бляхой (Т-565), во втором – пояс и сопроводительный инвентарь (Ч-12). В восемь могил, помимо поясов, были помещены ж/к (височные подвески, бусы, браслеты, перстень, шило, фибула, накладка). При этом, в четырех случаях из восьми жертвенные комплексы были единственным сопроводительным инвентарем (кроме пояса) (З-15, 22; Т-65, 128А; рис. 5: 4), в остальных четырех (помимо пояса и жертвенного комплекса) был найден и другой материал (бусы, мелкие украшения, фибула, сьюльгама, детали обуви) (Т-15, 36, 101А, 137; рис. 5: 3; 6: 1, 5) (Бернц,

2006, рис. 7; 8; Голдина, 2003, табл. 7; 14; 25; 34; 44; 53; 242; Останина, 1984, с. 59).

В женском погребении И–21 расчищен только пояс (другого материала нет), в остальных захоронениях женщин зафиксирован и другой сопроводительный инвентарь (бусы и бисер, украшения, застежки, обувные наборы, керамический сосуд, орудия труда и др.), который был помещен либо рядом с телами умерших женщин – 6 могил (И-48, 57, 61; М-62; П-295; Т-132), либо входил в состав жертвенных комплексов – 7 могил (З-13, 26; И-83; Т-13, 58, 101Б, 717; рис. 4: 3; 5: 3) (Бернц, 2006, с. 365, рис. 4; с. 377, рис. 16; Генинг, 1967, рис. 7; с. 135; Генинг, Мырсина, 1967, рис. 8; Голдина Р.Д., 2003, табл. 7; 22; 34; 48; 49; 306; 307; Останина, 1984, с. 46–48; Покровский могильник, 1992, с. 34). Кроме того, в 15 погребени-

Таблица 5

Количество блях-раковин в поясах (экземпляры)

пол	возраст	поясной набор (количество элементов)												всего	
		1			2			3			4				
		р			р+н			р+н+н/к			2р+ н+ кр	3р+ н+ д	4р+ пр+ н+ н/к		р+ н+ н/к +кр*
		1р	2р	3р	1р	2р	3р	1р	2р	3р					
М	15-17	1**													
	25-45	1			2			4							
	> 50	1						1							
всего поясов/ блях***		3 (3)			2			5							10
Ж	14-20	2		1		1		1	1				1		
	20-45	2	1		3		3	1		2					
	40-55	1				1		1		1					
	50-60	1													
	?				2	1			1		1				
всего поясов/ блях		6	1	1	5	3	3	3	2	3	1		1		29
?	ново- рожд.	1													
	3-5								1						
	6-7	1													
	15-25									1					
	?	14		1	9		1	7	5****	1		1		1	
всего поясов/ блях		16		1	9		1	7	6	2		1		1	44
всего поясов/ блях		25	1	2	16	3	4	15	8	5	1	1	1	1	83

* – набор выделен достаточно условно, так как погребение (И–4) разрушено, точно соотнести крючок с поясом вряд ли возможно

** – указано количество поясов

*** – приведено общее количество поясов, в скобках – общее число блях в этих ремнях

**** – в захоронении З–24 на ремне, вместе с накладками, закреплена круглая бронзовая бляшка

ях, помимо поясов, зафиксировано «дублирование» инвентаря – он входил в жертвенный комплекс и, кроме того, был помещен рядом с телами погребенных (Б-115Д; И-5; Т-136, 806, 1754 и др.).

В 36 из 44 «неопределенных» погребениях обнаружены и другие вещи (украшения головы, одежды, шеи, застежки, обувные наборы и др.), которые были помещены рядом с телами умерших – 17 могил (И-6, 39, 58, 84; М-1, 50; Т-316, 328А, 450А, 566, 705; Ч-29 и др.), входили в ж/к – 9 (И-75, 76; Т-262, 281А, 306А, 317, 567 и др.), найдены рядом с телами погребенных и входили в ж/к – 10 (З-2, 24; П-3; Т-307, 308, 312, 315, 551Б и др.); в 8 захоронениях пояс был единственным сопроводительным инвентарем (И-4, 26, 63, 74, 122, 126, 200; Т-328А) (Бернц, 2006; Генинг, 1967; Генинг, Мырсина, 1967; Голдина, 2003; Покровский могильник, 1992; Останина, 1984).

Жертвенные комплексы с бляхами-раковинами найдены в 8 могилах (Б-147; Т-69А, 91, 294В, 296, 298, 682Б, 906Б), пять из которых определены как женские 16–17 (Т-906Б), 20–30 (Т-69А; рис. 5: 6), 30–40 (Б-147; Т-91) и 40–50 (Т-682Б) лет; у трех погребенных пол и возраст не установлены (Т-294В, 296, 298).

В четырех случаях ж/к с раковинами обнаружены как в индивидуальных (Б-147; Т-91, 296, 298), так и в коллективных захоронениях с двумя (Т-69А, 682Б), четырьмя (Т-294В) или пятью (Т-906Б) умершими. В парных могилах ж/к с раковиной найдены у старших по возрасту женщин 20–30 (Т-69А; Б – ребенок 6 лет; рис. 5: 6) и 40–50 лет (Т-682Б; А – Ж, 16–18 лет). В погребении с пятью захороненными ж/к расчищен у молодой девушки 16–17 лет (А – пол?, 8 лет; В – Ж, 40–45 лет; Г – Ж, около 10 лет; Д – М, 50–60 лет), в могиле с четырьмя погребенными пол и возраст похороненных не установлен.

Количество раковин в ж/к всегда одинаково – по 1 экземпляру (рис. 2: 6; 5: 6), общее количество блях в наборах – 8, из них 3 – не сохранились (Т-91, 294В, 906Б).

Жертвенные комплексы были помещены слева – 4 случая (Т-296, 298, 682Б, 906Б) или справа – 3 случая (Б-147; Т-91, 294В) у черепа, в одном случае – в ногах слева (Т-69А; рис. 5: 6). Количество предметов в наборах различно – кроме раковин (и фрагментов вещей) в них найдено от 2 до 6 предметов: ж/к с 2, 3 и 6 предметами – по одному набору (Т-298, 682Б, 906Б), с 4 – 3 (Б-147; Т-91, 296), с 5 – 2 (Т-69А, 294В). В наборы входили

украшения, поясная гарнитура, орудия труда: бусы и височные подвески – 8 случаев, бисер, накладки и пронизки – 2, браслет, бляшка, привеска и цепочка – по одному, как и детали поясной гарнитуры (накладки с привесками и наборный наконечник); шило лежало в одном комплексе, ножи – в трех. В четырех могилах, кроме ж/к, были обнаружены и другие предметы (украшения, фибулы, обувной и поясной набор) (Т-69А, 296, 298, 682Б), в четырех могилах ж/к был единственным погребальным инвентарем (Б-147; Т-91, 294В, 906Б) (Голдина, 2003, табл. 26; 32; 125–129; 287; 288; 386; Черных, 2005, рис. 206–209; 210: 10).

В трех индивидуальных захоронениях раковины имели отношение к мечу: навершие рукояти меча – 2 могилы (П-26, 261; рис. 5: 7), портупей (держатель меча) – 1 (Т-4; рис. 5: 8). Пол и возраст одного умершего не определены (П-261, возможно, мужчина – в могиле найдены удила), в двух случаях – это мужчины 20–30 (П-26) и 25–35 (Т-4) лет. Все мечи были уложены слева от тел захороненных мужчин, от плеча к голени, рукоятью к плечу (Голдина, 2003, табл. 2: 24; Покровский могильник, 1992, с. 17, 33, рис. 3: 2).

Количество раковин в этих могилах всегда одинаково – 1 экземпляр, в одном случае раковина была орнаментирована небольшими круглыми вдавлениями, образующими симметричный узор (Т-4; рис. 2: 1).

В тех случаях, когда маленькие раковины использовались в качестве навершия мечей, деталей поясов в могилах не найдено (П-26, 261). В погребении Т-4 раковина, вместе с двумя маленькими бронзовыми пряжками (лежали вместе, слева в области таза), использовалась в портупее и служила держателем меча – расчищена рядом с мечом, в середине его верхней половины, ближе к рукояти⁸. Навершием рукояти этого меча служил халцедоновый диск с бронзовой накладкой-звездочкой⁹. Рядом с мечом в могиле обнаружен вытянутый вдоль тела портупейный пояс с железной пряжкой и бронзовыми накладками,

⁸ С.И. Безуглов отмечает, что роль фиксатора и украшения застежки портупейного ремня могли выполнять крупные бусы, которые, как в кургане 8 у станции Камышевской, могли быть заменены крупными бляхами из ископаемой раковины (2000, с. 78 с. 177–178).

⁹ По мнению В.Ю. Малашева, такие моменты, как наличие декоративных накладок у навершия мечей характеризуют связи носителей позднесарматской культуры с населением лесостепи и лесной полосы Приуралья (2014, с. 133).

к которому на дополнительном ремне прикреплялся меч (рис. 5: 8).

В двух захоронениях (П-261, Т-4) рядом с мечами лежали железные ножи, возможно, закреплённые на ремнях вместе с мечами.

Кроме мечей с навершиями из раковин, в могилах Покровского некрополя обнаружен другой немногочисленный погребальный инвентарь – нож с бронзовой накладкой рукояти (лежал отдельно от меча, справа в области пояса/таза) и удила (П-26; рис. 5: 7), пряжка, пронизка и бусина, удила (П-261) (Покровский могильник, 1992, с. 17, 33). В захоронении Т-4, кроме вышеперечисленного материала, зафиксированы стеклянные бусы и удила.

Помимо семи вышеуказанных памятников Удмуртского Прикамья, где найдены бляхи-раковины, использовавшиеся в качестве поясных накладок (иногда, возможно, подвесок), предметы из раковины выявлены и в инвентаре других прикамских (в том числе, на территории Удмуртии), а также территориально близких к ним (Татарстан, Башкирия) памятников I тыс. н.э. – Афонинского (Голдина, Голдина., 2010, с. 176), Охлебининского (Пшеничнюк, 1993, с. 53; с. 54, рис. 15: 3), Ныргындинского I (Голдина, Красноперов, 2012, с. 32; табл. 140: 10; табл. 206: 6; табл. 241: 14), Ангасякского (Тагиров, 2007, с. 97, 106; рис. 2: 1; рис. 3: П-2; 7: 3), Бирского (Мажитов, 1968, с. 88, 89, 93; табл. 2: 25–27; Останина, 1997, с. 63; Султанова, 2000, с. 42, рис. 8: 15), Сайгатского (Стоянов, 1962, с. 117), Старомайнского (Казаков, 1987; 1991, с. 111), Коминтерновского II (Казаков, 1991, с. 114, рис. 2: 17; 1998, рис. 9: 17; 10; 11: 5, 10, 11; 15: 5).

Характеризуя функциональное назначение халцедоновых дисков, блях-раковин и зеркал в памятниках мазунинского времени, азелинской и позднего этапа кара-абызской культур, А.А. Красноперов пишет, что если в Причерноморье бляхи из раковин, халцедона или зеркал использовались в декоре сбруи, то в Прикамье те же детали украшали пояса, изредка используя по назначению – в качестве наверший мечей (Красноперов, 2015, с. 98)¹⁰. Последний пункт, с учетом использования раковин в качестве фиксаторов, кроме материалов Тарасовского (Т-4) и Покровского (П-26, 261) могильников, иллюстрируется двумя португейными раковинами из Ново-Сасыкульского могильника (Васюткин, Кали-

нин, 1986, с. 121–122; Красноперов, 2006, табл. 208; Красноперов, 2011, рис. 5; 6: 2).

В ряде работ неоднократно описывались предметы из раковин¹¹, имевшие иное функциональное назначение – наглазники, детали сбруи (подвески, амулеты), держатели/навершия мечей (Литвинский, 1972; Гущина, Засецкая, 1994; Безуглов, 2000; Малашев, Яблонский, 2008; Малашев, 2014; Красноперов, 2007, 2015 и др.). Эти изделия имеют значительный хронологический «разброс» (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) и происходят из памятников, территориально достаточно сильно удаленных от территории Прикамья, при этом, среди них обнаружены и декорированные экземпляры (Памир, Усть-Лабинская, Красный Яр, Старая Майна II) (Литвинский, 1972, табл. 47: 1; Гущина, Засецкая, 1994, с. 22, 65, табл. 40: 362; Малашев, 2014, рис. 3: 1; Казаков, 1987, рис. 2: 17).

Самая удаленная от Прикамья находка – наглазники из блях-раковин, найденные на памирских¹² могильниках I тыс. до н.э. Можуташ II, Кзыл-Рабат, Шаймак, Андемин I (Литвинский, 1972, с. 17, 26, 29, 141–142, табл. 47: 1–3). В сарматских некрополях I–III вв. н.э. – Кобяковском (Прохорова, Гугуев, 1992, рис. 8: 45, 46), Усть-Лабинском (Гущина, Засецкая, 1994, с. 22, 65, табл. 40: 362, кат. 362–368) найдены раковины, использовавшиеся в качестве деталей (подвесок) сбруйных наборов. В материалах Цемдолинского могильника подобные сбруйные подвески выполнены из перламутра (Аспургинане., 2008, с. 79–82, рис. 66: 5; 67: 5; с. 124–127; рис. 102: 2; рис. 103: 2; с. 164). Одна раковина обнаружена в кургане «Рошава Драгана» (могильник Чаталка, Болгария) (Буюклиев, 1995, с. 38, рис. 1: 2; 3: 3).

Предметы из раковин, использовавшиеся как навершия мечей, фиксаторы или подвески португей найдены в Западном Казахстане и на Нижнем Дону – в Лебедевском (Мошкова, Демиденко, 2010, с. 256, 259, рис. 2: 4), Покровском 10 (Малашев, Яблонский, 2008, с. 18, рис. 162: 5), Первомайском VII (Мамонтов, 2000, с. 19, рис. 17: 17), Камышевском (Безуглов, 2000, с. 178, 186, табл. I, рис. 4: 9) могильниках, в некрополе Красный Яр

¹¹ Как указано выше, вид раковин определялся только дважды (Памир, Прикамье), в других публикациях указано – «раковина», «ископаемая раковина», «кость», «известняк?», «черноморская устрица», «перламутр».

¹² На Памир раковины попадали из Индии, где они встречались в мегалитических сооружениях (Литвинский, 1972, с. 141–142, табл. 47: 4, 5).

¹⁰ Для блях из раковин складывается «цепочка» (Причерноморье – Прикамье): сбруя → меч → пояс.

(Малашев, 2014, с. 133, рис. 3: 1). Здесь же можно упомянуть находку костяного предмета из Кызыл-Кайнар-Тобе, служившую накладкой/амулетом меча (Мерциев, 1970), круглое изделие из раковины из кургана 4 могильника в урочище Кызыл-Кайнар (Максимова, 1972, с. 137, рис. 5: 3)¹³, а также алтайскую находку известняковой (?) подвески из разрушенного погребения Ераски (Егоров, 1993, рис. 2: 2). Предметы из раковин обнаружены в материалах Маяцкого могильника второй половины I тыс. н.э. (Флеров, 1984, рис. 13: 10, 11; 18: 9; 20: 2), этим временем датируются перламутровые экземпляры неясного назначения из Сельментаузенского (Багаев, Мамаев, 2009, с. 130, рис. 3: 123, 124) и Даргавского (Дзаттиаты, Успенский, 2016, с. 150; с. 152, рис. 2; с. 153, рис. 3: 6, 7; с. 154) некрополей.

По мнению Т.И. Останиной, раковины поступали к населению правобережья р. Камы в III–IV вв. н.э. и использовались преимущественно для украшения поясов; в V в. н.э. – к населению правобережья р. Белой и шли на изготовление шейных и нагрудных украшений (Останина, 1997, с. 62–63, рис. 9: 3–5; 13: 1–4). Е.В. и Р.Д. Голдины (2010, с. 176) отмечают, что раковины поступали в Прикамье сухопутным (но не волжским) путем из Средней Азии – на это указывают находки раковин в могильниках Покровка 10 и Лебедевка VI. А.А. Красноперов считает, что «концентрация находок на восточном побережье Черного моря позволяет считать этот район источником импульса. Как они (предметы и идея) двигались далее на Каму пока не ясно. Но не по Волге» (Красноперов, 2015, с. 98). В.Ю. Малашев, описывая контакты представителей позднесарматской культуры с населением лесостепной и лесной полосы Поволжья и Приуралья, отмечает, что «...серия блях, порой входящих в комплект портупей степного населения, происходит из погребальных памятников оседлого населения Прикамья, что может свидетельствовать о происхождении данных специфических предметов в позднесарматских погребениях» (Малашев, 2014, с. 133, рис. 3: 1, 2, 5–10).

По результатам анализа в качестве обобщающих можно выделить следующие моменты:

- среди 1768 могил семи некрополей мазунинского времени (III–V вв. н.э.) Удмуртского Прикамья (правобережье) в 91 погребении (94 умерших) найдено 134–135 экземпляров блях-раковин (табл. 1);

- максимальное количество раковин использовалось в качестве поясных накладок – 123–124 экземпляра (табл. 5), 8 блях входили в состав жертвенных комплексов, 3 раковины имели отношение к мечам (навершие, портупея) (табл. 2);

- раковины найдены в могилах умерших всех возрастных групп – от новорожденного до людей 50–60 лет, наибольшее количество – в возрастной группе 20–45 лет (табл. 3); преобладают индивидуальные захоронения;

- у женщин раковины найдены в составе поясных наборов (29 погребенных) и жертвенных комплексов (5), у мужчин – поясных наборов (10) и как принадлежность мечей (3) (табл. 2);

- преобладающее положение поясов с бляхами – вдоль или по телу умершего (66 случаев), других вариантов положения меньше (табл. 3);

- у мужчин больше ремней из 3 элементов (5 поясов), у женщин – из 2 (11), в целом, преобладают пояса с наборами из 3 (30) или 1 (28) элемента, наличие 4 элементов в наборе – единично; количество элементов в поясе и их набор достаточно стабильны, хотя иногда встречаются исключения – крючки, пряжка, халцедоновый диск (табл. 4);

- в целом, пояса с бляхами чаще являлись принадлежностью женского костюма;

- в преобладающем количестве могил с раковинами обнаружен и другой погребальный инвентарь;

- большое количество блях на поясах с различными наборами металлической гарнитуры местного производства позволяет говорить о том, что раковины поступали в Прикамье в виде сырья, которое затем использовалось для изготовления необходимой для местного населения продукции.

ЛИТЕРАТУРА

Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Некрополи Черноморья. Вып. II / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008. 304 с.

¹³ А.Г. Максимовой изделие интерпретировано как пряслице (расчищено у бедренной кости с правой стороны – возможно, поясная накладка).

Багаев М.Х., Мамаев Х.М. Сельментаузенский раннесредневековый могильник в Чечне // РА. 2009. № 1. С. 125–139.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С.16–193.

Бернц В.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Сарапульском районе Удмуртской Республики летом 2002 г. Ижевск, 2003 / Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 405.

Бернц В.А. К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Материалы международного научного симпозиума (Ижевск, 29 июля – 1 августа 2003 г.) и международной научно-практической конференции (Ижевск, 22–24 июня 2005 г.) / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 351–389.

Бернц В.А. Категория «пояс» среди материалов мазунинского времени в Удмуртском Прикамье: к историографии вопроса // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Вып. 3. Ижевск, 2014. С.93–100.

Бернц В.А. Бляхи-раковины в погребальном обряде населения Прикамья (по материалам мазунинских погребений Тарасовского могильника) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию. XX Уральское археологическое совещание: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Ижевск, 25–29 октября 2016 г.) / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2016. С. 199–204.

Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // РА. 1995. № 1. С. 37–46.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV–V вв. // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7. / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск–Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С.123–141.

Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7. Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск-Свердловск: б/и, 1967. С.85–116.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. С. 156–195.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 724 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. I // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2.(20) С. 42–72.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИИ КВАЭ. Т. 22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / Российская археологическая библиотека. Вып. 1. СПб.: «Фарн», 1994. 172 с.

Дзаттиаты Р.Г., Успенский П.С. Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии // РА. 2016. № 2. С. 150–168.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири / Ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1993. С. 77–80.

Казаков Е.П. II Старомайнский могильник // Археологические исследования в Среднем Поволжье / Отв.ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1987. С.114–119.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Материалы II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (Самара, 17–20 ноября 1997 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П. Об этнокультурных контактах населения западного Закамья с народами Урало-Прикамья в IV–XII вв. н.э. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной

Европы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 111–123.

Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.). Дисс... канд. ист. наук. Т. II. Ижевск, 2006. 269 с.

Красноперов А.А. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина – середине III – середина VI вв. н.э.). Доклады конференции // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3 / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 108–111.

Красноперов А.А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. (Алматы, 12 – 15 декабря, 2011 г.) Т. II / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 228–238.

Красноперов А.А. Предкавказье и Прикамье: контекст изменения функций предмета в средне- и позднесарматское время // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. С. 96–110.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972. 274 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Максимова А.Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1972. С. 123–138.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, 12–15 мая 2014 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (УАВ. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: «Восточная литература» РАН, 2008. 364 с.

Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2000. 194 с.

Мерциев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-Тобе I–IV вв. и захоронение на нем война IV–V в. // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука. КазССР, 1970. С. 79–92.

Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Археология степей Восточной Европы и Кавказа в финале поздней бронзы и в эпоху ранних кочевников. МИАР. №13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.

Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия / Рец. М.М. Мартынова. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26–92.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 326 с.

Покровский могильник. Каталог археологической коллекции / Сост. Т.И. Останина. Ижевск, 1992. 96 с.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 117–134.

Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование. Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 203 с.

Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского грунтового могильника // УАВ. Вып. 6–7. Уфа: Гилем, 2007. С. 89–110.

Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. С. 142–199.

Черных Е.М. Отчет о работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2004 года. Ижевск, 2005 / Архив ИИКНП. Ф.2. Д. 438.

Информация об авторе:

Бернтс Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе 1 категории, кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

THE USE OF SHELL PLATES BY THE POPULATION OF THE UDMURTIA IN THE 3RD-5TH CENTURIES AD (CASE STUDY OF THE BURIAL GROUNDS DATA)

V.A. Bernts

The article analyzes the practical use of shell plates by the population of the Kama Region in the 3rd-5th centuries A.D. (the Mazunino stage of the Cheganda culture of the Pyany Bor group of cultures). The seven burial grounds of the Udmurt region (Boyarka ('Arai'), Zabor'ye, Izhevsk, Mazunino, Pokrovskoye, Tarasovo and Chepanikha) containing that category of artefacts were studied. As a result, it was found out that the shells were used mostly as a belt plates. They also were included in ritual complexes or used as swords pommels or (occasionally) served as sword holders on a shoulder belt.

Keywords: archaeology, Udmurt region, burial ground, shells plates, belt set, Mazunino stage, Cheganda culture, Pyany Bor group of cultures

About the Author:

Bernts Veronika A. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru.

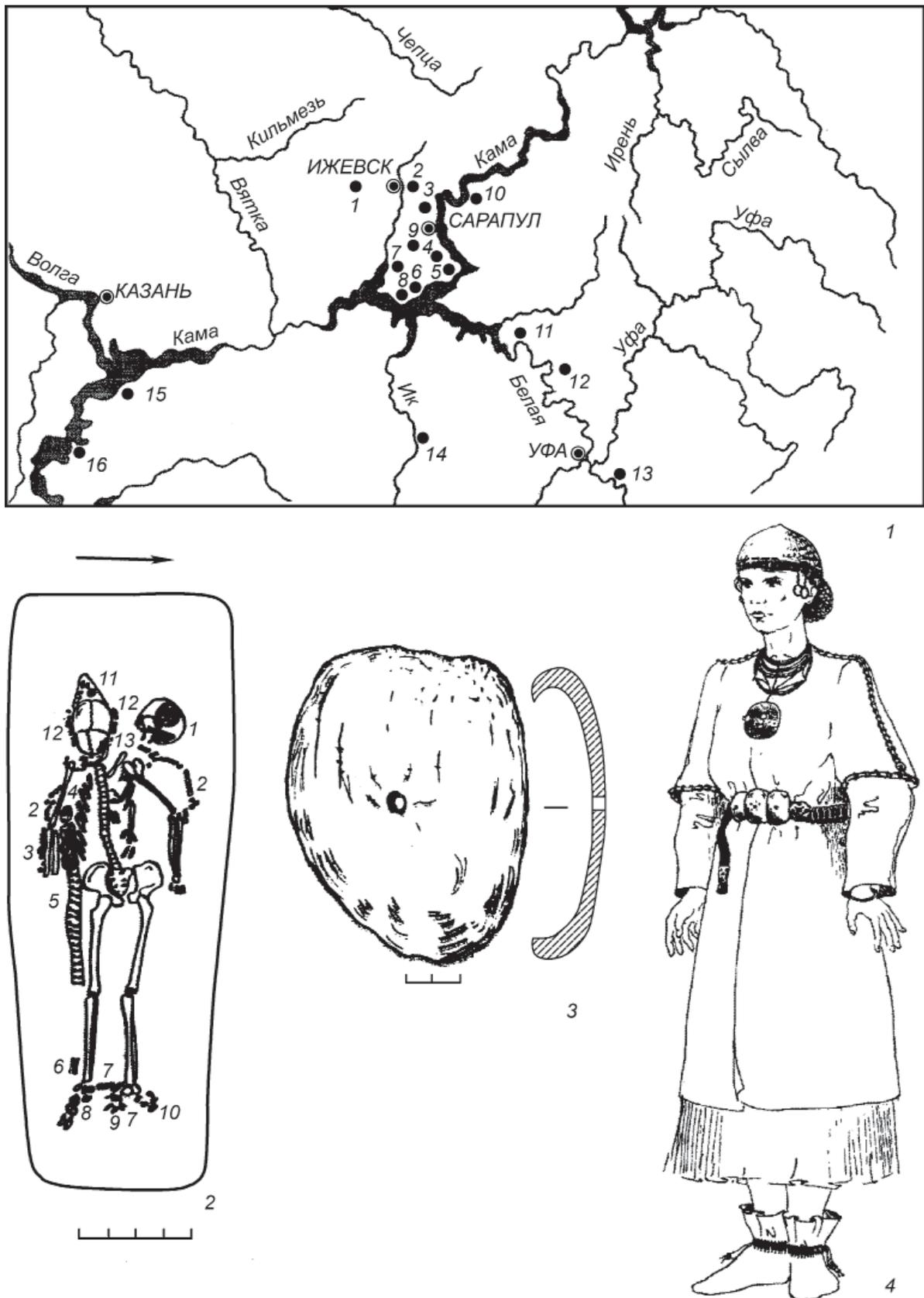

Рис. 1. 1 – карта-схема могильников I тыс. н.э. Прикамья и территориально близких к ним некрополей, в погребальном инвентаре которых найдены бляхи-раковины: 1 – Покровский; 2 – Ижевский; 3 – Чепанихинский; 4 – Мазунинский; 5 – Тарасовский; 6 – Боярский («Арай»); 7 – Заборьинский; 8 – Нырғындынский I; 9 – Афонинский; 10 – Сайгатский; 11 – Ангасякский; 12 – Бирский; 13 – Охлебининский; 14 – Ново-Саськульский; 15 – Коминтерновский II; 16 – Старомайнский II. 2–4 – Покровский могильник, погребение 220: 2 – план погребения (Покровский могильник, 1992, рис. 25:2); 3 – бляха-раковина (там же, рис. 32: 5); 4 – реконструкция костюма (Останина, 1997, рис. 74).

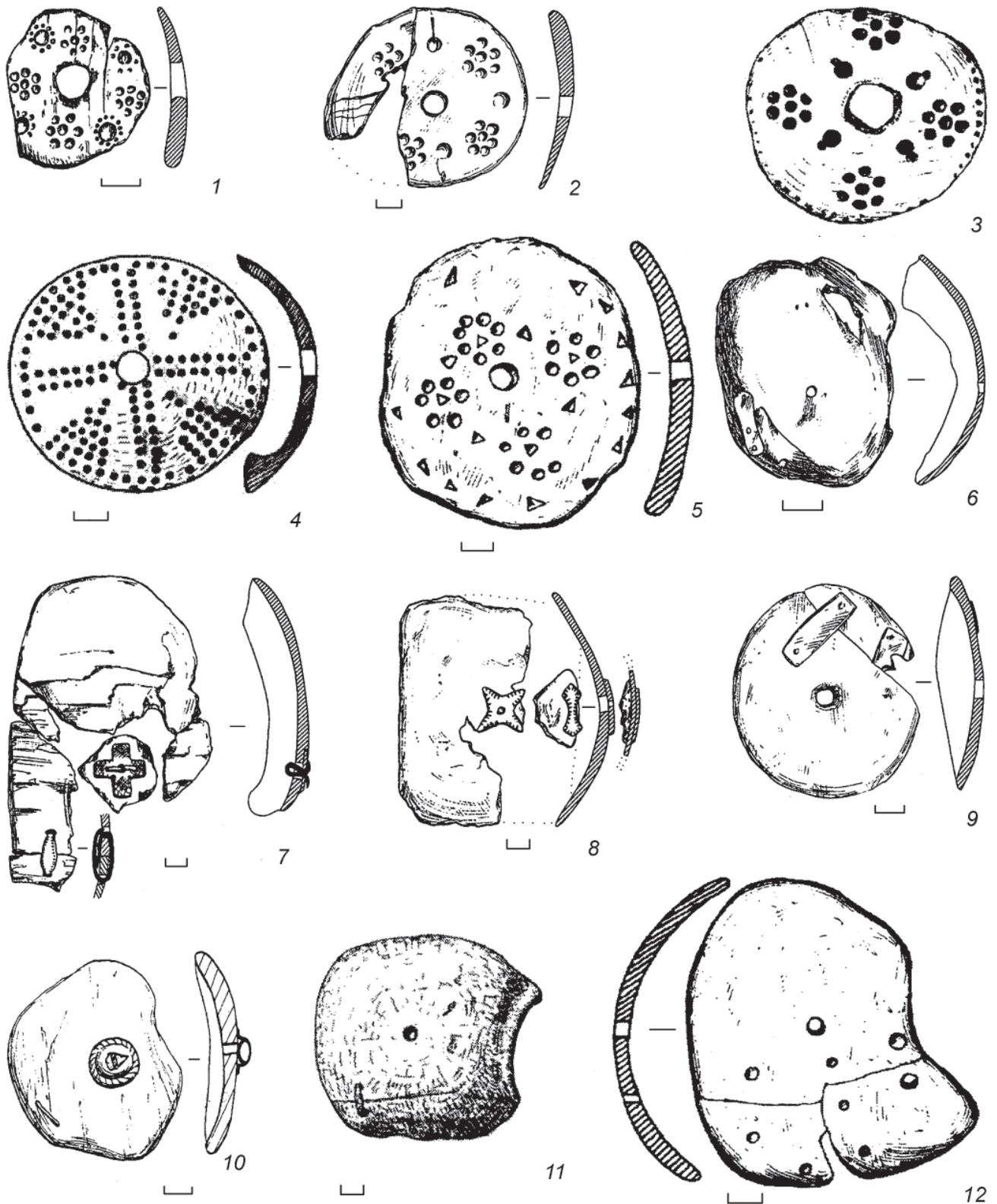

Рис. 2. Бляхи-раковины. Тарасовский могильник: 1 – погр. 4 (держатель меча); 2 – погр. 450А (пояс); 6 – погр. 298 (ж/к); 7 – погр. 306А (пояс); 8 – погр. 52 (пояс); 9 – погр. 69А (ж/к); 10 – погр. 717 (пояс) (Голдина, 2003, табл. 2: 24; 19: 2–3; 26: 1–10; 128: 1–5; 132: 1–2; 196: 28; 307: 1–3). Покровский могильник: 3 – погр. 220 (Покровский могильник, 1992, рис. 31: 11). Ижевский могильник: 4, 11 – погр. 5 (пояс); 5 – погр. 77 (пояс); 12 – погр. 83 (пояс) (Генинг, 1967, табл. II, 14, 15; Останина, 1984, табл. 8: 3, 19).

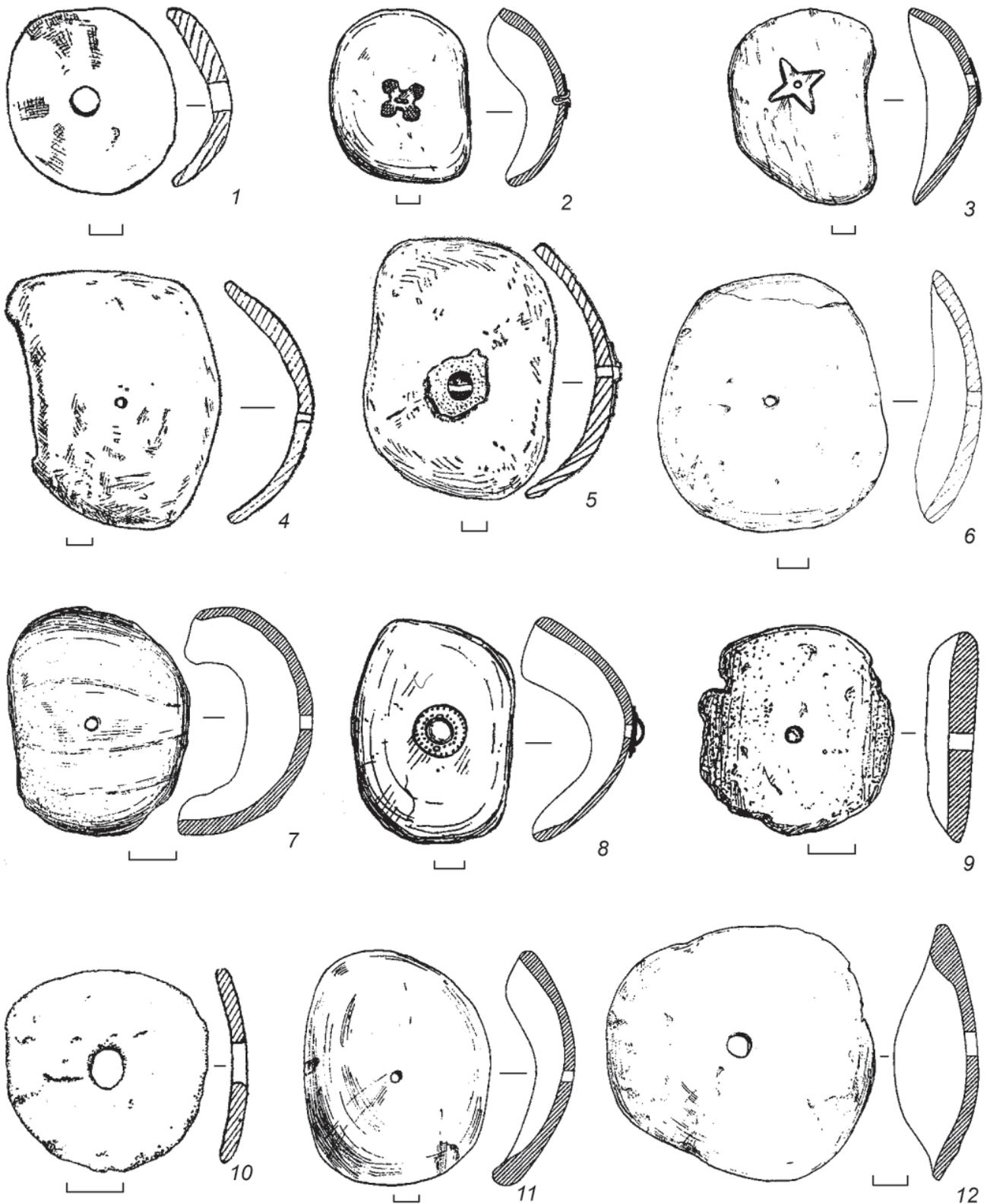

Рис. 3. Бляхи-раковины. Ижевский могильник: 1 – погр. 39 (пояс); 4 – погр. 63 (пояс); 5 – погр. 61 (пояс) (Останина, 1984, табл. 2: 10; 5: 6, 12). Тарасовский могильник: 2, 8 – погр. 132 (пояс); 3 – погр. 717 (пояс); 6 – погр. 565 (пояс); 7 – погр. 101А (пояс); 9 – погр. 447В (пояс); 11 – погр. 316 (пояс); 12 – погр. 1741 (пояс?) (Голдина, 2003, табл. 34: 8; 48: 10–2, 3; 143: 29; 194: 16; 242: 1–2; 307: 1–1; 644: 13). Чепанихинский могильник: 10 – погр. 12 (пояс) (Останина, 1984, табл. 25: 23).

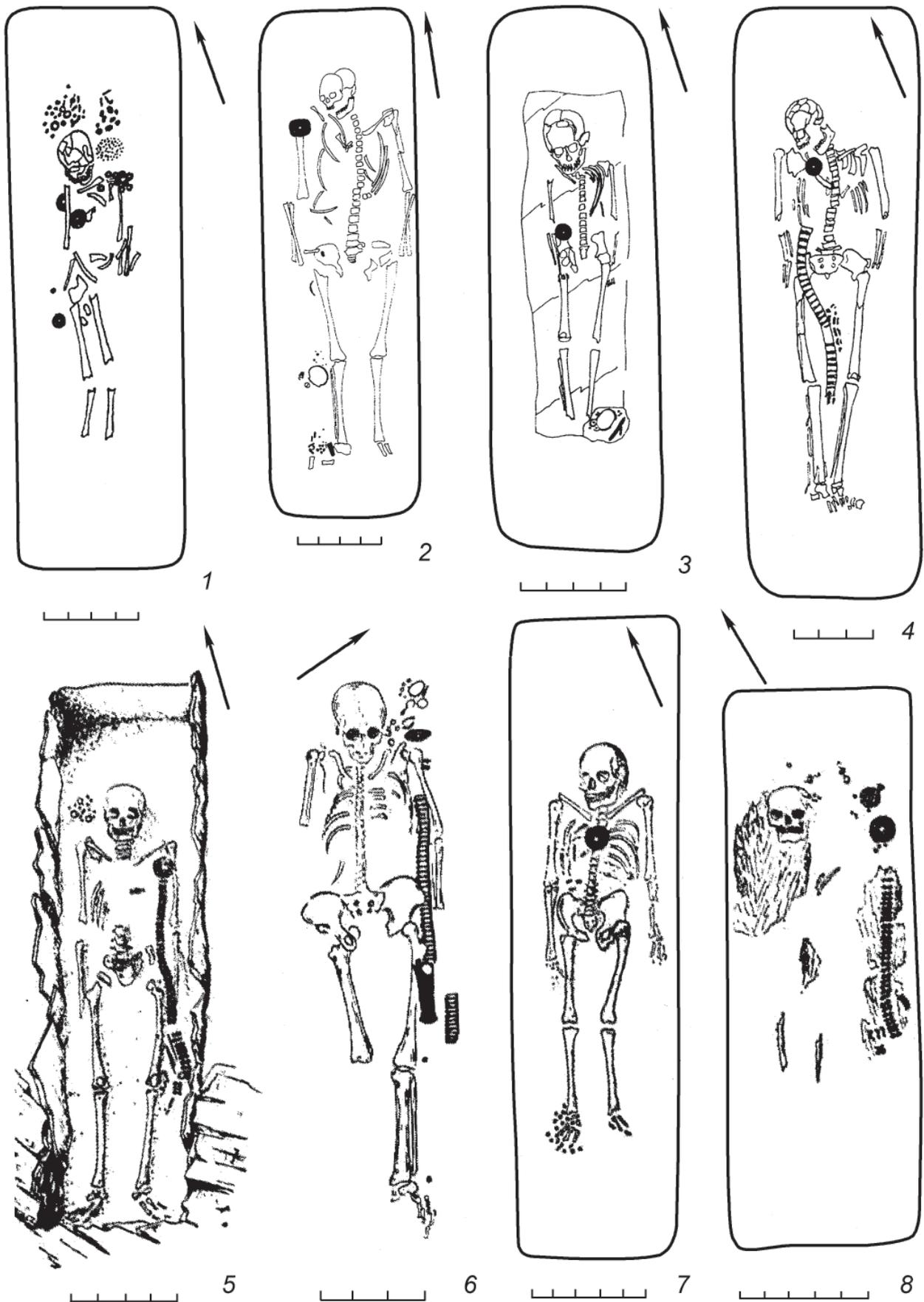

Рис. 4. Планы погребений, в которых найдены бляхи-раковины. Тарасовский могильник: 1 – погр. 136 (пояс); 4 – погр. 565 (пояс) (Голдина, 2003, табл. 52; 242). Заборьинский могильник: 2 – погр. 2 (пояс); 3 – погр. 26 (пояс) (Бернц, 2006, рис. 3; 16). Мазунинский могильник: 5 – погр. 47 (пояс); 7 – погр. 3 (пояс); 8 – погр. 50 (пояс) (Генинг, Мырсина, 1967, рис. 4; 5; 6). Ижевский могильник: 6 – погр. 8 (пояс) (Генинг, 1967, рис. 5).

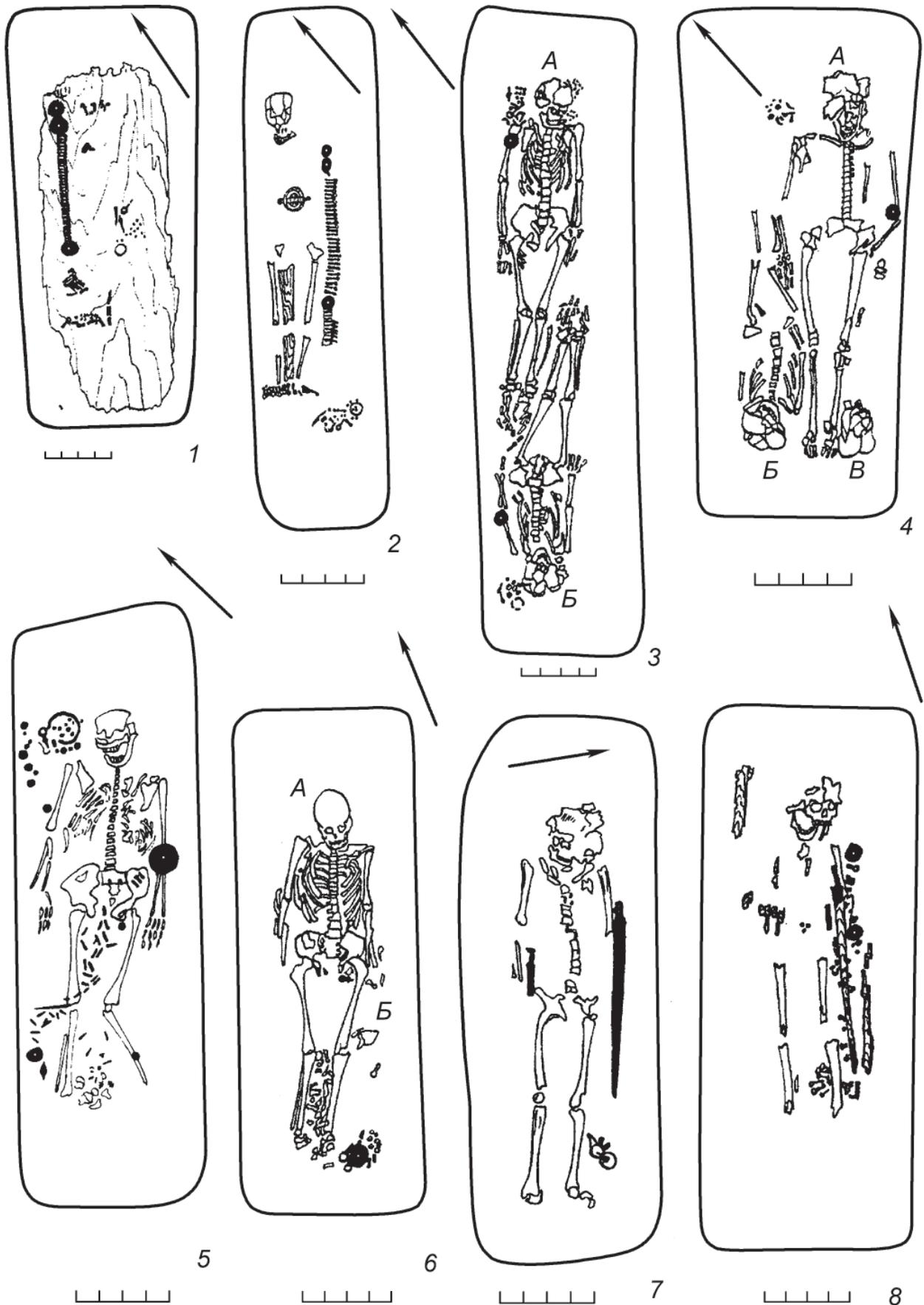

Рис. 5. Планы погребений, в которых найдены бляхи-раковины. Тарасовский могильник: 1 – погр. 51 (пояс); 2 – погр. 107 (пояс); 3 – погр. 101 (пояса); 4 – погр. 128 (пояс); 5 – погр. 1754 (пояс); 6 – погр. 69 (ж/к); 8 – погр. 4 (держатель меча) (Голдина, 2003, табл. 2; 18; 26; 34; 37; 44; 648).
Покровский могильник: 7 – погр. 26 (навершие рукояти меча) (Покровский могильник, рис. 3: 2).

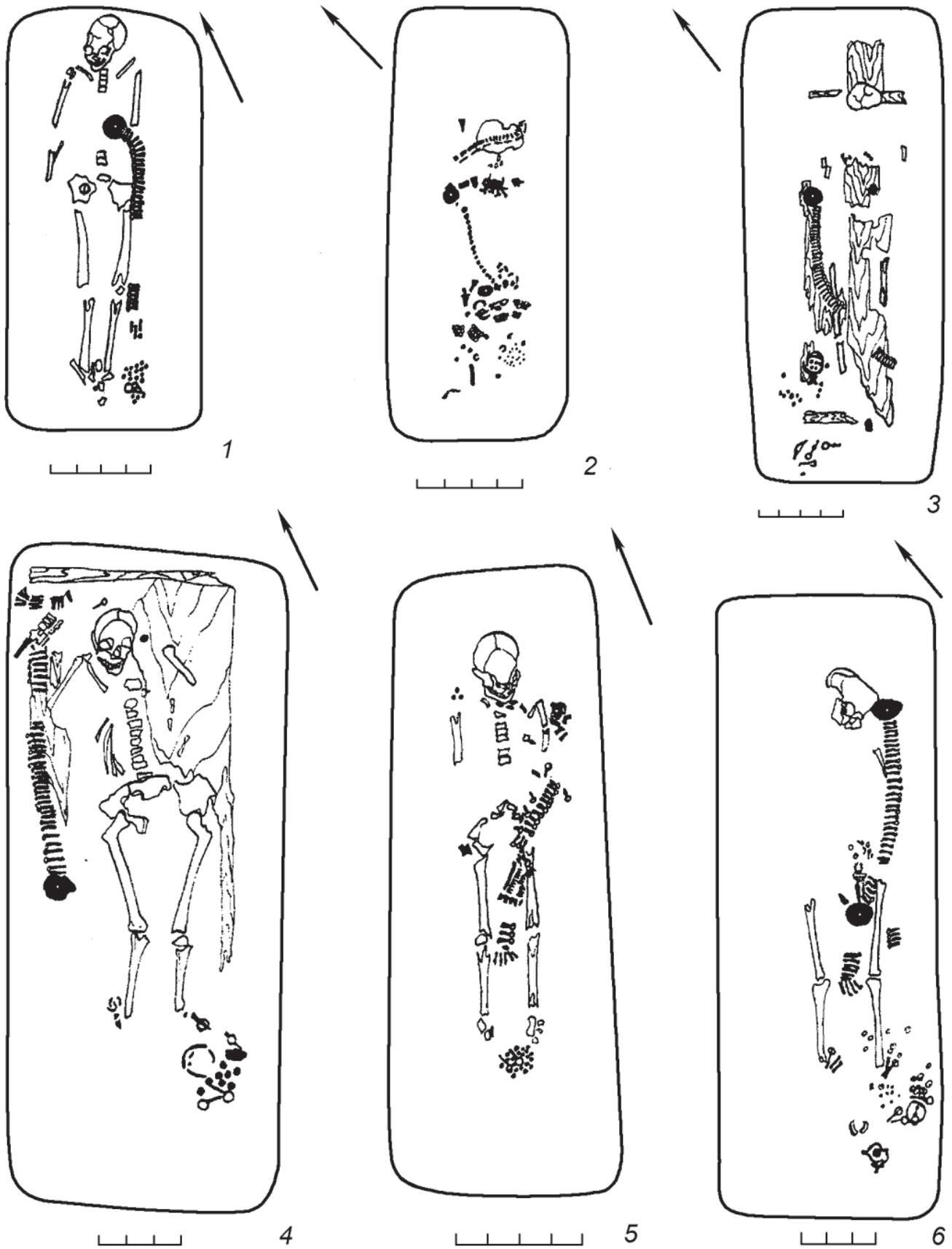

Рис. 6. Планы погребений, в которых найдены бляхи-раковины. Тарасовский могильник: 1 – погр. 15 (пояс); 2 – погр. 116 (пояс); 3 – погр. 52 (пояс); 4 – погр. 308 (пояс); 5 – погр. 137 (пояс); 6 – погр. 307 (пояс) (Голдина Р.Д., 2003, табл. 7; 19; 41; 53; 134; 137).

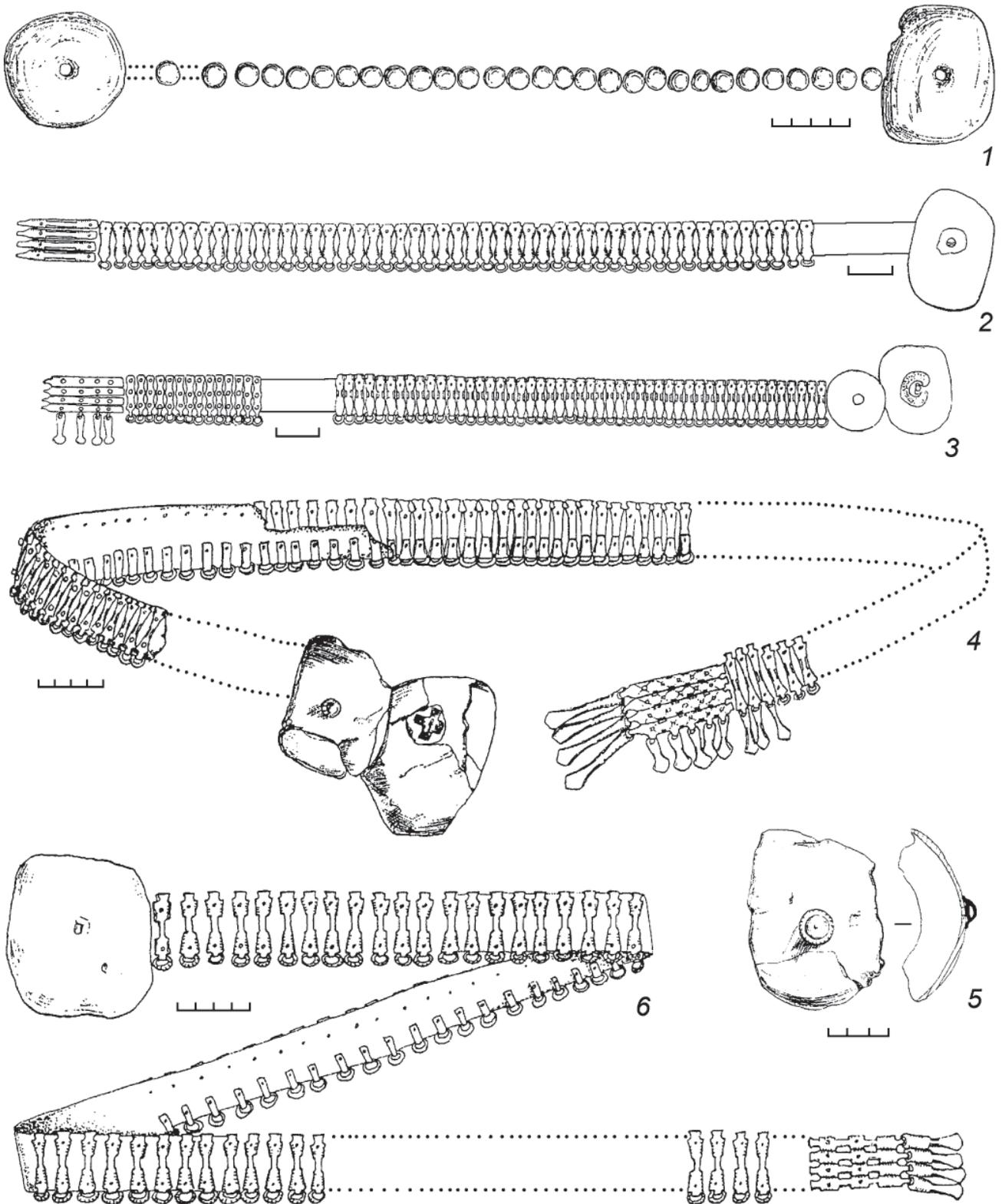

Рис. 7. Схемы вариантов реконструкций поясов, бляхи-раковины. Тарасовский могильник: 1 – погр. 116; 4, 5 – погр. 306А; 6 – погр. 308 (Голдина, 2003, табл. 41: 27; 132: 1; 138: 1). Ижевский могильник: 2 – погр. 61; 3 – погр. 48 (Останина, 1984, табл. 23: 1, 2).

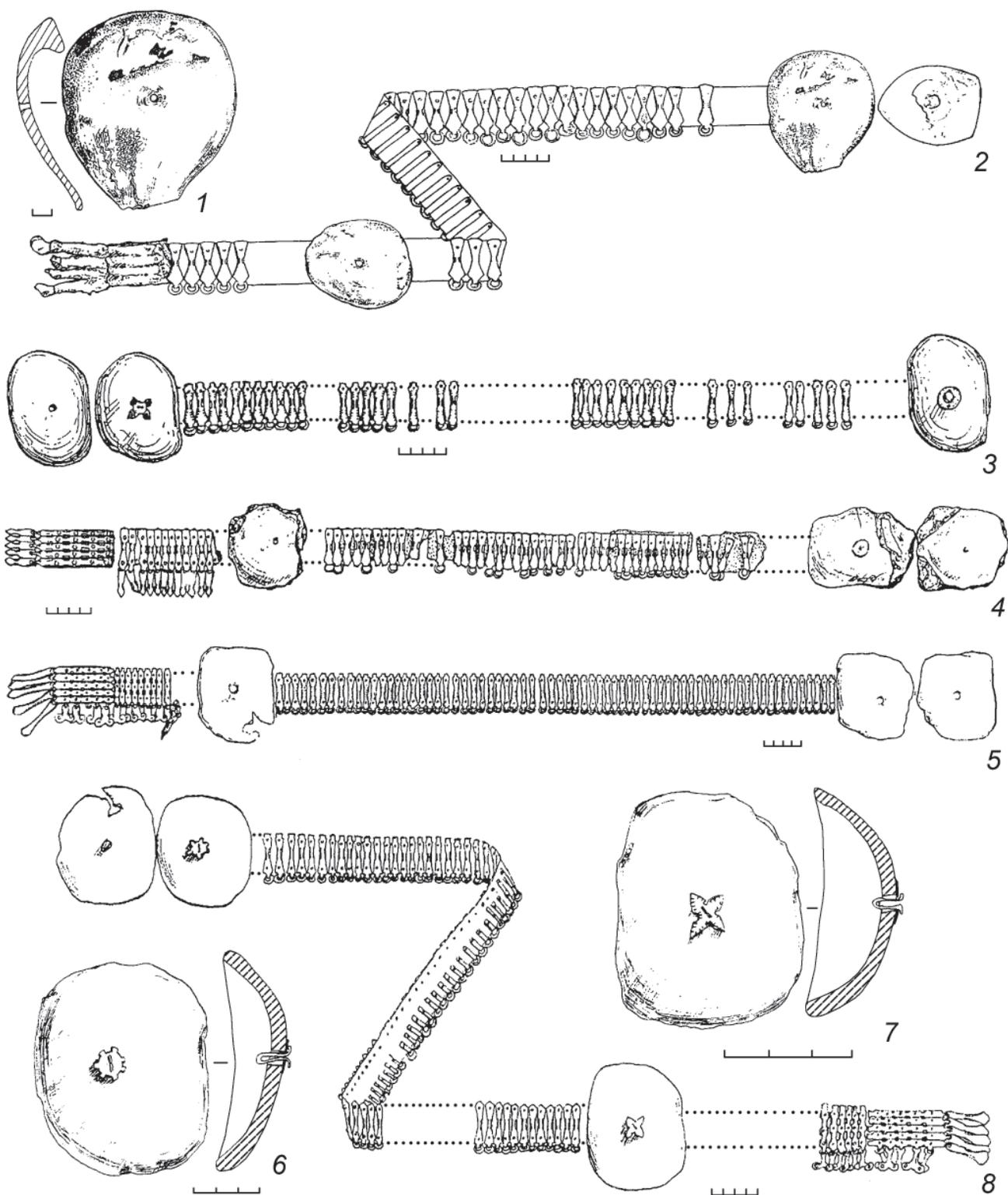
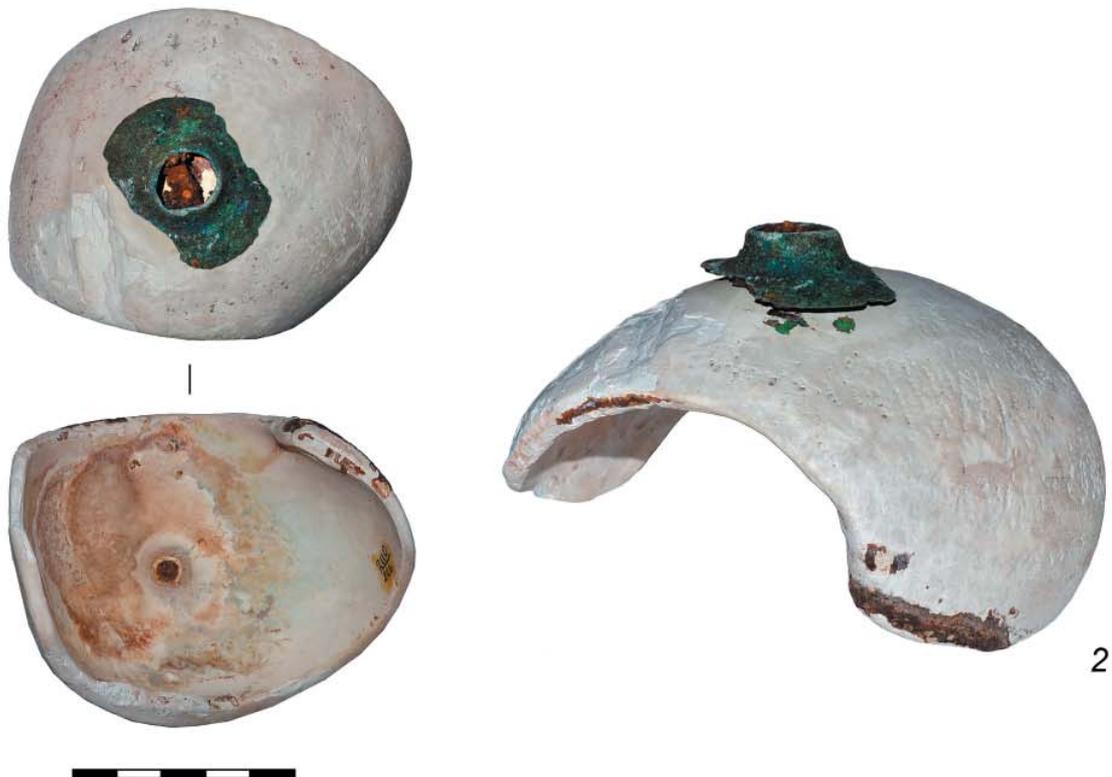

Рис. 8. Схемы вариантов реконструкций поясов, бляхи-раковины. Заборьинский могильник: 1, 2 – погр. 30 (Бернц, 2006, рис. 21: 1; 22: 9). Тарасовский могильник: 3 – погр. 132; 4 – погр. 107; 5 – погр. 51; 6–8 – погр. 307 (Голдина, 2003, табл. 18: 44; 37: 3; 48: 10; 136: 1).

1

2

Рис. 9. Заборьинский могильник, погребение 30. 1 – фрагмент погребения (фото В.А. Бернц); 2 – бляхараковина (Бернц, 2003, рис. 120; 126: 2) (масштаб указан для изображений лицевой и оборотной сторон раковин) (фото Т.Р. Сабирова)

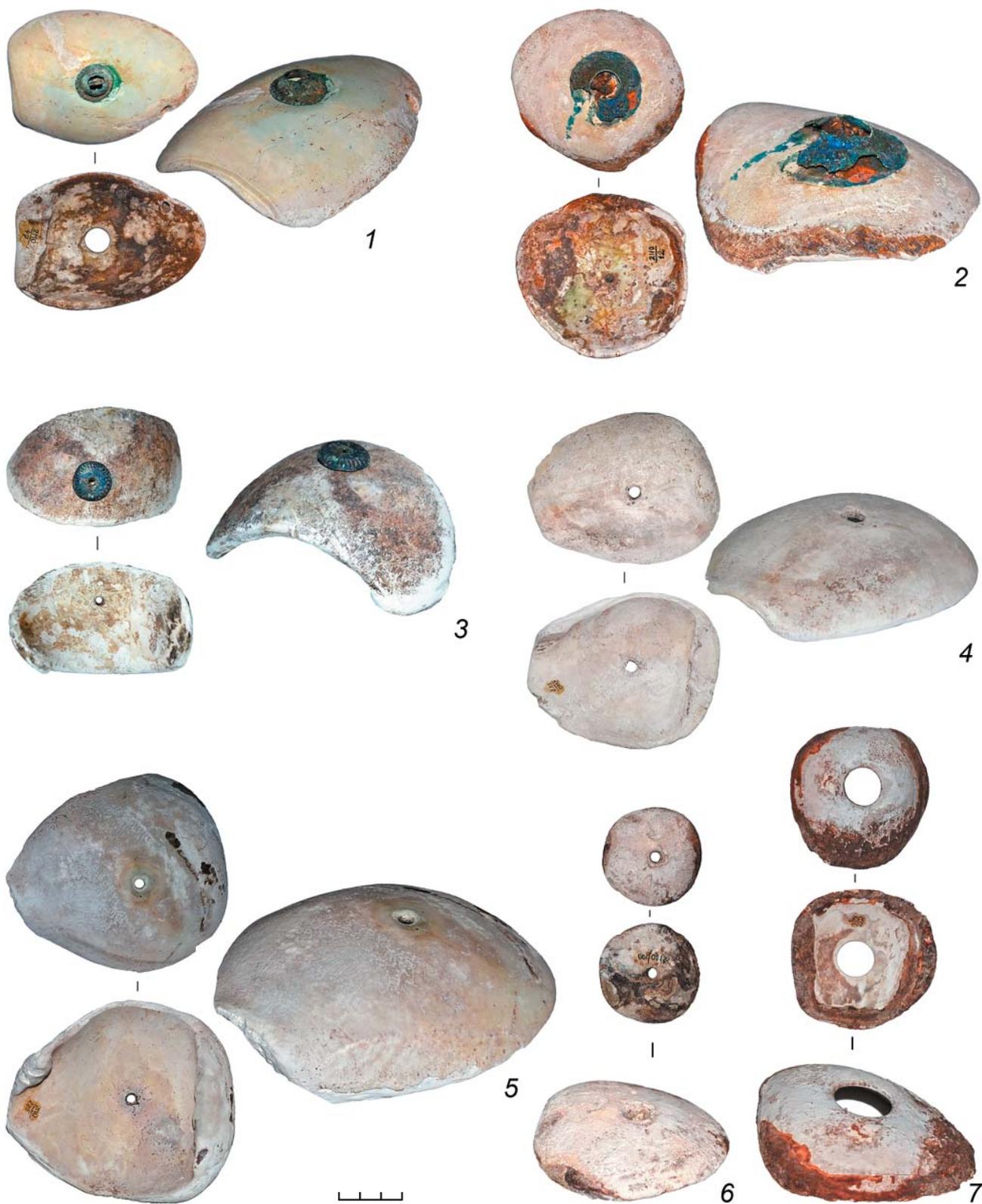

Рис. 10. Бляхи-раковины Заборьинского могильника: 1 – погр. 13; 2 – погр. 15; 3 – погр. 24; 4, 5 – погр. 30; 6 – погр. 22; 7 – погр. 26 (Бернц, 2003, рис. 54: 1; 62: 1; 74: 1; 89: 1; 102: 3; 126: 1, 3) (масштаб указан для изображений лицевой и оборотной сторон раковин) (фото Т.Р. Сабирова)

УДК 902.01

АЗЕЛИНО: ДВИЖЕНИЕ НА ВОСТОК. НАХОДКИ АЗЕЛИНСКИХ ВЕЩЕЙ К ВОСТОКУ ОТ ОСНОВНОГО АРЕАЛА

© 2018 г. А.А. Красноперов

В статье рассмотрены случаи обнаружения предметов азелинских типов в комплексах мазунинской культуры. На основании составленного каталога находок определяются особенности распространения азелинских вещей к востоку от собственно азелинского ареала. Движение происходило однонаправленно – с запада (из азелино) на восток (в мазунино); обратное движение было минимальным. Механизм продвижения различен: распространение вещей (отдельные предметы) и продвижение людей с вещами (наборы предметов в одном комплексе).

Ключевые слова: археология, Прикамье, среднесарматское время, позднесарматское время, мазунинская культура, азелинская культура, погребения, контакты

Азелинская культура обладает специфическим для нее набором культурных типов (рис. 1), позволяющих однозначно определять принадлежность. К ним относятся (Генинг, 1963; Никитина, 1999; Лещинская, 2014): планки с S-видными спиралями, ажурные планки с привесками, ромбическими и бутыльчатыми, круглые бляшки с такими же привесками, а также сами привески, кольцевые шейные подвески с тремя выступами-полугорошинами, и их модификации, концевые пронизки петлевидной, лучевой форм, подтреугольные концевые пронизки с кругами, характерные лапчатые концевые пронизки двух основных модификаций, коньковые подвески трех основных групп, с привесками и без, трехчастные (круг-ромб-круг) накладки головного убора с привесками, застежки-бляхи с гравированными кругами и зажимом, застежки с парой птиц, сюльгамы, эполеобразные застежки, прогнутые, с овальной бляхой и специфической технологией, пластинчатые и наборные нагрудники и ажурные передники с конями, уплощенные гривны с наколами, гривны с халцедоновыми дисками, витые височные подвески на деревянной основе, кольца-перстни, вертикальные, кольцевые, шумящие подвески, пронизки-уточки с петелькой и гравированным и «веревочным» декором, застежки с неподвижным крючком с обоймой, пряжки с длинным прогнутым щитком, поясные наборы с халцедоновыми дисками, пильчатые накладки, костяные наконечники-тупики, топоры-кельты. Характерными особенностями культуры в целом является разнообразный веревочный и пильчатый декор на предметах, большое количество костяных вещей, погребения с ремесленным инвентарем. Часть предметов имеет сходство с пьяноборскими, но они всегда легко отличи-

мы по мелким технологическим или декоративным признакам.

На многих памятниках мазунинской и нескольких пьяноборской культур встречены азелинские вещи (рис. 2). Они упоминались как «анalogии», но систематически никем не собирались¹. Есть затруднения с оценкой культурной принадлежности арочных (и связанных с ними) подвесок. Они не включены в каталог, их надо рассматривать отдельно. Сложно определение концевых пронизок асимметрично-ромбической формы (Афонино, п. 56, Пьяный Бор, сбор (2 экз.), Кулушево, сбор 1997 г., Тарасово, п. 570; Боярка, п. 176а, Сасыкуль, п. 13, Тарасово, п. 1130). В азелинских памятниках их нет; есть в Зарайске (Aspelin, 1878, №920) и Шипово, п. 110 (Овсянников и др., 2007, рис. 48: 16). Но я не рискну сказать, что эта форма привычна для пьяноборских материалов. Что удивляет, мазунинские вещи на запад практически не проникали. Всего несколько находок с шести памятников² (рис. 3): Аргыжское городище, клад

¹ Это вторая часть работы, посвященной рассмотрению пьяноборской и азелинской групп древностей. Точечной задачей является каталог находок азелинских типов к востоку от собственно азелинского ареала. Не использованы (а они там есть, напр.: (Голдина, Черных, 2011, рис. 42, справа сверху)) сведения из Боярского и Дубровского могильников (раскопки Е.М. Черных и частично В.А. Бернц). Второй из них еще раскапывается, и оба готовятся к публикации. Часть материалов первого памятника мне известна (Черных и др., 2003; 2004). Не учтены находки на Кипчаковском могильнике – они мне не известны.

² Ошки (Лещинская, 2000), Кордон (Лещинская, 1987), частично Худяки (Голдина, 1987) и Мари-Луговая (Халиков, 1962; Архипов, 1978), некоторые погребения Рождествено V (Старостин, Кузьминых, 1978; Старостин, Петренко, 1984) и Тюм-Тюма

(височная подвеска, бабочковидная фибула) (Черных и др., 2002, рис. 81: 6, 83: 8), Вичмар, п. 8 (головной убор)³ (Худяков, 1929, табл. 6: 5, ГЭ 625/35), Уржумка, п. 15 (головной убор) (Никитина, 1999, рис. 51: 5), Рождествено V, п. 273 (височная подвеска) (Старостин, 2009, рис. 42: 8), Рождествено V, п. 99 (хвостовик ножен) (Там же, рис. 21: 1), Суворово, пп. 3, 7, 28 и Азелино, пп. 3, 10 (височные подвески) (Генинг, 1963, табл. I: 1, 8)⁴.

По категориям, распределение представлено в таблице №1.

Несколько групп азелинских предметов нужно отметить отдельно, их атрибуция не так однозначна, распространение несколько отличается.

Трижды в пьяноборских комплексах⁵ встречены прогнутые обувные застёжки (рис. 21): Кипчаково I, п. 5/2006 (Зубов, 2010, рис. 9.3: 19, 23) (рис. 22А), Кипчаково II, п. 2/2014 (Зубов, Сатаров, 2015, рис. 5: 1, 2)⁶ (рис. 22Б), Ст. Чекмак I⁷, п. 33. И трижды схожие предметы отмечены в азелинских погребениях: Худяки, п. 26 (Голдина и др., 2014, табл. 70: 8, 9; МДСИКВМ 1689/99, 100) (рис. 23А), Первомай, п. 16 (Голдина и др., 2014, табл. 151: 16, 20) (рис. 23Б), Мари-Луговая, неизв. (Горюнова, 1934, рис. 6:

8); в первых двух они очень похожи, третья близка, но не идентична, все три случая – накладки. Из пьяноборских находок в Кипчаково II – накладки, в Кипчаково I и Ст. Чекмаке I – застёжки с неподвижным крючком. Чекмакские отличаются наличием декора в центральном поле. Имея равное количество находок, нельзя уверенно утверждать о культурной принадлежности предметов. Но прогнутые формы не характерны для пьяноборских материалов, и, наоборот, весьма показательны для азелинских. Комплексы Кипчаково I, п. 5/2006 (Зубов, 2010, рис. 9.1-9.3) и Ст. Чекмак I, п. 33 очень схожи между собой. Их объединяют большое количество ажурных накладок (различающихся типов) и пластинчатые обоймы⁸.

Сюльгамы встречаются в пьяноборских памятниках, но простых форм. Для азелинских характерны более сложные образцы, предметы с «разрастающимися» и «трубчатymi» «усами» обычны еще западнее. Необычность для пьяноборских форм, и, напротив, «западность» облика, позволяют предположить, что сюльгамы с трубочками из Афонино, п. 96 (рис. 7: 3) и Ныргында I, п. 271 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 149: 2) (рис. 7: 4) как-то связаны с азелинским ареалом. Хотя точных соответствий я не знаю.

Ажурные передники с конями недавно обстоятельно рассмотрены Д.Г. Бугровым (Бугров, 2015, с. 10–14), из восточных отмеченных одну находку в полемской культуре (Полом, сбор 1906 г., фрагмент, ГЭ 606/906) (Иванов, 1997/1998, рис. 10: 3) и одну в неволинской (Верх-Сая, к. 42/п. 1, фрагмент) (Голдина, 2012а, табл. 7: 5).

Сразу оговорюсь, что для хронологии это нам практически ничего не даст, т.к. хронологии азелина также не существует, кроме наиболее обоснованной и *соответствующей материалу* схемы Д.Г. Бугрова, представленной в докладе «К вопросу о разграничении поздних и пост-азелинских памятников» на Итоговой научной конференции ИА им. А.Х. Халикова 17.02.2016 г. и так и не опубликованной. Но некоторые ориентиры возможны.

Вертикальные пронизки-собольки (определение вида условно) очень специфичны. В азелинских материалах найдены всего один раз – Первомай, п. 13, но в 2-х экземплярах (Голдина и др., 2014, табл. 147: 5, 7;

(Ошибкина, 1979) издавались ранее. Но ссылки даны по последним полным публикациям. Рисунки Нармонки и Рождествено V выполнены плохо. Тюм-Тюм изуродован публикацией. Так, то, что коньковая подвеска из Тюм-Тюм, п. 60 имела петли для привесок видно только на фотографии (Ошибкина, 2010, табл. 91: 1в; иллюстрация без подписи, идентификация моя – КАА). На двух так называемых «рисунках» (Ошибкина, 2010, табл. 31: 21; 75: 5) этого не показано. В дневнике раскопок нет ссылок на рисунки. Комплексы некоторых могил (напр., Тюм-Тюм, пп. 34, 73) в таблицах отсутствуют.

³ Возможно, еще Суворово, п. 11 (Генинг, 1963, табл. I: 15). Определение сомнительное, проверить по отчету невозможно, там данных нет.

⁴ Все *суммарные* определения В.Ф. Генинга сомнительны.

⁵ Известных мне на осень 2016 г.

⁶ В коллекции 1347 Кировского музея хранится единичная пластина с петлями на обороте по всем длинным сторонам. Происхождение неизвестно: "Зюздинский р-н, Чудской берег р.Князьвы, Бисеровская вол.". Еще два экземпляра известны Д.Г. Бугрову. Один из азелинского ареала, другой из пьяноборского (Чижевский и др., 2017, с. 60 – прим. 3, рис. 9: 1)

⁷ Памятник несколько десятилетий готовится к изданию. Теперь – Д.Г. Бугровым.

⁸ Предположительно связанные происхождением с крымскими и прибалтийскими памятниками.

МДСИКВМ 1689/28,29). И еще по одной находке в двух пунктах далеко на востоке: Броды, п. 24/1899⁹ (ГЭ 565/298, стар.№2363, экспозиция, зал 24, витр. 30) (Пермский край, неволинская культура), и Малково, к. 1/п. 1 (Боталов, Полушкин, 1996, рис. 4: 19; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 16: 19) (Челябинская обл., позднесарматская культура).

Учитывая внешнее сходство и редкость находок можно было предполагать хронологическую близость, и, соответственно, связь, пронизок-собольков (рис. 24). Но это не так.

В.Ю. Малашев обстоятельно доказал, что сарматских памятников IV в. на Южном Урале нет, культура прекращает существование на этой территории не позднее кон. III в. (Малашев, 2007, с. 115; 2009, с. 49, 50; 2013а, с. 6, 15, 19). Узкие наконечники-подвески с двухскатной поверхностью и треугольной площадкой у основания из Малково, к. 1/п. 1 (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 16–17, 20) (рис. 25) являются местным вариантом этого типа наконечников, датируемым второй половиной III в. (Малашев, Яблонский, 2008, с. 58; Малашев, 2013б, с. 94, 105; 2014, с. 133), но без его конца (Кривошеев, Малашев,

2016, с. 139–140). Характерные особенности пряжек (Голдина и др., 2014, табл. 146: 4, 5, 8) – загнутый до середины диаметра приостренный прямой язычок с уступом сзади, овальная чуть утолщенная спереди рамка – и наконечника (Голдина и др., 2014, табл. 146: 9) – средней длины, с цилиндрическим расширением – позволяют относить комплекс Первомай, п. 13 (рис. 26) к первой половине – середине IV в., никак не позднее третьей четверти IV в. Значительно позднее Броды, п. 24/1899 (рис. 27А). Оснований для прямой датировки в самом погребении нет, но информативна пряжка (рис. 27Г: 1). Находки этого типа Р.Д. Голдина (Голдина, 1970, прил., табл. 38: 21; Голдина, 1985, табл. IX: 31, 32; ЛП: 30; Голдина, Кананин, 1989, рис. 48: 7) отметила в Агафоново I, п. 10, Агафоново I, п. 126, Аверино, яма уч. ТУ/11, Аверино, сбор, Плесо, клад¹⁰, а также в Неволино, п. 102 (Голдина, 2012б, табл. 18: 3), Верх-Сая, к. 70/п. 1 (Голдина, 2012а, табл. 24: 4), Верх-Сая, п. 118 (Голдина, 2012а, табл. 24: 12).

В Агафоново I, п. 10 пряжка (Голдина и др., 1980, табл. III: 22) (рис. 27К) была единственной находкой (Голдина, Прокопов, 1969о, с. 9–10). Яма Аверино¹¹, уч. ТУ/11 примыкает к могиле Аверино, п. 108, где найдены (Голдина, 1975о, рис. 179: 108) удила, железные наконечники стрел, бляшка с личиной (Голдина, 1985, табл. XX: 25; Голдина, Кананин, 1989, рис. 53: 42). В самой яме (Голдина, 1975о, рис. 193, слева-внизу): пряжка (Голдина, 1985, табл. IX: 25; Голдина, Кананин, 1989, рис. 47: 41), два наконечника типа (Голдина, Кананин, 1989, рис. 49: 9), наконечник типа (Там же, рис. 49: 4), накладка типа (Там же, рис. 49: 18), верхняя часть накладки типа (Там же, рис. 49: 31), псевдопряжка типа (Там же, 1989, рис. 49: 38), и часть тордированной гривны типа (Там же, рис. 55: 9) (рис. 27В). Состав находок близок к Агафоново I, п. 126. В этом комплексе (Прокопов, 1970о, с. 36, рис. 153) (рис. 27М) пряжка рассматриваемой формы (Голдина и др., 1980, табл. XXVII: 12) найдена вместе (Голдина и др., 1980, табл. XXVII: 8–11) с накладкой, наконечниками и псевдопряжкой варианта 1а или 1в (Гавритухин, 1996а, с. 33), четвер-

⁹ Вещь переиздавалась (Голдина, Водолаго, 1990, табл. XLII: 15), но без атрибуции комплексу. В «журнале раскопок» Н.Н. Новокрещенных за 1899 г. вещи указаны по номерам полевой описи, в которую занесены *типы предметов*. (ДАК 2/1899, л. 21об): Костяк выгнуто на спине, головой на 3, вещи: пряжка №17 (ДАК 2/1899, л. 15) (ГЭ 565/299, стар. №2364), пронизка со вздутиями №131 (ДАК 2/1899, л. 30), пронизка-соболек и птицевидная пронизка №143 (ДАК 2/1899, л. 31) (ГЭ 565/297, 298, стар.№2363), височное кольцо №173 (ДАК 2/1899, л. 33) (ГЭ 565/302, стар. №2367) и фрагменты от шарика подвески, подвеска №122 (ДАК 2/1899, л. 30) (ГЭ 565/306, стар. №2371); 20 стеклянных и 11 сердоликовых бус, 2 кремневых наконечника. Поясная привеска с пронизками и полным набором бус приведена на фототаблице с планшета (ДАК 2/1899, л. 46, верхняя левая фотография, вертикально по центру), но она смонтирована из двух низок (не совпадает количество и материал бусин). На том же листе пряжка, височная подвеска и подвеска (правее и выше). Под шифром (ГЭ 565/296, стар. №2362, экспозиция) хранится низка из 26 бусин, из которых 11 «сердоликовых» (часть, судя по всему, хрустальных), – не совпадает количество стеклянных бусин. Под шифром (ГЭ 565/307, стар. №2371, 2372а) хранится низка из 29 бусин, из них 11 хрустальных, 1 сердоликовая, остальные стеклянные, – не совпадает количество и материал бус. Пряжка из этого комплекса (Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXVIII: 26) при публикации ошибочно приписана к п. 49 (Голдина, Водолаго, 1990, с. 168, стб. 2). Как целый комплекс публикуется впервые (рис. 27Г).

¹⁰ По А.А. Спицыну (1902, табл. XVI: 12) – «Аннинская вол.». По И.Я. Кривошекову (1914, с. 114–115), кроме трех разных кладов, были именно сборы.

¹¹ Раскопками 1990 г. установлено, что памятники «Аверино I» и «Аверино II» являются единым могильником, который следует именовать без цифрового обозначения (Кананин, 1990о, с. 2).

того, «агафоновского», этапа по А.К. Амброзу (1973, с. 291, 293, 295, 297) или второй стилистической линии третьего горизонта геральдических ремней Волго-Уралья (Гавритухин, 1996б, с. 85), «не ранее середины, а в основном – второй половине VII в.» (Гавритухин, 2001а, с. 32). Очевидно, с ними связана пряжка из Ильинского музея (рис. 273)¹². Несколько отличающаяся декором пряжка из Аверино, п. 10 (Голдина, Кананин, 1989, рис. 48: 10) (рис. 27Б), найденная с топором типа (Голдина, Кананин, 1989, рис. 58: 9), удилами (Голдина, Кананин, 1989, рис. 60: 2), наконечником стрелы, ножом и трапецевидной железной пряжкой (Голдина, 1976, рис. 152). В Верх-Сая, к. 70/п. 1 (рис. 27Е) пряжка найдена вместе с наконечником подвесного ремешка (Голдина, 2012а, табл. 6: 56) с боковыми выступами и прорезью в виде замочной скважины (ср.: (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 45: 28)), в Верх-Сая, п. 118 (рис. 27И) – с цельнолитой пряжкой с квадратной обоймой (Голдина, 2012а, табл. 6: 50) и одночастной накладкой (Голдина, 2012а, табл. 6: 57) с рогатой верхней частью и повторяющей ее очертания нижней (ср.: (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89: 50)). Вторая пряжка (Голдина, 2012б, табл. 18: 2) из Неволينو, п. 102 (рис. 27Д) относится к большой, но не разработанной группе лировидных цельнолитых со щитовидной обоймой. А.И. Айбабиным рассмотрены варианты без щитка, с фигурным щитком, а из пряжек с геральдическим щитком – только экземпляры с прорезным декором (вариант 3) (Айбабин, 1990, с. 41). Важным признаком считается профилированное ложе для язычка (Гавритухин, 2001б, с. 119). Лировидные пряжки с обоймой и без нее многочисленны на Кавказе: Чир-Юрт (Ковалевская, 2005, рис. 45: 19; 51: 43; 58: 12, 14; 62: 1, 5, 19, 20; 63: 19; 69: 14; 70: 4; 74: 16), Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 51: 8; 75: 4; 116: 4; 117: 2) – в том числе с монетами¹³: Мокрая Балка, кат. 74 – *602–610 гг. (Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 87: 8), кат. 114 – 578 г. (Там же, рис. 128: 3), кат. 115 – 579–590 гг. (Там же, 2001, рис. 130: 10), кат. 117 – 613–641 гг. (Там же, рис. 134: 11), кат. 124 – неопред. (Там же,

¹² Еще одна, с железным язычком, из раскопок 1908 г. на Поломском I могильнике (ГЭ 1665/176) (информация А.Г. Иванова).

¹³ По А.П. Руничу все монеты определял Э.В. Ртвеладзе (Рунич, 1975, с. 147, прим. 14). Отдельно опубликованы не все (Ртвеладзе, Рунич, 1976). Значком * помечена индикация.

2001, рис. 153: 4) – и др. Лировидные формы появляются в периоде ШБ (втор. пол. VII в.), и получают распространение в периоде ШВ (пер. пол. VIII в.) могильников Кисловодской котловины (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 61, 67), и с этого времени известны пряжки с вытянутыми «губами» (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 62). Те же изменения происходят в фазе «с» Колькельд-Фекетекапу (Гавритухин, 2001б, с. 81, 89, 119, 154), в финале средне– – начале позднеаварского периодов (Гавритухин, 1996б, с. 73). Пряжка с трапецевидной «горошчатой» рамкой найдена в Алтынасар-4, п. 191 (Левина, 1996, рис. 128: 24), но комплекс (рис. 27Ж) неинформативен – только костяной наконечник стрелы; близок и экземпляр из аварского могильника Тисафюред, п. 125 (Гавритухин, 2001б, рис. 16: 1, с. 85) (рис. 27Н). Хронологически выделяется пряжка из Редикор, п. 32 (Крыласова, 2001, рис. 114: 2) (рис. 27А). Вторая пряжка, изданная как происходящая из этой же могилы (Крыласова, 2001, рис. 114: 2), и набор пронизок на 300–400 лет моложе, что делает комплекс крайне сомнительным; возможно, находки перепутаны при хранении¹⁴.

Несмотря на похожесть, все три находки пронизок-собольков разнородны и не отражают контакты (взаимодействие) между культурами.

Более ранняя (2–я стадия развития, конец II – середина / вторая половина III в.) датировка (Обломский, Терпиловский, 2007, с. 119, 120, 123) эмалевой подвески (Старостин, 2002, рис. 14: 2; Бугров, 1994, рис. XIII: 2) из Нармонка, п. 15 (с «плетеной» лошадкой) корректируется фасетированной накладкой/наконечником-подвеской (Старостин, 2002, рис. 14: 10), близкой к типу Малашев–Н6 (Малашев, 2000, рис. 8В: 1; 9А: 3), или Храпунов–Х1 (Храпунов, 2008, рис. 7: 5, 6) – вторая половина III–IV в. (Храпунов, 2008, с. 69–70), вторая треть IV в.¹⁵ (Малашев, 2000, с. 210), и тремя (на рисун-

¹⁴ Погребение с номером 32 раскопано И.А. Лунеговым 4 июля 1970 г., траншея 1, кв. 24 (Лунегов, 1970, нумерация листов начинается заново по каждой могиле). Описание погребения совпадает с опубликованным планом. Графика соответствует рисункам И.А. Лунегова. Фотографии вещей (л. 32/3–4) полностью другие. (В работе с архивом содействовала Н.С. Горшкова).

¹⁵ Треугольное расширение с нач. IV в., секировидное – со второй трети. У нармонского экземпляра «переходная форма».

ках только две¹⁶) пряжками (Старостин, 2002, рис. 14: 5, 7) с невыступающим слабо прогнутым язычком с площадкой у основания и почти круглым щитком с загнутым краем – признаком рубежа III/IV и первых десятилетий IV в. (Малашев, 2000, с. 207). Пара практически таких же пряжек (Старостин, 2009, рис. 15: 4, 5) найдена в Рождествено V, п. 73 (с «плетеной» лошадкой).

Комплекс Тюм-Тюм, п. 94 с коньковой подвеской без привесок (Ошибкина, 2010, табл. 45: 1), по декору конской упряжи (Ошибкина, 2010, табл. 40: 7; 46: 11) входит в единую группу с Тюм-Тюм, п. 102 (Там же, табл. 52–53), Суворово, п. 15 (Генинг, 1963, табл. V: 12), Рождествено V, п. 117 (Старостин, 2009, рис. 24), Тарасово, п. 168 (Голдина, 2003, табл. 66: 7), Тарасово, п. 765 (Там же, табл. 331: 1–7; 333: 6–2), Тарасово, п. 1685 (Там же, табл. 618: 24, 25), Тураево, п. 171 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 122: 10–13), Ст. Мушта, р. III/к. 11/п. 8 (Сунгатов и др., 2004, рис. 51: 2–5), Бирск, п. 550 (МА БГУ 327/174), с. Бурцево/Покровское, сборы¹⁷, являющуюся одним из вариантов «всаднических комплексов», основной – нижнедонской – ареал которых относится ко второй половине II – первой половине III в. н.э. Перечисленные комплексы чуть позже¹⁸, но за пределы III в. не выходят. Еще одно погребение, Ошки, п. 14, с «веревочной» коньковой подвеской (Голдина и др., 2014, табл. 16: 19), принадлежит к кругу оригинальных «всаднических комплексов». Его дата в пределах последних десятилетий II – перв. четв. III в.¹⁹

В Рождествено V, п. 142, вместе с шейной подвеской (Старостин, 2009, рис. 26: 7) найдены монеты²⁰ Александра Севера (222–235 гг.) и Максимиана I (235–238 гг.) (Кропоткин, 1984, с. 139–140). Монеты этой группы (2–й период поступления в Барбарикум по К.В. Мызгину) связаны с событиями «скифских»/маркоманских войн. Они в целом синхронны памятникам, т.к. распространялись с участниками событий (Мызгин, 2008а, с. 298; 2008б, с. 69; 2009, с. 93; 2013, с. 226; 2017, с. 37) или опосредованно связаны с ними. Особенно это касается медных монет (Мызгин, 2008а,

с. 299; 2008б, с. 70), не имевших ценности металла.

Комплекс Нармонка, п. 16 (Овчинников, 2014, рис. 3–6) с одной из наиболее ранних по стилистике ажурных планок датируется не позднее сер. IV в. (Бугров, 2015, прим. 14). К IV в. относят фрагменты фибул из Степановка, п. 5, также с ажурной планкой, но более развитого типа, В.В. Гришаков (2009, рис. 6: 2, 3, с. 67). Фибула из Уржумка, п. 21, найденная с головным убором (Никитина, 1999, рис. 54: Б1), ажурной планкой (Там же, рис. 54: Б4), гладкой коньковой подвеской с привесками (Там же, рис. 54: Б7), относится к поздним модификациям двучленных сильнопрофилированных фибул II серии второй половины III – второй трети IV вв. (Гавритухин, 2010, с. 54–56, прим. 1). В нашем случае III в. можно исключить.

Концевые треугольные пронизки (Голдина и др., 2014, табл. 26: 22–24) из Ошки, п. 31 найдены вместе с лучковой фибулой (Там же, табл. 26: 21) 3–го по А.К. Амброзу (1966, с. 49–50) или 4–го по В.В. Кропотову (2010, с. 129, №610) вариантов серии I, которые «ни разу не встречены в комплексах второй половины III в. н.э.» (Кропотов, 2010, с. 80).

Заметна некоторая обособленность азелинских комплексов с рассмотренными группами находок. Один блок образуют комплексы с концевыми треугольными пронизками и с квадратными нагрудниками (дважды найдены вместе: Первомай, п. 20 и Кошкино). Объединяют их бляхи с рельефными валиками, относительно ранние эполетообразные застежки, бляшки с витым кантом (рис. 28).

Очень монолитна группа погребений с прогнутыми обувными застежками (рис. 28: А, Б). Она связана через находки бляшек с веревочным кантом, квадратные пластинчатые нагрудники, круглые бляхи с рассеченным радиусом с валиками (более пьяноборская, чем азелинская форма), эполетообразные застежки и концевые пронизки подтреугольной формы: Худяки, п. 26, Первомай, п. 17, Ошки, п. 25, Кордон, п. 12, Ошки, п. 28, Кошкино, Первомай, п. 20, Ошки, п. 12, Первомай, п. 32, Сендимиркино, п. 1, Первомай, п. 16, Первомай, п. 75. Это, скорее, указывает на восточный вектор связей (возможность зарождения прогнутых застежек еще в пьяноборской среде) и относительно (но не самую) раннюю позицию комплексов. Так же единая группа могил с концевыми подтреугольными пронизками (рис. 29), которая только частич-

¹⁶ Работавший с коллекцией И.О. Гавритухин нашел все три: МАРТ, №№ Нар.м.74/16, 121(2 экз.).

¹⁷ Доступно по URL: <http://www.archeo73.ru/ArcheoBulgars10/burzevo/nakladk1.JPG>

¹⁸ Как и южноуральский вариант, см.: (Малашев, 2007, с. 116; 2013а, с. 22).

¹⁹ Разбиралось на докладе в Туле в ноябре 2010 г.

²⁰ Определение В.В.Кропоткина.

но (квадратные пластинчатые нагрудники, бляхи с рассеченным радиусом и валиками) объединяется с предыдущей: Первомай, п. 20, Кошкино, Ошки, п. 31, Ныргында I, п. 299, Воробы, п. 1, Первомай, п. 19, Худяки, п. 114, Тюм-Тюм, п. 81, Ивановково, п. В63.

Второй блок образуют погребения с ажурными планками и с коньковыми подвесками. Коньковые (не-«веревочные») подвески сочетаются с наборными нагрудниками, бляхами с двумя зонами гравировок, гривнами с халцедоновыми дисками, поясами с халцедоновыми дисками и эполетообразными застежками развитых (но не поздних) форм, головными уборами с «зажимами с каплей» (рис. 30).

Более сложная комбинация у находок ажурных планок (рис. 31). Часть погребений группируется арочными передниками с конями и эполетообразными застежками (Нармонка, п. 16, Уржумка, п. 32, Уржум, п. 2, Уржумка, п. 21, Мари-Луговая, п. 12), но связи через кольцевидные подвески (Уржумка, п. 6, Первомай, п. 10, Арзобеяк, п. 2) и прямоугольные вертикальные планки-наконечники с двумя ромбическими привесками (Первомай, п. 3, Уржумка, п. 4) не кажутся столь существенными.

Мазунинские комплексы с коньковыми и шейными подвесками показывают эволюцию по вариантам фибул – бронзовых «простых» (Заборье, п. 2, Тарасово, п. 27+619; Нива, п. 77) и на железной основе (Тураево, п. 172 и 221). Тип асимметричных дуголенточных фибул связывает Ст. Кабаново, п. 20 и Ст. Кабаново, п. 152, в которых найдены шейные подвески.

Зажим бляхи из Тарасово, п. 312 найден вместе с фибулой типа Амброз–13/8 или Кропотов–8/2 (Кропотов, 2010, с. 209, №103). До Волги они бытуют в конце II–III вв., «в типичных сарматских захоронениях конца III – IV вв. н.э. ... до сих пор не отмечены» (Кропотов, 2010, с. 204). Южноуральские комплексы В.В. Малашев относит к 3–й хронологической группе, середина – вторая половина III в., с возможным захождением в начале IV в. (Малашев, 2000, с. 200, 201, 207; 2013б, с. 101–102, 105, 106).

В обрядовом плане большой интерес представляет связка Тарасово, п. 27 и Тарасово, п. 619, между которыми по прямой около 30 м, но в них найдены половинки одной коньковой подвески (предположила это и собрала их вместе Т.А. Лаптева). Очевидно, что если

могилы и не синхронны, то погребенные в них напрямую связаны.

Височные подвески, изготовленные в характерной азелинской технике, на деревянном равного диаметра стержне, встречены в Урманаево, п. 17 в сочетании с исключительно пьяноборскими типами вещей. Такой же пьяноборский и схожий между собой контекст демонстрируют Тарасово, п. 689 и Афонино, п. 167.

В хронологическом отношении самым ранним является Урманаево, п. 17 с исключительно пьяноборским набором, за ним следуют Тарасово, п. 689 и Афонино, п. 167, где сочетаются еще пьяноборские и уже азелинские вещи. Эти могилы дважды маркируют собой контакт: между прикамским и вятским населением и между позднепьяноборским и раннеазелинским наборами вещей.

Находки азелинских вещей к востоку от азелинского ареала приводят к вопросу-выводу: Каков механизм распространения?

Интенсивность взаимодействия показывает картография. Движение практически однонаправлено – с запада (из азелино) на восток (в мазунино). Обратное движение минимально, что странно и пока(?) не находит объяснения.

Большинство находок – единичные вещи, которые и могли попадать как отдельные предметы, вплоть до «сувениров». Но в нескольких случаях это наборы из более, чем одной вещи. Если в первой ситуации можно полагать распространение вещей, то во второй должны были двигаться люди-с-вещами, с целым комплексом.

Тем интереснее вторичная переработка азелинских типов – переделка ажурных планок в фибулы, и положение азелинских вещей среди погребального инвентаря – многие из них происходят из жертвенных комплексов, в то время, как на костяке найдены обычные мазунинские типы украшений (Ст. Кабаново, п. 20). Можно предполагать отражение известной в этнографии ситуации (Оятева, 1971, с. 112), когда невесту в дом принимали со стороны, она приходила со своим набором украшений, но, переходя в систему социальных отношений семьи мужа, надевала убор «мужней» стороны, снимала девичий убор, и он дальше по наследству не переходил. Тем интересней находка целой «шкатулки» вещей чисто мазунинских типов в кладе с азелинского Аргыжского городища. И своеобразие использования на Тураевском могильнике, где азелинские вещи включены как составные

части в мазунинский убор. Но Тураевский могильник – самый западный памятник, ближе всех находящийся к азелинскому ареалу, в потенциально более контактной зоне.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. 1 / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1990. С. 3–86, 175–241.
- Амброз А.К.* Рец. на: I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino Akademiae Kiado. Budapest, 1969, 93 С. // СА. 1973. №2. С. 88–98.
- Арбузова Н.Н., Старостин П.Н.* Остатки древних погребений в г. Уржуме // Новые страницы в истории Марийского края / Тр. МарНИИ. Вып. XXIII. Йошкар-Ола, 1971. С. 255–259.
- Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1988. 98 с.
- Архипов Г.А.* Захоронения с конем I тыс. н.э. в Марийском Поволжье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 172–180.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Мокрая балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.
- Ашихмина Л.И.* Альбом иллюстраций к отчету о работах Вычегодско-Вятского археологического отряда Коми филиала АН СССР в 1979 г. / Архив ИИКНП. Ф.2. б/н.
- Башенькин А.Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси / Славяно-русские древности. Вып. 3 / Ред. колл.: И.В. Дубов, И.Я. Фроянов, А.Н. Кирпичников. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 3–29.
- Беговатов Е.А.* Отчет по разведочным работам в районе Камского Устья Куйбышевского водохранилища в 1989 г. Казань, 1990 / Архив МА КГУ. Ф.3, Д.46.
- Беговатов Е.А.* Разведочные работы в низовьях р. Камы // Древности. Вып.36 / Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе / Под ред. Б.Я. Ставиского, А.А. Бурханова. М.; Казань: Gumanitara (Изд-во ТГГИ), 2003. С. 205–207.
- Бернц В.А.* К вопросу о традиционных элементах погребального обряда финно-угорского населения эпохи Великого переселения народов Удмуртского Прикамья (по материалам Заборьинского грунтового могильника) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. С. 351–389.
- Берс Е.М.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск., 1959. 84 с., VII табл.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 270 с.
- Боталов С.Г., Полушкин Н.А.* Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V вв. // Новое в археологии южного Урала / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178–193.
- Бугров Д.Г.* Предметы с выемчатой эмалью из Нижнего Прикамья // Историко-археологическое изучение Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1994. С. 33–38, рис. XIII.
- Бугров Д.Г.* Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. №4. С. 7–34.
- Васюткин С.М.* Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. / Под ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничниока. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.
- Васюткин С.М.* Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1967 г. / Архив ИА РАН. Р–1. №3513, 3513а.
- Васюткин С.М.* Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1970 г. / Архив КА БГУ. КАО–16 / Архив ИА РАН. Р–1. №4164, 4164а.
- Васюткин С.М., Горбунов В.С.* Отчет об археологических исследованиях в БАССР в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р–1. №4457, 4457а.
- Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 63–130.

Гавритухин И.О. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст / РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. С. 58–95.

Гавритухин И.О. Детали ременной гарнитуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст / РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996. С. 22–36.

Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // КЕС (из истории костюма). Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2001а. С. 31–86.

Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001б. С. 45–162.

Гавритухин И.О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Ч.1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2010. С. 48–68.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // КЕС: вопросы хронологии / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 28–86, вкладыш.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст / РСМ. Вып.3. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып.5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1963. С. 5–144, 158–160, 24 табл.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Ижевск: УРКМ, УГУ, 1970. 260 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Вып. 9 / Памятники ломоватовской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УРКМ; УГУ, 1970. С. 57–112, табл. 32–53, а–г.

Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях КВАЭ УдГУ в 1975 г. Ижевск, 1976 / Архив ИИКНП. Ф.2. Д.24 / ИА РАН. Р–1. №5764.

Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1987. С. 41–63.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Иллюстрации / Отв. ред. В.А. Бернц. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. н.э. в Пермском Предуралье / МИ КВАЭ. Т. 21. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012. 472 с.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИ КВАЭ. Т. 25 / Сост. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012а. С. 203–285.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – нач. IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / МИ КВАЭ. Т. 25 / Сост. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012. С.321–375.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) / МИ КВАЭ. Т. 17 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1989. 216 с.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1980. С. 3–66, 137–185, 2 табл.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИ КВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Макаров Л.Д. Дневники раскопок могильников первой половины I тыс. н.э. бассейна р. Вятки // Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Приложение I / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широбокова. Ижевск: б/и, 2014. С. 212–445.

Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск: УдГУ, 2007. 196 с.

Голдина Р.Д., Прокопов А.В. Отчет о раскопках Агафоновского могильника [в 1969 г.]. Свердловск, 1969 / Архив ИА РАН. Р–1. №4005.

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской республики / МИ КВАЭ. Т. 18. Ижевск: Сарапульская тип., 2011. 168 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно–угров / САИ. Вып. Е1–59. М.: Наука, 1979. 112 с.

Гопкало О.В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2008. 252 с., 2 вкл.

Горюнова Е.И. Мари–Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. №9–10. С. 171–179.

Гришаков В.В. Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско–Сурского междуречья. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2009. С. 57–80.

Гусенцова Т.М., Лантева Т.А. Комплекс эпохи раннего средневековья на Кошкинской стоянке (правобережье р. Вятки) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко–культурного наследия Евразии / Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35–летию со времени образования КВАЭ (Ижевск, 29–30 января 2008) / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2008. С. 358–365.

ДАК об археологических розысканиях Н.Н. Новокрещенных в Пермской губ. / Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 2/1899.

Достояние Республики: Каталог коллекций Национального музея Удмуртской Республики имени Кузубая Герда: к 95–летию основания музея / Отв. за вып. Р.Ф. Мартынова. Ижевск: Удмуртский издательский дом, 2015. 248 с.

Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно–грунтового могильника в 2006 г.) // УАВ. Вып. 10. Уфа: Гилем, 2010. С. 64–82.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Новый могильник пьяноборской культуры в Икско–Бельском междуречье // Известия Самарского НЦ РАН. Т. 17. Вып. 3(2). 2015. С. 537–547.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997/1998. 309 с.

Казаков Е.П. Новые материалы II–III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. / Отв. ред. Матвеева Г.И. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. С. 118–130.

Кананин В.А. Отчет об исследованиях в Афанасьевском р-не Кировской обл. летом 1990 г. Ижевск, 1991 / Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 298.

Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Каракулинском и Сарапульском р-нах УАССР летом 1980 г. Ижевск, 1981 / Архив ИИКНП. Ф.2. Д.122 / Архив ИА РАН. Р–1. №8113.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН. 2005. 398 с.

Кожевин Е.А. Об археологических исследованиях на территории поселения Ст. Майна (Богоявленское) // Краеведческие записки. Вып. 14 / Ред. совет: Ю.К.Володина и др. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2008. С. 21–30.

Кожевин А.Е. Раскопать чудо? Возможно! // Мономах. 2008. №4(55). Доступно по URL: <http://monomax.sisadminov.net/main/view/article/765> (дата обращения: 04.03.2018)

Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Хроноиндикаторы середины III – IV вв. н.э. из степных памятников Волго–Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто–Каспийского региона: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70–летию юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 138–147.

Кривошеков И.Я. Словарь географическо–статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 850 с.

Кропоткин В.В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо–сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 137–141.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ–Украина», 2010. 384 с., вкладыш.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2001. 257 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. 396 с.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИИКВАЭ. Т. 27 / Отв. ред. Н.Ф. Широкова. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья, 2014. 472 с.

Лецинская Н.А. Новый раннесредневековый могильник в бассейне Средней Вятки // Этнические и социальные процессы у финно–угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар–Ола: МарГУ, 1987. С. 64–80.

Лецинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников КВАЭ». Вып. 2. Ижевск: ИД «Удм. ун-т», 2000. 55 с.

Лецинская Н.А., Сенникова Л.А. Характеристика вещевого комплекса Баевского могильника // Атлас археологических памятников Кирово–Чепецкого района Кировской области. Кирово–Чепецк: б/и, 1995. С. 23–24, прил.: рис. 1–3.

Лунегов И.А. 1970 г. Редикорский могильник / Архив ПКМ, к/о /6152–6162 = 20712/5960–5970.

Мажитов Н.А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / Ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 117–130.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Отчет о раскопках Бирского могильника в БАССР в 1981 г. Уфа, 1982 / Архив ИА РАН. Р–1. №8674, 8674а.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / МИАД. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов н/Д: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. С. 194–232.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв.: позднесарматская или гунно–сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. №3. С. 111–121.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. №1. С. 47–52.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 25 с.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. / Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, 12–15 мая 2014 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (УАВ. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10 / МИАР. №9. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2008. 365 с.

Манюхин И.С. Позднекарагопольская культура // Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочуркина. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1996. С. 220–237.

Мызгин К.В. Некоторые аспекты политической и экономической истории населения Днепро–Донецкой лесостепи во второй четверти I тыс. н.э. по нумизматическим данным // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов (Germania–Sarmatia) / Отв. за вып. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград: Янтарный сказ, 2008. С. 68–87.

Мызгин К.В. Римские монеты на черняховских памятниках междуречья Днестра и Северского Донца (к вопросу о времени появления черняховской культуры в регионе) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: ГМЗ «Куликово Поле», 2008а. С. 291–303.

Мызгин К.В. О новых находках римских монет на территории Харьковской обл. // *Ostrogothica*. Археология Центральной и Восточной Европы позднеимперского времени и эпохи великого переселения народов. Сб. научн. тр. к 10-летию Германно-Славянской АЭ ХНУ им. В.Н. Каразина / Отв. ред. К.В. Мызгин. Харьков: Тимченко А.Н., 2009. С. 91–100.

Мызгин К.В. Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления // *Stratum plus*. 2013. №4. С. 217–234.

Мызгин К.В. О хронологии поступления золотых римских монет на территорию Юго-Восточного Барбарикума // *Нумизматические чтения Отдела нумизматики ГИМ 2017 года* / Отв. ред. Е.В. Захаров. М.: РИА «Внешторгиздат», 2017. С. 35–40.

Мясников Н.С. Этнокультурные процессы в чувашском Поволжье в I–VIII вв. н.э. в свете археологических данных / Научн. докл. ЧГИГН. Вып. 13. Чебоксары: б/и, 2013. 72 с.

Мясников Н.С. Археологические памятники первой половины I тыс. н.э. Сурско-Свияжского междуречья. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 510 с.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. // *МАВГР*. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. М.: Тип. Н.М. Шарапова, 1899. С. 42–74.

Никитина Т.Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / *Тр. МАЭ*. Т. V. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1999. 228 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.)* / РСМ. Вып. 10 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141, 287–315.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овчинников А.В. Новые материалы с Рождественского V и Нармонского могильников азелинской культуры // *Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты*. Т. I / Отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 11–17, 245–252.

Останина Т.И. Нивский могильник III–V вв. н.э. // *Материалы к ранней истории населения Удмуртии* / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР, 1978. С. 92–117.

Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск: УРИО «Алфавит», 1992. 96 с.

Ошибкина С.В. Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // *КСИА*. Вып. 158 М.: Наука, 1979. С. 71–79.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм III–IV вв. / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Оятева Е.И. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы // *АСГЭ*. Вып. 13 / *МИА СССР*. Л.: Аврора, 1971. С. 107–112.

Полесских М.Р. Новые памятники древнейшей мордвы // *Материалы по этнографии и археологии Мордовии* / *Тр. МНИИЯЛИЭ*. Вып. 45 / Ред. А.П. Смирнов. Саранск: Мордовское кн. Изд-во, 1974. С. 12–32.

Прокопов А.В. Отчет об исследованиях Агафононского могильника, проведенных осенью 1970 г. Свердловск, 1971 / *Архив ИА РАН*. Р-1. №4136.

Ртвеладзе Э.В., Рунич А.П. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // *ВВ*. Т. 37. М., 1976. С. 151–155.

Рунич А.П. Аланский могильник в «Мокрой Балке» у г. Кисловодска // *МАДИСО*. Т. III / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: б/и, 1975. С. 132–150.

Семенов В.А. Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии // *ВАУ*. Вып. 7 / *Памятники мазунинской культуры* / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ; УГУ 1967. С. 116–122.

Спицын А.А. Подготовительные литографии де Кастелли к изданию запланированного 2-го выпуска «Древностей Оки и Камы».

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы / *МАР*. №25. СПб.: б/и, 1901. 120 с., 30 л. илл.

Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием члена Императорской археологической комиссии А.А. Спицына // *МАР*. Вып. 26. СПб.: Тип. «Т-ва худож. печати», 1902. 112 с.

Старостин П.Н. Подготовительные материалы к изданию Усть-Брыскинского могильника.

Старостин П.Н. Этнокультурные общности предболгарского времени в Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Вып. I / Ред. А.Х. Халиков. Казань, 1971. С. 37–63.

Старостин П.Н. Исследования Усть-Брыскинского могильника в 1976 г. Казань, 1977 / Архив ИА РАН. Р.1. №6394.

Старостин П.Н. Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 89–98.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Институт истории, РИЦ «Школа», 2002. 64 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 144 с.

Старостин П.Н., Кузьминых С.В. Погребение литейщицы из пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 168–172.

Старостин П.Н., Петренко А.Г. О погребениях с остатками коня Рождественского V могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МАРНИИ, 1984. С. 91–112.

Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4. / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1964. С. 117–134.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 172 с.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс.н.э. / МИА. №5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 150 с.

Трубникова Н.В. Городище Ножа-Вар в Чувашии // СА. 1965. № 4. С. 144–157.

Трубникова Н.В. Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен // СА. 1969. №3. С. 42–52.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Тр. Марийской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Храпунов И.Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Симферополь, 2008. С. 61–79.

Худяков М.Г. Воробьевский и Вичмарский могильники // ИОАИЭ. Т. XXXIV. Вып. 3–4. 1929. С. 75–82, 6 табл.

Чижевский А.А., Шпилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследований Каентубинской островной стоянки в 2004 г. // Поволжская археология. 2017. №1. С. 50–70.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на р. Вятке. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Черных Е.М., Красноперов А.А., Лаптева Т.А., Перевоицков С.Е. Исследования Боярского (Арай) могильника // АО 2003 / Сост. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2004. С. 344.

Черных Е.М., Лаптева Т.А., Бернц В.А., Перевоицков С.Е., Карпушкина О.А., Красноперов А.А. Исследования Боярского («Арай») могильника в Среднем Прикамье // АО 2002 / Сост. Н.В. Лопатин. М.: Наука, 2003. С. 305–306.

Шитов В.Н. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – нач. II тыс. н.э. / Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 93 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское кн. Изд-во, 1988. С. 4–43.

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Щенниковского поселения в Свечинском р-не Кировской области, Афонинского могильника в Сарапульском р-не УАССР, разведочных работах в Шабалинском р-не Кировской области, проведенных в 1979 г. Ижевск, 1980 / Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 101 / Архив ИА РАН. Р-1. №7744.

Юшкова М.А., Кулешов В.С. Керстово 1 – новый памятник эпохи римских влияний на северо-западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2010. С. 218–238.

Aspelin J.R. Antiquités du nord finno-ougrien. Vol. II. L'Age du fer. Antiquites Permiennes. Helsingfors: G.W. Edlund, 1877. 72 p.

Aspelin J.R. Antiquités du nord finno-ougrien. Vol. III. L'Age du fer. Antiquites Morduines, Meriennes et Tschoudes. Helsingfors: G.W. Edlund, 1878. 78 p.

Bliujienė A. South Lithuanian Barrows // A Hundred Years of Archaeological Discoveries in Lithuania / Ed. G. Zabiela, Z. Baubonis, E. Marcinkevičiūtė. Vilnius: Society of the Lithuanian Archaeology, 2016. P. 208–225.

Engel M., Iwanicki P., Rzeszotarska–Nowakiewicz A. «Sudovia in qua Sudovitae». The new hypothesis about the origin of Sudovian Culture // *Archaeologia Litwana*. Vol. 7. 2006. P. 184–211.

Tallgren A.-M. Collection Zaoussoilov au Musée national de Finlande a Helsingfors. Vol. II. Helsingfors: La Commission des Collections Antell, 1918. 59 p., XII pl.

Информация об авторе:

Красноперов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук (г. Ижевск, Россия); khaa@udm.ru

THE AZELINO: THE MOVEMENT TO THE EAST. THE FINDS OF THE AZELINO ARTEFACTS EASTWARD OF THEIR HOME AREA

A.A. Krasnopeorov

The author discussed the finds of the artifacts characteristic for the Azelino complex on the sites of Mazunino culture. The distribution of such finds reveals that the Azelino artifacts spread eastwards to the Mazunino area. The oncoming traffic of the Mazunino artifacts was minimal. Solitary Azelino-type small finds to the east of the original area of the complex reflect the movement of things while the sets of the Azelino artifacts found in the same context reflect the migration of people.

Keywords: archaeology, Kama Region, Middle Sarmatian period, Late Sarmatian period, Mazunino culture, Azelino culture, burials, contacts.

About the Author:

Krasnopeorov Aleksander A. Candidate of Historical Sciences, Izhevsk, Russian Federation; khaa@udm.ru

Таблица 1

Накладки головных уборов ¹ (рис. 4: 1),	Тураево, п. 29 (рис. 10В), Тураево, п. 172 (рис. 16: 2)
Ажурные планки с привесками (нижняя часть наборного нагрудника) ² (рис. 4: 3, 12, 13; 5),	Покровское, п. 147 (рис. 11В), Сайгатка, п. 8 (рис. 12Д), Ст. Кабаново, п. 71 ³ (рис. 14А), Ст. Кабаново, п. 115 (рис. 11Б), Тарасово, п. 402 (рис. 12Г)
концевые петлевидные пронизки ⁴ (рис. 4: 8), концевые пронизки с лучами ⁵ (рис. 4: 9, 10),	Афонино, сбор/1979 (2 экз.), Тарасово, п. 689 (рис. 13)
концевые лапчатые пронизки ⁶ (рис. 7: 1, 2),	Афонино, п. 167, Тарасово, п. 689 (рис. 13)
концевые подтреугольные пронизки ⁷ (рис. 4: 7),	Ныргында I, п. 299 (рис. 11А)
шейные подвески ⁸ (рис. 6: 1–6),	Ст. Кабаново, п. 152 (рис. 14Г), Боярка, п. 134, Тураево, п. 17 (рис. 10Б), Тураево, п. 39 (см. рис. 12 к предыдущей статье автора в настоящем сборнике), Тураево, п. 218 (рис. 10А)
круглые подвески со спицами ⁹ (рис. 6: 7, 8),	Ст. Кабаново, п. 20 (рис. 15В)
бляшки с привесками ¹⁰ (рис. 6: 10, 11),	Ст. Кабаново, п. 113 (рис. 12В)
коньковые подвески: гладкие без привесок ¹¹ , гладкие с привесками ¹² (рис. 7: 12–14), «веревочные» ¹³ (рис. 7: 5–11),	Заборье, п. 2 (рис. 12А), Нива ¹⁴ , п. 77 ¹⁵ (рис. 12Б), Покровское, п. 20 (рис. 17В), Тарасово, п. 27 и 619 (рис. 18А, Б), Тураево, п. 66 (рис. 19), Тураево, п. 172 (рис. 16; 17А), Тураево, п. 221 (рис. 17Б), Ильнешское сел.
планки с S-видным декором ¹⁶ (рис. 4: 2),	Тарасово, п. 732 (рис. 15А)
застежки-бляхи ¹⁷ , (рис. 6: 12–14),	Бирск ¹⁸ , сбор 1981 г. ¹⁹ , Бирск, п. 313 ²⁰ /1981 (рис. 18В), Тарасово, п. 312 (рис. 20)
эполетообразные застежки ²¹ (рис. 8; 9: 3),	Тарасово, п. 911 (рис. 14Б), Чепаниха, сбор
ромбические привески (рис. 4: 4–6),	Тураево, п. 107 (рис. 14В)
височные подвески (рис. 4: 11),	Урманево, п. 17 (рис. 15Б).

¹ Образцы: Нармонка, п. 10 (Старостин, 2002, рис. 12: 14, 31), Тюм-Тюм, п. 45 (пояс) (Ошибкина, 2010, табл. 19: 3; 20: 14), Тюм-Тюм, п. 71 (Ошибкина, 2010, табл. 71), Мари-Луговая, неизв. (Горюнова, 1934, рис. 6: 9), Уржумка, п. 21 (Никитина, 1999, рис. 54: Б1).

² Находки: Нармонка, п. 16 (Овчинников, 2014, рис. 5), Уржум, п. 2 (Арбузова, Старостин, 1971, табл. II: 11), Девичий Городок, сбор (информация и рис. Д.Г. Бугрова), Первомай, п. 3 (Голдина и др., 2014, табл. 133: 3), Первомай, п. 10 (Голдина и др., 2014, табл. 143: 4), Уржумка, п. 4 (Никитина, 1999, рис. 45: А13), Уржумка, п. 6 (Никитина, 1999, рис. 46: А6), Уржумка, п. 21 (Никитина, 1999, рис. 54: Б4), Уржумка, п. 32 (Никитина, 1999, рис. 57: 11), Баевский (Лещинская, Сенникова, 1995, рис. 1: 16), Арзобеляк, п. 2 (Никитина, 1999, рис. 61: 1), Мари-Луговая, п. 12 (Халиков, 1962, табл. XXXV: 4); (только описание) Верх.Верески, сбор 1947 г. (Генинг, 1963, с. 141–142, №40/3) (Д.Г. Бугров считает, что относятся к другому виду) (см. также: Степановка, п. 5 (Полесских, 1974, рис. 6; Гришаков, 2009, рис. 6: 1, 4)).

³ Фибулы на фотографии в отчете и на рисунке в публикации радикально отличаются (ср.: рис. 5: 1 и 2).

⁴ Находки: Усть-Брыска, п. 33 (Старостин, 1977, рис. 64: 1).

⁵ Находки: Воробьи, сбор/1919 (3 экз.) (Худяков, 1929, табл. 1: 23–25) (см. также: Конары, сел. (Мясников, 2013, рис. 5: 13)).

⁶ Находки: (удлиненная форма) Худяки, п. 22 (Голдина и др., 2014, табл. 67: 15), Худяки, п. 26 (3 экз.) (Там же, табл. 71: 14–16), Худяки, п. 99 (4 экз.) (Там же, табл. 108: 5–8), Рождествено V, п. 137 (Старостин, 2009, рис. 25: 7), Суворово, п. 14 и 28 (Генинг, 1963, табл. V: 1), Ошки, п. 30 (2 экз.) (Голдина и др., 2014, табл. 38: 15, 16), Ошки, сбор (Там же, табл. 42: 3), Воробьи, сбор 1919 г. (2 экз.) (Худяков, 1929, табл. 1: 26, 27), Усть-Брыска, сбор (Старостин, [подготовительные материалы], img.001: 6); Девичий Городок, сбор (рис. Д.Г. Бугрова) (см. также: Немда(?) (Aspelin, 1877, p. 172, №805), Конары, сел. (Мясников, 2013, рис. 5: 12), Илекса III, пос. (Манюхин, 1996,

рис.58: 4, 5)); (широкая форма) Первомай, п. 2 (5 экз.) (Голдина и др., 2014, табл. 130: 8–12), Первомай, сбор (Там же, 2014, табл. 187: 3) (см. также: Пичке Сарче гор. (Мясников, 2013, рис. 2: 1, 2), Тиханкино гор., клад (Там же, рис. 4: 5, 6), Керстово 1, огр. IV (Юшкова, Кулешов, 2010, рис. 11: 2), Чагода I, р. VIII (Башенькин, 1995, рис. 4: 14)).

⁷ Находки: Кошкино, погр. (2 экз.) (Гусенцова, Лаптева, 2008, рис. 4: 21, 22), Тюм-Тюм, п. 81 (Ошибкина, 2010, табл. 36: 2; 79: 4), Ошки, п. 31 (2 экз.) (Голдина и др., 2014, табл. 26: 22–24), Ошки, сбор (2 экз.) (Там же, табл. 42: 4, 5), Атамановы Кости, сбор (Спицын, 1901, табл. V: 2), Худяки, п. 114 (Голдина и др., 2014, табл. 120: 13), Худяки, сбор (Там же, 2014, табл. 128: 35), Воробьи, п. 1 (2 экз.) (Худяков, 1929, табл. 3: 2; ГЭ 621/2), Аргыж гор., клад (Черных и др., 2002, рис. 85: 14), Первомай, п. 19 (Голдина и др., 2014, табл. 154: 12), Первомай, п. 20 (3 экз.) (Там же, табл. 153: 1–3) (см. также: Ивановско, п. В63 (Мясников, 2013, рис. 16: 5), Березняки гор., домик мертвых (Третьяков, 1941, рис. 31: 6)).

⁸ Находки: Нармонка, сбор 1967 г. (Старостин, 2002, рис. 4: 1), Тюм-Тюм, п. 45 (Ошибкина, 2010, табл. 19: 9; 20: 1), Тюм-Тюм, п. 49 (Там же, табл. 21: 1), Тюм-Тюм, п. 124 (Там же, табл. 59: 1; 82: 14, 15), Рождествено V, п. 24 (Старостин, 2009, рис. 7: 5), Рождествено V, п. 137 (Там же, рис. 25: 4), Рождествено V, п. 142 (Там же, рис. 26: 7), Рождествено V, п. 199 (Там же, рис. 31: 12), Девичий Городок, сбор 1984 г. (Д.Г.84/24, рис. Д.Г. Бугрова), Мансурово, сбор 1989 г. (Беговатов, 1989, рис. 30: 6), Усть-Брыска, п. 45 (Старостин, 1977, рис. 74: 1,2), Аргыж гор., клад (Черных и др., 2002, рис. 83: 4), Тихие Горы гор., сбор (Aspelin, 1877, №802) (см. также: Engel, Iwanicki, Rzeszotarska–Nowakiewicz, 2006, pl. II: 8; Bliujienė, 2016, fig. 3: 1, 2, 10, 12, 14, 15).

⁹ Находки: (небольшие) Мари-Луговая, п. 40 (Халиков, 1962, табл. XXXIV: 13), Тюм-Тюм, п. 54 (Ошибкина, 2010, табл. 25: 11; 80: 2), Тюм-Тюм, п. 122 (Там же, табл. 57: 4; 90), Тюм-Тюм, п. 130 (Там же, табл. 61: 8; 80: 5), Тюм-Тюм, п. 132 (Там же, табл. 62: 4; 82: 13), Тюм-Тюм, п. 134 (Там же, табл. 60:2), Тюм-Тюм, сбор (Там же, табл. 80: 1), Айша, колл. В.И. Заусайлова (Tallgren, 1918, pl. I: 8, 11; Ошибкина, 2010, табл. 92: 9, 11), Воробьи, п.8 (2 экз.) (Худяков, 1929, табл. 6: 4; ГЭ 625/48; рисунок в публикации сильно отличается от оригиналов) (см. также: Ножа-Вар (Трубникова, 1965, рис. 2: 2; Мясников, 2013, рис. 11: 18).

¹⁰ Находки: Тюм-Тюм, п. 54 (Ошибкина, 2010, табл. 25: 9, 10; 80: 10), Тюм-Тюм, п. 93 (Там же, табл. 39: 17, 18; 81: 8), Тюм-Тюм, п. 102 (Там же, табл. 52: 6, 7; 80: 9), Тюм-Тюм, п. 122 (Там же, табл. 57: 7, 90), Тюм-Тюм, сбор (Там же, табл. 80: 6), Уржумка, п. 3 (Никитина, 1999, рис. 44: В4); только описание: Верх. Верески, сбор 1947 г. (Генинг, 1963, с. 141–142, №40/1) (см. также: Нармонка, п. 15 (Старостин, 2002, рис. 14: 1, 3)).

¹¹ Находки: Мари-Луговая, п.36 (Халиков, 1962, табл. XXXV: 1; Голубева, 1979, с. 76, №185, табл. 12: 6), Вичмар, п. 8 (Худяков, 1929, табл. 6: 7; Голубева, 1979, с. 78, №210, табл.12: 5; ГЭ 625/55), Лушмор, п. 4 (Никитина, 1999, рис. 77: А5), Тюм-Тюм, п. 35 (2 экз.) (Ошибкина, 2010, табл. 7: 6, 7), Тюм-Тюм, п. 71 (Там же, табл. 32: 11; 75: 2; 91: 1[д]), Тюм-Тюм, п. 73 (Там же, табл. 75: 3), Тюм-Тюм, п. 94Б (Там же, табл. 45: 1; 75: 1; Голубева, 1979, с. 77–78, №208), Тюм-Тюм, п. 113 (Ошибкина, 2010, табл. 75: 4), Тюм-Тюм, п. 134 (Там же, табл. 75: 6), Суворово, п. 11 (Генинг, 1963, табл. X: 8; Голубева, 1979, с. 77, №206, табл. 12: 8), Суворово, п. 28 (Генинг, 1963, табл. X: 7; Голубева, 1979, с. 77, №206, табл.12: 1), Нармонка, п. 10 (Старостин, 2002, рис. 12: 16; Голубева, 1979, с.76, №187, табл. 12: 3), Рождествено V, сбор 2004 г. (Овчинников, 2014, рис. 1: Б), Айша, колл. В.И. Заусайлова (2 экз.) (Tallgren, 1918, pl. I: 1; Ошибкина, 2010, табл. 92: 2, 3; Голубева, 1979, с. 76, №186, табл.12: 7), Первомай, п. 56 (Голдина и др., 2014, табл. 177: 1), «берег Волги чуть ниже устья Камы» (сообщение Ю.В. Ширина, 11.2017).

¹² Находки: Айша, колл. В.И. Заусайлова (Tallgren, 1918, pl. I: 3; Ошибкина, 2010, табл. 92: 1; Голубева, 1979, с. 76, №186, табл. 12: 4), Измерское I сел. (Казаков, 1986, рис. 1: 35; Голубева, 1979, табл.12: 2), Уржумка, п. 21 (Никитина, 1999, рис. 54: Б7; Голубева, 1979, с. 76, №184), Тюм-Тюм, п. 33 (Ошибкина, 2010, табл. 4: 1), Тюм-Тюм, п. 55 (Там же, табл. 26: 15; 76: 3; 91: 1[б]), Тюм-Тюм, п. 58 (Там же, табл. 29: 16; 76: 1; 91: 1[а]), Тюм-Тюм, п. 60 (Там же, табл. 31: 21; 75: 5; 91: 1[в]), Тюм-Тюм, сбор (Там же, табл. 76: 4; 91: 1[г]), Первомай, п. 56 (Голдина и др., 2014, табл. 177: 3).

¹³ Находки: Нармонка, п. 15 (Старостин, 2002, рис. 14: 4), Арзобеляк, п. 22 (Никитина, 1999, рис. 62: А3), Ст. Майна II мог., сбор (Кожевин, 2008, с.24, рис. 1: 4 (рисунок не соответствует оригиналу, ср. фото в: (Раскопать чудо, 2008)), Усть-Брыска, п. 38 (Старостин, 1977, рис. 70: 2), Усть-Брыска, сбор 1974 г. (2 экз.) (Голубева, 1979, с. 77, №197, табл. 11: 8, 9; Старостин, [подготовительные материалы], img.001: 1, 3), Усть-Брыска, сбор 1981 г. (фото Д.Г. Бугрова), Болгары, сбор (Голубева, 1979, с. 77, №193, табл. 11: 3 (перепутан с №1, рисунок отличается от оригинала); Старостин, 1987, рис. 9: 20), Худяки, сбор (Голдина и др., 2014, табл. 128: 36), Рождествено V, п. 73 (Старостин, 2009, рис. 15: 1; Голубева, 1979, с. 77, №188), Рождествено V, сбор 2004 г. (Овчинников, 2014, рис. 1: А), Ошки, п. 14 (Голдина и др., 2014, табл. 16: 19), Ошки, п. 27 (Голдина и др., 2014, табл.32: 23) (см. также: Кошибеево, п. С22 (Спицын, 1901, табл. VI: 15; Трубникова, 1969, рис. 1: 8; Голубева, 1979, с. 75, №169, табл. 11: 6)), Воробьи, сбор (2 экз.: издан ГЭ 621/22; не издан ГЭ 621/21) (Худяков, 1929, табл. 3: 4; Голубева, 1979, с. 78, №210, табл. 11: 4), Атамановы кости, п. 2/1881 (Спицын, 1901, табл. V: 16; Голубева, 1979, с. 78, №211, табл. 11: 1 (перепутан с №3)), Гремячий Ключ, гор. (Старостин, 1971, табл. I: 1; Голубева, 1979, с. 77, №195, табл. 11: 2), Буй гор. (Ашихмина, 1979, рис.36: внизу-слева); литейная форма Аргыж гор. (Черных и др., 2002, рис. 85: 8); (гребенчатой формы) Кузькино I, сел. (Старостин, 1971, табл. I: 5; Голубева, 1979, с. 77, №199, табл. 18: 9; АПЦЗ, 1988, с. 9, 27, №141, рис. 7: 6), Усть-Брыска, сбор 1974 г. (Голубева, 1979, с. 77, №197, табл. 18: 2; Старостин [подготовительные материалы], img.067: 8), Тюм-Тюм, п. 34 (Ошибкина, 2010, табл. 79: 5) (см. также: Кошибеево, п. С22 (Спицын, 1901, табл. VI: 26; Трубникова, 1969, рис. 1: 4; Голубева, 1979, с. 75,

№169, табл. 18: 3)), Тюм-Тюм, п. 42 (Ошибкина, 2010, табл. 76: 2); только упоминание: Мансурово, сбор 1995 г. (Беговатов, 2003, с.206).

¹⁴ В публикации перепутаны номера таблиц VII и VIII.

¹⁵ На рисунке создает впечатление объемной. В действительности плоская (Достояние Республики, 2015, с. 39, кат. №33).

¹⁶ Находки: (длинные, двойные и тройные, в т.ч. с центральной полосой) Ошки, п.28 (Голдина и др., 2014, табл. 37: 28), Ошки, п. 30 (Там же, табл. 38: 20), Тюм-Тюм, п. 45 (Ошибкина, 2010, табл. 20: 2), Суворово, пп. 5 (3 экз.), 14 и 28 (Генинг, 1963, табл. X: 1–4) (см. также: Кошибеево, п. Г24 (Шитов, 1988, табл. VI: 11)).

¹⁷ Образцы: (Лещинская, 2014, табл. 28: 2, 3, 5; 29: 2–4).

¹⁸ Памятник готовится к публикации авторами раскопок и сотрудниками музея. Возможность работы с коллекцией предоставила А.Н. Султанова. За всестороннюю помощь я благодарен Р.Р. Руслановой, Е.В. Русланову, А.К. Бахшиевой.

¹⁹ В коллекции ошибочно отнесена к п. 303, см.: (Мажитов, Султанова, 1981о, с. 18, рис. 74: 6).

²⁰ Комплекс давно издан, но частично и без указания номера могилы (Мажитов, 1987, рис. 2: 7–9, 11–13, 15, 16). Бусы давно исчезли из коллекции. Р.Р. Русланова, работая еще над дипломом, их уже не нашла. Есть только фотография в отчете. Наиболее интересен очень редкий тип, схожий (но не точно) с типом Гопкало–XIV/21, найденным лишь однажды (Гопкало, 2008, с. 37, 180, №21, табл. III). Погребение датировано (втор. пол. IV в.), но для широких обобщений единичного случая недостаточно.

²¹ Эполетообразных застежек, которые можно считать «азелинскими», к востоку от ареала найдено четыре (рис. 8, 9). Одна, из Княжпогоста (Aspelin, 1877, р. 151, №644), постоянно мелькает на страницах. Другая, р. Ис, погр. (Берс, 1959, с. 27, табл. IV: №74), не «замечается».

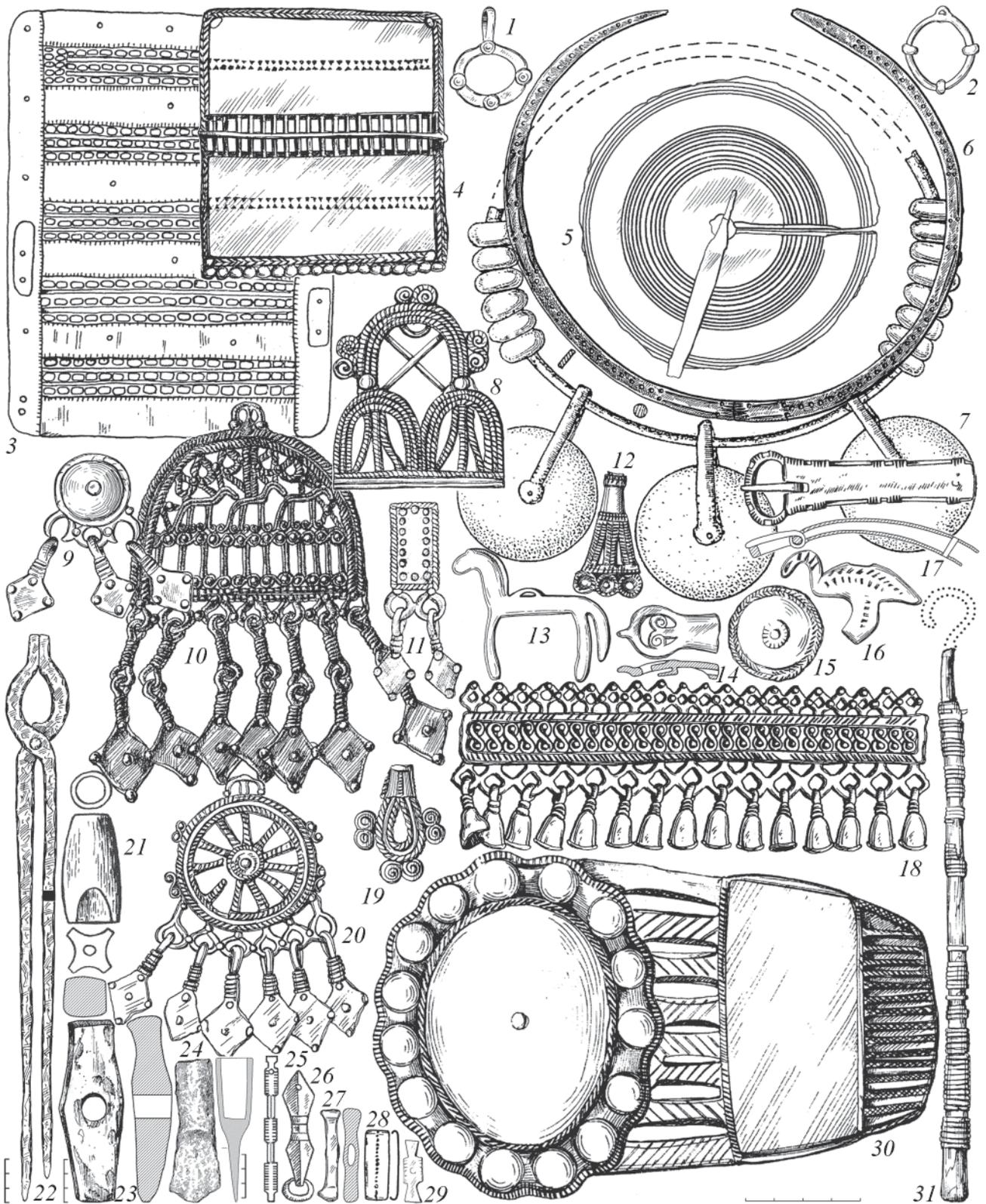

Рис. 1. Руководящие типы азелинской культуры (Лещинская, 2014, табл. 1: 21; 7: 9; 8: 3; 9: 1; 10: 1; 13: 3; 15: 2; 16: 11, 14; 17: 6; 18: 5, 12; 19: 10; 22: 3; 26: 4; 27: 4; 29: 3; 32: 16; 34: 3; 36: 2; 38: 7; 42: 14; 45: 17; 72: 5; 73: 5; Старостин, 2002, рис. 12: 24; 2009, рис. 23: 8; 24: 18; 33: 7; Ошибкина, 2010, табл. 82: 20).

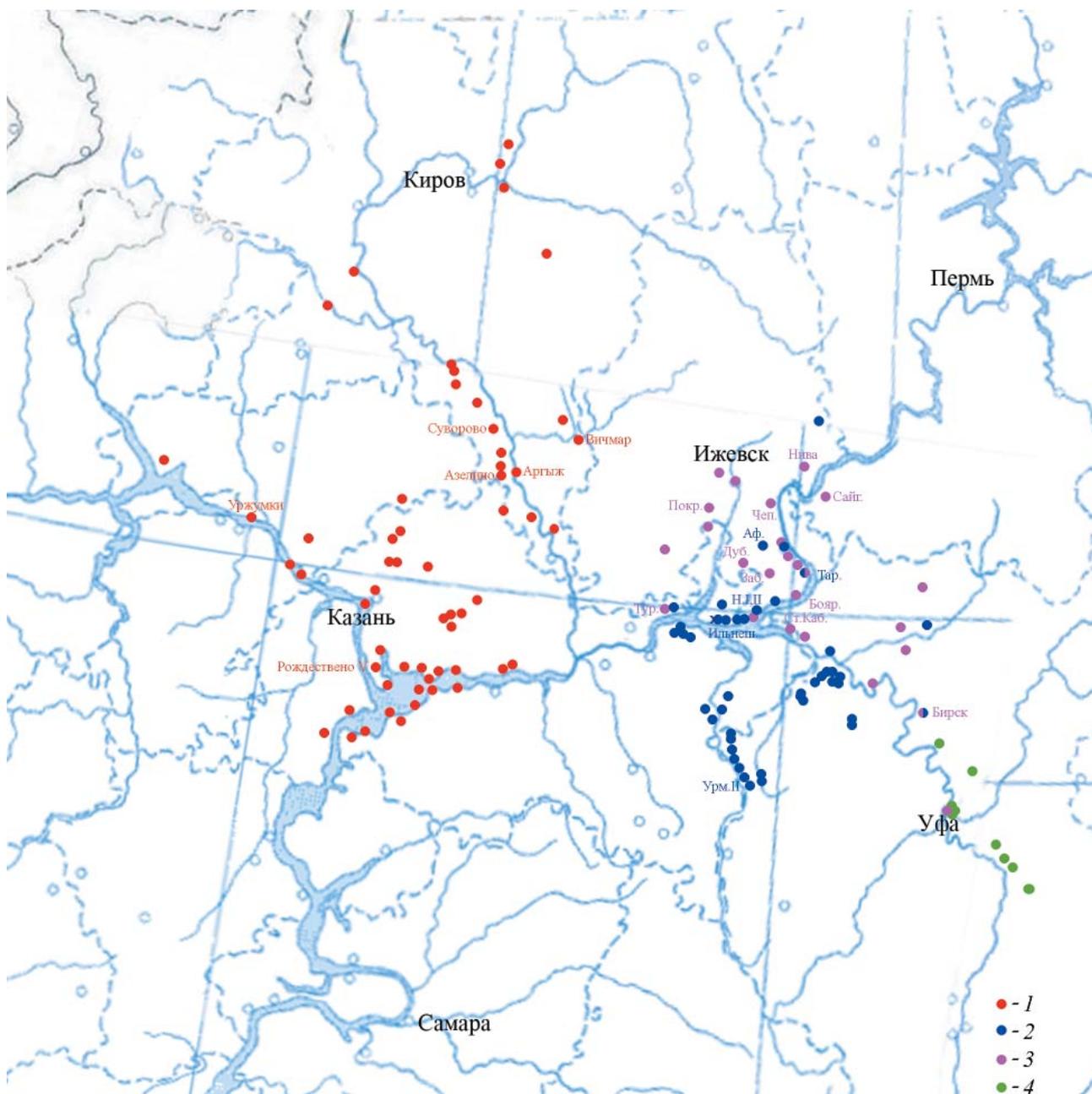

Рис. 2. Карта памятников. 1 – азелинские (основа: Д.Г. Бугров); 2 – пьяноборские; 3 – мазунинские; 4 – кара-абызские.

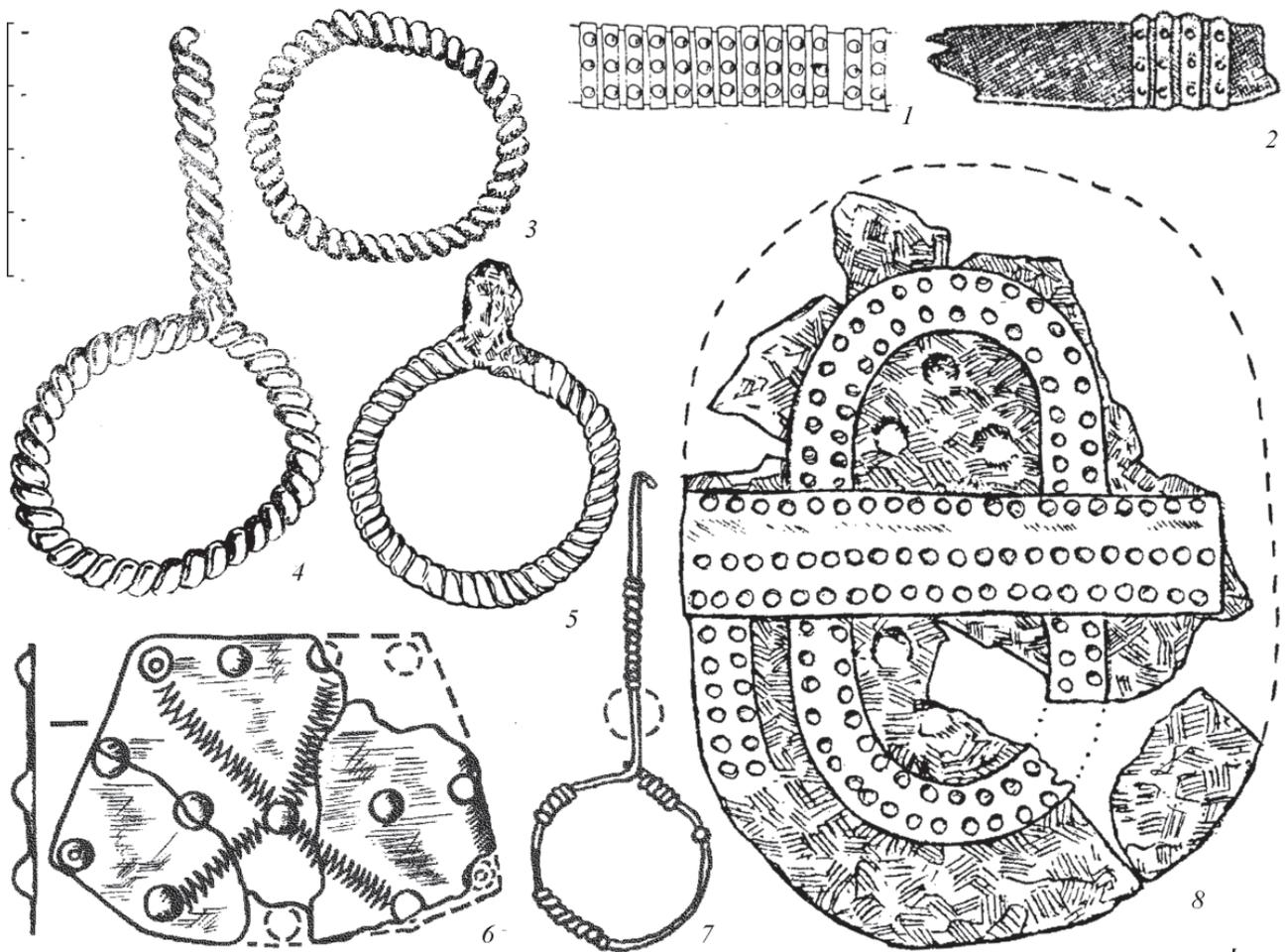

Рис. 3. Мазунинские вещи из азелинских погребений. 1 – Вичмар, п. 8 (Худяков, 1929, табл. 6: 5); 2 – Уржумка, п. 15 (Никитина, 1999, рис. 51: 5); 3 – Суворово, п. 3, Азелино, пп. 3, 10 (Генинг, 1963, табл. I: 8); 4 – Суворово, пп. 3, 7, 28 (Генинг, 1963, табл. I: 1); 5, 8 – Аргыж гор., клад (Черных и др., 2002, рис. 81: 6; 83: 8); 6 – Рождествено V, п. 99 (Старостин, 2009, рис. 21: 1); 7 – Рождествено V, п. 273 (Старостин, 2009, рис. 42: 8).

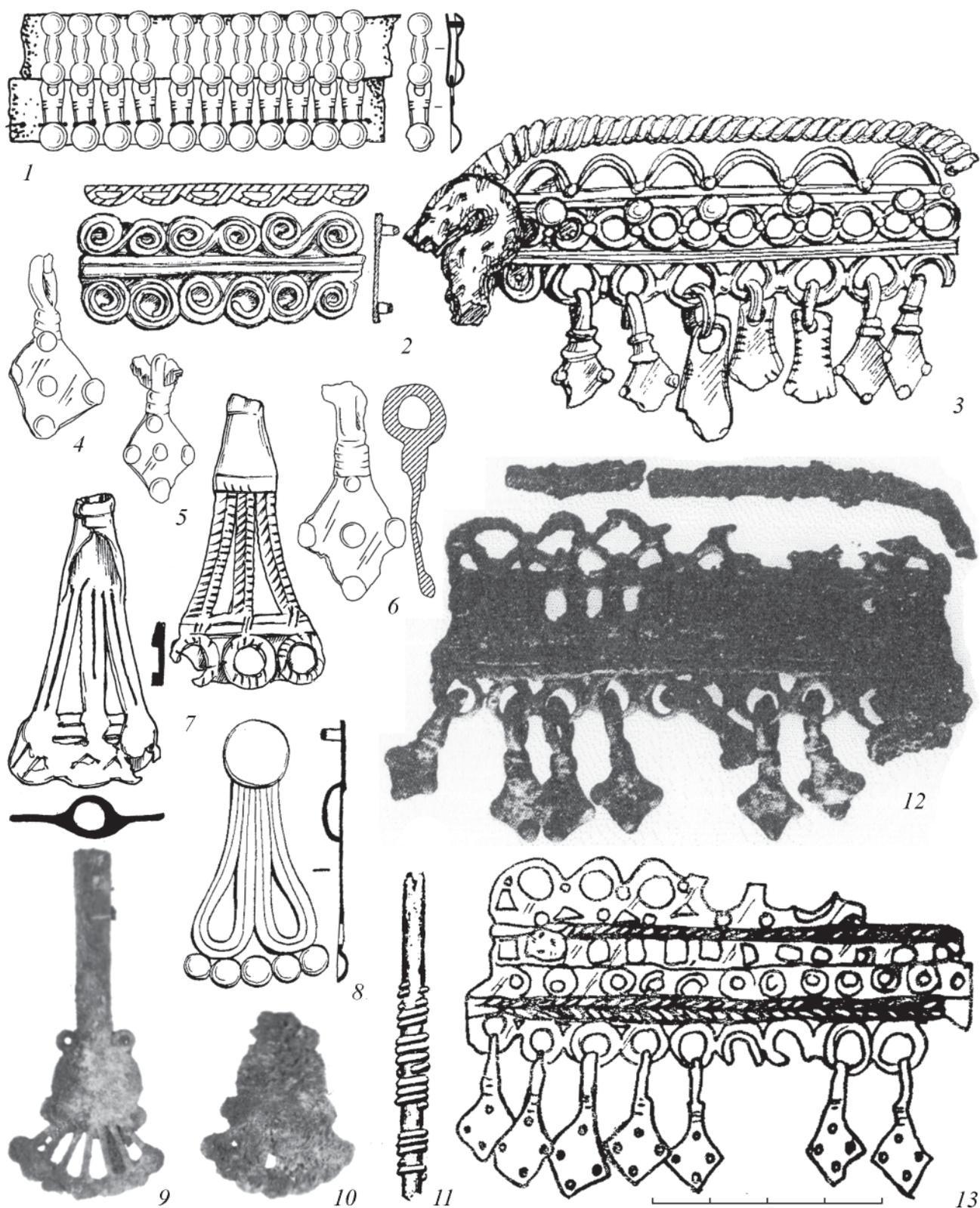

Рис. 4. Головной убор (1), планка с S-видным декором (2), фибулы «сайгатского типа» из ажурных планок (3, 12, 13), ромбические привески (4–6), концевая треугольная пронизка (7), петлевидная подвеска (8), концевые пронизки с лучами (9, 10), височная подвеска (11). 1 – Тураево, п. 29 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 23: 1–11); 2 – Тарасово, п. 732 (Голдина, 2003, табл. 314/732: 3); 3 – Тарасово, п. 402 (Голдина, 2003, табл. 178: 1–1); 4–6 – Тураево, п. 107 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 82: 2–4); 7 – Ныргында I, п. 299 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 167: 5); 8 – Тарасово, п. 689 (Голдина, 2003, табл. 293: 23–30); 9, 10 – Афонино, сбор 1979 г. (СКМ–79(7096)/б/н); 11 – Урманяево II, п. 17 (Васюткин, 1982, табл. 4: 3); 12 – Ст. Кабаново, п. 115 (Васюткин, Горбунов, 1971о, рис. 36: 1); 13 – Ст. Кабаново, п. 115 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 14: 11).

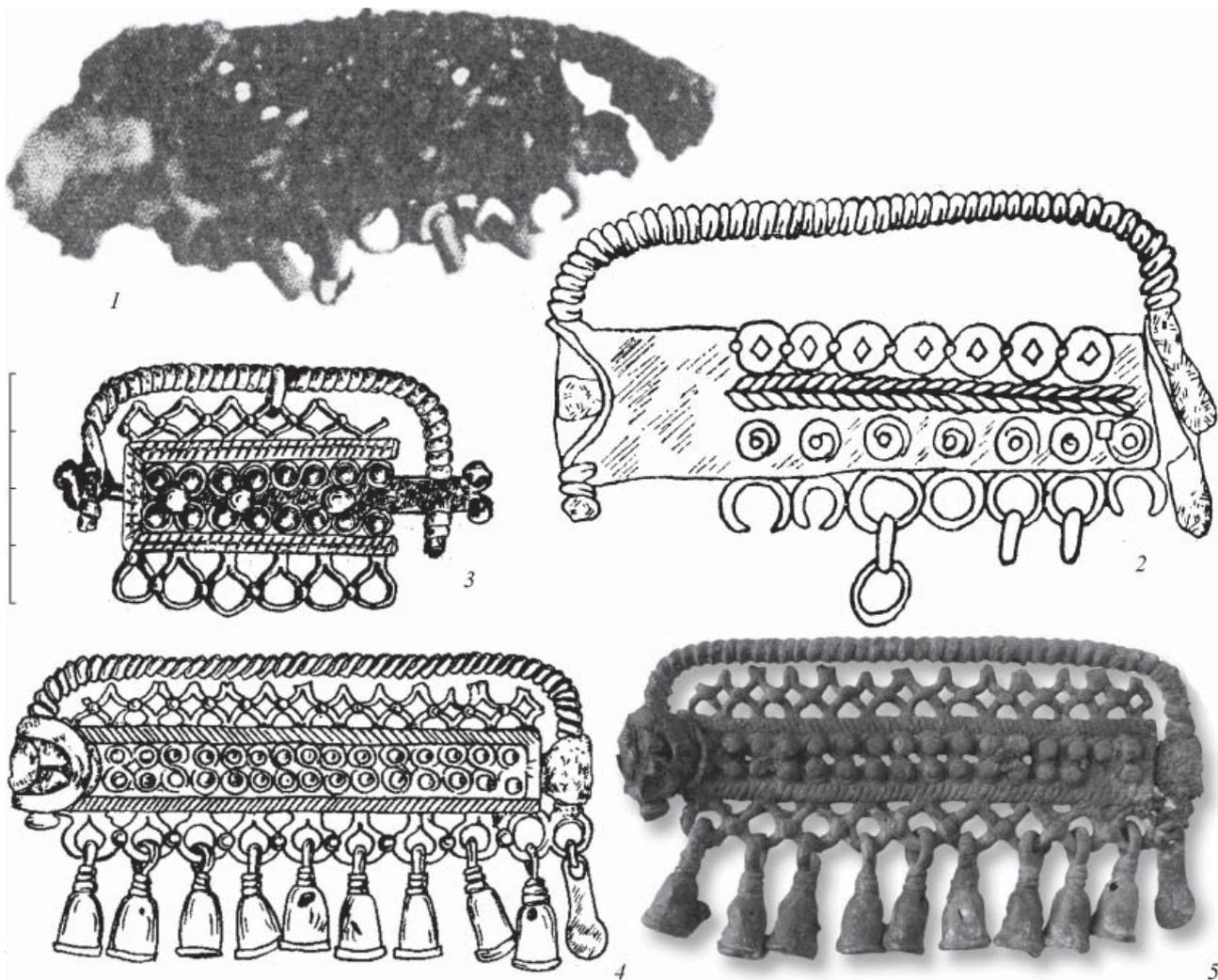

Рис. 5. Фибулы «сайгатского типа» из ажурных планок. 1 – Ст. Кабаново, п. 71 (Васюткин, 1970, рис. 40: 6); 2 – Ст. Кабаново, п. 71 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 8: 8); 3 – Сайгатка, п. 8 (Стоянов, 1962, рис. 50: 14); 4, 5 – Покровское, п. 147 (Останина, 1992, рис. 27: 9; http://nmur.ru/images/phocagallery/visitors/collections/archeology/archeology/iron_age/029.jpg).

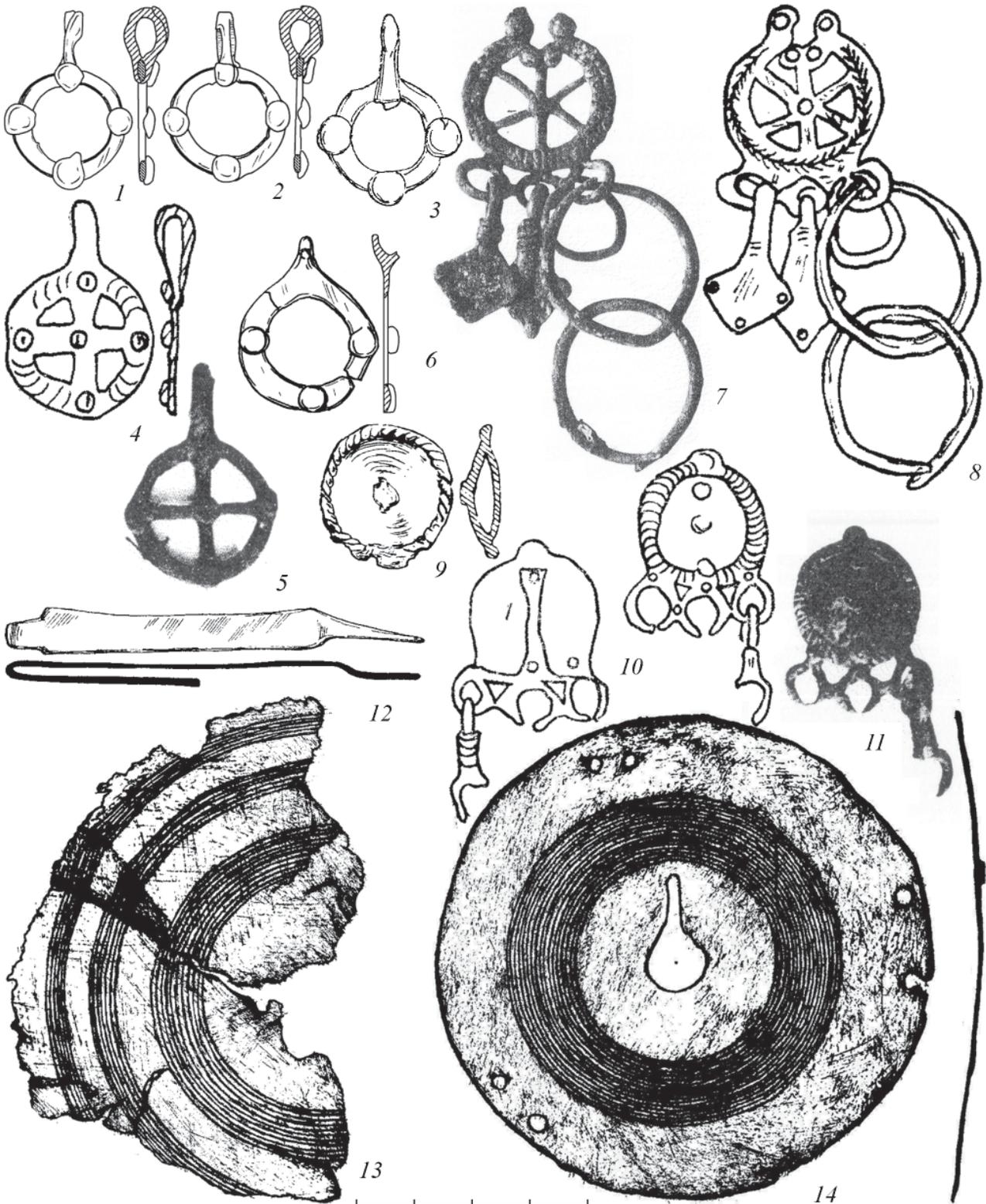

Рис. 6. Шейные подвески (1–6), подвески со спицами (7, 8), бляшка (9), бляшка с привесками (10, 11), бляхи (12–14). 1, 2 – Тураево, п. 218 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 158: 2–1, 2–2); 3 – Боярка, п. 134 (Голдина, Черных, 2011, рис. 42: 4); 4 – Ст. Кабаново, п. 152 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 18: 17); 5 – Ст. Кабаново, п. 152 (Васюткин, Горбунов, 1971о, рис. 50: 3); 6 – Тураево, п. 17 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 13/17: 6); 7 – Ст. Кабаново, п. 20 (Васюткин, 1967о, рис. 57: 1); 8 – Ст. Кабаново, п. 20 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 3: 11); 9 – Покровское, п. 88 (предположительно) (Останина, 1992, рис. 7: 19); 10 – Ст. Кабаново, п. 113 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 14: 5); 11 – Ст. Кабаново, п. 113 (Васюткин, Горбунов, 1971о, рис. 50: 4); 12 – Тарасово, п. 312 (Голдина, 2003, табл. 139: 1–1); 13 – Бирск, сбор 1981 г. (МА БГУ 321/387 = У36/173, [мат–лы к изданию]); 14 – Бирск, п. 313 (МА БГУ 321/... = У36/168, [мат–лы к изданию]).

Рис. 7. Концевые лапчатые пронизки (1, 2), сюльгамы (3, 4), коньковые подвески (5–15), пронизки (15). 1 – Афонино, п. 167 (СКМ–1054/1338); 2 – Тарасово, п. 689 (Голдина, 2003, табл. 292: 5); 3, 15 – Афонино, п. 96 (Ютина, 1979о, рис. 173: 13, 15; СКМ–79(7096)/1250 (экспозиция), 1274, 1275); 4 – Нырғында I, п. 271 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 149: 2); 5 – Тураево, п. 211 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 160: 4–3); 6 – Нива, п. 77 (Останина, 1978, табл. II: 21); 7 – Тураево, п. 172 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 124: 20); 8, 9 – Тарасово, п. 27+619 (Голдина и др., 2007, рис. 58: 1; Голдина, 2003, табл. 11/27: 1–1; 261/619: 3); 10 – Заборье, п. 2 (Бернц, 2006, рис. 3: 3–5); 11 – Тураево, п. 66 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 51: 2–7); 12 – Ильнеш сел. (Нефедов, 1899, рис. 20); 13, 14 – Покровское, п. 20 (Останина, 1992, рис. 4: 13; http://nmur.ru/images/phocagallery/visitors/collections/archeology/archeology/iron_age/028.jpg).

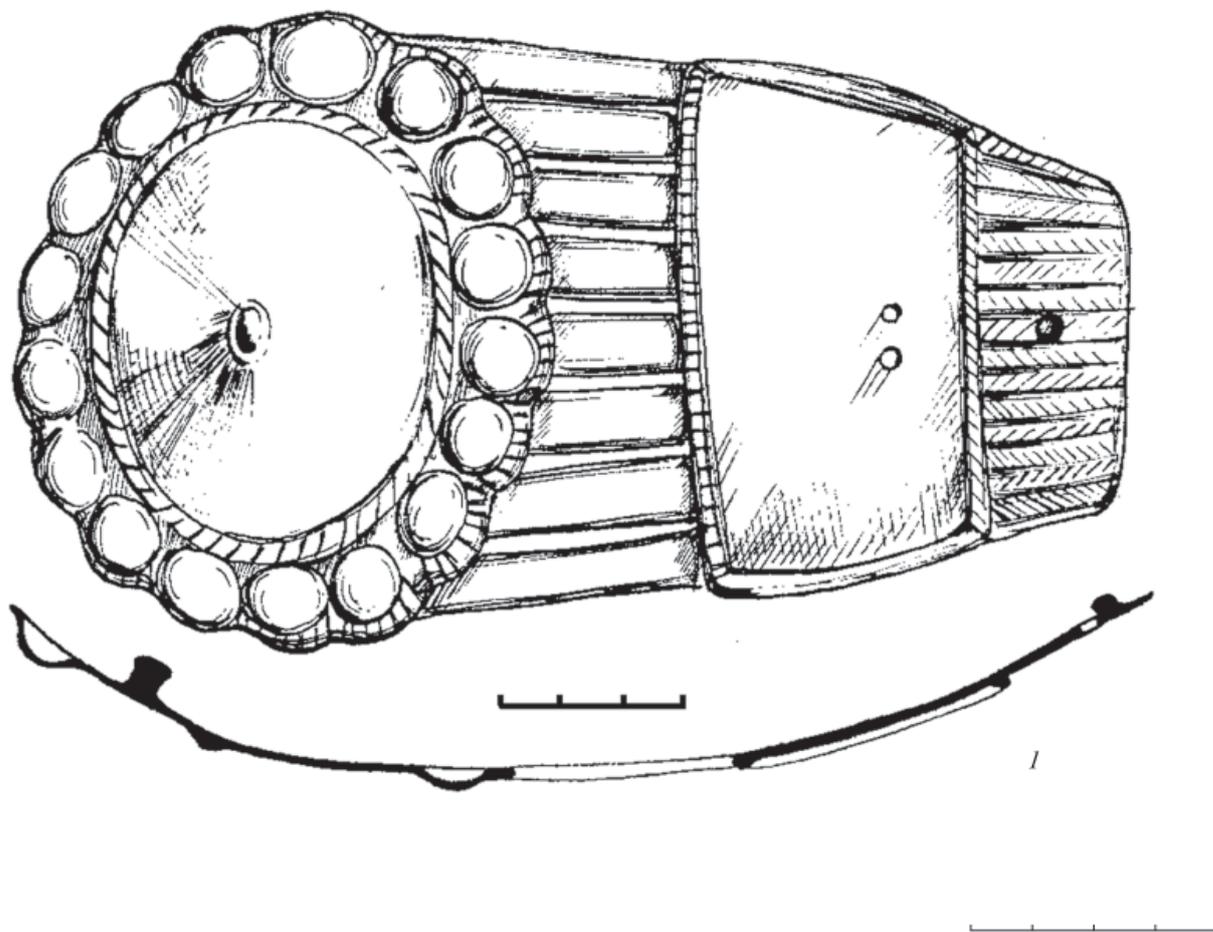

Рис. 8. Эполетообразная застежка. 1 – Тарасово, п. 911 (Голдина, 2003, табл. 387/911: 2–6).

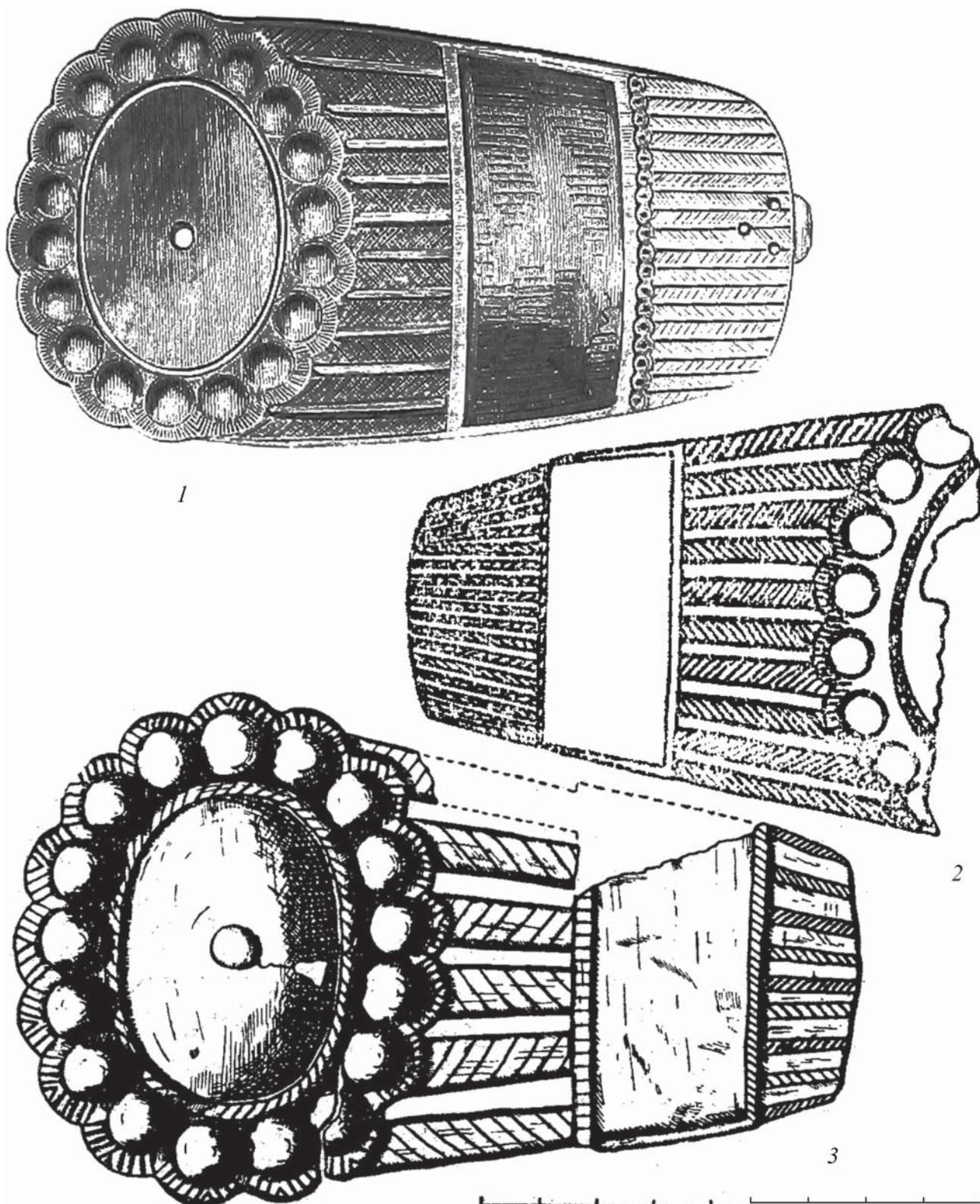

Рис. 9. Эполетообразные застежки. 1 – Княжпогост (Aspelin, 1877, р.151, №644); 2 – р. Ис (Берс, 1959, с. 27, табл. IV: №74); 3 – Чепаниха (Семенов, 1967, рис. 1: 8).

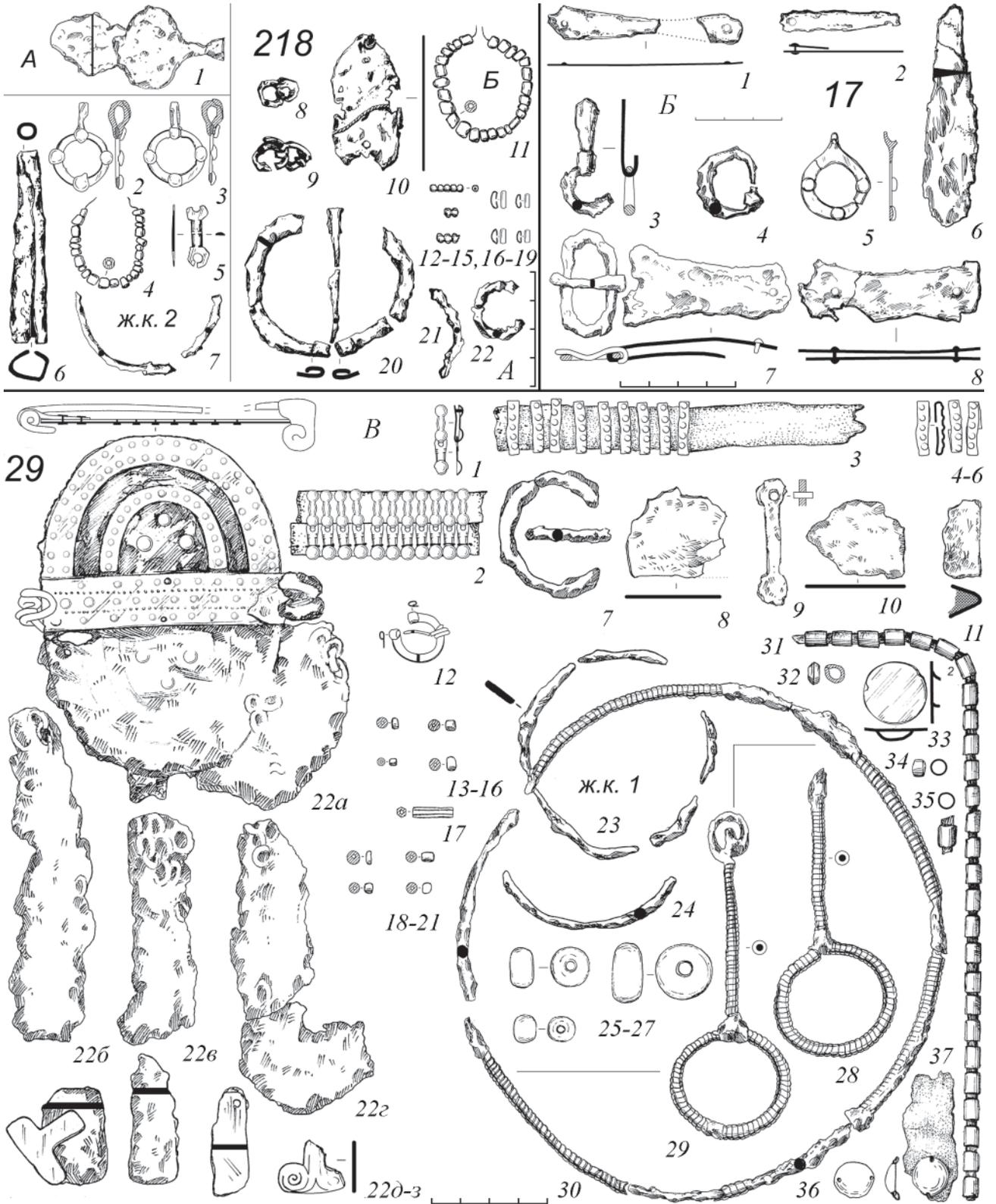

Рис. 10. А – Тураево, п. 218 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 158); Б – Тураево, п. 17 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 13/17); В – Тураево, п. 29 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 23–25).

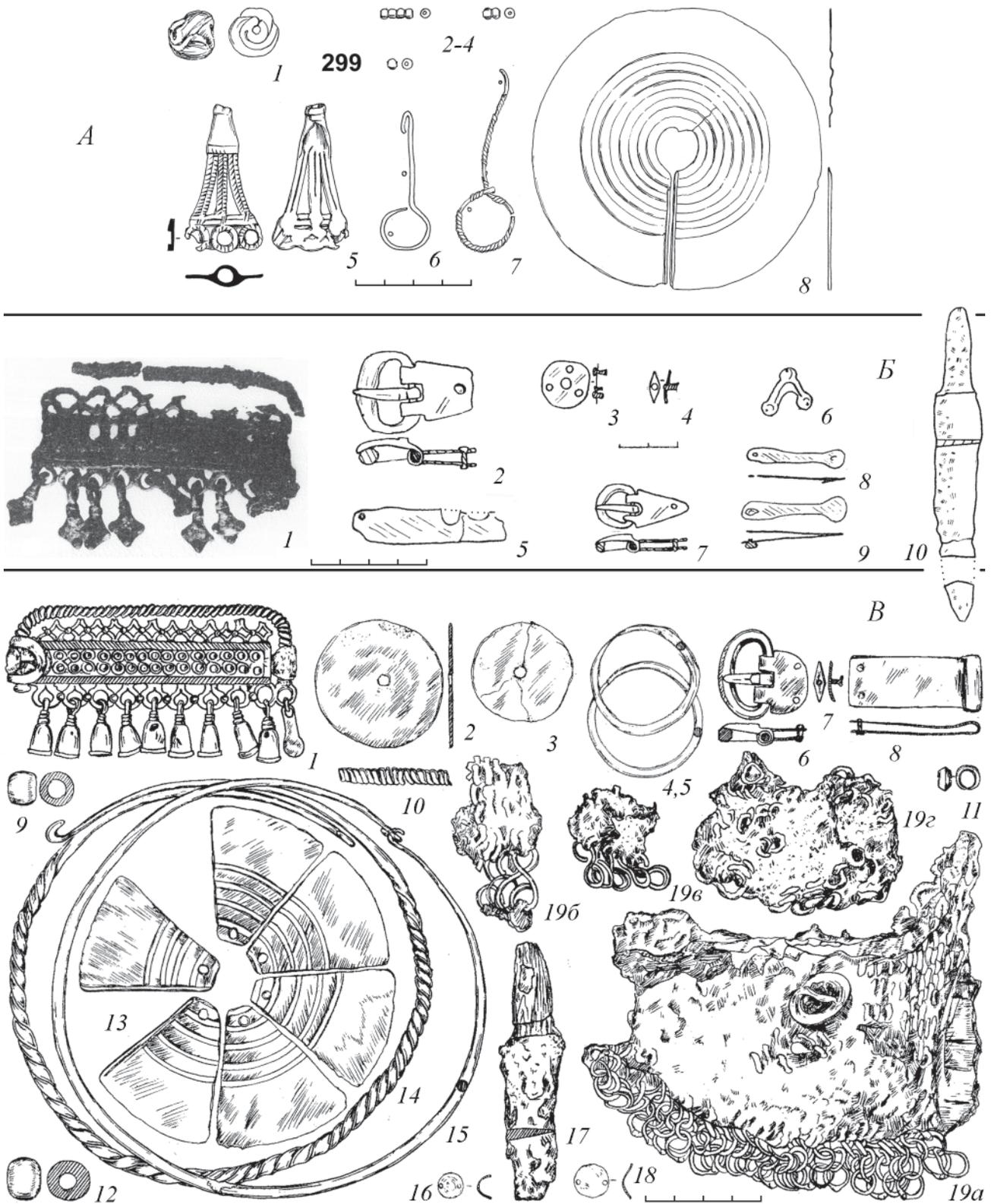

Рис. 11. А – Нырғында I, п. 299 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 167); Б – Ст. Кабаново, п. 115 (Васюткин, Горбунов, 1971о, рис. 36: 1; Васюткин, Останина, 1986, табл. 12: 19–21; 13: 29–31; 14: 12–14); В – Покровское, п. 147 (Останина, 1992, рис. 26, 27).

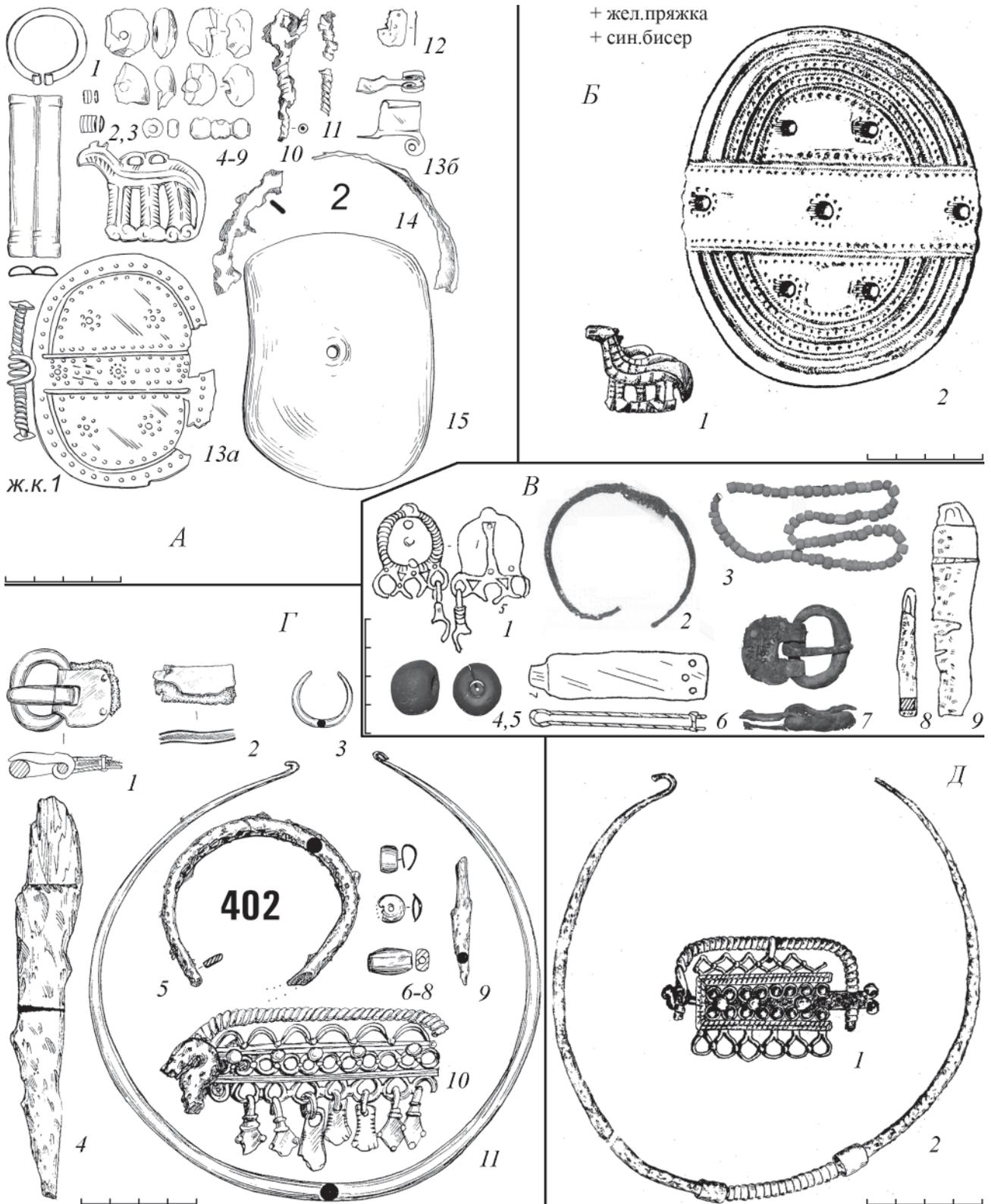

Рис. 12. А – Заборье, п. 2 (Бернц, 2006, рис. 3); Б – Нива, п. 77 (Останина, 1978, табл. II: 21; VII: 1); В – Ст. Кабаново, п. 113 (Васюткин, Останина, 1986, табл. 13:27; 14: 5, 7, 9; Васюткин, Горбунов, 1971о, рис. 50:10; МАЭ №482,483/113(249), фото Р.Р. Руслановой); Г – Тарасово, п. 402 (Голдина, 2003, табл. 178); Д – Сайгатка, п. 8 (Стоянов, 1962, рис. 50: 14; 52: 1).

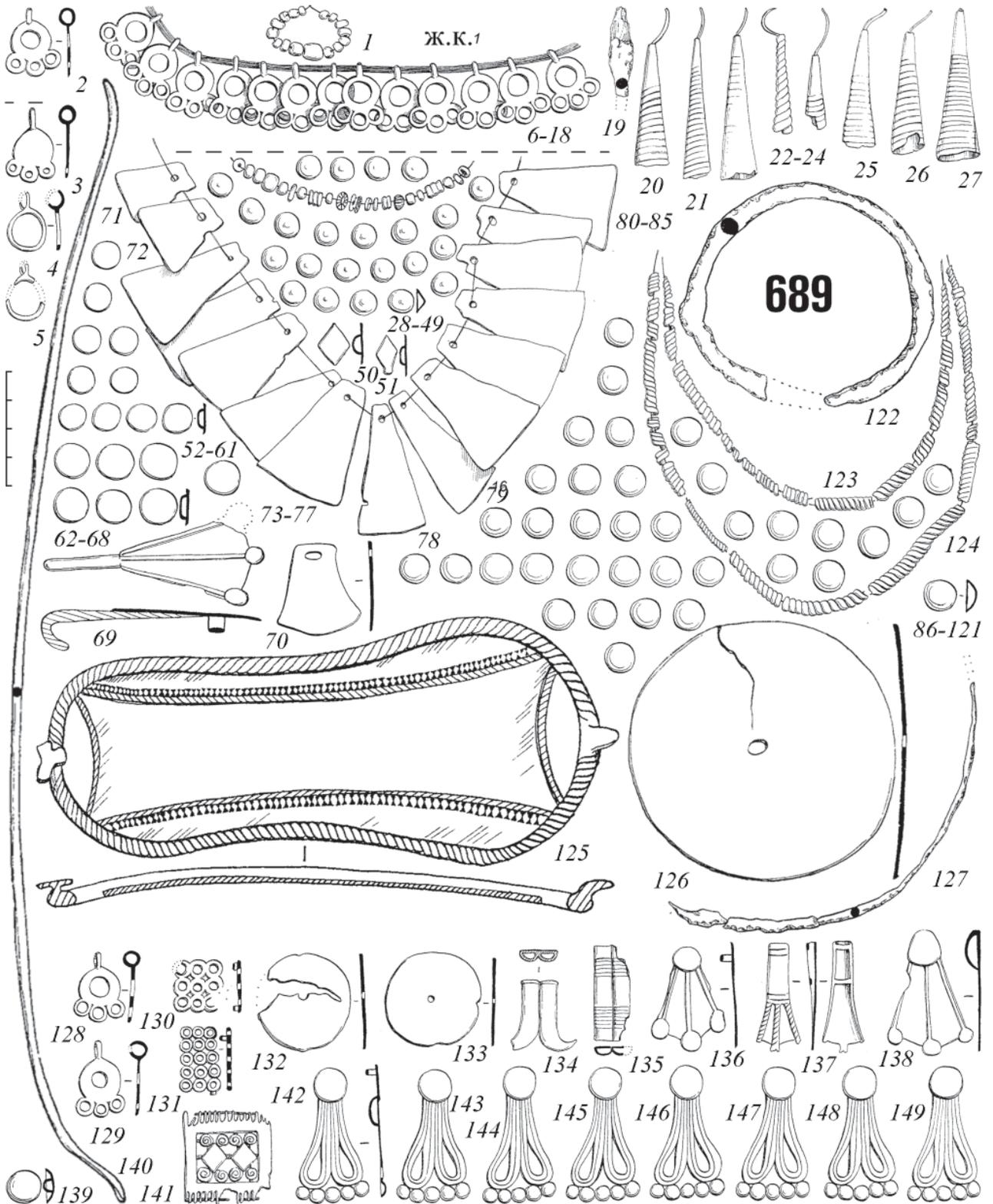

Рис. 13. Тарасово, п. 689 (Голдина, 2003, табл. 292–294, 295/689).

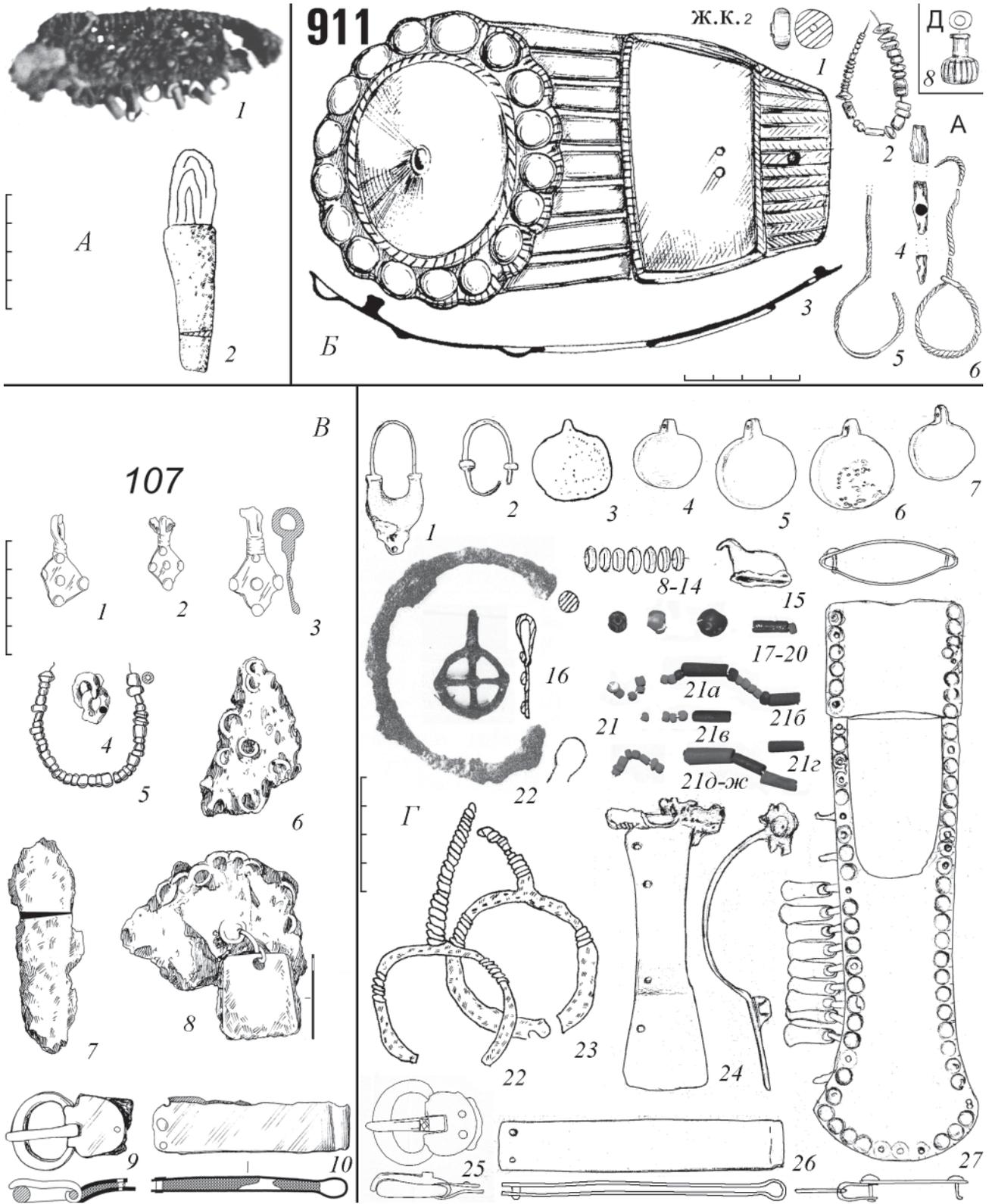

Рис. 14. А – Ст. Кабаново, п. 71 (Васюткин, 1970о, рис. 40: 6; Васюткин, Останина, 1986, табл. 8: 9);
 Б – Тарасово, п. 911 (Голдина, 2003, табл. 387/911); В – Тураево, п. 107 (Голдина, Бернц, 2010,
 табл. 82); Г – Ст. Кабаново, п. 152 (Васюткин, Горбунов, 1971о, рис. 50: 3; 65: 4; Васюткин,
 Останина, 1986, табл. 18: 9, 17–19; 19: 1; МАЭ №653/152(249), фото Р.Р. Руслановой; 654, 655, 657,
 660–663/152(249), рис. из архива Н.Г. Рутто).

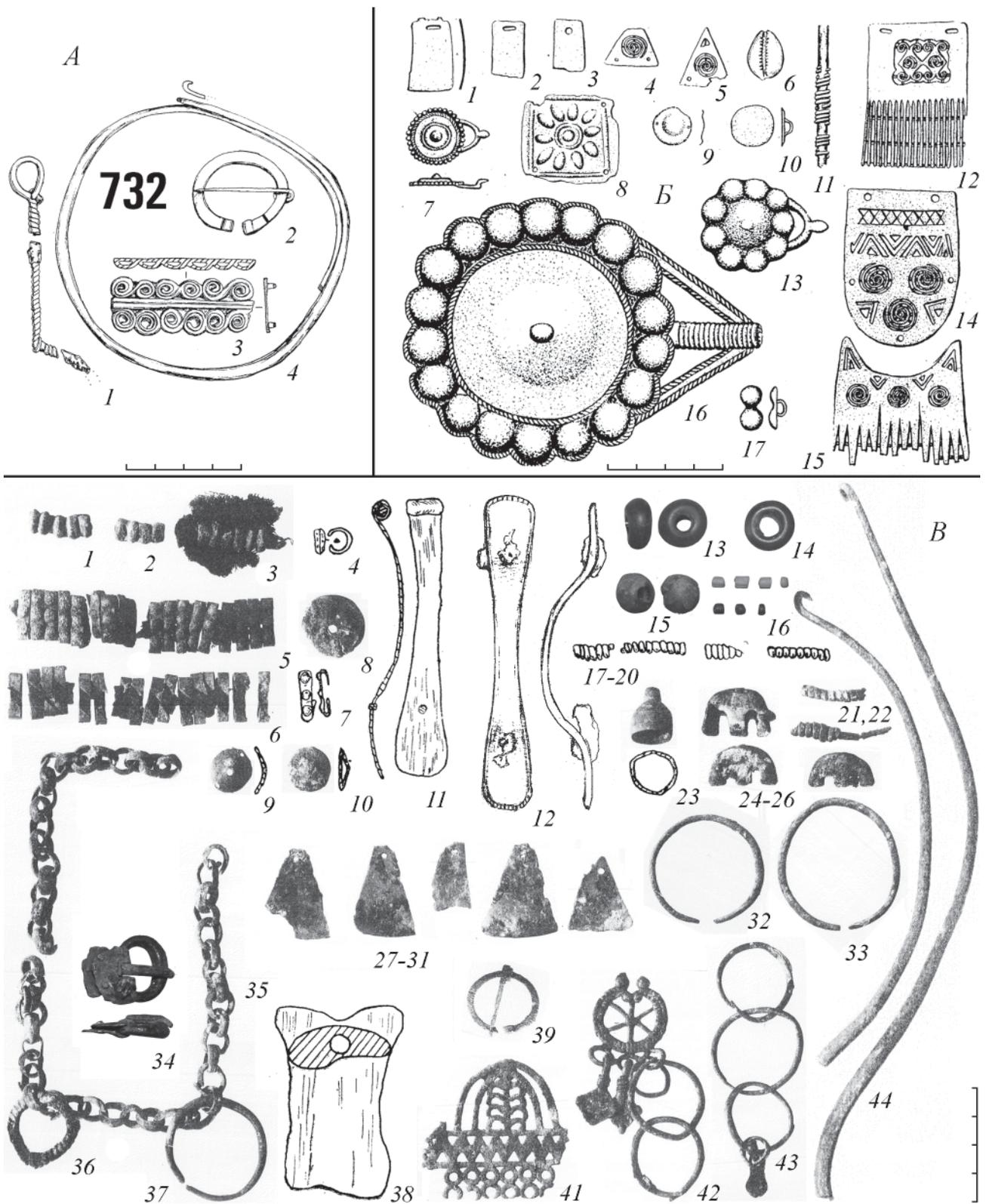

Рис. 15. А – Тарасово, п. 732 (Голдина, 2003, табл. 314/732); Б – Урманево II, п. 17 (Васюткин, 1982, табл. 4: 2, 3, 6–9, 15, 17, 18, 20–22, 25, 26, 31, 33); В – Ст. Кабаново, п. 20 (Васюткин, 1967о, рис. 49: 3; 55: 1–6, 9, 10; 56; 57: 1, 3–6; 58; Васюткин, Останина, 1986, табл. 2: 34–36; 3: 17; МАЭ, №76, 86–89/20(294), фото Р.Р. Руслановой; рис. из архива Н.Г. Рутто).

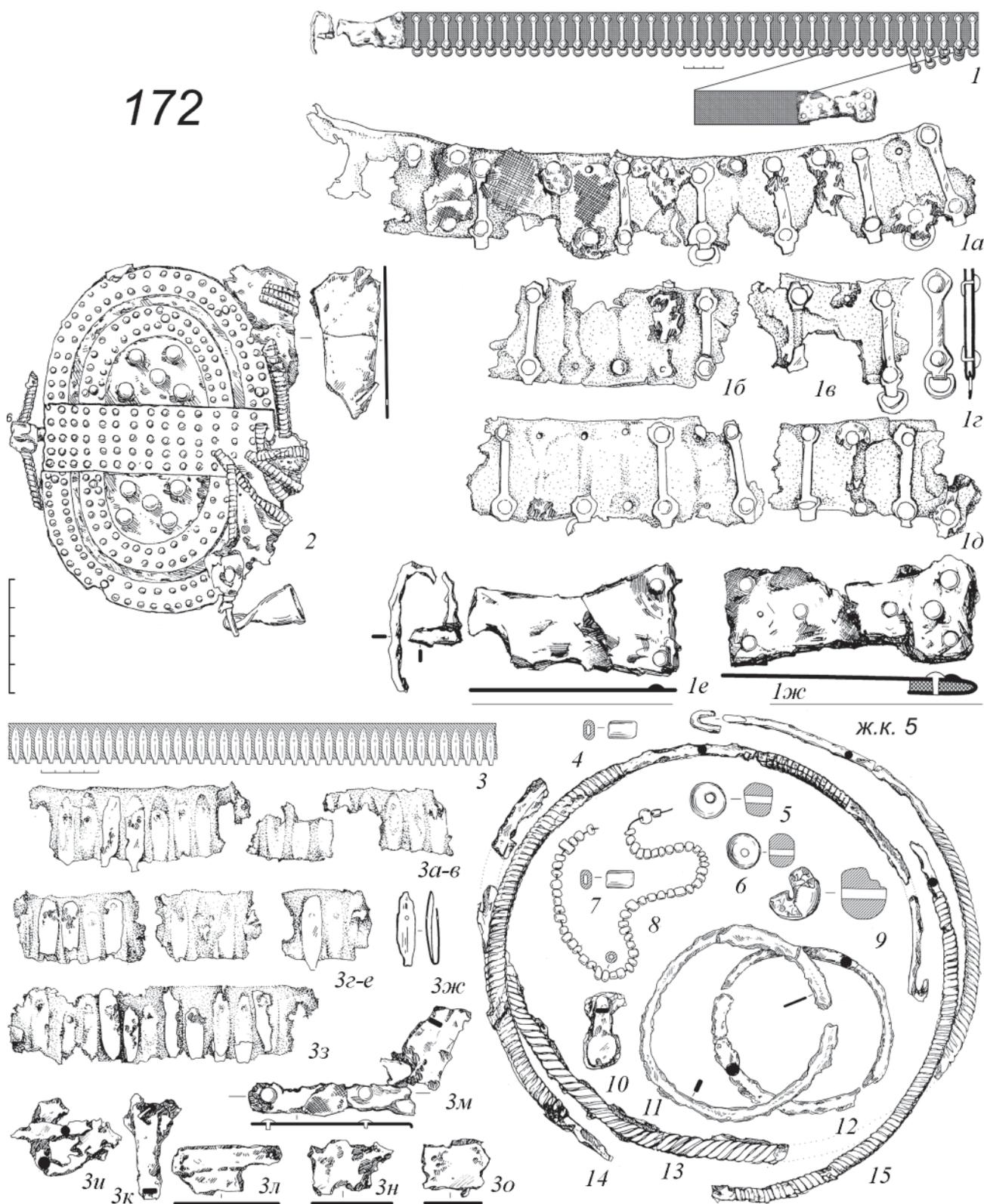

Рис. 16. Тураево, п. 172 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 123: 7; 125: 5–1–5–12; 126; 127).

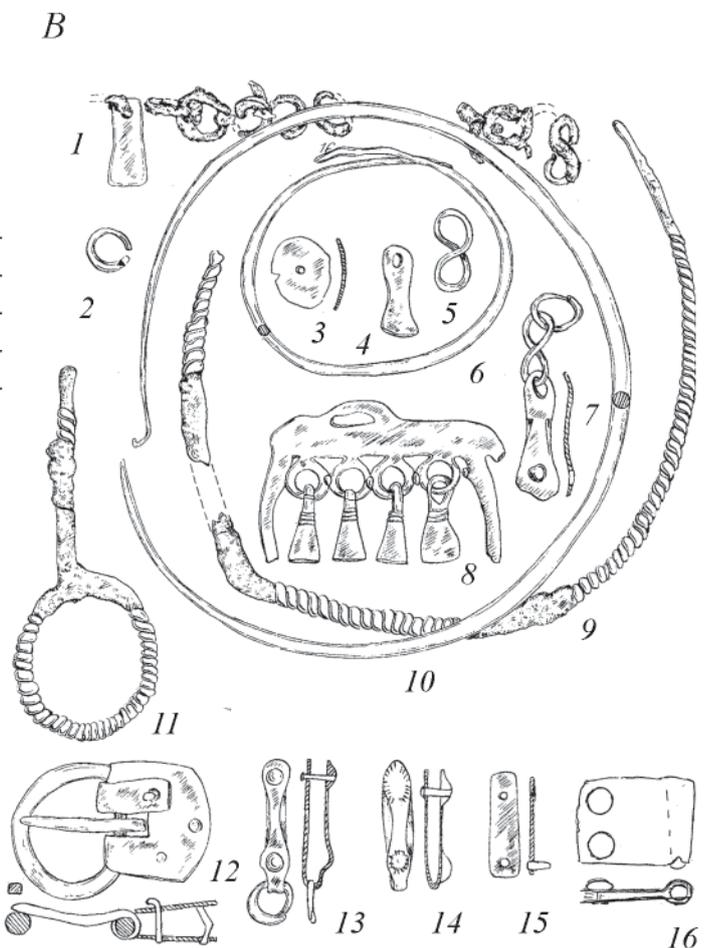
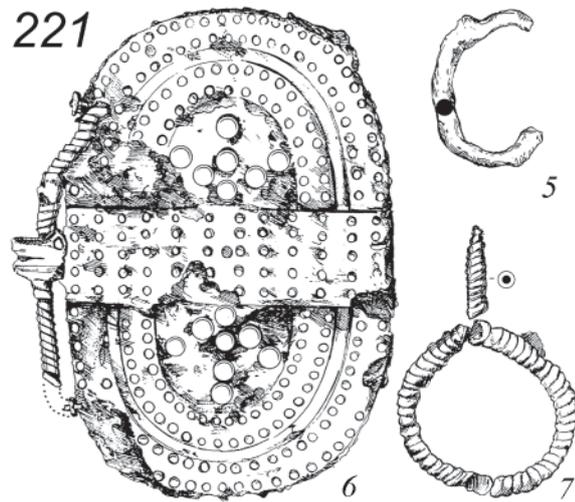
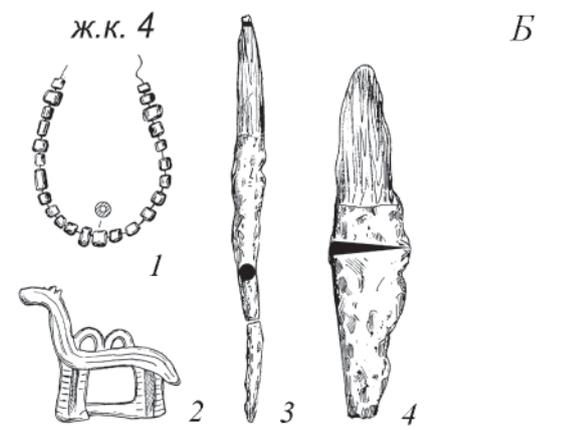
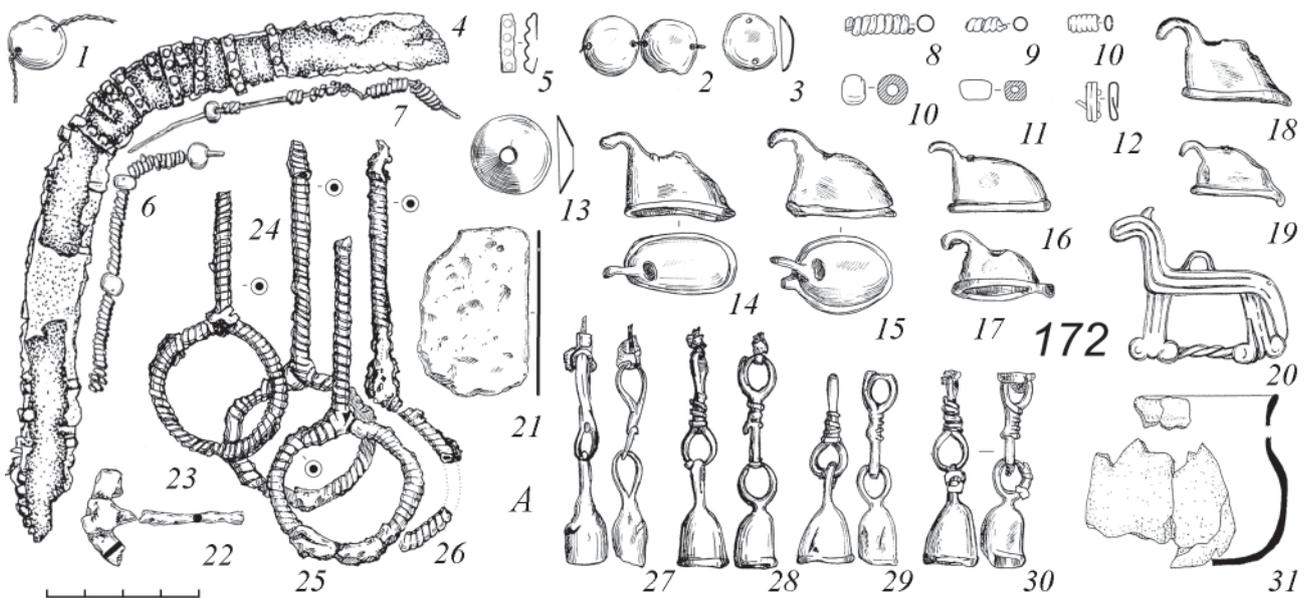

Рис. 17. А – Тураево, п. 172 (продолжение) (Голдина, Бернц, 2010, табл. 123: 1–6; 124: 1–3, 5–23; 125: 1–4); Б – Тураево, п. 221 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 160); В – Покровское, п. 20 (Останина, 1992, рис. 4; НМУР 322/812, рис. И.О. Гавритухина).

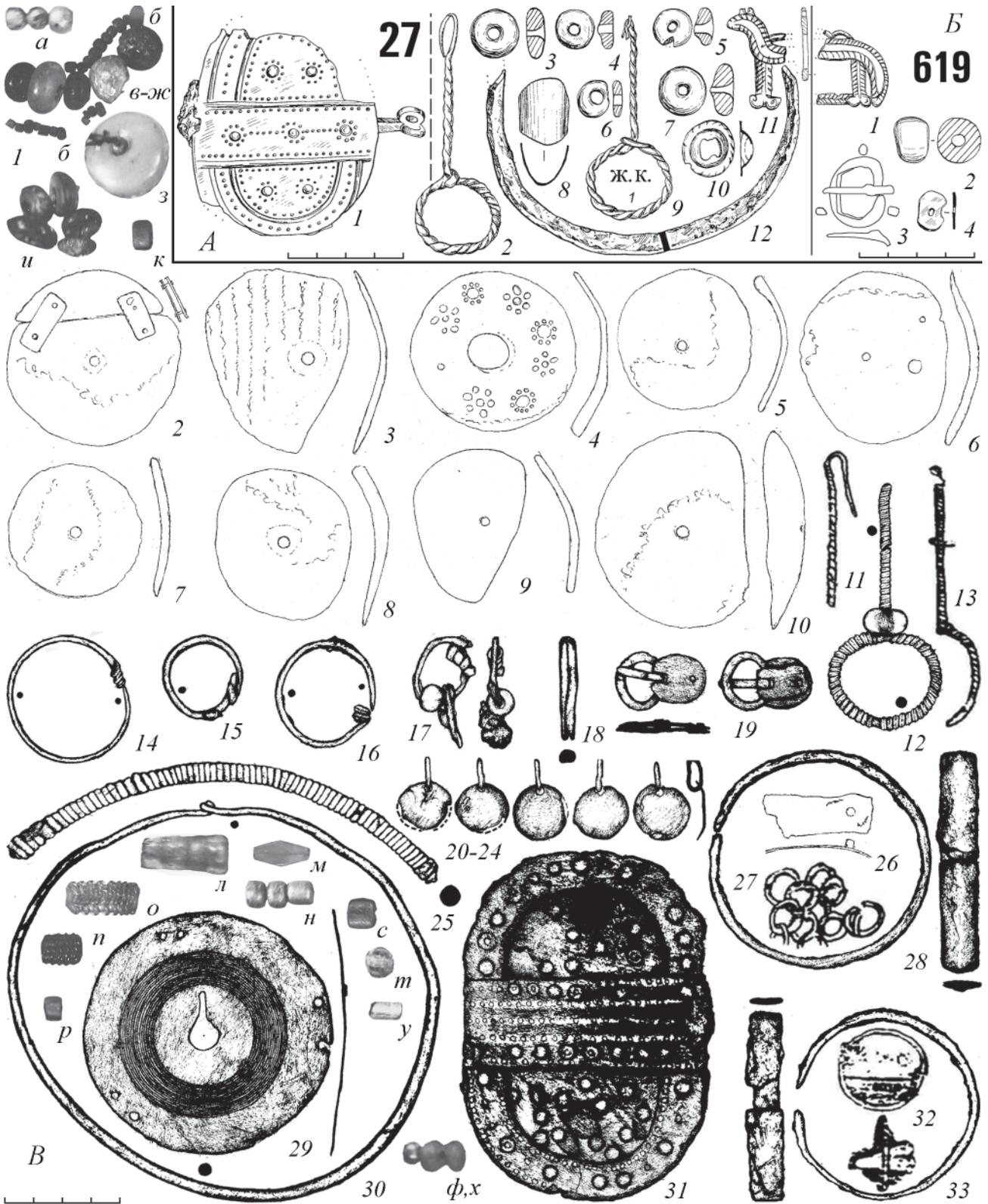

Рис. 18. А – Тарасово, п. 27 (Голдина, 2003, табл. 11/27); Б – Тарасово, п. 619 (Голдина, 2003, табл. 261/619; МДСИКВМ 1467/870, рис. КАА); В – Бирск, п. 313 ([мат-лы к изданию]; Мажитов, Султанова, 1981о, рис. 90; МА БГУ 321/1245, рис. КАА).

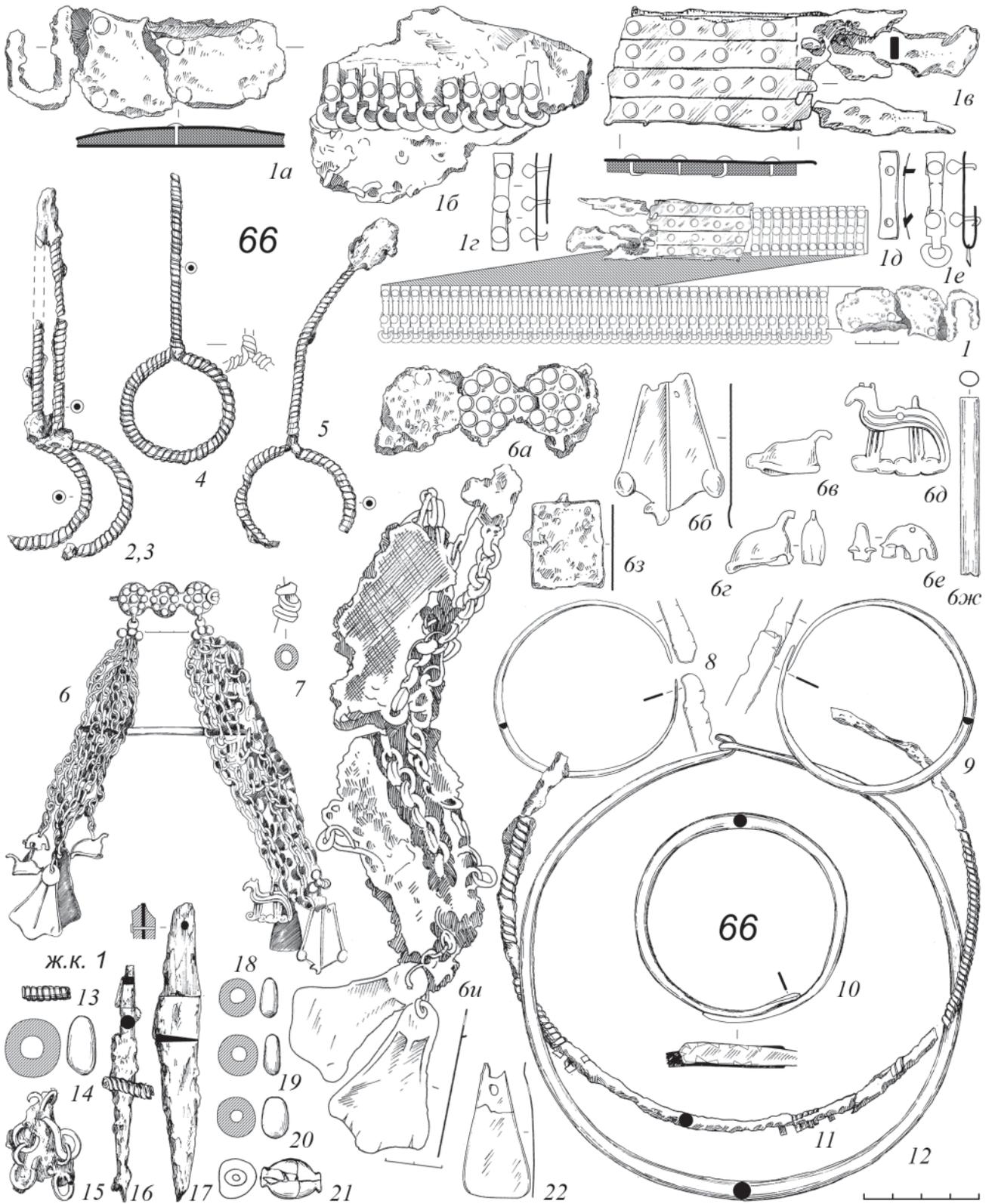

Рис. 19. Тураево, п. 66 (Голдина, Бернц, 2010, табл. 49–52).

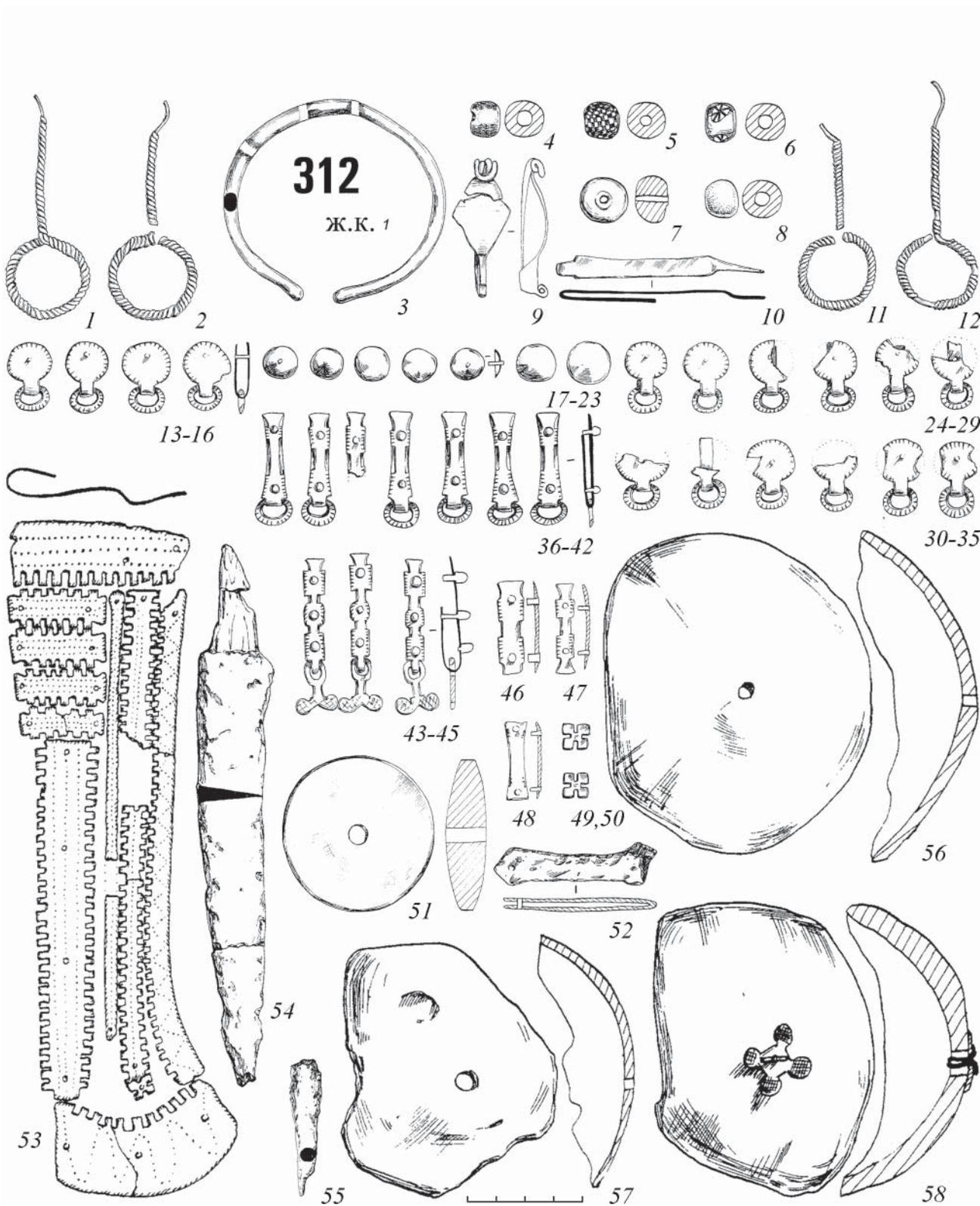

Рис. 20. Тарасово, п. 312 (Голдина, 2003, табл. 139–140).

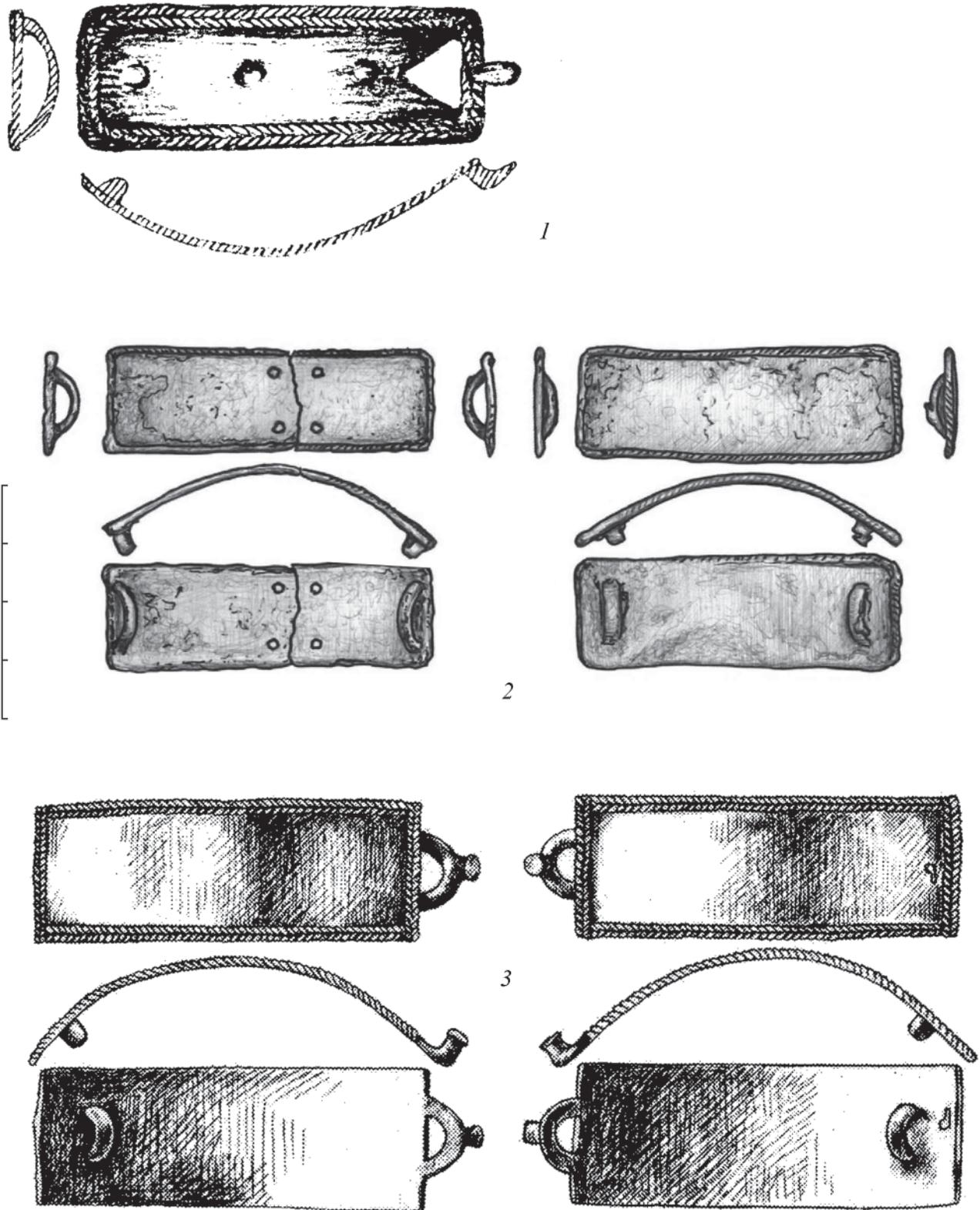

Рис. 21. Прогнутые обувные застежки. 1 – Ст. Чекмак I, п. 33 (рис. О.А. Арматынской в рамках преддипломной практики 1983/1984 г.); 2 – Кипчаково II, п. 2/2014 (Зубов, Саттаров, 2015, рис. 5: 1, 2); 3 – Кипчаково I, п. 5/2006 (Зубов, 2010, рис. 9.3: 19, 23).

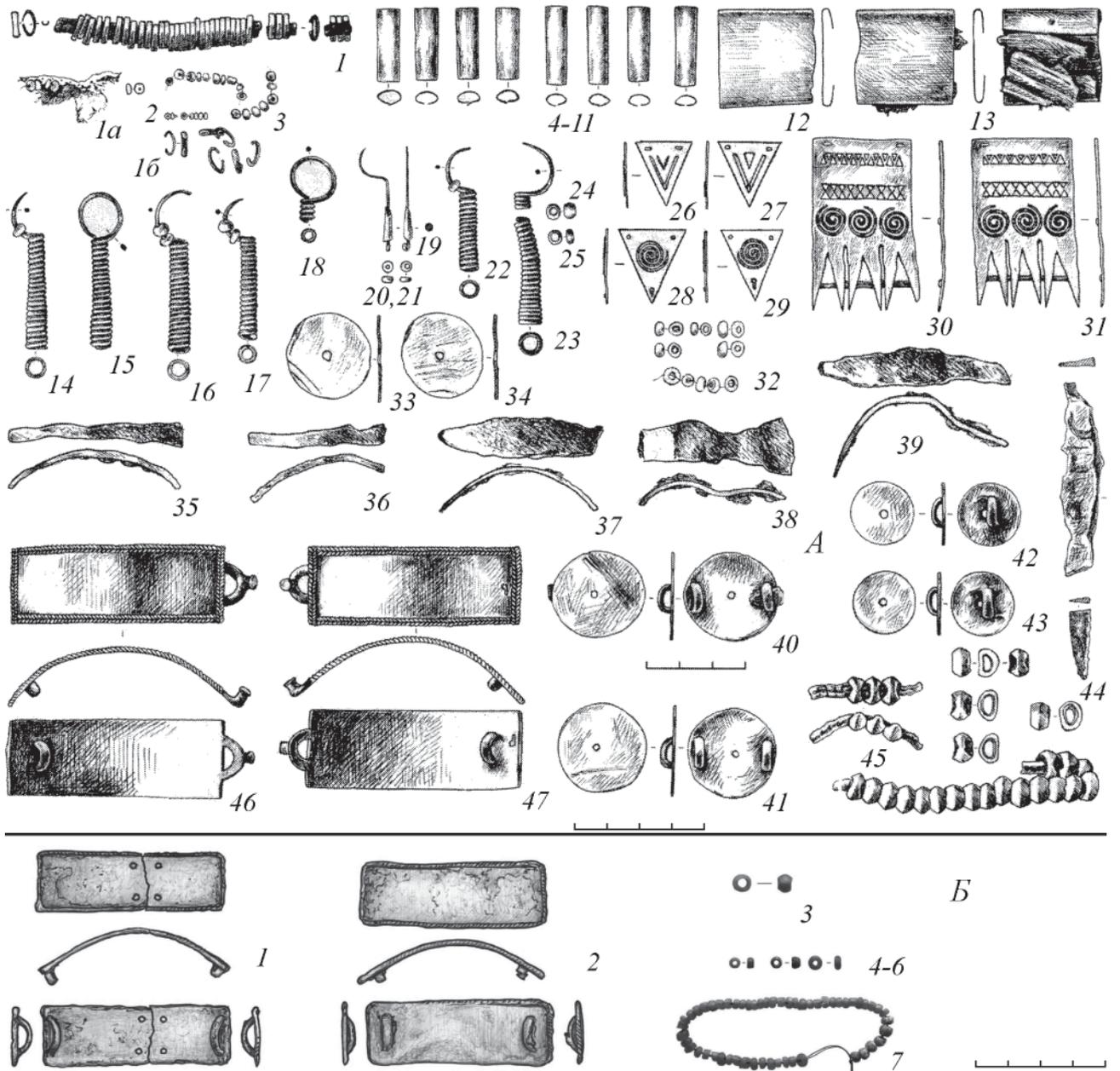

Рис. 22. А – Кипчаково I, п. 5/2006 (Зубов, 2010, рис. 9.2, 9.3); Б – Кипчаково II, п. 2/2014 (Зубов, Сагтаров, 2015, рис. 5).

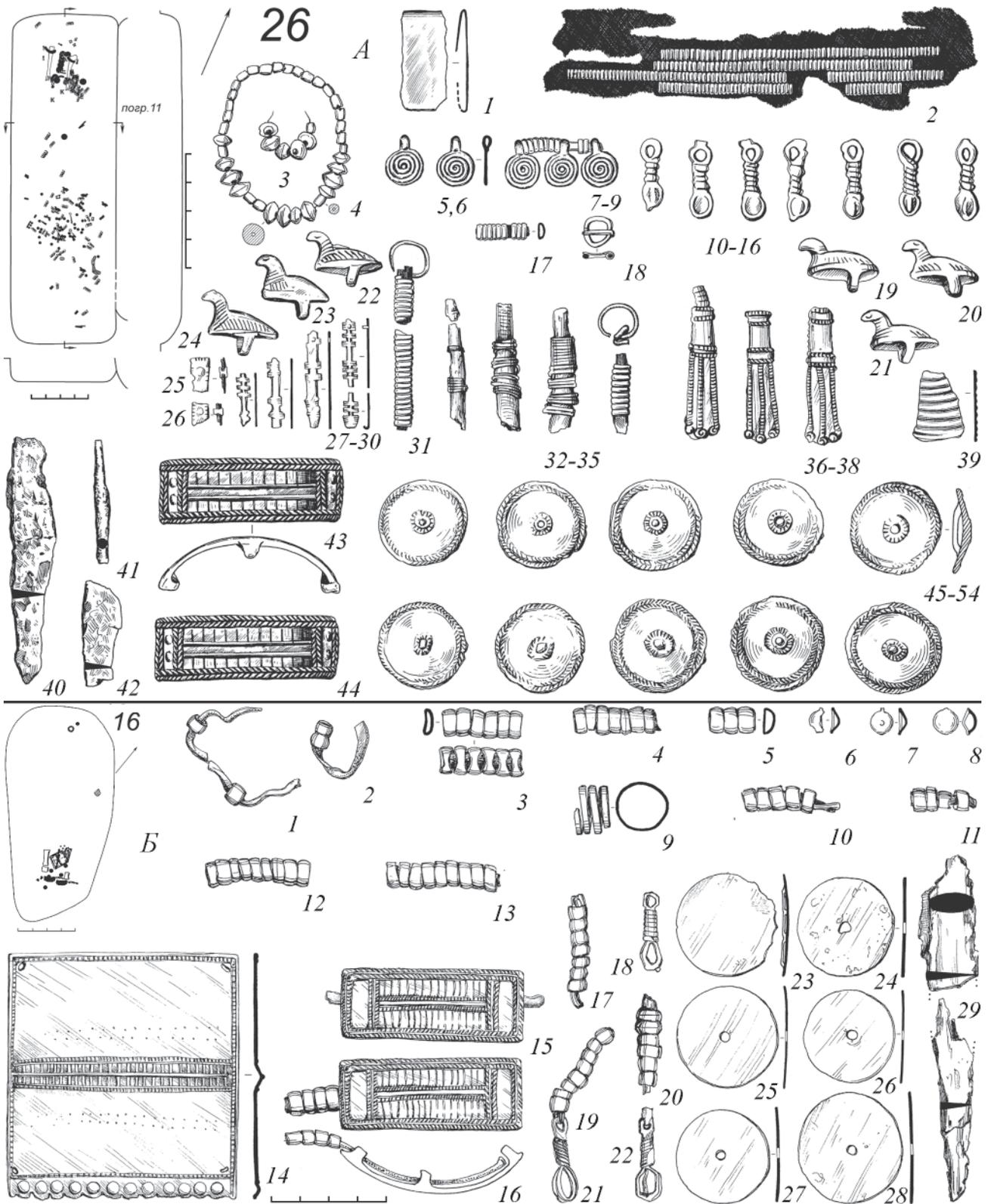

Рис. 23. А – Худяки, п. 26 (Голдина и др., 2014, табл. 69–71); Б – Первомай, п. 16 (Голдина и др., 2014, табл. 150, 151).

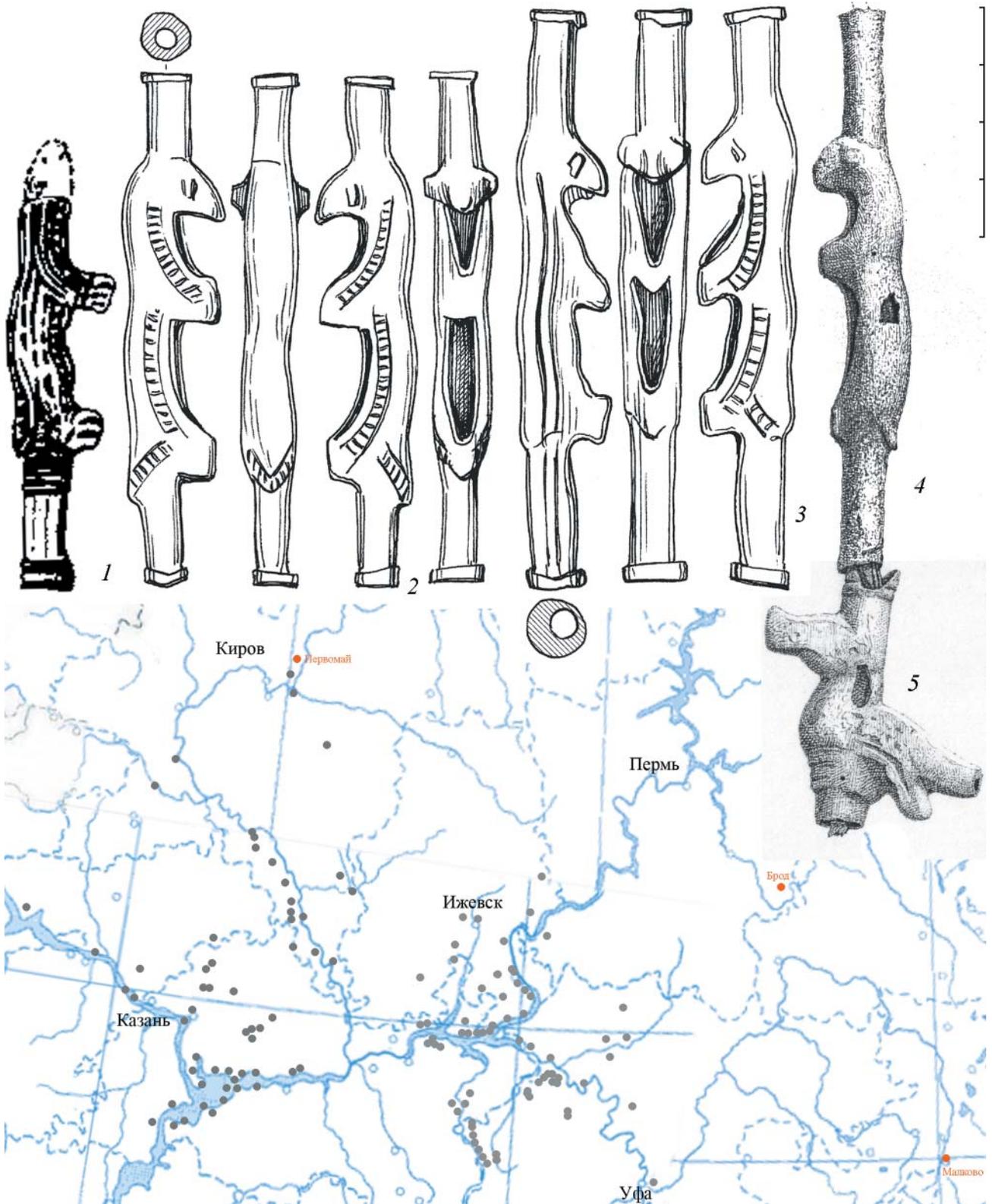

Рис. 24. Пронизки-«собольки». 1 – Малково, к. 1/п. 1 (Боталов, Полушкин, 1996, рис. 4: 19); 2, 3 – Первомай, п. 13 (Голдина и др., 2014, табл. 147: 5, 7); 4, 5 – Броды, п. С24 (Спицын, [подготовит. литографии], табл. 6/№: 21).

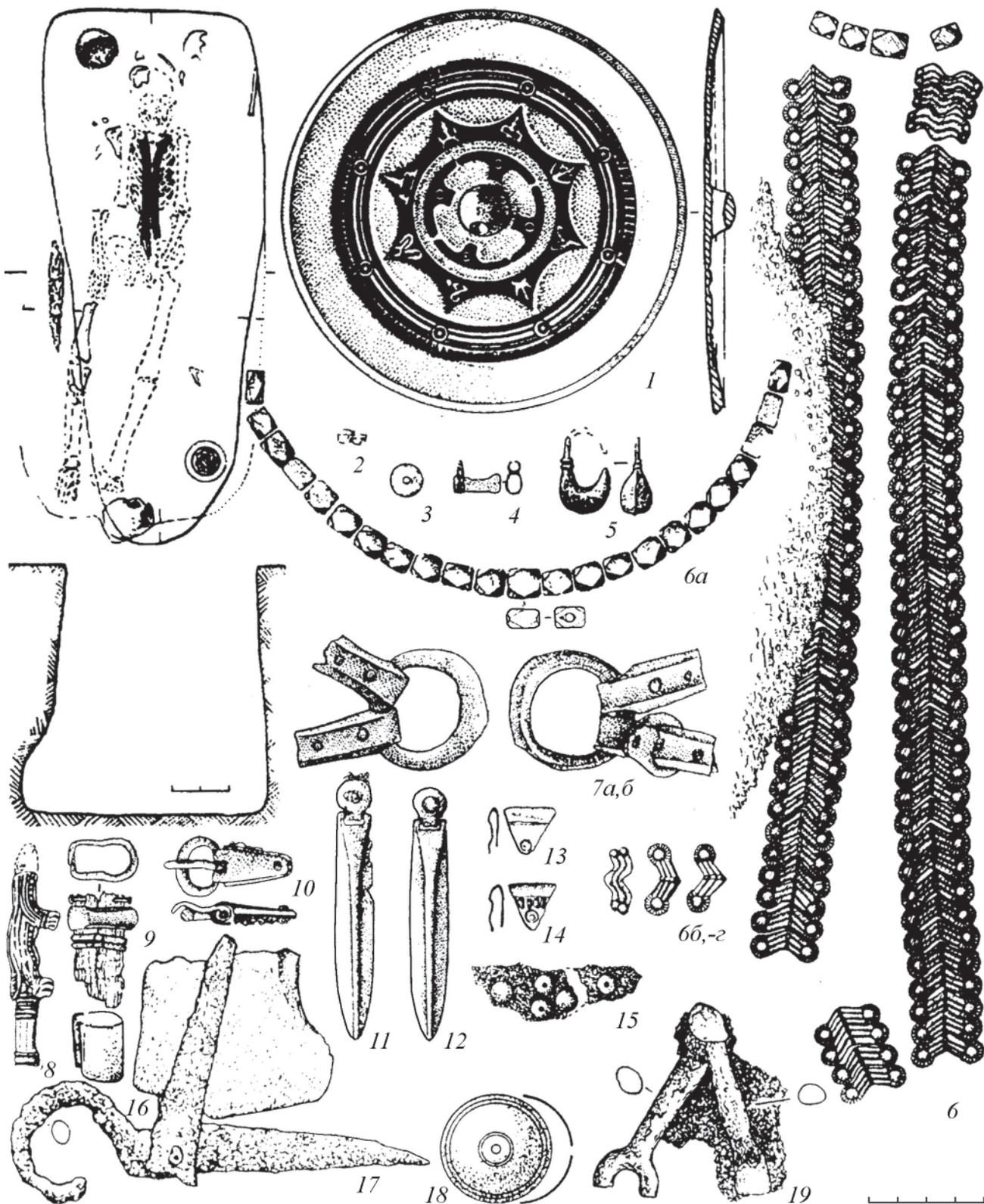

Рис. 25. Малково, к. 1/п. 1 (Боталов, Полушкин, 1996, рис. 4).

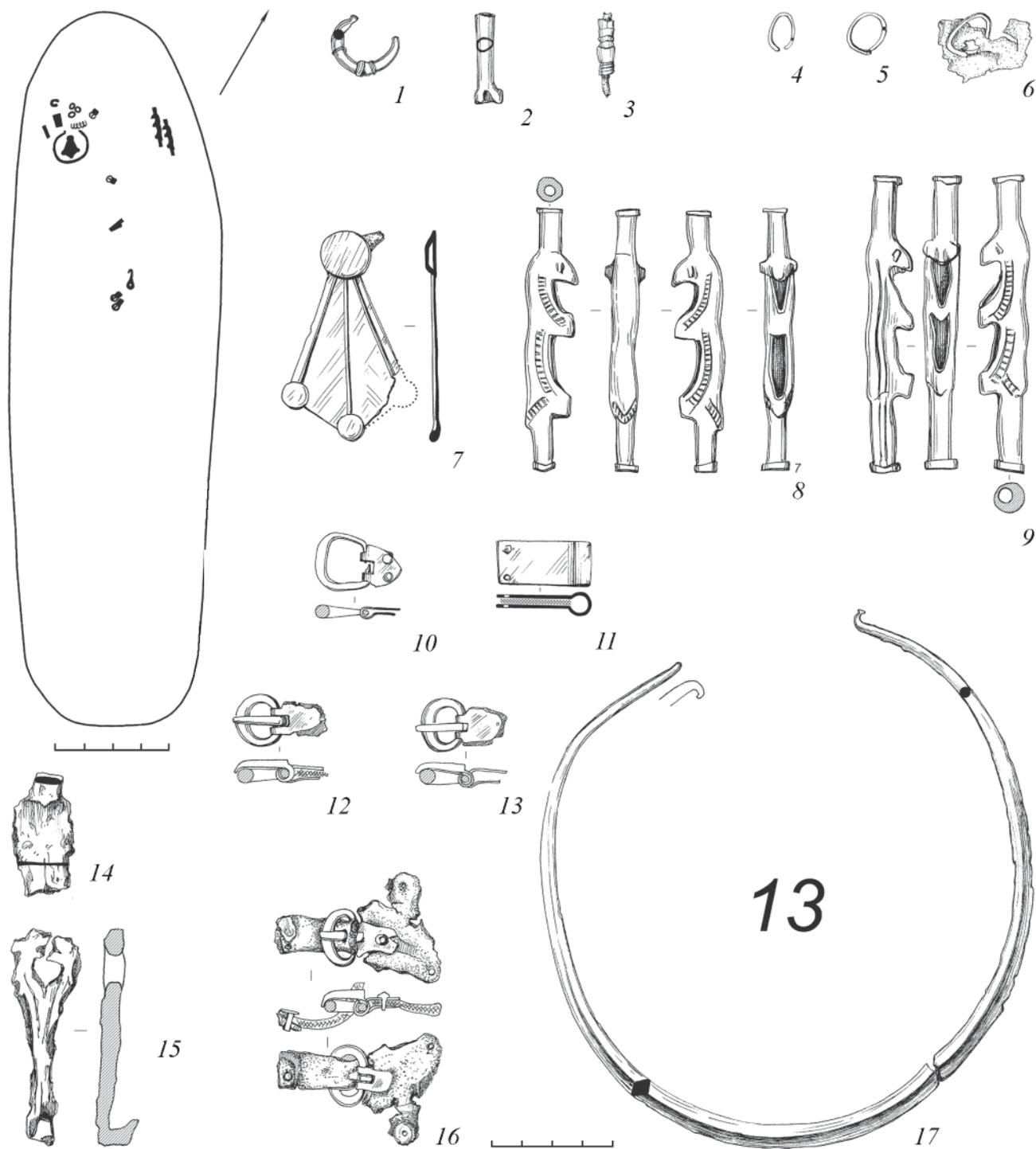

Рис. 26. Первомай, п. 13 (Голдина и др., 2014, табл. 146, 147).

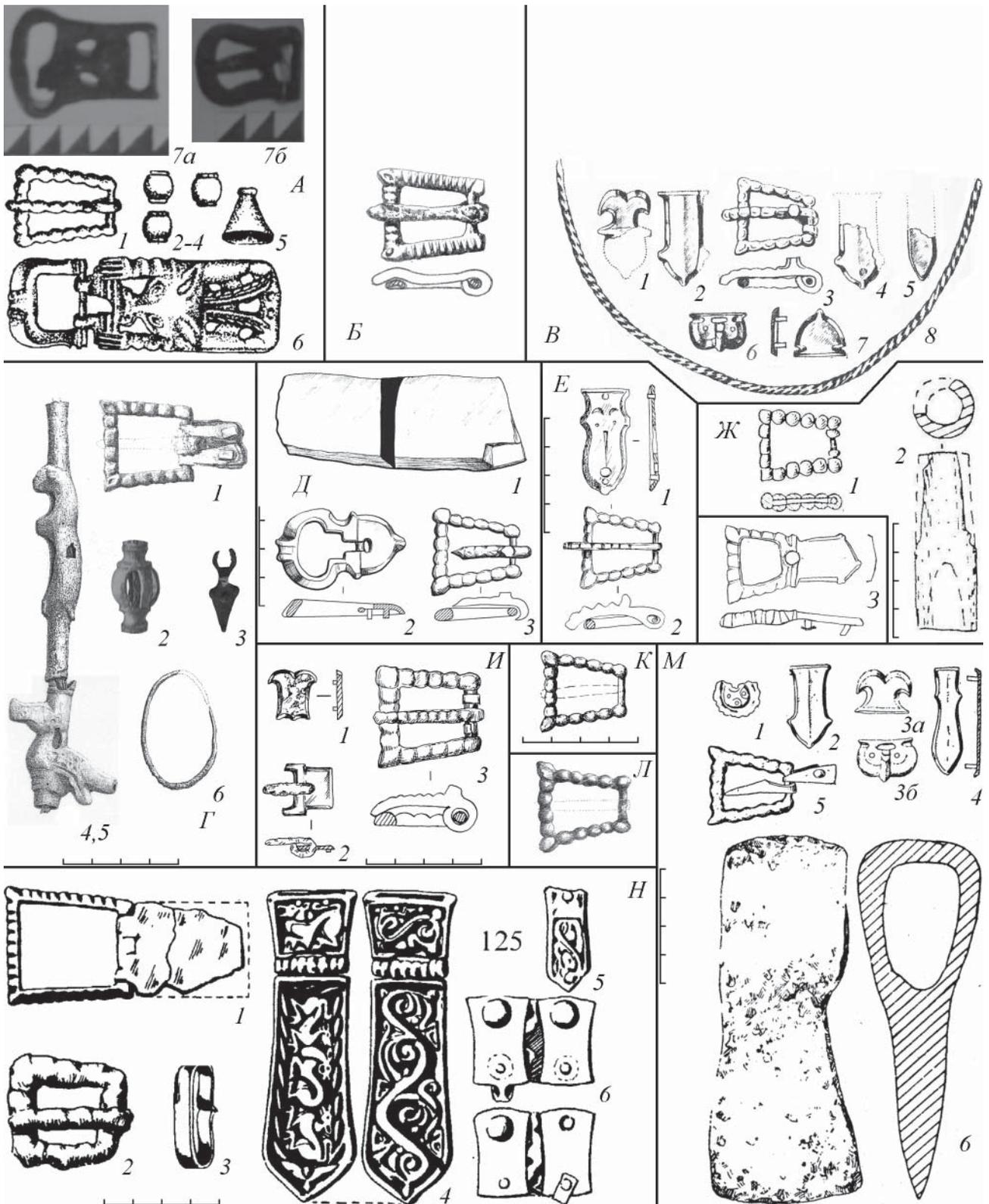

Рис. 27. Комплексы с пряжками с трапециевидной горошчатой рамкой. А – Редикар, п. 32 (Крыласова, 2001, рис. 114; 7а, б – Лунегов, 1970, л. 32/3); Б – Аверино, п. 10 (Голдина, Кананин, 1989, рис. 48: 10); В – Аверино, яма уч. ТУ/11 (Голдина, Кананин, 1989, рис. 47: 41; 48: 7; 49: 4, 9, 18, 31, 38; 55: 9); Г – Броды, п. С24 (Спицын, [подготовит. литографии]; ГЭ 565/306); Д – Неволино, п. 102 (Голдина, 2012б, табл.18: 1–3); Е – Верх-Сая, к. 70/п. 1 (Голдина, 2012а, табл. 24: 4; Голдина, Перевозчикова, 2012, табл. 6: 56); Ж – Джетыгасар, п. 191 (Левина, 1996, рис. 104: 13; 128: 24); З – Ильинский музей (Осн.ф. 4934/ИРКМ, рис. КАА); И – Верх-Сая, п. 118 (Голдина, Перевозчикова, 2012, табл. 6: 50, 57; Голдина, 2012а, табл. 24: 12); К – Агафоново I, п. 10 (Голдина и др., 1980, табл. III: 22); Л – Аннинская вол. (Спицын, 1902, табл. XVI: 12); М – Агафоново I, п. 126 (Голдина и др., 1980, табл. XXVII: 8–13); Н – Тисафюред, п. 125 (Гавритухин, 2001б, рис. 16: 1–7).

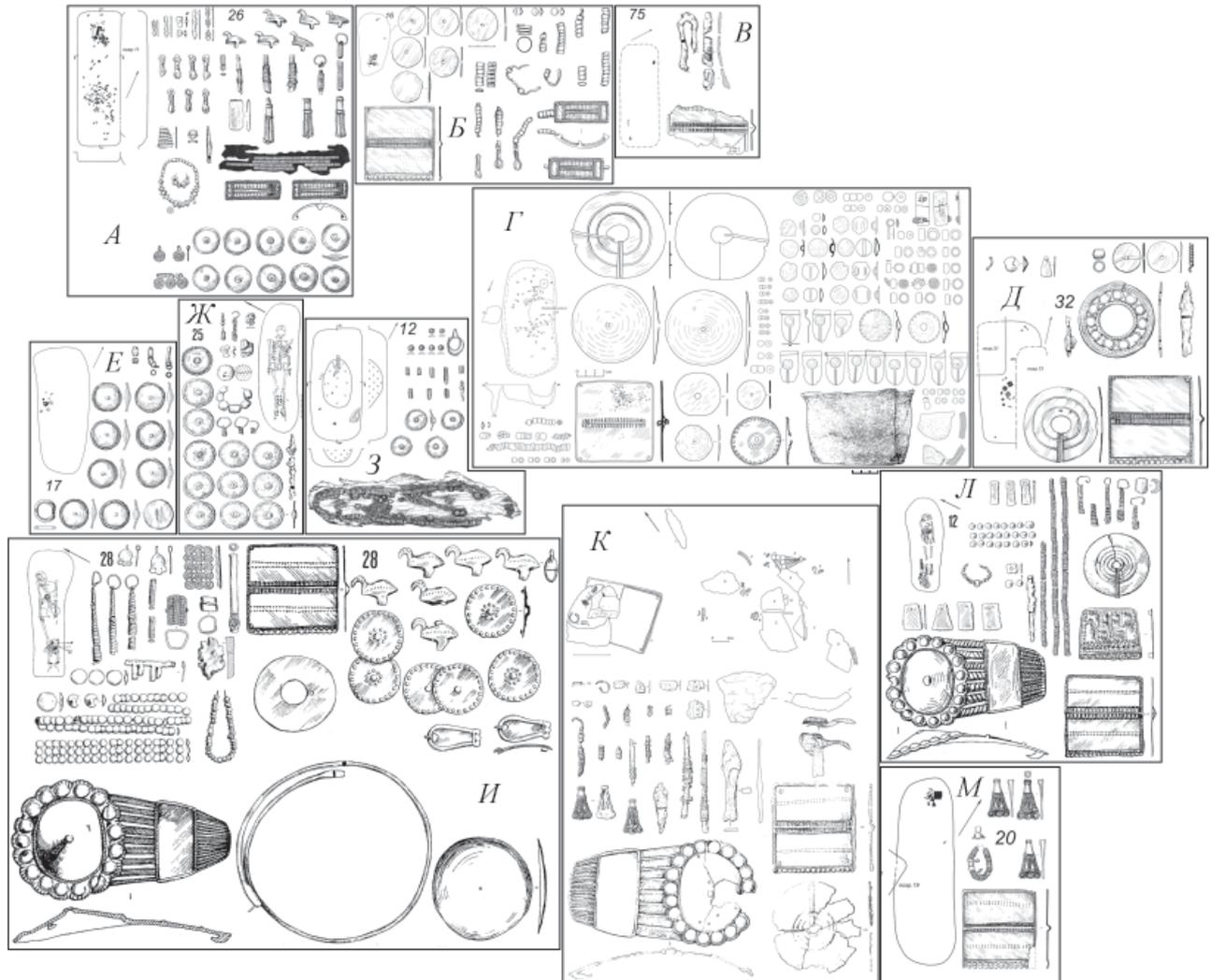

Рис. 28. Взаимосвязи комплексов с прогнутыми обувными застёжками (А, Б), бляшками (А, Е, Ж, З, И), эполетообразными застёжками (И, К, Л), бляхами с валиками (Д, К, Л), концевыми треугольными пронизками (К, Л) и квадратными нагрудниками. А – Худяки, п. 26 (Голдина и др., 2014, табл. 69: 1–3, 5–13; 70; 71); Б – Первомай, п. 16 (Голдина и др., 2014, табл. 150: 1–7; 151); В – Первомай, п. 75 (Голдина и др., 2014, табл. 184: 6–8); Г – Сендимиркино, п. 1 (Мясников, 2016, рис. 63–66); Д – Первомай, п. 32 (Голдина и др., 2014, табл. 164: 1–9, 11, 12); Е – Первомай, п. 17 (Голдина и др., 2014, табл. 152); Ж – Ошки, п. 25 (Голдина и др., 2014, табл. 29: 1–4, 6–10, 12–23); З – Кордон, п. 12 (Голдина и др., 2014, табл. 50); И – Ошки, п. 28 (Голдина и др., 2014, табл. 34: 2–75; 35; 37); К – Кошкино (Гусенцова, Лаптева, 2008, рис. 2–6), Л – Ошки, п. 12 (Голдина и др., 2014, табл. 13–14); М – Первомай, п. 20 (Голдина и др., 2014, табл. 153: 1–6).

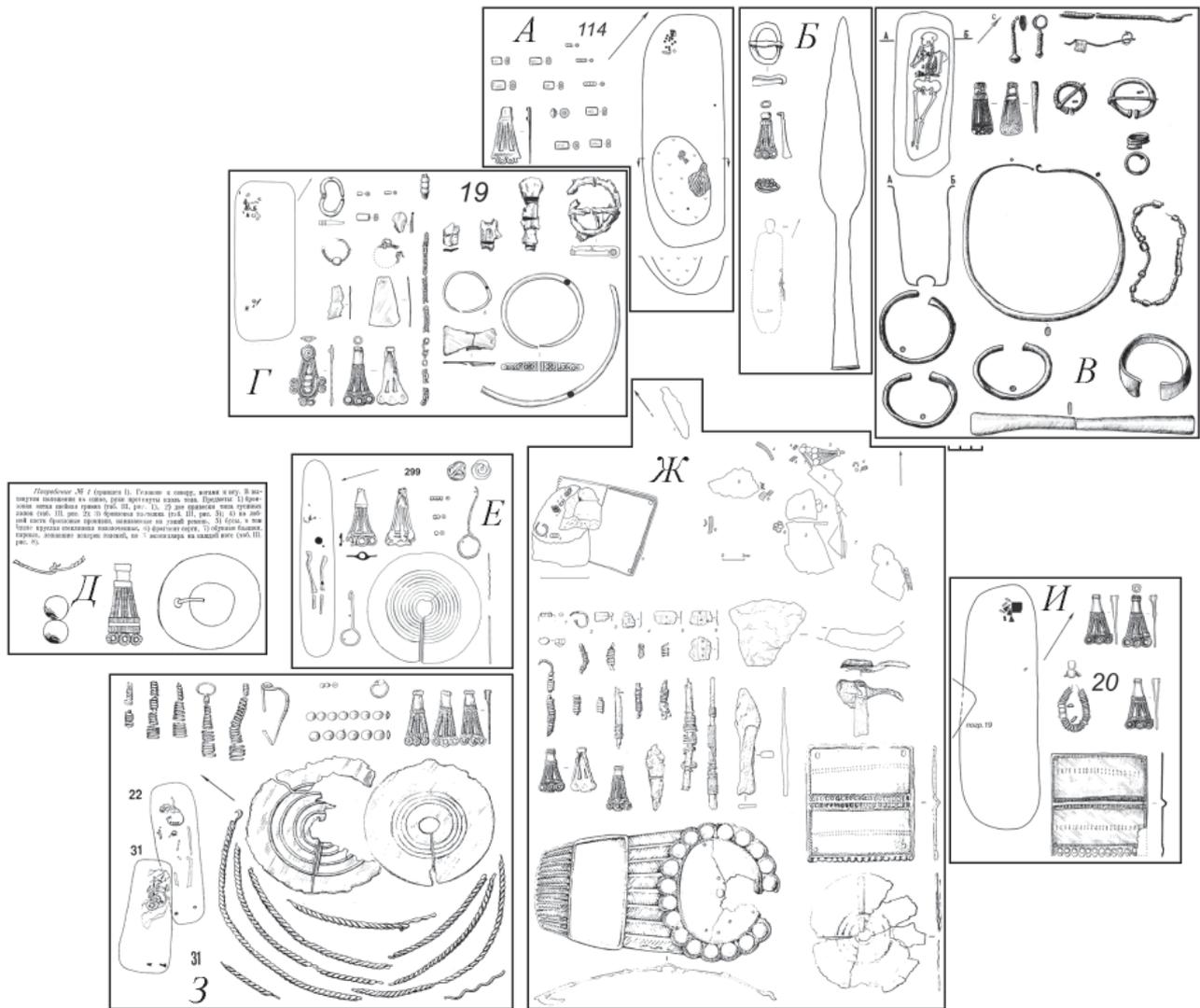

Рис. 29. Взаимосвязи комплексов с бляхами с валиками (Е, З), квадратными нагрудниками (Ж, И), и концевыми треугольными застёжками. А – Худяки, п. 114 (Голдина и др., 2014, табл. 120: 4–15); Б – Тюм-Тюм, п. 81 (Ошибкина, 2010, табл. 38: 1–3, 5); В – Ивановково, п. 63/1972 (Мясников, 2016, рис. 156: 1–7, 9–15); Г – Первомай, п. 19 (Голдина и др., 2014, табл. 154–155); Д – Воробьи, п. 1 (Худяков, 1929, табл. 3: 1, 2, 5, 8); Е – Нырғында I, п. 299 (Голдина, Красноперов, 2012, табл. 167); Ж – Кошкино (Гусенцова, Лаптева, 2008, рис. 2–6); З – Ошки, п. 31 (Голдина и др., 2014, табл. 26); И – Первомай, п. 20 (Голдина и др., 2014, табл. 153: 1–6).

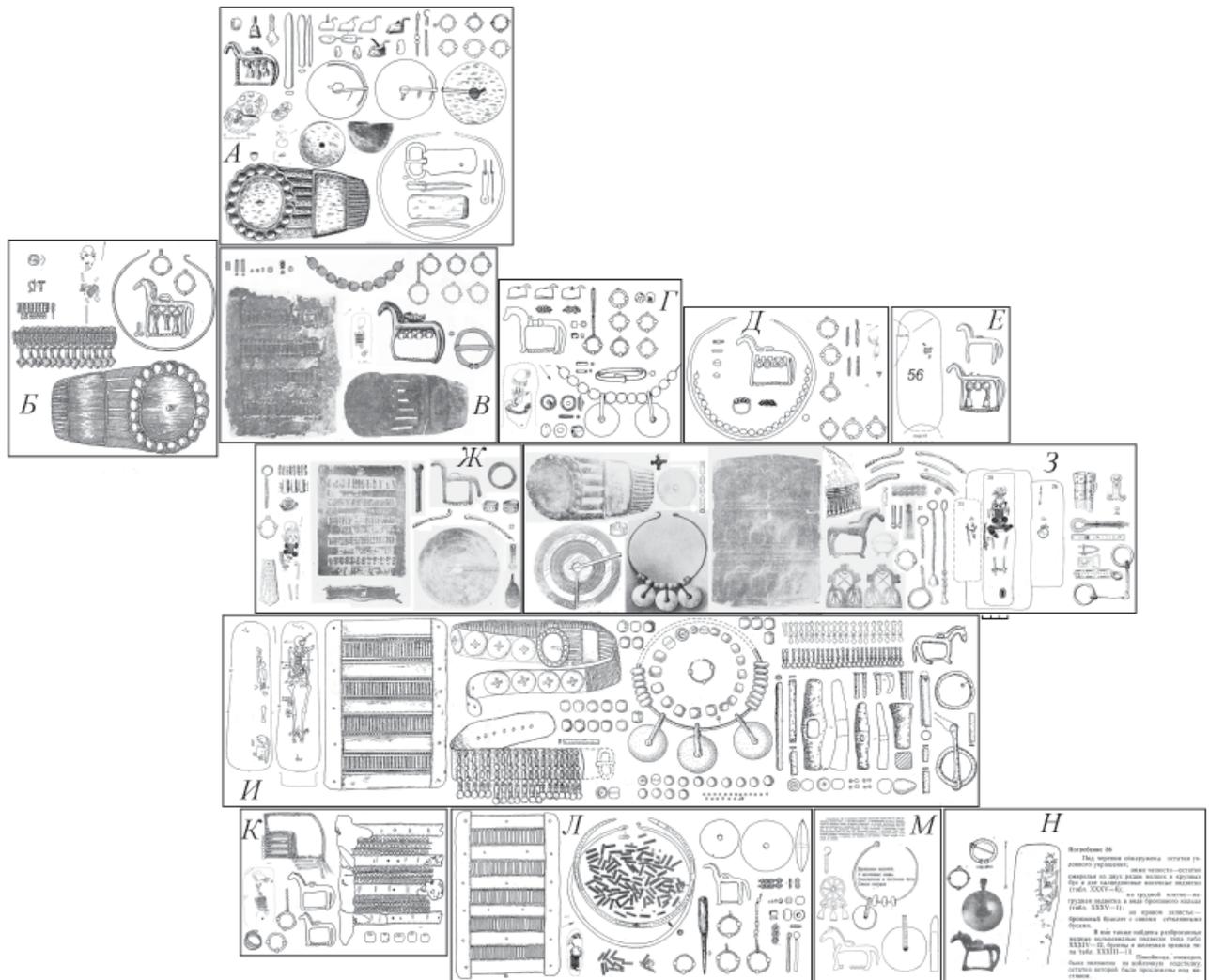

Рис. 30. Взаимосвязи комплексов с ажурными планками (Б), наборными нагрудниками (В, Ж, З, И, К, Л), гривнами с халцедоновыми дисками (Г; З, И, Л, М, Н), головными уборами (Б, И; З, К), поясами с эполетобразными застёжками и халцедоновыми дисками (А, З, И; Б, В), гравированными дисками (Ж, З), сьюльгамой с птицами (З) и коньковыми подвесками. А – Тюм-Тюм, п. 33 (Ошибкина, 2010, табл. 4; 5: 1; 6: 1–18); Б – Уржумка, п. 21 (Никитина, 1999, рис. 54Б); В – Тюм-Тюм, п. 55 (Ошибкина, 2010, табл. 26: 1–15, 17, 18); Г – Тюм-Тюм, п. 60 (Ошибкина, 2010, табл. 31); Д – Тюм-Тюм, п. 58 (Ошибкина, 2010, табл. 29: 1–16); Е – Первомай, п. 56 (Голдина и др., 2014, табл. 177: 1, 3); Ж – Суворово, п. 11 (Генинг, 1963, рис. 61, табл. I: 2, 10, 13–15; II: 3, 4, 10; V: 2, 5; III: 5; VIII: 4; IX: 6; X: 8, 11, 12; XIII); З – Суворово, п. 28 (Генинг, 1963, рис. 28, 66, табл. I: 1, 2, 4, 5, 9, 19; II: 1; III: 4, 5, 7; V: 1; VII: 2; VIII: 1; IX: 1, 5, 6, 9, 11; X: 1, 7, 9, 10; XI; XII; XVIII: 7, 8, 10, 12; XIX: 5, 9); И – Нармонка, п. 10 (Старостин, 2002, рис. 12: 1–22, 24–31); К – Тюм-Тюм, п. 35 (Ошибкина, 2010, табл. 7: 1–8); Л – Тюм-Тюм, п. 71 (Ошибкина, 2010, табл. 32: 1–15); М – Вичмар, п. 8 (Худяков, 1929, с. 80, табл. 6); Н – Мари-Луговая, п. 36 (Халиков, 1962, рис. 64, табл. XXXIII: 13; XXXIV: 12; XXXV: 1, 6).

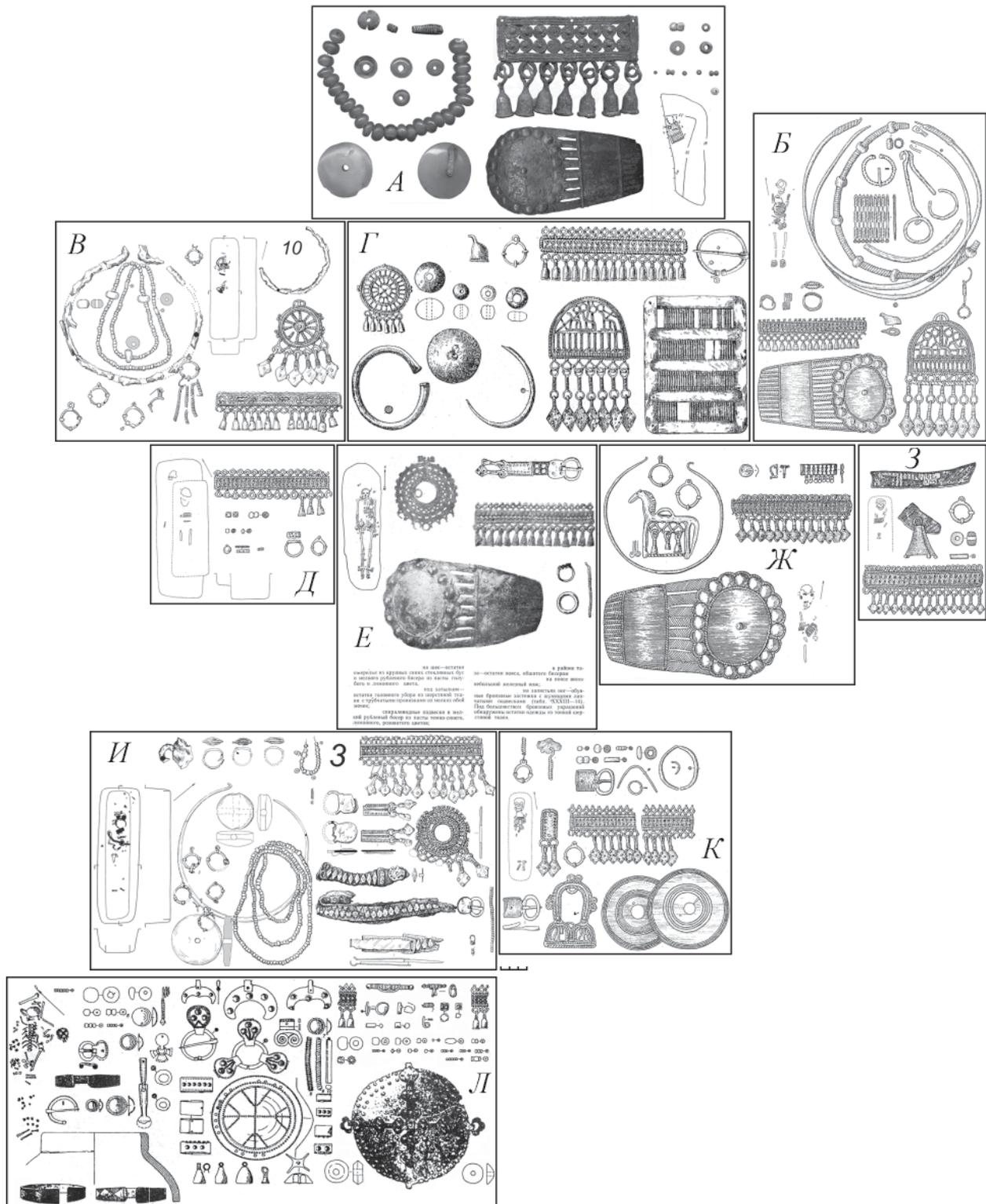

Рис. 31. Взаимосвязи комплексов с круглыми шумящими подвесками со спицами (В, Г) и ажурными (Е, И), ожерельями с халцедоновыми дисками (А), арочными передниками с конями (Б, Г), наборными нагрудниками (Г), вертикальными планками (Е, И, К), головными уборами (Ж, З), эполетообразными застежками (А, Б, Е, Ж), гравированными дисками (К), сьюльгамой с птицами (К), пряжками с неподвижной круглой задней пластиной (Е, И), коньковыми подвесками (Ж) и ажурными планками. А – Нармонка, п. 16 (Овчинников, 2014, рис. 3–6); Б – Уржумка, п. 32 (Никитина, 1999, рис. 57); В – Первомай, п. 10 (Голдина и др., 2014, табл. 143: 1, 2, 4; 144); Г – Уржум, п. 2 (Арбузова, Старостин, 1971, табл. I: 2–4; II: 3–9, 11–14); Д – Арзобеляк, п. 2 (Никитина, 1999, рис. 61); Е – Мари-Луговая, п. 12 (Халиков, 1962, с. 163–164, рис. 60, табл. XXXIII: 14; XXXIV: 1, 5, 8; XXXV: 2–4); Ж – Уржумка, п. 21 (Никитина, 1999, рис. 54Б); З – Уржурка, п. 6 (Никитина, 1999, рис. 46А); И – Первомай, п. 3 (Голдина и др., 2014, табл. 131: 6; 132; 133); К – Уржумка, п. 4 (Никитина, 1999, рис. 45А); Л – Степановка, п. 5 (Гришаков, 2009, рис. 4–6).

Дополнение к каталогу (в текстовой части каталога описаны только комплексы, материалы которых авторами раскопок не изданы¹; все опубликованные приведены в иллюстрациях):

Афонино, сбор 1979 г. (Ютина, 1979о, рис. 184: 3, 4). Концевая треугольная полупроизка с ажурной лопастью типа (Худяков, 1929, табл. 1: 23, 24).

Афонино, п.167/1980 (Клюева, 1980о, рис. 156: 4). Лапчатая произка группы

(Лещинская, 2014, табл. 18: 4, 8, 9, 13). В погребении железный браслет, эполетообразная застежка с лапчатым щитком типа (Голдина, 2003, табл. 295: 2), бляшки, ножны (фрагмент), поясная накладка типа (Генинг, 1970, табл. XIX: 6).

Бирск, сбор 1981 г. (Мажитов, Султанова, 1981о, рис. 74:6, с. 18). Застежка-бляха (половина) с тремя группами гравировок (не с валиками).

¹ Исключая Боярский и Дубровский могильники, которые сейчас готовятся к изданию Е.М. Черных.

УДК 902.63

ХРОНОЛОГИЯ ВЫЯВЛЯЕМЫХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2018 г. Ю.В. Ширин

Часто возникают ошибки в хронологической оценке сравниваемых комплексов эпохи РЖВ Приуралья и Западной Сибири при датировке по аналогам. Эволюционно-типологический метод может быть дополнен хронологическим анализом стилистических особенностей художественного литья. В начале I тыс. н.э. отмечен период активизации культурных контактов Приуралья и Западной Сибири. Это проявилось в распространении однотипного инвентаря и нескольких групп художественного литья. Это Чердынская стилистическая группа (ЧСГ), а также Усть-Полуйская (УСГ) и Холмогорская (ХСГ). Сходство, присущее этим группам литья, позволяет высказать гипотезу о принадлежности их к одному хронологическому периоду. Изделия ХСГ имеют признаки заметного влияния металлургов Приуралья. Именно их культурные традиции I–II вв. отражены в ассортименте отливок. Вероятным регионом массового производства изделий ХСГ может быть южная часть Среднего Зауралья. Появление там нового металлургического центра могло быть стимулировано тем, что этот регион в I–III вв. граничил с торговыми путями, направляющимися в Прикамье из Средней Азии. Нижние даты дальнего импорта, сочетающегося с изделиями ХСГ, дают надежное основание для гипотезы о том, что существующие датировки изделий ЧСГ и комплексов с ними связанных сомнительны.

Ключевые слова: археология, стилистические группы, культовые образы, Западная Сибирь, бронзовое литье, технологические особенности, высокооловянистая бронза

В конце эпохи раннего железного века культурные связи населения смежных областей Урала и Западной Сибири становятся все заметнее. В раннем средневековье и позднее они уже ни у кого не вызывают сомнения. Традиция рассмотрения следов таких взаимодействий имеет обширную историографию. Наследием ее является и шлейф нерешенных проблем и ошибочных методологических подходов. На основании только археологических материалов, в условиях бесписьменного периода в истории региона, весьма сложно говорить о том, влияние или взаимодействие групп населения (отдельных личностей) стали причиной наблюдаемых культурных явлений, или же, мы фиксируем непреднамеренные последствия единичных случайных событий. При этом не будем упускать из виду и то, что «культурные связи» в той или иной историографической традиции могут быть и порождением ошибочного истолкования первичных наблюдений. Почти не затрагивая природы описываемых культурных сближений, рассмотрим лишь хронологический аспект этого явления. Вне нашего внимания останется и более отдаленный импорт, общий для Предуралья и Зауралья. Дальний импорт, чаще всего, имеет неопределенную хронологию отложения в выявленных комплексах, из-за сложности оценки длительности

его использования. Определенное значение имеют только его нижние даты – в качестве «terminus post quem».

Датировка по аналогиям, несмотря на скрытые в данном методе слабости, по-прежнему остается если не единственным, то преобладающим способом построения хронологий для таежных культур Сибири. Для исследователей памятников Западной Сибири эпохи железа обращение именно к приуральским комплексам для поисков датированных аналогов всегда имело особое значение. При этом, наблюдается тенденция к синхронизации западносибирских находок с их приуральскими аналогами, что подталкивает к последующим реконструкциям межрегиональных «взаимодействий» носителей соответствующих, якобы синхронных культурных образований.

В качестве очередной демонстрации того, как ненадежен метод датировок по аналогиям, рассмотрим результат датировки могильника Шеркалы IX в Нижнем Приобье (Чиндина, 1984, с. 50–57, рис. 21–25). В комплексах этого могильника выделено две группы погребений. Кроме погребений, совершенных по обряду ингумации (пп. 1–3), там были исследованы так называемые погребения-жертвенники (№№ I–III), отнесенные к кремациям. Судя по приведенным Л.А. Чинди-

ной датированным аналогиям (Чиндина, 1984, с. 51–56), обе группы погребений предложено рассматривать в рамках одного хронологического периода, при общей датировке I–III вв. н.э., с возможными вариантами в последовательности их возникновения.

Бросается в глаза заметная субъективность выбора хронологических интервалов для аналогов, использованных при датировке шеркалинских комплексов (Чиндина, 1984, с. 57, табл. 4). В частности, для бронзового разомкнутого браслета из 6-гранного прутка, найденного в «жертвеннике» I, указан интервал II в. до н.э. – II в. н.э. (Чиндина, 1984, рис. 22: 3; табл. 4). Но самые ранние аналогии для таких браслетов в памятниках Прикамья могут быть указаны только в раннесредневековых комплексах. Браслеты из граненого бруска встречены в составе инвентаря погребений, датируемых третьей четвертью I тыс. н.э.: Поломский (Генинг, 1959, табл. VIII: 17), Агафоновский I (Голдина и др., 1980, табл. 24: 17), Щукинский (Голдина, 1985, табл. IV: 19) могильники. Впрочем, из более отдаленных аналогий можно указать на золотые браслеты из граненого стержня, известные в комплексах среднесарматского периода (Дзиговский, 2003, рис. 25: 6). Но могли ли они послужить исходным образцом для Прикамских граненых браслетов – не ясно.

Редкость для Прикамья и простота формы граненых браслетов не позволяют считать их надежным основанием для датировки. Но с так называемыми «жертвенниками» связаны и другие находки, для аналогов которых также не исключена дата более поздняя, чем III в. н.э. К ним относятся выпуклые полулунные бляшки-нашивки из тонкой полированной горячекованой бронзы, отнесенные Л.А. Чиндиной к тому же хронологическому интервалу, что и граненые браслеты (Чиндина, 1984, рис. 22: 4, 11; табл. 4). Одна из бляшек найдена в составе «жертвенника» I, а вторая была единичной находкой в слое. Эти бляшки представляют собой часть полусферы диаметром около 35 мм, толщиной около 1 мм, с вырубленным по дуге сегментом. На кромке вогнутой дуги, в уголках бляшки, пробиты круглые парные крепежные отверстия диаметром 2 мм. Назначение этих бляшек не установлено, но это не элементы доспеха, как обычно полагают (Чиндина, 1984, с. 55; Багина, 2013, с. 190). К сожалению, такие бляшки в относительно большом количестве пока известны, в основном, среди недокументированных находок.

В одном случае в Западной Сибири отмечено, что ими, будто бы, были украшены кожаные ножны ножа. Такие бляшки есть и в памятниках Приуралья. Но и там они до недавнего времени были известны только в открытых комплексах – на культовых местах, среди разновременного материала (Теплоухов, 1896, табл. IV: 4; Спицын, 1902, табл. XXXVI: 6; Каневец, 1962, табл. 2: 16, 17; 1964, с. 104, рис. 37: 23–25).

Исследователи пещер Пермского края сочли возможным по условиям обнаружения отнести полулунные выпуклые бляшки к группам предметов, датируемых ранним средневековьем (около середины I тыс. н.э.). Кажется, теперь это подтверждается единичными находками таких бляшек в раннесредневековых комплексах Бирского могильника (из не опубликованных материалов Н.А. Мажитова, из раскопок 1981 г.) (благодарю А.А. Красноперова за эту информацию). Кстати, материалы Бирского могильника (Мажитов, 1968, табл. 14: 3) позволяют предположить, что и могила 3 из Шеркалы IX, представляющая собой небольшую ямку, в которой лежала сломанная серповидная гривна, завернутая в кусок шкуры (Чиндина, 1984, рис. 24), также относится к числу «жертвенников» и может быть датирована ранним средневековьем. Кстати, отнесение «жертвенников» могильника Шеркалы IX к кремациям не вполне оправдано, так как это не подтверждено данными антропологических анализов.

Для редких типов изделий возможность субъективного выбора хронологического интервала заложена в самом отсутствии разработанной типологии и в отсутствии устойчивых сочетаний соответствующих типов с прочими предметами в датированных комплексах. Но такие негативные условия существуют и при обращении к некоторым массовым типам простых форм, которые кажутся неизменными на протяжении длительных периодов. Широкие хронологические рамки, принятые для некоторых типологических признаков этих изделий, без возможности различения ранних и поздних типов — еще одно условие существования субъективных хронологических предпочтений при обращении к аналогам.

В частности, вне приуральских комплексов отсутствуют возможности для узкой датировки прямоугольных поясных накладок с петлевым креплением и с лаконичным орнаментом по осевой линии в виде двух рядов вдавленных мелких треугольников (рис. 1). В

Приуралье такие накладки можно встретить как в погребениях, относимых к ананьинской культуре, так и к пьяноборской, и к кара-абызской (Воробьева, 2012, с. 133–135) культурам. Значительный хронологический разрыв (не менее 200–250 лет) в датировке бытования этих поясных накладок в ананьинских и пьяноборских комплексах чаще всего, вслед за В.Ф. Генингом, маскируется «растяжкой хронологической шкалы». Проблема хронологической нестыковки ананьинских и постананьинских комплексов осознается все острее на фоне сходных проблем в сопредельных историко-культурных регионах. Она весьма детально рассмотрена А.А. Красноперовым (2014). Напрашивающаяся в этом контексте радикальная гипотеза о необоснованности отнесения некоторых вариантов так называемых «накладок пьяноборского типа» к ананьинскому времени еще требует своей проработки. Хорошо видно, что среди этих накладок выделяются несколько размерных и пропорциональных разновидностей. Различаются они и количеством крепежных петель и проработкой зубчатого орнамента. Пока эти различия никем не анализировались, как и различия в технологии изготовления накладок (в формовке петель и т.д.). Осталась вне внимания и динамика их распространения в Евразии. Отмечено только, что ареал таких накладок весьма обширен. На западе они встречаются до Прибалтики (Голдина, Красноперов, 2012а, с. 56), а на востоке – от Нижнего Приобья на севере (Чиндина, 1984, рис. 22: б) до Тобольского Прииртышья на юге (Зах, 2008, рис. 10: 2).

Недостаточное внимание к деталям таких простых, долго бытующих, типов погребального инвентаря может объясняться тем, что проблемы датировки погребальных комплексов Приуралья позволяло решать их относительное разнообразие и насыщенность. По сути, для массовых типов вне комплексов нет объективных признаков сужения хронологических рамок бытования конкретного изделия. В полной мере мы это ощутили при рассмотрении возможности выделения хронологических групп инвентаря в коллекциях, собранных на городище Няксимволь на северной Сосьве (Няксимволь, 2014). Обращение к приуральским аналогам за редким исключением позволяло наметить узкую датировку даже для явного импорта. Остается надеяться, что постепенно работа по детализации эволюционно-типологических признаков долгобытующих типов инвентаря погребальных

комплексов эпохи раннего железного века Приуралья, которая в последние годы активизировалась (Голдина, Красноперов, 2012б), постепенно даст свои результаты.

Практика показывает, что ошибочны могут быть и хронологические выводы с опорой на аналогии по таким морфологическим признакам, для которых абсолютизированы хронологические интервалы в соответствующих эволюционно-типологических схемах. Так, до недавнего времени считалось, что важным хронологическим признаком эполеообразных застежек является количество жгутов, соединяющих щиток и пластину с крюком. Накопленные наблюдения позволили скорректировать эти представления. В частности, находки одножгутовых застежек, которые по В.Ф. Генингу относились к ранней группе изделий – III–II вв. до н.э., отмечены в комплексах I–II вв. н.э. (Голдина, Красноперов, 2012а, с. 61–62). Для археологии Западной Сибири это важная поправка, поскольку прежняя хронологическая схема автоматически заставляла исследователей удревять комплексы, в которых подобные застежки встречались. Но отсутствие признаков, позволяющих различать ранние и поздние типы маложгутовых поясных крючков, оставляют простор для субъективных хронологических спекуляций.

Урало-западносибирское литье как объект датировки также требует к себе пристального внимания. Есть основания полагать, что известная ограниченность эволюционно-типологических методик, применяемых к инвентарю местных типов, может быть скорректирована хронологическим анализом стилистических особенностей художественного литья. Особый проблемный аспект состоит в том, что уже давно назревшая потребность в выделении отдельных стилистических групп в составе урало-западносибирского литья, все еще не удовлетворена. Отдельные характеристики стиля изобразительных памятников в виде их типологии и классификации присутствуют в некоторых работах, но этого недостаточно. К сожалению, изучение бронзовой пластики нередко сводится лишь к описанию новых находок или к обобщению накопленного материала с упором на реконструкцию семантики изображений. Отсюда возникало и возникает много спорных вопросов, которые касаются хронологических и географических рамок распространения отдельных типов пластики. Вместе с тем, в исследованиях, имеющих преиму-

щественно семантическую направленность, смешиваются изделия разных стилистических групп. Неопределенная хронологическая позиция большинства изделий, объединяемых в искусствоведческих работах, оставляет без почвы субъективные гипотезы о первенстве в воплощении конкретных иконографических типов в рамках той или иной стилистической группы. Велика вероятность не только одновременности этих изделий, но и разнокультурности исходной принадлежности.

В своих исследовательских целях, в урало-западносибирском литье финала эпохи раннего железа мы выделили несколько стилистических групп, которые конечно же не исчерпывают всего разнообразия. Одна из них получила рабочее название холмогорская стилистическая группа (далее ХСГ) (Ширин, 2017, с. 93–98), две другие – усть-полуйская (УСГ) и чердынская (ЧСГ).

Изделия этих стилистических групп относительно легко вычлняются из совокупности близкородственных предметов благодаря весьма характерным особенностям построения формы, компоновке деталей и декоративному оформлению (рис. 2; 3). Например, художественная пластика ХСГ отличается высоким рельефом, общей вогнутостью оборотной стороны, дополнительной декоративной обработкой внешней поверхности и шлифовкой. Многие изделия имеют шнуровую или зернистую окантовку. К этому можно добавить круг наиболее часто встречаемых изобразительных мотивов и декоративных элементов (например, несколько типов меандроидных узоров), особый тип компоновки элементов, аналогичный и для плоскости и для объема (например, сочетание гладкой поверхности и четких рельефных линий с геометризованными мотивами, стремление к плотному заполнению поверхности деталями).

Некоторую сложность может представлять отделение от ХСГ изделий УСГ, имеющих некоторые сходные черты, возможно, возникшие как подражание. Изделия УСГ обычно отличают от ХСГ: нехарактерные для ХСГ конструктивные особенности и эклектичность – наличие чужеродных для ХСГ деталей, присущих иным стилистическим группам. Вероятнее всего, общие стилистические признаки у изделий ХСГ и УСГ – указание на их хронологическую близость, если не на относительную синхронность существования. Они часто совместно встречаются в комплексах. Изделия ХСГ, как стилистически

более цельные, могут рассматриваться и как возникшие несколько ранее.

Изделия УСГ изредка обнаруживаются в ареалах культур Приуралья, но наиболее характерны для лесного Зауралья и Нижнего Приобья (Няксимволь, 2014, с. 92–97, 104, 130; Усть-Полуй, 2003, с. 22, 24; Гусев, Федорова, 2012, рис. 19; 32: 5, 7, 8; Федорова, 2014). В остальном ареале Западной Сибири, до Енисея на востоке, господствуют изделия ХСГ. В относительно больших объемах они проникают и в Приуралье.

Изделия ЧСГ, отсутствуя в Зауралье, являются обычной находкой для Приуралья (Эренбург, 2014, с. 81–88, 90–98; Коренюк, 2015, рис. 7: 4, 6, 9–12). В Приуралье они наиболее ярко воплощены в ажурных пластинах со сложными многофигурными композициями, хорошо известными как Чердынские богини (рис. 3: 1, 4) (Оборин, Чагин, 1988, с. 133–138). Основные признаки изделий ЧСГ: круглые глаза с точкой в центре, щелевидный рот с опущенными уголками, кисти рук в виде когтистой лапы, сжатой в кольцо, стопы с подвернутыми пальцами, членение конечностей по основным суставам декоративными полосками. Детализировка выполняется на плоской основе резными линиями.

Обращение к изделиям ЧСГ, в контексте данной работы было вызвано несколькими обстоятельствами: имеющимися стилистическими переключками с изделиями ХСГ и УСГ, а также в связи с попытками передатировки изделий ЧСГ с отнесением их к позднеананьинскому времени – к V–III вв. до н.э. (Коренюк, Майстренко, 2011, с. 140).

Последняя гипотеза весьма спорна. Датировка Чердынских богинь, в силу случайных обстоятельств их обнаружения, достоверно не установлена. Со времени обнаружения первых изделий ЧСГ высказывались различные гипотезы о времени их бытования, но в основном исследователи склонялись к раннесредневековому периоду – VI–VIII вв. (Оборин, Чагин, 1988, с. 132–139). В качестве основания для предложенной передатировки чердынской пластики, в сторону удревнения, послужили стилистически сходные с ними изделия из погребений Шиховского могильника (Васкул, 2002, с. 15).

Из доступных опубликованных источников можно понять, что этот могильник имеет сложную структуру (Васкул, 2002). В Шиховском могильнике выделено две основные хронологические группы погребений – VIII вв. до н.э. и III–V вв. н.э. Именно к ранней

группе были отнесены погребения с изделиями ЧСГ, что послужило одним из оснований для отнесения всей группы изделий типа Чердынских богинь к позднеананьинскому времени. С этим трудно согласиться. И не только потому, что уникальность Шиховских комплексов не способствует их убедительной хронологической интерпретации. Рассмотренные выше параллели между ЧСГ и УСГ заставляют более внимательно отнестись к выявляемым противоречиям.

Весьма важным представляется выделение в материалах Шиховского могильника погребальных комплексов соотносимых с керамикой бичевнического типа. Отнесение этой керамики ко второй четверти I тыс. н.э. обосновывается радиуглеродными датировками (Васкул, 2002, с. 19). Для позднеананьинской группы погребений, выделенных в материалах Шиховского могильника, тоже есть радиоуглеродные калиброванные даты, но сам И.О. Васкул признает, что к этим данным пока следует относиться с осторожностью (2002, с. 15–16). Что, впрочем, не мешает в дальнейшем пропагандировать данные комплексы под этими датировками (Люди..., 2017, с. 16, 17). Основной опорой для их хронологического определения и отнесения к V–III вв. до н.э. остаются весьма отдаленные аналогии, привлекаемые с многочисленными оговорками. При рассмотрении оснований датировок аналогий, переносимых на шиховские материалы, нельзя исключать вероятность принятия для них дат в интервале гляденовского времени – от рубежа эр до II в. н.э. В частности, в погребениях, отнесенных к ранней группе, есть рассмотренные выше прямоугольные накладки с орнаментом из вдавленных треугольников (рис. 1: 4–6) (Васкул, 2002, рис. 14: 2, 3; 15: 3). С учетом этого, Шиховский могильник утрачивает значение надежного поставщика аналогов позднеананьинского времени для изделий из Скородумского «клада».

Отметим, что в выделенную И.О. Васкулом в материалах Шиховского могильника хронологическую группу V–III вв. до н.э. попали и изделия с признаками УСГ (Васильев, 2004, рис. 14: 6). Этому способствовало то, что относительно большую группу случайных находок из Приуралья с признаками УСГ в искусствоведческих работах уже давно принято относить к позднеананьинскому времени. Для объяснения возникших с накоплением новых источников противоречий, а именно, с наличием аналогичных стилисти-

ческих признаков у изделий из сопредельных регионов Западной Сибири в иную, более позднюю эпоху, пока предложены только малоубедительные рассуждения о некоем «ананьинском наследии» (Васильев, 2004, с. 295). Мы полагаем, что данная интерпретация ошибочна. В частности тезису о транслировании «ананьинского наследия» противоречит основной вывод Ст.А. Васильева, который поддержало большинство исследователей, о том, что целостный ананьинский стиль так и не сложился (Васильев, 2004, с. 294, 295). Так о транслировании какого наследия идет речь, тем более с хронологическим разрывом не менее трех веков?

Материалы Шиховского могильника вновь показывают, что изделия круга Чердынских богинь сочетаются с предметами, в декоративном оформлении которых используются элементы и композиционные решения, характерные для западносибирского стиля литья эпохи раннего железа, выделенного Н.В. Федоровой. Западносибирский стиль литья, включающий в свой состав и изделия выделенных нами УСГ и ХСГ, по мнению Н.В. Федоровой, сформирован не ранее I в. до н.э. (Зыков, Федорова, 2001, с. 47).

Изделия ЧСГ и УСГ сочетаются и на культовых местах Приуралья, например, на Гляденовском костыше. К изделиям ЧСГ в составе Гляденовского костыша может быть отнесена бронзовая антропоморфная фигурка с широко расставленными ногами и горизонтально срезанной макушкой (рис. 3: 6) (Новокрещенных, 1911, табл. I: 16). В этой же стилистике в материалах Гляденовского костыша известно более десятка бляшек, обычно, зооморфных, часто, имеющих выступающее сверху полукруглое ушко для подвешивания (рис. 1: 10, 11) (Новокрещенных, 1911, табл. I: 21, 23; II: 7, 15; III: 1, 6, 19; IV: 19; V: 15; VI: 1, 17; X: 10). Изделия УСГ в материалах этого памятника единичны. К ним можно отнести, например, несколько орнитоморфных блях и бронзовое погрудное антропоморфное изображение с косами, серповидным нагрудным украшением и диадемой (или стилизованным плоским головным убором) с волютами на висках (рис. 3: 14) (Новокрещенных, 1911, табл. II: 22). Характерные признаки УСГ, видимые на этом изделии: относительная реалистичность, сочетаемая с декоративными дополнениями в виде орнаментальных полосок из псевдозерни, миндалевидные глаза, носогубные складки, подчеркнутые ломаной линией.

Мы не можем исключать хронологической близости изделий УСГ и ЧСГ в составе изображений Гляденовского костыща. В пользу этого может говорить и то, что для изделий ЧСГ и УСГ характерны близкие композиции и иконография сложных образов, общие персонажи в пластике, например, многоголовые орнитоантропоморфы (рис. 3: 1, 3, 4), орнитоантропоморфы с личиной на груди (рис. 3: 2), двухголовые фигурки (рис. 3: 7, 8), а также сходные изображения на гравировках. Последние известны преимущественно в Западной Сибири, но встречаются и в Приуралье. Они есть в Шиховском могильнике и на Гляденовском костыще. При этом, в комплексах Шиховского могильника есть гравировки, которые можно отнести и к ЧСГ (рис. 3: 13) (Васкул, 2002, рис. 16: 1, 4), и к УСГ (Васкул, 2002, рис. 14: 22). Часть гравировок Гляденовского костыща также близки к УСГ (Новокрещенных, 1911, табл. IV: 6, 16; V: 18; VIII: 27; IX: 18). На одной из гравировок, из числа недокументированных находок, сделанных в Верхнем Прикамье (Эренбург, 2004, с. 208, кат. 333), сочетаются стилистические особенности изображений ЧСГ и УСГ (рис. 3: 15).

Изделия УСГ, в которых с наибольшей очевидностью представлены иконографические параллели с изделиями ЧСГ, встречаются в лесном Зауралье. В качестве примера рассмотрим орнитоантропоморфную фигурку, найденную на р. Лозьва (рис. 3: 3) (Бауло, 2011, с. 193). Она обладает яркими стилистическими признаками УСГ: носогубными складками у личин и обрамлением кромки крыльев полосками из псевдозерни. Эта фигурка воспроизводит одну из характерных для ЧСГ композиций – орнитоантропоморфное существо, стоящее на звере (в частности, на бобре). Повторена и трехголовость, и увенчанность средней личины протомой зверя. Детализировка крыльев до мелочей совпадает с одной из чердынских плакеток (рис. 3: 4) – крылья расчленены вертикальными узкими полосами, на некоторых из перьев, показанных таким образом, нанесена косая штриховка, выделена плечевая зона крыльев с короткими перьями. Последняя деталь, отмеченная и у некоторых других изделий ЧСГ, например, у фигурки с Пижемского городища (рис. 3: 2) (Шмидт, 1927, табл. I: 1), не характерна для ЧСГ, а если и встречается у западносибирских орнитоантропоморфов УСГ (Усть-Полуй, 2003, с. 22), то сильно редуцирована.

Наблюдаемые элементы сходства культовых изделий разных стилистических групп,

и особенно примеры адаптации отдельных элементов чужеродной иконографии позволяют видеть в этом признаки взаимодействия соответствующих культурных миров. Это хорошо соотносится с реконструируемыми на ином материале векторами культурных взаимодействий гляденовского времени, указывающими на лесное Зауралье и Западную Сибирь (Багина, 2013, с. 190–191; Васкул, 2014, с. 50–54).

Признаки активизации культурного взаимодействия Приуралья и Западной Сибири, которые проявились с рубежа нашей эры на уровне изобразительной практики, могут быть дополнены и многочисленными примерами обоюдного заимствования некоторых типов бытового инвентаря, вооружения и деталей костюмов. Такой импорт в значительном объеме выявлен на территории Западной Сибири, где предметы приуральских типов или их дериваты нередко сопутствуют изделиям УСГ. Датировка этих предметов укладывается в интервал от рубежа эр до III в. н.э.

Близкая аналогия гляденовской личине с косами, которая и в Приуралье не единична (Abercromby, 1898, fig. 17), есть в материалах одного из погребений Потчевашского могильника (Мошинская, 1953, табл. VII: 1), в сочетании с бронзовыми кельтами I в. до н.э. – II в. н.э. (Няксимволь, 2014, с. 36–37). УСГ включает и многочисленную серию гравированных изображений, для которых тоже предложены даты в интервале II в. до н.э. – II в. н.э. (Приступа и др., 2002, с. 17–35; Усть-Полуй, 2003, с. 18, 19; Федорова, 2014; Федорова и др., 2016, с. 50–53). Принадлежность к этому же хронологическому интервалу, с учетом отмеченных стилистических и иконографических параллелей, изделий ЧСГ весьма вероятна. Зооморфным бляшкам ЧСГ с ушком на спине, найденным в Шиховском могильнике (рис. 3: 9) и на Гляденовском костыще (рис. 3: 10, 11), известна аналогия из Тарасовского могильника (рис. 3: 12), из комплекса III в. н.э. (Голдина, Бернц, 2016б, рис. 3: 18).

При всей неопределенности условий появления черт приуральских культурных типов в облике инвентаря культур эпохи раннего железного века Западной Сибири, можно обратить внимание на то, что подлинные изделия из Прикамья в Зауралье представлены, прежде всего, деталями индивидуальных костюмов и украшений (пьяноборских и кара-абызских) I–II вв. н.э. Находки этих предметов в определенных регионах Запад-

ной Сибири могут сигнализировать о непосредственном присутствии, длительном или кратковременном, выходцев из Прикамья.

«Скрытая миграция» приуральского населения в Западную Сибирь в первые века I тыс. н.э., которую пока не удастся проследить на массовом археологическом материале, вполне вероятна. Известные находки не исключают не только случайного посещения зауральских регионов отдельными представителями культур Прикамья, но и инфильтрацию в эти области небольших групп населения, обладающих специфическими навыками (например металлургическими). Именно такое развитие событий могло стать условием формирования в Зауралье производства бронзовых изделий ХСГ, подражающих приуральским образцам. Конечно, единичные копии изделий данной группы могли изготавливаться в некоторых регионах Западной Сибири, но во всем разнообразии присущих ХСГ типов они, несомненно, были разработаны в одном центре с развитыми традициями ремесленного производства. В попытках локализовать это место, мы исходим из вероятности, что некоторая совокупность условий формирования технокомплекса этого центра нашла отражение в особенностях, присущих изделиям ХСГ, а также в их ассортименте.

Таким местом в начале I тыс. н.э. могла быть южная часть Среднего Зауралья. Именно в Зауралье отмечено максимальное число типов изделий ХСГ в разнообразных сочетаниях. Большинство из категорий этого литья, в том числе эполетообразные застёжки, имеют прототипы в смежных районах Предуралья. Признаки присутствия мигрантов из тех мест, включая мастеров-литейщиков, носителей пьяноборской литейной традиции, проявляются именно через ассортимент отличающихся предметов ХСГ. Всего нами выделено 10 основных ассортиментных групп (рис. 2). Почти все они не характерны для более ранних комплексов Западной Сибири, но хорошо известны в Приуралье. С прилегающими к Среднему Зауралью регионами связаны и массовые находки тиражированных изделий этих ассортиментных групп. Некоторые из перечисленных категорий представлены в Приуралье только случайными находками. Датировка их во многом субъективна и, судя по всему, обычно, занижена. Видимо, следует более детально разобраться с их хронологическим местом, в связи с тем, что они должны быть относительно близки во времени к своим зауральским дериватам.

Как полагают, немного южнее Среднего Зауралья в первой половине I тыс. н.э. проходили основные торговые маршруты, связывающие Предуралье со Средней Азией (Голдина, Голдина, 2010, с. 194; Таиров, 2016, с. 100). Это соседство может быть одним из условий, которое объясняет не только саму возможность появления на юге Среднего Зауралья особого бронзолитейного центра, тиражирующего изделия ХСГ, возможно, для обмена на пушнину. Стандартное сочетание в комплексах изделий из белой бронзы с соответствующими группами далекого импорта, например, со среднеазиатскими и переднеазиатскими бусами, с горячекованными зеркалами и с дисками с концентрическими проточками, видимо, также не случайно.

Заимствуемые «хроноиндикаторы» – стилистический горизонт культового литья или декоративного оформления различной фурнитуры – все они требуют внимательного критического рассмотрения не только с точки зрения оснований их датировки; очень важно обращать внимание на погрешности, возникающие от субъективной оценки синхронности или степени запаздывания сходных культурных явлений в смежных историко-культурных областях. Как мы сейчас понимаем, то, что в Западной Сибири иногда воспринимается как приуральский импорт, может вообще таковым не являться. Чаще всего, это своеобразные подражания, отдаленно напоминающие приуральские вещи. При определении вероятного времени создания предметов, с опорой на датированные аналоги, иногда не учитывается, что на самом деле речь идет о поиске датированных прототипов, часто гипотетических. И уж, конечно, нет ни каких оснований считать псевдодериваты синхронными их отдаленным прототипам. Поиск аналогов для дериватов, без учета их свойств, будет еще сильнее исказить наши и без того неточные хронологические построения. Знание о времени бытования возможных прототипов для тех или иных предметов имеет значение только в качестве «*Terminus post quem*». Но, при этом, требуется обоснование и верхней хронологической границы бытования псевдодериватов. То есть время формирования комплекса мы не можем устанавливать только с учетом датировки прототипов (при условии, что они ими являются). Опорными должны быть датированные комплексы с аналогичными псевдодериватами. Некоторыми исследователями предлагается использовать в качестве таких комплексов материалы городища

Усть-Полуй (Борзунов, 2016, с. 112), что, безусловно, ошибочно. Дефицит закрытых комплексов первой половины I тыс. н.э. в таежной зоне Западной Сибири не может служить оправданием этого.

Для целей предварительной датировки таежных бронз из ареала кулайской культурной непрерывности пока лучше всего подходят погребально-поминальные памятники фоминской культуры Верхнего Приобья. Они входят в ареал кулайской культурной непрерывности, а соответствующие закрытые комплексы, с нужными типами бронзовых изделий, достаточно надежно датированы.

Хронология этих комплексов укладывается в интервал от рубежа II–III вв. (Ширин, 2010) до раннего IV в.

Подводя итог, можно отметить, что поднятые проблемы, конечно же, требуют более детального изучения. Из исследовательских подходов было бы желательно придерживаться методик критического разбора выявляемых противоречий. Методологии аффирмативного характера, с попытками маскировки и оправдания этих противоречий, уже показали свою непродуктивность.

ЛИТЕРАТУРА:

Багина М. К вопросу о влиянии различных культурных центров на формирование горизонтов первых веков н. э. верхнепечорских пещерных святилищ // Проблемы истории, материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран / Отв. ред. Ф.Н. Иванов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2013. С. 190–192.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. 260 с.

Борзунов В.А. Уникальный клад с Барсовой горы: сравнительный анализ и хронология // ХМАО в зеркале прошлого / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2016. Вып. 14. С. 67–143

Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести Вып. 11. / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2004. С. 275–297.

Васкул И.О. Шиховский могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2002. 52 с.

Васкул И.О. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в гляденовское время (конец I тыс. до н. э. – первая пол. I тыс. н. э.) // Археология Арктики Вып. 2./ Отв. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2014. С. 44–57.

Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи Раннего Железа (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2012. Т. I. 291 с.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Сер. гум. наук. Казань: Таткнигоиздат, 1959. Вып. 2. С. 157–220.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья — своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. С. 156–195.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 3(17). С. 17–58.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. №1(15). С. 41–89.

Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1980. С. 3–66, 137–185, 2 табл.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Конструктивная и хронологическая классификации материалов Нырғындынского I могильника II–III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н. э.): хронологическая атрибуция / МИ КВАЭ. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широкова. Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2012б. С. 7–57.

Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИ КВАЭ. Т. 22 / Отв. ред. Л.И. Липина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.

Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард: ГУ ЯНАО «Северное Изд-во», 2012. 59 с.

Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель, Одесса: Гермес, 2003. 240 с.

Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 4–21.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.

Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.

Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Унинской пещере // МАЕСВ. Сыктывкар: Коми кн. Изд-во, 1962. Вып. 1. С. 103–131.

Коренюк М.С. Металлические антропоморфные изображения в раннем железном веке Пермского Прикамья // Вестник Пермского университета. 2015. №1(28). С. 85–98.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А. Скородумский «клад» // Шестые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Д. Викторова. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2011. С. 139–146.

Красноперов А.А. Погребение № 28 Икского могильника: К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Люди. Звери. Боги: Предметы первобытного искусства Северного Приуралья: каталог выставки / Авт. вступ. ст.: Т.Ю. Туркина, Е.А. Шаблава. Сыктывкар: Национальный музей Республики Коми, 2017. 99 с.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. № 35. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 189–220.

Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще Пермской губернии на р. Каме Пермского уезда // Труды ПГУАК / Ред. А.А. Дмитриев. Пермь: Электро-типография «Труд», 1914. Т. XI. С. 19–97.

Няксимволь / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск, Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 200 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское кн. Изд-во, 1988. 183 с.

Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. Томск: ГалаПресс, 2002. 88 с.

Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1902. 150 с.

Таиров А.Д. Караванные пути в Урало-Казахстанских степях // Евразийский вектор: проблемы международного образования / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. С. 94–120.

Теплоухов Ф. Чудское жертвенное место на р. Колве // Труды ПГУАК. 1896. Вып. III. С. 131–150.

Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. Салехард: СПб., 2003. 76 с.

Федорова Н.В. Антропоморфные образы Усть-Полуя: технология, иконография, композиция сцен // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 63–71.

Федорова Н.В., Гусев А.В., Подосенова Ю.А. Горноknязевский клад. Калининград: ИД «РОСДО-АФК», 2016. 80 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 255 с.

Ширин Ю.В. Нижняя дата для фоминских памятников и проблемы с нею связанные // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой): сборник научных трудов / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 190–195.

Ширин Ю.В. Транскультурный феномен холмогорской стилистической группы урало-сибирского литья из белой бронзы // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: Материалы международной конференции, посвященной 80-летию юбилею Л.А. Чиндиной / Отв. ред. М.П. Черная. Томск: ИД «Д-Принт», 2017. С. 93–98.

Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ / Ред. Е.Ф. Карский. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Т. VI. С. 125–164.

Эренбург Б.А. Звериный стиль. Пермь: Сенатор, 2014. 212 с.

Abercromby J. The pre- and proto-historic Finns: both eastern and western with the magic songs of the west Finns. London: D. Nutt, 1898. Vol. I. 428 pg.

Информация об авторе:

Ширин Юрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк, Россия); shirin_a@mail.ru

THE CHRONOLOGY OF THE CULTURAL RELATIONS BETWEEN THE CISURALS AND THE WESTERN SIBERIA IN THE END OF THE EARLY IRON AGE

Yu.V. Shirin

Errors frequently occur in the chronological evaluation of compared complexes dating back to the Early Iron Age from the Cisurals and Western Siberia in terms of dating by comparison with analogues. The evolutionary-typological method can be complemented by the chronological analysis of the stylistic features of artistic casting. Researchers have distinguished a period of intensification of cultural contacts between the Urals and Western Siberia in the early 1st millennium A.D. This reflected in the distribution of a similar type of inventory and several groups of artistic casting. These are the Cherdyn' (ChSG), Ust'-Polui (USG) and Kholmogorsky (KhSG) stylistic groups. The similarity inherent in the casting groups suggests their correspondence to a single chronological period. The KhSG items feature the evidence of a significant influence of metallurgists from the Urals. It is their cultural traditions of the 1st-2nd centuries which reflected in the series of castings. The probable region of the mass production of KhSG items is the southern area of the Middle Transurals. The establishment of a new metallurgical centre in the area could have been stimulated by the fact that in the 1st-3rd centuries the region bordered on trade routes between the Kama Region and Central Asia. The lower dates of distant imports corresponding to the KhSG items provide reliable grounds for the hypothesis that the existing dating of ChSG items and the related complexes is questionable.

Keywords: archaeology, stylistic groups, cult images, Western Siberia, bronze casting, technological features, tin bronze.

About the Author:

Shirin Yury V. Candidate of Historical Sciences. Kemerovo State University. Tsiolkovsky St., 6, Novokuznetsk, 654041, Russian Federation; shirin_a@mail.ru

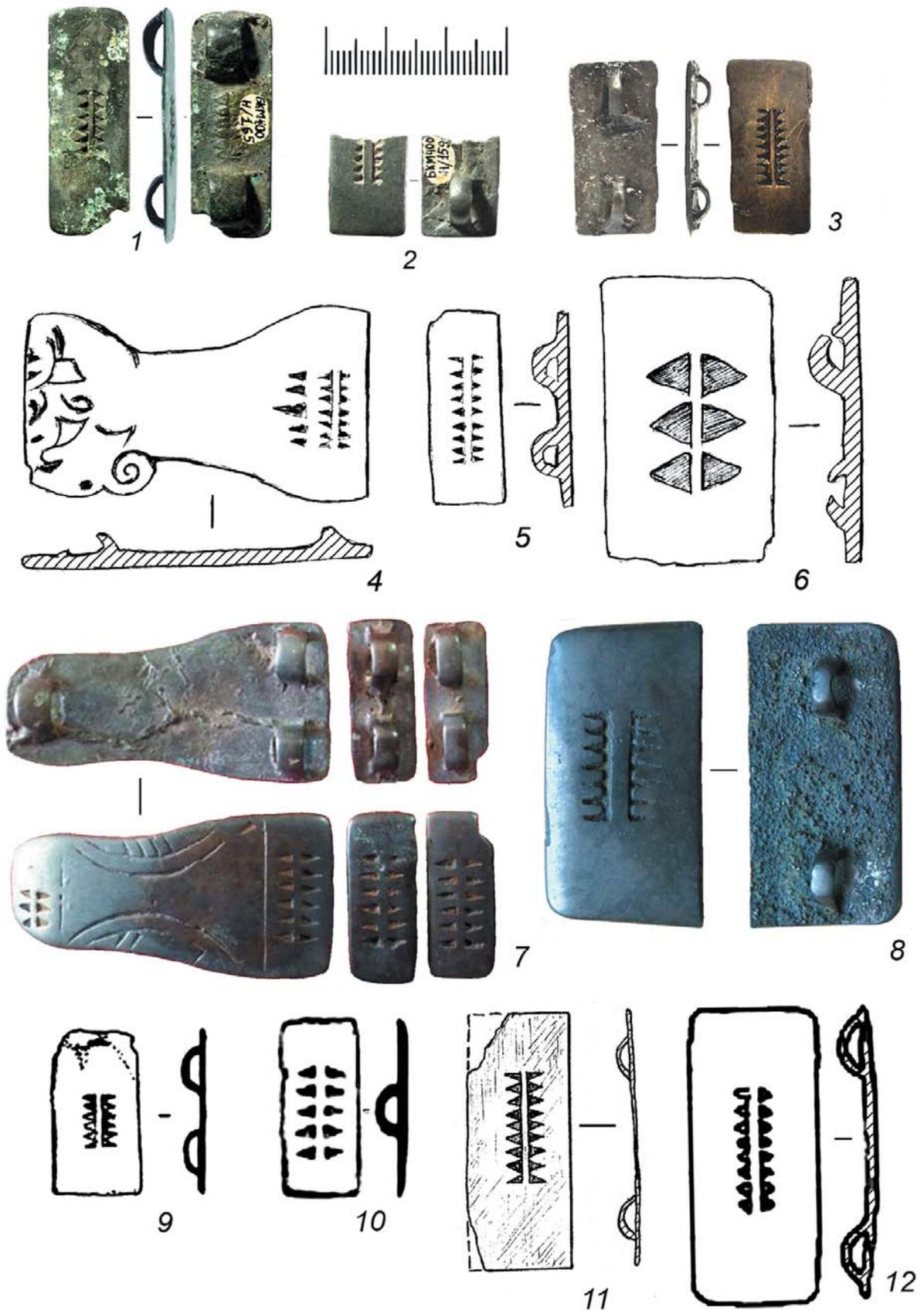

Рис. 1. Варианты бронзовых поясных накладок с зубчатым орнаментом. 1–3 – Няксимволь (фото автора); 4–6 – Шиховский могильник (4 – погр. 28; 5 – погр. 23; 6 – погр. 1) (по: Васкул, 2002, рис. 15: 3; 14: 2, 3); 7, 8 – недокументированные находки из Башкирии (фото автора); 9 – Нырғындынский I могильник (погр. 320) (по: Голдина, Красноперов, 2012а, табл. 193, 15); 10 – Тарасовский могильник (погр. 1679) (по: Голдина, Бернц, 2016а, рис. 9: 16); 11 – Шеркалы IX (погр. II) (по: Чиндина, 1984, рис. 22: 6); 12 – Чепкуль 9 (к. 7, погр. 3) (по: Зах, 2008, рис. 10: 2).

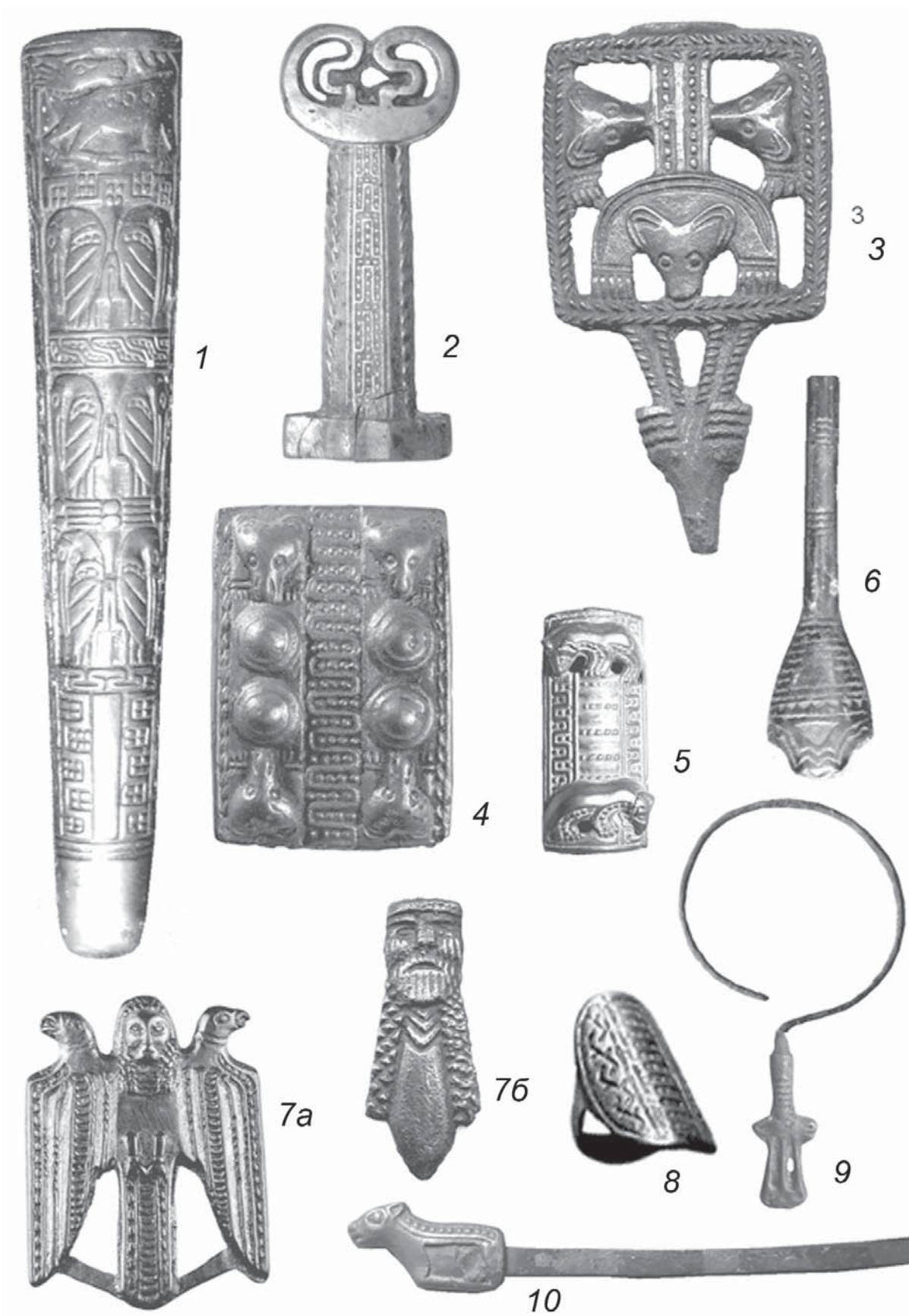

Рис. 2. Основные ассортиментные типы Холмогорской стилистической группы из Западной Сибири (фото автора).

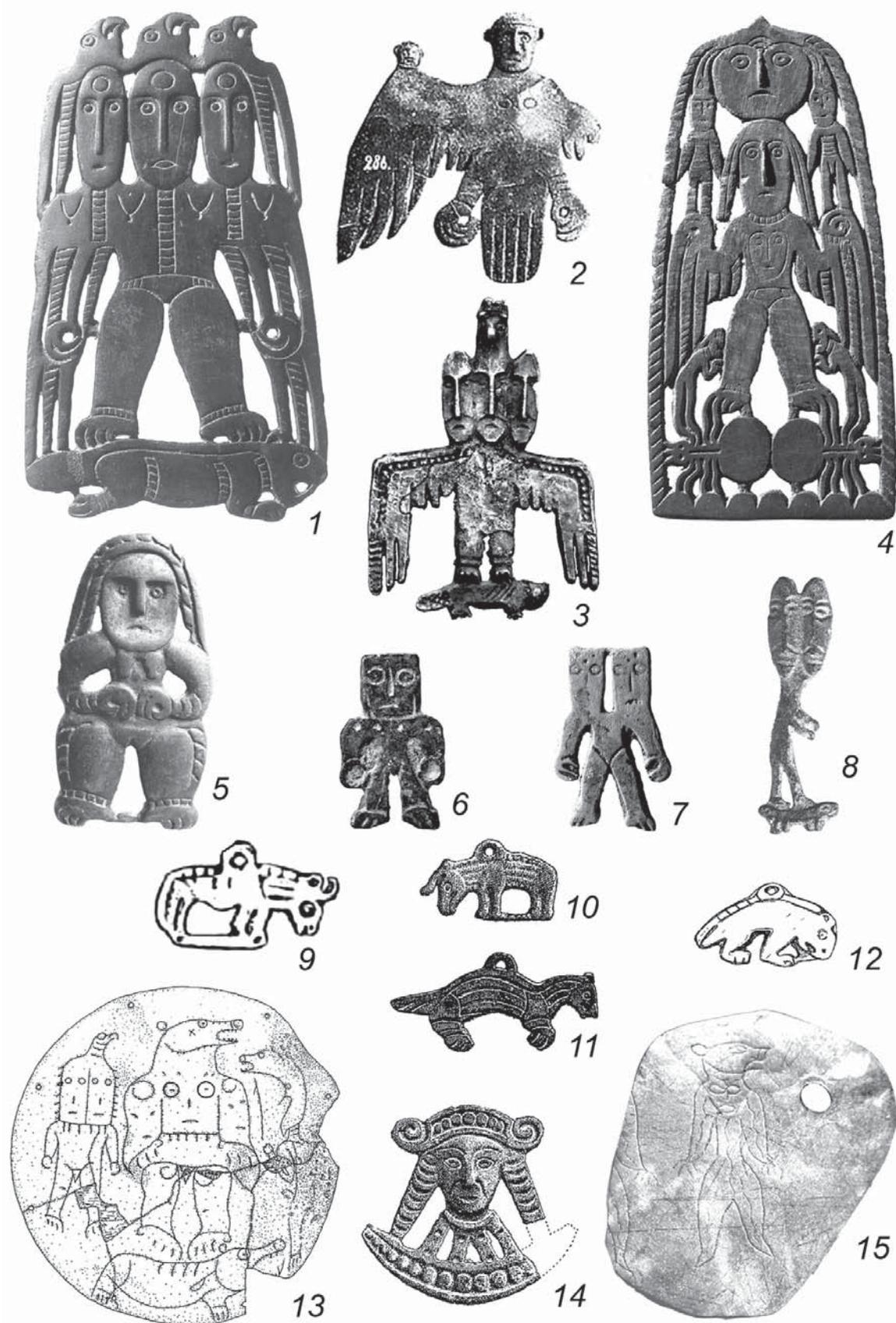

Рис. 3. Две стилистические группы изображений из Приуралья и Западной Сибири. 1, 2, 4–7, 9–13 – Чердынская СГ; 3, 8, 14, 15 – Усть-Полуйская СГ. 1, 4 (по: Оборин, Чагин, 1988, с. 138, № 140; с. 133, № 135); 2 (по: Шмидт, 1927, табл. I: 1); 3 (по: Бауло, 2011, с. 193); 5 (по: Коренюк, Майстренко, 2011, рис. 1: 2); 6, 10, 11, 14 (по: Новокрещенных, 1911, табл. I: 16; VI: 1; II: 15, 22); 7, 15 (по: Эренбург, 2014, с. 84, № 4; с. 208, № 333); 8 (по: Няксимволь, 2014, с. 121); 9, 13 (по: Васкул, 2002, рис. 15: 9; 16: 4); 12 (по: Голдина, Бернц, 2016б, рис. 3: 18).

УДК 902

ПОДВЯЗЬЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК НА НИЖНЕЙ ОКИ: КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХРОНОЛОГИЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2010, 2012–2015 ГГ.)

© 2018 г. Н.Н. Грибов

В статье публикуются краткие итоги изучения Подвязьевского могильника. Намечены основные особенности погребальной обрядности, предложена периодизация погребений. Погребения разделены на четыре основных культурно-хронологические группы. Наиболее ранние комплексы (комплексы первой группы) тяготеют к погребениям кошибеевского этапа рязано-окских памятников, относительно поздние (второй половины V – первой половины VIII вв.) – близки к захоронениям могильников безводнинско-ахмыловского типа.

Ключевые слова: археология, раннесредневековые погребальные памятники поволжских финнов, Подвязьевский могильник, грунтовые погребения, район нижнего течения реки Оки, кошибеевский этап, могильники безводнинско-ахмыловского типа, хронология погребений.

Подвязьевский могильник представляет собой финский погребальный памятник Нижнего Поочья конца раннего железного века – раннего средневековья (Грибов, 2014). Он располагается в Богородском районе Нижегородской области на правом коренном берегу р. Оки в 42 км от ее устья. Памятник занимает полого-наклонный участок верхней площадки мыса, образованного устьем протяженного оврага, прорезающего правый возвышенный окский берег. Высота площадки могильника относительно уровня окской поймы 100–108 м; площадь, по размеру области распространения массового керамического материала, – 1,5 га.

Памятник открыт в 1959 г. нижегородским археологом В.Ф. Черниковым, определившим его как селище раннего железного века. Первые погребения, позволившие усомниться в его поселенческой атрибуции, обнаружены в шурфе, заложенном автором в 2010 г. При стационарных раскопках 2012–2015 гг. на площади 282 кв. м исследовано 59 грунтовых погребений 61 индивида. Территория могильника долгие годы распаивалась, однако на локальном участке (27 кв. м) под горизонтом распахки (20–35 см) выявлен непереотложенный культурный слой мощностью до 18 см. Почвоведческие наблюдения над характером его залегания привели к выводу о существовании на площадке могильника сильно эродированной почвы еще до начала совершения погребений. Глубина большей части раскопанных могильных ям, отсчитываемая от уровня материка, соответствует (либо очень близка) глубине их заложения от уровня древней дневной поверхности.

Хронологические рамки могильника широки, их определяет промежуток середины III – первой половины VIII вв.

Первые раскопки попали на участок с высокой плотностью захоронений, в результате чего оказалось возможным на сравнительно небольшой площади изучить существенно различные комплексы – как по обрядовой специфике различных социальных групп, так и по хронологии. Сравнительно небольшое число раскопанных погребений пока не может обеспечить надежность выводов при построении относительной хронологии памятника с привлечением статистических методов. Вместе с тем, материалы первых раскопок позволяют наметить его характерные культурные особенности и проследить их изменения во времени.

По ходу раскопок изучено 52 человеческих и 9 конских захоронений. Погребальный обряд представлен ингумацией (45 погребений), кремацией на стороне (4 погребения) и вторичными захоронениями (3 погребения).

В расположении могил просматриваются три структурообразующих элемента – ряды, группы и ярусы. Зафиксированы неоднократные случаи взаимопересечений могильных ям, что, в ряде случаев, позволяет подкрепить полученные при изучении погребального инвентаря хронологические оценки отдельных комплексов стратиграфическими наблюдениями («горизонтальной стратиграфией»). Могильные ямы, шириной 60–90 см, по форме верхних кромок напоминают продолговатые прямоугольные фигуры со скругленными углами. Их длина, как правило, заметно превосходит размеры расчищенных

на дне остатков человеческих скелетов. Длина женских могил 2,2–2,9 м, мужских 2,7–3,6 м. Глубина варьирует от 0 (у погребений, расчищенных на материке) до 125 см.

Ориентация погребенных – головой на юго-восток или восток-юго-восток (преимущественно ногами к реке). На дне могильных ям разновременных, но, как правило, «богатых» захоронений (с большим количеством разнообразного инвентаря), почти всегда присутствуют отпечатки деревянных настилов с двумя поперечными лагами. Последние слегка продавливали материковое дно, из-за чего их следы фиксируются в виде двух субпараллельных расположенных невдалеке от оснований коротких бортов (в «ногах» и «головах» погребенного) неглубоких продолговатых углублений («канавок») шириной по 8–10 см и глубиной до 2–3 см. Подобные следы деревянных конструкций известны по широкому кругу финских памятников – как финала раннего железного века, так и раннесредневековых (Кемаев, 2013, с. 239, 240). Почти все изученные труположения сопровождаются следами заворачивания погребенного в луб, иногда – в циновку.

В верхней части заполнения четырех могил отмечены компактные скопления углей в виде темных углисто-золистых линз. Они, судя по отсутствию следов обожжения во вмещающем их грунте, являются остатками погребальных костров, сброшенных на почти (или целиком) закопанное погребение. Включения редких рассеянных мелких древесных углей и единичных разрозненных фрагментов гладкостенной лепной посуды отмечены в засыпке многих могильных ям. В трех мужских погребениях встречены отдельные женские украшения, которые можно интерпретировать в качестве «женских даров» погребенному.

К характерным чертам местной погребальной обрядности относятся погребения коней. Они имеют ряд особенностей, отличающих их от конских захоронений на могильниках других культурных общностей. К ним относятся следующие:

- 1) конские погребения безинвентарны;
- 2) туши животных ориентированы головой на запад вне зависимости от ориентации могильной ямы;
- 3) голова животного фиксировалась на некоторой высоте относительно туши – в грунте засыпки, либо на специально оставленной материковой полке внутри могилы или (что чаще) – размещалась на верхней кромке

борта могильной ямы, т.е. выходила на древнюю дневную поверхность или располагалась очень близко от ее уровня (рис. 4);

4) остатки хвостовых позвонков при расчистке конских скелетов не обнаружены;

5) характерное положение передней части туши коня – на боку, задней – на животе с подогнутыми ногами;

6) в ряде случаев фиксируется захоронения животных с предварительно отсеченной головой, либо, что скорее, со сломанной шеей;

7) в ряде случаев обнаружены рассеченные надвое туши и туши с подрубленными конечностями.

У трех конских погребений в верхней части заполнения могильных ям, как и у некоторой части человеческих могил, зафиксированы компактные скопления (линзы) грунта, насыщенного золой и углями. Обнаружение в заполнении двух конских погребений крупных фрагментов обугленных плашек, позволяет предполагать наличие деревянных перекрытий. В засыпке двух погребений зафиксированы редкие фрагменты гладкостенной лепной керамики. Следов деревянных настилов или каких-либо подстилок под тушами животных не выявлено.

По характеру погребального инвентаря и специфике элементов погребального обряда среди трех десятков отобранных комплексов, позволяющих оценить «узкие» датировочные границы, можно выделить четыре основные культурно-хронологические группы погребений.

Первая группа (3 погребения – 10,0%; середина III – первая половина IV вв.) выделяется по присутствию вещей, характерных для позднесарматских курганов и памятников Прикамья (азелинских и мазунинских могильников). Среди них – круглые плоские серебряные бляхи с отверстием по центру (рис. 1: 9, 10), сопровождаемые небольшими полушарными бляшками (рис. 1: 5); полая бронзовая зооморфная привеска (фигурка лошадки (?) с обломанной головой) с низкой бронзовых бус от крепежного ремешка (рис. 1: 4); обувные пряжки с удлиненными дугообразно выгнутыми литыми щитками (рис. 1: 3); пряжки, наконечники ремней и поясные накладки, обильно украшенные фигурной фасетировкой. Отдельные образцы инвентаря из погребений этой группы традиционно датируются более ранним временем (второй половиной II – первой половиной III вв.), чем включающие их комплексы. К ним относятся бронзовая подковообразная фибула, оснащенная тремя

щитками с красной эмалью (фаза В, балто-днепро-окская серия VI, тип 1с по Е.Л. Гороховскому (Гороховский, 1982, рис. 6)) (рис. 1: б); цельнолитая пряжка с овальным кольцом и трапециевидным основанием (рис. 1: 1) – дериват сложносоставных ажурнопрорезных изделий ранне- и среднеримского времени (Труфанов, 2004, с. 168, 169) и некоторые другие предметы. Погребенные ориентированы головой на юго-восток. Глубина могил небольшая (до 30 см).

Вторая группа (15 погребений – 50,0%; вторая половина IV – середина V вв.). Вещи «восточного» (прикамского) происхождения единичны. Для комплексов погребального инвентаря характерно сочетание бронзовых сьюльгам с невыступающими концами (как округлодротовых, так и с уплощенной рамкой) (рис. 1: 12, 13), пряжек с округлыми щитками и тонкими слегка прогнутыми или прямыми фасетированными язычками (рис. 1: 14, 15), многочастных золотостеклянных пронизей, краснопастового бисера (в том числе – рубленого). В женских погребениях часто встречаются распавшиеся на отдельные части так называемые наборные украшения, известные по комплексам V – начала VI вв. рязано-окских могильников (Белоцерковская, 2012, с. 60). Они состояли из совокупности бронзовых спиральных пронизок, небольших по размерам красных пастовых бус (из тянутых палочек или трубочек) и бронзовых хомуток с пластинчатыми трапециевидными привесками, нанизанными на тонкий ремешок из кожи или металлическую проволоку (рис. 1: 16). Фиксируются первые проявления новой погребальной обрядности и единичные экземпляры новых категорий инвентаря, распространенных в последующий период: конские погребения, трупосожжения, браслетообразные обрубленноконечные височные кольца, головные жгуты, керамические миски. Погребенные по-прежнему ориентированы головой на юго-восток, глубина могил небольшая (до 30 см).

Погребения второй группы по составу инвентаря напоминают отдельные наиболее ранние комплексы Безводнинского могильника, причисленные Ю.А. Красновым к первой стадии развития этого погребального памятника. Так, наиболее вероятная «узкая» датировка погребения 130, очевидно, выходит за предложенные исследователем хронологические рамки первой стадии (конец V – начало VI вв.): в его погребальном инвентаре сочетаются трехчленные пряж-

ки со стилистическими признаками изделий IV – начала V вв. (со слегка прогнутыми не выступающими (или едва выступающими) за ширину обода язычками, удлиненными трапециевидными щитками с полукруглыми расширениями на концах, рамками, украшенными треугольными пропилами по внутренней кромке), пластинчатая гривна, аналогичная гривне из погребения № 30 (IV в.) Суворовского могильника (Генинг, 1963. С. 123, 124), сьюльгама с невыступающими концами, круглая нагрудная бляха с небольшими выступами (лопастями) по внешнему краю и фрагментированное наборное украшение, сопровождаемое бронзовыми трапециевидными привесками (его отдельные части атрибутированы Ю.А. Красновым как подвески), известное по комплексам V – начала VI вв. рязано-окских могильников (Краснов, 1980. С. 174).

Третья группа (10 погребений – 33,3%; вторая половина V – VI вв.). В погребальном инвентаре характерно сочетание бронзовых сьюльгам с короткими «усами» (рис. 2: 5, 6) с пряжками, оснащенными прямыми удлиненными хоботковидными язычками (рис. 2: 8, 9). Во многих мужских и редких женских погребениях встречены поясные наборы с серебряными или железными прямоугольными накладками с длинными вогнутыми сторонами (рис. 2: 4) и пластинчатыми, переогнутыми вдвое, наконечниками ремней (рис. 2: 11). Характерны узкие пластинчатые серповидные гривны (без подвесок); обрубленноконечные, со слегка заметными расширениями на концах, браслеты (рис. 2: 12); ожерелья из небольшого числа красных пастовых зонных и фиолетовых многогранных полупрозрачных стеклянных бус. К этой группе относятся несколько «воинских» погребений с мечами и гарнитурой от портупейных ремней, среди которой присутствуют небольшие полые серебряные пряжки «шиповского» круга – с В-образными рамками и прилитыми квадратными щитками (рис. 2: 7). Женский убор включал в себя браслетообразные обрубленноконечные височные кольца (рис. 2: 1, 2), наборный головной венчик (в виде ленты из кожи с нашитыми узкими кожаными ремешками, унированными согнутыми из тонкой бронзовой проволоки скобкообразными пронизками, разделенными квадратными пластинчатыми обоймами), ожерелье из небольшого числа красных пастовых бус, набор застежек-сьюльгам с короткими «усами», в редких случаях – головной жгут, наборный пояс и накосник.

Изделия, выполненные в геральдическом стиле – единичны и относятся к наиболее ранним образцам, выполненным в соответствующей манере; в комплексах они всегда сопровождаются пряжками с хоботковидными язычками. Погребальный инвентарь этой группы, в целом, близок комплексам двух первых стадий (конца V – VI вв.) Безводнинского могильника (Краснов, 1980, с. 105). Заметно меняется ориентация погребенных (головой на восток-юго-восток), увеличивается глубина могил (до 60–125 см). Зафиксированы неоднократные случаи пересечения могильными ямами этой группы более ранних погребений.

Четвертая группа (2 погребения – 6,7%; конец VII – первая половина VIII вв.) определяется наличием среди погребального инвентаря сюльгам с длинными «усами» (рис. 3: 3, 4). В одном погребении они сочетались с парой щитковых височных колец «муромского типа» (рис. 3: 1, 2) и головным венчиком из одного кожаного ремешка с попеременно нанизанными бронзовыми спиральными пронизками и крепежными пластинчатыми хомутками с подвижными серебряными полукруглыми привесками, напоминающими рамки от пряжек (рис. 3: 6). Браслеты – круглодротовые шляпкоконечные, с диаметром дрота около 5 мм (рис. 3: 5). Комплексы четвертой группы хронологически соответствуют погребениям IV стадии Безводнинского могильника (Краснов, 1980, с. 105). Ориентация погребенных изменяется на юго-восточную, глубина могил остается прежней (до 125 см).

По культурному своеобразие наиболее ранние комплексы Подвязьевского могильника (первой группы) тяготеют к погребениям кошибеевского этапа рязанско-окских памятников, относительно поздние (второй половины V – первой половины VIII вв.) – близки к захоронениям могильников безводнинско-ахмыловского круга. Отсутствие представительных комплексов с геральдической гарнитурой конца VI – третьей четверти VII вв., подобных погребениям III стадии Безводнинского могильника (Краснов, 1980, с. 105), по-видимому, объясняется, скорее, небольшим числом вскрытых погребений, чем перерывом в функционировании памятника.

Комплексы первой группы с погребениями Кошибеевского могильника, кроме присущего последним позднесарматского и прикамского инвентаря, сближают удлиненные могильные ямы незначительной глубины, юго-восточная ориентировка погребенных, следы поперечных лаг от деревянных настилов на дне могил (Кемаев, 2013, с. 239, 240).

Погребения второй культурно-хронологической группы фиксируют зарождение традиций, объединяющих Безводнинский, Младший Ахмыловский, Желтухинский, Кочкинский могильники в единую группу памятников. Появление отдельных определяющих их культурное своеобразие элементов в «подвязьевских» комплексах предваряет период активного функционирования могильников данного типа (VI–VII вв.). К таким элементам относятся наличие в женском уборе бронзовых браслетообразных височных колец и головных жгутов, присутствие на площадке могильника конских погребений. Один экземпляр браслетообразного обрубленноконечного височного кольца происходит из засыпки конского погребения № 5 Подвязьевского могильника, перерезанного женским погребением (№ 21) с характерным набором инвентаря V в. (наборное украшение из небольших красных пастовых бус из тянутых палочек и пластинчатых бронзовых трапециевидных подвесок, бронзовые сюльгамы с невыступающими концами, бронзовая гладкодротовая граненая гривна, бронзовые трехчленные пряжки с овальными рамками, небольшими округлыми щитками и короткими прямыми фасетированными язычками с уступом в основании). Один головной жгут (первого типа по Ю.А. Краснову (Краснов, 1980, с. 41) происходит из комплекса конца IV – первой половины V вв. (погребение № 36Б; сопровождается скоплением многочисленных золотостеклянных пронизей, красных пастовых бус и бисера, в том числе, рубленого), наборным украшением, сюльгами с невыступающими концами, бронзовой пластинчатой лунницей с приклепанным ушком). Дата совершения одного из конских погребений (№ 3), по пересечению наиболее вероятных датировочных интервалов двух образцов угля из засыпки, соответствует второй четверти V в. (1σ кал. л. н.э. 350–450 (Ki-17995, INTCAL04); 1σ кал. л. н.э. 428–537 (Ki-17996, INTCAL04).

ЛИТЕРАТУРА

Белоцерковская И.В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгунского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 1–30 ноября 2010 г. /Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 55–78.

Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов // ВАУ. Вып. 5. Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. 2. / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск-Ижевск: УРКМ, УГУ, 1963. 186 с.

Гороховский Е.Л. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виімчастою емаллю // Археологія. Київ. № 38. 1982. С. 16–35.

Грибов Н.Н. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Том II. / Отв. Ред. А.Г. Ситдинов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 317–319.

Кемаев Е.И. К вопросу о значении материалов ранних могильников Нижнего Примокшанья в этнокультурной истории поволжских финнов // Археология Восточноевропейской лесостепи Вып. 3. / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: ПИРО, 2013. С. 237–244.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Труфанов А.А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.

Информация об авторе:

Грибов Николай Николаевич, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nnhora@yandex.ru

PODVYAZ'YE BURIAL GROUND IN THE LOWER OKA REGION: CULTURAL FEATURES AND CHRONOLOGY (THE PRELIMINARY RESULTS OF THE EXCAVATIONS IN 2010 AND IN 2012-2015).**N.N. Gribov**

The article presents the brief results of Podviaz'ye burial ground investigation. The authors outline the main features of the burial rite and suggest a periodization of the burials. The burials are subdivided into four general cultural and chronological groups. The earliest complexes (the first group) are considered similar to the burials of the Koshibeevo stage of Ryazan-Oka sites, whereas the comparatively late burials (second half of the 5th – first half of the 8th centuries) – are closely related to the burials from the Bezvodnoye-Akhmylovo type.

Keywords: archaeology, Early Medieval burial sites of the Volga Finns, Podviaz'ye burial ground, inhumations, lower reaches of the Oka River, Koshibeevo stage, site of the Akhmylovo type, chronology of burials.

About the Author:

Gribov Nikolay N. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nnhora@yandex.ru

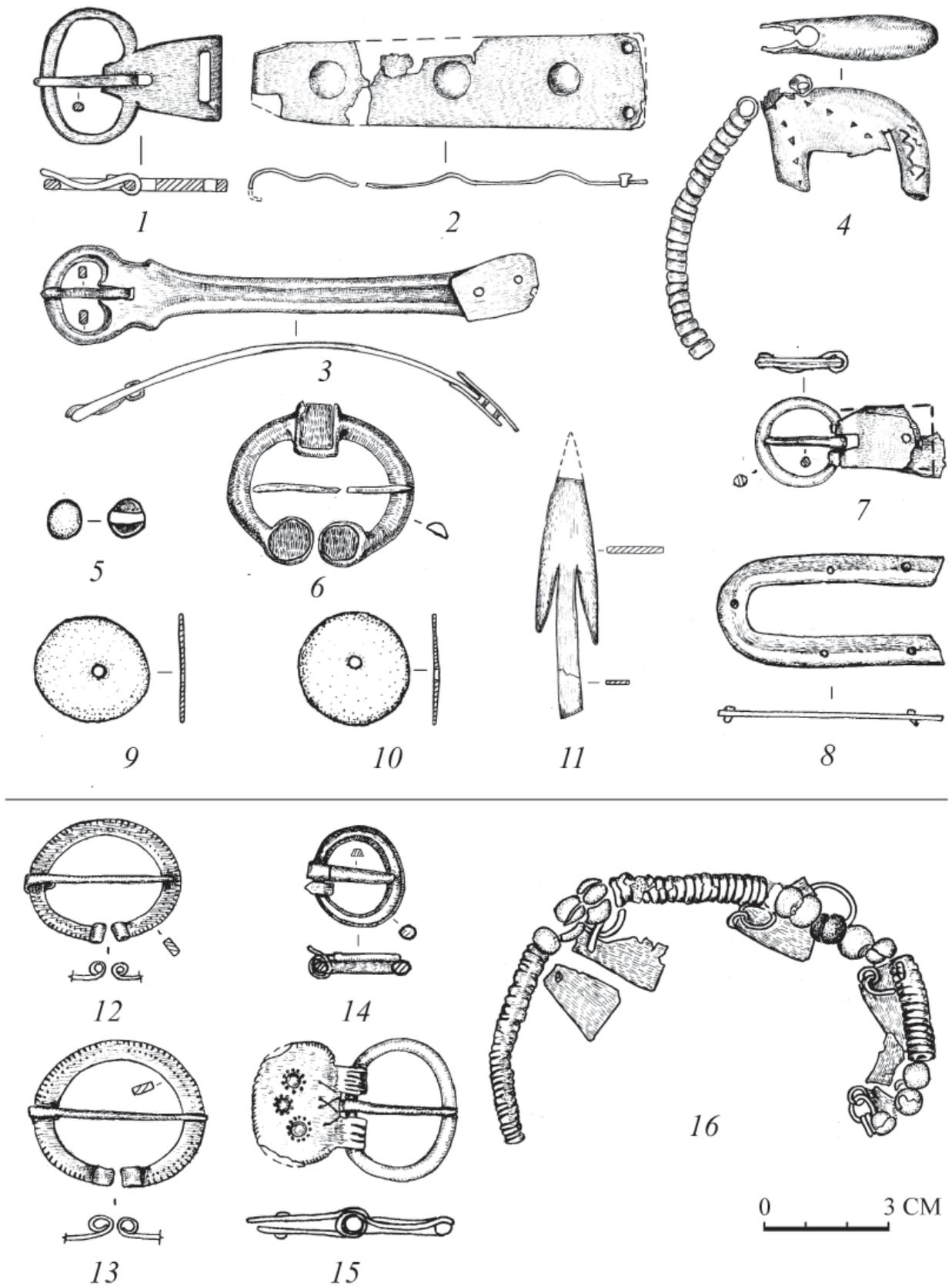

Рис. 1. Инвентарь погребений первой (1–11) и второй (12–16) групп: 1, 3, 7, 14, 15 – пряжки; 2 – обойма; 4 – подвеска; 5 – бляшка; 6 – фибула с выемчатой эмалью; 8 – наконечник ремня; 9, 10 – бляхи от головного убора; 11 – наконечник стрелы (1–8, 12–15 – бронза; 16 – бронза, стекло; 9, 10 – серебро; 11 – железо). 1–4, 11 – погребение 54; 5, 9, 10 – погребение 47; 6–8. – погребение 24; 12–14 – погребение 21; 15 – погребение 25; 16 – погребение 36Б.

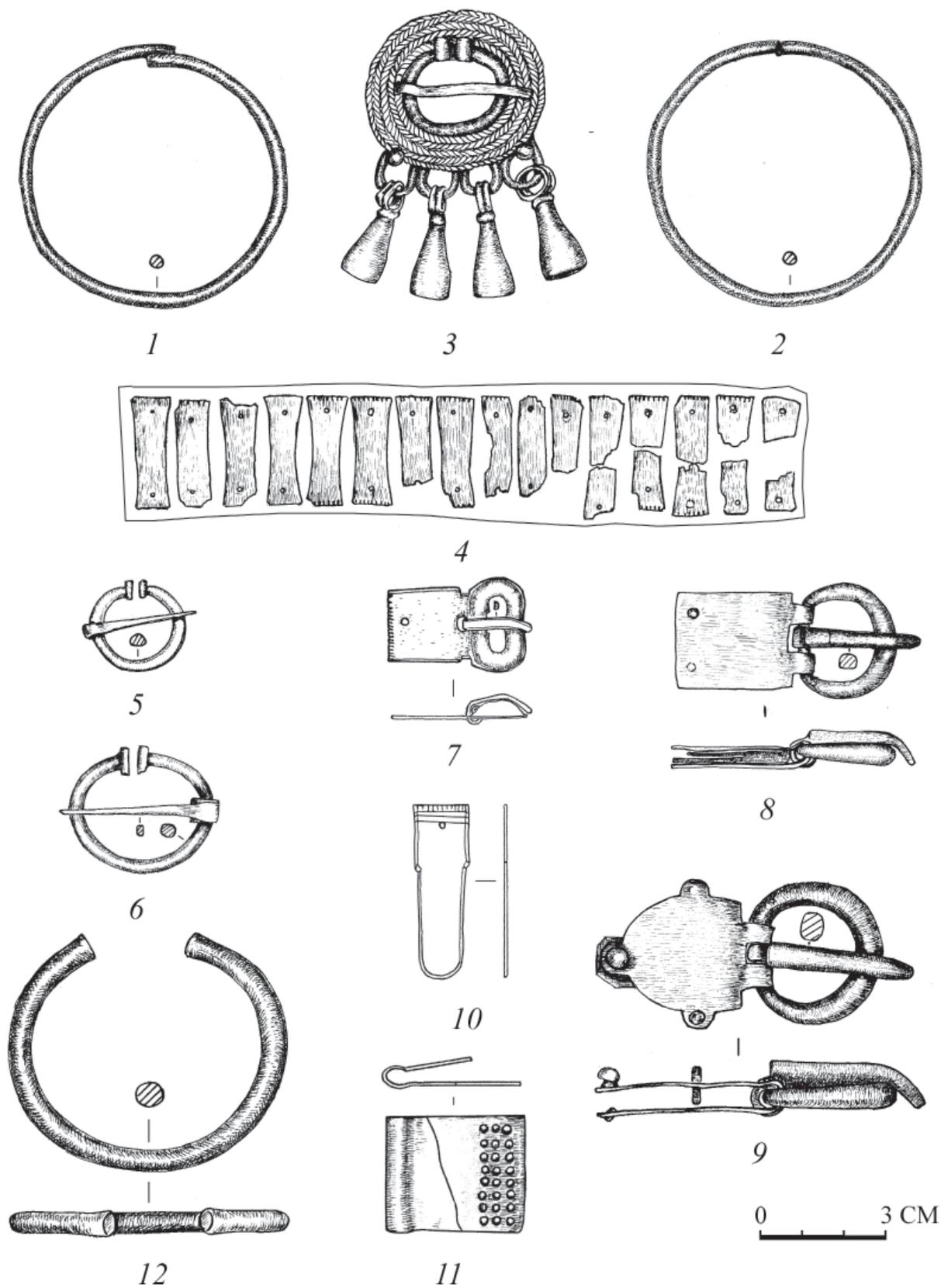

Рис. 2. Инвентарь погребений третьей группы: 1, 2 – височные кольца; 3 – бляха-застежка; 4 – поясные накладки; 5, 6 – сьюльгамы; 7–9 – пряжки; 10, 11 – наконечники ремней; 12 – браслет (1, 2, 4, 7, 10, 11 – серебро; 3, 5, 6, 8, 9, 12 – бронза). 1, 2, 11 – погребение 53; 2, 8 – погребение 22; 4 – погребение 35; 5–7, 10–12 – погребение 50; 9 – погребение 8.

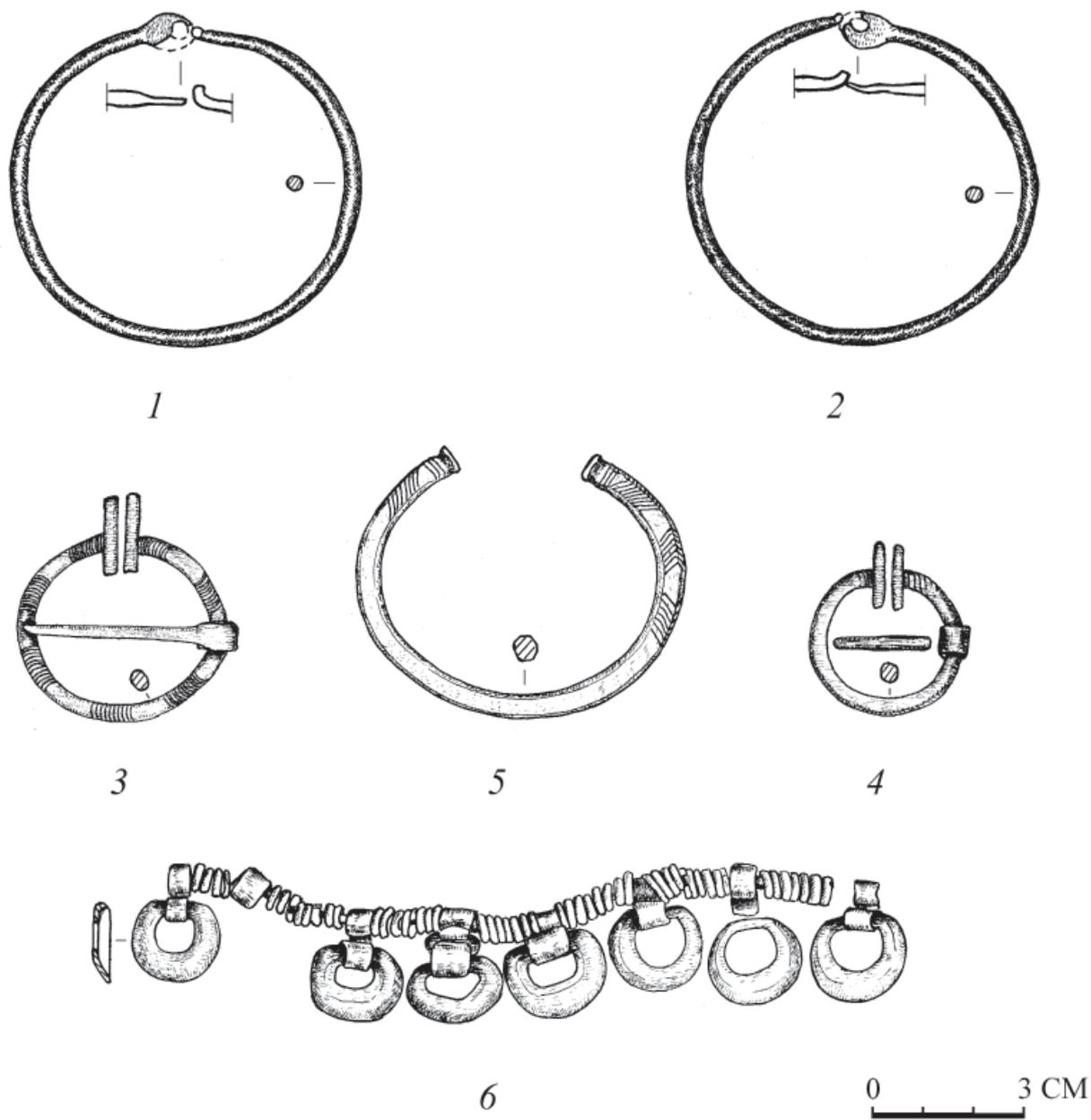

Рис. 3. Инвентарь погребений четвертой группы (погребение 34): 1, 2 – височные кольца; 3, 4 – сьюлгамы; 5 – браслет; 6 – венчик (1, 2 – серебро; 3–5 – бронза; 6 – бронза, серебро).

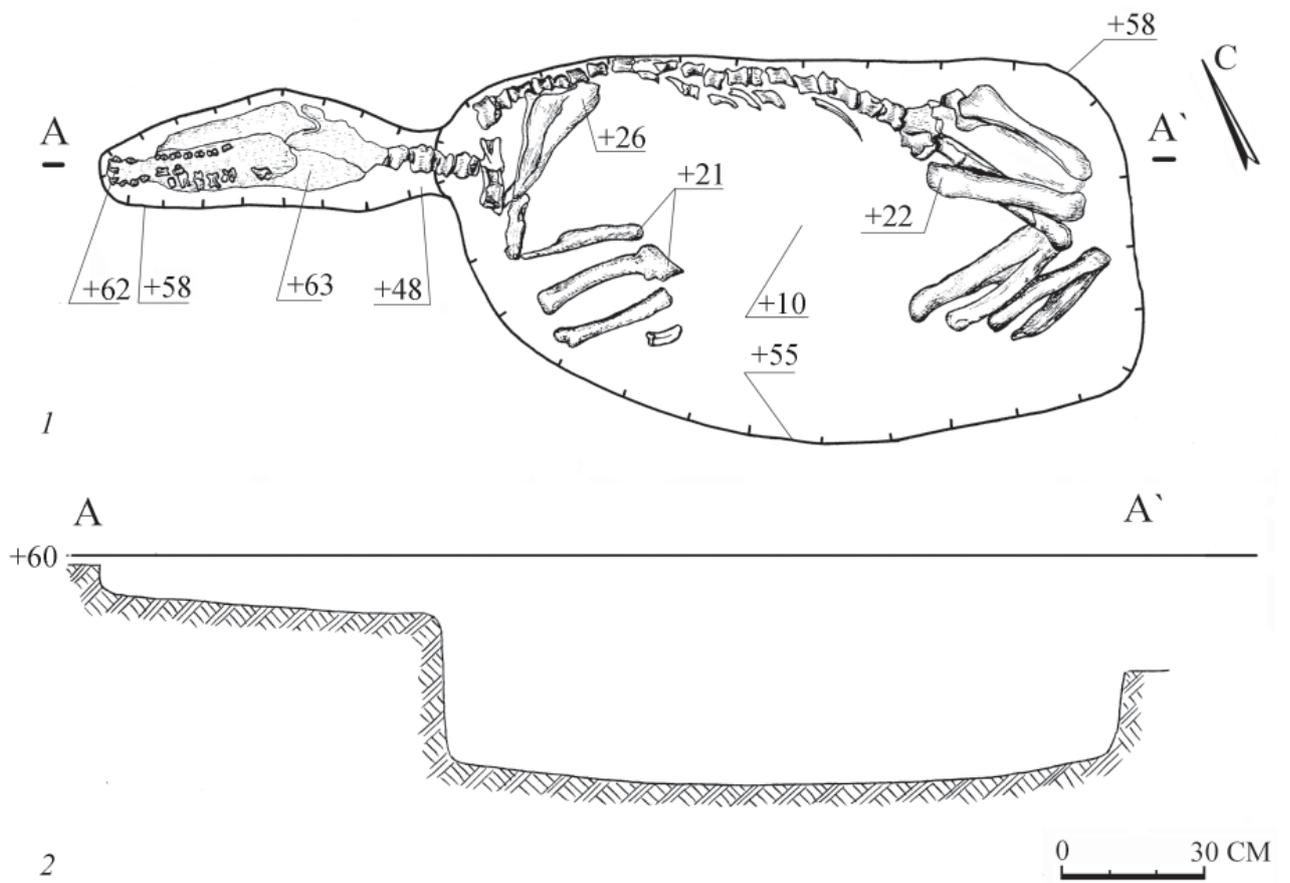

Рис. 4. Конское погребение 46: 1 – план; 2 – разрез.

УДК 902/904

ЩЕРБЕТЬСКИЙ КОМПЛЕКС ТУРБАСЛИНСКО–ИМЕНЬКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ VI–VII ВВ. Н.Э.

©2018 г. Е.П. Казаков

В статье анализируется материал турбаслинско-именьковской общности (ТИО), занимавшей в VI–VII вв. обширную территорию от Приуралья до Посурья. Открытие новых памятников с богатыми материалами позволяет утверждать, что турбаслинская и именьковская культуры являются родственными объединениями сармат, пришедших в указанный регион в начале эпохи тюркских каганатов. Предметом статьи являются памятники Щербетьской группы, в том числе самое большое в Нижнем Прикамье городище ТИО (120000 м²) и торгово-ремесленное поселение с остатками мастерских икладами сырья и готовых изделий.

Ключевые слова: археология, турбаслинско-именьковская общность, эпоха тюркских каганатов, культуры поздних сармат.

Для средневековой истории Восточной Европы большой интерес представляют проблемы происхождения, хронологии и этнокультурной принадлежности турбаслинско-именьковских памятников VI–VII вв., занимавших в это время обширную территорию в Восточной Европе от Приуралья до Пензенского Посурья (Казаков, 2011, рис. 14). Особенно много их в Нижнем Прикамье. Большой интерес представляют среди них материалы Щербетьского комплекса памятников (рис. 1), в том числе городища, известного еще с дореволюционного времени (рис. 2).

Городище расположено в 3,5 км к северо-западу от бывшего села Щербеть Спасского района Татарстана, на ровной поверхности, возвышающейся над долиной р. Камы на 35 м. Площадь его 120000 м². Первоначально памятник был отнесен к болгарским городищам (Калинин, Халиков, 1954, с. 90–91). Авторы описали его, отметив своеобразную систему обороны.

В 1989 г. на памятнике проводила исследования Раннеболгарская археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР (РАЭ). Площадка городища подтрапециевидная, вытянутая вдоль террасы по линии запад-восток на 380 м и в направлении север-юг на 340 м. Оборонительная система шириной от 12 до 20 м состоит из вала и рва. Высота вала 1,8–2,5 м, ширина 8–12 м. Глубина рва 1–1,5 м, ширина 6–8 м.

Большая протяженность укреплений городища требовала сооружения проходов и проездов (рис. 2). С западной и восточной стороны, а также в юго-западном углу находились широкие ворота, видимо, для колесного

транспорта. Кроме того, по периметру городища отмечены еще пять более узких проходов.

Сверх вышеуказанного, оборона была усилена системой «волчьих ям». Линия ям располагалась в 3–7 м от внешнего края рва. Ко времени исследования они сильно оплыли. В плане ямы подпрямоугольные, овальные или округлые, размером 4–5 м, глубиной 1,5–2 м. Расстояние между ними составляло 3–6 м. Вдоль восточной стороны городища в ряд располагались 25 ям, при этом на повороте вала они усиливались вторым рядом из трех ям. С южной стороны по обе стороны неширокого прохода в укреплениях находились 14 ям, у широкого прохода в юго-западном углу памятника – 10 ям, а вдоль западной оборонительной линии – еще девять ям.

Кроме того, в северо-восточной части площадки, где, видимо, находился пешеходный спуск с высокой террасы в пойму, предыдущие исследователи отмечали три полукруглые ямы диаметром 10–15 м, где могли находиться большие деревянные башни. Ниже по склону на 1,5 м имелась площадка шириной в 2 м – возможно, место под палисад (Калинин, Халиков, 1954, с. 91).

В восточной части городища, южнее широкого проезда в укреплениях бульдозером был сделан проход шириной 24 м для сельскохозяйственной техники. В южной кромке бульдозерного среза в 1989 г. была сделана зачистка вала на ширину в 2 м (высота вала в этой части 80 см). При этом выявлена часть конструкции укреплений в виде вытянутой вдоль рва стены из вертикально поставленных бревен диаметром 8–10 см (рис. 3А). Внутренняя часть стены не исследовалась, возможно, там проходила другая стенка, и пространство

между ними засыпалось грунтом. Внешняя стена была укреплена глиняной «подушкой». Если предположить, что подобная конструкция была и с внутренней стороны укреплений, то, при ширине вала в современном состоянии около 10 м, можно полагать, что толщина заполненной грунтом стены составляла 3–4 м.

В слое черноземной засыпки укрепления, в бульдозерном отвале собраны фрагменты грубой лепной керамики с примесью шамота в тесте, видимо, именьковской. Такие же обломки посуды собраны на пашне, примыкавшей к проездам с востока от городища.

В целях выявления культурного слоя в 60 м к западу от места зачистки вала на внутренней площадке городища заложен шурф размером 1×1 м, ориентированный по сторонам света (рис. 3Б). Выявлена стратиграфия: пашня – 30 см, чернозем – 110 см, ниже идет материковый суглинок. В центре шурфа на глубине 60–70 см найдены обломок венчика сосуда и фрагмент крышки именьковского времени (рис. 3В: 1, 2).

Данные исследования показали, что городище является не болгарским, а именьковским. Его большие размеры, мощная система обороны, наличие укрепленного пункта из башен и палисада в северо-восточной части памятника (у «пешеходного спуска» с террасы в долину) свидетельствуют об особом статусе городища. Это подтверждается и тем, что площадь основной массы именьковских городищ не превышала 5000 м² (Старостин, 1967, с. 11). По мнению П.Н. Старостина, такие городища были центрами территориальных групп поселений этой культуры, оставленных сравнительно небольшими родоплеменными подразделениями (Старостин, 1967, с. 10–11). Щербетьское же городище, скорее всего, было племенным центром всего турбаслинско-именьковского населения Нижнего Прикамья. Участок террасы между этим памятником и с. Щербеть был густо заселен. В 1989 г. на этой территории на протяжении 3,5 км РАЭ было обследовано три именьковских селища, занимавших большую площадь (каждое протяженностью 100–120 м по пашне вдоль края террасы). Всего в рассматриваемом нами Щербетьском кусте отмечено пять памятников, часть которых разрушена водохранилищем.

Одним из них является Щербетьско-Островное I селище. Памятник, открытый П.Н. Старостиным осенью 1964 г., расположен в 8 км от вышеуказанного с. Щербеть и в 4,5 км от Щербетьского городища.

В 1964–1965 гг. здесь на дюне по левому берегу р. Бездны на площади 420×110 м были выявлены остатки ремесленного производства (лячки, тигли, изделия из железа и цветного металла) и собраны изделия именьковской культуры из размытого культурного слоя. Большинство из них, использованные при подготовке кандидатской диссертации П.Н. Старостина, были оперативно опубликованы (Старостин, 1967; 1968). По инициативе П.Н. Старостина было произведено исследование кузнечных изделий (Старостин, Хомутова, 1981), а также сделан анализ цветного металла (Сидоров, Старостин, 1970) из Щербетьско-Островного I селища.

В 1989 г. РАЭ выявлено, что после регулярного подтопления площадь памятника практически полностью разрушена. На вышедшей из-под воды глинистой (со смытым черноземным слоем) поверхности гривы шириной в 180 м, вытянутой по линии запад-восток, на протяжении 300 м встречались многочисленные обломки именьковской посуды, кости животных и рыб. В западной части памятника были выявлены округлые хозяйственные ямы диаметром 110–120 см с жирным черноземным заполнением. Около них отмечены фрагменты кричного железа (рис. 4).

Среди находок 1989 г. с селища имеется железный круглообушный топор длиной 19 см (рис. 8: 1), многочисленные керамические пряслица (рис. 8: 7–16), в том числе с насечками по ребру (рис. 8: 8, 9) и с изображением крестов и свастики (рис. 8: 7), железная петля от удил (рис. 8: 4), костяные наконечник стрелы (рис. 8: 5) и половина гребня (рис. 8: 6), бронзовые сьюльгама (рис. 8: 3) и пряжка (рис. 8: 2). В восточной половине поселения на площади 240×160 см, вытянутой по линии восток-запад собраны фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом эпохи бронзы. В южной части селища отмечено скопление костей человека.

Уникальные материалы получены П.Н. Старостиным при работе на памятнике во времена спада воды на водохранилище осенью 1964–1965 гг. В центре памятника были выявлены остатки литейной мастерской в виде овальной ямы размером 144×152 м. с плоским дном углубленная в материк на 20–25 см. В юго-западной части ее находилась овальная глинобитная и ошлакованная площадка. В заполнении мастерской отмечены куски шлака, лячки, тигли, бронзовые слитки, фрагменты керамики. Вокруг мастер-

ской выявлены остатки опор для навеса (Сидоров, Старостин, 1970, с. 234).

К востоку от вышеописанной выявлена вторая мастерская в виде овальной ямы размером 180×188 см углубленная в материк на 35 см. В ней также находилась овальная глинобитная прокаленная площадка размером 96×54 см с углублением в центре. (Сидоров, Старостин, 1970, с. 234). Среди других находок в заполнении объекта обнаружена бронзовая с позолотой пряжка (рис. 6: 2).

К юго-востоку от первой мастерской на площади 10×8 см выявлен клад из 67 трехгранных в сечении с округлыми концами латунных изделий (рис. 5: 9–13) в виде стержней длиной около 18,5 см и весом 88–111 г (Сидоров, Старостин, 1970, с. 235).

На занятия населения указывают орудия труда: наральник, косы (8 экз.), удила, кузнечные изделия. В числе находок имеются 26 железных кругообушных топоров (рис. 7) длиной 18–22 см (Старостин, 1968, с. 251) и упомянутые выше латунные слитки, предназначенные для ювелирного производства. Эти и другие предметы не оставляют сомнения, что данный памятник является торгово-ремесленным поселением турбаслинско-именьковского населения Нижнего Прикамья. Концентрация таких изделий свидетельствует, что они предназначены на продажу. Широкое распространение подобных предметов по всему Прикамью может говорить об их перевозке не только колесным транспортом, но и удобным и экономичным речным транспортом на кораблях, которые, скорее всего, у этого населения были.

В 2014 г. Р.Р. Валиевым был открыт новый могильник турбаслинской культуры, который можно включить в вышеописанный Щербетьский комплекс. Он расположен в 1,8 км к северо-западу от Щербетьского городища и в 3 км к юго-востоку от Щербетьско-Островного I селища. Некрополь получил название Новославский II. Зафиксировано 14 разрушаемых водохранилищем могил, исследовано женское погребение, сопровождавшееся богатым вещевым материалом, а также черепом и костями ног коня (Валиев, 2016, с. 83). Представленный Р.Р. Валиевым в 2016 г. на I Старостинских чтениях в докладе «Новый памятник коминтерновского типа в Нижнем Прикамье» материал (см. статью Р.Р. Валиева в настоящем сборнике) аналогичен древностям из захоронений по обряду труположения Коминтерновского II могильника. Так, указанное женское захоронение до деталей сходно по обряду, вещевому инвентарю, в

том числе культовым вещам, с погребениями знатных женщин с конем из Коминтерновского некрополя (погр. 26, 43 и др.). Даже детали богато украшенной одежды этих своеобразных «амазонок» (широкие пояса с серебряными и бронзовыми накладками, культовые изделия и т.д.) изготовлены так, как будто они выполнены в одной мастерской или даже одним мастером (Казаков, 1998, рис. 24, 25, 31–33). Подобные захоронения отмечаются в турбаслинских памятниках Башкортостана (Казаков, 2011, с. 17, рис. 9). Богатые вещевые комплексы позволяют датировать их второй половиной VI – первой четвертью VII в. н.э. К этому же времени относятся бронзовые пряжки и культовые поделки Щербетьско-Островного I селища. Материалы ТИО позволяют еще раз отметить высокую культуру позднесарматского населения, вынуждено мигрировавшего в Прикамье в эпоху тюркских каганов. Это население имело не только развитое земледелие, скотоводство, но также ремесло и торговлю. О последних свидетельствует существование Щербетьского и Девичьгородского комплексов, расположенных на важнейших участках Волго-Камского речного пути.

ТИО можно полагать как громадное по территории объединение с заметными чертами государственности. Знакомство с высокой культурной и государственными элементами сарматскому обществу не занимать не только при оседлости, но и во время миграции в течение столетий на бескрайних пространствах Евразии. ТИО в течение не менее трех поколений имела не только одну культуру, одну территорию, одну религию, но и политические центры. Главным из них, вероятно, был центр в петле рек Белая и Уфа на территории г. Уфы. Здесь известны три городища (в том числе городище Уфа II) и настоящие княжеские склепы с богатыми наборами золотых и серебряных изделий (Мажитов и др., 2008).

Какова же судьба населения Щербетьского комплекса и ТИО в целом? Без сомнения, Щербетьско-Островное I селище погибло в результате нападения, после которого враги быстро покинули его, не обнаружив даже ценнейших кладов в виде латунных стержней, топоров. О последней трагедии жителей поселения, возможно, свидетельствует скопление костей человека в южной части памятника. С неизвлеченными после гибели поселения кладами могут быть связаны и находки богатых комплексов нагрудных украшений, по некоторым сведениям, сделан-

ные грабителями на площадке Щербетского городища.

Аналогичному разгрому подверглось и второе нижекамское торгово-ремесленное поселение ТИО, расположенное в урочище Девичий городок, в 15 км к востоку от Щербетского комплекса. Здесь изучены заброшенные полуземляночные жилища, в которых *in situ* стояли именьковские сосуды, одни хозяйственные ямы были запол-

нены большим количеством обожженного зерна, в другие были сброшены останки человека (Казаков, Иванова, 2003, с. 97–102). Эти события были связаны с нашествием кочевников – носителей кушнаренковской культуры манякского этапа (Казаков, 2013, с. 174). Характерная кушнаренковская керамика этого времени была встречена на Татсунчелеевском именьковском городище и селище «Курган».

ЛИТЕРАТУРА

Валиев Р.Р. Новые данные по островным и прибрежным памятникам археологии Спасского района Республики Татарстан // Средневековая археология Волго-Уралья: Сб. науч. трудов к 65-летию юбилею д.и.н., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдинов. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 80–85.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Материалы II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (Самара, 17–20 ноября 1997 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.

Казаков Е.П., Иванова Р.Г. Исследование селища «Девичий городок» // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 97–102.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. / *Finno-Ugrica*. 2011. № 12–13. С. 8–39.

Казаков Е.П. Мадыры и волжские болгары: этапы взаимодействия // II-й Международный Мадырский симпозиум (13–17 августа, 2013 г.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск, Щадринск: Рифей, 2013. С. 173–181.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 196 с.

Мажитов Н.А., Сунгатова Ф.А., Султанова А.Н. Сокровища древней Уфы. Уфа: ГРИ «Башкортостан», 2008. 112 с.

Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселения // СА. 1970. №4. С. 233–237.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1–32. М.: Наука, 1967. 95 с.

Старостин П.Н. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. №1. С. 251–255.

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // СА. 1981. №3. С. 208–217.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

THE SCHERBET' COMPLEX OF THE TURBASLY IMEN'KOVO SITES OF 6TH – 7TH CENTURIES. A.D.

E.P. Kazakov

The article analyzes the data of the Turbasli-Imen'kovo cultural group that occupied a vast territory from the Cis-Urals to the Sura river in the 6th–7th centuries. The discovery of new sites with numerous finds allows to assert that the population of the Turbasly and Imen'kovo cultures were the relative groups of Sarmatians which came to this region in the early period of the Turkic Khaganates. The author analyses the sites of the Shcherbet' group, including the largest fortified settlement of the Turbasly-Imen'kovo cultural group in the Lower Kama region (120,000 sq. m) as well as a trade-and-craft settlement with the remains of workshops and hoards of the raw materials and goods.

Keywords: archaeology, Turbasly-Imen'kovo cultural group, the period of the Turkic Khaganates, cultures of the late Sarmatians.

About the Author:

Kazakov Evgeniy P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

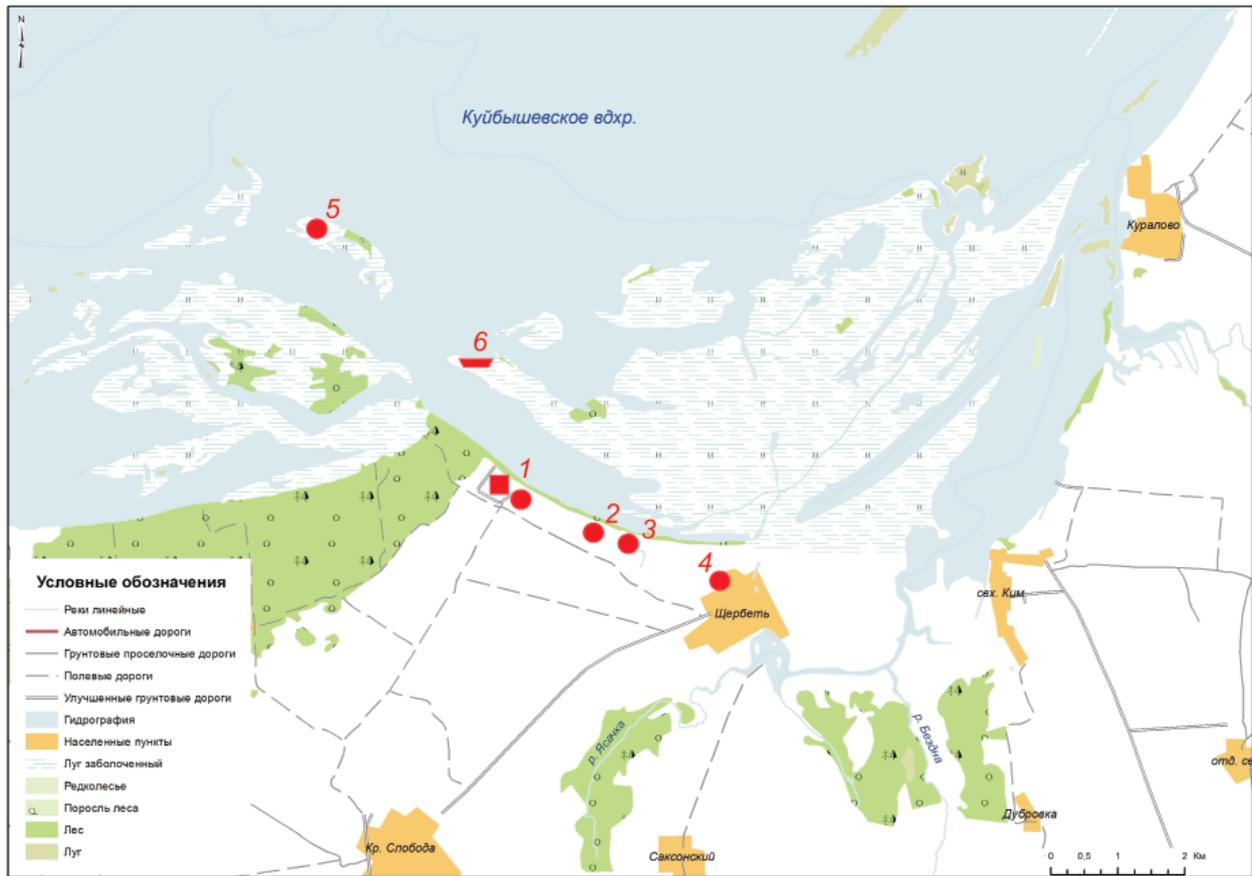

Рис. 1. Памятники Щербетского комплекса: 1 – Щербетское городище и селище за валом, 2 – Щербетское III селище, 3 – Щербетское II селище, 4 – Щербетское I селище, 5 – Щербетско-Островное I селище, 6 – Новославский II могильник (автор топоосновы – Г.М. Сайфутдинова).

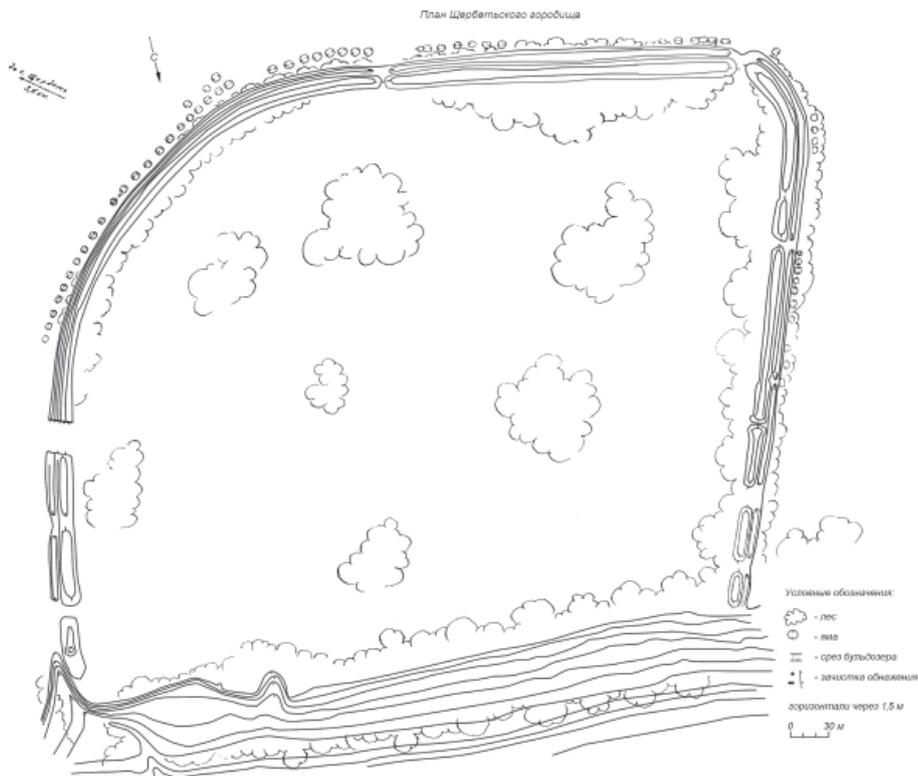

Рис. 2. План Щербетского городища.

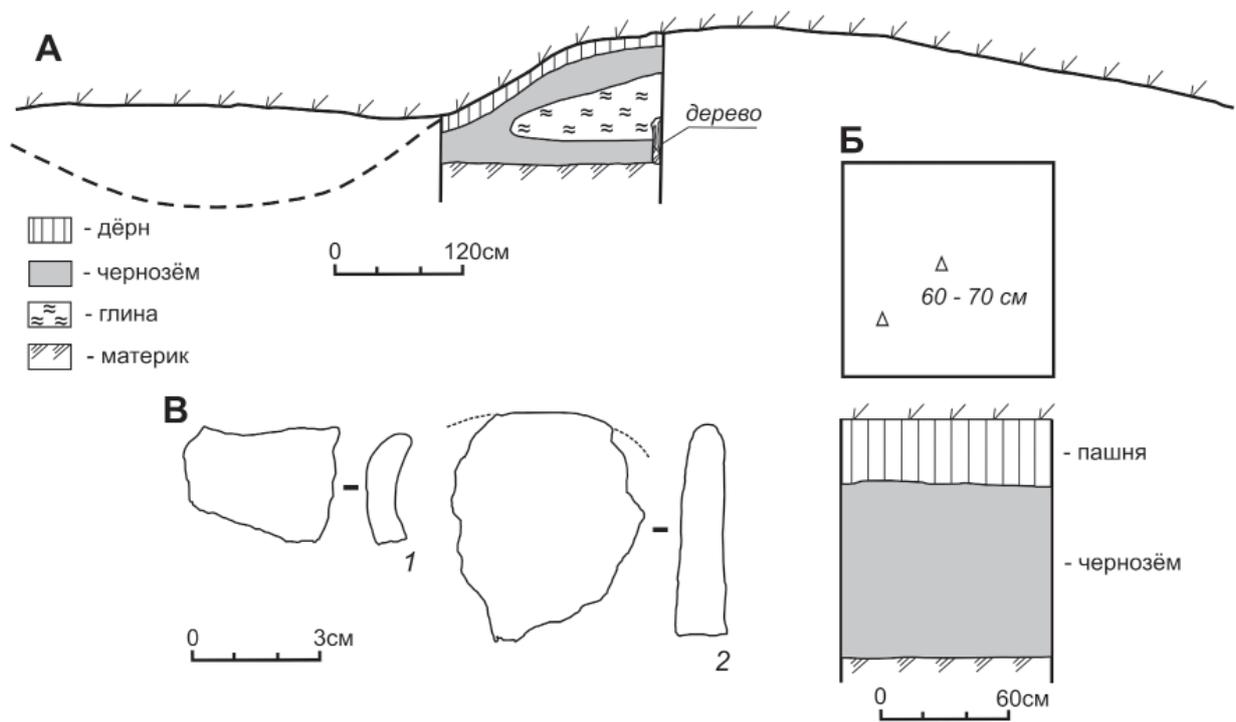

Рис.3. Щербетское городище: А – зачистка вала, Б – шурф, В – керамика из шурфа.

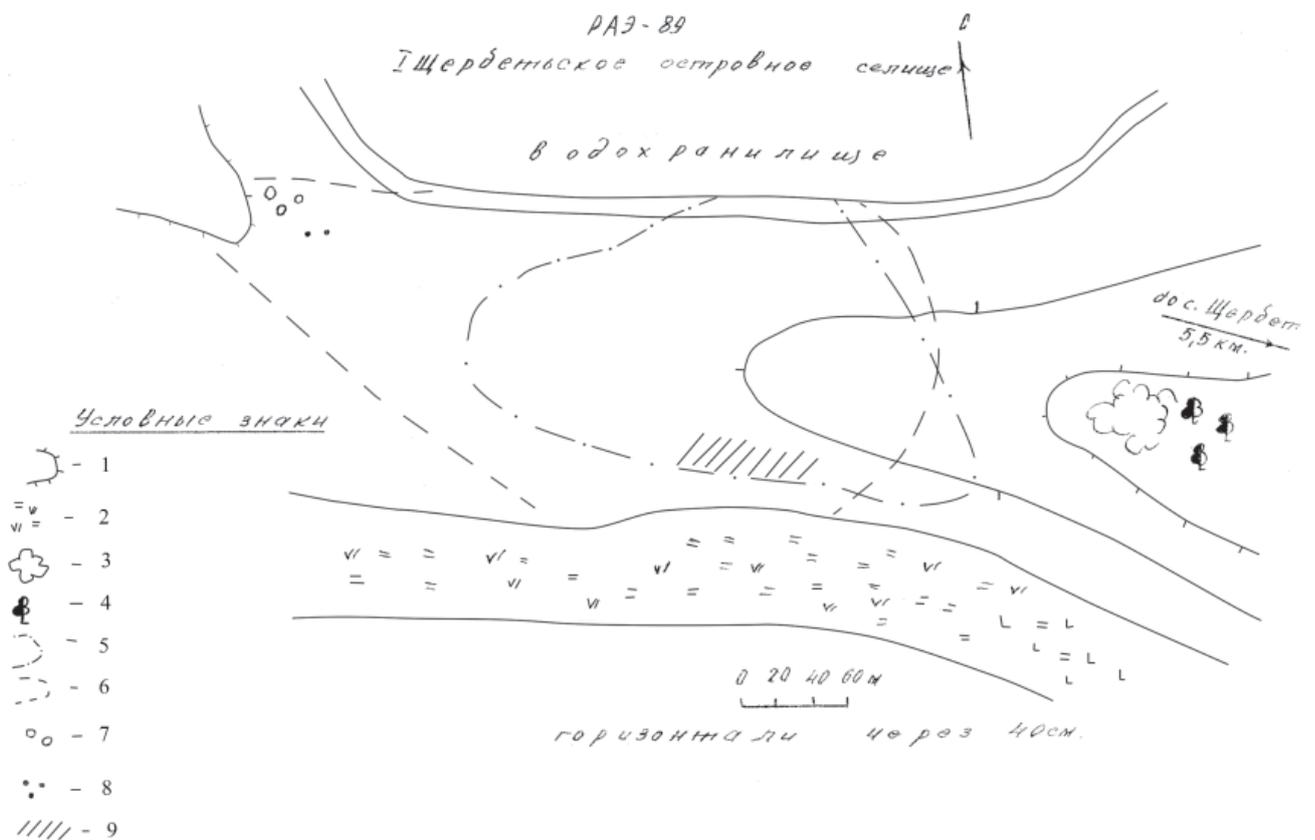

Рис. 4. План Щербетско-Островного I селища: 1 – незатопляемая часть берега; 2 – заболоченная протока; 3 – кустарник; 4 – деревья; 5 – площадь стоянки; 6 – площадь селища; 7 – хозяйственные ямы; 8 – находки криц; 9 – находки костей человека.

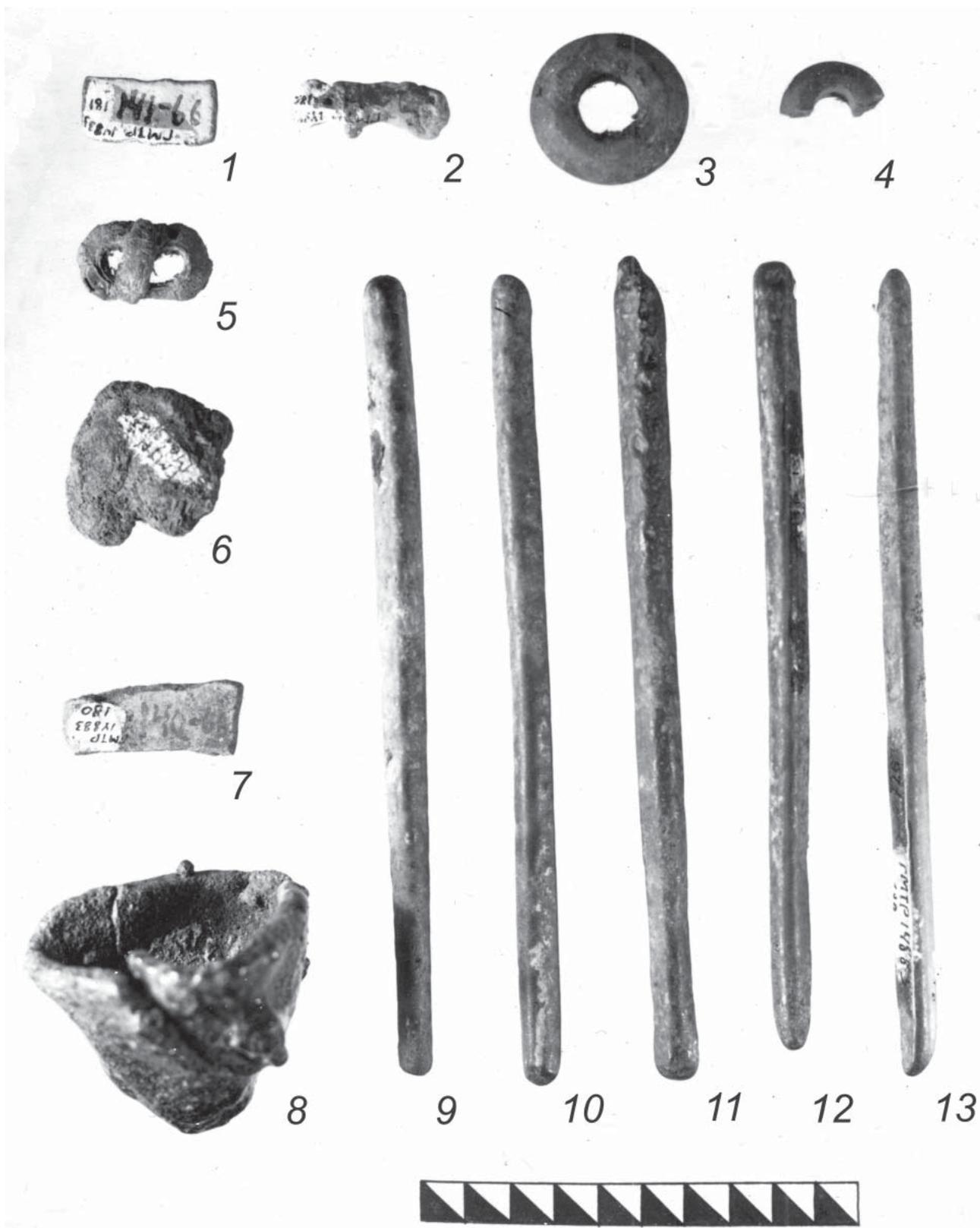

Рис. 5. Находки со Щербетьско-Островного I селища: 1, 2, 6, 7, 9-13 – слитки; 3, 4 – пряслица; 5 – пряжка; 8 – тигель (1, 2, 5-7, 9-13 – бронза; 3, 4, 8 – керамика); 1, 6, 7, 8 – мастерская №1; 2, 3, 4, 5 – мастерская №2; 9-13 – клад (по: Сидоров, Старостин, 1970, рис. 2; использован оригинал фото из: НФ МАРТ, ф. 14, оп. 1, д. 274).

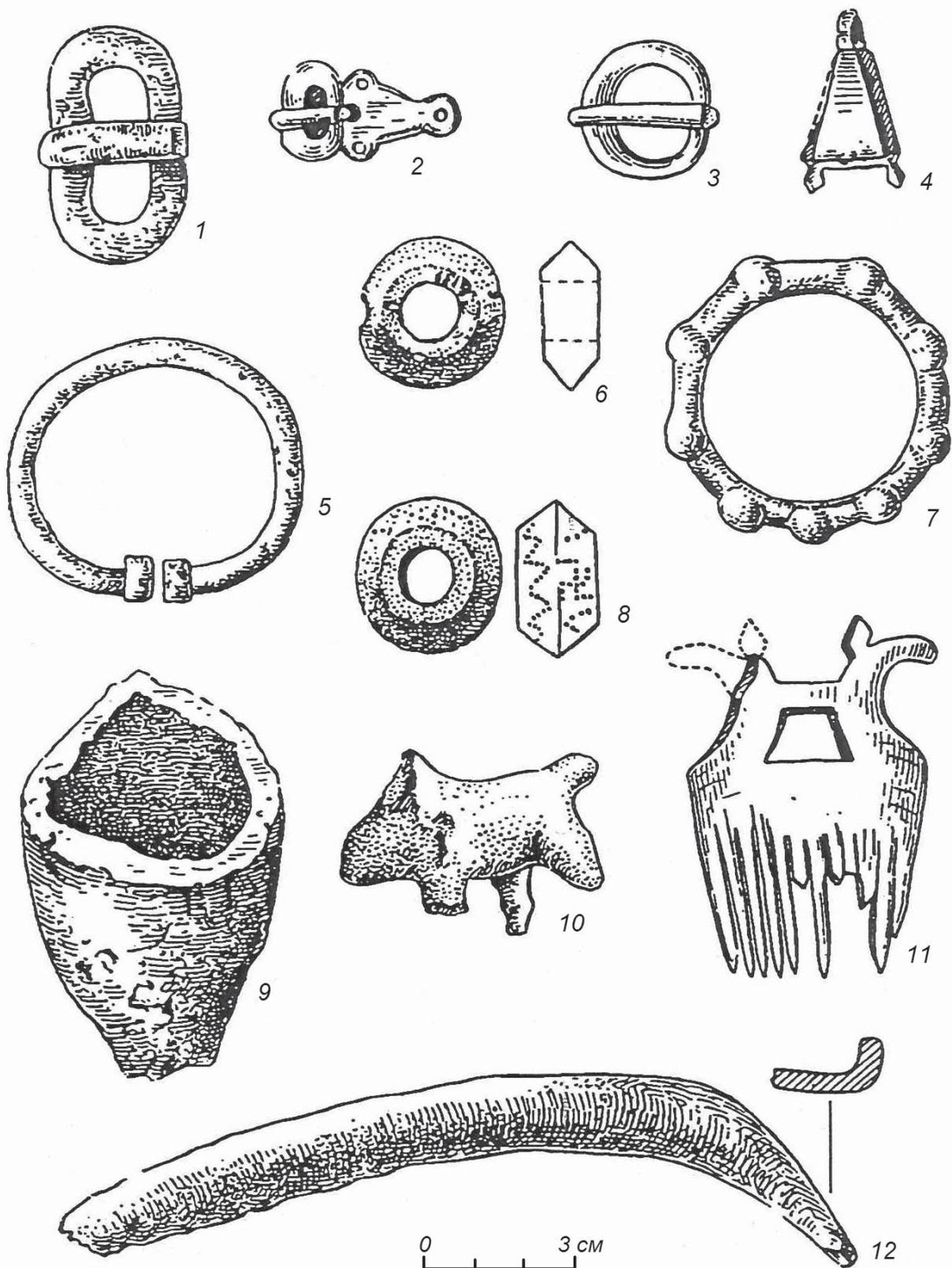

Рис. 6. Находки со Щербетьско-Островного I селища: 1–3 – пряжки; 4, 7 – привески; 5 – сюльгама; 6, 8 – пряслица; 9 – тигель; 10 – фигурка животного; 11 – гребень; 12 – серп (1, 5, 12 – железо; 2–4, 7 – бронза; 6, 8–10 – глина; 11 – кость) (по: Старостин, 1968, рис. 2).

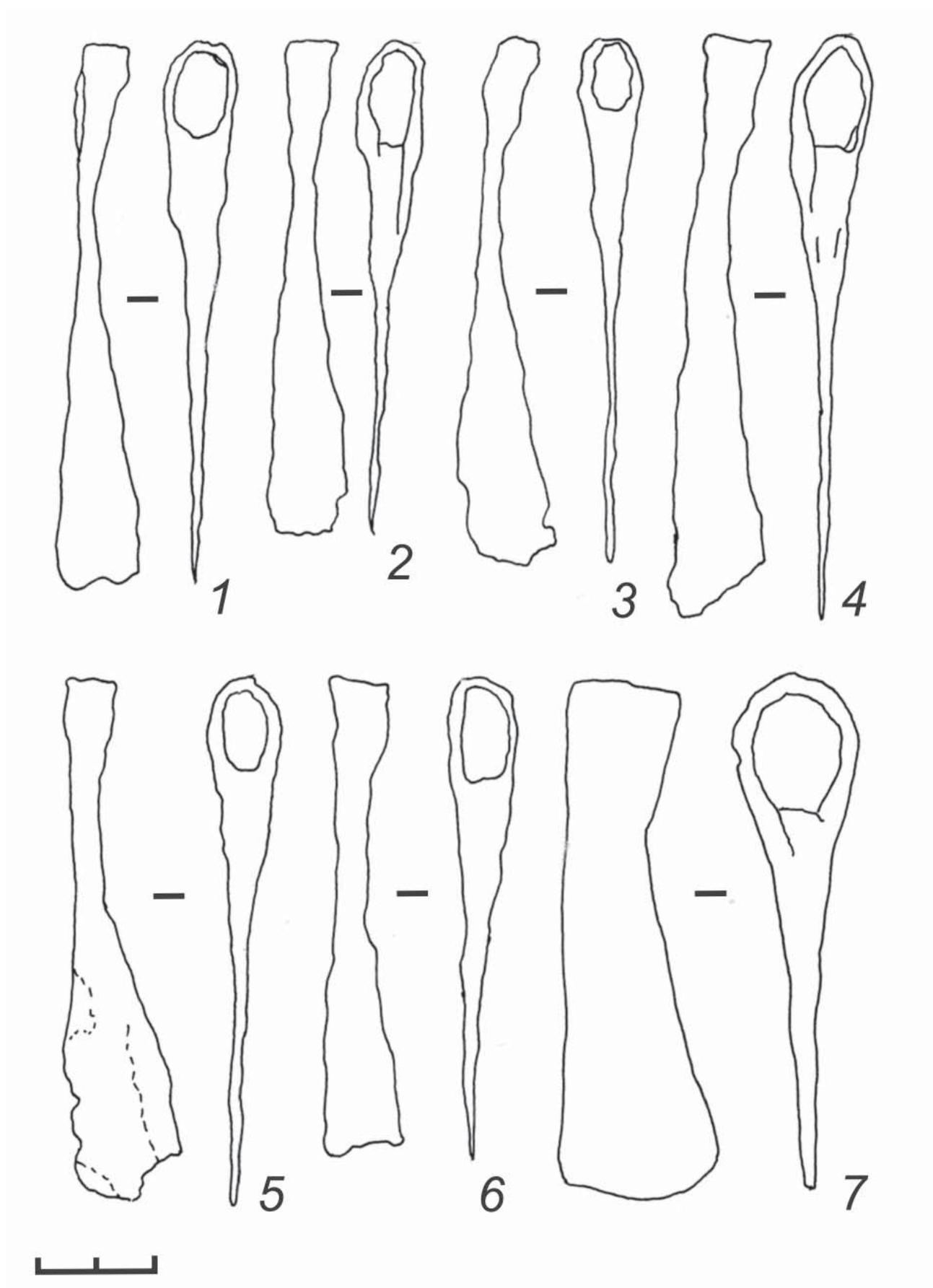

Рис. 7. Топоры со Щербетьско-Островного I селища (1–7 – железо) (рис. Л.А. Вязова, 2011 г.).

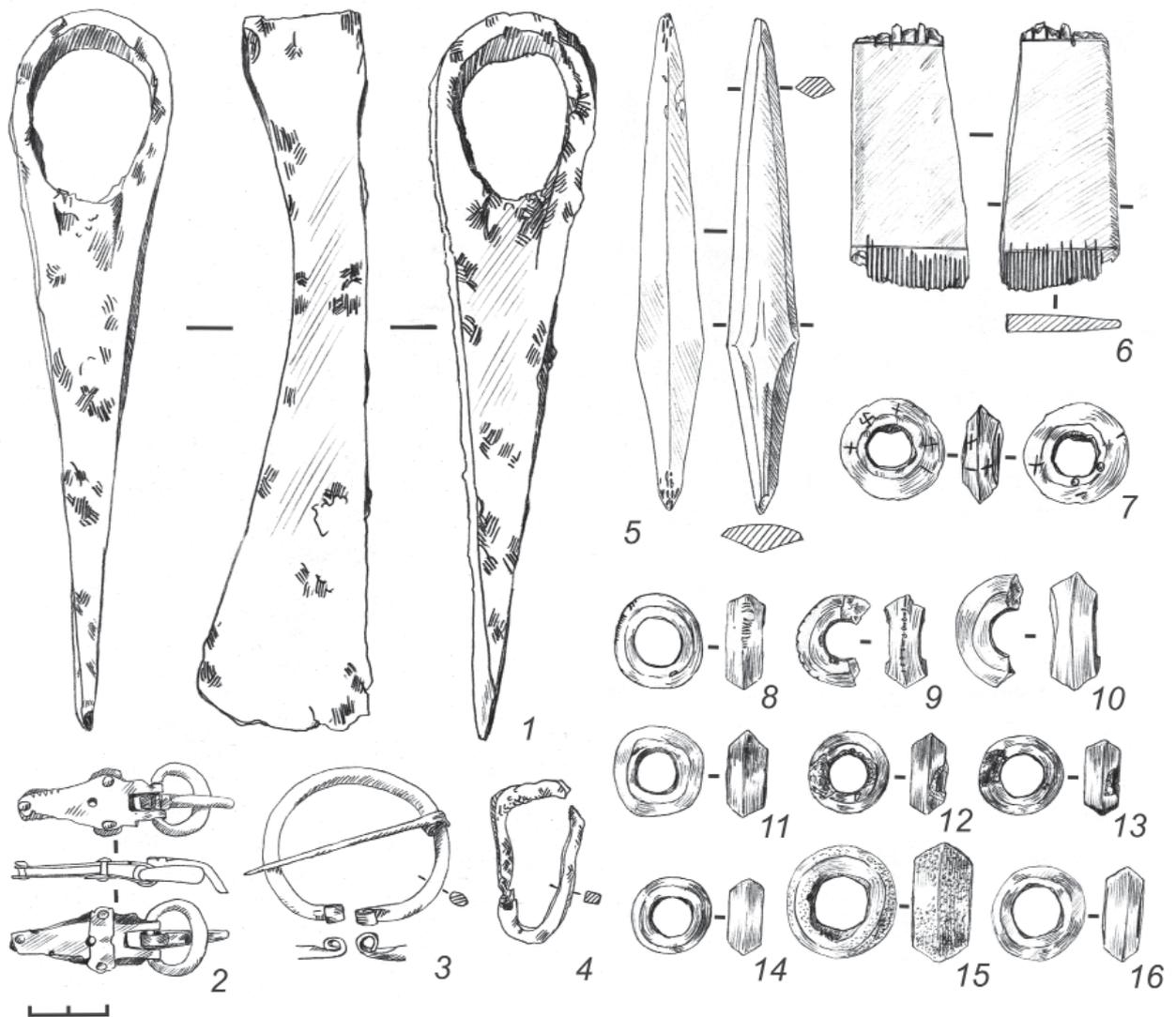

Рис. 8. Находки 1989 г. со Щербетьско-Островного I селища: 1 – топор; 2 – пряжка; 3 – сьюльгама; 4 – петля от удили; 5 – наконечник стрелы; 6 – фрагмент гребня; 7–16 – пряслица (1, 4 – железо; 2, 3 – бронза; 5, 6 – кость; 7–16 – керамика) (рис. Д.Г. Бугрова, 1989 г.).

УДК 902/904

НОВЫЙ ПАМЯТНИК «КОМИНТЕРНОВСКОГО ТИПА» ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2018 г. Р.Р. Валиев

Публикация знакомит читателей с материалами Новославского II могильника, открытого в процессе разведочного обследования островов и прибрежной зоны Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района Республики Татарстан. В результате осмотра памятника обнаружен многочисленный подъемный материал, относящийся, в основном, к именьковско-турбаслинским древностям второй половины VI в. На отмели обнаружены 14 ямных объектов, один из которых был вскрыт. Объект оказался женским захоронением, совершенным по обряду ингумации, сопровождавшемся богатым погребальным инвентарем: фибулами, поясными накладками, подвесками, булавкой и серьгой из цветных металлов, железными пряжкой и ножом, янтарными бусами и керамическими пряслицами. Кроме того, в погребение поставлены два лепных глиняных сосуда, череп и конечности коня. Инвентарь и погребальный обряд находят аналогии в именьковско-турбаслинских ингумациях Коминтерновского II могильника.

Ключевые слова: археология, именьковская культура, Новославский II могильник, погребение, именьковско-турбаслинские древности, Спасский район.

В 2015 г. во время разведочных обследований островов и прибрежной территории Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района выявлен ранее неизвестный памятник – Новославский II могильник. Памятник удалось обнаружить благодаря значительному спаду воды поздней осенью, до уровня 50,97 м в Балтийской системе высот. Работа осуществлялась в рамках реализации программы Республиканского Фонда «Возрождение».

Памятник получил название по бывшему поселку Новославка. До образования Куйбышевского водохранилища данная территория представляла собой участок поймы между овражно-балочной системой левого берега рч. Сухая Бездна и правым берегом истока рч. Ржавец Безымянный. Здесь пролегалла дорога между с. Новомордово и пос. Новославка (Генеральный план, 1795).

Могильник расположен в западной оконечности Спасского острова (или о. Старый город) на расстоянии 6 км к северо-западу от церкви с. Щербеть, в 7,65 км к северу от церкви с. Красная Слобода и 7,75 км к северо-востоку от центра д. Ржавец. Оконечность острова представляет собой косу шириной около 100 м и длиной около 400 м, покрытую камышом. На западной оконечности косы имеется небольшое поросшее деревьями возвышение. Поверхность косы относительно ровная, плавно повышается к востоку. Высота косы над уровнем воды при низкой воде до

1,5 м, по высокой воде коса, очевидно, полностью затопливается (рис. 1).

На отмели вдоль северного и западного побережья косы обнаружено большое количество отдельных переотложенных человеческих костей и собрана коллекция подъемного материала, представленного фрагментами лепной керамики и кремневыми изделиями, а также многочисленными изделиями из металла. Наибольшая концентрация подъемного материала и человеческих костей наблюдалась на западной оконечности косы, хотя на данном участке могильные ямы не фиксировались. Вероятно, это объясняется сносом вымытых из погребений артефактов в юго-западном направлении – по течению и под воздействием прибоя, так как коса открыта волнам и штормам с севера, а с востока, юга и запада прикрыта останцами террасы. Не исключено, что часть подъемного материала на памятнике (рис. 2: 1–5) происходит с размытых Щербетьско-Островных I и IX стоянок и I селища, выявленных предыдущими исследованиями на соседнем острове к западу от могильника (Старостин, 1967; Габяшев и др., 1976).

Собранные на отмели артефакты насчитывают 32 индивидуальные находки, массовый материал составляет 44 находки. Индивидуальные находки представлены изделиями из камня (5 экз.), глины (3), стекла (2), железа (7), меди и медного сплава (10), серебра (5 предметов) и охватывают хронологический

диапазон от эпохи камня до Нового времени (рис. 2–5). Материал, связанный с именьковской эпохой (IV–VII вв.), представлен керамическими изделиями: напряслом и двумя фрагментированными лепными сосудами. Напрясло биконическое, диаметром 2,2 см, серо-коричневого цвета, из хорошо отмученной глины (рис. 2: 8). Сосуды представляют собой горшки с добавками крупного шамота в тесте. Высота одного из них 11 см, второго – 8 см. Венчики слегка отогнуты наружу, с округлым и прямым краем (рис. 2: 6, 7).

К именьковским (конкретнее – именьковско-турбаслинским) древностям Среднего Поволжья в подъемном материале относятся также серебряные пластинчатые накладки поясного набора в виде прямоугольника (рис. 3: 1), овала («псевдпряжки», лунницы?) (рис. 3: 5), свастики (рис. 3: 6), декорированные полусферическими выступами, сквозь которые осуществлялось крепление к поясу с помощью шпеньков, серебряная пряжка с круглой утолщенной спереди рамкой и подвижным прямоугольным щитком-обоймой (рис. 3: 2), бронзовое височное кольцо с поперечным ребром на утолщенной центральной части (рис. 3: 3), литая бронзовая кольцевая застежка с выступами по краю (рис. 3: 10), скульгама округлой формы с завернутыми концами (рис. 3: 11), двухпластинчатая фибула с сохранившимся пружинным механизмом и пластинчатым приемником (рис. 3: 8), бронзовый массивный браслет из круглого дрота (рис. 3: 9), литая медная (?) антропоморфная фигурка-подвеска (рис. 3: 4). Данные предметы в Волго-Камье имели широкое распространение во второй половине VI в., и хорошо известны по материалам Коминтерновского II (Казаков, 1998, с. 104–106, 108, рис. 6: 1; 7: 12, 13; 11: 14, 15, 18, 19; 13: 8, 22; 14: 11, 14; 23: 5–8; 25: 20, 27, 29; 32: 31–33; 33: 19), Рождественского II (Старостин, 1967, табл. 17: 16) могильников и Татсунчелеевского городища (Старостин, 1967, табл. 17: 25) в Татарстане, из Бирского (Мажитов, 1968, табл. 5: 20, 31; 8: 12, 13; 12: 2, 3, 6, 11; 14: 2, 12; 15: 6, 7; 19: 6; 21: 15), Кушнарниковского (Генинг, 1977, рис. 8: 1, 2), Новотурбаслинского (Мажитов, 1959, рис. 4; табл. IV: 1; VI: 1) и Бахмутинского (Мажитов, 1968, табл. 30: 14) могильников в Башкирии, а также из целого ряда погребальных комплексов Северного Кавказа (Амброз, 1989, рис. 27: 6, 12; Гавритухин, Малашев, 1998, рис. 2: 8, 13, 21; 3: 2, 7, 14; Мастыкова, 2009, рис. 34: 1–3; 35: 1, 2–7; 51: 1–4) и джатыасарских могильников Восточного Приара-

ля (Левина, 1996, рис. 140: 2; 141: 13; 144: 2–19; 169: 4; Богачев, 1996, рис. 3). В северокавказских памятниках находит аналогии и литой серебряный «хоботковидный» язычок пряжки, орнаментированный поперечным рифлением (крепление язычка обломано) (рис. 3: 7), датируемый исследователями серединой – второй половиной VI в., не исключая самое начало VII в. (Гавритухин, Малашев, 1998, с. 67, рис. 3: 1).

Литой бронзовый зооморфный(?) псалий (рис. 3: 12) имеет полиэдрическую головку и слегка изогнутую полукруглую в сечении верхнюю часть, оформленную по лицевой стороне наклонными каннелюрами в виде косички. Центральная часть стержня представляет собой уплощенную с боков прямоугольную в сечении площадку с двумя отверстиями диаметром около 2,5 мм для крепления петли для ремней оголовья. Нижняя часть оформлена в виде неширокой лопасти, заканчивающейся небольшим гофрированным валиком. Наиболее близкими аналогиями являются псалии из конского погребения 4 могильника Дюрсо, катакомбы 119 Мокрой Балки и катакомбы 10 могильника 2 у Лермонтовской скалы на Северном Кавказе, датируемых VI(?)–VII вв. (Амброз, 1989, рис. 40: 15, 33; 42: 13), из сборов близ с. Кумбулта в Кабардино-Балкарии (Амброз, 1989, рис. 39: 22, 23), из подбойной могилы у Сахарной Головки в Юго-Западном Крыму, датируемой VI–VII вв. (Амброз, 1989, рис. 39: 20; 1994, с. 56–57, рис. 11: 32), из погребения 55 могильника Заречье 4 в Рязанской области, отнесенного ко второй половине VI в. (Ахмедов, 1997, с. 261, рис. 2: 2). Территориально ближе бронзовые псалии из погребения 1 кургана 22 Бродовского могильника в Западном Приуралье, датируемого VI в. (Голдина, 1991, с. 170, 172, рис. 3: 126; 6: 61), а также верхняя часть псалия из белого металла (или покрытого белым металлом) из грабительских сборов в районе Маклашеевских IV или V могильников именьковской культуры на юге Татарстана.

Из промысловых орудий обнаружены два рыболовных крючка – медный (размер 2,6x1,3 см) и железный (6,5x4,1 см), изготовленные из круглого в сечении дрота (рис. 4: 1, 2). У обоих крючков жальца острые, имеют бородку. Для крепления к леске железный крючок на конце стержня имеет шарик, отделенный от дрота углублением, медный – небольшую пластинчатую пяточку. Железные рыболовные крючки хорошо известны

на именьковских поселенческих памятниках Волго-Камья, но для крепления к леске на них предусмотрены ушки (Старостин, 1967, с. 22, табл. 14: 3, 8).

Из железных изделий интересны клиновидный топор, удила и пряжка. Топор узколезвийный проушной, длина его 19 см, ширина лезвия 3,5 см, клин в сечении прямоугольный (2,5x1,2 см), проушная часть разорвана (рис. 4: 12). Аналогичные топоры известны с именьковских Щербетьско-Островного I селища, поселения Курган и Именьковского I городища (Старостин, 1967, с. 22–23, табл. 13: 9, 11, 12; 1968, с. 251, рис. 1: 12).

Удила двузвеньевые (рис. 4: 8) с неподвижными кольцевыми окончаниями каплевидной формы (диаметр 2,5 см). Звенья длиной 7,5 и 8 см, в сечении близки к прямоугольнику с закругленными углами. Аналоги имеются в именьковских древностях, в частности из Щербетьско-Островного I и Ембулатихинского I селищ (Старостин, 1967, с. 22, табл. 15: 2, 12) и Коминтерновского II могильника (Казakov, 1998, с. 106, рис. 25: 33; 33: 7; 36: 7), а также в Бирском могильнике (Мажитов, 1968, табл. 28: 5, 7; 29: 20).

Пряжка округлорамчатая размером 3,5x3,5 см, изготовлена из круглого дрота диаметром около 6 мм, язычок слегка прогнут (рис. 4: 7).

Другие железные изделия с подъемного материала представлены кольцами и полукольцом, прямоугольными и круглыми в сечении, датировка которых затруднительна, вполне допустимо современное происхождение (рис. 4: 9–11). Среди случайных находок с могильника имеются и другие предметы эпохи средневековья и Нового времени (рис. 4: 3–6).

В состав массового материала, собранного на памятнике входит 35 фрагментов керамики, по своим внешним особенностям и составу формовочных масс подразделяющихся на три группы. Первая группа, наиболее многочисленная, включает 26 фрагментов лепных сосудов, среди которых 17 профильных (10 венчиков и 8 днищ). Морфология сосудов данной группы схожа, что говорит об одной традиции их изготовления. Однако состав глиняного теста, а именно размерность входящих в него примесей, а также тщательность формовки сосудов и обработки поверхностей различны. Это позволяет разделить керамику данной группы на два типа. К первому типу отнесена керамика, отличающаяся грубостью изготовления (13 фр.).

В состав формовочной массы таких сосудов входит примесь крупнозернистого шамота (величина частиц составляет от 1 мм до 4–5 мм). Крупные частицы шамота не заглажены, выступают над поверхностью и делают ее бугристой. Кроме шамота в формовочной массе фиксируется примесь не крупного песка (фракция 0,3–0,5 мм) и небольшое количество мелкой органики растительного происхождения. Практически на всех фрагментах этой группы присутствуют следы заглаживания с внешней и внутренней стороны, однако выполнено крайне грубо; неровности, появившиеся в процессе лепки сосудов не сглажены. Производилось такое заглаживание либо пальцами, либо тканью. Сосуды второго типа, напротив, характеризуются более тонким составом формовочной массы и тщательностью обработки поверхностей (13 фр.). В глиняное тесто также в качестве основной входит примесь шамота, но его размеры (крупность) меньше (0,5–1 мм). Встречаются и более крупные частицы, но они заглажены внутрь стенки и не выступают над поверхностью. Фиксируется также примесь песка такой же фракции и некоторого количества мелкой органики. Внешние и внутренние поверхности выровнены, присутствуют следы заглаживания, которое производилось либо пальцами, либо тканью. Более отчетливо они проступают на внутренних поверхностях. На внешних поверхностях двух фрагментов фиксируются следы лощения (под венчиком и на плечике на одном фрагменте и в придонной части на другом). Толщина стенок у сосудов обеих типов в среднем составляет от 5 до 7–8 мм. Внешние поверхности отличаются пятнистостью, что связано с обжигом сосудов на костре. Преимущественный оранжево-коричневый цвет присущ 6 фрагментам, серо-коричневый – 5 фрагментам, темно-коричневый и бурый – 16-ти. Внутренние поверхности более однородны по цвету, большинство – темно-коричневые или темно-серые (17 фр.), остальные – светло-коричневые или серые. Обжиг неравномерный, не достаточно сильный. В изломе черепки преимущественно однородные, темно-серого цвета. Имеющиеся фрагменты верхних частей сосудов принадлежали горшкам (11 фр.) и в одном случае миске. Все горшки характеризуются наличием округлых плечиков, диаметр которых примерно в два раза превышает диаметр венчика. Шейки достаточно короткие. Большинство венчиков имеет наклон во внешнюю сторону (9 экз.), остальные – вертикально

поставленные. Наплывы с внешней стороны присутствуют у 4 венчиков. Края венчиков преимущественно скруглены, в 4-х случаях они имеют относительно плоский край. Практически всем венчикам свойственна небрежность формовки (за исключением двух, относящихся ко второму типу). Рассмотренная группа керамики относится к именьковской культуре раннего средневековья (рис. 5: 1–10).

Во вторую группу входят 6 фрагментов лепной тонкостенной керамики, среди них 3 профильные части (венчики). Толщина стенок составляет 4–6 мм. Глиняное тесто включает в себя примеси мелкодробленого шамота (величина частиц преимущественно 0,3–1 мм), очень мелкого, пылевидного песка и небольшое количество мелких органических добавок. Внешние поверхности имеют неоднородный цвет и сочетают оранжево-коричневые, бурые и светло-коричневые пятна, что является признаком кострового обжига сосудов. Внутренние поверхности темно-коричневого цвета. На внешних и внутренних поверхностях 4 фрагментов имеются следы мягкого заглаживания, возможно, пучком травы. На 3 фрагментах заметны следы лощения. Обжиг достаточно хороший, равномерный. В изломах черепки однослойные, темно-коричневого или серого цвета. Имеющиеся верхние части сосудов принадлежали горшкам с высокими вертикальными шейками. Один наиболее хорошо сохранившийся фрагмент принадлежал горшку с сильно выступающим округлым боком. Его шейка вертикальная, переход в плечо плавный. Венчик прямой, без наплывов, с плоским срезом края. Другие два венчика имеют небольшие наплывы с внутренней стороны, немного приострены в эту же сторону. Данная керамика относится к раннесредневековому времени (рис. 5: 12, 13).

Третью группу составляют 3 фрагмента лепных сосудов предположительно срубной культуры (рис. 5: 11) и в статье подробно не рассматриваются.

Поскольку в подъемном материале было обнаружено достаточно много предметов различных исторических эпох, с целью определения наличия или отсутствия на памятнике поселенческого слоя была произведена разведочная зачистка и шурфовка (рис. 1), которые не выявила культурного слоя. Стратиграфия зачистки: 1) пестроцветная супесь (намыв) – 100 см; 2) рыже-коричневый суглинок – материк. Стратиграфия шурфа: 1) серая слоистая супесь (намыв) – до 10 см; 2) темно-

серая супесь – 50–55 см; 3) рыже-коричневый суглинок – материк.

Кроме того, при обследовании косы, на освободившемся от воды участке вдоль северного побережья протяженностью 110 м с востока на запад и 25 м с севера на юг, на фоне рыже-коричневой материковой глины обнаружено 14 ям (рис. 6). В основном, они имели правильную прямоугольную форму и были вытянуты длинными сторонами по линии, близкой направлению север-юг (табл. 1).

Заполнение всех ям – темно-коричневый (до черного) суглинок, в некоторых случаях с включениями рыжего материкового суглинка. Изначальный уровень дневной поверхности неопределим. Кроме могильных ям обнаружены многочисленные переотложенные человеческие кости. В целях однозначного определения функционального назначения и содержимого ям, одна из них (яма 10) была выбрана, в результате чего выяснилось, что она является погребением.

Погребение 1 (рис. 7) выявлено на фоне рыже-коричневого материкового суглинка на уровне –49–69 см от условной нулевой отметки и имело вид пятна прямоугольной формы, ориентированного по линии север – юг. Длина могильной ямы на этом уровне составила 270 см, ширина в северной части достигала 155 см, в южной части – до 150 см, в центральной части – до 125 см. Северная и южная стенки прямые, параллельны друг другу. Восточная и западная стенки неровные, вогнутые в центральной части. Заполнение состояло из супеси от темно-коричневого до черного оттенка с включениями рыжего суглинка.

Стенки могильной ямы отвесные, на отметках от –78 см до –90 см переходящие в относительно плоское ровное дно. Сохранившаяся глубина ямы 21–29 см.

По центру ямы на глубине от –63 до –74 см расчищен костяк женщины в возрасте 30–40 лет (определение И.Р. Газимзянова, ИА АН РТ). Сохранились кости черепа, рук, ног, таза. Кости грудной клетки и позвоночника уцелели частично, череп раздавлен (лицевая часть не сохранилась). Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, ноги сомкнуты стопами, руки располагались вдоль тела, головой ориентирована на север (в сторону быв. речки Сухая Бездна).

В области груди над погребенной на отметке –62 см был выявлен небольшой кусок истлевшего дерева размером около 15x7 см, толщиной не более 1 см. К сожалению

Таблица 1

Характеристика ям

№ ямы	Форма	Размер, м	Ориентировка (азимут)	Перепад высот от условного нуля, см	Примечание
Яма 1	прямоугольная	2,2x1,2	30°	-66, -61	
Яма 2	прямоугольная	2,8x1,5	33°	-50, -42	
Яма 3	прямоугольная	2,5x1,2	8°	-44, -36	
Яма 4	прямоугольная	2,2x1,2	347°	-36, -28	
Яма 5	квадратная с небольшим изгибом в верхней части	2,2x2,2	0°	-56, -51	возможно, две слившиеся могильные ямы
Яма 6	сложная	8,0x5,5	4°	-46, -5	вероятно, несколько слившихся могильных ям
Яма 7	неправильная	4,2x2,5	330°	-48, -60	северная часть близка к овалу, южная – прямоугольнику
Яма 8	неправильная	1,8x1,3	340°	-40, -42	южная часть по форме близка к прямоугольнику, северная – неправильной формы; вероятно, остатки частично размытой ямы
Яма 9	прямоугольная с небольшим выступом в юго-западном углу	1,8x1,0	2°	-32, -41	
Яма 10	прямоугольная	2,7x1,55	0°	-69, -49	выступают кости и инвентарь, вдоль южного края ямы – кости лошади
Яма 11	прямоугольная	3,3x1,2	357°	-51, -63	у юго-восточного угла ямы – кости лошади
Яма 12	прямоугольная	3,1x1,7	347°	-36, -28	
Яма 13	прямоугольная	3,2x0,9	2°	-32, -34	
Яма 14	прямоугольная	2,5x1,2	352°	-48, -43	

нию, сохранность дерева не позволила определить назначение фрагмента.

Вдоль южной стенки могильной ямы у ног погребенной на отметках –48–50 см в перевернутом положении лежал череп коня, ориентированный передней частью на восток, нижняя челюсть отсутствовала. В юго-западном углу могильной ямы на отметках –48–88 см были расположены кости ног коня, сложенные вертикально. Вероятно, они были связаны, или сложены в шкуру или мешок.

В ногах погребенного к западу от тела, на отметках –56 и –70 см располагались два лепных горшка, поставленные вертикально. Один из них высотой 245–265 мм, диаметром днища 110 мм, с ярко выраженным плечиком. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 125–141 мм и составляет 290 мм. Переход от плечика к венчику ярко выраженный, под прямым углом. Венчик прямой, незначительно отогнут наружу, диаметр венчика – 210 мм (рис. 8: 2). Второй горшок высотой 111 мм и диаметром днища 76 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 63 мм и составляет 150 мм. Венчик слегка отогнут наружу, диаметр венчика 130 мм (рис. 8: 1). Днища у сосудов плоские, без закраин. В состав формовочной массы входит крупнозернистый шамот (величина частиц составляет от 1 мм до 4 мм). Частицы шамота не заглажены, выступают над поверхностью и делают ее бугристой. Кроме шамота в формовочной массе сосудов фиксируется примесь некропного песка.

Кроме сосудов, в состав погребального инвентаря входили: под черепом – серебряная серьга (инд. № 39, отметка –77 см), в районе шеи – 5 янтарных бусин (инд. №№ 46–49, 51, отметки –66–67 см), в области правого плеча – медная булава (инд. № 35, отметки –66 см), две серебряных подвески-уточки (инд. №№ 40, 41, отметка –66 см), железный нож (острием в сторону ног, инд. № 54, отметка –68 см). В области левого плеча и груди: две серебряные подвески-уточки (инд. № 42, отметка –66; инд. № 43, отметка –62), серебряная накладка (инд. № 38, отметка –65), серебряная фибула (инд. № 55, отметка –65), серебряная накладка свастика (инд. № 36, отметка –64), железная пряжка (инд. № 53, отметка –68). У кисти левой руки обнаружено керамическое пряслице (инд. № 44, отметка –69). В области таза – янтарная бусина (инд. № 52, отметка –69) и серебряная накладка (инд. № 37, отметка –74). В области

коленей – янтарная бусина (инд. № 50, отметка –75) и 2 фрагмента керамического пряслица (инд. № 45, отметка –85). Ниже приведено подробное их описание.

Булавка (заколка, проколка) с 8-видной петлей (рис. 9: 11) изготовлена из медного стержня длиной 14 см, один конец которого заострен, другой расплюсчен и согнут в петлю. Сечение стержня в верхней части подквадратное (4x4 мм) с закругленными углами, к нижней части постепенно переходящее в круглое. В петлю вставлено 8-видное звено длиной 4,8 см, согнутое из пластины близкого к прямоугольному сечения (3x1 мм). Аналогии имеются в погребениях 8 и 43 Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998, с. 109, рис. 13: 13; 33: 8), находках со Щербетьско-Островного I селища и Татсунчелеевского городища (Старостин, 1967, с. 24, табл. 19: 19, 23).

Поясные накладки свастикообразной, овальной и гантелевидной формы (рис. 9: 5–7) изготовлены из серебряных пластин толщиной 0,5 мм. Их размеры 6x6,4, 5x3,4 и 6x2,3 см, соответственно. Они имеют полусферические выступы с отверстиями для крепления к поясу с помощью шпеньков-заклепок. Аналогичные свастикообразная и овальная накладки происходят из подъемного материала с этого же могильника (см. выше, там аналогии), а также из погребений 26 и 43 Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998, с. 108, рис. 25: 27, 29; 32: 31–33), из Рождественского II могильника (Старостин, 1967, с. 25, 31, табл. 17: 16, 23, 28). Датируются VI в.

Серьга калачковидная серебряная округлой формы (размер 19x17 мм) с несомкнутыми заостренными концами. В сечении круглая, утолщенная к низу (к средней части) до 4,5 мм (рис. 9: 10). Подобная, но бронзовая серьга обнаружена при сборе подъемного материала на данном памятнике (см. выше). Аналогии им из цветных или драгоценных металлов распространены от Центральной Азии до Португалии и от Ближнего Востока до Волго-Камья во временном отрезке с I в. по VII в. (Мастыкова, 2009, с. 72, рис. 69, 70), географически ближайшие находки в погребениях 4 и 12 Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998, рис. 7: 8; 16: 1, 2) и погребении 130 Бирского могильника (Мажитов, 1968, рис. 12: 2, 3, 6). Эволюция подобных серег подробно рассмотрена А.В. Богачевым, для памятников Волго-Камья он датирует их VI – началом VII вв. (Богачев, 1996).

Полые подвески-уточка (рис. 9: 1–4) высотой 2–2,3 см при толщине стенок около 1 мм отлиты из белого металла (серебра?), в верхней части имеют Г-образную головку высотой около 1 см и отверстие в спинке, по нижней кромке – бортик шириной около 1–1,5 мм. Аналогии им происходят со Щербетьско-Островного I селища (Старостин, 1967, табл. 17: 6), Старокуйбышевского III селища (Валиев и др., 2017, с. 24), Коминтерновского II могильника (Казаков, 1998, с. 105, рис. 25: 22), Бирского могильника (Мажитов, 1968, табл. 7: 9; 19:7); подборку других аналогий см.: (Бугров, 2015, с. 13). В Волго-Камье они распространяются с VI в.

Двупластинчатая фибула (рис. 9: 8) изготовлена из белого металла (серебра?). Головная пластина полукруглая, ножка – листовидная, обе пластины слегка изогнуты в профиль («двускатные») и соединены между собой невысокой полый дужкой. Крепление для оси пружинного механизма и пластинчатый приемник были припаяны, в настоящий момент отделились от основы (рис.9: 9). Аналогичные фибулы, как отмечено выше, происходят из Приуралья (Мажитов, 1968, табл. 8: 12, 13; 15: 6; 19: 6; Амброз, 1989, рис. 28: 1, 7, 12, 20, 21), Приаралья (Левина, 1996, рис. 140: 1–3), Северного Кавказа (Мастыкова, 2009, рис. 34: 1–3; 35: 1, 2–7; табл. 197: 4, 6, 7; 199: 3; 200: 6), Юго-Западного Крыма (Амброз, 1994, рис. 1: 12) и т.д., и были распространены в IV–VII вв.

Железные пряжка и нож сохранились плохо (рис. 10: 10, 11). Пряжка В-образной формы размером 6,7х3 см; нож длиной около 9, шириной до 1 см, острием был обращен к ногам. Пряжки такого типа были широко распространены в VI–VII вв.

Бусины янтарные (7 шт.) по форме дисковидные (колесовидные) или цилиндрические, в основном неровно ограненные, диаметром от 1 см до 1,9 см, шириной 3–10 мм, диаметр центрального отверстия от 3–3,5 мм до 5 мм (рис. 10: 1–7). Ближайшая аналогичная бусина происходит с именьковского Щербетьско-Островного I селища, расположенного на острове напротив могильника (Старостин, 1967, с. 25, табл. 20: 32), особенно много их в

Коминтерновском II могильнике, датированном второй половиной VI в. (Казаков, 1998, с. 103, рис. 7: 6, 9; 11: 4; 13: 5–7; 14: 8, 9; 15: 3, 4; 16: 6–10; 23: 3; 25: 10, 11; 32: 20–25), а также синхронных ему Бирского (Мажитов, 1968, рис. 12: 9, 10; 15: 8–10) и Кушнарниковского (Генинг, 1977, рис. 3: 35–37) могильников и памятников неволинской культуры (Голдина Е.В., 2010, с. 43, рис. 28: ХА3; 34: ХА3). По мнению Е.В. Голдиной, янтарные бусы Прикамья V–VI вв. имеют прибалтийское происхождение и попадали в регион через южные районы Европы, Причерноморье и Кавказ (Голдина Е.В., 2010, с. 43).

Два керамических биконических пряслица из погребения (рис. 10: 8, 9) являются наиболее распространенными индивидуальными находками на памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 21).

Ближайшим памятником с аналогичным до деталей погребальным обрядом и набором вещевого инвентаря является Коминтерновский II могильник, расположенный в 23,7 км к северо-востоку от Новославского II. Он изучен Е.П. Казаковым и частично опубликован (Казаков, 1998). На Коминтерновском II могильнике исследовано 49 погребений, которые представлены чередующимися захоронениями, совершенными по обряду ингумации и кремации. Большинство ингумационных могил Коминтерновского II могильника, как и на Новославском II могильнике, имеют подпрямоугольную форму, ориентированы по линии север-юг, в обоих памятниках погребенные лежат вытянуто на спине и сопровождаются единообразным погребальным инвентарем и близкими формами керамики, в ряде случаев в ногах погребенного присутствуют кости ног и череп коня. По мнению Е.П. Казакова, Коминтерновский II могильник оставлен населением «именьковско-турбаслинской общности», и датируется второй половиной VI в. Исходя из вышеизложенного, Новославский II могильник интерпретируется как очередной яркий памятник в Волго-Камье, свидетельствующий о проникновении в именьковскую среду пришлого населения и формировании поликультурных групп населения.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989. 134 с.

Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Вып. IV / Ред.-сост. А.И. Айбабин, С.А. Плетнева. Симферополь: Таврия, 1994. С. 31–88.

Ахмедов И.Р. Уздечный набор из могильника Заречье 4 // Древности Евразии / Отв. ред. С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев. М., 1997. С. 261–266.

Ахмедов И.Р. Коллекция предметов конского убора из Керчи // Поздние скифы Крыма / Труды ГИМ. Вып. 118 / Отв. ред. И.И. Гущина, Д.В. Журавлев. М.: Наука, 2001. С. 239–253.

Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 99–114.

Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 7–34.

Валиев Р.Р., Вязов Л.А., Серых Д.В., Ситдииков А.Г. Новый памятник эпохи Великого переселения народов в Западном Закамье // Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / Сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»», 2017. С.24–25.

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 3–34.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции (Самара, 17–20 ноября, 1997 г.). Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 28–86.

Генеральный план Спасского уезда 1795 г. / РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 1209.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв.) // Исследования по археологии Южного Урала. / Отв.ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: ОАО «Ижевская республиканская типография», 2010. 264 с.

Голдина Р.Д. О датировке и периодизации неволинской культуры // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. / Отв. ред. Иванова М.Г. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. С. 167–192.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Материалы II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина (Самара, 17–20 ноября 1997 г.) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. 396 с.

Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. – С. 114–142.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. Москва: Институт археологии РАН, 2009. 502 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1–32. М.: Наука, 1967. 95 с.

Старостин П.Н. Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. №1. С.251–255.

Информация об авторе:

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Россия), VRR@yandex.ru

A NEW SITE OF THE "KOMINTERN TYPE" OF THE IMEN'KOVO CULTURE

R.R. Valiev

The article provides a thorough introduction of the materials from the Novoslavsky 2 burial ground that was discovered in a course of the exploration of the Kuybyshev Reservoir islands and coastal area in the Spassk District of the Republic of Tatarstan. The Turbasly-Imen'kovo artifacts of the 6th-7th Centuries. A.D. were scattered on the surface of the site as well as a minor amount of flint items of the Stone and Bronze ages. Several finds were of the High Middle Ages and of the modern era. A total of 14 pits were discovered on a shoal, one of which was excavated. The feature appeared to be a female inhumation burial with rich grave goods including fibulae, waist plates, pendants, bronze pin and earring, an iron buckle and knife, amber beads and ceramic spindles. The two handmade clay vessels, a horse skull and limbs were found inside the burial too. The goods and funeral rite are similar to the Imen'kovo-Turbasly inhumations at Komintern II burial ground.

Keywords: archaeology, Imen'kovo culture, Novoslavsky 2 burial ground, inhumation, Tatarstan, Spassk District.

About the Author:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

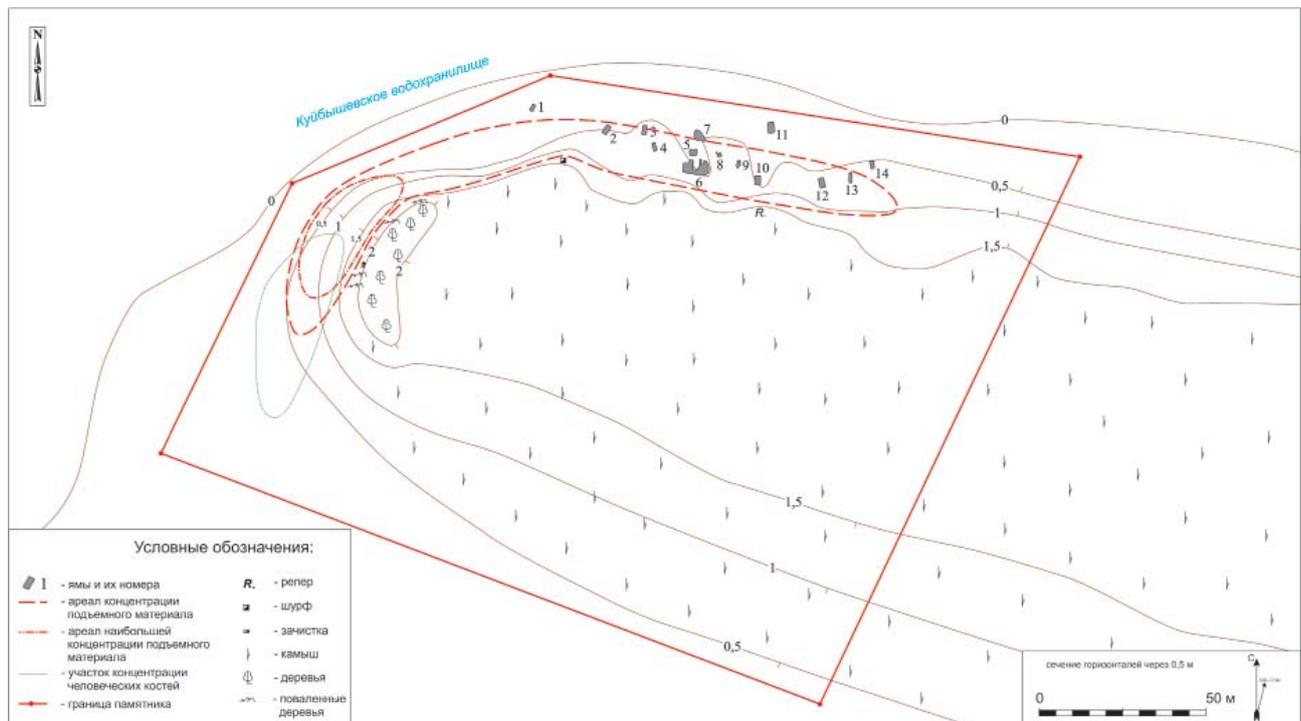

Рис. 1. Новославский II могильник. Топографический план.

Рис. 2. Новославский II могильник. Подъемный материал: 1 – тесло, 2, 3 – скребки, 4 – наконечник стрелы, 5 – полифункциональное орудие (нож-пилка, скребок, резец), 6, 7 – сосуды, 8 – напрядло (1–5 – кремль и окремелый известняк, 6–8 – керамика).

Рис. 3. Новославский II могильник. Подъемный материал: 1, 5, 6 – накладки, 2 – пряжка, 3 – кольцо, 4 – антропоморфная фигурка–подвеска, 7 – язычок пряжки, 8, 10, 11 – фибулы, 9 – браслет, 12 – псалий (1, 2, 5–7 – серебро, 3, 4, 8–12 – медь и медный сплав).

Рис. 4. Новославский II могильник. Подъемный материал: 1, 2 – крючки, 3, 4 – бусы, 5 – крест нательный, 6 – монета (пул), 7 – пряжка, 8 – удила, 9–11 – кольца (1, 5, 6 – медь, 3, 4 – стекло, остальное – железо).

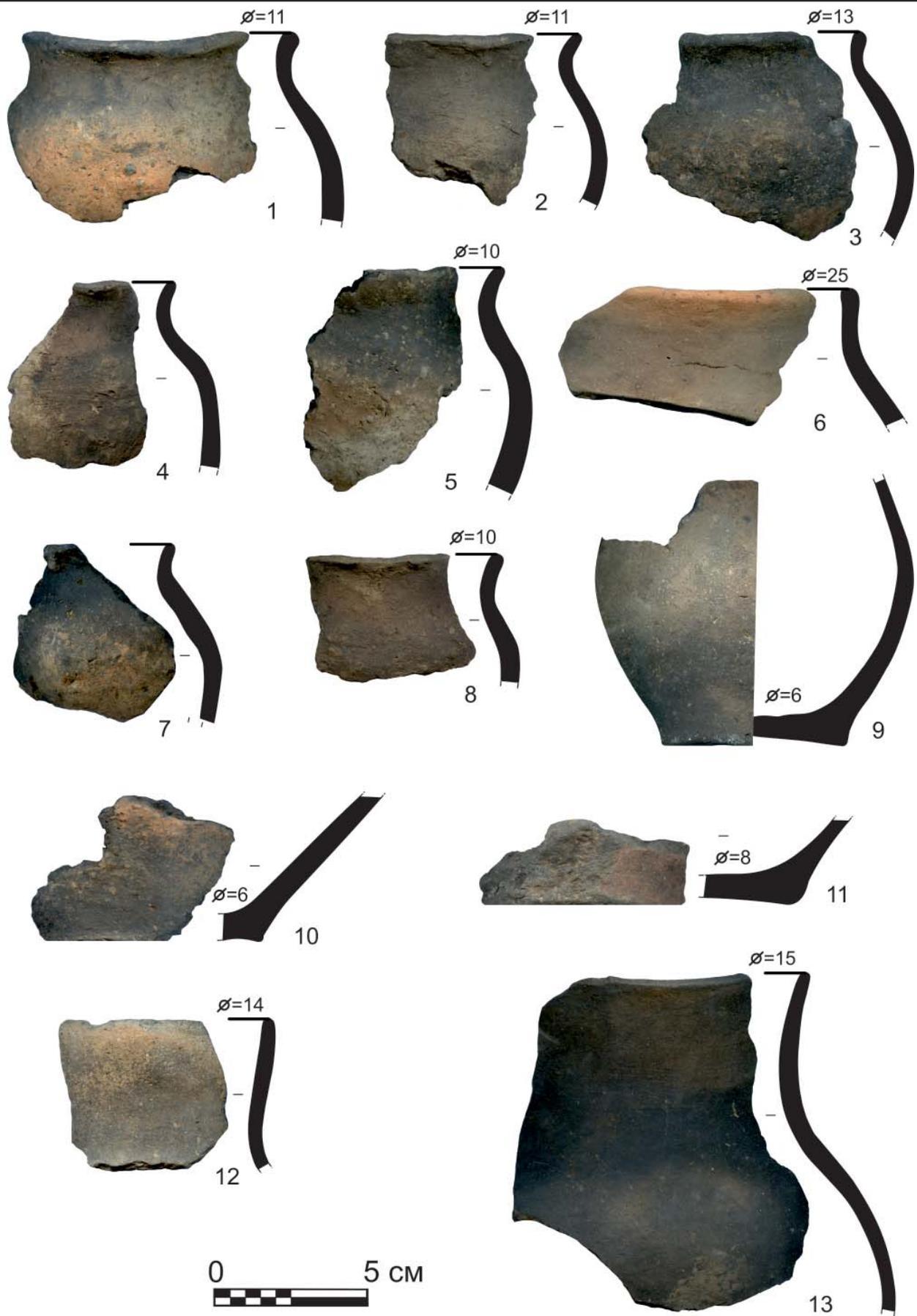

Рис. 5. Новославский II могильник. Подъемный материал (лепная керамика).

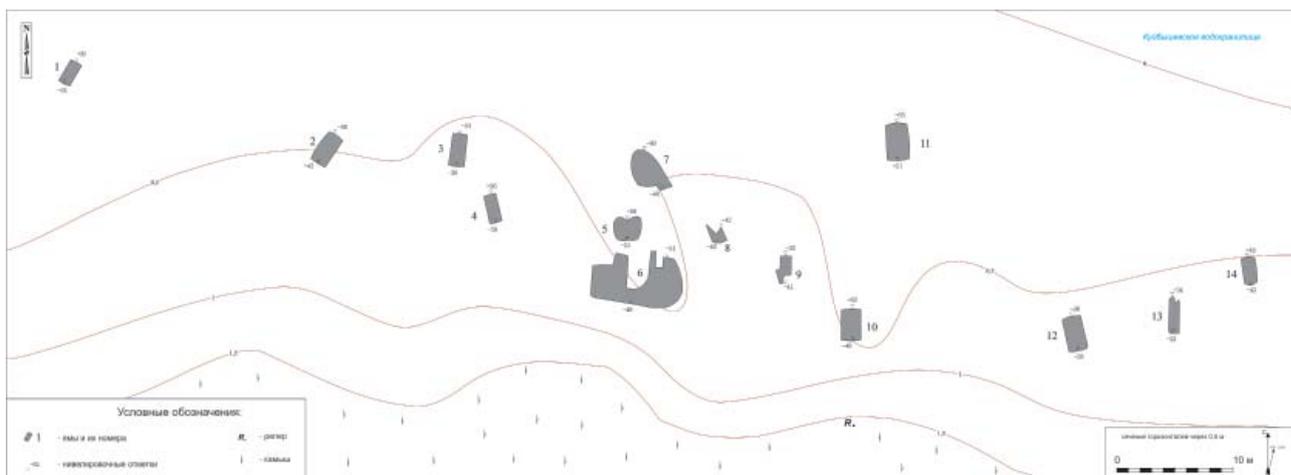

Рис. 6. Новославский II могильник. План расположения ям.

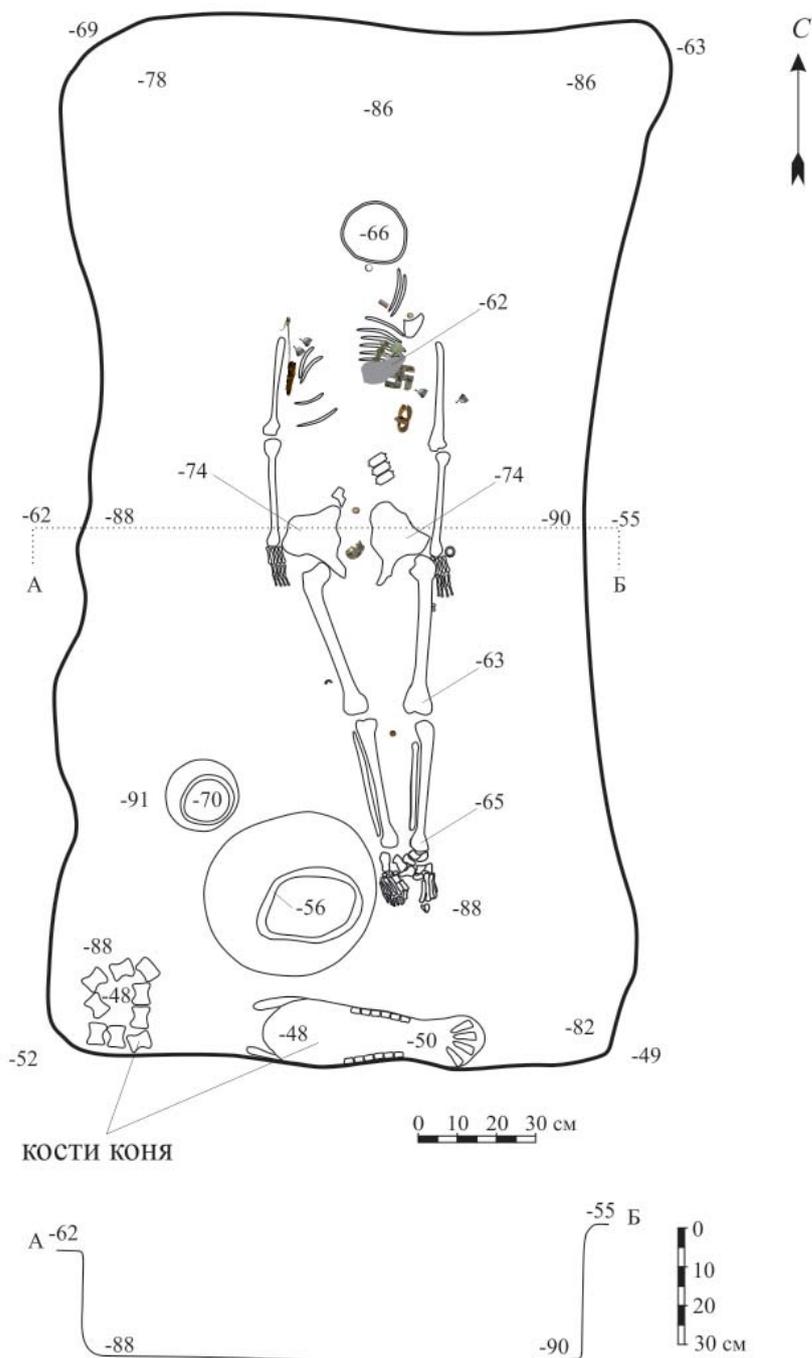

Рис. 7. Новославский II могильник.
План погребения 1 (яма 10).

Рис. 8. Новославский II могильник. Инвентарь погребения 1 (керамические сосуды).

Рис. 9. Новославский II могильник. Инвентарь погребения 1: 1-4 – подвески-уточки, 2, 4 – бусы, 5-7 – накладки, 8 – фибула, 9 – детали фибулы, 10 – серьга, 11 – булавка (1-8, 10 – серебро, остальное – медный сплав).

Рис. 10. Новославский II могильник. Инвентарь погребения 1: 1–7 – бусы, 8, 9 – напярсла, 10 – пряжка, 11 – нож (1–7 – янтарь, 8, 9 – керамика, 10–11 – железо).

УДК 902.4

ОПИСАНИЕ АРХИВА П.Н. СТАРОСТИНА

© 2018 г. Г.И. Дроздова

В статье представлено описание личного архива известного археолога, исследователя памятников раннего средневековья Волго-Камского региона Петра Николаевича Старостина, хранящегося в Методическом кабинете Института археологии АН РТ (фонд №14). Фонд состоит из девяти описей. Описание 1 содержит научно-исследовательские материалы: кандидатскую диссертацию и материалы к ней, научные отчеты по итогам археологических экспедиций, научные публикации. Во 2-ой описи раскрывается научно-организационная сторона деятельности П.Н. Старостина: работа в Марийском республиканском краеведческом музее, в ИЯЛИ КФАН СССР, ИИ АН РТ, в Казанском педагогическом институте, в Обществе Охраны памятников. Описание 3 объединяет биографические материалы, 4-я – переписку с адресатами; в 5-6-й описях представлены зарисовки находок, выписки из литературы, отчетов; в 7-ой – материалы других лиц, отложившиеся в архиве, 8-я опись содержит документы разного характера, 9-я – материалы о П.Н. Старостине.

Ключевые слова: археология, Поволжье, Прикамье, раннее средневековье, архивы, личный фонд

Фонд Петра Николаевича Старостина, известного археолога, историка, исследователя древней и средневековой истории Республики Татарстан хранится в Методическом кабинете Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ под №14. Фонд был образован после передачи в музей археологии документов и рукописей П.Н. Старостина

вскоре после его смерти 3 июля 2012 г. После проведенной нами научно-технической обработки документов фонд состоит из девяти описей, включающих в себя ряд подразделов:

Опись 1. Научно-исследовательские материалы.

1. Диссертация и черновые материалы к ней; материалы по именковской и азелин-

ской культурам, собранные в разных музеях страны.

2. Отчеты по итогам археологических экспедиций и материалы к ним.

3. Отзывы П.Н. Старостина на отчеты других сотрудников.

4. Материалы опубликованных работ.

5. Оттиски со статьями П.Н. Старостина.

6. Статьи П.Н. Старостина в периодической печати.

7. Материалы неопубликованных и неопределенных работ.

8. Отзывы П.Н. Старостина на кандидатские и докторские диссертации других.

9. Отзывы разные.

10. Аннотации к работам.

Опись 2. Научно-организационная деятельность.

1. Документы о деятельности в Марийском республиканском краеведческом музее¹.

2. Документы о деятельности в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР.

3. Документы о деятельности в Институте истории АН РТ.

4. Материалы научных семинаров.

5. Материалы научных конференций и симпозиумов.

6. Доклады.

7. Деятельность в Обществе охраны памятников: паспорта на памятники.

8. Педагогическая деятельность П.Н. Старостина: отзывы на дипломные работы.

Опись 3. Биографические материалы.

1. Личные документы.

2. Прочие документы биографии.

3. Фотографии.

Опись 4. Переписка.

1. Письма П.Н. Старостина адресатам.

2. Письма П.Н. Старостину от разных корреспондентов.

3. Письма разные.

Опись 5. Выписки из отчетов. Зарисовки находок.

Опись 6. Выписки из литературы.

Опись 7. Документы других лиц, отложившиеся в фонде.

Опись 8. Разное.

Опись 9. О П.Н. Старостине.

Наиболее полно в публикуемом описании представлена первая опись, остальные описи приведены в сокращенном виде.

ОПИСЬ 1. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Диссертация и материалы к ней.

Ед. хр. 1, 2. Диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Именьковские племена Нижнего Прикамья». 1967 г. Машинопись (284 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 3. Диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Именьковские племена Нижнего Прикамья». 1967 г. Вариант с правками. Рукопись, машинопись (279 л.).

Ед. хр. 4. Приложение к кандидатской диссертации. Карта археологических памятников именьковской культуры. 1967 г. Машинопись (142 л.).

Ед. хр. 5. Автореферат диссертации. 1967 г. Типография (19 л.), машинопись (25 л. – 3 экз.), рукопись (26 л.).

Ед. хр. 6. Документы по защите кандидатской диссертации: выписка из протокола заседания сектора археологии и этнографии ИЯЛИ КФАН СССР от 20.03.1967 (8 л.), выписка из решения заседания кафедры археологии МГУ от 25.04.1967 (1 л.), выписка из решения Ученого Совета МГУ от 12.06.1967 (1 л.), письмо от ученого секретаря МГУ по поводу защиты от 12.06.1967 (1 л.). Тексты доклада защиты (6 л., 4 л., 22 л.). Ответ на замечания по работе. 1967 г. Рукопись (6 л.). Копия диплома кандидата наук. 29.05.1968 (1 л.).

Ед. хр. 7. Материалы к диссертации. 1967 г.: введение и историография (23 л.), черновики к главе «Хозяйственный строй именьковских племен» (17 л.), выписки из литературы к главе по историографии. (151 л.), черновики текста к диссертации (143 л.).

Ед. хр. 8. Черновики текста «Вопросы земледелия и скотоводства племен именьковской культуры». Рукопись (77 л.); выписки из литературы к главе «Хозяйственный строй именьковских племен». Рукопись (20 л.); список иллюстраций ко 2-й главе (1 л.); список таблиц к диссертации (6 л.). Иллюстрации к работе: рисунки находок (41); описания (4 л.); список рисунков (1); фото находок (64); карты (фото-таблицы) (33); фото и рисунки находок (25); фото: погребения, землянки, жилища (3). Вырезки из Трудов МАЭ (3).

¹ Здесь и далее номенклатура организаций и учреждений и их структурных подразделений, названия памятников и заголовки документов даны в соответствии с их написанием в оригиналах документов.

Ед. хр. 9. Рождественское селище: рисунки керамики (299), описание селища (2 л.), чертежи на кальке (8).

Ед. хр. 10. Планы городищ (46). Иллюстрации к работе: рисунки (21). Именьковское городище: рисунки (7); описание материала. Рукопись (10 л.); выписки из литературы к теме. Рукопись (15 л.).

Ед. хр. 11. Именьковские жилища: выписки из литературы. Рукопись (40 л.), чертежи (8), фото жилищ (1), планы жилищ (1). Выписки о жилищах эпох поздней бронзы и раннего железа (6 л.). Реконструкция жилища: рисунок (1), таблицы (10). Именьковское городище – ямы: таблицы (19), рисунки ям по формам с разных памятников (224), фото ям (3).

Ед. хр. 12. Именьковское городище. Рисунки индивидуальных находок и керамики (145); выписки из литературы по керамике. Рукопись (20 л.), предметы быта (15 л.).

Ед. хр. 13. Именьковское городище. Зарисовки венчиков. Категория 1. Рисунки (210).

Ед. хр. 14. Зарисовки венчиков. Категория 2. Рисунки (294), описания. Рукопись (6 л.).

Ед. хр. 15. Зарисовки керамики. Категория 2. Рисунки (205), фото (3).

Ед. хр. 16. Зарисовки керамики. Категория 2. Рисунки (252).

Ед. хр. 17. Рисунки керамики (92), таблицы по керамике (48). Материалы по именьковской культуре: рисунки (37).

Ед. хр. 18. Именьковское городище. Зарисовки находок (159), фото (3).

Ед. хр. 19. Материалы с памятников: Именьково, Рождествено, Щербетьско-Островное селище и др.: рисунки (11), фото (16), чертежи (3).

Материалы к диссертации: зарисовки находок с разных памятников: Ср. Балтайское селище и городище, Камско-Устьинское, Тюрлема и др. (25); зарисовки находок с разных памятников: Шолом и др. (98).

Ед. хр. 20. Бахмутинские могильники: рисунки (25). 1961 г.; описания (14 л.), чертежи на кальке (5), таблицы (2). Ташкирмень: рисунки (3).

Ед. хр. 21. Рождественский могильник: зарисовки керамики (144), рисунки инд. находок (5); Рождественский II могильник: таблицы (10), рисунки (48), чертежи (2), карта (1); фото Именьковского селища (4), описания (5 л.), схемы-чертежи (9), рисунки видов орнаментов (3).

Ед. хр. 22. Поселение «Курган»: описание (1 л.), таблицы по керамике (15), описание керамики (1 л.), таблицы по разным памятникам и общие по находкам (25), схемы по сосудам или таблицы (14).

Ед. хр. 23–25. Троицкий Урай: зарисовки керамики (755), фото (4).

Ед. хр. 26. Балымерское селище: зарисовки керамики (105), инд. находок (7), таблицы (3); Тат. Сунчелеевское городище: зарисовки керамики (6), текст (11 л.), таблица (1).

Ед. хр. 27. Романовка VIII: зарисовки керамики (225).

Ед. хр. 28–29. Городище «Уфа-II»: рисунки находок (318); Ново-Турбаслинское II селище, Кара-Тамакский могильник: зарисовки находок (36); Ново-Турбаслинские курганы (14); выписки из литературы (5), рисунки находок: Кушулевский, Мрясимовский, Турбаслинский могильники (13); Петропавловский, Лихачевский, Шареевский могильники (УКАЭ) (17).

Ед. хр. 30. Статья Н.Ф. Калинина, А.Х. Халикова «Именьковское городище». Текст. Машинопись (47 л.), список чертежей (3 л.), таблицы (13), чертежи (5), фото находок и керамики (63), фото местности и объектов (10), рисунки сосудов (2). Черновики к диссертации. 1967 г. Рукопись (51 л.), машинопись (92 л.).

Ед. хр. 31. Материалы по пьяноборской культуре: карточки с описаниями (56), фото-таблицы (23), картотека неопределенных памятников (12 л.), описания памятников (18 л.), рисунок с описанием (1), материалы к статистике (34 л.), таблицы (64), анализ костного материала с памятников (А.Г. Петренко) (1 л.).

Ед. хр. 32. Материалы, собранные в музеях страны.

Челябинский обл. краев. музей: рисунки находок с разных памятников (22); Саратовский обл. музей краеведения: рисунки (104); Чувашский обл. краев. музей: рисунки керамики (50), описания (4 л.).

Ед. хр. 33. Куйбышевский обл. краев. музей: рисунки керамики (128).

Ед. хр. 34–35. Ульяновский обл. краев. музей: городище «Ош Пандо»: рисунки керамики (367).

Ед. хр. 36. Ульяновский обл. краев. музей: рисунки находок (60), фото находок (1); городище «Ош Пандо»: рисунки керамики (80). Материалы по Ульяновской области: описание памятников (16 л.), чертежи-планы (2); материалы по пензенской мордве: рисун-

ки вещей (12), описание (4 л.); Пензенский обл. краев. музей: описание (2 л.), рисунки находок (80).

Ед. хр. 37. Мордовский республ. краев. музей: рисунки находок (166); городище «Ош Пандо»: план (1), рисунки находок (8), описания (25 л.).

Ед. хр. 38. Рисунки керамики (230), полевой дневник, выписки к диссертации. 1963 г. (70 л.).

Ед. хр. 39. Уржумский музей: Уржумский могильник, могильник Сосновый Юраш (Атау): рисунки находок (42), фото (7), чертежи (4), описание (2 л.); статья «Древние погребения в Уржуме» (4 л.).

Ед. хр. 40. План-проспект монографии «Предболгарское население Среднего Поволжья». 1971 г. Машинопись (9 л.), рукопись (13 л.).

План-проспект докторской диссертации «История населения Нижнего Прикамья в середине I тыс. н.э.». 1987 г. Машинопись (22 л.), рукопись (26 л.).

Доклад по опубликованным работам, представленный на соискание ученой степени д.и.н. 1998 г. Рукопись (5 л.); библиография по именьковской культуре (8 л.).

Доклад по теме «Население Нижнего Прикамья в середине I тыс. н.э.». Машинопись (11 л.), рукопись (12 л.).

Введение. Рукопись (26 л.); глава 1. История изучения, стратиграфия и топография могильника. Рукопись (27 л.).

История изучения памятников предболгарского времени Нижнего Прикамья. Рукопись (37 л.); черновики к введению и гл.1: Историография и история изучения именьковской культуры (16 л.); черновики к главе 2 «Вещевой инвентарь». Рукопись (65 л.); черновики работы (28 л.), материалы к заключению (3 л.).

Ед. хр. 41. Иллюстративный материал: реконструкция очага жилища № 1 (1), рисунки находок с Именьковского городища (5), рисунки находок на карточках (107), таблицы к работе (55), иллюстрации к работе: карты, рисунки находок, фото (45).

Ед. хр. 42. Материалы по именьковским могильникам: Богородицкий, Маклашеевские II, IV: рисунки (86), таблицы (24), схемы-чертежи (9).

2. Отчеты по экспедициям и материалы к ним

1957

Ед. хр. 43. Материалы к отчету: Полевой дневник. Марийская археологическая

экспедиция (МАЭ). Отряд № 5. 1957 г. (101 л.). Чертежи (9), рисунок сосуда с Камско-Устьинского селища.

1958

Ед. хр. 44. Полевой дневник МАЭ-58.

1959

Ед. хр. 45. Материалы разведки по Горьковской области. Полевые чертежи (10).

Материалы к отчету V отряда Горьковской археологической экспедиции 1959 г. Рукопись (24 л.); дневник археологической разведки левобережья Волги от устья р. Керженца до устья р. Ветлуги. 1960 г.

1960

Ед. хр. 46. Материалы к отчету: рисунок сосуда с Камско-Устьинского селища, рисунок инд. находок с Камско-Устьинской стоянки.

1961

Ед. хр. 47. Материалы к отчету: Исследование Чакмы. Рукопись (5 л.); рисунки находок с памятника (5); Маклашеевский могильник. Ксерокопия (2 л.)

1962

Ед. хр. 48. Отчет III отряда Татарской археологической экспедиции (ТАЭ) за 1962 г. (отчет по Малому Черемшану). Рукопись (49 л.).

Ед. хр. 49. Материалы к отчету: полевые чертежи (31); дневник разведок 1962 г.; план городища Святой Ключ; полевой дневник ТАЭ; выписки из дневника Е.А. Безуховой о памятниках.

1963

Ед. хр. 50, 51. Отчет об археологических раскопках Маклашеевского II городища летом 1963 г. Машинопись (58 л., 9 илл.), рукопись (49 л.).

Ед. хр. 52. Предварительный отчет об археологических работах, проведенных в 1963 г. на разрушаемых памятниках в пределах Татарской АССР на средства Министерства культуры Татарской АССР (совместно с А.Х. Халиковым). Машинопись (10 л.).

Ед. хр. 53. Материалы к отчету: фото (8), чертежи (14), полевые чертежи (61), таблица. Результаты определения костей животных из раскопок Маклашеевского II городища. Дневник раскопок Маклашеевского II городища.

Материалы к отчету: текст с чертежами. Рукопись (82 л.); таблицы – рисунки находок (16).

Материалы к отчету: выписки из ОАК о раскопках в Казанской губернии. Рукопись (14 л.); карта. Дневник II разведочного отряда ТАЭ-63, черновики отчета с описанием памятников. Рукопись (10 л.). План Тат. Сунчалеев-

ского городища, полевые чертежи (3), зарисовки керамики с описанием (115).

1964

Ед. хр. 54. Отчет о работе в зоне Куйбышевского водохранилища осенью 1964 года. Казань. 1965 г. Машинопись (74 л.).

Ед. хр. 55. Отчет о работе в зоне Куйбышевского водохранилища осенью 1964 года. Казань. 1965 г. Машинопись (72 л.).

Ед. хр. 56. Отчет о работе в зоне Куйбышевского водохранилища осенью 1964 года. Казань. 1965 г. Машинопись, рукопись. (32 л. с илл.).

Ед. хр. 56а. Отчет о раскопках Коминтерновского поселения «Курган» (летом 1964 г.). 1965 г. Машинопись (16 л.).

Ед. хр. 57. Материалы к отчету: дневник с описанием раскопок Щербетской II стоянки. 1964 г. Рукопись (29 л.); полевой дневник за 1964 г.

Материалы к отчету по Щербетско-Островному I селищу: черновики с описанием (3 л.), рисунки находок (55), чертежи (2).

Часть отчета по раскопкам поселения «Курган»: текст. Машинопись, рукопись (20 л.), фото-таблицы (2), фото (5), рисунки находок (50).

Ед. хр. 58, 59. Отчеты об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 года. 1965 г. Машинопись (85 л.), рукопись (42 л.).

Ед. хр. 60. Материалы к отчету об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 года: чертежи (45), полевой дневник, карта, рисунки инд. находок (3).

Ед. хр. 61. Материалы по Больше-Меминскому могильнику: текст. Рукопись (2 л.); чертежи (3), фото (2). Письмо от учащихся Меминской школы о древних захоронениях от 12.10.1962.

1965

Ед. хр. 62, 63. Отчет о работе в зоне Куйбышевского водохранилища весной 1965 года. 1968 г. Машинопись (133 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 64. Отчет о работе в зоне Куйбышевского водохранилища весной 1965 года. 1968 г. Рукопись (79 л.), чертежи (64).

Предварительный отчет. 1965 г. Рукопись (3 л.).

Ед. хр. 65. Материалы к отчету: чертежи (16). Результаты определения костей рыб с Троицко-Урайского I городища, чертеж Троицко-Урайского II городища, рисунок бронзовой пряжки с Троицко-Урайского могильника. ТАЭ–65. Ташкирмень – чертежи (4), днев-

ник «Разведки в г. Уржуме и на могильнике Атау», полевой дневник (по Нижнекамску) 1965–1966 гг. (18 л.).

1966

Ед. хр. 66, 67. Отчет об археологических исследованиях в городе Уржуме в 1965–1966 гг. Машинопись (8 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 68. Отчет об археологических исследованиях в городе Уржуме в 1965–1966 гг. Машинопись (5 л. без илл.).

Ед. хр. 69. Материалы к отчету: фото (33), рисунки находок (2).

Ед. хр. 70. Отчет о результатах обследования археологических памятников в зоне Куйбышевского водохранилища в 1966 году. Машинопись (80 л.).

Ед. хр. 71. Отчет об исследованиях археологических памятников Татарской АССР, разрушающихся в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС им. В.И. Ленина (совместно с Р.С. Габяшевым, Г.Р. Ишмуратовой, Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым, Т.А. Хлебниковой. 1960–1966 гг. Машинопись (101 л.).

Ед. хр. 72. Материалы к отчету: чертежи (30), списки обследованных памятников (2 л.), рисунки находок с Малиновского IV селища (3), результаты спектрального анализа металлических предметов, рисунки индивидуальных находок с Рождественского селища (2), рисунок керамики с объезда Измерского селища.

Ед. хр. 73. Дневник по маршруту по р. Цивиль в пределах Чувашии. Июль 1966 г.

1967

Ед. хр. 74. Материалы к отчету: «Итоги работ на Куйбышевском водохранилище в 1967 г.»: текст. Рукопись (13 л.).

Ед. хр. 75. Материалы к отчету: Нармонский могильник: текст (1 л.), рисунки находок (5), фото (2); Гремячкинский могильник: рисунки (6); Ташкирмень: чертежи (3), фото-негативы (4).

1968

Ед. хр. 76. Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской экспедиции в 1968 г. Казань. 1969 г. Рукопись (5 л.).

Результаты определения костных остатков животных с Набережно-Челнинского могильника (А.Г. Петренко) (3 л.).

Ед. хр. 77. Материалы к отчету: Косменко М.Г. Разведки в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. Рукопись (3 л.); Старостин П.Н., Колодешников Т.В. Итоги раскопок Кумысских стоянки и могильника в 1968 г. Рукопись (16 л.); Косменко М.Г. Раскопки мезолитиче-

ских стоянок на р. Ик. Рукопись (36 л.), машинопись (4 л.); черновик отчета. Рукопись (2 л., илл.).

Материалы к отчету: дневники (2), черновик отчета. Рукопись (30 л.), фотоплан, фото местности (4), фото находок (3); Кумысские стоянка и могильник: текст. Рукопись (4 л.), рисунки находок (9); Челнинская стоянка: текст (2 л.), дневник, чертеж-план (1); план Деуковского селища; Маклашеевское II городище: текст. Машинопись (5 л.); Чакма: рисунки (13), план-схема (2), чертежи (5), рисунки находок (7), фото (4); Именьковское селище: рисунки находок (5).

Ед. хр. 78. Материалы к отчету по Биляру: текст рукописи отчета (16 л.), дневник, рисунки (6), чертежи (2).

Ед. хр. 79. Материалы к отчету по Уржумскому могильнику: текст (5 л.), схема-план, чертежи (10), таблицы с находками (3), фото находок (13), рисунки находок (5). Списки памятников, раскопанных отрядом НКАЭ в 1968 г.

1969

Ед. хр. 80. Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции за 1969 год. Т. II. 1970 г. Машинопись (135 л.).

Ед. хр. 81. Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции за 1969 год. Т. II. 1970 г. Машинопись (166 л.).

Ед. хр. 82. Отчет о работе Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции за 1969 год. 1970 г. Рукопись (124 л.).

Ед. хр. 83. Материалы к отчету: текст отчета о раскопках Деуковского I поселения в 1969 г. Машинопись (8 л.); фото (6). Текст отчета о раскопках на Русско-Азибейском комплексе. Рукопись (3 л.). Полевой дневник: Дубовогривская II стоянка. Полевой дневник: НКАЭ-69, Подгорно-Байларское III селище.

1970

Ед. хр. 84. Открытый лист № 87 на имя Старостина П. Н. на право раскопок в зоне Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ в пределах Татарской АССР и в Уржумском и Малмыжском районах Кировской области.

Материалы к отчету: текст отчета (12 л.), чертежи (8), дневник НКАЭ-70; Игимская стоянка: дневник, чертеж (план II раскопа Игимской стоянки).

Ед. хр. 85. Материалы к отчету по Рождественскому V могильнику: чертежи (39), рисунки находок (63), фото (40), дневники (2).

Ед. хр. 86. Материалы к отчету: текст отчета «Итоги раскопок II и IV Рождественских могильников весной 1970 года». Рукопись (11 л.), чертежи (11), фото находок (31), дневник: ТАЭ-70, Рождественский II могильник.

Ед. хр. 87. Материалы к отчету: выписки из отчета I Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР (лето 1970 г.). Рукопись (21 л.), рисунки находок (21), фото пленка (1). Фото: Уржумка (38); Мл. Ахмылово (12).

1971

Ед. хр. 88. Отчет. Итоги работ на V Рождественском могильнике в 1970–1971 гг. 1972 г. Машинопись (142 л.).

Ед. хр. 89. Отчет. Итоги работ на V Рождественском могильнике в 1970–1971 гг. 1972 г. Машинопись (134 л.).

Ед. хр. 90. Материалы к отчету: полевые чертежи (40), дневник с описанием раскопок, описания погребений (5 л.).

Ед. хр. 91. Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 году. Т. I. 1972 г. Машинопись (113 л.).

Ед. хр. 92. Материалы к отчету: полевые чертежи по Меллятамакским памятникам (39), рукописный вариант отчета (43 л.); краткие итоги работ Татарского отряда Нижнекамской экспедиции в 1971 г. Машинопись (3 л.).

Р. Н. Багаутдинов. Отчет об археологической разведке по р. Ик в 1971 году. 1972 г. Машинопись с илл. (26 л.). Дневник НКАЭ-71, таблицы с рисунками находок (17), фото находок (1).

1972

Ед. хр. 93, 94. Отчет. Итоги раскопок V Рождественского могильника в 1972 году. 1973 г. Машинопись (93 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 95. Отчет. Итоги раскопок V Рождественского могильника в 1972 году (3-й экз.). 1973 г. Машинопись (82 л.). Иллюстрации к отчету (152 – 3 экз.).

Ед. хр. 96. Материалы к отчету: черновик отчета (41 л.). Результаты остеологического анализа (6 л.); полевые чертежи (29), чертежи (21), рисунки находок (45), описания (4 л.), фото (7).

Ед. хр. 97. Отчет. Итоги раскопок II и IV Рождественских могильников в 1972 г. 1973 г. Машинопись (69 л.).

Ед. хр. 98. Отчет. Итоги раскопок II и IV Рождественских могильников в 1972 г. 1973 г. Машинопись (65 л.).

Ед. хр. 99. Отчет. Итоги раскопок II и IV Рождественских могильников в 1972 г. 1973 г. Машинопись (59 л. – 3-й экз.).

Ед. хр. 100. Материалы к отчету: рукопись отчета (40 л.), карта памятников у с. Рождествено (2), полевые чертежи (22), рисунки находок (10), фото (3), рисунки сосудов (21), план местности (фото); дневник: Рождественские II и IV могильники; дневник: Водохранилище; план Рождественского селища; сборы 1972 г. с Рождественского VI селища: рисунки находок (7), дневник ТАЭ–72.

1973

Ед. хр. 101, 102. Отчет по V Рождественскому могильнику. 1974 г. Машинопись (94 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 103. Материалы к отчету: рукописный вариант отчета. 1974 г. (56 л. + 27 илл.), полевые чертежи (29), иллюстрации к отчету (21), фото (48), дневник.

Ед. хр. 104. Отчет об археологических исследованиях около села Троицкий Урай Рыбно–Слободского района ТАССР. 1974 г. Машинопись (50 л.).

Ед. хр. 105. Отчет об археологических исследованиях около села Троицкий Урай Рыбно–Слободского района ТАССР. 1974 г. Машинопись (30 л., 22 илл.).

Ед. хр. 106. Материалы к отчету: иллюстрации (37), полевые чертежи (12), рисунки ям (6), статистические таблицы (4), черновики отчета (4 л.), рисунки находок (36), фото (59), заключение В.В. Туганаева о находках зерна, предварительное заключение А.Г. Петренко об определениях костей рыб.

Ед. хр. 107, 108. Отчет об археологических разведках в верховьях реки Меши. 1974 г. Машинопись (6 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 109. Отчет об археологических разведках в верховьях реки Меши. 1974 г. Рукопись (10 л.).

Ед. хр. 110. Материалы к отчету: полевые чертежи (24), дневник от 25.09.1973, дневник «Разведка по р. Меша» сентябрь 1973 г.

Материалы к отчету ТАЭ–73: дневник от 23.05.1973. Кирюшкин городок: фото-схема (3), полевые чертежи (3); Кирпично-Островное селище: рисунки находок (2); дневник разведок по р. Сульче: полевые чертежи (17); Уржумкинский могильник: рисунки находок (1), фото находок (31); фотонегативы 1973 г.: Троицко-Урайское городище, Рождественский V могильник, городище Гремячий Ключ.

1974

Ед. хр. 111. Отчет о раскопках V Рождественского могильника летом 1974 года. 1975 г. Машинопись (43 л. с илл.).

Ед. хр. 112. Отчет о раскопках V Рождественского могильника летом 1974 года. 1975 г. Машинопись (18 л. + 10 илл.).

Ед. хр. 113. Отчет о раскопках V Рождественского могильника летом 1974 года. 1975 г. Машинопись (39 л.).

Ед. хр. 114. Материалы к отчету: полевые чертежи (25), фото погребения № 207 (1), дневник.

Ед. хр. 115. Отчет об исследованиях Усть-Брыскинского моильника, проведенных летом 1974 года. 1975 г. Машинопись (60 л. с илл.).

Ед. хр. 116. Отчет об исследованиях Усть-Брыскинского могильника, проведенных летом 1974 года. 1975 г. Машинопись (17 л. + 37 илл.).

Ед. хр. 117. Отчет об исследованиях Усть-Брыскинского могильника, проведенных летом 1974 года. 1975 г. Рукопись (41 л.).

Ед. хр. 117а. Отчет об исследованиях Усть-Брыскинского могильника, проведенных летом 1974 года. 1975 г. Машинопись (19 л. + 16 илл.).

Ед. хр. 118. Материалы к отчету: рисунки находок из погребений (16), чертежи к отчету (28), фотоиллюстрации (16), фотоиллюстрации меча (9), фото (3), карточки с рисунками находок (12), список бус для анализа из погребения № 11 Усть-Брыскинского могильника. Результаты спектрального анализа в лаборатории МГУ (Ю.Л. Щапова).

Ед. хр. 119, 120. Отчет. Исследования Нарманского могильника в Лаишевском районе Татарии в 1974 году. 1975 г. Машинопись (60 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 121. Материалы к отчету: полевые чертежи (24), иллюстрации к отчету (29), фото (45), карточки с рисунками находок (84), дневник.

Ед. хр. 122. Отчет. Исследования на Богородицком могильнике летом 1974 года. 1974 г. Рукопись (3 л.).

Ед. хр. 122а. Материалы к отчету: чертежи (21), рисунки находок (43), дневники раскопок (2).

Ед. хр. 123, 124. Отчет. Разведки в лесной зоне бассейна реки Большой Кокшаги (совместно с В.В. Никитиным). Йошкар-Ола. 1974 г. Машинопись (14 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 125. Отчет. Разведки в лесной зоне бассейна реки Большой Кокшаги (совместно с

В.В. Никитиным). Йошкар-Ола. 1975 г. Рукопись (20 л.).

1975

Ед. хр. 126, 127. Отчет. Исследования Усть-Брыскинского могильника в 1975 году. 1976 г. Машинопись. (14 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 128. Материалы к отчету: полевые чертежи (15), фото (4), рисунки находок с описаниями (9), фото-таблицы (10).

Ед. хр. 129. Материалы к отчету по Рождественскому V могильнику: иллюстрации (56), полевые чертежи (33); результаты остеологического анализа по Рождественскому V могильнику. Машинопись (3 л.); дневник; полевой дневник; фотонегативы 1975 г.: Усть-Брыскинский, Рождественский V могильники.

1976

Ед. хр. 130, 131. Отчет о раскопках V Рождественского могильника в 1976 году. 1977 г. Машинопись (125 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 132. Отчет о раскопках V Рождественского могильника в 1976 году. 1977 г. Рукопись (58 л. + 64 илл.).

Ед. хр. 133. Материалы к отчету: полевые чертежи (24), чертежи (2), дневник, фотографии (109), ксерокопии чертежей (34), фотоиллюстрации (26), рисунки находок (7); список погребений по культурной принадлежности (1 л.).

Ед. хр. 134. Отчет. Исследования Усть-Брыскинского могильника в 1976 г. 1976 г. Рукопись (46 л. + 46 илл.).

Ед. хр. 135. Материалы к отчету: полевые чертежи (31); дневник; полевой дневник; фотоиллюстрации к отчету (11).

Ед. хр. 136. Отчет. Раскопки на I Троицко-Урайском селище летом 1976 года. 1977 г. Машинопись (17 л. с илл.).

Ед. хр. 137. Отчет. Раскопки на I Троицко-Урайском селище летом 1976 года. 1977 г. Машинопись (7 л. с илл.).

Ед. хр. 138. Отчет. Раскопки на I Троицко-Урайском селище летом 1976 года. 1977 г. Рукопись (14 л. с илл.).

Ед. хр. 139, 140. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. 1977 г. Машинопись (98 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 141. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. 1977 г. Рукопись (36 л.).

Ед. хр. 142. Материалы к отчету: полевые чертежи (47), дневник раскопок могильника, дневник, фотоиллюстрации к отчету

(89), ксерокопии чертежей (46), фото (10), рисунки находок (2).

Ед. хр. 143. Отчет. Работы на Гремячинском могильнике летом 1976 года. 1977 г. Машинопись (14 л. с илл.).

Ед. хр. 143а. Отчет. Работы на Гремячинском могильнике летом 1976 года. 1977 г. Рукопись (7 л.).

Ед. хр. 144. Материалы к отчету: полевые чертежи (6), дневник.

Ед. хр. 145. Отчет о разведочных работах в западных районах Ульяновской области в 1976 г. (совместно с Е.П. Казаковым, В.И. Ледяйкиным, А.Х. Халиковым). 1976 г. Машинопись (38 л. с илл.).

Ед. хр. 146. Материалы к отчету: полевые чертежи (17 л.), дневники (2), планы местности, фото (40), чертежи (18), описания (3 л.).

1977

Ед. хр. 147. Отчет. Исследование «Девичьего Городка» летом 1977 года. 1978 г. Рукопись (32 л.).

Ед. хр. 148. Отчет. Исследование «Девичьего Городка» летом 1977 года. 1978 г. Машинопись (31 л. с илл.).

Ед. хр. 149. Материалы к отчету: фото (25), рисунки находок (5), дневник раскопок, дневник с описанием материала, чертежи (13).

Ед. хр. 150. Материалы к отчету: рисунки керамики и инд. находок (287). Полянское селище: чертежи (6), текст (4 л.).

Ед. хр. 151. Отчет. Разведочные работы летом 1977 года в зоне строительства Заинской оросительной системы. 1978 г. Машинопись (18 л. + 40 илл.).

Ед. хр. 152. Материалы к отчету: чертежи (44), дневник, иллюстрации к отчету (80), список памятников в зоне строительства Заинской оросительной системы (6 л.), общие сведения о памятниках, находящихся в зоне строительства (18 л.), сведения по памятникам. Рукопись (15 л.), документация по зоне строительства оросительной системы. Машинопись (57 л.); копия заявки на Открытый лист на работы в зоне Заинской оросительной системы, карта Заинской оросительной системы, полевой дневник.

1978

Ед. хр. 153. Отчет об археологических разведках в зоне строительства Заинской оросительной системы. 1979 г. Машинопись (9 л., 21 илл.).

Ед. хр. 153а. Материалы к отчету: дневник разведок от 15.09.78.

Ед. хр. 154, 155, 156. Отчет. Итоги раскопок Рождественского комплек-

са летом 1978 года. 1979 г. Машинопись (18 л. + 33 илл. – 3 экз.).

Ед. хр. 157. Отчет. Итоги раскопок Рождественского комплекса летом 1978 года. 1979 г. Рукопись (40 л.).

Ед. хр. 158. Материалы к отчету: фото (65), чертежи (40), характеристика сосудов II Рождественского могильника (5 л.), дневник, дневник II–IV Рождественского могильника (25 л.), рисунки находок (5).

Ед. хр. 159, 160. Отчет об итогах исследований «Девичьего городка», проведенных летом 1978 г. 1979 г. Машинопись (22 л.+18 илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 161. Отчет об итогах исследований «Девичьего городка», проведенных летом 1978 г. 1979 г. Рукопись (46 л.).

Ед. хр. 162. Материалы к отчету: фото (50), рисунки керамики (127), таблицы по керамике (17), дневник; результаты остеологического анализа (1 л.).

Ед. хр. 163. Материалы к отчету по могильнику «Старый Чекмак»: дневник, полевые чертежи (27), фото погребений (81).

Ед. хр. 164. Материалы к отчету: дневник разведок в пределах Марийской АССР, в Зеленодольском, Пестречинском районах Татарской АССР: рисунки находок (13), полевой дневник.

1979

Ед. хр. 165. Отчет. Раскопки Богородицкого могильника в Лаишевском районе Татарской АССР. 1979 г. Машинопись (28 л. + 44 илл.).

Ед. хр. 166. Отчет. Раскопки Богородицкого могильника в Лаишевском районе Татарской АССР. 1979 г. Машинопись (22 л. + 40 илл.).

Ед. хр. 168, 169. Отчет. Раскопки в Лаишевском районе Татарии по правому берегу реки Камы, проведенные летом 1979 года. 1980 г. Машинопись (9 л. + 10 илл.).

Ед. хр. 170, 171. Отчет о работах на раскопе № 69 городища «Волжские Болгары» 1980 г. Машинопись (24 л. + 12 илл.), рукопись (36 л.).

Ед. хр. 172. Материалы к отчету: план расположения раскопа, иллюстрации к отчету (10), таблицы (3), зарисовки керамики (129).

1980

Ед. хр. 173. Отчет о раскопках IV Маклашеевского могильника, проведенных летом 1980 года. 1980 г. Машинопись (32 л. + 61 илл.).

Ед. хр. 174. Отчет о раскопках IV Маклашеевского могильника, проведен-

ных летом 1980 года. 1980 г. Машинопись (27 л. + 62 илл.).

Ед. хр. 175. Отчет о раскопках IV Маклашеевского могильника, проведенных летом 1980 года. 1980 г. Рукопись (53 л.).

Ед. хр. 176. Материалы к отчету: рисунки находок (42); Маклашеевка II: фото (151), дневник разведок от 19.06.1980, полевые чертежи (49), рисунки (14), рисунки керамики (4).

Ед. хр. 177, 178. Отчет. Исследования Богородицкого могильника летом 1980 года. 1981 г. Машинопись (20 л. + 35 илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 179. Материалы к отчету: полевые чертежи (23), фото (13), полевой дневник (содержит сведения об имении А.Ф. Лихачева) от 27.08.1980.

1981

Ед. хр. 180. Отчет об археологических раскопках Богородицкого и IV Маклашеевского могильников. 1982 г. Машинопись (151 л. с илл.).

Ед. хр. 181. Отчет об археологических раскопках Богородицкого и IV Маклашеевского могильников. 1982 г. Машинопись (146 л. с илл.).

Предварительный отчет. Исследование именьковских могильников в 1981 году. Рукопись (3 л.), машинопись (2 л. – 4 экз.).

Ед. хр. 182. Материалы к отчету: полевые чертежи (31), рисунки находок (24), дневник, дневник раскопок. Богородицкий могильник: зарисовки находок (38), чертежи (209), фото (3).

Ед. хр. 183, 184. Отчет. Разведка в зоне Куйбышевского водохранилища летом 1981 г. 1982 г. Машинопись (22 л. с илл. – два экземпляра).

Ед. хр. 185. Отчет. Разведка в зоне Куйбышевского водохранилища летом 1981 года. 1982 г. Рукопись (27 л.).

Ед. хр. 186. Материалы к отчету: полевые чертежи (8), фото (23), дневники (2), зарисовки находок (19), фотонегативы (6).

1982

Ед. хр. 187. Отчет о раскопках могильников именьковской культуры, проведенных летом 1982 года. Маклашеевка, Богородицкий могильник. 1983 г. Машинопись (77 л.+31 илл.).

Ед. хр. 188. Отчет о раскопках могильников именьковской культуры, проведенных летом 1982 года. 1983 г. Машинопись (77 л. с илл.).

Ед. хр. 189. Материалы к отчету по Богородицкому могильнику: чертежи (121), зари-

совки находок с Богородицкого селища (18), с Богородицкого могильника (87), таблица с общими сведениями о погребениях Богородицкого могильника (1), фото (2).

Ед. хр. 190. Зарисовки находок с Усть-Брыскинского могильника (14), чертеж погребения № 46 (1); зарисовки находок с Именьковского селища: (3); фотопленка: Богородицкий, Усть-Брыскинский могильники, Именьковское селище; дневник по разведкам осенью 1982 г. (7 л.).

Ед. хр. 191. Материалы по Маклашевскому могильнику: полевые чертежи (30), дневник, зарисовки сосудов (19), находок (1), фотоиллюстрации к отчету (6), фотонегативы по Маклашевскому могильнику. Разное: Именьковский могильник: чертежи полевые (4), описания (2 л.). Рождественский V могильник. Сборы В.Н. Маркова: зарисовки находок (1), дневники полевые (2).

1983

Ед. хр. 192, 193. Отчет о раскопках IV Маклашевского могильника, проведенных летом 1983 года. 1984 г. Машинопись (112 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 194. Отчет о раскопках IV Маклашевского могильника, проведенных летом 1983 года. 1984 г. Машинопись (86 л. с илл.).

Ед. хр. 195. Отчет о раскопках IV Маклашевского могильника, проведенных летом 1983 года. 1984 г. Рукопись (48 л.). Иллюстрации к отчету (48).

Ед. хр. 196. Материалы к отчету: полевые чертежи (39), дневник, чертежи (36), рисунки находок (8), зарисовки сосудов (44).

Материалы к отчету по Богородицкому могильнику: дневник, чертежи полевые (8), рисунки находок (6), фото (43 – в 2-х экз.), дневник, фотонегативы по Богородицкому и Маклашевскому IV могильникам.

Материалы к отчету по Усть-Брыскинскому могильнику: зарисовки находок (12).

1984

Ед. хр. 197. Отчет о работах в Куйбышевском и Лаишевском районах Татарской АССР летом 1984 г. (IV Маклашевский, Богородицкий, Усть-Брыскинский могильники, II Маклашевское городище и селище). 1985 г. Машинопись (177 л.).

Ед. хр. 198. Отчет о работах в Куйбышевском и Лаишевском районах Татарской АССР летом 1984 г. 1985 г. Машинопись (43 л. с илл.).

Ед. хр. 199. Отчет о работах в Куйбышевском и Лаишевском районах Татар-

ской АССР летом 1984 г. 1985 г. Рукопись (84 л. с илл.).

Ед. хр. 200. Т.1. Материалы к отчету по IV Маклашевскому могильнику: зарисовки сосудов (200), рисунки индивидуальных находок (9), фото (29).

Ед. хр. 200. Т.2. Фотоиллюстрации (8), чертежи (124), дневник.

Ед. хр. 201. Материалы к отчету по Богородицкому могильнику: полевые чертежи (10), чертежи (15), дневники (2), фото (30), рисунки находок (9).

Материалы к отчету по Усть-Брыскинскому могильнику: полевые чертежи (4), зарисовки находок (12), зарисовки сосудов с Маклашевских I, II селищ (1). Материалы к отчету по Чакме: зарисовки сосудов (25); заключение о результатах спектрального анализа образцов халцедона. Рукопись (3 л.), фотопленки (9).

1985

Ед. хр. 202, 203. Отчет. Исследования на IV Маклашевском могильнике и городище «Черепашье». 1986 г. Машинопись (98 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 204. Отчет. Исследования на IV Маклашевском могильнике и городище «Черепашье». 1986 г. Рукопись (67 л.).

Ед. хр. 205. Материалы к отчету: полевые чертежи (54), чертежи (45), дневник, зарисовки керамики (18).

Ед. хр. 206. Фотографии к отчету (169), чертежи (9), дневник «Черепашье городище», полевой дневник, рисунки сосудов с IV Маклашевского могильника (35), фото сосудов (24).

1986

Ед. хр. 207, 208. Отчет. Работы на памятниках предбулгарского времени на территории Татарской АССР в 1986 году (Черепашье городище, IV, V Маклашевские могильники). 1987 г. Машинопись (123 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 209. Отчет. Работы на памятниках предбулгарского времени на территории Татарской АССР в 1986 году. 1987 г. Рукопись (102 л.).

Ед. хр. 210. Материалы к отчету: полевые чертежи (26), план IV Маклашевского могильника, зарисовки находок (10), фото (4), рисунки находок с Маклашевских IV, V могильников (27), зарисовки находок с Чакмы и из музея средней школы (22).

1987

Ед. хр. 211, 212. Отчет. Исследования V Маклашеевского могильника. 1988 г. Машинопись (93 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 213. Отчет. Исследования V Маклашеевского могильника. 1988 г. Рукопись (18 л.).

Ед. хр. 214. Материалы к отчету: полевые чертежи (48), рисунки (49), фото (125), дневник, рисунки находок (59).

Ед. хр. 215. Разведка 1987 г. Рукопись (6 л.). Чакма: рисунки находок (25), чертежи (2). Сборы у с. Рождествено: рисунок находок, полевой дневник.

Ед. хр. 216. Отчет. Исследования на правом берегу Малого Иерусалимского оврага (раскоп 97). 1987 г. Рукопись (19 л.).

Ед. хр. 217. Материалы к отчету: рисунки керамики (19), фотографии (21), чертежи (5), рисунки находок (4).

1988

Ед. хр. 218. Отчет. Исследования на Ташкирменском могильнике, проведенные летом 1988 г. 1991 г. Машинопись (20 л. с илл.).

Ед. хр. 219. Отчет. Исследования на Ташкирменском могильнике, проведенные летом 1988 г. 1991 г. Машинопись (13 л. с илл.).

Ед. хр. 220. Отчет. Исследования на Ташкирменском могильнике, проведенные летом 1988 г. 1991 г. Рукопись (17 л.).

Ед. хр. 221. Материалы к отчету: полевые чертежи (7), фото (10), рисунки находок (5), дневники (2), коллекционная опись (1).

Ед. хр. 222. Отчет. Об итогах изучения раскопа 103 на территории Болгарского городища летом 1988 года. 1989 г. Машинопись (25 л.).

Ед. хр. 223. Отчет. Об итогах изучения раскопа 103 на территории Болгарского городища летом 1988 года. 1989 г. Рукопись (22 л.).

Ед. хр. 224. Материалы к отчету: чертеж (1), рисунок керамики; дневник раскопа 103, фото (22), чертежи (5). Определение монет (Г.А. Федоров–Давыдов).

1990

Ед. хр. 225. Отчет. Результаты работ на левом берегу Малого Иерусалимского оврага летом 1990 г. (раскоп СХI). 1990 г. Рукопись (30 л.).

Ед. хр. 226. Болгары. Раскоп СХI. Материалы к отчету: дневник камеральной обработки материала (10 л.), дневник с описанием раскопа (52 л.), фотографии (51), чертежи (25).

1991

Ед. хр. 227. Отчет о результатах исследований в районе Малого Иерусалимского оврага Булгарского городища, проведенных летом 1991 года. 1992 г. Машинопись (5 л.).

Ед. хр. 228. Отчет о результатах исследований в районе Малого Иерусалимского оврага Булгарского городища, проведенных летом 1991 года. 1992 г. Рукопись (17 л.).

Ед. хр. 228а. Отчет о результатах исследований в районе Малого Иерусалимского оврага Булгарского городища, проведенных летом 1991 года. 1992 г. Рукопись (27 л.).

Ед. хр. 229. Материалы к отчету: чертежи (3), иллюстрации (5), фото (8), рисунки керамики и инд. находок (50), статистическая таблица по керамике со 114 раскопа, дневники (2).

Ед. хр. 230. Материалы к отчету: дневник с описанием Маклашеевского II городища, IV, VI селищ, полевые чертежи (5), чертежи (9).

1992

Ед. хр. 231. Отчет по исследованию Булгарского городища в 1992 г. 1992 г. Рукопись (21 л. + 26 илл.).

Ед. хр. 232. Материалы к отчету: полевые чертежи (9), рисунки керамики и пр. находок (50), дневник с описанием керамики раскопа СХХ (Т.А. Хлебникова).

Ед. хр. 233. Отчет. Итоги раскопок на Маклашеевском могильнике V, проведенных летом 1992 г. 1993 г. Машинопись (18 л. с илл.).

Ед. хр. 234. Отчет. Итоги раскопок на Маклашеевском могильнике V, проведенных летом 1992 г. 1993 г. Рукопись (9 л.).

Ед. хр. 235. Материалы к отчету: полевые чертежи (6), рисунки находок (16), дневник (1), полевой дневник (1). Результаты анализа костей животных с Маклашеевского I селища (1 л.).

1993

Ед. хр. 236. Отчет. Итоги раскопок Маклашеевского V могильника, проведенных летом 1993 года. 1994 г. Рукопись (3 л. + 22 илл.), иллюстрации (28).

Ед. хр. 237. Материалы к отчету: полевые чертежи (9), чертежи (14), рисунок сосуда, дневник работ на Маклашеевском V могильнике (26 л.). Маклашеевское II городище: рисунки керамики (2); Полянское II селище: рисунки (5).

Ед. хр. 238. Научный отчет об исследованиях, проведенных летом 1993 года на левом берегу Малого Иерусалимского оврага

Болгарского городища. 1994 г. Машинопись (31 л. с илл.).

Ед. хр. 239. Материалы к отчету: рисунки керамики (25), находок (6), дневники (2), чертежи (8), черновики отчета. Рукопись (9 л.).

1994

Ед. хр. 240, 241. Отчет об археологических исследованиях на Маклашеевском могильнике V, проведенных летом 1994 г. 1995 г. Машинопись (40 л. с илл. – 2 экз.).

Ед. хр. 242. Отчет об археологических исследованиях на Маклашеевском могильнике V, проведенных летом 1994 г. 1995 г. Рукопись (23 л. + 3 илл.).

Ед. хр. 243. Материалы к отчету: полевые чертежи (15), чертежи (20), дневник, рисунки находок (21), описания керамики (18), фото (20), фотонегативы (2).

1997

Ед. хр. 244. Анализ поливной керамики и других находок с раскопа 1997 г. на Старом городище (10 л.). Зарисовки керамики (3), статистическая таблица находок на раскопе (3 л. – 2 экз.), чертежи (7).

Газимзянов И.Р. Отчет об антропологическом анализе костных остатков из раскопок Старого городища в 1997 г. Машинопись (9 л.).

1998

Ед. хр. 245. Отчет о раскопках Старого городища, проводимых летом 1998 года. 1998 г. Машинопись (14 л.).

Ед. хр. 246. Отчет о раскопках Старого городища, проводимых летом 1998 года. 1998 г. Машинопись (9 л.).

Ед. хр. 247. Отчет о раскопках Старого городища, проводимых летом 1998 года. 1998 г. Рукопись (23 л.).

Ед. хр. 248. Отчет по обработке керамики Т.А. Хлебниковой. Рукопись (5 л.).

Ед. хр. 249. Материалы к отчету: полевые чертежи (8), чертежи и рисунки керамики (5), чертежи-ксерокопии к отчету (16), зарисовки керамики (31), дневник с описанием раскопа, сводная таблица находок керамики. Казанский Кремль. Анализ остеологического материала по раскопу XXII.

1999

Ед. хр. 250. Предварительный отчет о результатах археологических исследований на улице Нагорной г. Казани, проведенных летом 1999 г. (раскоп 25) Кремлевской археологической экспедицией. 1999 г. Машинопись (5 л.).

Ед. хр. 251. Отчет об археологических исследованиях в районе церкви Параскевы Пятницы, проведенных летом 1999 г. (раскоп 25). 2000 г. Машинопись (62 л. с илл.).

Ед. хр. 252. Отчет об археологических исследованиях в районе церкви Параскевы Пятницы, проведенных летом 1999 г. (раскоп 25). 2000 г. Машинопись (46 л. с илл.).

Ед. хр. 253, 253а. Отчет об археологических исследованиях в районе церкви Параскевы Пятницы, проведенных летом 1999 г. (раскоп 25). 2000 г. Рукопись (24 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 254. Материалы к отчету: зарисовки находок (7), дневники (3).

2000

Ед. хр. 255. Отчет об археологических исследованиях у северо-восточной башни Казанского Кремля (раскоп 36). 2000 г. Машинопись (29 л. с илл.).

Ед. хр. 256. Итоги исследований у юго-восточной башни Казанского Кремля (раскоп 36) в 2000 году. 2000 г. Рукопись (17 л.).

Ед. хр. 257. Краткий отчет. Итоги исследований на 36 раскопе Кремлевской археологической экспедиции 2000 г. 2000 г. Машинопись (7 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 257а. Краткий отчет. Итоги исследований на 36 раскопе Кремлевской археологической экспедиции 2000 г. 2000 г. Рукопись (8 л.).

Приложение к отчету по гранту 02–24/2000. Статистический анализ именниковской керамики (Е.А. Беговатов). 2000 г. Машинопись (23 л.).

Ед. хр. 258. Материалы к отчету: чертежи (3), рисунки находок (23), дневник раскопок.

2001

Ед. хр. 259. Итоги исследований у северо-восточной башни Казанского Кремля (раскоп 36) 2001 года. 2002 г. Машинопись (44 л.).

Ед. хр. 259а. Итоги исследований у северо-восточной башни Казанского Кремля (раскоп 36) 2001 года. 2002 г. Рукопись (11 л.).

Ед. хр. 260. Итоги археологических исследований у юго-восточной башни с внутренней стороны Казанского Кремля. 2002 г. Рукопись (5 л.).

Ед. хр. 261. Материалы к отчету: статистические таблицы по керамике (24), рисунки керамики (27), дневники (5), рисунки находок (14), нивелировочный план (2), дневник разведки, чертежи (3).

2002

Ед. хр. 262. Материалы к отчету: текст отчета. Машинопись (2 л.), рукопись (7 л.), полевые чертежи (5), рисунки находок 2002–2003 гг. (16), фотонегативы, фото (40), статистические таблицы по керамике (3), дневники (2), Открытый лист на имя П.Н. Старостина на городище Казанка II.

2003

Ед. хр. 263. Материалы к отчету по Казанке II: рисунки находок (34), дневник с описанием разведки.

2004

Ед. хр. 264. Материалы к отчету по раскопкам городища «Казанка II» текст. Рукопись (6 л.); анализ остеологического материала. Машинопись (1 л.).

Ед. хр. 265. Материалы к отчету по раскопкам Нармонского могильника: дневник, чертежи (4).

Ед. хр. 266. Мл. Ахмылово: фото (9); Биляр: фото 1971 (13), 1977 (2), 1978 (1).

Отчет о раскопках II Маклашеевского городища (б/д). Рукопись (12 л.), дневник Рождественского V могильника (б/д). Рукопись (9 л.).

3. Отзывы П.Н. Старостина на отчеты других сотрудников

Ед. хр. 267. Отзывы П.Н. Старостина на отчеты других сотрудников.

4. Материалы опубликованных работ 1962–1969 гг.

Ед. хр. 268. Археологические памятники левобережья Волги между г. Козмодемьянском и с. Кокшайском // Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд Историко-археологического общества. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. Рукопись (31 л.), карточки к тексту (20), рисунки к статье (22).

О так называемых позднегородецких памятниках Среднего Поволжья // Вопросы истории, археологии и этнографии Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. Изд-во, 1964. Машинопись (14 л. – 2 экз.).

Балымерский «Шелом» – городище // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1965. Машинопись (43 л.), рукопись (12 л.).

Новый памятник предбулгарского времени на Нижней Каме // Пленум Института археологии 1966 г. ТД. М.: ИА АН СССР, 1966. Машинопись (1 л.).

К истории животноводства и охоты племен именьковской культуры (совм. с А.Г. Петренко) // Сб. аспирантских работ КГУ. Казань: КГУ, 1966. Рукопись (8 л.).

Археологические работы на Куйбышевском водохранилище (совм. с А.Х. Халиковым) // АО–1966. М.: Наука, 1967. Рукопись (2 л.).

Верхний слой Коминтерновского «Кургана» // ТД. 1967. Рукопись (3 л.).

Коминтерновский Курган. 1967 (б/д). Машинопись (10 л.), иллюстрации к статье: чертежи (6), материалы к статье. Рукопись (5 л.).

Изучение археологических памятников Нижнего Прикамья в пределах Куйбышевского водохранилища в 1965–66 гг. (совм. с Т.А. Хлебниковой, А.Х. Халиковым) // V Уральское археологическое совещание. ТДС. Сыктывкар: Коми кн. Изд-во, 1967. Машинопись (3 л.).

Работы казанских археологов на Куйбышевском водохранилище в 1965–1966 гг. (совм. с А.Х. Халиковым, Т.А. Хлебниковой) // V Уральское археологическое совещание. ТДС. Сыктывкар: Коми кн. Изд-во, 1967. Машинопись (9 л.), рукопись (16 л.).

Новые памятники на территории Чувашии // АО–1966. М.: Наука, 1967, Машинопись (2 л.), рукопись (2 л.).

Ед. хр. 269. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. ДІ–32. М.: Наука, 1967. Машинопись (174 л.).

Ед. хр. 270. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. ДІ–32. М.: Наука, 1967. Машинопись (109 л. – 2 экз.), рукопись (162 л.).

Ед. хр. 271. Материалы к работе: введение и историография. Рукопись (65 л.); Глава 2. Территория, поселения и могильники именьковской культуры. Рукопись (153 л.).

Ед. хр. 272. Черновики рукописи (106 л.), письмо о выходе монографии (2 л.), замечания по работе «Именьковские племена...» (5 л.), полевой дневник (правки к Своду); заметки – обращение к ребятам. Рукопись (40 л.); Глава 3. Вещевые находки с памятников именьковского типа (11 л.); иллюстрации к работе: фото (7), фототаблицы (7), ксерокопия таблицы (1), рисунки находок (9); паспорта на именьковские памятники (4), карты (2), описания (2 л.). Рождественский археологический комплекс: план местности, фото-план; профиль Тойгузинского селища, план, описание; Полянское селище: план; список памятников именьковской культуры (9 л.).

Ед. хр. 273. Новые памятники предбулгарского времени в Нижнем Прикамье (по материалам Куйбышевского водохранилища) // СА. 1968. № 1. Машинопись с правками (27 л.), рукопись (41 л.).

Новые памятники предбулгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. №1. Машинопись (7 л.).

Маклашеевское II городище именьковской культуры // Пермь: УЗПГУ, 1968. №191. Текст. Рукопись (20 л.), таблица, рисунки находок (52).

Работы Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции (совместно с А.Х. Халиковым, Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, М.Г. Косменко) // АО–1968. М.: Наука, 1969. Машинопись (1 л. – 4 экз.), рукопись (7 л.).

Рекогносцировочные работы Татарского отряда НКАЭ ИА АН СССР в 1968 г. (совм. с Е.П. Казаковым, М.Г. Косменко) // АО–1968. М.: Наука, 1969. Рукопись (11 л.).

Финно-угры Поволжья и их южные соседи середины I тыс. н.э. // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. ТДС. Йошкар-Ола: ИЯ АН СССР, МарНИИ, 1969. Машинопись (1 л.), рукопись (2 л.).

Этнокультурные связи населения Башкирского Приуралья и Нижнего Прикамья в I тыс. н.э. // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа: БФАН, 1969. Машинопись (3 л.). Материалы к статье и докладу. Рукопись (8 л.).

1970–1979 гг.

Ед. хр. 274. Остатки Щербетьских меднолитейных мастерских (совм. с В.Н. Сидоровым) // СА. 1970. № 4. В разных вариантах: Рукопись (4 л., 5 л., 5 л.), машинопись (7 л.). Материалы к статье: рукопись (16 л.), письмо В.Н. Сидорова по поводу статьи, 21.12.1966. Часть текста В.Н. Сидорова по спектральному анализу (4 л.), чертежи (2), фотографии слитков (2), выписки из литературы (2 л.).

Остатки древних погребений в городе Уржуме (совм. с Н.Н. Арбузовой) // Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971. Машинопись (5 л. – 3 экз.). Материалы к статье: Древние погребения в г. Уржуме. Рукопись (13 л.).

О романовских и именьковских памятниках // АЭБ. 1971. Т. IV. Рукопись (10 л.).

Десять лет работ на Куйбышевском водохранилище (совм. с Р.С. Габяшевым, Г.Р. Ишмуратовой, Е.П. Казаковым, М.Г. Косменко). ТД. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. Рукопись (7 л.).

Итоги трехлетних работ Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции АН СССР (совм. с Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, М.Г. Косменко). ТД. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. Машинопись (5 л.).

Этнокультурные общности предболгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. Вып. 1. Казань, 1971. Рукопись (34 л., 32 л.), рисунок (1).

Этнические общности предболгарского времени Нижнего Прикамья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. 1971. Рукопись (11 л.).

Некоторые итоги и задачи исследования памятников предбулгарского времени Среднего Поволжья // ТД II научной конференции молодых ученых. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. Машинопись (4 л.), рукопись (7 л.).

Ед. хр. 275. Итоги работ Татарского отряда Нижнекамской экспедиции в 1971 г. // (совм. с Р.Н. Багаутдиновым, Р.С. Габяшевым, А.М. Захаровым и др.) // АО–1971. М.: Наука, 1972. Рукопись (4 л.), машинопись (3 л.). Вариант статьи.

Итоги работ Татарского отряда Нижнекамской экспедиции в 1971 г. // (совм. с Р.Н. Багаутдиновым, Р.С. Габяшевым, А.М. Захаровым и др.) // АО–1971. М.: Наука, 1972. Машинопись (3 л.). Вариант статьи.

Археологические поиски в зоне Куйбышевского водохранилища (совм. с М.Г. Косменко, А.Х. Халиковым) // АО–1971. М.: Наука, 1972. Машинопись (4 л. – 4 экз.). Окончательный вариант опубликован под названием «Работы в зоне Куйбышевского водохранилища».

Кумысские стоянка и могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М.: Знание, 1972. Рукопись (8 л.).

Игимский могильник (совм. с Е.П. Казаковым, Р.С. Габяшевым) // СА. 1973. № 1. Машинопись (8 л.), фототаблица (1).

Итоги раскопок пьяноборских могильников у села Деуково Мензелинского района Татарии // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции (совм. с Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым) М.: Знание, 1972. Рукопись (32 л.). Опубликовано под другим названием.

II Деуковский могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции (совм. с Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым) М.: Знание, 1972. Машинопись (9 л.).

Пьяноборские памятники у села Деуково Мензелинского района // Отчеты Нижне-

камской археологической экспедиции (совм. с Е.П. Казаковым). М.: Знание, 1972. Машинопись (10 л.), рукопись (3 л., 7 л.). Вариант статьи.

Изучение памятников середины I тыс. н.э. Нижнего Прикамья в 1972 г. или Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // АО–1972. М.: Наука, 1973. Рукопись (4 л. – 2 экз.).

Новые памятники предбулгарского времени и их место в материальной культуре древнего населения Нижнего Прикамья // ТД итоговой научной сессии за 1972 г. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1973. Машинопись (2 л. – 2 экз.), рукопись (6 л., 4 л.).

Новые пьяноборские памятники Нижнего Прикамья (совм. с Е.П. Казаковым). Рукопись (10 л.).

Ед. хр. 276. Первое Поволжское археолого–этнографическое совещание (совм. с А.Х. Халиковым, Р.К. Уразмановой) // ТД. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, ВООПИК, 1974. Машинопись (9 л. – 2 экз.), рукопись (17 л.).

Из опыта работ на водохранилищах Волжско-Камского каскада // (совм. с Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым) // ТД. Там же. 1974. Машинопись (2 л.).

Ед. хр. 276. Изучение памятников предбулгарского времени в Нижнем Прикамье в 1973–1974 гг. // Там же. Машинопись (2 л. – 2 экз.), рукопись (3 л.).

Ответ А.П. Смирнову / А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, А.Г. Петренко // СА. 1974. №1. Машинопись (6 л. – 2 экз.).

Загадки «Широкой горы». Опубликовано под названием «Тайна широкой горы» // Сов. Татария. 1974. 27.07, № 175. Машинопись (3 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 277. Разведка в лесной зоне реки Большой Кокшаги летом 1974 года (совм. с В.В. Никитиным) // АО–1974. М.: Наука, 1975. Рукопись (4 л.).

Изучение азелинских могильников в Нижнем Прикамье // АО–1974. М.: Наука, 1975. Машинопись (2 л.), рукопись (2 л., 4 л.).

О некоторых особенностях азелинских могильников Нижней Камы // Новейшие открытия советских археологов. ТД. Ч. 3. Киев, 1975. Рукопись (4 л.).

Доклад «Некоторые особенности азелинских могильников Нижней Камы». 1975 г. Рукопись (3 л.), карта (1).

Еще одно погребение с остатками кремации. Опубликовано под названием «Погребение с остатками кремации в низовьях Камы»

// СА. 1975. № 2. Машинопись (13 л.); иллюстрации к статье: фото (2), чертеж (1).

Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища (совм. с Р.С. Габяшевым, Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым, Т.А. Хлебниковой) // Из археологии Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. Машинопись (14 л.), корректура (39 л.), фото (2).

Работы казанских археологов на водохранилищах Волго-Камского каскада // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. Машинопись (9 л.), рукопись (2 л.).

Раскопки могильника «Старый Чекмак» (совм. с Р.С. Габяшевым, Р.М. Фаттаховым). АО–1976. М.: Наука, 1977. Машинопись (3 л. – 2 экз.).

Работы на памятниках предбулгарского времени (совм. с Р.С. Габяшевым) // АО–1976. М.: Наука, 1977. Машинопись (3 л.), рукопись (5 л.).

О роли А.П. Смирнова в изучении истории финно-угорских народов Поволжья (совм. с Г.А. Архиповым) // Древности Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. Рукопись (10 л.), машинопись (3 л.).

Работы на Троицко-Урайском I городище летом 1973 года // Древности Волго-Камья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1977. Машинопись (15 л.), рукопись (14 л.). Иллюстрации к статье: фото (6), рисунки находок (2), фотонегатив (1); тетрадь с рисунками керамики.

Ед. хр. 278, 279. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Вып. II. Каталог памятников (совм. с В.В. Никитиным). Йошкар-Ола: МарНИИ, ВООПИК, 1978. Машинопись (200 л.); рукопись (208 л.).

Ед. хр. 280. Погребение литейщицы из V Рождественского могильника (совм. с С.В. Кузьминых) // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. Машинопись (9 л.), рукопись (15 л.). Материалы к статье: выписки по теме: рукопись (34 л.), рисунки (5), черновики к статье (32 л.); данные спектрального анализа (С.В. Кузьминых). Рукопись (2 л.).

Погребения азелинских женщин литейщиц и их кузнецов // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. Рукопись (3 л.).

Итоги раскопок Меллятамакского могильника осенью 1971 года // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. Машинопись (5 л.), руко-

пись (7 л.). Материалы к статье: выписки по теме: рукопись (34 л.), рисунки (5), черновики к статье (32 л.). Данные спектрального анализа (С.В. Кузьминых). Рукопись (2 л.).

Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. Черновики текста. Машинопись (15 л.), фототаблицы (2), рисунки находок (7), таблицы (3), иллюстрации к статье (6).

Жилища эпохи бронзы второй Дубово-гривской стоянки (совм. с Р.С. Габяшевым) // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978. Рукопись (80 л.). Иллюстрации к статье: рисунки (20).

Работы в Нижнем Прикамье (совм. с Р.С. Габяшевым, Г.Т. Юсуповой) // АО–1977. М.: Наука, 1978. Рукопись (2 л.).

Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1978. Рисунки (1).

Работы на Рождественском комплексе (совм. с Р.С. Габяшевым) // АО–1978. М.: Наука, 1979. Рукопись (3 л.).

Ед. хр. 281. Об этнокультурных компонентах азелинской культуры // Вопросы финно-угроведения: ТД на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1979. Рукопись (7 л.), машинопись (1 л. – 4 экз.).

Работы в низовьях р. Камы // АО–1979. М.: Наука, 1980. Машинопись (3 л.).

Исследования на памятниках именьковской культуры в Татарии // АО–1980. М.: Наука, 1981. Рукопись (3 л.), машинопись (2 л.).

Железообработка у племен именьковской культуры (совм. с Л.С. Хомутовой) // СА. 1981. №3. Оттиск (10 л. – 2 экз.), металлографический анализ топоров (Л.С. Хомутова). Рукопись (1 л.).

Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы (совм. с Р.Н. Багаудиновым) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. Рукопись (40 л.), машинопись (36 л.). Иллюстрации к статье: чертежи (3), рисунки (17), текст. Машинопись (19 л. – 2 экз.).

Гремячкинский могильник // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. Машинопись (5 л. – 2 экз., 17 л.), иллюстрации к статье (10), фото (5).

Об интерпретации некоторых проблем ремесел у племен азелинской культуры //

Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. Машинопись (1 л. – 4 экз.), рукопись (2 л.).

Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья // Плиска-Преслав: прабългарската култура: (Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976). София: Изд-во БАН, 1981. Машинопись (3 л.), рукопись (22 л.). Черновик статьи в рукописном варианте (10 л.).

Ед. хр. 282. Археологическая карта Татарской АССР. (АК) Т. I. Предкамье. М.: Наука, 1981.

Материалы к АК. Историко-археологический очерк. Рукопись (56 л., 11 л.).

Материалы к I т. Список памятников и литературы. 1981. Рукопись (52 л.), машинопись (51 л.).

Ед. хр. 283. Материалы к I т. 1-й вариант. 1981. Рукопись, машинопись (239 л.)

Ед. хр. 284. Материалы к I т. 1981. Машинопись, рукопись (216 л.).

Ед. хр. 285. Рукопись текста (63 л.), рисунки (21), карточки по памятникам (69), описание памятников. Рукопись (26 л.). Иллюстрации к I т.: таблицы (3), карты (10), планы (12), иллюстрации (15), фото (1).

Ед. хр. 286. Материалы к карте: карточки с описанием памятников (177), чертежи (11), рисунки (8), список рисунков к I т. (5 л.), список таблиц (3 л.).

Ед. хр. 287. Раскопки именьковских могильников // АО–1981. М.: Наука, 1983. Рукопись (3 л.).

Коминтерновский «Курган» // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. Машинопись (10 л.), рукопись (12 л.). Материалы к статье: рисунки (3), черновики рукописи (13 л.). Находки средневековья с поселения «Курган». Рукопись (27 л.).

Богородицкий могильник // СА. 1983. №1. Рукопись (21 л.), иллюстрации к статье: рисунки (16), фототаблица, фото (4).

Исследование памятников середины I тыс. н.э. в Татарии // АО–1982. М.: Наука, 1984. Рукопись (3 л.), машинопись (2 л.), таблица.

О погребениях с остатками коня V Рождественского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. Рукопись (25 л.).

Исследования IV Маклашеевского могильника // АО–1983. М.: Наука, 1985. Машинопись (2 л.), рукопись (3 л.).

Финно-угры Нижней Камы в середине I тыс.н.э. // VI Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. Рукопись, машинопись (2 л.).

Финно-угры Нижнего Прикамья в начале нашей эры. Машинопись (2 л.), на англ. яз. Рукопись (4 л.).

Ед. хр. 288. Археологическая карта Татарской АССР. Т. II. Предволжье. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1985.

Материалы к карте: список памятников. Рукопись (6 л.), описание памятников. Рукопись (28 л.), рисунки (11), планы (2), черновики в рукописном виде (15 л.), аннотация к изданию (1 л.). Иллюстрации ко II т.: рисунки (37), рисунок-таблица, фото (1), карточки (2).

Ед. хр. 289. Археологическая карта. Т. III. Западное Закамье. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986.

Материалы к карте: список именковских памятников Куйбышевского района ТАССР и их описание. Рукопись, машинопись (60 л.), список памятников Куйбышевского района ТАССР. Рукопись (11 л.); алфавитный указатель памятников. Машинопись (12 л.), рукопись (10 л.). Фото керамики с Алексеевского селища (1), черновики рукописи (8 л.), машинопись (14 л.), рисунки (7), карта (1), черновики по болгарским памятникам. Рукопись (43 л.), фото (33), карточки (9), рисунки (6), черновики. Рукопись (2 л.).

Ед. хр. 290. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: 1986. Машинопись (21 л. – 2 экз.), рукопись (28 л.). Иллюстрации к статье: рисунки (29), фото (3).

Изучение памятников раннего средневековья в Татарии или Работы Предболгарской экспедиции // АО–1985. М.: Наука, 1987. Машинопись (2 л. – 3 экз.).

Предболгарские памятники на территории городища // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. Машинопись (23 л.), рукопись (52 л.). Материалы к статье: план городища Болгар (1), рисунки (2), черновики рукописи (6 л.), карточки (5), иллюстрация: находки именковской керамики с урочища Бабий Бугор.

Ед. хр. 291. Археологическая карта. Т. IV. Центральное Закамье. Казань, 1988.

Материалы к карте: рукопись текста. Машинопись (59 л.), описания памятников. Рукопись (58 л.), описания на карточках (15), список памятников (4 л.), рисунки керамики (5), фототаблица Джукетау (2). Иллюстрации к работе: рисунки находок (5).

Ед. хр. 292. Сабля с рунической надписью из села Именьково Казанской губернии // Истоки татарского литературного языка. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. Машинопись (11 л.), рисунки (4), надпись на древней сабле. Машинопись (6 л.). Об одной интересной находке. Рукопись (6 л.). Вариант.

Именьковская культура и волжские болгары // ТД. Ранние болгары в Восточной Европе: науч. конф., посвящ. 100-летию Н.Ф. Калинина. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. Машинопись (1 л.). Материалы к статье: рукопись текста (10 л.).

Ред.: Памятники первобытной эпохи в Волго–Камье. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. Машинопись (79 л.).

Ед. хр. 292. Новые находки у Подлесной Шенталы // Формы взаимодействия татарского и русского языков на современном этапе. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР: 1988, 1992? Рукопись (5 л.).

Ед. хр. 293. Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Т. V. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990.

Материалы к карте: Текст. Рукопись (128 л.), черновики (26 л.), описания памятников (68 л.), описания памятников на карточках (9 л.).

Ед. хр. 294. Археологические памятники Восточного Закамья. Т. VI. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. Текст. Рукопись (200 л.).

Ед. хр. 295. Текст. Рукопись (343 л.).

Ед. хр. 296. Текст. Рукопись (154 л.), карта; алфавитный указатель памятников. Машинопись (28 л.), список памятников по культурной принадлежности. Рукопись (10 л.).

Ед. хр. 297. Археологические памятники Восточного Закамья. Т. VI. Историко–археологический очерк (12 л.).

Археологическая карта. Общие материалы по всем томам: описание памятников и находок к АК 1964–1967 гг. (148 л.), карточки с описаниями памятников (447), карточки по археологическим памятникам (107), рисунки (23), чертежи (планы) (54), фото (5), сообщения о находках (16), черновики с описанием памятников (94 л.), карточки с описаниями (32), рисунки (5). Список городецких памятников, список именковских памятников, список памятников энеолита и бронзы; отзыв А.Х. Пшеничнюка на Археологическую карту. Машинопись (2 л.), замечания А.Х. Халикова на Археологическую карту. Рукопись (13 л.), таблица по городищам, перечень достоприме-

чательных природных объектов (3 л.), карта (фото), рисунки (45), описания на карточках (38), фото (3).

Ед. хр. 298. Памяти Александры Михайловны Ефимовой // СА. 1991. № 2. Машинопись (3 л. – 2 экз.).

Болгарское поселение в урочище «Чакма» (совм. с Е.П. Казаковым) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. Рукопись (27 л.).

Новый могильник срубной культуры в устье Камы (совм. с Е.П. Казаковым, Г.Т. Обыденновой) // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа: Изд-во БГУ, 1992. Машинопись (7 л.). Опубликовано под названием «Срубные погребения “Девичьего городка”».

Маклашеевский V могильник (совм. с А.А. Чижевским) // Археологические памятники Волго-Камского каскада. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. Машинопись (127 л.).

Ед. хр. 299. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. Рукопись (32 л.), машинопись (70 л.).

О ранних болгарских поселениях у Малого Иерусалимского оврага Болгарского городища. 1993. Рукопись (23 л.).

О турбаслинском компоненте в именьковской культуре // ТД краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура. Казань: ГОМ РТ, 1993. Рукопись (19 л.), машинопись (2 л.).

Маклашеевский могильник V (раскопки 1993 г.) // Древние памятники приустьевое Закамья: Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры РТ. Казань: КГУ, 1993. Машинопись (5 л.).

Маклашеевский могильник V (совм. с А.А. Чижевским). Рукопись (71 л.), черновики рукописи (45 л.).

О погребальном обряде Маклашеевского могильника в Закамской Татарии (совм. с А.А. Чижевским). 1993. Рукопись (4 л.), машинопись (4 л.).

Ед. хр. 300. Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993. Машинопись (60 л.).

Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Сб. статей. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1994. Машинопись (19 л.), рукопись (13 л.).

«Колабши», «Бишектау», «Ташкирмень». 1994. Черновик. Рукопись (11 л.).

Памяти А.Х. Халикова // ФУ. 1994. № 1. Рукопись (14 л.), машинопись (3 л.).

А.Х. Халиков и его труды. 15.01.1994. Машинопись (26 л.).

Материалы о А.Х. Халикове. 1994. Машинопись (2 л.).

О новых ранних поселениях болгар на Волге или Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Город Болгар и его округа. ТД. 1994. Машинопись (2 л. – 2 экз.), рукопись (4 л.).

О поздних болгарских поселениях на Нижней Каме (Заказанье) // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань: Изд-во «Заман», 1995. Рукопись (4 л.), машинопись (2 л.).

Финно-угры Нижнего Прикамья в начале нашей эры. ТД // Узловые проблемы современного финноугроведения: Материалы I Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. Машинопись (3 л.), рукопись (5 л.).

Михаил Георгиевич Худяков // Там же, 1995. Рукопись (3 л.), машинопись (1 л.).

Ед. хр. 301. Именьковцы, кто они? // Древние народы и города Поволжья. Пенза: ПГПУ, 1995. Рукопись (35 л.).

Роль Н.Ф. Калинина в изучении археологических памятников Заказанья // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань: Изд-во «Заман», 1995. Рукопись (13 л.), машинопись (6 л.).

Исследования на разрушающихся памятниках в Татарстане // АО–1994. М.: ИА РАН, 1995. Машинопись (12 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 302. Племена именьковской культуры и население Прикамья и Приуралья. // ТД. XIII Уральское археологическое совещание. Уфа: Вост. Ун-т, 1996. Рукопись (4 л.), машинопись (2 л.).

Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1996. Материалы к работе: текст. Машинопись (19 л.), иллюстрации (95), фото (3), рисунок (1).

О памятниках эпохи бронзы в Заказанье // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья. ТНК. Казань: ИЦАИ, 1996. Рукопись (7 л.), машинопись (2 л. – 2 экз.).

Ед. хр. 303. Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в I тыс. н.э. // ФУ. 1997. № 1. Рукопись (13 л.).

Елабужское Прикамье в середине I тыс. н.э. // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических

памятников. Елабуга: ЕГИАХМЗ, 1997. Рукопись (1 л.), машинопись (2 л. – 3 экз.).

Елабужский край в середине I тыс. н.э. // Там же, 1997. Машинопись (2 л. – 3 экз.).

Исследования ранних напластований Булгарского городища // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. ТМК. Казань – М., 1997. Машинопись (2 л. – 2 экз.), рукопись (4 л.).

На заре истории Нижнего Прикамья // История Лаишевского края. План–проспект. 1997. Машинопись (7 л.), рукопись (45 л.).

Загадки именьковского «Кургана» // История Лаишевского края. 1997. Рукопись (8 л.), машинопись (6 л.); Тайны именьковского кургана. Машинопись с правками (23 л.). Материалы к статье: Рукопись (46 л.).

Именьковцы и болгары // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Казань: ИИ АНТ, 1997. Машинопись (2 л.).

Роль А.Х. Халикова в сохранении и использовании памятников истории и культуры // Древняя Алабуга: проблемы изучения, сохранения и музеефикации археологических памятников. Елабуга: ЕГИАХМЗ, 1997. Рукопись (10 л.).

Археология // ТЭ. 1997. Машинопись (35 л.).

Ед. хр. 304. Об особенностях именьковских памятников низовой р. Камы // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. ТНК. Болгар: БГИАЗ, 1998. Рукопись (3 л.).

О времени возникновения ранних поселений болгар на Средней Волге // Проблемы хронологии волжских болгар: ТНК. Казань: НЦАИ, 1998. Рукопись (3 л. – 2 экз.), машинопись (2 л.).

Итоги и задачи исследования Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. ТНК. Болгар: БГИАЗ, 1998. Машинопись (8 л.), рукопись (15 л.).

К 70-летию Т.А. Хлебниковой // Там же. 1998. Рукопись (9 л.).

К 110-летию Н.Ф. Калинина // ТА. 1998. № 2(3). Рукопись (15 л.).

Ед. хр. 305. Нижнее Прикамье и северные соседи в середине I тыс. н.э. (проблемы взаимовлияний) // Европейский север в культурно-историческом процессе. Киров: КОКМ, 1999. Рукопись (2 л.), машинопись (4 л.).

О нижней дате городов Биляра и Болгара // Международные связи, торговые пути... ММС. Казань, 1999. Рукопись (6 л.).

Смолин В.Ф. // Энциклопедический словарь. Казань: Ин-т татар. энциклопедии АН РТ, 1999 (3 л.). Ксерокопия статьи Лукина.

Смолин В.Ф. // Там же, 1999. Рукопись (11 л.).

А.П. Смирнов и Татарстан // Болгар и проблема изучения древностей Урало–Поволжья: 100-летие А.П. Смирнова. ТНК. Болгар, 1999. Рукопись (16 л.). Материалы об А.П. Смирнове. 1999. Рукопись (1 л.).

О раннем Булгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы Волго-Камья: Сб. тезисов и докладов. М.: ГИМ, 1999. Рукопись (20 л.).

Основные вехи творческого пути А.Х. Халикова (совм. с С.В. Кузьминых, Ф.Ш. Хузиным) // Проблемы первобытной и средневековой археологии: ТД Первых Халиковских чтений. Казань: ИИ АНТ, ИИ РАН, КСНД, 1999. Машинопись (9 л.), рукопись (17 л.).

Халиков А.Х. и его труды. Машинопись (20 л.).

Альфред Хасанович Халиков // Библиография ученых Татарстана. Очерк жизни и научной деятельности. 1999. Рукопись (5 л.), машинопись (46 л.).

А.Х. Халиков // ТА. 1999. № 1–2 (4–5). Рукопись (33 л.), машинопись (2 л. – 2 экз.).

Халиков А.Х. и его роль в финно-угроведении // FU. 1999. № 1 (3). Рукопись (14 л.).

А.Х. Халиков и проблемы археологии Среднего Поволжья и Приуралья. Рукопись (12 л.).

А.Х. Халиков (реферат). 1999. Рукопись (3 л.), машинопись (7 л.).

А.Х. Халиков и проблемы именьковской культуры // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань: Мастер Лайн, 1999. Рукопись (27 л.), машинопись (15 л.).

Трудные пути поисков и открытий (Всегда в поисках) // Институт языка, литературы и искусства. 60 лет. 1999. Рукопись (12 л.).

Николай Филиппович Калинин (к 110-летию со дня рождения). 1999/2002. Машинопись (4 л.), рукопись (3 л.).

Ед. хр. 306. Елабужский край в эпоху первобытности // Древняя Алабуга. Елабуга: Мастер Лайн, 1999/2000. Рукопись (137 л.), машинопись (46 л.); список иллюстраций к статье. Рукопись (12 л.), ксерокопии рисунков (12).

Казанский период жизни и научной деятельности В.Ф. Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы

XXI вв. Ижевск, 2000. Рукопись (23 л.), машинопись (2 л.).

Второй казанский период в жизни В.Ф. Генинга. 2000. Рукопись (14 л.).

Н.Ф. Калинин и В.Ф. Генинг. 2000. Рукопись (3 л.).

Цветная металлургия населения азелинской культуры // Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветных металлов у народов Поволжья в средние века / Тезисы Рос. науч. конф. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. Рукопись (30 л.), карты (4). Иллюстрации к статье: фото (4), рисунок.

Ед. хр. 307. Именьковская культура и ее окружение // ТД Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2001. Машинопись (3 л.), рукопись (22 л.).

Зулейха Асфандиаровна Акчурина // Страницы биографий. Краеведческие среды. Казань: ГОМ РТ, 2001. Рукопись (6 л.).

Итоги исследований у юго-восточной полубашни Казанского Кремля в 2000 году. 2001. Машинопись (8 л.).

Именьковская культура // Очерки по археологии Татарстана. Казань, 2001. Машинопись (38 л.), рукопись (51 л.).

Азелинская культура // Очерки по археологии Татарстана. Казань, 2001. Рукопись (20 л.), машинопись (7 л.). Иллюстрации: ксерокопии рисунков (44), карты (4).

Ред.: Очерки по археологии Татарстана. Казань, 2001. Машинопись (34 л., 95 л., 56 л.). Статьи М.Ш. Галимовой, Р.С. Габяшева, Е.П. Казакова.

Памяти Тамары Александровны Хлебниковой // ТА. 2001. № 1–2 (8–9). Машинопись (1 л.), рукопись (5 л.).

Вспоминая Виктора Федоровича Смолина // XV Уральск. археол. сов. ТД. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. Машинопись (20 л.), рукопись (17 л.).

Ед. хр. 308. Ред.: Город Болгар. Т. 3. 2001. Машинопись (280 л.). Рисунки-чертежи (5).

Ед. хр. 309. Нармонский могильник. Казань: РИЦ «Школа», 2002.

Материалы к работе: таблицы (13), черновик рукописи (23 л.), рукопись работы 2001/2002 (38 л.), 2-й экз. Машинопись (23 л.). Текст первого варианта рукописи «Исследования Нармонского могильника в Лаишевском районе Татарии в 1974 году». 1975/2002. Машинопись (18 л.). Варианты работы 2001/2002. Рукопись (15 л.), машинопись (25 л., 25 л., 77 л., 45 л.). Иллюстрации:

(16), (73), ксерокопии рисунков (51), рисунок пояса с халцедоновыми дисками, план могильника, рисунки (с. 12–22), карточки с описанием и рисунками (16), рисунки находок – ксерокопии (2), статистические таблицы (12), фото (8), чертежи – ксерокопии (8), рисунки находок (3).

Ед. хр. 310. О топографии могильников именьковской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. Машинопись (4 л.), рукопись (9 л.). Иллюстрации (25).

Топография древних поселений на Нижней Каме в связи с особенностями хозяйства. Рукопись (2 л.).

Итоги исследований у северо-восточной башни Казанского Кремля (раскоп 36) в 2001 году. 2002. Машинопись (3 л.).

Николай Филиппович Калинин // (совм. с А.Г. Ситдиковым). Казань: КГУ, 2002. Рукопись (21 л. – 3 варианта), машинопись (8 л.). Черновики. Рукопись (46 л.). Материалы к статье: выписки из архива Каз. ун-та. Рукопись (2 л.).

Ед. хр. 311. Материалы для Татарской Энциклопедии. 2002. Машинопись (169 л.). Статьи для энциклопедии: Городецкая культура. Рукопись (2 л.), материалы для Татарской Энциклопедии. Т. 1. 2002. Машинопись (67 л.), рукопись (63 л.).

Ед. хр. 312. В.Ф. Смолин (к 110 годовщине со дня рождения) // Казань, 2003. Машинопись (9 л. – 4 экз.), рукопись (21 л.). Материалы к статье: В.Ф. Смолин – программа по археологии. Рукопись (12 л.).

Вспоминая Отто Николаевича // Межд. (XVI Уральское) археологическое совещание. ММНК. Пермь, 2003. Машинопись (4 л.), рукопись (7 л.).

О.Н. Бадер и Татарстан. Рукопись (6 л.). Несколько слов об А.М. Ефимовой // Краеведческие чтения и среды. Казань: НМРТ, 2003. Рукопись (2 л.).

Об итогах и проблемах развития археологической науки Татарстана // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе // Древности. Вып. 36. М. – Казань: ТГГИ, 2003. Машинопись (10 л.), рукопись (25 л.).

Ед. хр. 313. Труденик науки // Казаков Е.П. / Сб. материалов. Казань. 2004. Машинопись (3 л.), рукопись (25 л., 7 л.).

Роль А.Х. Халикова в изучении памятников археологии в зонах водохранилищ // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы 3-х Халиковских чтений.

Казань – Болгары. 2004. Рукопись (14 л., 16 л., 19 л.).

Памяти Т.А. Хлебниковой // Восток–Запад. Диалог культур Евразии. 2004. Рукопись (7 л.).

Памяти В.Н. Маркова (совм. с С.В. Кузьминых, Б.С. Соловьевым, А.А. Чижевским) // ФУ. 2005. № 2. Рукопись (10 л.).

Ед. хр. 314. Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. Казань, 2007. Материалы к Своду: таблицы (24 л.), карты (16), описания памятников по районам (10 л.), рукопись текста (137 л.).

Роль А.Х. Халикова в организации и проведении Марийской археологической экспедиции // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола, 2007. Рукопись (32 л.).

Ед. хр. 315. Мазунинская культура // Татарская энциклопедия. 2008. Рукопись (10 л.), рисунок.

Альфред Хасанович Халиков: очерк жизни и научной деятельности // Альфред Хасанович Халиков: ученый, учитель (к 80-летию со дня рождения). Казань, 2009. Машинопись (7 л.).

Ед. хр. 316. Рождественский V могильник. Казань: ИИ АН РТ, 2009.

Т. 1. Материалы обсуждения работы (10 л.); дневник с описанием азелинских погребений (87 л.); иллюстрации (119), фото (8); черновики текста. Рукопись (50 л.).

Т. 2. Материалы к работе: таблицы (39), описание предметов (10 л.), черновики (6), черновики ко 2-й главе (40 л.), к 3-й главе (127 л.). Иллюстрации: карты (2), рисунки находок (4), планы погребений (2).

Т. 3 Материалы к работе: рисунки на карточках (79), рисунки бус на карточках (130), фото (1).

Т. 4. Ксерокопия книги по Рождественскому могильнику (22 л.). Типография; фото, таблицы-иллюстрации (12), рисунки в цвете (3), рисунки находок (4), план могильника, таблицы по формам венчиков (2), черновики текста. Рукопись (102 л.).

Т. 5. Черновики текста. Машинопись (181 л.), рисунки (3).

Т. 6. Глава «Мусульманские погребения». Рукопись (60 л.). Глава 3. Хронология, датировка, культурная принадлежность и место азелинских погребений... Рукопись (87 л.). Пробы шлема и котла с V Рождественского и Усть-Брыскинского могильников (С.В. Кузьминых). Рукопись (3 л.).

Т. 7. Иллюстрации к работе (136), рисунок погребения № 266, текст рукописи (5 л.).

5. Оттиски статьей П.Н. Старостина

Ед. хр. 317. Памятники ананьинской культуры на реке Вятке // ? (С. 25–32). Типография.

Балымерский «Шелом» – городище // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1965 (С. 59–68). Типография.

К истории животноводства и охоты племен именьковской культуры (совм. с А.Г. Петренко) // Сборник аспирантских работ Казанского гос. ун-та. Казань: КГУ, 1966 (С. 101–114). Типография.

Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме // СА. 1968. № 1 (С. 251–255). Типография.

Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения (совм. с В.Н. Сидоровым) // СА. 1970 № 4 (С. 233–237) – 2 экз. Типография.

Остатки древних погребений в г. Уржуме (совм. с Н.Н. Арбузовой) // Новые страницы в истории Марийского края (Тр. МарНИИ. Вып. 23). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971. (С. 255–259). Типография.

Древние погребения в городе Уржуме. 1971. Рукопись (13 л.).

Деуковский II могильник (совм. с Е.П. Казаковым, А.Х. Халиковым) // Отчеты Нижнекамской археол. экспедиции. Вып. 1. М.: Знание, 1972. Машинопись (8 л.).

Игимский могильник (совм. с Е.П. Казаковым, Р.С. Габяшевым) // СА. 1973. № 1 (С. 260–264) – 2 экз. Типография.

Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А.П. Смирнова) (совм. с А.Х. Халиковым, Е.А. Халиковой, А.Г. Петренко) // СА. 1974. № 1 (С. 265–272). Типография.

Погребение с остатками кремации в низовьях Камы // СА. 1975. № 2 (С. 266–268). Типография.

Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание (совместно с Р.К. Уразмановой) // СЭ. 1975. № 4 (С. 145–148). Типография.

I Поволжское археолого-этнографическое совещание (совм. с Р.К. Уразмановой) // СА. 1976. № 3 (С. 355–357) – 11 экз. Типография.

Погребение литейщицы из Пятого Рождественского могильника (совм. с С.В. Кузьминых) // Вопросы древней и сред-

невековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978 (С. 168–172). Типография.

Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья // Плиска – Преслав. Т. 2. София, 1981 (С. 82–91). Типография.

Железообработка у племен именьковской культуры (совм. с Л.С. Хомутовой) // СА. 1981. № 3 (С. 208–217). Типография.

Богородицкий могильник // СА. 1983. № 1 (С. 193–203) – 5 экз. Типография.

Новые находки у Подлесной Шенталы // Формы взаимодействия татарского и русского языков на современном этапе. Казань, 1992 (С. 95–99). Типография.

6. Статьи П.Н. Старостина в периодической печати

Ед. хр. 318. Что «рассказал» могильник // Сельские огни, №128 от 26.10.1976.

Гремячинские находки // Советская Татария от 17.09.1976.

Загадки Девичьего городка // Советская Татария от 22.02.1979.

Отгиск статьи: А.П. Смирнов. О культурных связях Прибалтики со Средним Поволжьем и Приуральем в эпоху древности и средневековья // Studia archaeo. In memoriam Harri Moora. Tallin, 1970. Подарен автором П.Н. Старостину.

Простите нас, курганы // Республика Татарстан от 25.01.1996.

Загадки исчезнувшего «кургана» (б/д)

Находки у Нармонки (б/д)

Загадки сломанных мечей (б/д)

Что зовет нас в дорогу? (б/д)

7. Материалы неопубликованных и неопределенных работ

Ед. хр. 319. Исследование памятников пьяноборского и предболгарского времени в 1968–1971 гг. (б/д). Рукопись (22 л.).

Исследование памятников пьяноборского и предболгарского времени в 1972–1979 гг. Болгары (б/д). Рукопись (10 л.).

Хозяйство населения и эволюция экологической ситуации Нижнего Прикамья. ТД для конференции по экологии.

Камни не всегда молчат. Рукопись (11 л.).

Могильник именьковской культуры. ТД (б/д). Машинопись (2 л.), рукопись (3 л.), иллюстрации к тезисам (2 л.).

Новый памятник с обрядом кремации на Нижней Каме. ТД (б/д). Машинопись (4 л.), рукопись (4 л.).

Новые памятники предболгарского времени в Нижнем Прикамье. Рукопись (41 л.).

Об археологическом наследии Татарстана. Рукопись (3 л.), машинопись (2 л.).

Об эволюции экологической ситуации на Нижней Каме в голоцене: антропогенные влияния. Машинопись (2 л.).

О памятниках III–VII вв. н.э. на Нижней Каме (б/д). Рукопись (18 л.).

Памятники эпохи энеолита и бронзы. Машинопись (6 л.).

Ед. хр. 320. Археологическая карта по водохранилищу. Рукопись (130 л.), машинопись (55 л.). Материалы к карте: рисунки (14), фото (1), списки памятников. Рукопись (9 л.), машинопись (7 л.), карты (4), рисунки (24), фото (4).

Ед. хр. 321. Археология Среднего Поволжья и Приуралья (6-томник).

Т. 1. Материалы к работе: краткая схема работы, письмо А.Х. Халикова в Башкирский ун-т по поводу привлечения сотрудников для работы над темой.

Письмо Миркина Б.М. (проректора по научной работе Баш. гос. ун-та) А.Х. Халикову по поводу выписки из тематического плана института от 7.12.1982; информационное письмо о заседании Урало-Поволжского координационного Совета от 3–6.02.1982; представление А.Х. Халикова в дирекцию ИЯЛИ о проведении заседания совета по координации в области Археологии Среднего Поволжья и Приуралья; письмо Я.Г. Абдуллина директору ИЯЛИ Коми филиала АН СССР Рочеву Н.Н. о привлечении сотрудников по работе над темой; письмо А.Х. Халикова ректору Башк. педагог. ин-та Кузееву Р.Г. о привлечении Горбунова В.С. к работе над темой; письмо А.Х. Халикова директору НИИ при Сов. Мин. Удмуртской АССР Куликову К.И. с просьбой провести в 1987 г. полевой семинар по теме работы. 1986; программа координационного совещания по коллективной работе над многотомной «Археологией Среднего Поволжья»; письма А.Х. Халикова Оборину В.А., Архипову Г.А., Ивановой М.Г. Пшеничнюку А.Х. о работе над разделами; протокол №1 совещания по многотомной археологии от 21.03.1986. Рукопись (18 л.).

Археологические работы послевоенного времени в Пермской области, Марийской и Татарской АССР. Машинопись (25 л.), рукопись (69 л.); письмо-приглашение на коорд. совещание по археологии Татарстана (список сотрудников); письма И.Б. Васильева

по поводу корд. Совета. 1990. Устав. (Урал, Поволжье, Западная Сибирь) 1990; повестка работы Урало-Поволжского Коорд. Совета от 27–29.11.1990; информационное письмо о создании регионального центра археологической информации. 1990; письмо от секретаря Урало-Повол. Коорд. Совета Н.В. Федоровой с просьбой информировать о вышедших публикациях. 1990; решение Урало-Поволжского Координационного Совета по активизации и координации исследований по ряду проблем от 28.11.1990.

Обсуждение 2 т. и плана-проспекта 3 т. от 23–26.02., рукопись-черновик. Оглавление к III т. Энеолит Среднего Поволжья от 25.08.1988.

Содержание тома. 1.06.1988, черновики (замечания) (4 л.). Обсуждение тома «Энеолит» от 24.02.1987. Рукопись (17 л.), протокол совещания проблемной группы «Археология Среднего Поволжья и Приуралья» по обсуждению тома «Энеолит» от 24–25.02.1987. Машинопись (5 л.), рукопись (5 л.).

Археология Среднего Поволжья и Приуралья в 3-х томах (1989–1990). Рукопись (5 л.); замечания к тому 1 (мезолит). Рукопись (38 л.), машинопись (10 л.).

Археология Среднего Поволжья и Приуралья. Т. II. Раннее железо. Рукопись (18 л.); план-проспект к 4 т. «Археологии Среднего Поволжья и Приуралья». Рукопись (26 л.). План-проспект к 5 т. «Археологии Среднего Поволжья и Приуралья». 1987. Машинопись (15 л.); протокол заседания сотрудников отдела археологии Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР от 5.04.1991.

Т. 2. Среднее Поволжье и Приуралье в эпоху камня. 1991. Машинопись (80 л.). 1–й вариант рукописи (палеолит). 1986. Машинопись, рукопись (129 л.).

Т. 3. Этнокультурная ситуация в эпоху финального плейстоцена-раннего голоцена в Среднем Поволжье. Машинопись (19 л.), список иллюстраций (7 л.), список литературы. Машинопись (47 л.). Отзыв Г. Архипова на том от 4.01.1988 (3 л.), отзыв И. Измайлова от 28.12.1987. Машинопись (2 л.).

Среднее Поволжье и Приуралье в эпоху камня (мезолит). Рукопись, машинопись (147 л.).

Т. 4. Среднее Поволжье и Приуралье в эпоху камня (неолит) Рукопись, машинопись (218 л.).

Т. 5. Материалы к историческим судьбам усть-камской культуры. Рукопись (4 л.);

Среднее Поволжье и Приуралье в эпоху камня (неолит). Текст. Рукопись (239 л.).

Т. 6. Вариант рукописи 1 тома. Машинопись, рукопись (127 л.); статьи для 1 тома: Стоколос В.С. Чужьяельская культура. Машинопись (12 л.); иллюстрации (3); Кузнецова Л.В. Палеолит Самарского края. Машинопись (50 л.); Семенов В.А. Палеолит крайнего европейского северо-востока (31 л.); иллюстрации (5); Мельничук А.Ф. Мезолит Пермского Приуралья. Машинопись (7 л.).

Ед. хр. 322. Неопределенные статьи (4 тома)

Ед. хр. 323. Неопределенные статьи (5 томов)

Ед. хр. 324. Статьи без названий (4 тома)

8. Отзывы П.Н. Старостина на кандидатские и докторские диссертации (по алфавиту)

Ед. хр. 325. Отзывы П.Н. Старостина на кандидатские диссертации (18 отзывов).

Ед. хр. 326. Отзывы П.Н. Старостина на докторские диссертации (9 отзывов).

9. Отзывы разные

Ед. хр. 327. Отзывы и рецензии П.Н. Старостина на рукописи статей и монографий (по алфавиту).

Ед. хр. 328. Отзывы на Археологическую карту.

Ед. хр. 329. Отзывы разные.

Ед. хр. 330. Отзывы на работы П.Н. Старостина.

10. Аннотации

Ед. хр. 331. Аннотации.

Итого: 331 ед. хр., из них 6 ед. хр. в 28 томах.

Ед. хр. 56а, 117а, 122а, 143а, 153а, 228а, 257а, 259а – литературные

ОПИСЬ 2. НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Опись 2 содержит материалы, связанные с научно-организационной деятельностью П.Н. Старостина: работой в Марийском республиканском краеведческом музее (1960 г.), в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР (1962–1996 гг.), в Институте истории АН РТ (1997–2012 гг.), в Казанском гос. педагогическом институте (1976–2006 гг.), где в 1988 г. П.Н. Старостин был зав. кафедрой истории СССР, с 1989 г. –

проректором по учебной работе, с 1990 г. – по воспитательной работе. Значительное место в фонде занимают материалы конференций, симпозиумов, полевых семинаров, итоговых конференций.

1. Работа в Марийском республиканском краеведческом музее (1960).

Ед. хр. 1. Черновики с записями о работе в музее. Рукопись (6 л.). Материалы к экспозиции для музея. 1960–1961. Рукопись (5 л.).

2. Деятельность в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР (1962–1996).

Ед. хр. 2. Т. 1. 1972–1980 гг. Индивидуальный план-отчет за 1972 г.; отчет с.н.с. за 1973–74 гг.; доклад «25 лет археологических исследований в зоне Куйбышевского водохранилища»; смета расходования средств на исследование в зоне строительства оросительного канала в Заинском районе ТАССР от 3.05.1976; общие сведения о памятниках, находящихся в зоне строительства Заинской оросительной системы. 1977. Машинопись (18 л.); план разведывательных археологических работ в зоне проектирования Заинской оросительной системы 1977; блокнот с записями. 1979; темы докладов. 1979; смета Предболгарской экспедиции на 1980 г.; доклад на президиуме КФАН СССР «Исследования казанских археологов в зоне новостроек» 27.06.1980 (33 л.).

1981–1989 гг. Предварительный отчет о результатах Предболгарской экспедиции 1981 г.; из опыта работ казанских археологов в зоне Куйбышевского водохранилища в 1981 г.; информация о состоянии археологических памятников в зоне Куйбышевского водохранилища на 1984 г. Рукопись (12 л.); отчет о работах предболгарской археологической экспедиции 1984 г.; отчет Галимовой М.Ш. об исследованиях на разрушающихся памятниках каменного века в зоне Куйбышевского водохранилища в 1981–1984 гг.; итоги работ Раннеболгарской археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР в 1981–1985 гг. (Казиков Е.П.). 1985; документы: акт приема работ по трудовому соглашению, трудовые соглашения; отчет о поездке в Финляндию за 1986 г.; инструкция о проведении археологических экспедиций 1987 (7 л.); правила внутреннего трудового распорядка для научных и научно-технических работников ИЯЛИ от 17.02.1987. Машинопись (6 л.); характеристики на сотрудников; юбилей ученых КФАН СССР и деятелей науки в 1989 г.

1990–1992 гг. О подготовке к научной конференции «Киев–Булгар». 1990; список публикаций за 1986–1990 гг.; отчет для переквалификации Измайлова И.Л. 1986–1990; характеристики на сотрудников. 1990 (15 л.); 1991 (23 л.); отчет Петренко А.Г. за 1986–1990 гг.; отчеты сотрудников за 1986–1991 гг. (12 л.); отчет по экспедициям 1990 г. от 19.03.1991 (13 л.); выписки из протоколов заседаний отдела археологии от 30.05.1991 (10 л.); о деятельности КНЦ АН СССР за 1990–1991 гг. (12 л.); тематика научных конференций на 1991–1995 гг.; темы научных исследований отдела на 1991 г.; план научно-исследовательских работ на 1991 г.; план заседаний на 1991 г.; заявки к плану изданий на 1991 г.; данные о сотрудниках на 1991 г.; представление в дирекцию о необходимости написания книги «Народы Татарстана». 1991; тематика сборников 1991–1995 гг.; заявка отдела к плану выпуска на 1992 г.

Т. 2. 1993 г. Краткий отчет о научно-исследовательской деятельности отдела археологии за 1993 год; представление о необходимости создания ОПИ в ИЯЛИ. 1993; письмо директора ИЯЛИ М. Закиева президенту АНТ Хасанову М.Х. о создании ОПИ. 1993; статья-аннотация по отделу археологии. 1993. Краткий отчет о научно-исследовательской деятельности отдела археологии за 1993 г.; отчет о научно-исследовательской работе по теме «Кемеш Болгар». 12.12.1993; график обсуждения готовых работ на 1993 г.; проблема исследования истории и культуры сибирских татар. 1993; порядок представления работ на соискание гос. премии РТ в области науки и техники от 14.10.1993.

1994 г. Проект программы развития исторической науки и образования татарского народа 31.03.1994; план работы отдела археологии на 1994 г.; краткий отчет отдела археологии за 1994 г.; письмо Президенту АН РТ Хасанову М.Х. по поводу библиотеки А.Х. Халикова от 13.09.1994; статья-аннотация по отделу археологии. 1994; о проблемах КНЦ после 1994 г.

1995 г. Список публикаций за 1992–1995 гг. 1995; о контактах с зарубежными и отечественными коллегами от 13.03.1995; представление в дирекцию о зарубежных контактах отдела от 13.03.1995; выписка из протокола заседания отдела об установлении мемориальной доски на здании М.Г. Худякову от 21.11.1995.

Положение о НЦАИ РТ. Рукопись (15 л.); постановление кабинета министров РТ

о порядке проведения археологических исследований в РТ; письмо от зам. д-ра ИЯЛИ в Мин-во культуры РФ Брагину В.И. с программой археологических работ, подготовленных НЦАИ (10 л.); проект постановления о порядке проведения археологических исследований в РТ; график обсуждения готовых работ отдела археологии на 1995 г.; инструкция об открытых листах на право проведения археологических раскопок, выдаваемых НЦАИ ИЯЛИ АНТ в 1995 г. Рукопись (12 л., 25 л.); представление в дирекцию об утверждении состава ОПИ; выписка из протокола заседания НЦАИ о рекомендации сотрудников в состав ОПИ; заявки по САМИЗДАТУ на 1995 г.; постановление Ученого Совета по докладу П.Н. Старостина «О перспективах развития археологических исследований в Татарстане»; экспедиции НЦАИ в 1995 г. Итоги. 1995; командировочные расходы отдела на 1995 г.; программа НИР Заказанской экспедиции по теме: Археологические раскопки в охранной зоне Иске-Казанского заповедника в 1995–2000 гг. от 20.01.1995; планы проведения экспедиций Губайдуллинским А.М. и Газимзяновым И.Р. 25.01.1995; черновик планов на 1995–2000 гг.

1996 г. Отчет по издательскому проекту; отчет (без начала) о деятельности НЦАИ в 1990-е г. Рукопись (11 л.); программа исследований памятников палеолита и мезолита на 1995–2000 гг.; программа изучения памятников в зонах водохранилищ на 1995–2000 гг.; план обследования памятников в 1996–2000 гг. 23.11.1995 (6 л.); смета на исследования в 1996 г.; планы работ экспедиций на 1996 г.; список опубликованных работ 1993–1996 гг.; выписка из протокола № 8 заседания НЦАИ о принятии проекта Устава Института от 22.10.1996; предварительные итоги археологических экспедиций НЦАИ в 1996 г.; заявка докладов на итоговую конференцию ИИ от 25.12.1996; Устав Института истории АН РТ. Машинопись (15 л.); квалификационные характеристики должностей научных сотрудников, зав. отделов, административного аппарата. Машинопись (33 л.); письмо главе администрации г. Казани К.Ш. Исхакову с просьбой обеспечить научно-исследовательскую группу по «Археологии Казанского Кремля» оргтехникой от 5.03.1996.

3. Деятельность в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (1997–2012).

Ед. кр. 3. Т. 1. 1997 г. Заявление об увольнении и переводе в ИИ; черновики рукописи о

структуре НЦАИ и планах на 1997 г.; отчет о деятельности археологов (17 л.); обоснование проблемы 1.14. Археологические памятники Татарстана и отдельных областей в догосударственное время; таблица по проектам НИР на 1999–2000 гг.; план научно-исследовательских работ ИИ АНТ на 1997 г.; перспективный план на 1997–2000 гг.; положение о конкурсном отборе научных проектов из фондов НИОКР от 17.05.97 (9 л.); смета расходов средств по теме «Разведочное обследование археологических памятников в зоне водохранилища» на 1997 г.; письмо академик-секретарям отделений и руководителям подразделений АНТ о правилах регистрации нетрадиционных видов интеллектуальной продукции от 15.12.1997; тетрадь с записями 1997–1998 гг. (26 л.).

1998 г. Информация НЦАИ о сотрудничестве РАН и КНЦ РАН; выписка из протокола № 13 заседания НЦАИ о прикреплении в качестве соискателя Чижевского А.А. от 22.09.98; отчет о научно-исследовательской деятельности НЦАИ за 1998 г. (8 л.); список научных статей сотрудников отдела за 1998 г.; план НИР на 1998–2007 гг.

1999 г. Заявка на издания 1999 г. по НЦАИ ИИ АНТ; отчет за 1997–1999 гг.; список основных статей, опубликованных с 1997–1999 гг.; список участия в научных конференциях; отчет о деятельности НЦАИ за 1999 г.; отчет о подготовке к 1000-летию г. Казани. Рукопись (12 л.); отчет о выполнении НИР АН РТ на средства фонда НИОКР РТ. Машинопись (20 л.); газета «Поиск» с условиями конкурса РГНФ 1999 г.; о результатах конференции «Болгар и проблемы...» к 100-летию А.П. Смирнова; проект программы по развитию культуры финно-угорских народов в Татарстане; о развитии марийской диаспоры; список населенных пунктов марийцев на территории Татарстана, планируемых для обследования экспедицией.

2000 г. Материалы для поездки финского исследователя по селениям марийцев в Татарстане; научная программа «Исследование древностей финно-угорских народов Нижнего Прикамья»; аннотированный отчет о выполнении НИР по НИОКР РТ. Машинопись (28 л.); Закон РСФСР об археологическом наследии Российской Федерации от 12.05.2000; предложения о создании научного направления «Роль финно-угорского населения в истории народов Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья».

Т. 2. 2001 г. Отчет НЦАИ за 2001 г.; итоги научных исследований НЦАИ. 2001; справка о деятельности НЦАИ. 2001; отчет о деятельности НЦАИ; выписка из протокола № 9 заседания НЦАИ о рекомендации книги М.Ф. Обыденнова и К.И. Корепанова к изданию от 22.05.2001; выписка из протокола № 10 заседания НЦАИ о рекомендации монографии С.С. Айдарова к изданию от 5.06.2001; программа развития приоритетных направлений науки в РТ на 2001–2005 гг.; планы экспедиций на 2001 г.

2002 г. Командировочные расходы НЦАИ на 2002 г.; план на 2002–2003 гг.; карты (2); записи о подготовке ко II Халиковским чтениям в 2002 г.; отчет: Национальный центр археологических исследований АНТ; отчет Набиуллина Н.Г. за 2002 г.; письмо-благодарность ректорату Ульяновского гос. пед. института; служебная записка о создании в Институте комиссии по научному контролю и координации охранных археологических работ в РТ от 16.05.2002; содержание НИР П.Н. Старостина за 2002 г.

2003 г. Индивидуальный план на 2003 г.; приложение к гранту: список основных работ по именьковской проблеме; краткая программа по исследованию именьковских памятников; планируемые в 2003 г. издания; отчет НЦАИ за 2003 г.; краткий отчет по НЦАИ за 2003 г.; отчеты сотрудников за 2003 г.; об итогах и проблемах развития археологической науки Татарстана; о второй Всероссийской конференции; отчет по договору подряда № 01–1.11–41/2003; материалы к гранту 2003 г. (11 л.); список участников конгресса «Археология евразийских степей»; концепция и перспективы развития НЦАИ на 5 лет.

2004 г. Индивидуальный план на 2004 г.; проект по гранту 2001–2004 гг. Рукопись (42 л.); список основных работ по проблемам именьковской культуры; план научных заседаний НЦАИ на 2004 г.; план работы НЦАИ на 2004 г.; план научных конференций НЦАИ на 2004 г.; планы сотрудников НЦАИ на 2004 г.; отчет о выполнении НИР по НИОКРУ (23 л.); научно-техническое и экономическое обоснование проекта «Население и быт средневекового Сувары»; черновики по гранту. Рукопись (55 л.); письма зам. премьер-министра РТ Хайруллину И.К. и председателю Каз. Совета народных депутатов Исхакову К.Ш. по вопросу о неотложных мерах по спасению Казанского Кремля.

2006–2008 гг. План работы на 2006 г.; индивидуальный план на 2006, 2008 гг.; отчет

за 2006, 2008 гг.; материалы к отчету за 2007 г.; «Археология средневековой Казани и Казанского ханства» на 2007–2010 гг.; темы выступлений на итоговой научной конференции НЦАИ и музея археологии в 2008 г.; основные направления исследований НЦАИ 2008–2009 гг.; перспективный план работ 2008–2009 гг.

2009 г. Отчет за 2009 г.; отчет о научной деятельности за 2009 г.

2011 г. Индивидуальный план на 2011 г.; о маршруте «Кемеш Булгар»; научно-экспозиционная программа и описание всех имеющихся памятников.

4. Материалы научных семинаров.

Ед. хр. 4. Материалы научных семинаров.

5. Материалы научных конференций и симпозиумов.

Ед. хр. 5. (15 томов) Приглашения, информационные письма по поводу конференций, программы, записи докладов, черновики, тезисы докладов.

6. Доклады.

Ед. хр. 6. Очерк трехлетних работ Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР (совм. с Габяшевым, Косменко, Казаковым) 1971. О развитии археологической науки в Казани в 80–годы; об археологических работах в Татарии; Казанцы помнят Николая Иосифовича; о П.А. Пономареве; о М.Г. Худякове о А.П. Смирнове; о К.А. Смирнове; ремесленные центры середины I тыс.н.э. и пр.

Ед. хр. 7. Записи с неопределенных конференций. Доклады.

7. Деятельность П.Н. Старостина в Обществе охраны памятников.

Ед. хр. 8. Т. 1. Рекомендации по созданию первичных организаций Всероссийского Общества охраны памятников. Устав ВООПИК. 1966, 1973, 1980; Методические рекомендации по учету и охране памятников археологии. 1967; Рекомендации по заполнению карточек на исторические, археологические и архитектурные памятники. М., 1968.

Методические указания по подготовке материалов свода памятников истории и культуры народов СССР. 1986; Постановление Кабинета Министров РТ. 1995.

Доклад (?) о памятниках, уничтожаемых в зонах водохранилищ. 5.06.1990; О разрушающихся памятниках. 5.06.1991; Историческая

записка: Краткая характеристика Елабужского городища с предложениями по его музеефикации. 1991; Доклад–выступление о сохранении памятников. 1995; Проект постановления Кабинета министров РТ «Об организации и проведении археологических исследований на территории РТ». 1995.

Ед. хр. 8. Т. 2. Закон РФ об археологическом наследии от 12.05.2000; заключение ИЯЛИ по проекту Постановления Кабинета Министров РТ «Об обеспечении сохранности памятников археологии на территории РТ».

Болгарский музей-заповедник: Протокол совместного рабочего совещания «Охрана Болгарского городища и перспективы развития города Куйбышева Татарской АССР» от 23.12.1985; о состоянии археологических памятников Болгара и Сувара от 27.04.1987; к вопросу о включении Болгарского историко-архитектурного заповедника в объединение музеев ТАССР от 2.09.1985; доклад о создании фонда «Булгар» и его помощи в восстановлении Болгара; о Болгарском археолого-архитектурном заповеднике; предложения к работе комиссии по охране, реставрации и использованию памятников Болгарского городища; мероприятия по БГИАЗ; письмо министру культуры РТ Таишеву М.М. о развитии г. Болгар и туризме; о дополнительной экспертизе в связи с охраной памятников истории и культуры РТ. 1990; обращение к сотрудникам БГИАЗ (по поводу 30-летия заповедника), 1999.

Письма в редакцию газеты «Казанские ведомости», президенту РТ М.Ш. Шаймиеву о выделении денежных средств для работ на разрушающихся памятниках; по поводу ликвидации ветхого жилья и сохранения исторического и культурного наследия; записи по поводу того, что управление Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ обязаны выделить средства для проведения охранных археологических работ; справка в связи с организацией Мешинского гос. историко-культурного и природного музея-заповедника в Сабинском и Тюлячинском районах РТ; справка о строительстве ЕлаЗа и охранным обследовании; письмо директору ИА РАН Мунчаеву Р.М. по поводу федеральной программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации на 1995–2000 гг.». 1994; письмо в Центральный Совет ВООПИК, в сектор археологических работ по новостройкам ИА АН СССР «Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища»;

Городская археологическая служба (ГАС) при администрации Казани.

Ед. хр. 9 (5 томов). Паспорта на памятники.

В данной единице хранения даются сведения об археологических памятниках Алексеевского, Арского Зеленодольского, Буинского, Чистопольского, Мензелинского, Челнинского (Тукаевского) районов Республики Татарстан. Паспорта включают в себя: чертежи, фото, учетные карточки и сами паспорта.

8. Педагогическая деятельность П.Н. Старостина.

Материалы, собранные в этих единицах хранения, отражают преподавательскую деятельность П.Н. Старостина, его непосредственную работу со школьниками, со студентами, а также его проректорскую деятельность в Казанском гос. педагогическом институте (1985–1986 гг.).

Ед. хр. 10 (6 томов). Материалы по подготовке школьников к экспедициям; отзывы–благодарности за работу в экспедициях от 17.06.1997; тетрадь с темами занятий от 14.02.1987; темы занятий по археологии на 1992–1993 гг. 1992; лекции для студентов (1968–1969); планы лекций, семинары, планы семинаров; выписки из литературы к темам лекций, фотонегативы, иллюстрации (ксерокопии) к лекциям; рабочая программа по археологии для студентов 1 курса; программа по археологии Татарстана. 1994; Программа по музейно-археологической практике; приказ о направлении на полевую арх. практику студентов от 16.07.1993; темы занятий по археологии в Набережно-Челнинском колледже; темы курсовых работ; рабочая программа по археологической практике. 1999; программа археологической практики. 1980; о работе проректором в Педагогическом институте в 1985–1986 гг.; отчет о полевой археологической практике, проведенной летом 2000 г. 12.10.2000; Курс лекций «Археология Татарстана». 2001.

Ед. хр. 11 (3 тома). Отзывы на дипломные работы студентов.

Итого: Во 2-й описи содержится: 11 ед. хр.; из них 7 ед. хр. в 36 томах

ОПИСЬ 3.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Личные документы:

Ед. хр. 1. Свидетельство о рождении. 14.06.1943; свидетельство судоводителя–

любителя. 19.02.1966; удостоверение министерства просвещения РСФСР об окончании Марийского гос. педагогического института и направление в распоряжение Мин-ва просвещ. для работы научным сотрудником Краеведческого музея. 15.08.1960; справка о зачислении в аспирантуру по специальности «Археология» в ИЯЛИ АН СССР от 17.07.1962; диплом (копия) с отличием Р № 740626. 1960; диплом (копия) кандидата наук от 29.05.1968; аттестат (копия) старшего научного сотрудника от 7.01.1976; личный листок по учету кадров. 1988; автобиография от 15.05.1989; биография. 1990, 1994; анкета для справочника «Ученые Марийской АССР». 11.2010; трудовая книжка (копия) от 15.01.1955.

Почетные грамоты и другие награды:

От ректората Марийского гос. педагог. института за добросовестное отношение к служебным обязанностям. 29.04.1962.

Удостоверение к знаку «Победитель социалистического соревнования». 29.01.1973.

За активное участие в работе по повышению научно-педагогического уровня учителей школ города Казани от 19.04.1988.

От Ученого Совета ИЯЛИ за плодотворную работу в качестве члена Ученого Совета.

От мэра г. Казани в связи с 5-летием со дня создания Института истории АН РТ. 13.02.2002.

От гос. историко-архитектурного музея-заповедника «Казанский Кремль» за большой вклад в научно-исследовательские работы. 2002.

От Национального Музея за активное содействие в развитии научных и творческих контактов по изучению народов Татарстана. 13.12.2002.

От Института истории АН РТ за долготелюю и плодотворную научную деятельность в должности зав. НЦАИ. Март 2004.

Удостоверение к нагрудному знаку «За достижения в культуре». 09.11.2010.

Правительственная телеграмма из г. Йошкар-Ола с поздравлением с 75-летием со дня рождения. 20.07.2011.

2. Прочие документы биографии:

Ед. хр.2. Характеристика на старшего научного сотрудника ИЯЛИ для поездки в Италию. 29.03.1974; характеристика на старшего научного сотрудника ИЯЛИ для представления в вышестоящие партийные органы. 10.12.1979; характеристика на старшего научного сотрудника ИЯЛИ для Президиума АН СССР. 18.09.1984; характеристика на старше-

го научного сотрудника ИЯЛИ для награждения Почетной грамотой Обкома КПСС и Совета Министров ТАССР. 20.10.1986; справка о выдвижении авторского коллектива на соискание Гос. премии РТ в области науки и техники 1994 г.

Списки публикаций П.Н. Старостина 1961–1965, 1961–1986, 1981–1984, 1997–1999, 1994–2006 гг.

3. Фотографии:

Ед. хр. 3. Фото П.Н. Старостина (94); экспедиционные фото (42); общие фото с коллегами (38); разные (17); неопределенные (без П.Н. Старостина) (8).

Итого: 3-я опись содержит 3 ед. хр.

ОПИСЬ 4. ПЕРЕПИСКА.

Ед. хр. 1. Письма П.Н. Старостина разным адресатам (25).

Ед. хр. 2. Письма П.Н. Старостину от разных корреспондентов (40).

Ед. хр. 3. Разные (23).

Итого: 4-я опись содержит 3 ед. хр.

ОПИСЬ 5. ВЫПИСКИ ИЗ ОТЧЕТОВ, ЗАРИСОВКИ НАХОДОК.

Ед. хр. 1. Рисунки находок с памятников РТ.

Ед. хр. 2. Другие регионы.

Ед. хр. 3. Материалы по пьяноборской культуре.

Ед. хр. 4. Азелинские памятники.

Ед. хр. 5. Collection Zaoussailov au musee National de Finlande a Helsingfors.

Ед. хр. 6. Именьковские памятники.

Ед. хр. 7. Материалы по Болгарскому городищу.

Ед. хр. 8. Материалы с территории Башкирии.

Ед. хр. 9. Материалы с территории Марий Эл и Кировской области.

Ед. хр. 10. Материалы с территории Удмуртии.

Ед. хр. 11. Материалы с территории Мордовии.

Ед. хр. 12. Материалы из Куйбышевской области.

Ед. хр. 13. Материалы с разных памятников.

Итого: 5-я опись содержит 13 ед. хр.

ОПИСЬ 6. ВЫПИСКИ ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Итого: 6-я опись содержит 6 ед. хр.

ОПИСЬ 7. ДОКУМЕНТЫ РАЗНЫХ ЛИЦ, ОТЛОЖИВШИЕСЯ В ФОНДЕ

В данной описи содержатся материалы других ученых, попавшие в личный фонд П.Н. Старостина: это подаренные или отданные ему на рецензию работы, рукописи статей С.Х. Алишева, Е.А. Беговатова, Д.Г. Бугрова, Р.С. Габяшева, В.Ф. Генинга, Е.П. Казакова, М.Г. Косменко, Г.И. Матвеевой, А.Х. Халикова и др.

Итого: 7-я опись содержит 2 ед. хр.

ОПИСЬ 8. РАЗНОЕ.

Опись содержит разнообразные материалы: материалы для съемок фильма о ранней Волжской Булгарии; справка о выпускниках Казанского гос. педагогического института; фотографии разных археологических памятников; неопределенные фотографии; сообщения населения о памятниках и находках; вырезки из газет со статьями об археологических памятниках и открытиях.

Итого: 8-я опись содержит 6 ед. хр.

ОПИСЬ 9. СТАТЬИ О П.Н. СТАРОСТИНЕ.

Ед. хр. 1. Айплатов Г., Никитин В. Петру Николаевичу Старостину 60 лет // ФУ. 1996. № 4. С. 130–133.

Старостин Петр Николаевич // ТЭС. 1999. С. 538.

Старостин Петр Николаевич // Археологи Волго-Уральского региона. Справочник. Уфа: Гилем, 2002. С.76–77.

Старостин Петр Николаевич // Исследователь археологии и этнографии Чувашии. Библиографический словарь. Чебоксары, 2004. С. 259–261.

Старостин Петр Николаевич // Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987–2006 гг.). Казань: ИИ АН РТ, 2007. С. 106.

Никитина Т.Б. Роль П.Н. Старостина в развитии археологии Марийского края // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сб. статей к 70-летию П.Н. Старостина / Археология Евразийских степей. Вып.10. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С.18–20.

Елдашев А. Слово о Петре Старостине // История Казани в лицах. Казань, 2015.

Дроздова Г.И., Казаков Е.П. Ученый и доброй памяти человек (К 80-летию со дня рождения П.Н. Старостина) // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 256–262.

Итого: 9-я опись содержит 1 ед. хр.

Гор-ще – городище

Мест-е – местонахождение

М-к – могильник

Ст. – стоянка

Пос. – поселение

б/д – без даты

Ед.хр. – единица хранения

Инд. нах. – индивидуальные находки

Информация об авторе:

Дроздова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gid27@mail.ru

THE DESCRIPTION OF P.N. STAROSTIN'S ARCHIVE

G.I. Drozdova

The article features a description of a personal archive of Petr Nikolayevich Starostin, a renowned archaeologist and researcher of Early Medieval period in the Volga-Kama Region. The archive is deposited in the Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences of (Collection No. 14). The archive consists of nine inventories. The Inventory 1 contains the following research documents: PhD thesis and related materials, the reports on the results of archaeological fieldwork and publications. The Inventory 2 reflects the researches and administrative activities of P.N. Starostin, his work at the Mari Republican Museum of Local Lore, the Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, the Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, and in the Society for the Preservation of Heritage. The Inventory 3 contains biographical materials, the 4 – the correspondence; the 5 and the 6 - sketches of finds

and extracts from publications and reports; the 7 – the materials by other authors deposited in the archive, the 8 – miscellaneous documents, and the 9 – publications on P.N. Starostin.

Keywords: archaeology, Volga Region, Kama Region, Early Middle Ages, archives, personal archive.

About the Author:

Drozdova Galina I. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; gid27@mail.ru

УДК 903.02

УДМУРТСКИЙ ВАРИАНТ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ

© 2018 г. Т.И. Останина

Статья посвящена изучению удмуртского варианта памятников именьковской культуры. Выделена ее территория и дана общая характеристика селищ, городищ, могильников. Выполнена типология объектов, обнаруженных при раскопках городищ, где проводились крупномасштабные археологические работы. Определено своеобразие жилищ данного варианта. Большое внимание уделено погребальному обряду Петропавловского могильника. Выявлены общие черты с классическими именьковскими могильниками, обнаружено его своеобразие. Дана общая характеристика находок, определена дата существования памятников удмуртского варианта именьковской культуры.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Среднее Прикамье, именьковская культура, Петропавловский могильник, Кузубаевское городище.

Первые сведения о памятниках, позднее связанных с именьковской культурой относятся к середине XIX в. Они ограничивались лишь их внешним описанием. Полная история дальнейшего изучения, прежде всего, именьковских поселений была представлена в монографии П.Н. Старостина «Памятники именьковской культуры» (1967). Автор отметил резкий рост изучения памятников этого типа только с 1946 г. в связи с работами археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье. Большой вклад в их исследование внесли А.Х. Халиков, Н.Ф. Калинин, В.Ф. Генинг. Последний, основываясь на результатах своих раскопок около с. Рождествено Лаишевского района ТАССР, а также раскопок на Именьковском городище, проведенных в 1953–1954 гг. Н.Ф. Калинин и А.Х. Халиковым, выделил в 1959 г. именьковскую археологическую культуру (Генинг, 1959, с. 208–210). В.Ф. Генинг определил дату культуры (III–IX вв.), дал краткую характеристику жилищ, керамики, погребального обряда. Итоги дальнейшего изучения культуры подвел П.Н. Старостин в упомянутом выпуске Свода археологических источников (Старостин, 1967). Им была определена территория, дана характеристика видов памятников, погребального обряда и вещевого комплекса.

В 1969 г. Средневожская экспедиция Куйбышевского (Самарского) университета приступила к исследованию памятников именьковской культуры, затем к их изучению подключились археологические экспедиции Куйбышевского (Самарского) и Ульяновского педагогических институтов и Самарского областного историко-краеведческого музея

им. П.В. Алабина. В результате значительно увеличилась источниковедческая база изучения культуры, прежде всего, за счет исследования поселений на территории Самарской Луки и могильников на территории Татарстана. Особенно крупномасштабные раскопки проходили на селищах Славкино I в Сергиевском районе, Шигоны II в Шигонском районе, металлургическом комплексе у с. Кармалы, городище у с. Переволоки, селищах Новинки V, Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке. С конца 1970-х годов на территории Татарии начинаются масштабные раскопки именьковских могильников (Богородицкого и Ташкирменском I в Лаишевском районе, Маклашевского IV и V и Коминтерновского II в Спасском районе и т.д.).

Новый материал позволил Г.И. Матвеевой подвести итоги исследованиям именьковской культуры в монографии «Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура» (2003). Всего ко времени написания указанной работы ею было учтено около 500 памятников культуры, из них около 100 было исследовано. На городищах и селищах вскрыто свыше 26000 кв. м, а в 15 могильниках изучено более 500 погребений (Матвеева, 2003, с. 21).

Г.И. Матвеева четко определила ареал распространения памятников культуры и выделила шесть ее вариантов (Матвеева, 2003, с. 21), хотя не все они были одинаково ровно изучены, в том числе, удмуртский. Характеристике памятников последнего варианта именьковской культуры и его особенностям посвящена данная статья.

История изучения памятников археологии второй половины I тыс. н.э. на территории южной Удмуртии довольно полно освещена

Т.К. Ютиной (1984б, с. 71–93). Первые сведения об археологических объектах в междуречье рек Иж и Тойма даются Г.Н. Потаниным (1884), затем А.А. Спицыным, который в 1887–1888 гг. исследовал Варзи–Ятчинское, Кузебаевское I, Утчанское городища (Спицын, 1893, с. 133). Незначительные раскопки в 1936 г. провел на Верхнеутчанском городище А.П. Смирнов (1941, с. 110). В основном ученые давали только топографические данные открытых ими городищ и описание находок. Для определения их этнической (культурной) принадлежности, хронологии не было достаточного материала.

Определенный подъем в поиске новых и изучения ранее известных памятников юга Удмуртии связан с деятельностью Удмуртской археологической экспедиции (1954–1957 гг.), а также археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР в 1959 г. Это были работы разведывательных отрядов под руководством Э.М. Медниковой (низовье р. Иж), В.Ф. Генинга (р. Варзи, Агрызский район ТАССР), А.Х. Халикова (Елабужский район ТАССР). В 1965–1968 гг. поисками новых памятников археологии в южных районах Удмуртии занимался заместитель директора Удмуртского республиканского краеведческого музея В.А. Семенов. В 1965 г. он обследует правобережье р. Иж. Отряд прошел маршрут от ст. Агрыз ТАССР до с. Голышурма Алнашского района УАССР. В результате его поисковых работ было обнаружено 30 памятников на территории Алнашского района УАССР и Агрызского района ТАССР (Останина, 2005, с. 29). В период проведения разведывательных работ В.А. Семеновым был снят топографический план Петропавловского могильника и вскрыто 3 погребения (Семенов, 1967, с. 164–171). Всего в течение 1965–1967 гг. на площадке памятника было исследовано 27 погребений (Семенов, 1976, с. 3–50).

В 1965 г. на Кузебаевском I городище исследователь заложил шурф, а в 1966 г. – небольшой раскоп площадью 135 кв. м. К сожалению, полевые документы по результатам раскопок он не включил в свой отчет за 1966 г., но в фондах музея сохранилась небольшая коллекция предметов и керамики (Останина, 2004, с. 38). В 1967 г. отряд В.А. Семенова обследовал среднее течение р. Тойма. Особое внимание им было обращено на ее правые притоки – рр. Колтымак, Ятиль, Ильнет. Он осмотрел уже известное в литературе городище у д. Верхний Утчан и открыл 6

новых памятников, прежде всего, относящихся к именьковской культуре (Останина, 2005, с. 30–31).

В 1974 г. бассейны рек Тойма и Иж выборочно обследовались К.И. Корепановым (в рамках работы УАЭ). Им были открыты два новых городища именьковской культуры – Староигринское и Варалинское (Корепанов, 1974).

Дальнейшее изучение памятников раннего средневековья связано с изыскательскими работами отрядов Камско-Вятской археологической экспедиции (далее КВАЭ), основанной в 1973 г. Всего с 1973 по 1984 г. было организовано 23 разведывательных маршрута в южной Удмуртии (Ютина, 1984б, с. 76). Большой вклад в археологическом изучении юга Удмуртии внесла Н.И. Леконцева (Шутова), обследовавшая в 1976 г. бассейны рек Варзи и Голышурминки, правых притоков Ижа. Ею был выполнен новый топографический план Кузебаевского I городища, заложен раскоп небольшой площади, открыты селища около дд. Кузебаево, Петропавловской, два городища около д. Благодать (Леконцева (Шутова), 1976). В 1984 г. изучение памятников (Петропавловское II, III селища) на р. Голышурминка было продолжено О.А. Казанцевой (1984). В 1994, 2004–2006 гг. вторичным обследованием ранее открытых памятников и поиском новых в Алнашском районе УР занимались отряды под руководством О.А. Казанцевой и Т.К. Ютиной (Казанцева, 1995; Казанцева, Ютина, 2005; 2007; 2009). Разведочные работы КВАЭ завершились раскопочными исследованиями Т.К. Ютиной (1980 г. – Верхнеутчанское, Варалинское, Варзи-Пельгинское городища, 1981–1982 гг. – Благодатское I городище) (Ютина, 1983, с. 181–182; 1984, с. 53–60, 1984а, с. 188).

С 1977 г. начинается крупномасштабные раскопки археологическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством Т.И. Останиной. Это были раскопки селищ около д. Чумали (1977 г.), Кузебаевского I городища (в течение шести лет: 1977, 1978, 1985, 1986, 1988, 1990 гг.). Во время раскопочных работ она осматривала все известные к середине 1970–х годов памятники археологии бассейна рек Варзи и Варзинки, правых притоков Ижа, а также находила новые памятники, в основном мазунинской культуры. Особое внимание ею было обращено на поиски могильников I тысячелетия, которые так и не были найдены.

В результате многолетних археологических работ разведывательного и раскопного плана к началу XXI в. накопился относительно большой материал, дающий возможность охарактеризовать памятники именьковской культуры на правобережье среднего течения Камы (на территории юга Удмуртии и северо-восточной части Татарстана).

Территория и памятники. В первом варианте карты памятников именьковской культуры, составленной П.Н. Старостиным для выпуска свода археологических источников «Памятники именьковской культуры», они располагались полосой вдоль правого берега Камы до устья Вятки (Старостин, 1967, табл. 1). Самыми северо-восточными памятниками культуры были указаны городища Тарасова Пристань, Сикенеское I и Мамадышское селище. Эти же пограничные памятники представлены в первом томе «Археологической карты Татарской АССР» (1981, рис. 6). На территории восточнее Вятки археологами зафиксированы лишь поселения эпохи бронзы, ананьинской, пьяноборской, мазунинской культур, а также Волжской Булгарии (Археологическая карта, 1981, № 760–849). Всего П.Н. Старостиным было выявлено 336 памятников именьковской культуры, которые полностью отсутствуют в междуречье Вятки, Тоймы и Ижа (Старостин, 1967, с. 9). В более позднем обобщающем труде Г.И. Матвеевой по именьковской культуре территория ее увеличена, она доведена до р. Иж (Матвеева, 2003, рис. 1). Число памятников достигает более 500, большинство их находится в лесостепной зоне (Матвеева, 2003, с. 22). В составленном Г.И. Матвеевой каталоге исследованных памятников городища, расположенные к востоку от Вятки, также отсутствуют (Матвеева, 2003, с. 104–123).

На основе материалов разведывательно-раскопных исследований археологов нескольких поколений и археологических экспедиций, проводимых на правом берегу Камы, между рр. Вятка, Тойма, Иж, в бассейнах, прежде всего, последних двух рек, в данной работе была составлена археологическая карта памятников именьковской культуры (рис. 1). Основанием для отнесения поселений к данной культуре служила характеристика подъемного материала, чаще всего, фрагментов керамики. Всего зафиксировано 44 памятника: 13 городищ, 24 селища, 1 (?) могильник и 5 местонахождений (фрагменты керамики, обломки дисков-«лепешечниц»).

Городища располагаются на высоких мысах коренного берега реки, образованных ее изгибом (Елабужское, Варалинское, Кузубаевское I, Варзи-Ятчинское, Варзи-Пельгинское), на мысах между двумя глубокими оврагами (Котловское II, Староигринское, Верхнеутчанское, Благодатские I и II, Чегандинское I), между оврагом и поймой реки (Верхнемалиновское) или на выступающем на пойме реки высоком мысу (Кузубаевское II городище). Основное условие в выборе места для городища: мысы должны быть самыми высокими в округе. Их высота на крупных реках (Каме, Тойме, Иже) составляла 50–60 м, а на реках средних размеров и мелких речках – 16–28 м. Форма мыса была удлиненно-треугольная, «языковидная» (Чегандинское I, Староигринское) (рис. 4: 1), в форме «сапога» (Верхнеутчанское) (рис. 2: 1), в остальных случаях – треугольная. Большое значение при выборе мыса под городище имело наличие вблизи его реки, речки. Кроме того, в ряде случаев в близлежащих оврагах имелись родники (Староигринское, Чегандинское I городища) (рис. 4: 1); на Кузубаевском I городище родники находятся и в овраге, и на площадке городища (рис. 3: 2).

По размерам площадки городища делятся на две группы. Первая группа имеет незначительную площадь от 0,7 до 2,5 тыс. кв. м (Староигринское, Варзи-Пельгинское, Кузубаевское II, Варалинское, Благодатское II городище) (рис. 2: 3). Вторая группа площадью от 3,4 до 10 тыс. кв. м. Хотя многослойное Елабужское городище имеет площадь 30 тыс. кв. м, но находки именьковской керамики были обнаружены только между первым и вторым валами, что составляет 1/3 городища (т.е. около 10 тыс. кв. м), поэтому его мы относим ко второй группе поселений.

Первая группа памятников имела функцию городищ-убежищ или наблюдательных пунктов. Они находились на пути к поселениям (селищам, городищам-поселениям). С площадки Староигринского (рис. 4: 1) и Варалинского (рис. 2: 2) городищ можно наблюдать за движением врага или временно удерживать его при движении в сторону Верхнеутчанского городища (рис. 1). А Кузубаевское II городище (рис. 1) и сейчас находится в глуши, в самом труднодоступном месте. Оно могло служить в качестве временного убежища, где можно было укрыться в период появления врага или спрятать скот и другое ценное для населения имущество. Варзи-Пельгинское городище, расположенное на левом берегу

р. Иж, напротив устья р. Варзинки с большим количеством памятников именьковской культуры, вблизи от впадения р. Иж в Каму, также было прекрасным пунктом наблюдения за передвижением неприятеля (рис. 1).

Мощность культурного слоя первой группы городищ была незначительна, в основном в пределах от 8 до 10 см, а количество находок малое. Так, при вскрытии всей территории Староигринского многослойного городища было определено только 10 фрагментов дна и венчиков именьковской посуды (Останина, 1985, с. 88–89).

Городища относительно большой площади, судя, по обнаруженным при раскопках объектам и находкам, были местом проживания небольших групп населения, местом размещения производственных комплексов. Культурный слой на этих городищах равнялся 20–95 см, в основном же колебался в пределах 20–40 см. Причем его мощность на площадке одного городища не одинакова, например, на Благодатском I городище она находилась в пределах от 20 до 95 см (Ютина, 1983, с. 182).

Следует отметить, что городища обеих групп располагаются, в местах проживания более древнего местного населения – носителей ананьинской (5 случаев), пьяноборской (2 случая), мазунинской (8 случаев) культур. На пяти городищах обнаружена керамика кушнаренковской культуры, одновременной именьковской. Следует отметить, что городища с кушнаренковскими находками располагаются только на притоках Тоймы и в низовьях р. Иж. К западу и востоку от данной территории артефактов кушнаренковской культуры не обнаружено.

Факт расположения городищ на ранее обжитых человеком местах и использования оборонительных сооружений более раннего времени на территории именьковской культуры отмечают ее основные исследователи (Старостин, 1967, с. 11; Матвеева, 2003, с. 23).

Система защиты городищ мало чем отличается от городищ предыдущих культур на данной территории и от памятников основной территории именьковской культуры. Кроме большой высоты и отвесных склонов мыса, городища с напольной стороны были защищены в основном одним валом и рвом дуговидной формы (8 случаев), двумя валами и рвами такой же формы (4 случая). В одном случае (внутренний вал Староигринского городища) вал имел шишковидную форму (рис. 4: 1). Стратиграфия валов данного городища показала, что грунт для насыпи внутреннего

вала и большей части внешнего вала брался из внутреннего рва. Прежде, чем насыпать грунт на площадку-основу под внутренним валом (вал 1), почва выжигалась, чего не прослежено под внешним валом и что свидетельствует, скорее всего, о одновременном их сооружении. Укрепление насыпи путем обжига глины повторялось неоднократно. Судя по форме вала (шишковидная) и другим деталям, внутренний вал был сооружен или досыпан в именьковское время. Подобная форма вала встречается на городищах левобережья Волги. Система укрепления валами шишковидной (курганобразной) формы, как отмечает Г.И. Матвеева, была характерна для городищ, расположенных на очень узких мысах (Матвеева, 2003, с. 23), что и фиксируется на Староигринском городище (рис.4: 1). Здесь наибольшая ширина мыса равнялась около 30 м, а наименьшая, около внутреннего вала – 13 м.

Своеобразна была система защиты на Чегандинском I городище. Здесь, наряду с валом и рвом с напольной стороны, пологий конец мыса был защищен еще одним валом (Генинг, 1971, рис. 15: 2).

Елабужское городище, хотя имеет три вала, но находки именьковской керамики при проведении раскопочных работ были обнаружены только между первым и вторым валами, третий вал был сооружен позднее (Нигамаев, Хузин, 2000, с. 14; рис. 7). При наличии двух валов, находки именьковского времени обычно находятся на второй площадке (между первым и вторым валами (Котловское II, Елабужское городища). Следует отметить, что вторые валы Верхнеутчанского и Варзи-Ятчинского городищ разрушены (распаханы) и археологические исследования их не проводились. Пока трудно судить о культурной принадлежности вторых площадок на указанных памятниках.

Укрепления именьковским населением могли сооружаться и на площадке более раннего селища. Например, на Кузубаевском I городище под валом найдена керамика мазунинской культуры (Останина, 2002, с. 14). При частичном вскрытии вала этого городища в 1990 г. на глубине 12–16 см от современной поверхности в перемешанном грунте вала обнаружены остатки сосновых¹ бревен. Бревна в два венца находились параллельно друг другу. Расстояние между бревнами 70–84 см. Длина бревен была 2,4–3,0 м при

¹ Определение породы дерева выполнено к.б.н. Н.Ю. Сунцовой.

толщине 24–30 см (рис. 7: 2; 8: 4). Пространство между рядами бревен было заполнено рыхлой прокаленной глиной с углем и золой. Подобные деревянные конструкции обнаружены на многих городищах именьковской культуры (Матвеева, 2003, с. 24), чего не наблюдается на памятниках Удмуртского Прикамья более раннего периода. При закладке траншеи поперек вала в северной части Кузубаевского I городища в 1977 г. в верхней его части зафиксированы очертание столбовой ямы от деревянной конструкции, которая находилась на поверхности вала (стена столбовой конструкции). Таким образом, система укреплений Кузубаевского I городища имела довольно сложное устройство.

Рассмотрим, как могли использоваться городища разной площади. В предшествующее время на территории Среднего Прикамья для населения мазунинской культуры (III–V вв.) городища с малой площадью служили в качестве наблюдательных пунктов, позволяющих следить за передвижением врага (Останина, 1997, с. 87). В именьковское время городища могли играть роль не только наблюдательного пункта, но и, прежде всего, служить в качестве крепости. На их площадке мог размещаться военный отряд. Здесь также можно было спрятать ценное имущество. В пользу этого утверждения свидетельствуют материалы раскопок многослойного Староигринского городища, полностью изученного в 1981 г. (Останина, 1985, с. 78–91). В IV–V вв. по краю высокого мыса языковидной формы, а также в южном его конце на некотором расстоянии друг от друга цепочкой располагались открытого типа очаги в один–два ряда (рис. 4: 2). На самой высокой части площадки обнаружены остатки сооружения в виде столбовых ямок, расположенных по трем окружностям. Столбовые ямки диаметром 0,4–0,5 м оставлены толстыми бревнами, в которые вставлялись плахи. Автор предположил, что это были остатки от цитадели-наблюдательной башни. Задача подобных сооружений – обнаружить передвижение врага и дать сигнал с помощью многочисленных костров, расположенных по периметру мыса.

Кроме того, по периметру мыса (вдоль восточного, западного и южного края) обнаружены две–три цепочки столбовых ямок (три – только на западном склоне, более пологом и менее защищенном от нападения неприятеля). Расстояние между столбовыми ямками (столбами) равнялось 2,0–2,5 м. Это были остатки от деревянных стен. При таком распо-

ложении стен очаги оказывались очень близко к стенам или между рядами стен, даже непосредственно под ними, что свидетельствует о более позднем времени сооружения бревенчатой конструкции. Две–три линии защиты по периметру мыса и два вала и рва с напольной стороны давали возможность военному отряду временно задержать врага. Наличие стен вдоль края площадки на городищах мазунинской культуры пока не обнаружено, но подобная система защиты была характерна для именьковских городищ, о чем не раз писали исследователи (Старостин, 1967, с. 13; Матвеева, 2003, с. 24).

О нахождении на площадке Староигринского городища военного отряда свидетельствуют и находки оружия: втока, железного наконечника стрелы (рис. 4: 4, 12). Наконечник стрелы по конструкции аналогичен находке с Татсунчелеевского городища именьковской культуры (Старостин, 1967, табл. 15: 11). В западной части площадки, у одного из очагов обнаружены обломки жерновов (рис. 4: 9, 10) и скопление зерна. Итак, городища, имеющие малую площадь, служили для временного пребывания отряда и защиты территории, пока мирные жители смогут удалиться в безопасное место.

Селища. Их число почти вдвое превышает количество городищ (обнаружено 24). Поселения открытого типа располагаются вдоль реки или маленькой речки, занимая площадку у края береговой террасы или даже береговой склон (Камаевское, Чумалинское III, Муважинское II, Быргындинское II селища) (рис. 5: 1, 9). Одним из условий выбора места для селища было наличие относительно высокого по отношению к пойме берега (в пределах 5–12 м). Только когда селище располагалось за валом городища или на берегу Камы, высота террасы была значительной (от 28 до 50 м), как в случаях с селищами за валом Котловского II, Верхнеутчанского, Кузубаевского I (рис. 3: 1), Варзи-Ятчинского городищ или с Пьяноборским (Красноборским) и Котловским I селищами на берегу Камы. И только в одном случае селище (Кузубаевское поселение *Вужгурт*) находилось на низком правом берегу р. Варзи, в двух метрах над уровнем поймы. Возможно, в этом случае население прельстило наличие здесь гумусированной плодородной почвы, благоприятной для занятия земледелием. Берег, где находились селища, в большинстве своем был ровный, но иногда площадка находилась между оврагами или была изрезана несколь-

кими оврагами: Куразовское III (рис. 7: 1), Петропавловское I, Успенское селища.

Особенностью селищ удмуртского варианта именьковской культуры является их малая площадь. У значительного числа поселений открытого типа она колеблется в пределах от 300 до 3500 кв. м. Только пять селищ имеют площадь от 5 до 9 тыс. кв. м (Верхнеутчанское, Варзинское I, Варзи-Ятчинское I, Ямаша II, Котловское I селища), три – наиболее крупные – от 22 до 50 тыс. кв. м (Куразовское III, Кузубаевское I, Варзи-Ятчинское III). Незначительная площадь селищ первой группы, на наш взгляд, не всегда была такой. Это связано с интенсивной распашкой земли мощными тракторами во второй половине XX в., что привело к уничтожению культурного слоя, сокращению площади раннесредневековых поселений. Например, по данным разведки 1965 г. площадь Чумалинского III селища составляла 3,5 тыс. кв. м (Семенов, 1965, л. 57–59), а по результатам разведки 1976 г. – 576 кв. м (Леконцева (Шутова), 1976, л. 8). Культурный слой указанного селища также был разрушен пахотой и сохранился только там, где был дерн. Его мощность составляла от 12–20 до 20–40 см.

Отличительной особенностью селищ и городищ именьковской культуры является их расположение на территории поселений предыдущих культур (ананьинской, пьяноборской, мазунинской). Чаще всего они располагались на площадках селищ мазунинской культуры. Это не случайно, так как в мазунинское время происходит активное освоение средних и малых рек правобережья Камы, куда стало позже перемещаться и именьковское население. Только в четырех случаях (Камаевское, Голюшурминское, Котловское I, Варзи-Омгинское II селища) площадки селищ были вновь освоены пришлыми племенами.

Выявленные нами селища и городища с находками плоскодонной глиняной посуды с шамотом или песком в глиняном тесте, обломков «лепешек» (рис. 5: 2–6, 8, 10–14) позволили определить ареал размещения памятников, условно отнесенных Г.И. Матвеевой к «удмуртскому варианту» именьковской культуры (Матвеева, 2003, с. 21). Подобное название, на наш взгляд, является наиболее удачным, так как большинство из них расположено на территории южных районов Удмуртии и прилегающих к ним северо-восточных районов РТ (Агрызский, Менделеевский, Елабужский) (рис. 1). Памятники выделен-

ного варианта находятся на правых притоках среднего течения Камы от устья Тоймы до устья р. Большая Ямаша (напротив впадения Белой в Каму). Их концентрация наблюдается в основном в верховьях Тоймы, на р. Чукма, в низовьях р. Иж. Анализ места расположения городищ и селищ позволяет реконструировать их значение в жизни именьковского общества.

Так, памятники на р. Тойма от среднего течения до устья и чуть ниже его по течению Камы имели наблюдательно-оборонительный характер. Здесь располагается относительно большое число городищ (Котловское II, Елабужское, Староигринское, Варалинское, Верхнеутчанское) и малое число селищ (4 селища). На наш взгляд, городища на Тойме были в некотором роде форпостом при дальнейшем освоении земель к востоку от Вятки, а затем и оборонительным щитом от продвижения врага. Далее к востоку именьковские племена освоили малую рч. Чукма, где известно Куразовское III селище, имеющее большую площадь (50 тыс. кв. м), и отдельные находки в районе указанной речки. Городища здесь отсутствуют, возможно, это связано с рельефом местности (отсутствие высоких удобных для городищ площадок). К отдельным находкам на р. Чукма относятся фрагменты керамики, обнаруженные около д. Сарсаз и с. Псеево (рис. 1). Сюда же можно включить и плоскодонный сосуд именьковского типа, обнаруженный в погребении I кургана III Тураевского курганного могильника конца IV–первой половины V в., расположенного на р. Чукма, вблизи р. Кама (Генинг, 1976, с. 65; рис. 10).

Далее к востоку, в бассейне р. Варзи, зафиксировано самое большое число объектов именьковской культуры: два городища (крепость и поселение) и 10 селищ; на р. Варзинка наблюдается еще один комплекс памятников (городище и два селища). В низовье р. Иж, на правом его притоке, Голюшурминке, обнаружено два городища – Благодатские I и II (рис. 2: 3), четыре селища и один (Петропавловский) могильник. Далее к востоку от р. Иж число памятников незначительно, они располагаются на большом расстоянии друг от друга. Три селища – Пьяноборское, Быргындинское II, Ямаша II – и Чегандинское I городище представляют собой северо-восточную границу территории удмуртской группы именьковской культуры.

Таким образом, в расположении памятников удмуртской группы четко наблюдается кустовой принцип: обычно 1–2 городища и

несколько селищ (до 10), и только одна группа (по р. Чукма) состоит только из селищ. Подобное расположение памятников (кустовое) характерно для именьковской культуры в низовьях Камы и среднем течении Волги, а также для поселений славянских культур (Матвеева, 2003, с. 75).

Селища были открыты в результате разведочных работ археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР, УАЭ, КВАЭ и экспедиции Удмуртского республиканского краеведческого музея (ныне Национальный музей УР им. К. Герда). Их изучение ограничивалось в основном сбором подъемного материала с поверхности (чаще всего – фрагментов керамики (рис. 5: 2–6, 8, 10–13), кусочков шлака (рис. 5: 7), обломков дисков-«лепешечниц» (рис. 5: 14)) или проведением небольшой шурфовки; стационарных же раскопчных работ на селищах почти не проводилось. Исключение составляют раскопки небольшой площадью (72 кв. м) на Петропавловском II селище, проведенные в 1984 г. отрядом КВАЭ под руководством О.А. Казанцевой (1984, л. 3–18). Исследовательницей обнаружено две хозяйственные и 8 столбовых ям, собран небольшой керамический материал мазунинской и именьковской культур и обломки предметов.

Археологические исследования большими площадями проводились на шести городищах (Елабужское, Благодатское I, Верхнеутчанское, Староигринское, Кузубаевское I, Чегандинское I). Незначительная площадь была вскрыта на Варалинском и Варзи-Пельгинском городищах в 1980 и 1985 гг. отрядом КВАЭ под руководством Т.К. Ютиной (1980; 1985).

Среди обнаруженных объектов обычны столбовые и хозяйственные ямы, в редких случаях – жилища. Так как все городища были многослойными, то попытаемся найти среди хозяйственных ям те типы, которые были характерны для именьковских поселений. Авторы обобщающих работ (П.Н. Старостин, Г.И. Матвеева) выделяют несколько основных типов ям по их назначению. Это зерновые ямы, самые глубокие из них и имеющие цилиндрическую или колоколовидную форму; ямы для хранения корнеплодов, орехов и желудей, также цилиндрической формы, но небольшой глубины; ямы для хранения мясных и молочных продуктов в форме колодцев со ступеньками в верхней части; околоочажные, мусорные и выгребные ямы (Матвеева, 2003, с. 27–28).

Впервые на хозяйственные ямы-кладовки на городищах Удмуртии обратил внимание В.Ф. Генинг. В верхнем слое Чегандинского I городища он определил три типа ям, отнес их ошибочно к мазунинской культуре, хотя аналоги к выделенному им второму типу (в верхней части – округлая форма, в нижней – прямоугольная с плоским дном) он нашел только на селищах именьковской культуры (у сел Рождествено и Большие Тарханы). Это были глубокие (1,2–1,4 м) ямы с полками-ступеньками (три случая), которые обычно относят к кладовкам для хранения скоропортящихся продуктов (Генинг, 1967, с. 141–143). Обнаружены и ямы для хранения зерна (тип 1 по В.Ф. Генингу: ямы с расширенными ко дну стенками) и для хранения овощей (тип 3: неглубокие с вертикальными стенками). Он обратил внимание на их размещение на площадке городища – юго-западная часть, ближе к оврагу с родником. В заложенном в 1998 г. в этой половине городища раскопе автором данной статьи были обнаружены такие же типы ям. Заслуживает внимание яма № 11 овальной формы размером 140x167 см, глубиной 55 см. Ее южная стенка была отвесная, северная – ступенчатая. На дне ямы был обнаружен костяк ягненка без головы (остатки мясной туши). Кроме этого, в заполнении ямы найдено 16 костей животных (Останина, 1998, л. 21). Этот факт еще раз свидетельствует о функциональном назначении ямы – хранилище мясных продуктов.

На части городищ (Елабужское, Благодатское I, Верхнеутчанское) объекты именьковского времени или совсем не обнаружены, кроме керамики (Елабужское городище), или составляют незначительное число. Материалы последних двух городищ, относящихся к именьковской культуре, требуют более полной публикации автором раскопок Т.К. Ютиной. Из того, что издано исследовательницей, можно выделить лишь наличие на Верхнеутчанском городище ям околоочажного типа, в заполнении которых были зафиксированы темно-серый суглинок с золой. Их глубина равняется 71–74 см (Ютина, 1984, с. 56). Одна из ям (яма XIII) имела прямоугольную форму и глубину 97 см. Ее заполнение свидетельствует скорее о производственном назначении (зольник толщиной 20 см с камнями, сырые и обожженные кости, фрагменты керамики, нож) (Ютина, 1984, с. 56).

На всей площадке полностью изученного Староигринского городища-крепости обнаружено только три неглубоких ямы, имею-

щих наклонные стенки. Они, скорее всего, служили для сбора мусора (Останина, 1985, с. 81–82).

Самое большое количество ям (142 ямы) зафиксировано автором данной статьи на Кузубаевском I городище (рис. 6). Из шести выделенных типов хозяйственных ям к объектам именьковской культуры можно отнести ямы типа III с приступками по верху – со ступенькой с одной стороны (14 ям, 9,9 %) (Останина, 2002, с. 8). Ширина ступенек равнялась 24–60 см при глубине 50–90 см. Нижняя часть ямы чаще всего имеет отвесные стенки, плоское или чуть округлое дно. Во всех глубоких ямах найдены фрагменты керамики и кости, в том числе жженые, обломки костяных наконечников стрел (оставшиеся в тушах животных?), фрагменты жерновов. Заполнены ямы в основном гумусом или перемешанным грунтом с преобладанием гумуса (Останина, 2002, с. 8). На площадке городища ямы этого типа располагаются всегда вблизи очагов открытого типа или пятен глины со слабым прокалом. По мнению П.Н. Старостина, ямы подобной конструкции были сооружены для хранения продуктов повседневного использования (Старостин, 1967, с. 15). Приступки были удобны при частых спусках за продуктами, а значительная глубина создавала низкую температуру, необходимую для хранения молока, мяса. Фиксируется еще один тип ям – IV, с плавным расширением в нижней части (колоколовидные, 5 ям, 3,5%). Все они глубокие, в плане имели круглую или овальную форму, диаметр устья был в пределах 66–120 см. Их объем равен 0,4–0,8 куб. м. Они были вкопаны в материковую породу, представляющую собой плотный песок с камнем, переходящий в вязкую глину, что устраняло необходимость дополнительной обработки стенок (обжиг, глиняная обмазка и т.д.). Глубокие ямы использовались в качестве зернохранилищ, а ямы небольшой глубины – как кладовки для хранения скоропортящихся продуктов.

Самое большое число ям приходится на ямы типа I с наклонными стенками, плоским или уплощенно-округлым дном (98 ям, 69%). По заполнению и размерам выделяются две группы: большого размера с песком и малых размеров с гумусом или с перемешанным грунтом. Они имеют глубину в пределах 12–36 см или 40–74 см. Ямы с песком (флюс для цементации) связаны с металлургией (найжены куски шлака, обожженной посуды, кости). Этот тип ям использовался как

для сбора мусора, так и в производственных целях (цементация железа).

На северо-западной окраине Кузубаевского I городища в 1990 г. экспедицией Удмуртского республиканского краеведческого музея были зафиксированы очертания полуземлянки (рис. 7: 2). Размеры котлована 6,6х6,6 м (площадь жилища 44 кв. м), его глубина относительно современной поверхности равнялась 78 см. Котлован полуземлянки был вкопан в материковый слой (камень–плиточник с песком). В углубление был впущен бревенчатый сруб (на полу вдоль стен при раскопках обнаружен тлен от бревен диаметром 24–30 см). В центре полуземлянки находился открытый очаг XXXV относительно больших размеров (66х102 см), представлявший собой подушку из прокаленной глины с золой на верхней поверхности. На уровне пола в северо-восточной части дома найдены три хозяйственных ямы, служившие для сбора мусора. На поверхности одной из ям (№ 141) найдены остатки дерева от крышки. Вдоль двух стен находились ямки от столбов, которые зажимали и держали бревна сруба. Вход в жилище был с юго-западной стороны, там обнаружены остатки деревянного тлена от ступеньки с земляной основой. На участках, где зафиксирован котлован, было найдено большое количество керамики именьковской культуры, а также кости домашних животных, многие из них кальцинированные.

Необходимо отметить удачный выбор места для жилья, сделанный именьковцами. Во-первых, жилище находится у самого склона площадки городища (на 2–3 м ниже уровня ее основной поверхности), тем самым полуземлянка была защищена от ветров с юго-запада, которые господствуют в этом регионе. Во-вторых, жилище было сооружено между двумя родниками, расположенными на расстоянии 20–25 м от него (рис. 3: 2). Исследователь именьковской культуры П.Н. Старостин обратил внимание, что полуземлянки, где в центре сруба находится открытый очаг, отражают территориальное своеобразие восточной группы памятников, куда относятся и памятники юга Удмуртии. При полезной площади полуземлянки в пределах 29 кв. м в ней могла проживать семья в количестве 7–8 человек. Высокий уровень черной и цветной металлургии требовал специализации и выделения ремесленников в рамках общины. Нахождение жилища на площадке, насыщенной остатками ремесленного производства и необходимых для него сооружений,

дает основание предполагать, что в этой полуземлянке проживала семья мастера-ремесленника.

Мастерам-ремесленникам принадлежали и остатки двух построек (сооружения II и III), обнаруженных при раскопках Верхнеутчанского городища, расположенного в среднем течении р. Тойма (Ютина, 1984, с. 56–57). Сооружение II имело подквадратную форму размером 5,65х6,5 м (площадь около 37 кв. м), глубина котлована 15–20 см. Внутри сооружения на уровне пола обнаружены три хозяйственных ямы, зольники, столбовые ямки, в центре – площадка прокаленной глины размером 3,5х3,5 м мощностью 10 см с зольником на ней (очаг открытого типа). В зольниках и в неглубоких хозяйственных ямах обнаружены фрагменты керамики, в том числе ошлакованные, сырые и пережженные кости (Ютина, 1984, с. 55–56). Как отмечает автор раскопок, в культурном слое на участках над сооружением найдены тигель, льячки, пинцет, литейная форма и небольшое число кусков шлака. Это позволило исследователю предположить наличие на площадке Верхнеутчанского городища производственного комплекса (Ютина, 1984, с. 57). Сооружение III было менее выразительно по функциональному назначению. Его размеры были небольшие (площадь около 15 кв. м), оно было углублено на 20–25 см. В центре сооружения находилась столбовая ямка большого диаметра (от толстого столба), около него – две хозяйственные ямы глубиной 71 и 74 см, заполненные гумусом с углем и золой, с сырыми и обожженными костями, фрагментами керамики и находками предметов (бусина, пряслице). Если жилище на Кузубаевском I городище можно отнести к типу полуземлянок, то на Верхнеутчанском городище они представляли собой простые срубные наземные постройки, имеющие слабо заглубленный котлован. Таким образом, площадки крупных городищ юга современной Удмуртии (Кузубаевское I, Верхнеутчанское) служили местом железообработки и цветной металлургии, а также проживания ремесленников. Их жилища имели конструкцию, близкую как к традиционным жилищам местного финно-пермского населения (Верхнеутчанское городище), так и к жилищам собственно именьковской культуры (Кузубаевское I городище).

Все производственные комплексы Кузубаевского I городища расположены за пределами периметра открытой площадки размером 45х29 м, имеющей территорию около

1300 кв. м (рис. 6). В ее восточной части находятся сооружения, имеющие, на наш взгляд, особое (сакральное) значение для древних жителей городища и его округи (культовое место). Это цепочка сооружений: очаг X – выкладка из обломков жерновов – столбовая яма – очаг XI. Все они располагались по линии запад – восток. Главным элементом в указанной системе сооружений был столб (остатки идола?), от которого на одинаковом расстоянии (3 м) находились оба очага. Они имели слабый провал, что свидетельствовало об их редком и непродолжительном использовании. В нескольких метрах к северу от этого комплекса обнаружено захоронение коня. Лошадь лежала на боку, задние ноги вытянуты, а передние согнуты. Ориентировка погребальной ямы и коня – по линии запад – восток. На этом месте, по нашему мнению, могли проводиться культовые обряды, судя по большой и относительно свободной от хозяйственных сооружений площади, с участием большого числа народа.

Комплексы памятников (городище и селища около него) зафиксированных вблизи д. Кузубаево, с. Варзи-Ятчи, д. Верхний Утчан, д. Благодать отнесены нами к именьковской культуре на основании находок обломков глиняной посуды, резко отличающейся от местной – финно-пермской, как по форме, так и по технике изготовления.

Именьковская керамика по количеству находок в культурном слое и по числу выделенных сосудов преобладает на многослойных памятниках над всеми комплексами глиняной посуды других археологических культур. Сосуды выполнены вручную, без применения гончарного круга и отличается довольно большой толщиной стенок. Например, на Кузубаевском I городище толщина стенок колеблется в интервале от 3 до 11 мм. Все сосуды здесь имеют плоские днища диаметром 9,0–12,5 см (рис. 9: 9, 10). По характеру обработки поверхности выделяются две группы керамики: с неровной бугристой поверхностью и с хорошо обработанной ровной внешней поверхностью. Отличается посуда и составом глиняного теста. Чаще всего в глину включен крупный шамот (кусочки обожженной глины), реже – песок; песок и мелко разбитый шамот. Хорошо обработанные сосуды имеют малые и средние размеры (диаметр венчика в пределах 15,5–27 см). Мастера отдавали предпочтение изготовлению сосудов малых размеров, использовавшихся как столовая посуда. К этой группе относятся три сосу-

да незначительных размеров полной формы, найденные в хозяйственных ямах. Один сосуд отличается стройностью пропорций (рис. 8: 3). Наибольший его диаметр приходится на верхнюю треть (10,7 см), при диаметре по венчику – 9,7, дна – 6,4 см и высоте 10,7 см. По краю венчика нанесены насечки. Согласно классификации Г.И. Матвеевой, данный сосуд можно отнести к типу I (Матвеева, 2003, рис. 19). Другой сосуд также относительно небольших размеров, слабо профилирован, тулово почти цилиндрической формы, что создает некоторую массивность (рис. 8: 1). Его утолщение, хотя и незначительное, приходится на среднюю часть (диаметр тулова 11,0 см при диаметре венчика 10,0 см, дна – 8,2 см). Подобного типа горшок был найден на Щербетьско-Островном I селище (Старостин, 1967, табл. 26: 6). Третий сосуд очень малых размеров, чашевидной формы с едва заметной шейкой (рис. 8: 2). Чашечка имела следующие размеры: диаметр по венчику 5,2 см, высота 4,3 см. Его можно отнести к группе стопок (Матвеева, 2003, рис. 19).

Хорошо обработанные сосуды иногда были украшены простым узором: насечки или защипы по венчику, один-два ряда разной формы ямок, насечек (рис. 9: 7), ломаная или волнистая линия из мелких ямок. Орнамент наносился в основном по венчику и шейке сосуда, очень редко – по плечу.

Грубо вылепленная посуда в основном средних и больших размеров. Ее диаметр по венчику колеблется от 19,5 до 28,5 см, от 29,5 см до 42 см. Верхняя часть сосудов (венчик, шейка, плечико) этой группы в ряде случаев была орнаментирована. Орнамент наносился путем накалывания поверхности сосуда концом палочки под разным углом или простого нажатия пальца по краю венчика. Только в одном случае орнамент нанесен гребенчатым штампом (рис. 9: 4). Основные элементы узора состояли из защипов или насечек по венчику, рядов ямок круглой, овальной, треугольной, прямоугольной формы (рис. 9: 5, 7, 11). Данная посуда предназначалась для приготовления пищи и хранения продуктов, а также могла использоваться в металлургическом производстве, о чем свидетельствуют следы ошлаковки на ее поверхности.

Следует отметить, что нанесение орнамента на сосуды Кузубаевского I городища было не обязательно. Он зафиксирован только у 37% собранного керамического материала, но и это довольно большая цифра по сравнению с посудой собственно именьков-

ской культуры. Там, как пишет Г.И. Матвеева, «орнамент наносился чаще всего на грубых сосудах с бугристой поверхностью» (2003, с. 39). Она отмечает бедность элементов орнамента и редкость нанесения узора (насечки, круглые вдавления по краю (защипы), один ряд круглых ямок по шейке).

Могильники. К этой категории памятников, по-видимому, можно отнести Луговской могильник (Елабужский район РТ). При строительных работах на окраине пос. Луговской были найдены два глиняных сосуда с изящным орнаментом (кушнаренковского типа). Заложенные в 1959 г. экспедицией ИЯЛИ КФАН раскоп и траншея не дали положительных результатов. Были найдены только несколько фрагментов грубой лепной керамики с примесью шамота в тесте. Сосуды, вероятно, происходят из разрушенных погребений именьковской культуры (Археологическая карта, 1981, с. 162).

Другой могильник, содержащий именьковской материал, находился около быв. д. Петропавловская в Алнашском районе УР (рис. 1) и был обнаружен случайно в 1957 г. при распашке поля. В 1960 г. собранные школьниками Голышурминской школы вещи поступили в Удмуртский республиканский краеведческий музей. В том же году место находок было обследовано сотрудником музея В.А. Семеновым, в небольшом раскопе вскрыто одно погребение. В 1965–1967 гг. В.А. Семенов провел раскопки, в результате которых могильник был полностью изучен. На площади 1224 кв. м было зафиксировано 27 погребений с 28 погребенными. Материал могильника полностью опубликован автором раскопок (Семенов, 1967; 1976). Он отметил, что могильник принадлежит «этнически неоднородному коллективу», который «пока не может быть отнесен ни к одной из окружающих археологических культур», «стоит пока обособленно и не может быть отнесен к какому-либо определенному археолого-этническому типу Южного Прикамья» (Семенов, 1976, с. 5, 10). Вместе с тем, В.А. Семенов приводит мнение В.Ф. Генинга, который указывал на определенную близость основных черт обряда погребений с трупосожжением Петропавловского могильника к подобным погребальными традициями именьковских племен, а обычай трупоположения в простых могилах считал продолжением традиций тураевского населения с мазунинским влиянием (Генинг, 1972, с. 281). Кроме того, В.А. Семенов отмечает, что «нельзя сбрасы-

вать со счетов и влияние населения, оставившего памятники с керамикой кушнаренковского (кушнаренковского – *Т.О.*) типа, поскольку оно жило и на правом берегу р. Камы (Кузубаевское I городище)» (Семенов, 1976, с. 10). Т.К. Ютина, объединив 50 памятников юга Удмуртии в верхнеутчанскую культуру VI–IX вв. (1984, с. 77–78; 1985а, с. 174; 1987, с. 109–111), включила в ее состав и Петропавловский могильник (Ютина, 1984, с. 77). Ее позицию и в плане выделения культуры, и в вопросе отнесения к ней Петропавловского могильника поддержала Р.Д. Голдина (Голдина, 1987, с. 21–22; 1999, с. 283).

Петропавловский могильник расположен на северо-восточной окраине бывшей деревни Петропавловская на возвышенной террасе, полого спускающейся к р. Голышурминке, правому притоку р. Иж. Площадка могильника не имела никаких естественных границ (рис. 10: 1), никаких внешних признаков могильных ям на поверхности не обнаружено (Семенов, 1976, с. 6). Недалеко от могильника, выше и ниже по течению реки, обнаружены два селища с находками мазунинской и именьковской культур.

Анализ погребального обряда позволил выявить две группы захоронений: с кремацией и с ингумацией.

Погребения с кремацией (9 захоронений) были сосредоточены в основном в ССВ части площадки могильника (погр. 2–6, 8, 9) (рис. 10: 2), только два захоронения (погр. 16а и 26) располагались на южной окраине древнего кладбища среди погребений с ингумацией.

Захоронения были произведены в простых ямах прямоугольной формы с разной степенью округления углов (по В.А. Семенову – четырехугольной формы). Только контур погребения 3 был аморфным в плане, так как могила была разрушена в древности. Размеры могил были следующие: длина в пределах 150–293 см, ширина 45–53 см, глубина 50–75 см. Судя по размерам, могилы принадлежали подросткам и взрослым. Ориентировка могил была почти одинакова: В-З с небольшими отклонениями. Относительно реки Голышурминки могилы располагались параллельно ее течению. Подобный элемент погребального обряда прослежен у 70% могильных ям на Рождественском могильнике именьковской культуры (Матвеева, 2003, с. 30). Кремированные останки умерших с углями и вещевым инвентарем ссыпались в лубяное гробовище и фиксировались на дне

или в нижней части могилы в виде пятен углей (иногда и золы) и кальцинированных костей. Пятна располагались в центральной части могилы или в одном из ее концов (рис. 11: 2–5). Иногда жженные кости образовывали скопления небольших размеров толщиной до 3,5 см («грудки» по терминологии В.А. Семенова – погр. 6, 8) (рис. 11: 3, 4), реже еще и с углями (погр. 5) (рис. 11: 2).

Половина погребений с кремацией не имела вещевого инвентаря. В других захоронениях в заполнении, около пятен угля или в «грудках» костей хаотично разбросаны предметы. Это были украшения (бусы, пронизки, накладки) или элементы поясной гарнитуры (пряжка, наконечник ремня, поясные накладки), нож (погр. 3), а также обломки лепной посуды (погр. 2, 6, 16а). Следует отметить, что фрагменты керамики из погребений 2, 16а принадлежали сосудам именьковской культуры, а из погребения 6 – кушнаренковской. Все найденные предметы не имели следов действия огня.

Таким образом, погребальный обряд захоронений с кремацией Петропавловского могильника сводится к следующим моментам:

- грунтовые ямы подпрямоугольной формы расположены параллельно реке;
- могилы длинные, узкие (самая широкая могильная яма 130 см – погр. 9), неглубокие;
- на дне могилы находились пятна кальцинированных костей с углем; иногда кости складывались компактно («в грудку» по В.А. Семенову);
- сжигание умерших происходило на стороне;
- вещи встречаются в 50% захоронений и не имеют следов воздействия огня, они хаотично располагаются в заполнении (ближе ко дну могильной ямы) или рядом со жжеными костями умершего;
- состав погребального инвентаря однороден, представлен в основном украшениями и поясной гарнитурой;
- отсутствие предметов вооружения и крупных орудий труда;
- отсутствие целых сосудов, которые заменены их фрагментами (3 случая).

Все указанные признаки, с одной стороны, близки классическим чертам погребального обряда именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 15–16; Матвеева, 2003, с. 29–30), но, с другой стороны, имеют свои особенности. Это могильные ямы удлиненных пропор-

ций, отсутствие сосудов полной формы и следов огня на предметах и керамике, отсутствие очистки костей от остатков костра. Все это является особенностью обряда кремации удмуртского варианта именьковской культуры.

Вторая группа захоронений представлена погребениями с **труположением** (19 захоронений). Они занимали в основном южную часть могильника (кроме погребений 1 и 7, расположенных на северной окраине). Могилы имели прямоугольную форму со скругленными углами. Это длинные (157–225 см), узкие (52–98 см) и неглубокие (38–76 см) могильные ямы с отвесными округленными внизу стенками; три могилы имели в нижней части ступенчатое дно (одна ступенька с длинной стороны – погр. 18; две ступеньки вдоль длинных сторон – погр. 17 (рис. 11: 6); ступенька с одного торца могилы – погр. 15). В заполнении могил встречались мелкие угольки (10 случаев, 53%). Умершие укладывались в гробовища из луба.

Хотя сохранность костяков неудовлетворительная (часть могил разрушена), но по отдельным костям можно судить, что умершие лежали вытянуто на спине, руки вдоль тела (рис. 11: 1). Ориентация умерших была головой на восток, на запад, реже на ССЗ, СВ. Вещи располагались на дне могилы или в засыпке у дна, при этом украшения и поясная гарнитура были намеренно разделены на отдельные элементы и разбросаны. Ряд явлений приводит к мысли, что разрушение предметов связано с обрядом *обезвреживания*, имеющим место на памятниках IV–VII вв. (Матвеева, 2003а, с. 210–211). В пользу этого свидетельствуют следующие факты: в погребении 11 обнаружены очертания вкопа; в пяти погребениях (погр. 10, 13, 14, 24, 25) кости умерших были сдвинуты или лежали в неестественном положении; в трех погребениях на оборотной стороне накладок, пряжек, внутри наконечника пояса сохранились остатки разорванных ремней, что можно было сделать лишь после некоторого пребывания ремня в земле – только в таком случае можно легко разорвать истлевшую кожу руками.

Погребальный инвентарь состоял из орудий труда (косы, ложкари, топоры, мотыжка, скобели, ножи, шилья), оружия (наконечники стрел, копья, дротиков, втоки), поясной гарнитуры, украшений (низки бус, подвески, браслеты, бляшки). Поясная гарнитура выполнена в геральдическом стиле, характерном для

VII в. (рис. 12: 1, 4, 11–16). Относить данную группу погребений к какой-либо культуре на столь незначительном материале пока затруднительно. Если предположить, что могильник оставлен населением Кузубаевского I городища (городище расположено в 5 км) и его округи, то погребения с ингумацией можно связать с носителями кушнаренковской (караякуповской) культуры, а также с именьковским населением, отказавшимся от традиционного способа захоронения (кремации), возможно, вследствие семейно-брачных отношений двух разных культурных групп. Последнее предположение, на наш взгляд, находит подтверждение при сравнении с материалом других могильников именьковской культуры.

В настоящее время исследователям известны биритуальные могильники именьковской культуры – с кремацией и труположением (Ташкирменский, Коминтерновский II, Маклашеевский V, Измерский IX и др.), но и они имеют свои особенности. Это более глубокие могильные ямы (до 200–260 см), наличие погребений с жертвенными комплексами из черепа и костей ног лошади, подбоя в могильной яме, искусственная деформация черепов. Появление подобных погребений Г.И. Матвеева связывала с включением в состав именьковцев иноэтничных групп населения, возможно, носителей черняховской (Матвеева, 1996, с. 63) или кушнаренковской (Матвеева, 2003, с. 33) культур. Другую позицию в понимании появления подобных захоронений в именьковских некрополях занимает Е.П. Казаков. Появление в более поздних могильниках именьковской культуры погребений с труположением он связывает с влиянием турбаслинских племен (Казаков, 1996, с. 47), которых считает сарматами лесостепи (Казаков, 2011, с. 18–19).

Вещевой материал получен в результате раскопок городищ и Петропавловского могильника. Попытаемся выявить в общей массе находок на поселениях, чаще всего принадлежащих разным археологическим культурам, группы вещей, имеющих распространение на памятниках именьковской культуры. Это, прежде всего, орудия труда, выполненные из железа: ножи, шилья, серпы, косы с кольцом для насадки на рукоять, топоры, ложкари, удила, скобели, рыболовные крючки и т.д. Указанный набор орудий труда для занятий земледелием, скотоводством и рыболовством в полном объеме соответствует находкам на памятниках именьковской культуры (Матвеева, 2003, с. 44).

Из обнаруженных на памятниках удмуртского варианта орудий труда к категориям, характеризующим уровень развития земледелия, относятся серпы, имеющие изогнутый клинок. Длина лезвийной части колеблется в пределах 14,6–18,1 см при общей длине серпов 17,1–23,0 см. Найдены они на Кузубаевском I (рис. 13: 10, 11) и Староигринском (рис. 4: 11) городищах, а также в погребальном инвентаре Петропавловского могильника (Семенов, 1976, табл. VII: 4, 5). На конце двух серпов имеется загиб-пяточка (рис. 13: 10, 11). На одном из этих серпов сохранились следы насечки на лезвии, что облегчает резку толстых стеблей зерновых растений (рис. 13: 10). По мнению Ю.А. Краснова, подобные серпы имели широкое распространение в южных и юго-западных районах степной и лесостепной зоны Восточной Европы, а также южных районах Средней Европы (Краснов, 1971, с. 72). Есть они и на памятниках именьковской культуры (Старостин, 1967, табл. 13: 3, 8; Матвеева, 2003, рис. 24: 9, 10), и совпадают с вышеописанными серпами как по конструкции, так и по размерам. На Петропавловском могильнике найдены обломок косы и кольцо для насадки косы-горбуши на рукоять (Семенов, 1976, табл. VII: 3, 7). Разнообразные виды зерен были обнаружены в виде скопления в культурном слое Староигринского городища. По определению к.б.н. А.В. Туганаева, это были зерна пшеницы, ржи, овса, ячменя обыкновенного и полбы-двузернянки.

Орудия размолы зерна – жернова в массе найдены на Кузубаевском I городище как целые, так и в обломках (742 экз.), а на Староигринском только в обломках (рис. 4: 9, 10). Большинство жерновов имеют диаметр 33–45 см при толщине 3–7 см. К орудиям земледелия относится и мотыжка из Петропавловского могильника (Семенов, 1976, табл. VIII: 5), находки которых имеют место на памятниках как именьковской, так и еманаевской, полумской, неволинской, ломоватовской культур.

Найдены на Петропавловском могильнике в погребениях с ингумацией и топоры (втульчатый и проушной), которые отличаются от именьковских размерами. Если большинство именьковских топоров имеют сильно вытянутые пропорции, с узким проухом (Старостин, 1967, табл. 13: 9, 11, 12), то топоры из Петропавловского могильника более массивные. Самые близкие аналоги они имеют в материалах памятников I тыс. н.э. с территории Башкортостана (Старокабанов-

ский, Бирский могильники) (Останина, 1997, рис. 17: 2; 18: 1). В погребениях 77 и 156 Бирского могильника обнаружен такой же набор орудий труда, что и на Петропавловском некрополе: проушной топор, мотыжка, скобель, ложкарь, двусоставные кольчатые удила, нож (Мажитов, 1968, табл. 15: 1, 11, 12, 17, 18; 29: 15–20). Указанные погребения А.К. Амброз относил к VII в. (Амброз, 1980, с. 47, рис. 13). Таким образом, на памятниках удмуртского варианта наблюдается тот же набор земледельческих орудий, как и на памятниках классической именьковской культуры, хотя в удмуртской группе пока не найдены наральники. В изготовлении же топоров отмечается влияние традиций местного финно-пермского населения.

Заслуживают внимания находки на Кузубаевском I и Верхнеутчанском городищах железных крючков больших размеров (длиной 5,6–8,7 см) (рис. 14: 5–7), которые появляются на удмуртской территории только на памятниках именьковского времени (Ютина, 1984, рис. 5: 22). Они аналогичны по конструкции и размерам находкам на городище Лбище (Матвеева, 2003, рис. 22: 8, 10), Щербетьско-Островном I селище, Коменгерновском поселении (Курган) и Маклашеевском II городище (Старостин, 1967, табл. 14: 3, 8, 13, 15, 18). Крючки использовались для ловли осетровых рыб (стерлядь, осетр, белуга). Их правильнее определять как крючки-самоловы, предназначенные для зацепки за тело и плавники при ловле указанных рыб. Ловля на самоловы хорошо описана авторами книги «Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена» (Кириянов, Коренюк, Чагин, 2007, с. 55–57).

Самой массовой находкой на всех исследованных городищах удмуртского варианта, как и на поселениях именьковской культуры в целом, были пряслица. П.Н. Старостин выделил четыре типа (усеченно-биконические, цилиндрические, линзовидные, плоские) (Старостин, 1967, с. 21). На Кузубаевском I городище обнаружены все эти типы (рис. 15). Но только пряслица усеченно-биконической формы представлены на всех исследованных памятниках: Кузубаевском I (рис. 15: 1–13), Староигринском (рис. 4: 6, 7), Верхнеутчанском (Ютина, 1984, рис. 5: 13, 15), Чегандинском I (Генинг, 1967, табл. III: 1, 2) городищах. На Кузубаевском I городище указанный тип составляет 87,8% (Останина, 2002, с. 22). Усеченно-биконический пряслица были наиболее характерны, для поселений

именьковской культуры (Старостин, 1967, с. 21; Матвеева, 2003, с. 40).

Довольно разнообразна коллекция предметов, связанных с черной и цветной металлургией. На поселениях обнаружены куски шлака и крицы. Особенно много их найдено на Кузубаевском I городище: шлака – 363 фрагмента, крицы – один кусок весом 200 г (рис. 14: 11). Широко представлены керамические тигли (рис. 14: 8, 10, 12). Нами выделено три типа: конусовидные, рюмкообразные, баночные. Все они имели широкое распространение, как в территориальном, так и хронологическом плане. Подобное сочетание типов тиглей наблюдается только на памятниках имениковской культуры: Имениковском I городище, Щербетьско-Островном I селище (Старостин, 1967, табл. 23: 4–6). На Кузубаевском I городище преобладают тигли рюмкообразной формы (Останина, 2002, с. 31).

На Чегандинском I, Кузубаевском I, Верхнеутчанском городищах найдены литейные формы для отливки зеркал (Генинг, 1967, табл. IV: 1), украшений (рис. 14: 1–4), слитков–стержней из цветного металла (рис. 14: 9). К бронзолитейному производству относятся льячки для разлива металла (рис. 14: 13) (Ютина, 1984, рис. 5: 16, 21). Анализируя состав орудий труда, следует отметить отсутствие среди находок инструментов по обработке черного металла (зубила, молотки, молоты, кузнечные клещи и т.д.).

Предметы вооружения представлены железными и костяными наконечниками стрел, обнаруженными на всех исследованных городищах, а также в пяти погребениях Петропавловского могильника. На Петропавловском могильнике в составе погребального инвентаря захоронений с ингумацией присутствуют два наконечника копий и наконечник дротика (Семенов, 1976, табл. VI: 9–10). На могильнике (Семенов, 1976, табл. VIII: 7) и в культурном слое Кузубаевского I и Староигринского городищ (рис. 4: 12; 13: 5–7) найдены втоки – наконечники на древко копья (6 экз.). В большом количестве, но, чаще всего, в обломках, найдены костяные наконечники стрел – черешковые, имеющие треугольной формы перо и плоский черешок (рис. 12: 17–21). В двух случаях черешок снабжен насечками для лучшего крепления к древку стрелы (рис. 12: 19), подобно находкам из Имениковского I городища (Матвеева, 2003, рис. 30: 18). Если железные наконечники стрел (рис. 13: 1–4, 12–16), копий (Семенов, 1976, табл. VI: 10) и дротиков (Семенов, 1976,

табл. VI: 9) имеют территориально довольно широкие аналогии от Южного Урала до Волги – до памятников имениковской культуры и ранних болгар Поволжья (Матвеева, 2003, рис. 21: 1, 3–11, 13; Иванов, 1987, с. 175), то втоки были характерны для вооружения культур лесной полосы, где проживало финно-пермское население – носители поломской, ломоватовской и еманаевской культур (Семенов, 1980, рис. XXXIII: 16; Голдина, 1985, рис. XXVII: 10, 28; Лещинская, 1988, рис. 13: 15–22).

Украшения на памятниках удмуртского варианта имениковской культуры представлены бусами, разного типа подвесками, пронизками, браслетами.

В культурном слое городищ (Кузубаевского I, Благодатского I, Верхнеутчанского) бус найдено незначительное число. Большая коллекция бус входила в состав погребального инвентаря Петропавловского могильника (Семенов, 1976, с. 26–36; табл. IX). В захоронениях некрополя обнаружено 257 бусины, из них 83,6% изготовлены из стекла, 14,8% – из камня (сердолик, горный хрусталь, халцедон), 1,6% – из крупных раковин. Классификация бус на основании материала, техники изготовления и формы разработана В.А. Семеновым (1976, с. 26–36). Его исследование показало, что самыми распространенными в погребальном инвентаре могильника были стеклянные шарообразные и таблетковидные бусы темно-синего цвета, а также бисер темно-синего, черного цветов. Далее идут стеклянные 14-гранные бусы голубого и темно-синего цветов и каменные бусы. На поселениях найдены в основном сердоликовые, халцедоновые и стеклянные бусы, а на Кузубаевском I и Благодатском I городищах обнаружены еще и бусы из глины и янтаря, хотя они и составляют единицы в общем объеме находок бус (Останина, 2002, с. 29).

Исследуя другие категории украшений, автор опирается на вывод, который в свое время сделала Г.И. Матвеева, а именно: «... в имениковской культуре нет украшений, присущих ей только одной» (2003, с. 52). Выделяется группа украшений, характерных для носителей культур финно-пермских народов, т.е. имеющих местное происхождение. Так, на Благодатском I городище при раскопках 1982 г. найдены перстень с привесками, подвеска-лапка, вернее, «лапчатая» (Ютина, 1984а, с. 188), а на Кузубаевском I городище – пронизка-трубочка (рис. 16: 18), сложносоставная подвеска с 8-образным

звенном-переходником (рис. 16: 3), колесо-видная с ушком (рис. 16: 1) и колоколовидная (рис. 16: 15) подвески, обломок фибулы-застежки (рис. 16: 17). Еще больше украшений обнаружено на Петропавловском могильнике (пронизки, браслеты, подвески, бляшки-накладки) (Семенов, 1976, рис. III: 21–25; IV; V), в том числе подвеска-конек (рис. 12: 9), подвеска-кольцо с выпуклинами (рис. 12: 8). Все они встречаются, прежде всего, на близлежащих памятниках еманаевской культуры (Стефанова 1982, рис. 3: 6, 8, 12; 4: 2, 4; Лещинская, 1994, рис. 16: 22, 23; 17: 3, 5), ломоватской (Семенов, 1980, рис. VI: 6; VII: 1–6, 13–15, 47, 48) и ломоватовской (Голдина, 1985, рис. XX: 13; XXIII: 35) культур. Особенно близок указанный набор украшений к комплексу предметов из синхронных памятников еманаевской культуры, расположенных на правом берегу р. Вятки, таких как, Концовский и Тат-Боярский могильники (Стефанова, 1982; Иванова, 1988; Лещинская, 1994). Следует отметить местное производство наконечников ремня прямоугольной формы с имитацией насечек в виде елочки (рис. 16: 11, 12, 20), которые были особенно популярны на памятниках удмуртского варианта именьковской культуры.

Незначительно число предметов костюма и украшений, для которых предлагаются аналогии в зарубинецкой, пшеворской культурах. Это расплющенная пронизка-трубочка из свернутой полоски цветного металла (рис. 16: 2) и кольцевая подвеска с выпуклинами (рис. 12: 8). А.В. Богачев, исследуя эту категорию украшений (территория распространения, типология и хронология), пришел к выводу, что кольцевые подвески имеют зарубинецко-пшеворские корни. Находки литевой формы для изготовления подвесок на Именьковском I городище свидетельствуют о собственном ремесленном производстве кольцевых подвесок у племен именьковской культуры (Богачев, 1998, с. 155), а время их бытования на территории Волго-Камья определяется IV–VII вв. (Богачев, 1998, с. 154).

Датировка памятников удмуртской группы. Хронологические рамки существования памятников именьковской культуры, как отмечает Г.И. Матвеева, варьируют у разных исследователей от III в. до IX в. (Матвеева, 2003, с. 53). Наличие подобных разногласий в датировке автор объясняет бедностью погребального инвентаря и отсутствием крупных стационарных раскопок на поселениях.

При относительно большом количестве вещевого материала, обнаруженного в ходе раскопок городищ удмуртского варианта и Петропавловского могильника, не все предметы могут служить хронологическими реперами. Керамика, орудия труда, предметы металлургического производства и частично оружие имеют довольно длительный период бытования. Только элементы поясной гарнитуры и ряд категорий украшений, более подверженные изменению средневековой «моды» могут стать определителями даты памятников указанной группы. Наибольшее число подобных предметов обнаружено в культурном слое Кузебаевского I городища, где вскрыто 50% площади (Останина, 2003, с. 7), и в погребальном инвентаре Петропавловского могильника (Семенов, 1976). Почти все находки поясной гарнитуры здесь относятся к геральдическому стилю. Уральские исследователи относят их появление и распространение на территории Среднего Прикамья к концу VI–VII вв. (Генинг, 1979, с. 100–101; Семенов, 1980, рис. 30; Голдина, 1985, с. 126). Однако в последние годы происходит уточнение датировок разных типов пряжек, поясных накладок. Так, лировидная бесщитковая пряжка удлиненных пропорций (рис. 12: 14) теперь имеет нижней границей бытования начало VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996, с. 79; Магомедов, 1983, с. 86). Находки щитковых пряжек (псевдопряжек) с V-образным приемником с выступами у основания и небольшой прорезью (рис. 12: 16) И.О. Гавритухин относит к хронологическим горизонтам 3 и 4 и датирует первой половиной – второй и третьей четвертями VII в. (Гавритухин, 2001, с. 37–40). На геральдическом щитке цельнолитой пряжки (рис. 12: 15) имеются прорези – «усы». Подобный декор щитка пряжки находит аналогии в материалах погребения у хутора Крупской на р. Кубани. Такие пряжки датируются началом второй трети VII в. (Атавин, 1996, с. 229; табл. 2: 2). Типы поясных накладок геральдического стиля Петропавловского могильника (Семенов, 1976, табл. III: 1–14, 16–20) – рогатые (рис. 12: 1), T-образные (рис. 12: 11), щитовидные с прорезями на щитке (рис. 12: 4; 16: 9), Ж-образные (рис. 12: 12, 13), «птицевидные» (Семенов, 1976, табл. III: 20) – встречаются в подобном сочетании и вместе с перечисленными типами пряжек во 2-й и 3-й четвертях VII в. (Останина и др., 2011, с. 89).

Весь имеющийся материал из исследованных памятников именьковской культуры от р. Голышурминка до р. Большая Ямаша,

правых притоков Камы, дает возможность датировать их VII в. Эта дата относится и к группе памятников среднего течения р. Тоймы. Судя по нахождению плоскодонного горшка в воинском погребении Тураевского курганного могильника (V в. н.э.), на р. Чукма и ниже по течению Камы это население появилось раньше. Но только в VII в. оно стало активно осваивать новые земли и заселило большую часть территории юга современной Удмуртии (Каракулинский, Алнашский, Граховский районы) и северо-восточную часть современного Татарстана (Агрызский, Менделеевский районы). Таким образом, нами определена территория удмуртского варианта именьковской культуры: среднее течение Камы – от устья р. Тойма до р. Большая Ямаша.

Изучение памятников удмуртского варианта именьковской культуры приводит нас к следующим выводам:

1. Удмуртский вариант представлен всеми типичными для именьковской культуры памятниками (селища, городища, могильники, места отдельных находок).

2. В выборе места для проживания пришедшее с запада население руководствовалось прежними критериями (высокие берега, расположение у реки, кустовая система размещения городищ и селищ). Обычно именьковцы, как и у себя на родине, занимали территории, использовавшиеся носителями предшествующих культур.

3. В организации защиты городищ от нападения врага использовали валы, рвы, деревянные стены на валах и вдоль края площадки, конструкции внутри вала.

4. На поселениях сооружали и использовали привычные для именьковцев типы хозяйственных ям и жилищ (полуземлянок).

5. Пришлое именьковское население продолжило развивать традиционные формы деятельности: скотоводство, приселищное

земледелие, рыболовство, охоту, цветную и черную металлургию и металлообработку, ткачество, гончарное дело. Следует отметить, что, с одной стороны, многие орудия труда именьковского населения (жернова, серпы, косы) на 200 лет опередили их распространение на данной территории, с другой, наблюдается заимствование у местного населения форм орудий труда, оказавшихся более производительными, чем традиционные именьковские (например, топоры).

6. Как и на поселениях основной территории именьковской культуры, в ареале удмуртского варианта население создавало целые ремесленные комплексы по производству железа и обработке цветного металла, хотя инструментарий по обработке железа (стали) пока не обнаружен.

7. Погребальный обряд на могильниках имеет биритуальный характер (кремация, ингумация), что зафиксировано также в поздних некрополях культуры на собственно именьковской территории. Кремация при общем сходстве имеет свои особенности: могилы прямоугольной формы и больших размеров; отсутствие следов огня на погребальном инвентаре и очистки костей от остатков костра; вместо сосудов полной формы в могилах присутствуют только их фрагменты.

8. В состав погребального инвентаря входят разного типа украшения, орудия труда, оружие, поясная гарнитура. При этом многие типы украшений заимствованы у местного населения. Встречаются предметы и чисто восточнославянского происхождения.

9. Керамический комплекс при наличии общих черт с керамикой классической именьковской культуры (состав глиняного теста, техника изготовления, формы сосудов) отличается относительно большим числом орнаментированной посуды (37%) и разнообразием элементов узора.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 3–56.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье / Науч. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1981. 211 с.

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 208–264.

Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической

конференции 17–20 ноября 1997 г./ Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1998. С. 151–166.

Гавритухин И.О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Материалы III Международной археологической конференции. Т. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2001. С. 31–86.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-хронологический контекст / РСМ. Вып.3. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 157–219.

Генинг В.Ф. Городище Чеганда I в мазунинское время // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УРКМ, УГУ, 1967. С. 141–163.

Генинг В.Ф. *Городище Чеганда I.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 11 / Отв. ред. В.А. Семенов. Свердловск-Ижевск: типография изд-ва «Уральский рабочий», 1971. С. 35–83.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 221–295.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ им. Ибрагимов КФАН СССР, 1976. С. 55–108.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып.158. С. 96–106.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 6–36.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 464 с.

Иванов В.А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII–XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Евразии. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. С. 172–189.

Иванова М.Г. Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. С. 4–24.

Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятников // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 40–57.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. / *Finno-Ugrica*. 2011. № 12–13. С. 8–39.

Казанцева О.А. Отчет о раскопках Петропавловских II, III селищ в Алнашском районе Удмуртской АССР в 1984 году // Архив ИА РАН. Р–1, № 10280, 26 л.

Казанцева О.А. Исследования Кудашевского могильника в Бардымском районе Пермской области и в Алнашском районе Удмуртии // АО 1994 года. М: Наука, 1995. С. 210–211.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский ун-т, 1986. С. 110–129.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Разведочные работы в Алнашском районе Удмуртской Республики // АО 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 349.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Разведочные работы в Алнашском районе Удмуртской Республики // АО 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 377.

Казанцева О.А., Ютина Т.К. Разведка в Алнашском районе Удмуртской Республики // АО 2006 года. М.: Наука, 2009. С. 460.

Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 168 с.

Корепанов К.И. Отчет о работе южного отряда Удмуртской археологической экспедиции в 1974 г. / Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Д. 902.6. 52 л.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тысячелетие до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э.) / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука. 1971. 165 с.

Леконцева (Шутова) Н.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 г. в Елабужском, Агрызском районах ТАССР, в Алнашском районе УАССР / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 5939. Л. 9–11.

Лецинская Н.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1988. С. 79–107.

Лецинская Н.А. Хронология и периодизация могильников в бассейне р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 88–127.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата: По материалам археологических исследований и письменных данных. М.: Наука, 1983. 224 с., ил.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 164 с.

Матвеева Г.И. К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 58–65.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2003. 160 с.

Матвеева Г.И. Обряд обезвреживания погребенных в могильниках IV–VII веков в Южном Приуралье и Среднем Поволжье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции (Пермь, 6–10 октября 2003 г.) Пермь: Пермский государственный университет, 2003а. С. 210–211.

Нигаматов А. З., Хузин Ф.Ш. Древняя Алабуга и проблемы ее возникновения // Древняя Алабуга. / Под. ред. Р.Р. Хайрутдинова, Ф.Ш. Хузина. Елабуга: изд-во «Мастер-Лайн», 2000. С. 7–55.

Останина Т.И. Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1985. С. 78–91.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Останина Т.И. Отчет об археологических раскопках I Чегандинского городища (с. Чеганда, Каракулинский р-н, УР), проведенных летом в июле 1998 года / Архив НМУР. Д. 1456. 50 л.

Останина Т.И. Кузубаевское городище. IV–V, VII вв. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. 112 с.

Останина Т.И. Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда. Каталог. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 231 с.

Останина Т.И. Археологические исследования В.А. Семенова на территории Удмуртии и Татарии в 1956–1970 гг. // Музей и современность: Сб. ст. / Отв. ред. Т.И. Останина. Ижевск: Сфера-медиа, 2005. С. 23–42.

Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузубаевский клад VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия, 2011. 218 с.

Потанин Г.Н. Городища близ деревень Утчан и Варзи-Ятчи (Елабужского уезда Вятской губ.) // ИОАИЭ. Казань: Типогр. Импер. ун-та, 1884. Т. 3. С. 256–259.

Семенов В.А. Отчет Удмуртской археологической экспедиции 1965 г. / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 3022. 91 л.

Семенов В.А. Петропавловский могильник VI–VII вв. в Южной Удмуртии // ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск–Свердловск: УРКМ; УГУ, 1967. С. 164–171.

Семенов В.А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В.Е. Владыкин. Ижевск: Удмуртский НИИ при Совете Министров УАССР, 1976. С. 3–50.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: Удмуртия, 1980. С. 5–135.

Смирнов А.П. Обследование р. Валы // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 109–112.

Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Т. I. М.: Типогр. Э. Лиссвера и Ю. Романа, М.Г. Волчанинова, 1893. 222 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1–32. М.: Наука, 1967. 95 с.

Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982. С. 90–103.

Ютина Т.К. Отчет о раскопках селища Миханичи III в Юрьинском р-не Кировской области, Благодарского I и Верхне-Утчанского городищ в Алнашском районе Удмуртской АССР, проведенных в 1980 году / Архив ИИКНП. Ф. 2. Д. 117. 135 л.

Ютина Т.К. Исследования в южной Удмуртии // АО – 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 181–182.

Ютина Т.К. Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья / Отв. ред. Б.Г. Плющевский. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1984. С. 53–66.

Ютина Т.К. Исследования в зоне затопления Нижне-Камской ГЭС // АО – 1982. М.: Наука, 1984а. С. 188.

Ютина Т.К. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1984б. С. 71–94.

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Варалинского городища и разведок в Алнашском районе Удмуртской АССР в 1985 году // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 12451.

Ютина Т.К. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I–II тыс.н.э. (на англ.яз.) / VI междунар. конгр. финно-угроведов. (Сыктывкар, 24–30 июль 1985 г.). Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985а.

Ютина Т.К. Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I тыс.н.э. // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Ижевск: Удмуртский госуд. ун-т, 1987. С.109–111.

Информация об авторе:

Останина Таисия Ивановна, доктор исторических наук, хранитель музейных предметов. Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда (г. Ижевск, Россия); tiostanina@gmail.com

THE UDMURT VARIANT OF THE IMEN'KOVO CULTURE: THE RESULTS OF THE STUDY AND THE FEATURES

T.I. Ostanina

The article is dedicated to the study of the Udmurt version of the Imen'kovo culture. It features an outline of its territory and provides a general description of the ancient villages, settlements and burial grounds. The author provides a typology of the structures discovered in well-excavated sites. The features of the particular type of dwellings is determined. Great attention is given to the funeral rite of the Petropavlovsky burial ground. Common features with the classical burial grounds were identified as well as its uniqueness. A general description of the finds is provided and the Udmurt version of the Imen'kovo culture was identified in terms of chronology.

Keywords: archaeology, Middle Kama region, Imen'kovo culture, Early Middle Ages, Petropavlovsky burial ground, Kuzebaev hillfort.

About the Author:

Ostanina Taisiya I. Doctor of Historical Sciences. The National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd. Kommunarov St., 287, Izhevsk, 426034, Udmurt Izhevsk, 426034, Russian Federation; tiostanina@gmail.com

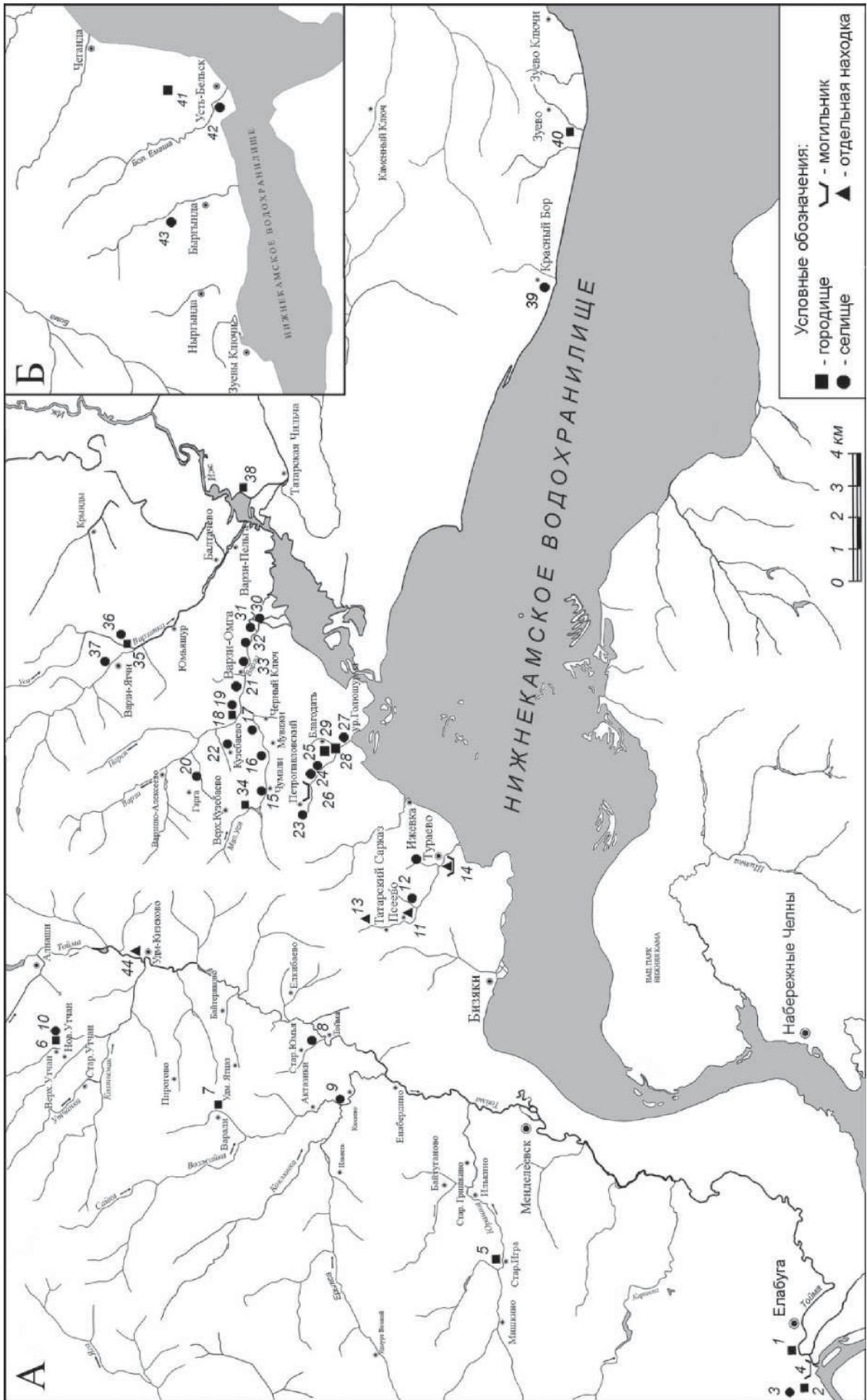

Рис. 1. Карта памятников удмуртского варианта именьковской культуры: 1. Котловское II городище, д. Котловка, Елабужский район, РТ, прав. берег р. Камы; 2. Котловское селище, д. Котловка, Елабужский район, РТ, прав. берег р. Камы. 3. Елабужское (Чертово) городище г. Елабуга, РТ, прав. берег р. Тоймы, прав. приток р. Камы; 4. Луговской II могильник (?), пос. Луговой, Елабужский район, РТ, прав. берег р. Камы; 5. Староигринское городище (Каргурезь), д. Старая Игра, Граховский р-н, УР, р. Улек, лев. приток р. Юрашки, прав. приток р. Тойма, прав. приток р. Камы; 6. Верхнеутчанское городище (Кар-йил), д. Верхний Утчан, Алнашский р-н, УР, р. Варажка, лев. приток р. Колтымак, прав. приток р. Тоймы, прав. приток р. Камы; 7. Варалинское городище, д. Варали, Алнашский р-н, УР, р. Варали, прав. приток Тоймы, прав. приток Камы; 8. Староюмьинское I селище, д. Старая Юмья, Алнашский р-н, УР, прав. берег р. Тойма; 9. Камаевское селище, д. Камаево, Елабужский (ныне Менделеевский) р-н, РТ, рч. Ильнет, прав. приток р. Тоймы, прав. приток р. Камы; 10. Верхнеутчанское селище, д. Верхний Утчан, Алнашский р-н, УР, р. Варажка, лев. приток р. Колтымак, прав. приток Тоймы, прав. приток р. Камы; 11. Псеевское местонахождение, с. Псеево, Менделеевский р-н, РТ, лев. берег рч. Чукма, прав. приток р. Камы; 12. Куразовское III селище, д. Куразово, Менделеевский р-н, РТ, лев. берег р. Чукма, прав. приток р. Камы; 13. Сарсазское местонахождение, д. Сарсаз, Менделеевский район, левый берег р. Чукма, прав. приток р. Камы; 14. Тураевский курганный могильник (находка сосуда именьковского типа в погребении) д. Тураево, Менделеевский р-н, РТ, прав. берег р. Чукма, прав. приток р. Камы; 15. Чумалинское III селище, д. Чумали, Алнашский р-н, УР, р. Малая Уса, прав. приток р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 16. Муважинское III селище, с. Муважи, Алнашский р-н, УР, р. М. Уса, прав. приток р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 17. Муважинское II селище, с. Муважи, Алнашский р-н, УР, р. М. Уса, прав. приток р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 18. Кузебаевское I городище, д. Кузебаево, Алнашский р-н, УР, лев. берег р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. берег р. Камы; 19. Кузебаевское I селище, д. Кузебаево, Алнашский р-н, УР, р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 20. Кузебаевское III селище, д. Кузебаево, Алнашский р-н, УР, р. Гарга, прав. приток р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 21. Кузебаевское V селище, д. Кузебаево, Алнашский р-н, УР, р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 22. Кузебаевское поселение Вужгурт, д. Кузебаево, Алнашский р-н, УР, р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 23. Петропавловское I селище, поч. Петропавловский, Алнашский р-н, УР, р. Голюшурминка, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 24. Петропавловское II селище, поч. Петропавловский, Алнашский р-н, УР, р. Голюшурминка, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 25. Успенское селище, бывш. поч. Успенский (с. Муважи), Алнашский р-н, УР, р. Голюшурминка, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 26. Петропавловский могильник, д. Петропавловская, Алнашский р-н, УР, р. Голюшурминка, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 27. Голюшурминское селище, бывш. с. Голюшурма, Алнашский р-н, УР, прав. берег р. Иж, прав. приток р. Камы; 28. Благодатское I городище, д. Благодать, Алнашский р-н, УР, р. Голюшурминка, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 29. Благодатское II городище, д. Благодать, Алнашский р-н, УР, р. Голюшурминка, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 30. Варзинское I селище, бывш. д. Варзи (д. Варзи-Омга), Агрызский р-н, РТ, прав. берег р. Иж, прав. приток р. Камы; 31. Варзинское II селище, бывш. д. Варзи (д. Варзи-Омга), Агрызский р-н, РТ, прав. берег р. Иж, прав. приток р. Камы; 32. Варзи-Омгинское I селище, д. Варзи-Омга, Агрызский р-н, лев. берег р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 33. Варзи-Омгинское II селище, с. Варзи-Омга, Агрызский район, РТ, лев. берег р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 34. Кузебаевское II городище, д. Кузебаево, Алнашский р-н, УР, р. М. Уса, прав. приток р. Варзи, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 35. Варзи-Ятчинское городище, с. Варзи-Ятчи, Алнашский р-н, УР, лев. берег р. Варзинки, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 36. Варзи-Ятчинское I селище, с. Варзи-Ятчи, Алнашский р-н, УР, лев. берег р. Варзинки, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 37. Варзи-Ятчинское III селище, с. Варзи-Ятчи, Алнашский р-н, УР, лев. берег р. Варзинки, прав. приток р. Иж, прав. приток р. Камы; 38. Варзи-Пельгинское городище, д. Варзи-Пельга, Агрызский р-н, РТ, лев. берег р. Иж, прав. притока р. Камы; 39. Пьяноборское (Красноборское) селище, с. Красный Бор, Агрызский район, РТ, прав. берег р. Камы; 40. Верхнемалиновское городище, д. Зуево, Агрызский р-н, РТ, прав. берег р. Камы; 41. Чегандинское I городище, с. Чеганда, Каракулинский р-н, УР, прав. берег Камы; 42. Ямаша II, селище, д. Усть-Бельская, Каракулинский р-н, УР, р. Ямаша, прав. приток р. Камы; 43. Быргындинское II селище, д. Быргында, Каракулинский р-н, УР, лев. берег р. Ижболдинки (Нырғындинки), прав. притока р. Камы; 44. Кадиковское место находки керамики, д. Кадиково, Алнашский р-н, УР, р. Колтымак, прав. приток р. Тойма, прав. приток р. Камы.

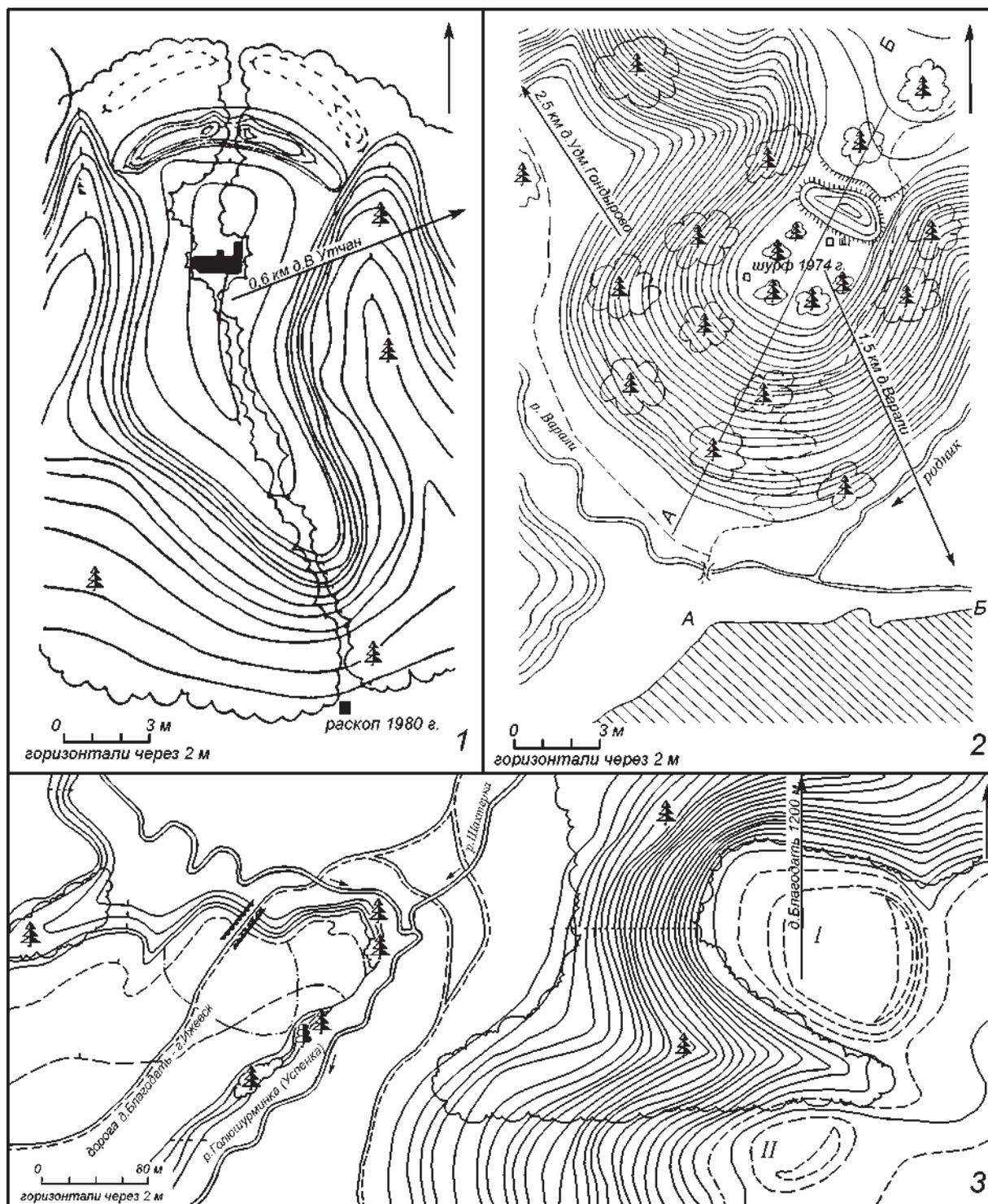

Рис. 2. Топографические планы городищ: 1 – Верхнеутчанское; 2 – Варалинское; 3 – Благодатские I и II.

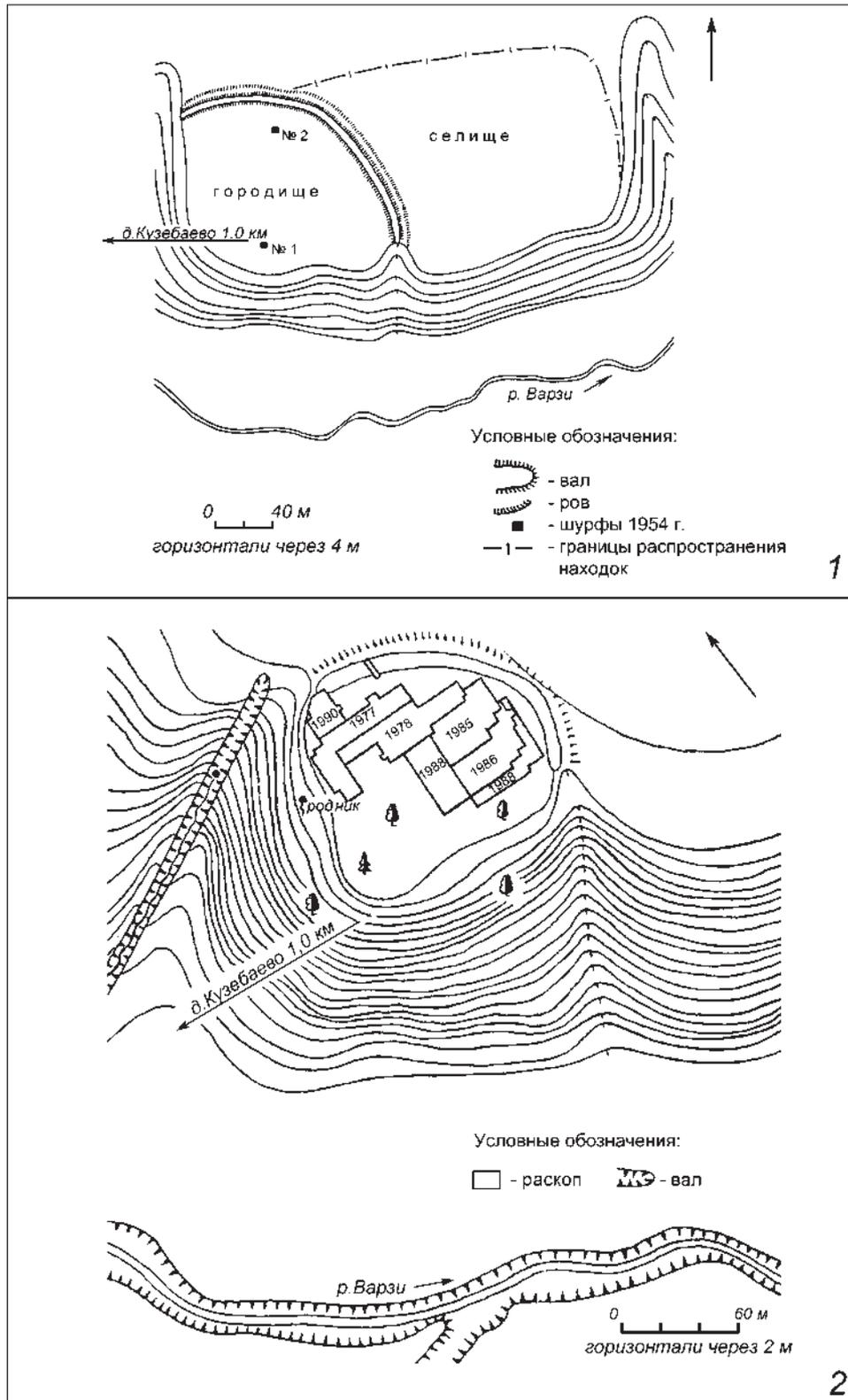

Рис. 3. 1 – план-схема расположения Кузубаевских I городища и I селища (съёмка 1954 г.);
 2 – топографический план Кузубаевского I городища (съёмка 1976 г.).

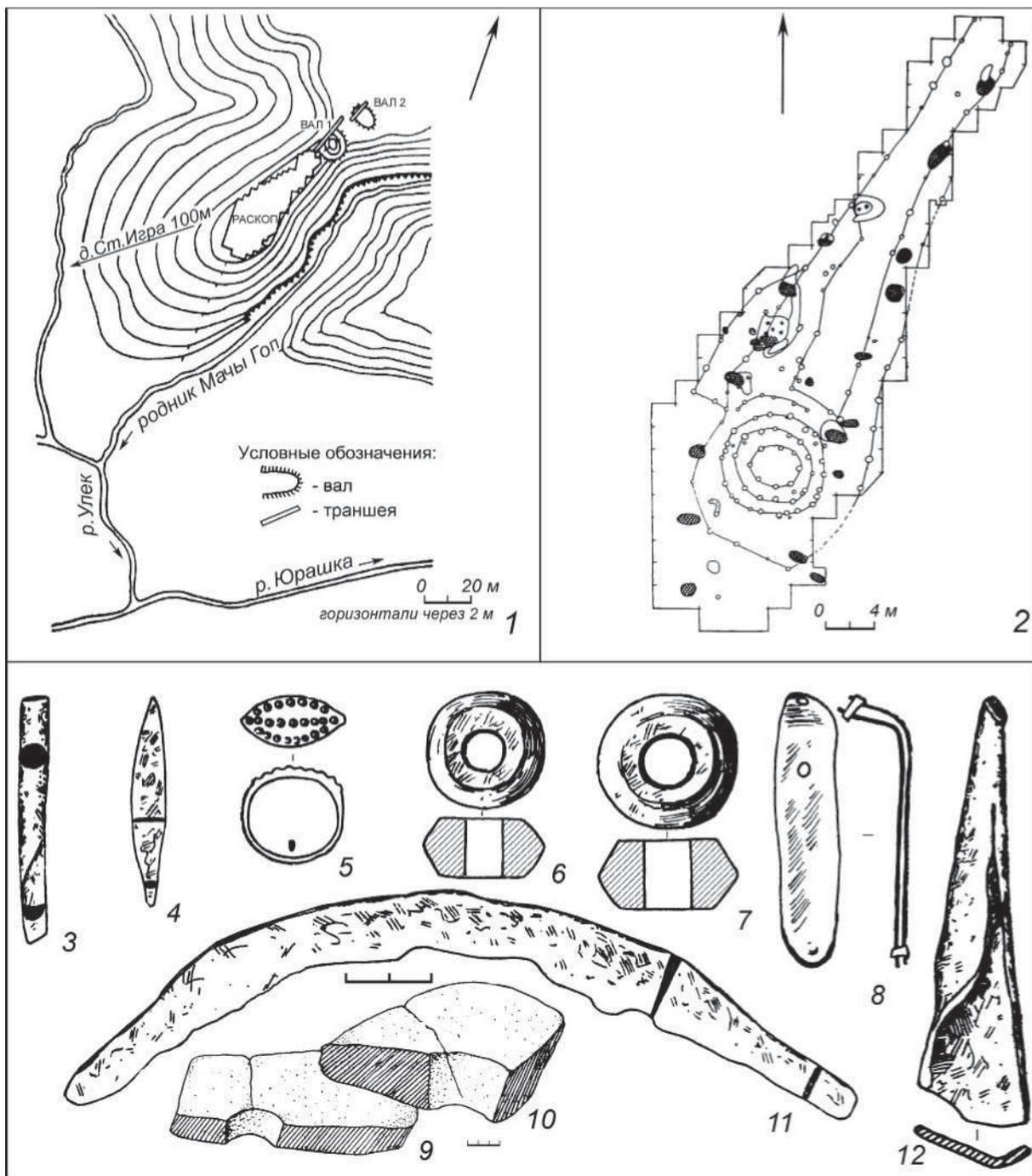

Рис. 4. Материалы Староигринского городища: 1 – топографический план; 2 – план раскопа с сооружениями; 3 – профили валов; 4–13 – вещевой материал (3, 4, 11, 12 – железо; 5, 8 – бронза; 6, 7 – глина; 9, 10 – камень).

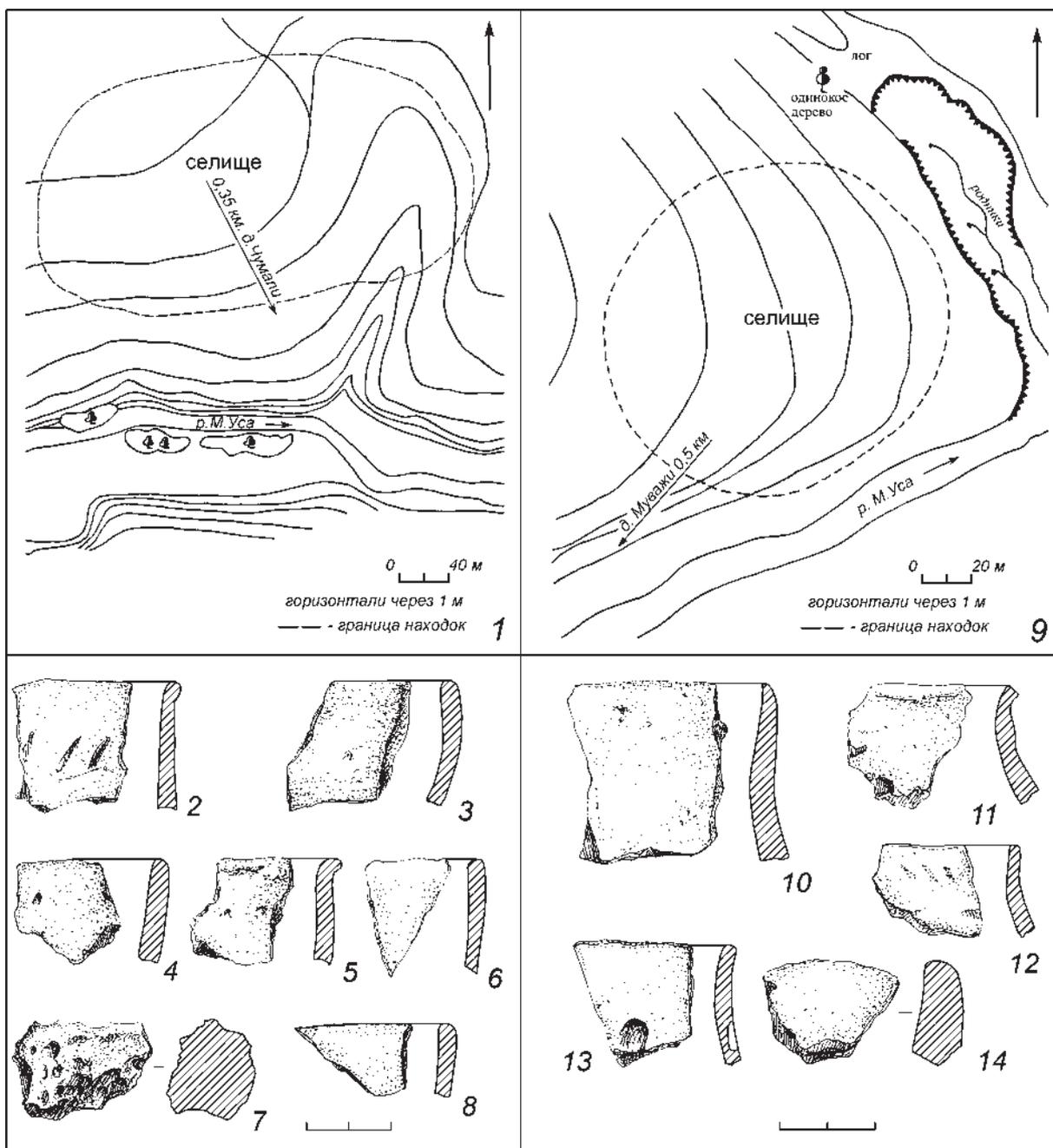

Рис. 5. 1 – план Чумалинского III городища; 2–8 – подъемный материал из Чумалинского III селища (фрагменты керамики, кусок шлака); 9 – план Муважинского II селища; 10–14 – подъемный материал из Муважинского II селища (фрагменты керамики, фрагмент «лепешки»).

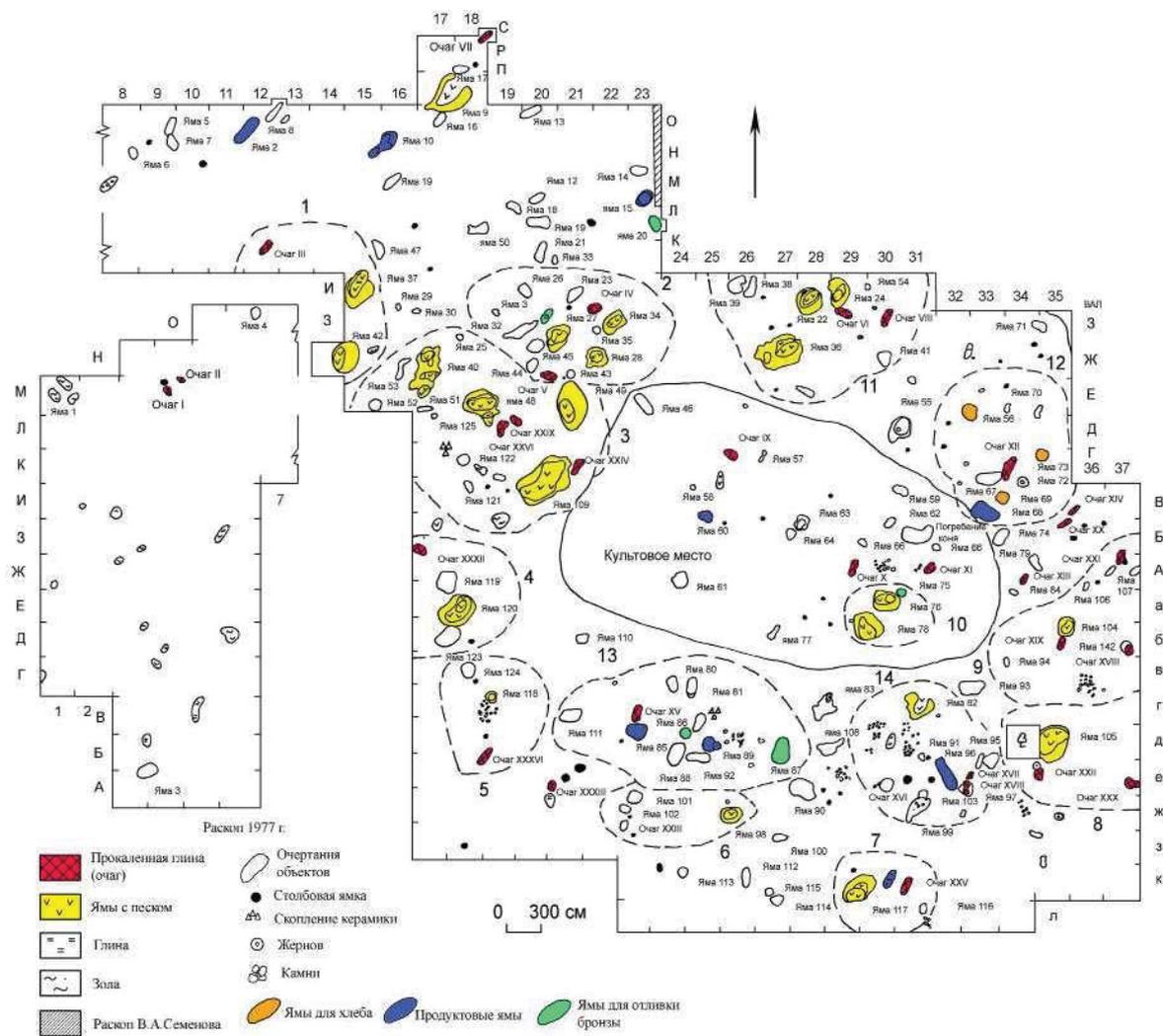

Рис. 6. Кузубаевское I городище. Реконструкция производственных комплексов.

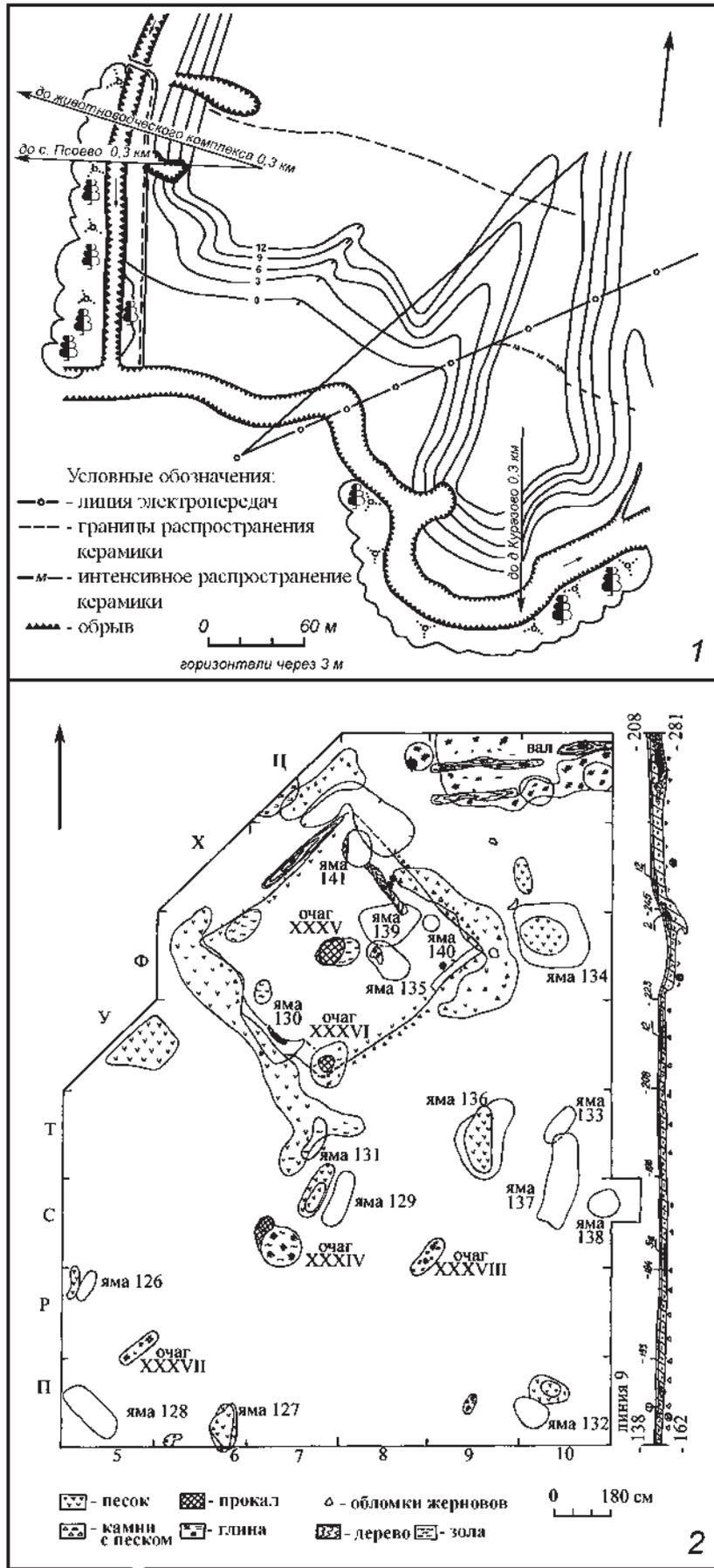

Рис. 7. 1 – план Куразовского III селища; 2 – Кузебаевское I городище, общий план раскопа 1990 г. с очерчением жилища-полуземлянки (северо-западная часть городища).

Рис. 8. Кузубаевское I городище: 1–3 – плоскодонные сосуды, 4 – северная стенка деревянного сруба, обнаруженного в валу городища (снимок сделан со стороны площадки памятника).

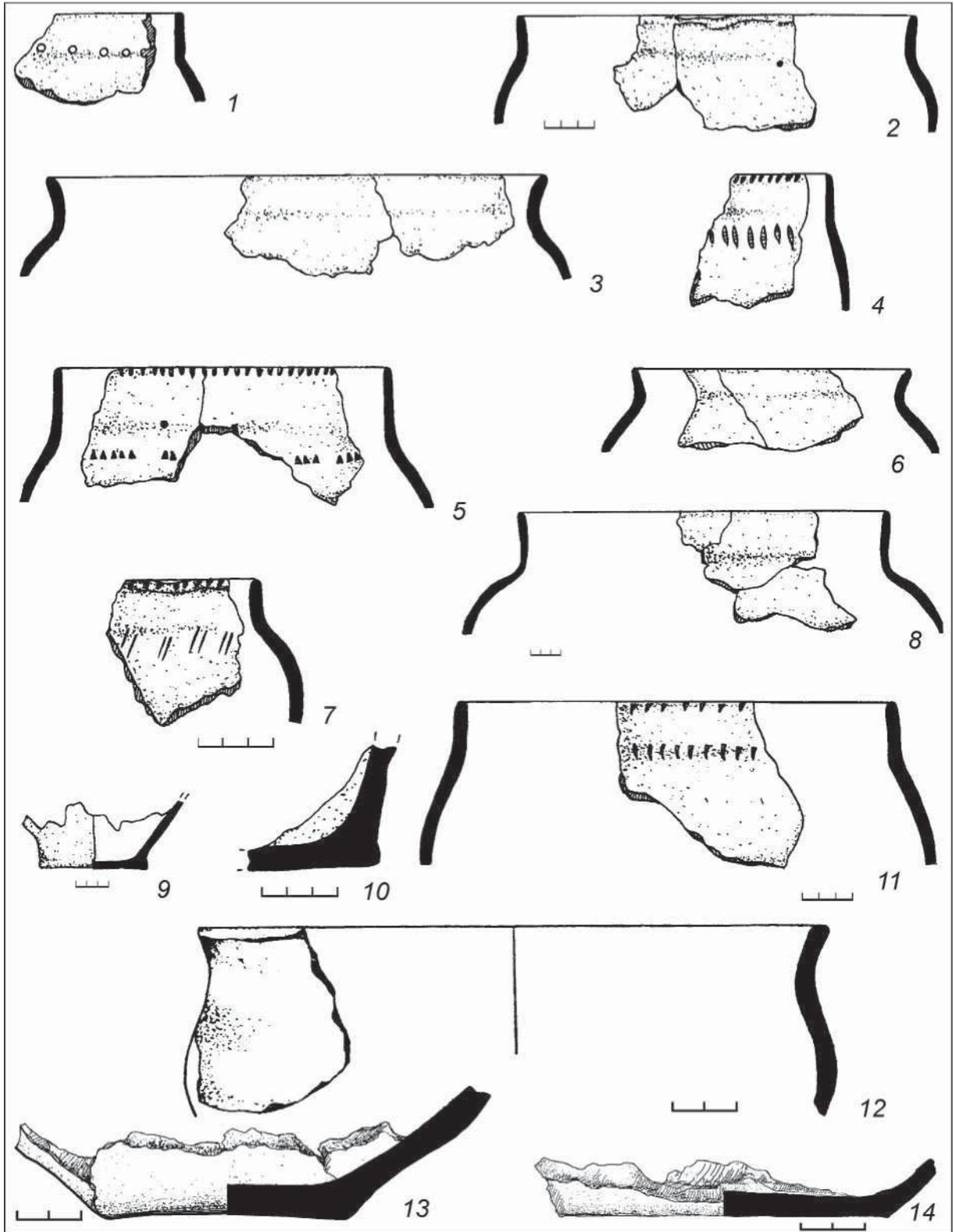

Рис. 9. Кузубаевское I городище: 1–8, 11 – фрагменты венчиков сосудов; 9–10 – фрагменты дна сосудов; Староигринское городище: 12 – фрагмент венчика сосуда, 13–14 – придонные части сосудов.

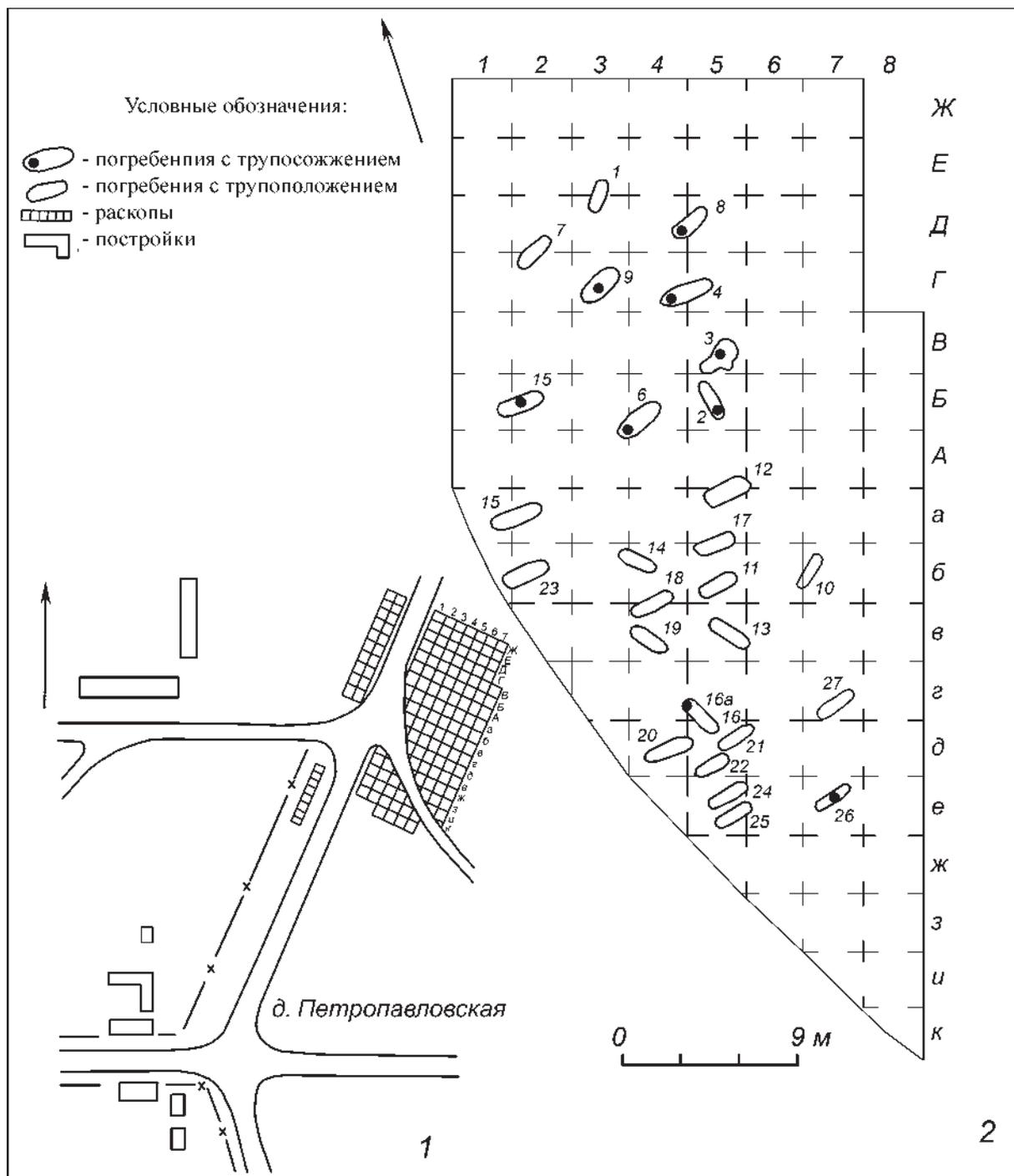

Рис. 10. Петропавловский могильник: 1 – топографический план расположения могильника; 2 – план раскопа (по: Семенов, 1976, рис. 1).

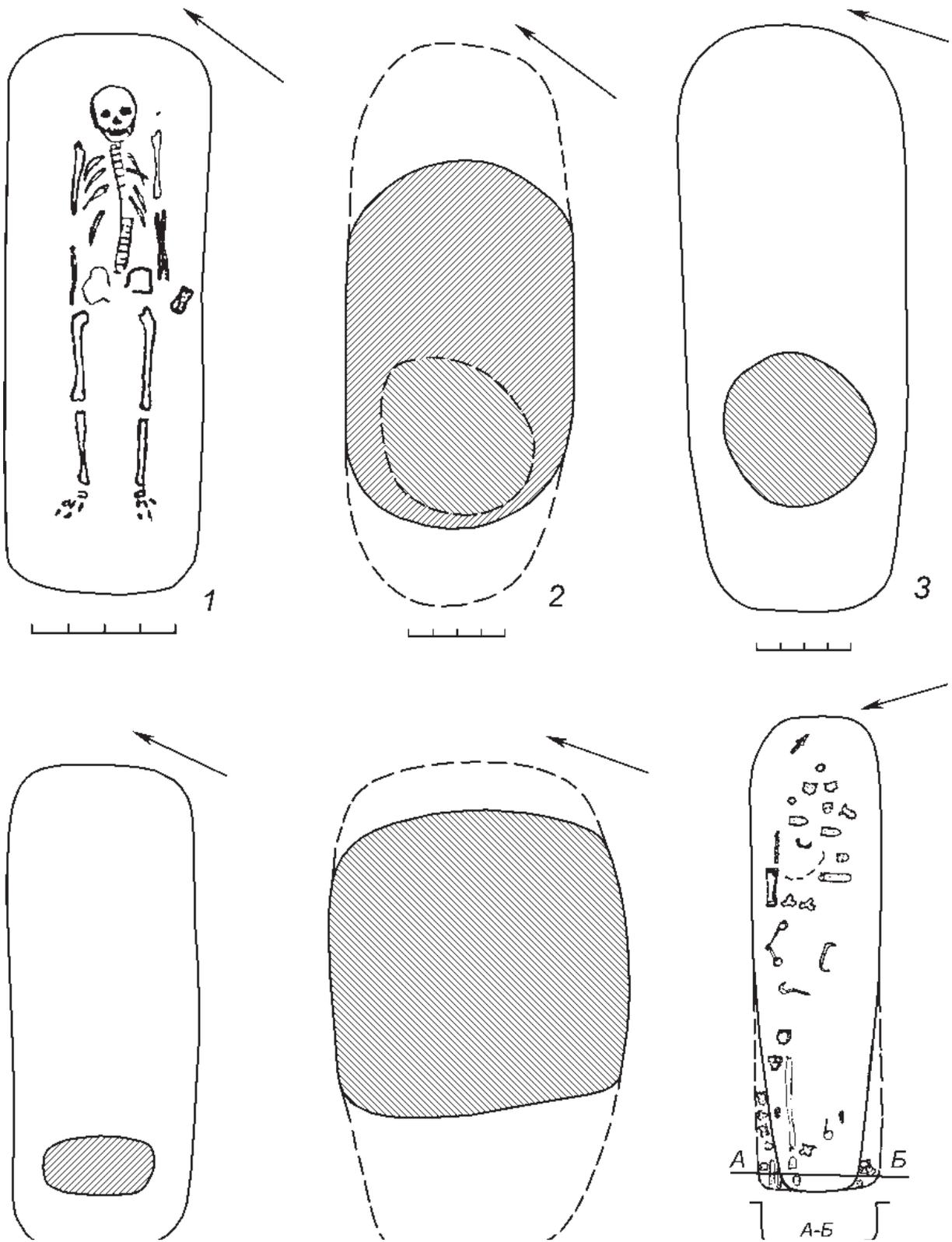

Рис. 11. Петропавловский могильник. Планы погребений: 1 – погр. 1; 2 – погр. 5; 3 – погр. 6; 4 – погр. 8; 5 – погр. 9; 6 – погр. 17 (по: Семенов, 1976, рис. 2–4, 7).

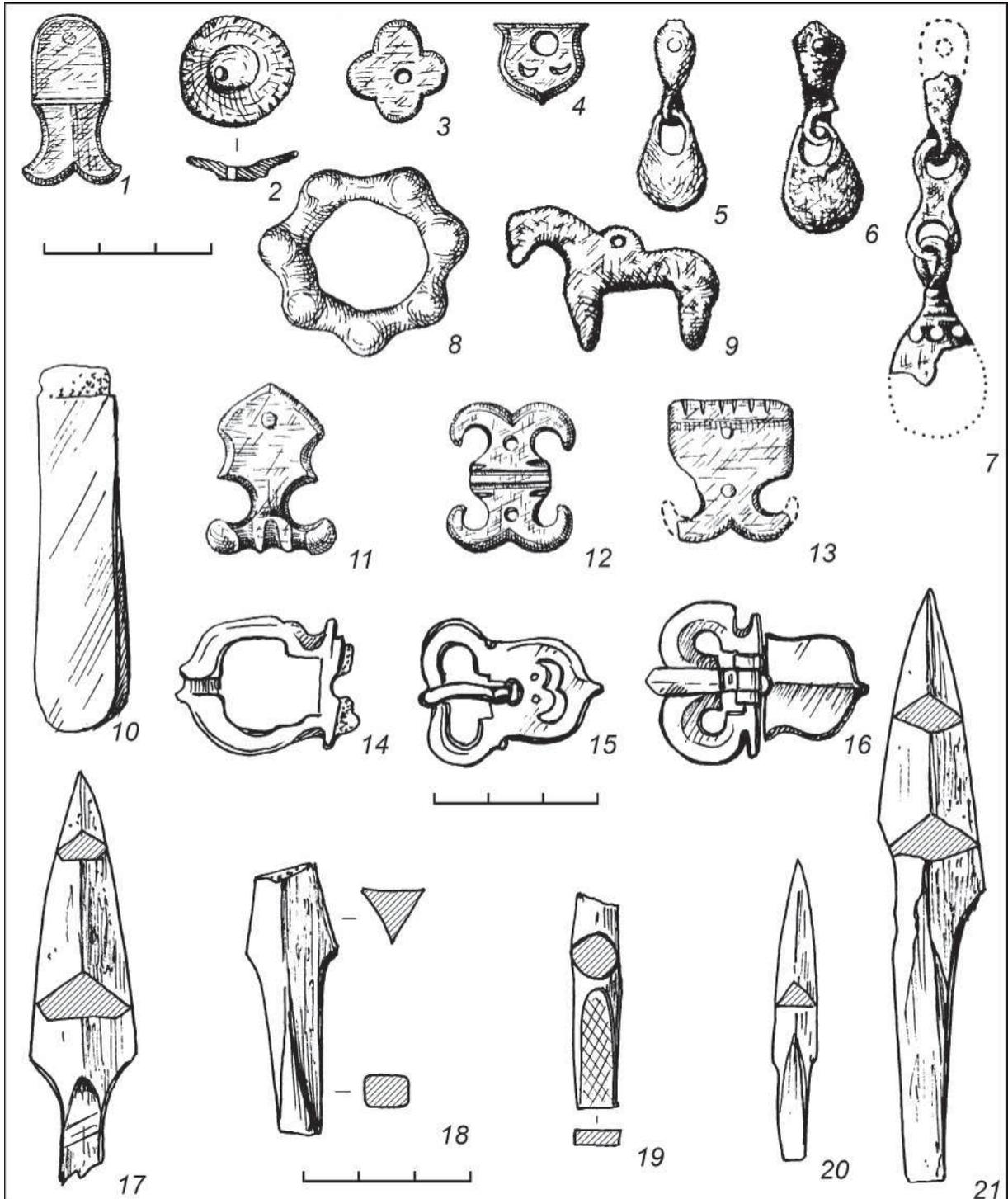

Рис. 12. Вещевой материал из бронзы и кости: 1–16 – Петропавловский могильник; 20 – Верхнеутчанское городище; 17–19, 21 – Кузбаевское I городище (1–16 – бронза; 17–21 – кость).

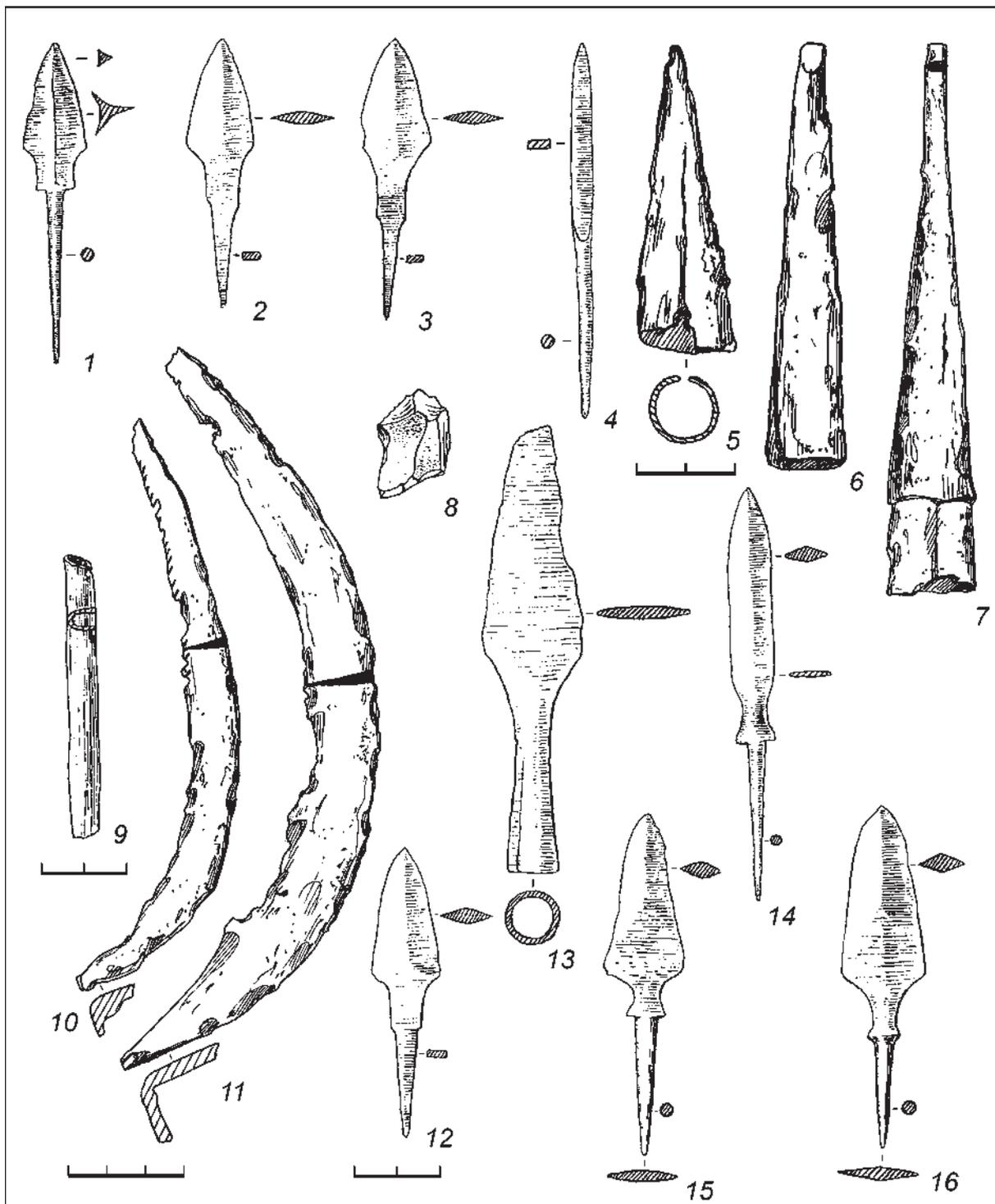

Рис. 13. Вещевой материал Кузубаевского I городища: 1-4, 12-16 – наконечники стрел; 5-7 – втоки; 8 – камень для высекания огня; 9 – трубочка для трута; 10-11 – серпы (1-7, 9-16 – железо; 8 – кремнь).

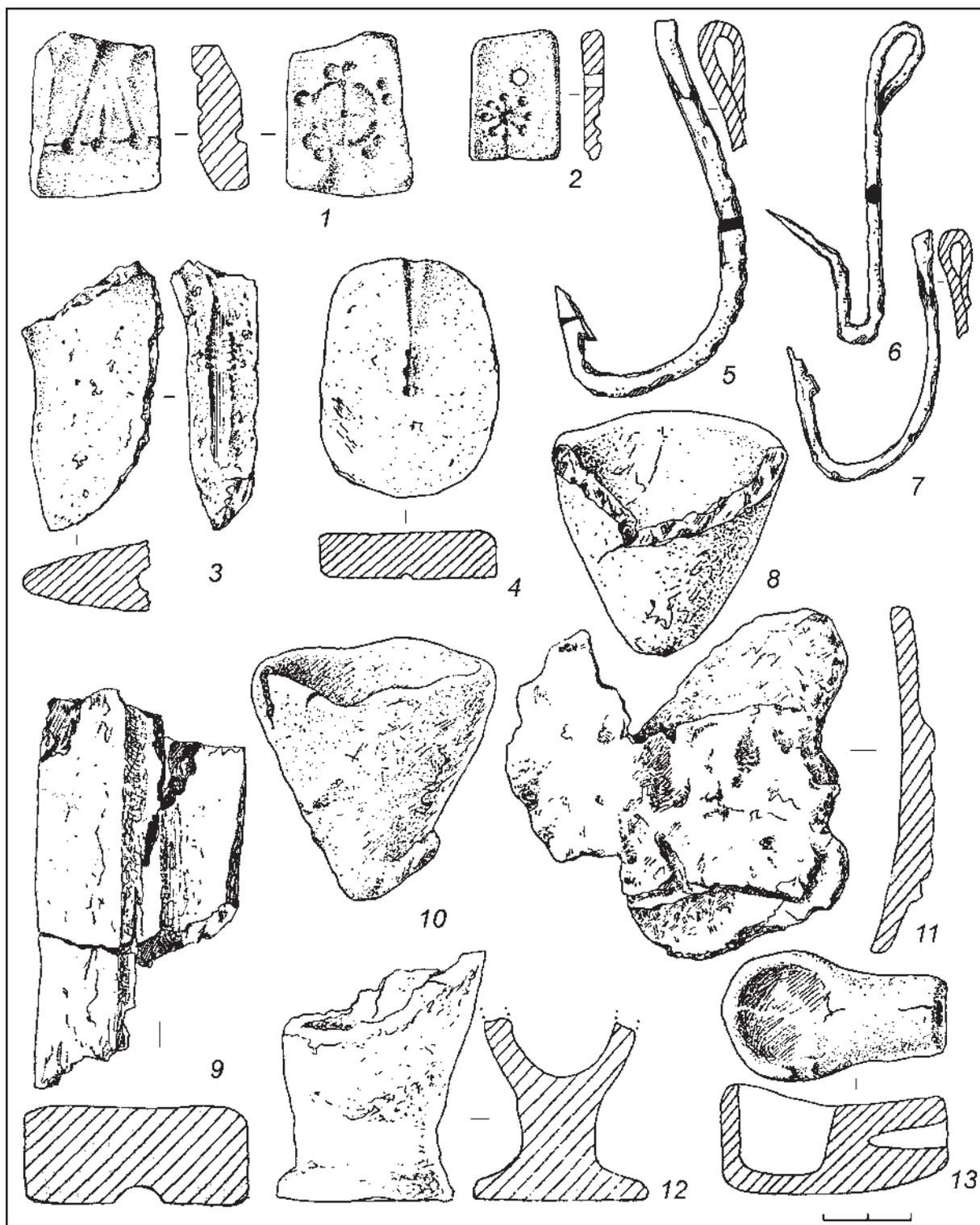

Рис. 14. Кузубаевское I городище. Предметы, связанные с металлургией и ее продукция: 1-4, 9 – литейные формы; 8-9, 12 – тигли; 13 – льячка; 11 – кусок крицы; 5-7 крючки-самоловы (1, 2, 4 – камень; 3, 8-10, 12, 13 – глина; 5-7 – железо; 11 – крица).

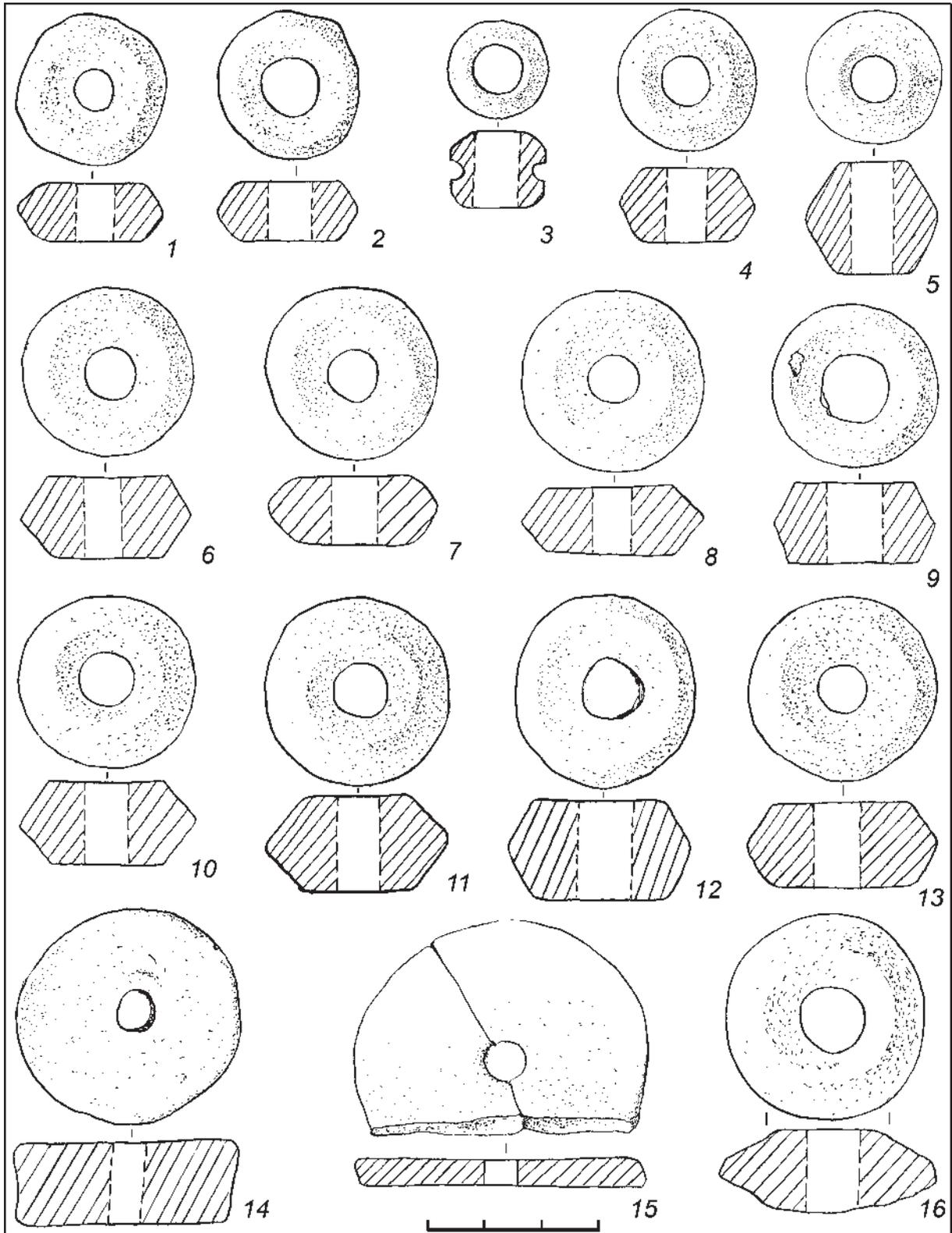

Рис. 15. Кузэбаевское I городище. Пряслица из глины и камня (1-14, 16 – глина; 15 – камень).

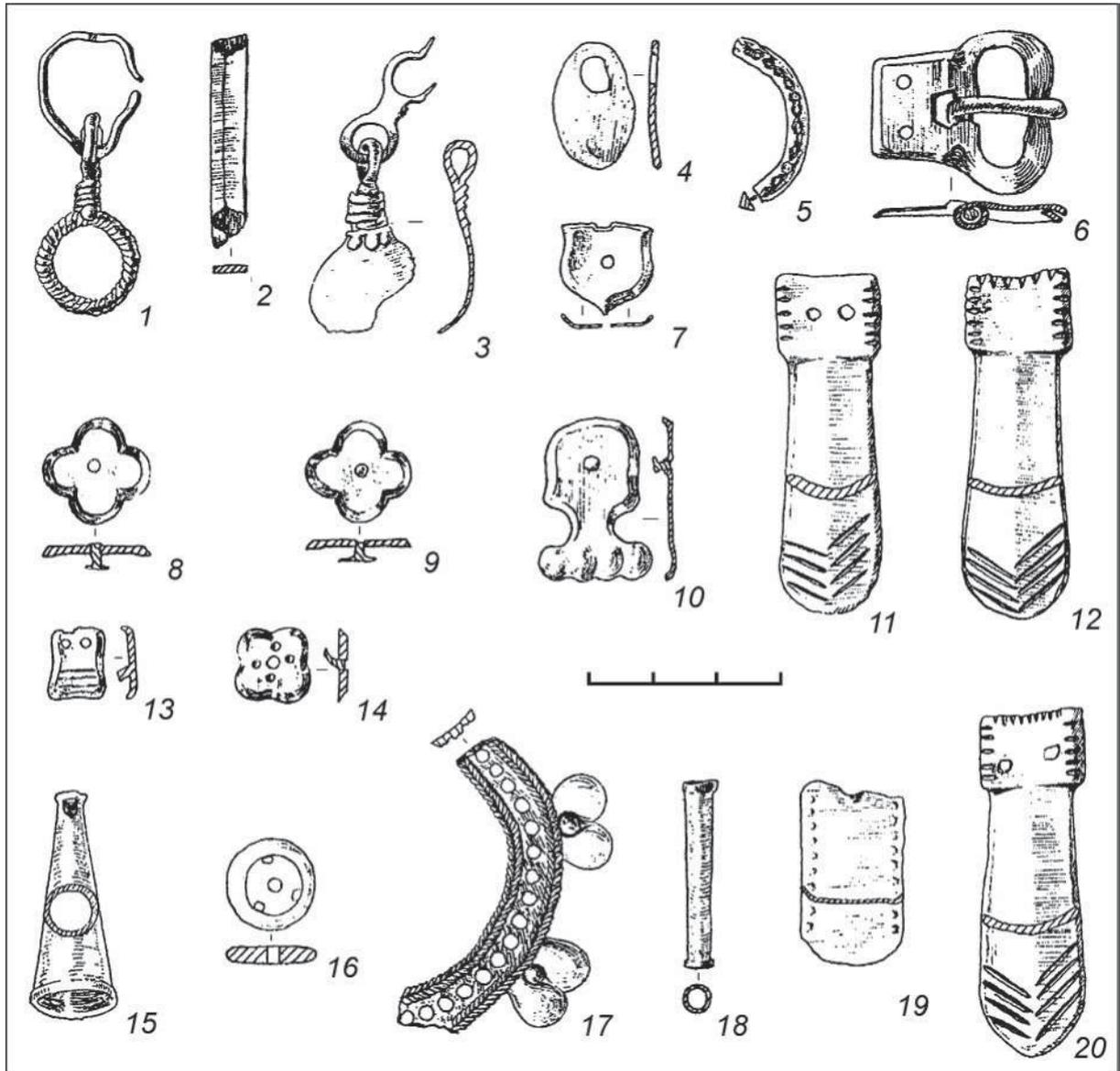

Рис. 16. Кузбаевское I городище. Вещевой материал. 1, 3, 15 – подвески; 4 – привеска; 5 – обломок сьюльгамы (?); 2, 18 – пронизки; 6 – пряжка; 7–10, 13–14 – поясные накладки; 11–12, 19–20 – наконечники ремней; 17 – обломок застежки; 16 – пуговица (1–15, 17–20 – бронза; 16 – кость).

СОКРАЩЕНИЯ

- АК – Археологическая карта
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АО – Археологические открытия. М.
 АПЦЗ – Археологические памятники Центрального Закамья. Казань.
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 АЭ ИЯЛИ – Археологическая экспедиция Института языка, литературы, истории КФАН СССР
 АЭ КФАН СССР – Археологическая экспедиция КФАН СССР
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.
 АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
 БАН – Болгарская Академия наук
 БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей заповедник
 БГУ – Башкирский государственный университет
 БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения РАН
 БСЭ – Большая Советская энциклопедия. М.
 БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
 ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск, Ижевск.
 ВВ – Византийский временник. М.
 ВООПИК – Всесоюзное общество охраны памятников истории культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГОМРТ – Государственный объединенный музей РТ
 ГУП – Государственное унитарное предприятие.
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДАК – Дело Археологической комиссии / Архив ИИМК. СПб.
 ЕГИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ЗАО – Закрытое акционерное общество
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИАК – Императорская археологическая комиссия.
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.
 ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета (упразднен)
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИИЯЛ БФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
 ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
 ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
 ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
 КА – Кабинет археологии
 КАЭ – Казанская археологическая экспедиция
 КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
 КГУ – Казанский государственный университет
 КЕС – Культуры евразийских степей. Самара.
 КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
 КНЦ РАН – Казанский научный центр Российской академии наук
 КОКМ – Кировский областной краеведческий музей
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.

- КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
 МА БГУ – Музей археологии Башкирского государственного университета. Уфа.
 МА КГУ – Музей археологии Казанского государственного университета (ныне Казанского (Приволжского) федерального университета)
 МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
 МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе.
 МАИЭТ – Материалы по археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
 МАР – Материалы по археологии России. СПб., Пг.
 МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл
 МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан Института археологии АН РТ
 МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МАЭ – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований БНЦ УрО РАН
 МГУ – Московский государственный университет
 МДСИКВМ – Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ (упразднен)
 МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского государственного университета. Ижевск.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
 МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Дону.
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
 МК – Материалы конференции
 МК и НП РБ – Министерство культуры и национальной политики Республики Башкортостан.
 МКФУ – Международный конгресс финно-угроведов
 ММС – Материалы международного совещания
 МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики. Саранск.
 МНС – Материалы научного совещания
 НАН Украины – Национальная академия наук Украины
 НИИ при СМ УАССР – Научно-исследовательский институт при Совете министров Удмуртской АССР
 НИР – Научно-исследовательская работа
 НКАЭ ИА АН СССР – Нижнекамская археологическая экспедиция ИА АН СССР
 НМУР – Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда
 НРФ МарНИИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 НЦАИ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
 ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб., Пг.
 ОАО – Открытое акционерное общество
 ОПИ – Отдел полевых исследований
 ПАС – Пензенский археологический сборник. Пенза.
 ПАЭС – Поволжское археолого-этнографическое совещание
 ПГОКМ – Пензенский государственный областной краеведческий музей
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 ПДС – Препринты докладов и сообщений
 ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
 ПКМ – Пермский краевой музей (ранее: Пермский областной краеведческий музей)
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская академия наук
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РСМ – Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей (Серия). М.
 РТ – Республика Татарстан

- РФ – Рукописный фонд
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СКМ – Сарапульский краеведческий музей (ныне: Музей истории и культуры Среднего Прикамья)
ТА – Татарская археология. Казань.
ТАЭ – Татарская археологическая экспедиция
ТГГИ – Татарский государственный гуманитарный институт
ТД – Тезисы докладов
ТДС – Тезисы докладов и сообщений
ТМК – Тезисы международной конференции
ТНК – Тезисы научной конференции
Тр. – Труды
ТЭ – Татарская Энциклопедия. Казань.
ТЭС – Татарский энциклопедический словарь. Казань.
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа.
УАЭ – Удмуртская археологическая экспедиция. Ижевск.
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
Удм. АССР – Удмуртская АССР
УДНИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский научный институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук.
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь.
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН
УКАЭ – Урало-Казахстанская археологическая экспедиция
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской Академии Наук
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УР – Удмуртская Республика
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО АН СССР – Уральское отделение Академии Наук СССР
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии Наук
ФУ – Финноугроведение. Йошкар-Ола.
ХНУ – Харьковский национальный университет
ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук
FU – Finno-Ugrica. Казань.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет –*А.А. Сайфуллин*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 25.12.2017 г. Формат 60x84 ¹/₈
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 34,41.
Тираж 1 000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14